

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Византийское общество: история, право, культура»

Byzantine Society: History, Law and Culture

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022

Том 27. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2022

Volume 27. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2022. Vol. 27. No. 6

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Byzantine Society: History, Law and Culture

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Cand. Sc. *Yu. Ya. Vin* (Moscow)
took the position of the Executive Editors
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022. Т. 27. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Византийское общество: история, право, культура»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Дэннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающими редакторами номера являются канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград); канд. ист. наук *Ю.Я. Вин* (г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

- Кирилко В.П.* Ласпинская капитель с орлами 6
- Майко В.В.* Византийские железные процессионные кресты восточной Таврики 21
- Могаричев Ю.М., Ергина А.С.*
Храм «Трех всадников» (Эски-Кермен, Юго-Западный Крым): проблемы хронологии и интерпретации росписей 30
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.*
Византийские осветительные приборы из главной базилики города на плато Эски-Кермен 46

ВИЗАНТИЙСКАЯ СФРАГИСТИКА

- Алексеевко Н.А.*
Две печати Феодора (Г'ороса) Хетума (Хетама): *pote* к византийской просопографии 57
- Евдокимова А.А.* Системы акцентуации византийских моливдовулов XIII–XV вв. из коллекции Dumbarton Oaks 65

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

- Грацианский М.В.* Спор Никеи и Никомидии на Халкидонском соборе за статус митрополии: гражданский аспект 74
- Захаров Г.Е.* 9-е и 17-е правила Халкидонского собора 451 г. в свете западного соборного наследия IV века 90
- Лурье В.М.* Пять Анастасий и две Февронии: экскурсия по лабиринту легенд об Анастасии. Часть вторая. Римское досье. I. Анастасия между Аквилеей и Римом. 1а. От Аквилеи обратно к ранней римской легенде [На англ. яз.] 98
- Сенина Т.А. (монахиня Кассия).*
Изображение иконоборческих императоров в византийских службах в честь исповедников иконопочитания 131
- Щукин Т.А.* Григорий Палама как критик платоновской теории идей 143

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

- Войтенко А.А.* Египтяне и Византия. К вопросу о политической субъектности в поздней Античности 156
- Лафлы Э., Буора М.* Амвонная плита из Измира с изображением двух павлинов. Изображения павлинов в византийской архитектурной скульптуре Малой Азии [На англ. яз.] 171
- Йежек В.* Почему я должен стать христианином? «Христианская легенда» в контексте византийской мысли [На англ. яз.] 211

Ширинян М.Э.С.

Порядок книг Соломоновой трипартиты согласно раннехристианским, ранневизантийским и средневековым армянским толкователям 237

Ендольцева Е.Ю., Шевченко Д.В.

Некоторые геометрические мотивы на Кавказе и в Каппадокии в эпоху Средневековья: размышления об их истоках и смысле 255

Чахидзе В.Н. Новые находки нательных крестов на территории исторической Алании 276

Виноградов А.Ю. Новые памятники вещевой эпиграфики с северной периферии византийского мира 284

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО

- Цибранска-Костова М.* Маршруты средневековых славянских юридических текстов: Византийский земельный закон в *Ms. Slav. 466* из Хиландарского монастыря [На англ. яз.] 298
- Вин Ю.Я.* Концепт «res publica» и его рецепция в византийском праве: транслитерации 310

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- Назаров А.Д.* Набор в войска как средство умиротворения византийских окраин: чаны в императорской армии VI столетия 339
- Зыкова А.В.* Константинопольский патриархат и гражданские войны в Византии в середине XIV в. (к постановке проблемы) 348

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД

- Куц Т.В.* «По обычаю греческой земли»: дипломатический прием в Византии в описании Жильбера де Ланнуа 357
- Харрис Дж.* Жалкий принц? Андрей Палеолог в Риме (1464–1502 гг.): обновленная версия 368

Рецензенты журнала в 2022 г. 384

CONTENTS

BYZANTINE TAURICA

- Kirilko V.P.* Capital with Eagles from Laspi 6
- Maiko V.V.* Byzantine Iron
Processional Crosses of Eastern Taurica 21
- Mogarichev Yu.M., Ergina A.S.*
The Temple of the “Three Horsemen” (Eski-Kermen,
South-West Crimea): On Issues of Chronology
and Interpretation of Paintings 30
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A.*
Byzantine Lighting Devices
from the Main Basilica of the City
on the Eski-Kermen Plateau 46

BYZANTINE SPHRAGISTICS

- Alekseienko N.A.*
Two Seals of Theodore (T’oros) Het’oum (Hetames):
A Note to the Byzantine Prosopography 57
- Evdokimova A.A.* The Accentuation Systems
in the Byzantine Seals of the 13th – 15th Centuries
from the Collection of Dumbarton Oaks 65

BYZANTINE ORTHODOXY

- Gratsianskiy M.V.* The Dispute Between Nicaea
and Nicomedia over the Status of *Metropolis*
at the Council of Chalcedon: The Civic Aspect 74
- Zakharov G.E.* The Canons 9 and 17
of the Council of Chalcedon (451) in the Light
of the Western Synodal Heritage of the 4th Century 90
- Lourié B.* Five Anastasiae and Two Febroniae:
A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends.
Part Two. The Roman Dossier. I.
Anastasia Between Aquileia and Rome.
1a. From Aquileia back to the Early Roman Legend 98
- Senina T.A. (nun Kassia).*
Representation of the Iconoclast Emperors
in the Byzantine Offices
in Honour of the Confessors of Iconoduly 131
- Schukin T.A.* Gregory Palamas’ Criticism
of Plato’s Ideas 143

PERIPHERY OF THE BYZANTINE WORLD.

ISSUES OF HISTORY AND CULTURE

- Voytenko A.A.* Egyptians and Byzantium.
On the Question of Political Subjectivity
in Late Antiquity 156
- Lafli E., Buora M.* A Slab from Izmir
with Two Peacocks.
Depictions of Peacocks in Byzantine
Architectural Sculpture of Asia Minor 171
- Ježek V.* Why Should I Become a Christian?
The “Kristian Legend”
in the Context of Byzantine Thought 211

Shirinian M.E.S.

The Order of the Books in Solomon’s Tripartite
According to Early Christian, Early Byzantine
and Medieval Armenian Interpreters 237

Endoltseva E.Yu., Shevchenko D.V.

Some Geometrical Motifs in Caucasus
and in Cappadocia in the Middle Ages:
Meditations About Its Origin and Interpretation 255

Chkhaidze V.N. New Findings of Crosses
on the Territory of Historical Alania 276

Vinogradov A.Yu. New Inscriptions
on *Instrumenta* from the Northern Periphery
of the Byzantine World 284

BYZANTINE LAW

Tsibranska-Kostova M. Itineraries of Medieval
Slavic Legal Texts:
Byzantine “Farmer’s Law” in *Ms. Slav. 466*
from Hilandar Monastery 298

Vin Yu.Ya. The Concept “Res Publica” and Its Reception
in Byzantine Law: Transliterations 310

POLITICAL HISTORY OF THE BYZANTINE

EMPIRE

Nazarov A.D. Military Recruitment
as a Means of Pacification of the Byzantine Periphery:
Tzani in the Imperial Army (6th Century) 339

Zykova A.V. The Patriarchate of Constantinople
and the Civil Wars in Byzantium in the Middle
of the 14th Century (Stating the Problem) 348

BYZANTIUM AND THE WEST

Kushch T.V. “According to Custom of the Greek Land”:
Diplomatic Reception in Byzantium
as Described by Ghillebert De Lannoy 357

Harris J. A Worthless Prince? Andreas Palaiologos
in Rome 1464–1502: The Renewed Version 368

Reviewers of the Journal in 2022 384

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.1>

UDC 72.04(477.75)“9”
LBC 85.11

Submitted: 04.01.2022
Accepted: 25.05.2022

CAPITAL WITH EAGLES FROM LASPI

Vladimir P. Kirilko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In 1978–1980, during the excavations of a 10th–11th century’s house in Laspi, were found fragments of marl capital, which was decorated with eagle figurines. The aim of the study is reconstruction of this architectural detail and the introduction of the artifact into scientific circulation. *Methods.* The methodological basis of the studies is made up of a detailed description, graphic interpretation and formal-stylistic analysis of the fragments. The method of analogies is used in restoring of structural links and identifying of individual elements, which were completely or partially lost. *Analysis.* Among the surviving fragments all the main parts are represented. They do not fit together, but structurally and compositionally complement each other, which makes it possible to relatively reliably restore the original appearance of an architectural detail. The capital consisted of two zones and had exquisite carved decor. The relief images of the birds that supported the edges of the abacus are made with the utmost anatomical precision. The lower part of the artifact was decorated with four identical leaves of acanthus, which were made using the technique of a small tooth. Each of them was framed by an arch. *Results.* The capital is a unique piece of local stone sculpture of the 10th century, exact analogies of which are unknown neither in the territory of Crimea, nor over its borders. While it was making, the master could use an early Byzantine product as a sample, which was subsequently lost or has not yet been found.

Key words: Laspi, Byzantine art, stone sculpture, architectural decor, capital.

Citation. Kirilko V.P. Capital with Eagles from Laspi. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 6–20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.1>

УДК 72.04(477.75)“9”
ББК 85.11

Дата поступления статьи: 04.01.2022
Дата принятия статьи: 25.05.2022

ЛАСПИНСКАЯ КАПИТЕЛЬ С ОРЛАМИ

Владимир Петрович Кирилко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В 1978–1980 гг. при раскопках дома X–XI вв. в Ласпи были обнаружены разрозненные обломки капители из мергеля, которую украшали фигурки орлов. Целью исследования является реконструкция этой архитектурной детали и введение находки в научный оборот. *Методы.* Методологическую основу исследования составляют подробное описание, графическая интерпретация и формально-стилистический анализ фрагментов, в наибольшей степени способствующие раскрытию характерных особенностей лапидарного материала. При восстановлении полностью или частично утраченных структурных связей и идентификации отдельных элементов используется метод аналогий. *Анализ.* Среди сохранившихся обломков

представлены все основные части изделия. Между собой они не стыкуются, но структурно и композиционно друг друга дополняют, что позволяет относительно достоверно восстановить первоначальный облик архитектурной детали. Капитель была двузонной, имела изысканный резной декор. Рельефные изображения птиц, поддерживавшие края абака, выполнены с предельной анатомической точностью. Нижнюю часть изделия украшали четыре одинаковых листа мелкозубчатого аканта, каждый в арочном обрамлении. *Результаты.* Капитель является уникальным произведением местной каменной пластики X в., точные аналогии которому неизвестны ни на территории Крыма, ни за его пределами. При ее изготовлении мастер мог использовать в качестве образца ранневизантийское изделие, впоследствии утраченное или пока еще не найденное.

Ключевые слова: Ласпи, византийское искусство, каменная пластика, архитектурный декор, капитель.

Цитирование. Кирилко В. П. Ласпинская капитель с орлами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 6–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.1>

Введение. Византийские капители с изображениями животных принадлежат к числу сравнительно редко встречающихся произведений каменной пластики [17; 21, Taf. 30–32; 25; 22; 27; 15, с. 28–29, 47–48; 26, Taf. 55–62; 19, S. 143–166, Taf. 55–62; 24, p. 49–54, 77–79, fig. 8, 18, 110–128, 131, 133–136, 198–205, 213, 216, 221; и др.]. В Крыму они представлены единичными примерами [1, с. 25–27; 16, с. 135, прим. 2, рис. 46; 11, с. 316, рис. 1]. Целью исследования является реконструкция и введение в научный оборот малоизвестного изделия, разрозненные фрагменты которого были обнаружены в 1978–1980 гг. при раскопках дома X–XI вв. в Ласпи.

Методы. По мнению руководителя работ О.И. Домбровского, капитель «была украшена резными изображениями фантастических птиц или грифонов» [3, с. 531]. Е.А. Паршина, публикуя краткие сведения о результатах многолетнего изучения памятника, сообщает лишь то, что найдены «обломки капителей, украшенных листьями аканфа» [6, с. 321], хотя в коллекционной описи, составленной ею непосредственно в ходе раскопок, такой информации нет [7]. Остальная полевая документация экспедиции (дневники, обмерные чертежи, рисунки и фотоснимки), а также отчеты, которые могли бы способствовать идентификации артефактов, равно как достоверному определению исторического и культурного контекста лапидарного материала, до сих пор не выявлены [4]. Сами находки хранятся в Ялтинском историко-литературном музее.

На данном этапе исследований известны еще два варианта интерпретации этой архитектурной детали. А.Ю. Виноградов назвал изделие «коринфской капителью с изображе-

ниями орлов по углам», но предметно им не занимался [20, V 236]. С.Б. Сорочан также находку лишь упоминает, определяя ее как «фрагмент капители с изображением на углах звериных голов» [8, с. 95–96].

В настоящее время все уцелевшие части изделия тщательно изучены в натуре и обмерены, что позволяет не только соотнести каждый обломок с определенным местом архитектурной детали, но также получить общее представление о композиции и пластике капители. Методологическую основу исследования составляют подробное описание, графическая интерпретация и формально-стилистический анализ находок, в наибольшей степени способствующие раскрытию характерных особенностей лапидарного материала. При восстановлении полностью или частично утраченных структурных связей и идентификации отдельных элементов используется метод аналогий. Непреходящую ценность имеет накопленный многими поколениями исследователей опыт изучения подобных произведений искусства, представляющий собой критическое осмысление античного и средневекового культурного наследия, подкрепленное конкретными примерами.

Анализ. Поддается определению модуль изделия, который является основной единицей измерения при построении архитектурных ордеров [2; 5]. Его значение сообщает уцелевший большой фрагмент круглой колонки, завершением которой служила данная капитель. Верхний радиус фуста равен 12,7 см. Поскольку ордер принадлежит к числу сложных, этот размер соответствует $\frac{5}{6}$ модуля [5, с. 69, 76], а значит, величина последнего при переводе в метрическую систему мер долж-

на составлять 15,2 см. Согласно теории классических архитектурных форм, коринфская капитель обычно имеет высоту $2\frac{1}{3}$ модуля, причем ее абак в плане вписывается в окружность диаметром 4 модуля, что равно 35,6 см и 61 см соответственно [2, табл. XXV; 5, с. 78–80, табл. 19].

Вместе с тем нельзя не учитывать исключительно важные результаты исследований А.Л. Бертье-Делагарда, выделившего «характерные черты, свойственные вполне установившемуся византийскому стилю, сделавшему в этом отношении немало отступлений от античных правил». Сравнивая между собой архитектурные детали, найденные при раскопках Херсонеса, он пришел к выводу о том, что колонна становится приземистее, не имеет энтазиса и приобретает коноидальную форму. Причем сужение фуста кверху намного меньше классического и составляет около $\frac{1}{9}$ – $\frac{1}{10}$ нижнего диаметра [1, с. 23–24].

Убедительным подтверждением наблюдениям ученого является почти цилиндрический ствол ласпинской колонки. Учитывая изменения, произошедшие с коринфским ордером в византийское время, возможно получение дополнительных показателей, необходимых для реконструкции размеров исследуемой капители. Исходя из пропорций, обозначенных А.Л. Бертье-Делагардом, величина нового модуля колеблется в пределах 14,1–14,3 см. Следовательно, высота всего изделия и диагональ абак в среднем должны составлять примерно 33,1 и 56,8 см.

Небезынтересным является сравнение с другими капителями, украшенными рельефными изображениями животных. Особого внимания заслуживает одна из них, случайно найденная в Херсонесе. Хотя она и отличается своим скульптурным убранством, использующим вместо фигурок орлов протомы баранов, величина ее нижнего основания была абсолютно такой же, как и у ласпинского изделия, – 10 дюймов (= 25,4 см) [1, с. 26; 11, рис. 1, 25]. К тому же ее абак, имевший ширину 17 дюймов (= 43,2 см), четко вписывается в окружность диаметром 61 см, характерную для классических образцов. Высоту архитектурной детали автор обмерного чертежа не указывает, но, судя по масштабу, она (с астрагалом) была равна 13 дюймам (= 33 см), что в опре-

деленной степени сопоставимо с результатами, полученными согласно выводам А.Л. Бертье-Делагарда. Поскольку оба изделия композиционно и стилистически между собой достаточно близки, более того, имеют одинаковые модули, то с учетом изменения классических пропорций, произошедшего в византийское время, основные размеры ласпинской капители теоретически могут быть реконструированы следующим образом: диаметры оснований – 25,4 и 61 см, ширина абак – 43,2 см, высота – в пределах от 30,5 до 33,1 см.

Уверенно можно судить о завершении архитектурной детали. Абак представлял собой квадратную плиту с усеченными на углах краями и дуговыми в плане передней, боковыми и тыльной сторонами (соответственно, А, В, D и С), каждая из которых посередине имела прямоугольный выступ, оформленный в виде восьмилепесткового цветка.

Показательным является крупный обломок плиты (рис. 1, 3), принадлежавший средней части одной из боковых (В, D) или тыльной (С) сторон детали. По отношению к верхней плоскости лицевая грань изделия скошена под углом 79° . Нижняя поверхность в этом месте расположена почти горизонтально. Высота абак – 5,6 см. По направлению к краям она уменьшается.

Лепестки цветка остроконечные с продольными желобками, имеют разную форму и величину. Серединка круглая. Ближайшей аналогией украшению является розетка капители из мечети Альхама в Кордове, датированной IX в. [23, SM0621, fig. 7–10]. Остальной декор абак, симметрично располагавшийся справа и слева от изображения цветка, на фрагменте средней части плиты почти не сохранился. Вместе с тем относительно неплохо он представлен целым рядом других обломков архитектурной детали, которые позволяют уверенно определить его рисунок, размеры и характерные особенности. Использовалось всего два варианта орнаментального мотива, лишь немного отличавшиеся между собой.

Первый, имевший более сложную пластику, мог находиться на главной стороне (А) капители (рис. 1, 6; рис. 2, 2, 4–7). Образующие его стилизованные листики представляли собой однотипные плоские плас-

тины в виде параллелограмма с округлыми боками, плотно расположенные по отношению друг другу в один ряд уступами. Каждый из них наискось по длинной диагонали украшен треугольным в сечении желобком ладьеобразной формы, имитирующем жилку.

Второй вариант орнамента отличался от первого только отсутствием врезных жилок (рис. 1, 1–3). Вероятнее всего, он предназначался для боковых и задней поверхностей абака. Подтверждением вывода являются два сохранившихся угловых фрагмента плиты. На одном из них представлены обе разновидности декора (рис. 2, б), принадлежавшие сторонам А и В изделия. Между собой они разделены треугольной в сечении вертикальной выемкой, расположенной на торце абака посередине. Второй обломок, с частично уцелевшим задним краем завершения капители, демонстрирует применение на смежных фасадах исключительно упрощенной версии орнамента – в виде листьев без жилок (рис. 1, 1).

Внизу абак был обрамлен узким пояском, прерывавшимся лишь розетками. Его крайние участки в плане почти прямолинейные. Угол между ними на смежных фасадах равен 72° . Кривизна сторон плиты была менее выраженной, чем в классических образцах. Радиус дуги – 82,9 см. Размеры торца угловой части абака: ширина – 1,8 см, высота – 4,2–4,5 см.

Ближайшей аналогией декоративным элементам ласпинского изделия, являются так называемые чешуйки капителей, найденных при раскопках двух мангупских храмов – Большой базилики и церкви в Рогуз-Дере [10, рис. 10, 12]. Снизу они также обрамлены узким пояском и подобно второй, упрощенной версии орнамента не имеют диагональных углублений, имитирующих жилки. Другие образцы сходных растительных мотивов представлены целым рядом ранневизантийских изделий [19, Taf. 2, 11, 15, 25, 29, no. 9, 156, 198, 389, 395, 462; 12, с. 155, рис. 8; 14, рис. 27; и др.]. Показательный пример первого варианта орнамента, причем с достаточно натурально изображенными листиками, демонстрирует мраморная капитель V в. из раскопок базилики 1935 г. в Херсонесе [13, с. 50, ил. 9–10].

Края ласпинского абака снизу поддерживались одинаковыми фигурками орлов. На двух фрагментах частично уцелели верхние половины горельефов (рис. 1, 1; 2, б). Остальные обнаруженные обломки – мелкие, принадлежали третьей и четвертой скульптуркам, практически полностью утраченным (рис. 2, 1–3, 8, 9, 11–13). Птицы изображены с предельной анатомической точностью. Особое внимание обращают на себя глубокая эмоциональная наполненность и исключительная художественная выразительность изделий, а также тщательная проработка деталей.

Судя по лучше всего сохранившемуся фрагменту (рис. 2, б), голова орла примыкает к абаку затылком, без просвета над шеей. Клюв был направлен вниз. Надбровные дуги слегка приподняты и четко выделены, украшены изображением нитевидных перьев. Глаза большие и выразительные, имеют разрез, придающий им вид человеческих. Их формы правильные, с красивыми и упругими очертаниями век. Поверхность глазного яблока сферическая. Зрачок круглый глубокий, в сечении конусовидный, по отношению к центру немного смещен вперед. Отверстие аккуратно просверлено. Основание надклювья сверху обозначено уступом и украшено пятью прямыми штрихами.

Оперение представлено четырьмя видами перьев. Кроме гладкой манишки на грудке, выделяется покров головы и основной части тела. Перья на лбу и темени ромбические, одинаковой величины. Они расположены уступами со смещением относительно друг друга, равномерно заполняя всю поверхность. Каждое украшено тремя желобками – двумя в виде канта вдоль внешних боков и одним продольным посередине, имитирующим стержень. Подобную форму и пластику имеет также оперение основной части тела, отличается лишь более крупными размерами элементов. При этом два верхних ряда покрова по отношению друг к другу расположены без смещения, тем самым мастер четко разделил скрытые оперением части фигуры – голову и корпус. Верхний ряд перьев последнего находится на одном уровне с ушной раковиной. Поверхность между ним и нижним веком заполнена короткими вертикальными штрихами, имитирующими щетинки. Аналогично

выглядит также оперение бровей и основания клюва. Достоверных сведений о пластике полностью утраченных крыльев нет.

Представление о других деталях позволяет получить фрагмент второй фигурки орла (рис. 1, 1). Подклювье массивное широкое, своими очертаниями в плане сопоставимо с правильным треугольником. Сверху посередине четко выделяется площадка овальной формы с немного выпуклой и тщательно сглаженной поверхностью, изображавшая корневую и среднюю часть языка. Бугорок оконтурен мелкими углублениями и плохо сохранившимся бортиком. В нескольких местах кромки имеются различного рода прямолинейные насечки технологического характера, одна из которых, в виде полукруглого желобка, оставлена сверлом. Следовательно, клюв был приоткрыт, что придавало птице хищное выражение.

Уши относительно друг друга визуально находятся на разных уровнях, что, возможно, вызвано небольшим разворотом головы. Они имеют почти одинаковую форму, причем левое вплотную примыкает к краю абака, тогда как правое по отношению к нижней плоскости плиты расположено с зазором. Ушные раковины в виде полумесяца, пухлые. Слуховые отверстия конусообразные, разной глубины. В двух случаях, известных по другим фрагментам, они едва намечены (рис. 2, 1, 2).

Плечевой край левого крыла находится в 3,5 см от уха (рис. 1, 1). Он представляет собой сильно поврежденную небольшую округлую выпуклость с продольными желобками. На таком же расстоянии, но только с правой стороны фигуры имеется характерный скол лицевой поверхности, образовавшийся вследствие утраты второго крыла. Рядом с ним, спереди, наблюдается небольшая западина с изображением оперения, появление которой могло обуславливаться необходимостью придать рельефу большую выразительность. Судя по незначительной высоте уцелевшего выступа, крылья были прижаты к телу.

Фрагмент второй фигурки орла сообщает также дополнительные сведения о пластике перьевого покрова. Щетинки под левым глазом представлены в виде коротких прямых штрихов, расположенных в два ряда. На том же месте справа они уцелели только в районе

подклювья. Изображающие их бороздки длиннее, под наклоном отогнуты назад, нанесены более густо в один ряд. Перьевые пластины в нижней части головы слева, отличаясь от смежного с ней покрова тела меньшими размерами, под наклоном переходят на горло. Подобная ситуация, правда, менее выраженная из-за утрат, наблюдается также и с правой стороны.

Обращает на себя внимание обломок с изображением оперения, равномерно покрывающего сложнопрофилированную поверхность (рис. 2, 10). Поперечное сечение рельефа со стороны головы дуговидное, на противоположном конце оно уплощается. Граница между ними обозначена складкой, выпуклость которой в нижней части может быть отождествлена с краем бедра. Выступ сколот по ломаной линии, следовательно, примыкавшая к нему в этом месте утраченная часть детали должна была иметь зигзагообразную форму. Вероятнее всего, здесь находился побег зубчатого аканта, который закрывал собой стык между протомами. Существование подобного декоративного элемента подтверждается наличием овального скола на нижней плоскости абака, расположенного точно под розеткой (рис. 1, 3). Близкой ему аналогией является растительный мотив капители II в. из Национального археологического музея в Аквилее [18, AMAN071]. Композиционно с ним сопоставимо резное убранство ранневизантийской капители с орлами, экспонируемой в музее Афиона [24, p. 57, fig. 136].

Судя по сохранившимся фрагментам, эта деталь представляла собой однодольный акантовый лист с плоской поверхностью и зубчиками разной величины (рис. 1, 4, 5). В продольном направлении она слегка выпуклая, а ее середина отмечена прямолинейной выемкой с округлыми краями. Все кончики левой половины побега имеют треугольные в сечении широкие желобки, подобные жилкам абака. Правая сторона гладкая. Необычно выглядит верхняя часть детали. Она выделяется четко выраженной стрелчатой формой, чем отличается от обычно используемой в таких случаях трапецевидной конфигурации, и могла продолжаться стеблем, соединявшим ее с розеткой. Высота рельефа – 1,5–1,8 см.

Уверенно можно судить о пластике и декоративном убранстве нижней половины капители. Основным элементом композиции является многодольный лист мелкозубчатого аканта в арочном обрамлении, представленный одним крупным и несколькими маленькими фрагментами (рис. 3, 1–13). Лицевая поверхность левой половины основного обломка уцелела почти везде, тогда как его правая сторона сильно повреждена, а местами полностью утрачена (рис. 3, 5). Жилка парная, состоит из двух валиков, немного расширяется книзу. В верхней части посередине она заканчивается небольшим выступом с округлыми краями, обозначившим место отгиба центрального сегмента листа. Учитывая симметричность декоративного элемента и наличие четко выделенной вертикальной оси, остатки отдельных выемок на разрушенных участках дают возможность достоверно реконструировать недостающие детали. Сами углубления сначала были просверлены, затем стамеской им придавалась окончательная форма. Высота рельефа на этом уровне составляет около 1,4–1,7 см, выше она плавно увеличивается до 4,8 см, обуславливая наклон лицевой поверхности. В тех местах, где внешние углы зубчиков утрачены или сильно повреждены, на смежной с ними боковой кромке соседней доли листа (обычно дуговидной и без выступов) сохранились остатки перемычек, которые позволяют точно определить расположение сколотых элементов и воссоздать их первоначальный вид. Прожилки обозначены посредством криволинейных бороздок. Относительно основной оси они расположены несимметрично, хотя при этом весь рельеф, судя по уцелевшим выемкам между зубчиками, с обеих сторон имел почти одинаковые очертания.

То, как выглядел низ аканта, достоверно восстанавливается благодаря частично сохранившейся лицевой поверхности левого края листа и характерным сколам в местах примыкания к ней смежных элементов (рис. 3, 5). С другими подобными обломками она не стыкуется, но с ними сопоставима и взаимно дополняема. Из числа последних наиболее информативным является фрагмент с парной жилкой (рис. 3, 9), который вместе с остальными находками (рис. 3, 5, 7, 8) позволяет

получить практически полное представление о композиции орнаментального мотива. На этом обломке наряду с зубчиками аканта частично уцелела самая нижняя прожилка, имевшая обычный для данного элемента вид криволинейного желобка с плавно скругленными краями. Слева к этой прожилке зеркально примыкает аналогичное углубление и образует вместе с ней завершение небольшого остроугольного выступа, расположенного между ними. Внизу оно изгибалось по параболе, а затем симметрично трансформировалось в еще одну выемку, подобную той, что находилась справа, у двойного стебля. В результате левый край раппорта и, собственно, всего орнаментального мотива рельефа оказывался между соседними рамками. Следовательно, в пределах акантового листа умещалось три полных дуги, причем средняя состояла из двух половинок, разделенных жилкой. В упрощенном виде аналогичный декоративный прием используется в резном убранстве карниза из раскопок Мангупской базилики [12, рис. 10–11]. С нижней стороны волнообразная конфигурация прожилок везде дополнена треугольными в сечении выемками – двумя дуговидными вдоль кромок и одной вертикальной посередине.

Сверху рельеф выглядит как пучок ребристых валиков, изображавших адаксиальную сторону листа (рис. 3, 5). Они компактно выступают вперед, слегка отогнуты книзу. Отдельно сохранился еще один обломок этой части изделия, принадлежавший центральному сегменту (рис. 3, 6). С основным фрагментом он непосредственно не стыкуется, но композиционно с ним соотносим. Деталь довольно массивная, с упругими формами. В продольном направлении она дуговидно изогнута, уменьшается на конце. Ее поперечное сечение вписывается в правильный треугольник, сверху имеет ложбинку, скруглено на краях. Посередине находится стебель с изящным трехлопастным завершением и четко выделенными желобчатыми прожилками. С боков к нему симметрично примыкают смежные доли листа, представляющие собой короткие побеги с двусторонним расположением зубчиков и гладкой поверхностью. Углубления между ними треугольные, местами скруглены. Сначала они были просверлены, затем

посредством стамески с узким плоским концом приобрели окончательный вид. Обе передние выемки сквозные. Их отверстия с тыльной стороны круглые. По отношению к основной части самой детали сегмент выступал вперед примерно на 5,5 см.

Обрамление аканта фрагментарно сохранилось только около нижней доли листа (рис. 3, 5). Выше его местоположение прослеживается по характерным сколам рельефа, на основании которых внутренние очертания ободка (в виде половины окружности) реконструируются довольно точно. Высота и ширина самого декоративного элемента переменные, увеличиваются кверху. В поперечном сечении обрамление вписывается в трапецию: спереди оно полукруглое и имеет уплощенные боковые поверхности – слегка выпуклые по внешнему обводу и немного вогнутые с внутренней стороны.

Необычно оканчивался низ детали, представленный на этом фрагменте лишь сколотыми остатками горизонтального желобка и небольшой засечки у крайнего зубчика. Его утраченные части достоверно восстанавливаются благодаря нескольким другим обломкам капители. На одном из них, имевшем идентичное расположение поврежденных сколами элементов декора, первоначальные формы изделия сохранились полностью (рис. 3, 12). Часть детали, ограниченная сверху врезным ободком, предельно натурально изображает раздвоенное копыто. С внутренней стороны к нему примыкали зубчики крайней доли листа, с внешней – гладкая дуговидная поверхность зазора между двумя соседними композициями.

Противоположный край обрамления мог оканчиваться аналогично, свидетельством чему является еще один подобный фрагмент, правда, с полностью утраченной лицевой поверхностью (рис. 3, 13). Вместе с тем нельзя исключать вероятности того, что на других местах могли быть использованы иные, не менее экзотические формы. К числу последних стоит отнести крохотный фрагмент с тщательно проработанным объемным изображением звериной лапы, размеры которого сравнимы с величиной фигурки в виде копыта и составляли всего $2,7 \times 2,2 \times 0,9$ см (рис. 3, 14).

Учитывая симметричность композиции, ширина арочного обрамления поддается точ-

ному определению. Она равна 17,8 см. Следовательно, в нижней зоне архитектурной детали могло поместиться всего лишь четыре таких элемента, то есть капитель была четырехлистной. Своеобразными маркерами, позволяющими правильно расположить рельеф относительно вертикальной оси изделия, являются его наиболее заглубленные места, которые, согласно требованиям классических архитектурных форм, должны совпадать с поверхностью калатуса [2, с. 140–141, табл. XXV, рис. 41, 45, 49, 54; 5, с. 79, табл. 17, 19].

Византийские капители с мелкозубчатым акантом в арочном обрамлении принадлежат к малочисленной группе архитектурных деталей V–VI веков. Среди них нет ни одного образца с двузонной или четырехлистной композициями, равно как пластика их декоративного убранства ощутимо отличается от варианта, представленного ласпинским изделием [12, с. 155–165, рис. 8, 9, 17, 19; 21, Taf. 27, Nr. 443, 447, 449; и др.]. Более того, совершенно не известны также примеры подобного применения анималистических мотивов для украшения рамки.

По меньшей мере на четырех разрозненных фрагментах акантового листа местами сохранились сколы от примыкавшего к нему снизу еще одного декоративного элемента (рис. 3, 7–10). В сложных капителях там обычно находится вал астрагала, который часто полностью покрывался резным растительным орнаментом, образующим веночек из одинаковых листьев [21, Taf. 24–27, 30, 31, Nr. 478, 490, 494, 508; 9, с. 187–188, рис. 1–3, 5–10, 13, 14; 11, рис. 11; 14, рис. 4, 5; и др.].

Среди найденного при раскопках lapидарного материала выделяется обломок с почти полностью утраченной лицевой поверхностью, который вполне мог принадлежать этой части капители (рис. 3, 15). Фрагмент идентифицируется благодаря наличию кромки нижнего основания, двух просверленных углублений от сколотого резного декора и остатков соседнего элемента, примыкавшего к нему сверху. Диаметр вала – 5,5 см. Низ изделия плоский, равномерно покрыт мелкими желобчатыми выемками, оставшимися после чернового выравнивания поверхности камня. Место соединения вала и находившейся

выше части архитектурной детали четко выраженной линии стыка не имеет.

Поскольку сохранившиеся фрагменты верхней и нижней зон капители между собой нигде даже не соприкасаются, однозначно установить, как располагались рельефные изображения листьев аканта относительно основных сторон изделия, проблематично. Они могли находиться либо на ее поперечной и продольной осях – посередине фасадов, либо на диагоналях абака – непосредственно под фигурками орлов. Допустимы оба варианта композиции. Второй из них (рис. 4) является более вероятным. По крайней мере, в четырехлистных капителях подобное размещение аканта используется чаще всего, причем на крымских образцах оно представлено только в таком виде [21, Taf. 1–4, 17, 23, Nr. 9, 14, 19, 21, 22, 30, 31, 239, 240, 365; 10, рис. 10–12; 13, рис. 8–82]. К тому же при заданной расчетами предполагаемой высоте изделия (33,1 см, без астрагала) уровни нижнего края уцелевшей части обеих скульптурок и реконструируемой вершины арочного обрамления растительного орнамента между собой практически совпадают и оказываются на одной отметке.

Результаты. Восстановленные размеры архитектурной детали: диаметры оснований – 25,4 и 61 см, ширина абака – 43,2 см, высота – 38,6 см. Ласпинская капитель с орлами является уникальным произведением местной каменной пластики X в., точные аналогии которому неизвестны ни на территории Крыма, ни за его пределами. При ее изготовлении мастер мог использовать в качестве образца ранневизантийское изделие, впоследствии утраченное или пока еще не найденное.

БЛАГОДАРНОСТИ

Сердечно благодарю сотрудников Отдела археологии МБУК «Ялтинский историко-литературный музей» Н.Г. Новиченкову и К.В. Новиченкову-Лукичеву, оказавших мне неоценимую помощь при работе с лапидарными материалами из раскопок в Ласпи.

ACKNOWLEDGMENTS

I am sincerely grateful to the staff of the Department of Archeology of the Yalta Historical and Literary Museum Natalia Novichenkova and Kristina Novichenkova-Lukicheva, who gave me invaluable assistance in working with lapidary materials from the excavations in Laspi.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Фрагменты верхней части капители. 2021. Фото автора
Fig. 1. Fragments of the upper part of the capital. 2021. Photo by the author

Рис. 2. Фрагменты верхней части капители. 2021. Фото автора
Fig. 2. Fragments of the upper part of the capital. 2021. Photo by the author

Рис. 3. Фрагменты нижней части капители. 2021. Фото автора
Fig. 3. Fragments of the lower part of the capital. 2021. Photo by the author

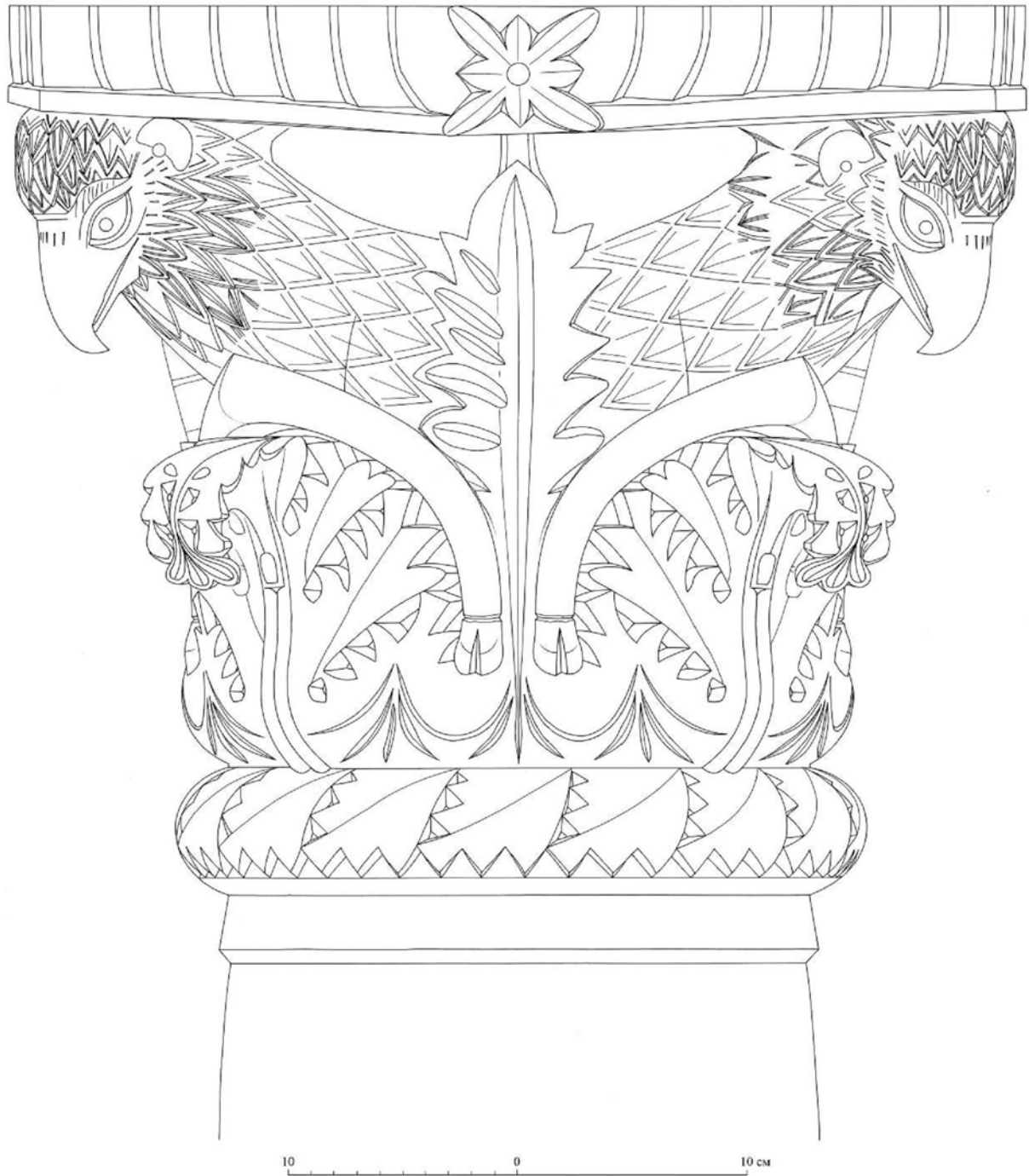

Рис. 4. Реконструкция капители. Вид сбоку (сторона В). Чертеж автора
Fig. 4. Reconstruction of the capital. View from the side (side B). Author's drawing

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертье-Делагард, А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса / А. Л. Бертье-Делагард. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1893. – 64 с. – (Материалы по археологии России ; № 12).
2. Виньола, Д. Б. Правило пяти ордеров архитектуры / Д. Б. Виньола, пер. А. Г. Габрического, коммент. Г. Н. Емельянова. – М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1939. – 168 с.
3. Домбровский, О. И. Средневековый Крым X–XV вв. / О. И. Домбровский // Археология Украинской ССР. Т. 3 / отв. ред. В. Д. Баран. – Киев : Наукова думка, 1986. – С. 518–535.
4. Кирилко, В. П. Ласпинская лапидарная коллекция / В. П. Кирилко // Материалы XVI Дмитриевских чтений. – Ялта, 2022. – (В печати).
5. Михаловский, И. Б. Теория классических архитектурных форм / И. Б. Михаловский. – М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1937. – 286 с.
6. Паршина, Е. А. Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи / Е. А. Паршина // Археологические открытия 1979 года. – М. : Наука, 1980. – 504 с.
7. Полевая опись археологического материала из раскопок в урочище Ласпи 1976, 1977, 1978 // Научный архив Института археологии Крыма РАН. – Инв. № 219. – 44 л.
8. Сорочан, С. Б. К вопросу об облике городищ-полисов и «кастра племен» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII – первой половине IX в. / С. Б. Сорочан // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 2. – С. 91–100.
9. Хрушкова, Л. Г. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом: капители с тонким зубчатым аканфом / Л. Г. Хрушкова // Византийский временник. – 2011. – Т. 70 (95). – С. 174–191.
10. Хрушкова, Л. Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма / Л. Г. Хрушкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 2. – С. 137–162.
11. Хрушкова, Л. Г. Византийский мрамор Херсонеса Таврического: начало изучения / Л. Г. Хрушкова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2017. – Вып. 9. – С. 311–341.
12. Хрушкова, Л. Г. Об одном маленьком юбилее: изучение византийского мрамора в Херсонесе Таврическом / Л. Г. Хрушкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3 (69), № 2. – С. 147–168.
13. Хрушкова, Л. Г. Херсонес Таврический : Архитектурный декор «базилики 1935» / Л. Г. Хрушкова // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – Вып. 9. – С. 41–70.
14. Хрушкова, Л. Г. Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического / Л. Г. Хрушкова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2019. – № 11. – С. 303–469.
15. Эффенбергер, А. Памятники византийской скульптуры из собрания государственных музеев Берлина : каталог выставки / А. Эффенбергер, А. В. Банк. – Л. : Искусство, 1982. – 48 с.
16. Якобсон, А. Л. Раннесредневековый Херсонес / А. Л. Якобсон. – М. ; Ленинград : АН СССР, 1959. – 364 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 63).
17. Bégule, L. Les chapiteaux byzantins à figures d'animaux; à propos de quatre chapiteaux découverts à Lyon / L. Bégule, E. Berthaud // Bulletin Monumental. – 1911. – Т. 75. – P. 199–211.
18. Capiteles del Museo Arqueológico Nacional de Aquileia. – Electronic text data. – Mode of access: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/08/capiteles-del-museo-arqueologico.html> (date of access: 16.09.2021). – Title from screen.
19. Dennert, M. Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie / M. Dennert // Asia Minor Studien. – Bonn : Habelt, 1997. – 230 S., 62 Taf. – (Asia Minor Studien ; Bd. 25).
20. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). – Electronic text data. – Mode of access: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (date of access: 08.01.2021). – Title from screen.
21. Kautsch, R. Kapitellstudien: Beiträge zu einer Geschichte des Spätantiken Kapitells im Osten von vierten bis ins siebente Jahrhundert / R. Kautsch. – Berlin : W. de Gruyter, 1936. – 267 S., 52 Taf.
22. Kramer, J. Skulpturen mit Adlerfiguren an Bauten des 5. Jahrhunderts n. Chr. in Konstantinopel / J. Kramer. – Köln : W. Klekamp, 1968. – 111 S., 42 Abb.
23. Los cimacios de la Mezquita Aljama de Córdoba del siglo IX. – Electronic text data. – Mode of access: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/10/los-cimacios-de-la-mezquita-aljama-de.html> (date of access: 16.09.2021). – Title from screen.
24. Niewöhner, P. Byzantine Ornaments in Stone. Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings / P. Niewöhner. – Berlin ; Boston : W. de Gruyter, 2021. – 188 p.
25. Pinard, M. Les chapiteaux à béliers et à aigles de Damous-el-Karita / M. Pinard // Cahiers de Byrsa. – 1960–1961. – Vol. IX. – P. 37–76.
26. Zollt, T. Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr.: mit einem Beitrag zur

Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells / T. Zollt. – Bonn : Habelt, 1994. – xiv, 380 S., 62 Taf., [2] S., 51 Taf. – (Asia Minor Studien ; Bd. 14).

27. Παναγιωτίδη, Μ. Βυζαντινά κιονόκρανα με ανάγλυφα ζώα (πίν. 27–38) / Μ. Παναγιωτίδη // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. – 1972. – Τ. 6. – Σ. 82–129. – DOI: <https://doi.org/10.12681/dchae.810>

REFERENCES

1. Bertye-Delagard A.L. *Drevnosti Juzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa* [Antiquities of the Southern Russia. Excavations of Chersonesus]. St. Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1893, 64 p. (Materialy po arkheologii Rossii [(Proceedings on Russian Archeology); no. 12).

2. Vinola D.B. *Pravilo pyati orderov arkhitektury* [The Rule of Five Orders of Architecture]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuz. akad. arkhitektury, 1939. 168 p.

3. Dombrovskiy O.I. *Srednevekovyy Krym X–XV vv.* [Medieval Crimea 10th – 15th Centuries]. *Arkheologiya Ukrainskoy SSR. T 3* [Archaeology of the Ukrainian SSR. Vol. 3]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, pp. 518–535.

4. Kirilko V.P. *Laspinskaya lapidarnaya kolleksiya* [Lapidary Collection from Laspi]. *Materialy XVI Dmitrievskikh chteniy* [Proceedings of the 16th Dmitriev Readings]. Yalta, 2022. (in print)

5. Mihalovskiy I.B. *Teoriya klassicheskikh arkhitekturnykh form* [The Theory of Classical Architecture Forms]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuz. akad. arkhitektury Publ., 1937. 286 p.

6. Parshina E.A. *Raskopki na gorodishche Eski-Kermen i v urochishche Laspi* [Excavations at the Eski-Kermen Settlement and in the Laspi Natural Landmark]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 goda* [Archaeological Discoveries of 1979]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 504 p.

7. Polevaya opis arkheologicheskogo materiala iz raskopok v urochishche Laspi 1976, 1977, 1978 [Field Inventory of Archaeological Material from Excavations in the Laspi Natural Landmark 1976, 1977, 1978]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of Crimea of RAS], no. 219. 44 l.

8. Sorochan S.B. *K voprosu ob oblike gorodishch-polism i “kastra plemen” v okrestnostyakh vizantiyskogo Khersona vo vtoroy polovine VII – pervoy polovine IX v.* [On the Question of the Character of Settlements-Polisma and “Kastras Tribes” in the Vicinity of the Byzantine Cherson in the Second Half of the 7th – First Half of the 9th Century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean

Federal University. Historical Science], 2016, vol. 2 (68), no. 2, pp. 91–100.

9. Khrushkova L.G. *Prokonnesskiy mramor v Khersonese Tavricheskom: kapiteli s tonkim zubchatym akanfom* [The Marble from Proconnesos in Chersonesus: Capitals with Fine-Toothed Acanthus]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2011, vol. 70 (95), pp. 174–191.

10. Khrushkova L.G. *Rannevizantiyskie kapiteli i drugie elementy arkhitekturnogo dekora iz YugoZapadnogo Kryma* [Early Byzantine Capitals and Other Elements of Architectural Decoration from South-West Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science], 2016, vol. 2 (68), no. 2, pp. 137–162.

11. Khrushkova L.G. *Vizantiyskiy mramor Khersonesa Tavricheskogo: nachalo izucheniya* [Byzantine Marble of Chersonesus: Beginning of the Study]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 2017, no. 9, pp. 311–341.

12. Khrushkova L.G. *Ob odnom malenkom yubilee: izuchenie vizantiyskogo mramora v Khersonese Tavricheskom* [On a Small Anniversary: in Regards to the History of the Studying Byzantine Marbles of the Chersonesus]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science], 2017, vol. 3 (69), no. 2, pp. 147–168.

13. Khrushkova L.G. *Khersones Tavricheskii: Arkhitekturnyy dekor «baziliki 1935»* [Chersonesus: The Architectural Decor of the “1935 Basilica”]. *Voprosy vseobshchey istorii arkhitektury* [Questions of the History of World Architecture], 2017, no. 9, pp. 41–70.

14. Khrushkova L.G. *Rannevizantiyskie kapiteli iz Khersonesa Tavricheskogo* [Early Byzantine Capitals from Chersonesus]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 2019, no. 11, pp. 303–469.

15. Effenberger A., Bank A.V. *Pamyatniki vizantiyskoy skulptury iz sobraniya gosudarstvennykh muzeev Berlina: katalog vystavki* [Monuments of Byzantine Sculpture from the Collection of State Museums in Berlin. Exhibition Catalog]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1982. 48 p.

16. Yakobson A.L. *Rannesrednevekovyy Khersones* [Early Medieval Chersonesus]. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1959. 364 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Proceedings and Research on Archeology of the USSR]; no. 63).

17. Bégule L., Berthaud E. Les chapiteaux byzantins à figures d'animaux; à propos de quatre chapiteaux découverts à Lyon. *Bulletin Monumental*, 1911, t. 75, pp. 199-211.

18. *Capiteles del Museo Arqueológico Nacional de Aquileia*. URL: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/08/capiteles-del-museo-arqueologico.html> (accessed 16 September 2021).

19. Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie. *Asia Minor Studien*, Bd. 25, Bonn, Habelt, 1997. 230 S., 62 Taf.

20. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³)*. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (accessed 8 January 2021).

21. Kautsch R. *Kapitellstudien: Beiträge zu einer Geschichte des Spätantiken Kapitells im Osten von vierten bis ins siebente Jahrhundert*. Berlin, W. de Gruyter, 1936. 267 S., 52 Taf.

22. Kramer J. *Skulpturen mit Adlerfiguren an Bauten des 5. Jahrhunderts n. Chr. in Konstantinopel*. Köln, W. Klekamp, 1968. 111 S., 42 Abb.

23. *Los cimacios de la Mezquita Aljama de Cyrdoba del siglo IX*. URL: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/10/los-cimacios-de-la-mezquita-aljama-de.html> (accessed 16 September 2021).

24. Niewöhner P. *Byzantine Ornaments in Stone. Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings*. Berlin, Boston, W. de Gruyter, 2021. 188 p.

25. Pinard M. Les chapiteaux à béliers et à aigles de Damous-el-Karita. *Cahiers de Byrsa*, 1960–1961, vol. IX, pp. 37-76.

26. Zollt T. *Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr.: mit einem Beitrag zur Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells*. Bonn, Habelt, 1994. xiv, 380 S., 62 Taf., [2] S., 51 Taf. (Asia Minor Studien; Bd. 14).

27. Panagiotide M. Byzantina kionokrana me anaglypha zōa (pin. 27–38) [Byzantine Capitals with Relief Images of Animals (pl. 27–38)]. *Deltion tēs Christianikēs Archaïologikēs Etaireias* [Deltion of the Christian Archaeological Society], 1972, vol. 6, pp. 82-129. DOI: <https://doi.org/10.12681/dchae.810>

Information About the Author

Vladimir P. Kirilko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, kir.vlad33@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

Информация об авторе

Владимир Петрович Кирилко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, kir.vlad33@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.2>

UDC 904(470)“6/15”
LBC 63.4(2)

Submitted: 18.03.2022
Accepted: 30.03.2022

BYZANTINE IRON PROCESSIONAL CROSSES OF EASTERN TAURICA

Vadim V. Maiko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* A special category of Byzantine Christian liturgical objects is the iron crosses with an elongated lower beam. Scientists have established that they were used by the population of the provincial-Byzantine settlements of southern Taurica for a variety of liturgical purposes. Based on this, almost all discovered objects are divided into types and produced in a relatively narrow chronological framework. For eastern Taurica, such products were not analyzed and were not compared with southern coastal materials, which make this work relevant. The source base of the work consists of 8 iron crosses, which could not be used as pectoral. Five different-time products were recorded during excavations of medieval Sugdeja. Two objects were found during excavations of the Otuzy 2 settlement (8th–10th centuries) on the border of the Sudak and Feodosia regions. One cross comes from excavations of the settlement of Artesian in the Leninsky district. Only three of these crosses are published. *Methods and materials.* Standard methods of comparative stylistic analysis were used. *Analysis.* A careful analysis of the archaeological contexts of object discovery and the most striking analogies allow us to distinguish several chronological groups that differ in both morphology and origin. *Results.* The obtained data allow us to distinguish three chronological groups of crosses from the turn of the 9th–10th centuries and until the first half of the 15th century. All of them differ not only in morphological features, but also in functional purpose. Despite this, most of the iron crosses considered could be used as processional crosses.

Key words: eastern Taurica, iron crosses with elongated lower beam, chronology, analogies, functional purpose.

Citation. Maiko V.V. Byzantine Iron Processional Crosses of Eastern Taurica. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 21-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.2>

УДК 904(470)“6/15”
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 18.03.2022
Дата принятия статьи: 30.03.2022

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ПРОЦЕССИОННЫЕ КРЕСТЫ ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКИ

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* К особой категории византийских христианских литургических предметов относятся железные кресты с удлинённым нижним лучом. Учеными установлено, что населением провинциально-византийских поселений южной Таврики они использовались для самых различных литургических целей. Исходя из этого, практически все обнаруженные предметы типологизированы и взяты в относительно узкие хронологические рамки. Для восточной Таврики подобные изделия, не анализировались и с южнобережными материалами не сравнивались, что делает эту работу актуальной. Источниковую базу работы составляют 8 железных крестов, которые не могли использоваться в качестве нательных. Пять разновременных изделий зафиксированы в ходе раскопок средневековой Сугдеи, два предмета найдены в ходе раскопок поселения VIII–X вв. Отузы 2 на границе Судакского и Феодосийского районов, один крест происходит из раскопок поселения Артезиан на территории Ленинского района. Из них опубликованы только три креста. *Методы и материалы.* Используются стандартные методы сравнительного стилистического анализа. *Анализ.* Внимательный анализ археологических контекстов обнаружения предметов и наиболее яркие аналогии позволяют

выделить несколько хронологических групп, отличающихся и морфологией, и происхождением. *Результаты*. Полученные сведения дают возможность классификации на три хронологические группы крестов от рубежа IX–X вв. и до первой половины XV века. Все они отличаются не только морфологическими признаками, но и функциональным назначением. Несмотря на это, большинство рассмотренных железных крестов могли использоваться в качестве процессионных.

Ключевые слова: восточная Таврика, железные кресты с удлинённым нижним лучом, хронология, аналогии, функциональное назначение.

Цитирование. Майко В. В. Византийские железные процессионные кресты восточной Таврики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 21–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.2>

Введение. Византийские железные кресты с удлинённым нижним лучом являются необходимым источником для реконструкции литургии населения провинциально-византийской Таврики в определённый хронологический период. В рамках изучения раннесредневекового периода VIII–IX вв. они важны и для постановки вопроса о существовании языческих элементов в среде местного населения и соответствия его литургической практики классическим византийским образцам.

Все эти вопросы неоднократно ставились отечественными учеными, но только на примере богатой и разнообразной коллекции аналогичных крестов, происходящих с территории провинциально-византийских памятников южного и юго-западного берега Крыма. Сразу необходимо оговориться, что наиболее характерные для этих регионов кресты, согнутые из четырехгранного в сечении железного прута с удлинённой нижней ветвью, имеющей крюк или кольцеобразную петлю [18, с. 281, рис. 3], в данной работе не рассматриваются. В восточной Таврике они пока неизвестны. Интересующие нас экземпляры, происходящие из раскопок Горзубит [13, с. 64–80], Пахкал-Каи [7, с. 291–310], Кильсе-Буруна [18, с. 275–282], Данильча-Кобы [15, с. 114], а особенно Семидворья [14, с. 189–218], типологизированы, но только в масштабах самих памятников, в комплексе они не изучены. Рассмотрена правомочность критериев для определения процессионного или вотивного характера использования изделий [18, с. 276–277]. Только поставлен вопрос об их соответствии византийским образцам и возможном импорте с территории Северного Кавказа [17, с. 204–219].

Для восточного Крыма такая попытка не предпринималась вообще, слишком скудна была источниковая база. Какова же она?

Источниковую базу работы на сегодняшний день составляют 8 экземпляров. Совершенно очевидно, что все они не могли использоваться в качестве нательных. Очень коротко рассмотрим археологические контексты находок. Два наиболее ранних креста с отходящим от нижнего луча штырем были обнаружены в ходе проведения масштабных охранных раскопок поселения салтово-маяцкой культуры Отузы 2 (рис. 1, 1, 3), в развале каменного дома, распложенного в юго-западной части поселения. Артефакты происходят из горизонта заполнения, представлявшего собой завал из мелкого и среднего камня в темно-коричневом грунте мощностью 0,75–0,9 м, в верхней части перекрытый тонкой дерновой прослойкой. Не исключено, что они входили в состав клада. По соотношению разных категорий многочисленного керамического материала датируются они достаточно уверенно в рамках второй половины IX – первой половины X века.

Железный крест был найден в южной части средневекового поселения на месте античного городища Артезиан в заполнении котлована одного из перекопов на раскопе II (рис. 1, 2). Края этого перекопа были зафиксированы на уровне горизонта салтово-маяцкого поселения. Крест опубликован [3, с. 118, рис. 100], что избавляет от ненужных повторений. К сожалению, определить точную его датировку в данном случае не представляется возможным. Не исключено, что он относится к периоду XIII – первой половины XV века.

Пять разновременных изделий зафиксированы в ходе раскопок средневековой Сугдеи. Три из них найдены на площади раскопа III в портовой части Сугдеи в 1966–1967 гг. экспедицией под руководством М.А. Фронджу-

ло: два археологически целых, с более или менее удлиненным штырем на нижнем луче (рис. 1, 4, 7), один сохранившийся частично, но надежно реконструируемый (рис. 1, 5). Не исключено, что связаны они с раскопанной внутриусадебной часовней-евктерием длиной не более 4 м [8, с. 231]. Еще один крест был зафиксирован экспедицией под руководством В.Д. Гукина в 2012 г. на уровне поверхности скалы в помещении 2 на раскопе VIII в портовой части Сугдеи [4, с. 130, ил. 8]. Судя по сопутствующему археологическому материалу и стратиграфической ситуации, крест должен датироваться в рамках второй половины XIII – первой половины XIV века. Пятый Сугдейский крест был найден в 1978 г. экспедицией под руководством А.И. Айбабина в погребальном инвентаре могилы 46 некрополя Судак-IX. Изделие располагалось в районе живота захороненного и во время погребения находилось в его правой руке. Рядом был обнаружен татаро-генуэзский аспр 1421–1435 гг., чеканенный при Давлете-Берди, что и дает точную дату прекращения использования данного креста. Не исключено, что это погребение христианского миссионера [11, с. 198, рис. 127]. Такова на сегодняшний день источниковая база.

Методы. Для решения поставленных задач в работе используются методы, привлекаемые при сравнительном анализе археологических материалов. А именно: стратиграфический метод для определения относительной хронологии контекстов находок, типологический метод и стилистический анализ для группирования материала в соответствии с его морфологическими и стилистическими признаками, сравнительный метод для определения круга аналогий, культурной принадлежности, а главное, функционального назначения артефактов.

Анализ. Как мы видим, наиболее раннюю хронологическую группу образуют два креста из материалов салтово-маяцкого поселения Отузы 2. Общая длина первого креста (рис. 1, 1) составляет 22,1 см. При этом длина самого креста, имеющего квадратные очертания, всего 11,5 см. Длина же черенка, подпрямоугольного в сечении, немногим меньше – 10,6 см. Важно отметить и тот факт, что черенок, как и сам крест, абсолютно прямой, без следов каких-либо изгибов в древности.

Пропорции второго креста из Отуз 2 (рис. 1, 3) еще более показательны. При общей длине 15,5 см длина самого креста – 7,4 см – вообще меньше длины аналогичного черенка, составляющей, соответственно, 8,1 см. Отметим, что у этого экземпляра боковые лучи несколько превышают по длине вертикальные. Оба креста изготовлены по единой технологии скрепления горизонтальных и вертикальных лучей при помощи легкой спайки и массивной заклепки. Практически все концы лучей обломаны в древности.

Следует отметить, что подобная технология изготовления железных крестов типична для салтово-маяцкого населения Таврики. Аналогично спаянные железные, правда, нательные кресты известны в погребальном инвентаре и жилых постройках поселения Кордон-Оба [10, с. 248, рис. 140, 6, 8]. Исключение составляет только крест из раскопок 1998 г. городища на плато Тепсень [10, с. 248, рис. 140, 10]. Он крупнее нательных, но меньше публикуемых. Сохранность его не позволяет однозначно атрибутировать функциональную принадлежность. Такая же простейшая технология применялась и для изготовления некоторых групп также нательных бронзовых крестов раннесредневекового аланского населения юго-западной и южной части полуострова [19, с. 151–182].

Тем не менее прямых аналогий крестам рассматриваемого поселения Отузы 2 на территории полуострова нами не было обнаружено. Вместе с тем они хорошо известны на территории Северного Кавказа. Совершенно аналогичные железные кресты с черенком в виде стержня по длине равным длине самого креста встречены на территории Карачаево-Черкесии [12, с. 121–122, рис. 3] и в материалах городища Нижний Архыз [5, с. 146, 148]. Последний экземпляр, правда, имеет округлое окончание лучей. Важно отметить, что черенки также не имеют следов изгибов. Однако на Северном Кавказе они датируются периодом не ранее XI в. [20, с. 303, ил. 5, 3, 4, 9]. Хронология же Отузских крестов не выходит за рамки существования салтово-маяцкой культуры Таврики. Скорее всего, их можно датировать концом IX – началом X века. Материалы второй половины X–XV в. на территории этого поселения не встречены вообще.

В отличие от вышеописанных двух крестов, крест из поселения средневекового времени на месте античного городища Артезиан изготовлен из двух тонких железных пластин (рис. 1, 2). Его длина составляет 13,5–14 см, ширина – 8 см. Верхняя и боковые лопасти завершаются крупными каплевидными выступами. В данном случае нижний луч примерно в два раза длиннее боковых и заострен в нижней части. Крест согнут в двух местах чуть ниже средокрестия и в начале заостренной части нижнего луча. На наш взгляд, такую деформацию, произведенную в древности, нельзя считать случайной. Как уже упоминалось, комплекс, в котором был найден крест, к сожалению, не имеет надежной даты. Аналогии таким крестам в Таврике единичны. Близкий по размерам (15,5 × 11 см) железный крест с волутообразными навершиями на ветвях найден на городище VIII–IX вв. Кыз-Кермен в Юго-Западном Крыму. Однако его пластины склепаны штифтом, а нижняя заостренная лопасть завершается двумя выступами-упорами [1, с. 141, рис. 17, 9; 14, с. 203, рис. 5.8, 8].

Совершенно другой пример представляют железные кресты средневековой Сугдеи. Три из них могут быть объединены в один тип. Как уже указывалось, два из них (рис. 1, 4, 5) были обнаружены в портовой части средневековой Сугдеи и связаны, вероятно, с внутриусадебным храмом. Третий крест происходит из материалов раскопа 8 так же в портовой части Сугдеи (рис. 1, 6). Не исключено, что он связан с крупным христианским храмом, зафиксированным на раскопе X к северу от раскопа 8. Все кресты литые. Нижний луч заканчивается подпрямоугольным в сечении штырем, слегка расширяющимся на стыке с нижним лучом. Длина штыря не велика и не превышает половины длины нижнего луча. Боковые лучи в одном случае слегка, а в двух других заметно расширяются, окончание их вогнуто. Некоторые края лучей обломаны в древности. Датировка крестов возможна только в широких хронологических рамках второй половины XIII–XIV века. Очень близок к ним и железный крест первой четверти XV в. из погребения миссионера некрополя Судак-IX (рис. 1, 8) с расширяющимися прямыми лучами. Пропорции его еще более вытянутые,

штырь на нижнем луче совсем короткий и подтреугольных очертаний.

Отличается крупный крест из материалов раскопа 3 в портовой части Сугдеи (рис. 1, 7). У него наиболее длинный тонкий, подпрямоугольный в сечении штырь. Его длина практически равна нижнему лучу. Все лучи у этого креста прямые. Подчеркнем, что у всех пяти крестов Сугдеи штыри в древности изогнуты не были.

Как уже указывалось, различные типологии крымских железных крестов с заостренным нижним лучом, происходящих с южного берега полуострова, неоднократно становились предметом специальных исследований [14, с. 189–218; 13, с. 64–80; 18, с. 275–282]. Все они происходят из раскопок провинциально-византийских средневековых памятников. Выделены группы изделий, вероятно, разные по морфологии, функциональному назначению и хронологии.

Важно отметить, что у всех типов черенок треугольный и уплощенный, представляющий собой продолжение нижнего луча. Он, как и у большей части Судакских экземпляров, короткий и редко превышает длину нижнего луча. Присутствует среди этих крестов и группа, равная либо лишь немногим меньшая по ширине по сравнению с анализируемыми экземплярами. Это, например, кресты из храмового комплекса у горы Тузлух [14, с. 194, рис. 5.3, 238; с. 197, рис. 5.4, 237], отнесенные к позднесредневековому времени, крест из храмового комплекса у горы Кильсе-Бурун [18, с. 280, рис. 2, к.о. 114/17]. К сожалению, их сохранность не позволяет произвести уверенную реконструкцию, необходимую для сравнения. Обнаружены и более близкие нашим крупные кресты, в том числе экземпляр из храма на горе Пахкал-Кая с раздвоенными концами лучей с коротким, согнутым пополам штырем у конца нижнего луча [7, с. 296, рис. 3]. В этой части полуострова хорошо известны и аналогичные по морфологии железные кресты с заметно расширяющимися лучами, размерами подобные нательным [13, с. 75, рис. 5], в основном раннесредневекового времени. Они не сравнимы с анализируемыми. Тем более в качестве аналогий невозможно привлекать железные нательные кре-

сты средневековой Сугдеи второй половины X в. [9, с. 452, рис. 184, 21].

Большая группа железных крестов, изготовленных из двух примерно одинаковых по длине железных пластин, соединенных заклепкой или сваркой, с крючком у окончания вертикальной ветви происходит из раскопок памятников западного Крыма, в частности комплекса в пещере Данильча-Коба [15, с. 114]. Правда, по размерам они уступают крестам из Сугдеи, приближаясь по этим показателям к нательным.

Необходимо упомянуть и наиболее яркие аналогии данным крестам, происходящие в первую очередь с территории Северного Кавказа [2, с. 14–25; 6, с. 202–209; 20, с. 282–298], в том числе зафиксированные и в погребальных памятниках [16, с. 104–117].

Результаты. По итогам проведенного анализа предварительно можно выделить три морфологические и хронологические группы железных крестов с заостренной нижней частью. Первую группу образуют два креста рубежа IX–X вв. из поселения Отузы 2. Несмотря на общие технологические приемы, такие кресты для полуострова пока можно считать

импортом с территории Северного Кавказа. Кавказские образцы большинством авторов справедливо рассматриваются в качестве воитивных [20, с. 288]. Не исключено, однако, что железные кресты поселения Отузы 2 были многофункциональными. При этом есть и вероятность их использования праболгарским христианизированным населением в качестве процессионных. Это подразумевает их знакомство с православной христианской литургией и применение ее на практике.

Не исключено, что крест из поселения Артезиан выполнял другие функции. Присущий ему характер деформации дает возможность предположить использование изделия в каких-то каменных или деревянных конструкциях, в том числе и на стенах храмов, как воитивное приношение.

Группа крестов, зафиксированная в Сугдее, более поздняя по хронологии и связанная с теми или иными культовыми объектами в портовой части города, вероятнее всего, использовалась исключительно в качестве литургических предметов, в том числе и в качестве процессионных крестов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

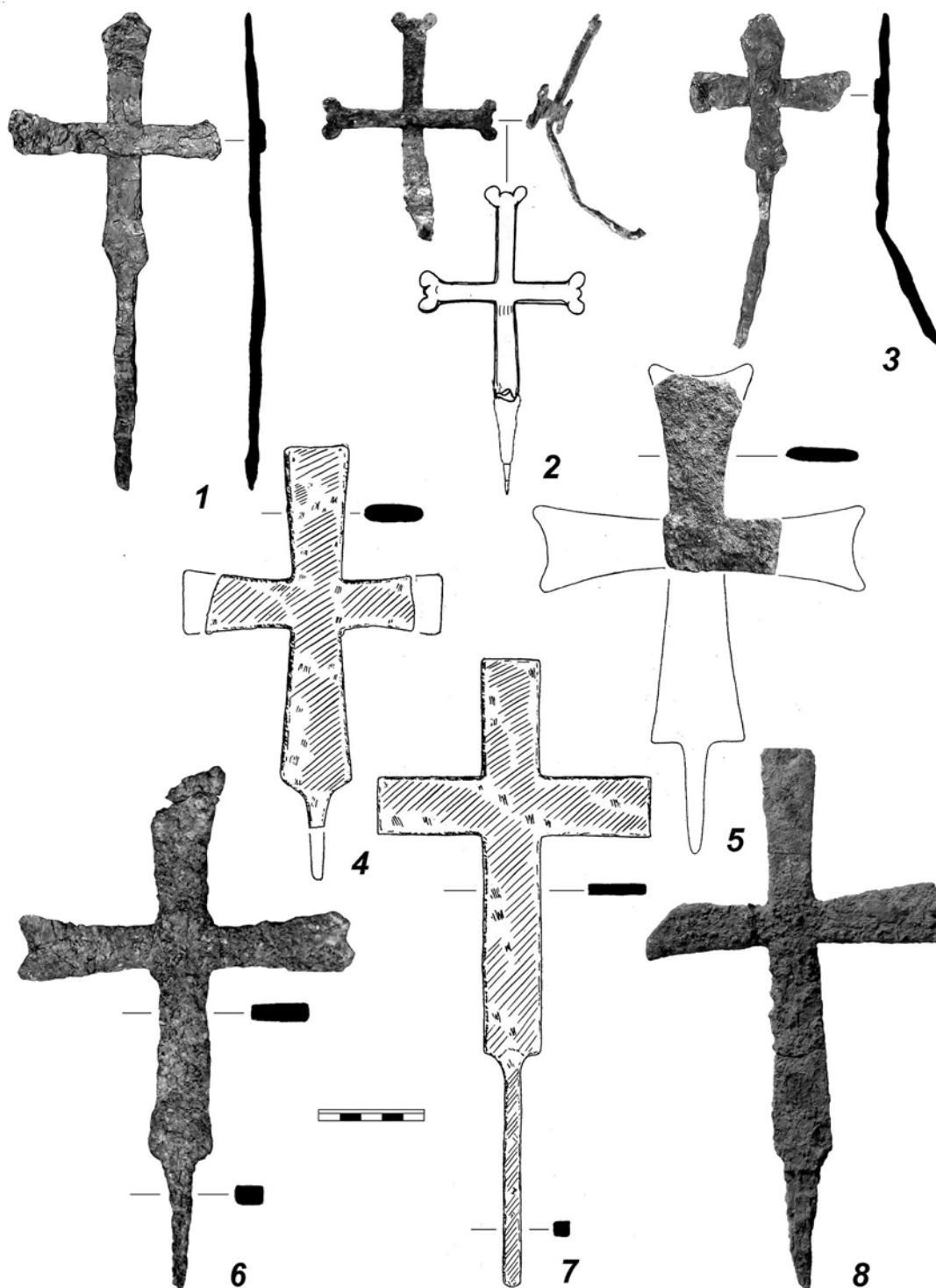

Рис. 1. Железные кресты с удлиненным нижним лучом восточной Таврики:

1, 3 – поселение Отузы 2; 2 – поселение Артезиан; 4–7 – портовая часть средневековой Сугдеи (4, 7 по А.В. Джанову); 8 – некрополь Судак-IX

Fig. 1. Iron crosses with an elongated lower beam from eastern Taurica:

1, 3 – settlement Otuzy 2; 2 – settlement Artesian; 4–7 – port part of medieval Sugdeja (4, 7 after A.V. Dzhanov); 8 – necropolis Sudak-IX

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый, А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка 1 / А. В. Белый, В. В. Назаров // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / отв. ред. Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1992. – С. 132–142.
2. Василенко, Д. Э. К вопросу о типологии и времени бытования железных крестов византийско-кавказского типа / Д. Э. Василенко, А. В. Пьянков, М. А. Хушт // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии : материалы VII Междунар. Свято-Игнатиевских чтений / игумен Алексей (Смирнов) [и др.]. – Ставрополь : СтДС, 2017. – Вып. I. – С. 14–25.
3. Винокуров, Н. И. Городище Артезиан в эпоху средневековья / Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарев. – М. : НИЦ ИНФРА-М, 2022. – 343 с.
4. Гукин, В. Д. Исследования Юго-Восточной Крымской археологической экспедиции на средневековом городище Судак / В. Д. Гукин // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / ред. М. Б. Пиотровский [и др.]. – СПб. : Славия, 2014. – С. 122–131.
5. Кузнецов, В. А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках / В. А. Кузнецов. – Пятигорск : Снег, 2017. – 320 с.
6. Ложкин, М. Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея / М. Н. Ложкин, С. Н. Малахов // Историко-археологический альманах. – 1996. – Вып. 2. – С. 202–209.
7. Лысенко, А. В. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму / А. В. Лысенко, И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин // В камне и в бронзе : сб. ст. в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII / отв. ред. А. Е. Мусин. – СПб. : ИИМК РАН; Нев. кн. тип., 2017. – С. 291–310.
8. Майко, В. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым / В. В. Майко, А. В. Джанов. – Симферополь : Ариал, 2015. – 448 с.
9. Майко, В. В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв. / В. В. Майко. – Киев : Видавництво Олег Філюк. – 2014. – 467 с.
10. Майко, В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму / В. В. Майко. – Киев : Академперіодика, 2004. – 316 с.
11. Майко, В. В. Средневековые некрополи Судакской долины / В. В. Майко. – Киев : Академперіодика, 2007. – 273 с.
12. Малахов, С. Н. Средневековые votivные железные кресты Западного Кавказа (новые находки) / С. Н. Малахов, Р. Р. Рудницкий // Мир православия. – 2015. – Вып. 9. – С. 118–131.
13. Мастыкова, А. В. О находках металлических крестов на средневековом могильнике

Горзувиты (Южный берег Крыма) / А. В. Мастыкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 64–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.5>

14. Мусин, А. Е. Металлические кресты / А. Е. Мусин // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым) : исслед. и материалы / отв. ред. И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин. – Киев : Антиквар, 2015. – С. 189–218. – (Археологический альманах ; № 32).
15. Неделькин, Е. В. Кресты из средневекового христианского комплекса в пещере Данильча-Коба / Е. В. Неделькин, М. В. Ступко // Ломоносовские чтения – 2018 : сб. материалов ежегод. науч. конф. / отв. ред. И. С. Кусова, С. И. Рубцова. – Севастополь : Филиал МГУ, 2018. – С. 114.
16. Савенко, С. Н. Погребение XIII–XIV вв. н.э. с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации / С. Н. Савенко // Из истории культуры народов Северного Кавказа / отв. ред. Ю. А. Прокопенко, Т. А. Невская. – Ставрополь : Печатный Двор, 2017. – С. 104–117.
17. Тесленко, И. Б. Железные кресты средневековых памятников: «византийско-кавказские» или византийские? / И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин // Археологическая наука: практика, теория, история : сб. науч. тр. памяти И.С. Каменецкого / отв. ред. А. Н. Гей, И. А. Сорокина. – М. : ИА РАН, 2016. – С. 204–219.
18. Турова, Н. П. Кресты из средневекового храмового комплекса г. Кильсе-Бурун / Н. П. Турова // Χερσὸνος θεματα : Империя и полис. XIII Международный Византийский семинар / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : Ариал, 2021. – С. 275–282.
19. Хайрединова, Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма / Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2007. – Вып. XIII. – С. 151–182.
20. Чхаидзе, В. Н. Кресты Алании (X–XIII вв.) / В. Н. Чхаидзе // Белецкий, Д. В. История и искусство христианской Алании / Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов. – М. : Таус, 2019. – С. 282–311.

REFERENCES

1. Belyy A.V., Nazarov V.V. Raskopki usadby na gorodishche Kyz-Kermen. Postroyka 1 [Excavations of the Estate on the Settlement Kyz-Kermen. Building 1]. *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu* [Problems of the History of “Cave Cities” in Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., 1992, pp. 132-142.

2. Vasilinenko D.E., Pyankov A.V., Khusht M.A. K voprosu o tipologii i vremeni bytovaniya zheleznykh krestov vizantiysko-kavkazskogo tipa [To the Question of the Typology and Time of the Existence of Iron Crosses of the Byzantine-Caucasian Type]. *Pravoslaviye v istorii i kulture Severnogo Kavkaza: voprosy istochnikovedeniya i istoriografii: materialy VII Mezhdunar. Svyato-Ignatievskikh chteniy* [Orthodoxy in the History and Culture of the North Caucasus: Issues of Source Studies and Historiography. Materials of the 7th International St. Ignatius Readings], Stavropol, StDS, 2017, iss. 1, pp. 14-25.
3. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. *Gorodishche Artezian v epokhu srednevekovya* [Settlement Artesian in the Middle Ages]. Moscow, NITS INFRA-M, 2022. 343 p.
4. Gukin V.D. Issledovaniya Yugo-Vostochnoy Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na srednevekovom gorodishche Sudak [Research of the Southeast Crimean Archaeological Expedition on the Medieval Settlement Sudak]. *Ekspeditsii. Arkheologiya v Ermitazhe* [Expeditions. Archaeology at the Hermitage]. St. Petersburg, Slaviya Publ., 2014, pp. 122–131.
5. Kuznetsov V.A. *Nizhniy Arkhyz i rannee pravoslaviye. Alanskaya eparkhiya v X–XII vekakh* [Lower Arkhyz and Early Orthodoxy. Alan Diocese in the 10th – 12th Centuries]. Pyatigorsk, Sneg Publ., 2017. 320 p.
6. Lozhkin M.N., Malahov S.N. Zheleznye kresty vizantiysko-kavkazskogo tipa iz Otradnenskogo muzeya [Iron Crosses of the Byzantine-Caucasian Type from the Otradnensky Museum]. *Istoriko-arkheologicheskii almanakh* [Historical and Archaeological Almanac], 1996, iss. 2, pp. 202-209.
7. Lysenko A.V., Teslenko I.B., Musin A.E. Srednevekovyy khristianskiy khram na gore Pakhkal-Kaya v Yuzhnom Krymu [Medieval Christian Church on Mount Pakhkal-Kaya in the Southern Crimea]. *V kamne i v bronze: sb. st. v chest Anny Peskovoy. Trudy IIMK RAN* [In Stone and in Bronze. Collection of Articles in Honor of Anna Peskova. Works of the IIMK RAS]. Saint Petersburg, IIMK RAN; OOO “Nevskaya Knizhnaya Tipografiya” Publ., 2017, vol. 48, pp. 291-310.
8. Maiko V.V., Dzhanov A.V. *Arkheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological Sites of the Sudak Region of the Republic of Crimea]. Simferopol, Arial Publ., 2015. 448 p.
9. Maiko V.V. *Vostochnyy Krym vo vtoroy polovine X–XII vv.* [Eastern Crimea in the Second Half of the 10th – 12th Centuries]. Kiev, Vydavets Oleg Filyuk, 2014. 467 p.
10. Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen v yugo-vostochnom Krymu* [Medieval Settlement on the Tepsen Plateau in the Southeastern Crimea]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2004. 316 p.
11. Maiko V.V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoy doliny* [Medieval Necropolises of the Sudak Valley]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2007. 273 p.
12. Malakhov S.N., Rudnitskiy R.R. Srednevekovye votivnye zheleznye kresty Zapadnogo Kavkaza (novye nakhodki) [Medieval Votive Iron Crosses of the West Caucasus (New Finds)]. *Mir pravoslaviya* [World of Orthodoxy], 2015, vol. 9, pp. 118-131.
13. Mastykova A.V. O nakhodkakh metallicheskh krestov na srednevekovom mogil'nike Gorzuvity (Yuzhnyy bereg Kryma) [On the Finds of Metal Crosses at the Medieval Burial Ground of Gorzuvity (The Southern Coast of Crimea)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 64-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.5>
14. Musin A.E. Metallicheskie kresty [Metal Crosses]. *Drevnosti Semidvorya I. Srednevekovyy dvukhapsidnyy khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issled. i materialy* [Antiquities of Semidvorye I. Medieval Two-Apse Church in the Tract Edi-Euler (Alushta, Crimea). Research and Proceedings]. Kiev, Antikvar Publ., 2015, pp. 189–218. (Arheologicheskii almanakh [Archaeological Almanac]; no. 32).
15. Nedelkin E.V., Stupko M.V. Kresty iz srednevekovogo khristianskogo kompleksa v peshchere Danilcha-Koba [Crosses from the Medieval Christian Complex in the Danilcha-Koba Cave]. *Lomonosovskie chteniya – 2018: sb. materialov ezhegod. nauch. konf.* [Lomonosov's Readings – 2018. Collection of Proceedings of the Annual Scientific Conference]. Sevastopol, Filial MGU, 2018. p. 114.
16. Savenko S.N. Pogrebenie XIII–XIV vv. n.e. s zheleznykh krestom v gornoy Ingushetii: voprosy interpretatsii [Burial of the 13th – 14th Centuries A.D. with an Iron Cross in Mountain Ingushetia: Questions of Interpretation]. *Iz istorii kultury narodov Severnogo Kavkaza* [From the History of Culture of the Peoples of the North Caucasus]. Stavropol, Pechatnyy Dvor Publ., 2017, pp. 104-117.
17. Teslenko I.B., Musin A.E. Zheleznye kresty srednevekovykh pamyatnikov: «vizantiysko-kavkazskie» ili vizantiyskie? [Iron Crosses of Medieval Monuments: “Byzantine-Caucasian” or Byzantine?]. *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya: sb. nauch. tr. pamyati I.S. Kamenetskogo* [Archaeological Science. Practice, Theory, History].

Collection of Scientific Works In Memoriam I.S. Kamenetsky]. Moscow, IARAN, 2016, pp. 204-219.

18. Turova N.P. Kresty iz srednevekovogo khramovogo kompleksa g. Kilse-Burun [Crosses from the Medieval Temple Complex of Kilse-Burun]. *Chersōnos themata: Imperiya i polis: XIII Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar* [Chersonos themata. Empire and Polis. The 13th International Byzantine Seminar]. Simferopol, Arial, 2021, pp. 275-282.

19. Khairedinova E.A. Rannesrednekovyye kresty iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Early Medieval Crosses from the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, iss. 13, pp. 151-182.

20. Chkhaidze V.N. Kresty Alanii (X–XIII vv.) [Crosses of Alania (10th – 13th Centuries)]. *Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii* [History and Art of Christian Alania]. Moscow, Taus Publ., 2019, pp. 282-311.

Information About the Author

Vadim V. Maiko, Doctor of Sciences (History), Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Информация об авторе

Вадим Владиславович Майко, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.3>

UDC 75.052(477.75)+72.684(477.75)
LBC 63.3(0)4

Submitted: 20.03.2022
Accepted: 05.07.2022

THE TEMPLE OF THE “THREE HORSEMEN” (ESKI-KERMEN, SOUTH-WEST CRIMEA): ON ISSUES OF CHRONOLOGY AND INTERPRETATION OF PAINTINGS

Yuriy M. Mogarichev

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation;
Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Russian Federation

Alena S. Ergina

Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Church of the “Three Horsemen” is located on the southeast edge of Eski-Kermen hill fort (Southwest Crimea). Its name comes from the fresco with the images of three saints riding on the horses. *Methods.* Historians of the end of the 18th – beginning of the 20th centuries rarely mentioned this site. Modern scholars have discussed two issues: 1) whether the church with fresco was the original one or it was preceded by an earlier (early medieval) cave religious building; 2) the image depicts only St. George, presented in three scenes; St. Demetrius, St. Theodore, and St. George; or this image amplified with figures of local historical persons. *Analysis.* Nikolay Repnikov proved the chronological identity of fresco and the church. As regards the differences in the quality of handling walls, the author concludes that this is the result of the preparation of the rock base on plaster application and later paintings. The inscription under the picture of saints confirms this statement. All the translation variants confirm the simultaneity of paintings and cutting. Therefore, the fresco and the church were definitely created at the same time, probably in the second part of the 13th century. The analysis of paintings on the fresco shows that we have an image of St. Demetrius, St. Theodore (Stratelates or Tiron), and St. George. The images of these three saints, in contrast to “triple St. George” are common on the other sites of Crimea. *Results.* All the attempts to “find” in the Three Horsemen martyrrium the “earlier church” are baseless. The church was carved and painted in the second part of the 13th century. The fresco depicts St. Demetrius, St. Theodore (Stratelates or Tiron), and St. George. *Authors’ contribution.* Yuriy Mogarichev prepared sections on historiography and features of the considered monument. Alena Ergina investigated art history aspects.

Key words: Byzantium, Crimea, Eski-Kermen, cave churches, frescoes, temple of the “Three Horsemen”.

Citation. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. The Temple of the “Three Horsemen” (Eski-Kermen, South-West Crimea): On Issues of Chronology and Interpretation of Paintings. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 30-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.3>

УДК 75.052(477.75)+72.684(477.75)
ББК 63.3(0)

Дата поступления статьи: 20.03.2022
Дата принятия статьи: 05.07.2022

ХРАМ «ТРЕХ ВСАДНИКОВ» (ЭСКИ-КЕРМЕН, ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ): ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОСПИСЕЙ

Юрий Миронович Могаричев

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация;
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
г. Симферополь, Российская Федерация

Алена Сергеевна Ергина

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Церковь «Трех всадников» находится на юго-восточном склоне городища Эски-Кермен (Юго-Западный Крым). Свое название она получила от фрески, на которой изображены трое святых, сидящие на конях. *Методы.* В историографии конца XVIII – начала XX в. памятник упоминается редко. Сейчас дискуссии вокруг храма «Трех всадников» ведутся по двум направлениям: 1) была ли «церковь с фресковой росписью» здесь первоначальной, созданной в XIII в., или ей предшествовало более раннее (раннесредневековое) пещерное культовое сооружение; 2) на росписи показан только св. Георгий, представленный в трех сюжетах, св. Дмитрий, Федор и Георгий, или образы святых дополнены изображениями неких местных исторических персонажей. *Анализ.* Еще Н.И. Репников обосновал хронологическое тождество фресковой росписи и храма. Что касается разного качества обработки стен в «фресковой части» и остальном пространстве, то это результат подготовки скальной основы под нанесение штукатурки и последующих изображений. Этот вывод подтверждает и надпись под изображениями святых. Все варианты ее перевода соотносят воедино вырубку помещения и роспись. Таким образом, фресковая роспись в храме «Трех всадников» появилась в один хронологический период с созданием церковного помещения, вероятно, во второй половине XIII века. Что касается интерпретации изображений на фреске, то их анализ показывает, что перед нами три святых воина: Дмитрий, Феодор (Стратилат или Тирон) и Георгий. Их совместные изображения, в отличие от «тройственного св. Георгия», известны и на других памятниках Крыма. *Результаты.* Все попытки «найти» в мартирии «Трех всадников» «ранний храм» не обоснованы. Церковь была вырублена и расписана во второй половине XIII века. На росписи изображены св. Дмитрий Солунский, Федор (Стратилат или Тирон) и Георгий Победоносец. *Вклад авторов.* Ю.М. Могаричевым подготовлены разделы об историографии и особенностях рассматриваемого памятника. А.С. Ергиной исследовались искусствоведческие аспекты.

Ключевые слова: Византия, Крым, Эски-Кермен, пещерные церкви, фрески, храм «Трех всадников».

Цитирование. Могаричев Ю. М., Ергина А. С. Храм «Трех всадников» (Эски-Кермен, Юго-Западный Крым): проблемы хронологии и интерпретации росписей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 30–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.3>

Введение. Церковь «Трех всадников» находится на юго-восточном склоне городища Эски-Кермен (Юго-Западный Крым). Она высечена в отдельном обломке скалы и свое условное название получила от сюжета стенописи, на которой изображены трое святых, сидящие на конях (рис. 1–4). Это один из самых известных памятников скальной архитектуры Таврики, а росписи являются наиболее хорошо сохранившимися и «читаемыми» среди всех росписей пещерных церквей Крыма. При этом, учитывая, что на фреске не указано, каких именно святых изобразил художник, это и один из самых «дискуссионных» культовых внутрискальных объектов Крыма.

Методы. Несмотря на достаточно обширную историографию пещерных сооружений Таврики конца XVIII – начала XX в. [23, с. 11–26; 36, с. 15–22], храм «Трех всадников» упоминается достаточно редко.

Ф.К. Маршал фон Биберштейн в конце XVIII – начале XIX в. сделал копию надписи,

помещенной художником под изображениями святых воинов [35, с. 597, ил. 41]. Ее дата в настоящее время утрачена. В.М. Григорович в 1873 г. сообщал, что разглядел окончание 67 – то есть 12... годов. При этом он упомянул о надписи бегло, в контексте повествования о присутствии в Крыму первых ссыльных христиан [8, с. 15–16].

Первое научное описание памятника составил А.С. Уваров в 1848 году. По его мнению, на фреске запечатлены слева направо св. Дмитрий, св. Георгий, св. Федор Стратилат (как вариант, св. Прокопий или св. Меркурий) [25, с. 273–274].

По Д.М. Струкову: «Предполагаю: Святых Архангела Михаила, мучеников Георгия и Дмитрия» [9, л. 24].

В.В. Латышев, по копиям Ю.А. Кулаковского и А.Л. Бертъе-Делагарда, опубликовал перевод надписи [20, с. 47–48].

А.Л. Бертъе-Делагард, по сообщению В.В. Латышева, считал, что на фреске поме-

шен «св. Георгий в трех различных положениях» [21, с. 152].

Церковь упоминается в публикации о результатах Второй учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии [31, с. 115] и путеводителе Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы [19, с. 406].

Н.Л. Эрнст, составивший научное описание церкви, датировал храм XIV–XV вв., отметив, что росписи обновлялись и в XVIII в. [36, с. 30–32]. По мнению исследователя, здесь изображены: «...вероятно Георгий Победоносец или Федор Стратилат, Дмитрий Солунский и Федор Тирон. Вернее всего – два Федора и Георгий» [36, с. 32].

И.Э. Грабарь, посетивший Эски-Кермен в период работы там экспедиции Н.Л. Эрнста [36, с. 34], упомянул: «Пришли в погребение с фреской Дм. Солунского (?), Георгия и Феодора Стратилата (?)» [27, с. 118].

Н.И. Репников, основываясь на мнении В.В. Латышева и В.М. Григоровича, датировал создание храма XIII веком. Ученый обошел проблему идентификации изображенных на фреске, отметив, что имен не сохранилось [33, с. 108–110; 32, л. 132].

А.Л. Якобсон полагал, что росписи, на которых представлен св. Георгий, выполнены рукой большого мастера в XIII в. [37, с. 101].

О.И. Домбровский рассматривал так изображенных: в центре Георгий Победоносец, а по бокам от него – местные воины, павшие в боях, над могилою которых и был сооружен мавзолей. Датировал исследователь роспись началом XIII в. [14, с. 34–42].

По мнению Е.Г. Овчинниковой, на росписях изображен только св. Георгий, представленный в сюжетах: «чудо со спасенным из плена пафлагонским отроком»; «поражение копьем дракона»; «надежный защитник, готовый прийти на помощь» [29, с. 230–232].

А.В. Мальгин и М.Р. Мальгина рассматривали фреску в контексте гипотезы Н.Л. Эрнста, дополнив последнюю рядом аргументов [22].

По мнению Ю.М. Могаричева, росписи следует датировать XIII в., а изображают они Дмитрия Солунского, Федора Стратилата и Георгия Победоносца [26, с. 49–51; 25, с. 275–278].

Э.М. Корхмазян предполагала, что храм «Трех всадников» принадлежал армянской общине, а на фреске помещен святой Саркис со своим сыном Мартиросом [18, с. 143–148].

Н.Е. Гайдуков посчитал возможным утверждать, что роспись была нанесена только при перестройке первоначального храма, для чего в этой части помещения были подтесаны стена и потолок. Соответственно, «ранняя» церковь является «переходным звеном от доиконоборческого к постиконоборческому» типу [6, с. 170–172; 7, с. 201–204; и др.].

В.П. Степаненко, датировавший памятник серединой XIII в. [34, с. 452–457], и А.Ю. Виноградов, относящий росписи ко второй половине этого столетия, также писали о тройственном изображении св. Георгия. При этом последний автор солидаризовался с мнением Н.Е. Гайдукова о вторичности «церкви с фресками» [3].

И.Г. Волконская пришла к выводу, что храм «Трех всадников» имеет связь с другим пещерным храмом городища – «Успения». По ее мнению, обе церкви были расписаны одной артелью мастеров в один и тот же сезон. Произошло это в последней четверти XIII в. [4, с. 223–225].

Болгарский исследователь Г. Атанасов считает, что на фреске изображены св. Дмитрий, св. Федор и св. Георгий [2, с. 248–249].

Е.Н. Осауленко пришел к выводу, что всадник-змееборец – это св. Федор. Основанием для такого заключения послужили выявленные им у этого изображения, в его первоначальном варианте, «остатки кудрявой бороды». Росписи же, по его мнению, были созданы во второй половине XIII в. [30, с. 131].

Немецкая исследовательница А. Плонтке-Люнинг – сторонница версии, что все три всадника – это св. Георгий. Правда, в человеческой фигуре на крупе коня правого наездника она видит изображение «архонта Эски-Кермена» [39, S. 251–269].

Н.Е. Днепровский, отвергая гипотезу о «троичном Георгии», отождествляет фигуру на крупе коня с усопшим жителем Эски-Кермена, ради которого «и был расписан храм». Средний образ – один из двух Федоров (Тирон или Стратилат). Левый однозначно не интерпретируется [10, с. 25–33; 11, с. 64]. Этот же автор, вслед за Н.Е. Гайдуковым, пишет о двух периодах в истории церкви «Трех всад-

ников», датируя первоначальный храм периодом раннего Средневековья [12, с. 53–55].

Анализ. Датировка. Необходимо установить: предшествовало ли «храму с фреской» более раннее культовое сооружение. Напомним заключение Н.И. Репникова: «Грунт изображения заготовлен в раз, не имеет ни разрывов, ни швов, был по сырой штукатурке расписан сразу. На стенах нет ни малейшего намека на штукатурку, гладкая их поверхность не удержала бы известкового намета. Позднейших переделок в храме нет, приведенный текст надписи говорит, что роспись одновременно устройству самого храма» [33, с. 109]. Как видим, исследователь обоснованно доказал хронологическое тождество фресковой росписи и храма. Что касается разного качества обработки стен в «фресковой части» и остальном пространстве, заметим: прежде чем наносить штукатурку под росписи на стену (особенно скальную), ту всегда дополнительно готовили. Учитывая, что стенопись занимает лишь часть стены, то специально обработали именно тот участок, где должна помещаться фреска. Так что разный характер подтеки в нашем случае не может рассматриваться как хронологический репер.

Утверждая, что памятник является «переходным звеном от доиконоборческого к постиконоборческому» типу, во главу угла Н.Е. Гайдуков ставит исключительно литургическое устройство культовых помещений (как он его понимает). Как показали современные исследования, заключения об отражении богослужебных ритуалов в плане конкретного храма чаще всего носят гипотетический характер. В средневизантийский период внешние формы христианского культа существенно стабилизировались и, следовательно, возможность их соотнесения с архитектурными формами ограничена [28, с. 271].

Таким образом, сооружение храма и появление в нем росписей относятся к одному хронологическому периоду. Как нам представляется, указанный вывод подтверждает и надпись под изображениями трех святых [3] (рис. 5).

Все варианты ее перевода [20, с. 47–48; 36, с. 32; 27, с. 118; 3; 14, с. 39; 10, с. 16], каковы бы нюансы ни отмечали переводчики, соотносят воедино вырубку помещения и роспись. В связи с этим предположение, что «сло-

ва “вырублены и расписаны” относятся не к первоначальному сооружению храма» [3], выглядит малореальным. Его можно было бы принять, если бы речь шла о сооружении придела, но предположение, что автор текста таким образом обозначил небольшую прирубку под фреску, а не создание всего церковного помещения, представляется нелепым.

В 2017 г. А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой исследован участок Эски-Керменского некрополя, на котором стали хоронить в XIII в., после начала функционирования мартирия «Трех всадников» [1, с. 279].

Учитывая изложенное, вероятнее всего, рассматриваемый памятник и его фресковые росписи были созданы в XIII веке. Как отметил А.Ю. Виноградов, ближайшая аналогия надписи из церкви «Трех всадников» – это надпись из «Храма География» (Инкерман), датирующаяся 1272–1273 гг. [3]. К такому же выводу пришел и Е.Н. Осауленко [30, с. 131]. Вероятно, это позволяет сузить дату сооружения и росписи церкви до второй половины указанного столетия.

Интерпретация росписи. Заключение А.С. Уварова, Н.Л. Эрнста, Г. Атанасова и, конечно, И.Э. Грабаря, позволяют обоснованно отбросить версии о «трех Георгиях» и «портретах реальных местных деятелей». Казалось бы, аргументом в пользу нахождения на фреске исключительно св. Георгия является то, что все трое святых изображены безбородыми юношами (см., например: [34, с. 454–455]). Известно, что в Византии св. Георгий «изображается безбородым юношей, с густыми кудрявыми волосами, доходящими до ушей» [15], в отличие от Феодора Стратилата и Феодора Тирона, которых художники показывали мужчинами средних лет с бородой [34, с. 454]. В целом гипотеза о «трех Георгиях» закрепились в историографии как основная после издания монографии О.И. Домбровского, где он поместил прорись «безбородых» фресковых изображений (рис. 6) после их копирования, расчистки и реставрации, которыми он сам руководил [14, с. 9]. Именно эта «постреставрационная версия» изображений О.И. Домбровского и стала основой для последующих выводов Е.Н. Овчинниковой, В.П. Степаненко и др. Е.Н. Осауленко обратил внимание на фрагменты бороды средне-

го святого. Она отчетливо просматривается и на рисунке М.Б. Вебеля (сер. XIX в.) из «Неизданного альбома А.С. Уварова» [25, с. 8]. Причем это лучше всего видно на том варианте, который опубликован на сайте Государственного исторического музея (Инв. ном. МФ/2-2172, ном. ГИМ 105190/245, Ном. ГК 17198725) (рис. 7, 8) [17]. В паспорте экспоната указано: «бумага, акварель». Соответственно, ГИМовский рисунок, несомненно, является оригиналом, с которого были изготовлены известные по другим публикациям гравюры (рис. 9). При этом в защиту О.И. Домбровского стоит отметить, что уже во второй половине XIX в. борода плохо просматривалась. По крайней мере, Д.М. Струков на своем рисунке росписи (1886 г.), правда, весьма приблизительном, ее не показал (рис. 10).

Таким образом, перед нами изображение трех святых воинов: Дмитрия, Феодора (Стратилата или Тирона) и Георгия. Известно, что эти трое святых совместно почитались представителями византийской аристократии, а Неофит Кипрский (вторая половина XII – начало XIII в.) определяет их как соратников и сопричастников [5, с. 63]. Их совместные изображения хорошо известны в византийском искусстве с VI в., а с XII в. получили широкое распространение [15]. Часто св. Георгия также изображали в паре с св. Дмитрием. Отметим, последний и рисовался юношей без бороды [15]. Что касается Крыма, три святых воина вместе представлены на иконе (XII в.), найденной при исследовании Херсонеса [38, с. 164]. Среди росписей пещерных церквей их изображение есть: в храме «Донаторов» (середина XIV в., округа того же Эски-Кермена) [25, с. 265–268]; церкви Южного монастыря Мангупа (XV в.) [24, с. 51].

В Византии была известна и композиция двойного чуда: «Чудо о змии» и «Чудо с отроком» [15]. Однако там речь идет не о «тройном чуде», а только о двойном. А впервые такая объединенная композиция встречается только на иконе 20-х гг. XIV в., а распространение

она получила с XV в. [15]. Заметим, что ни один из сторонников «троичности св. Георгия» на фреске храма «Трех всадников» не смог привести ни одной аналогии ни на памятниках византийского круга, ни еще где-либо.

Таким образом, можно сделать вывод, что совместное изображение св. Георгия, Дмитрия и Феодора является традиционным как для византийского искусства в целом, так и для средневекового Крыма. Мы не знаем примеров среди византийских, в том числе и крымских, памятников, где был бы одновременно изображен св. Георгий в трех сюжетах.

Нашу гипотезу подтверждает надпись под фреской, где в отношении изображенных стоит множественное число в родительном падеже. Попытки объяснить упоминание одного св. Георгия во множественном числе («изображен мученик в трех деяниях и, соответственно, в трех иконографических типах» [34, с. 456]; три образа св. Георгия воспринимались «как три святых», а в качестве аналогии указан культ двух Федоров в соседнем Черкес-Кермене [3]) выглядят неубедительными. Во-первых, св. Георгий – это один персонаж, а св. Федоры – разные. Во-вторых, если версию, что изображения на фреске воспринимались как разные святые местными прихожанами, еще можно как-то допустить, то крайне сложно поверить, что так св. Георгия воспринимал церковный живописец, без сомнения, достаточно хорошо разбиравшийся в христианской агиографии и однозначно использовавший в надписи по отношению к святым форму множественного числа. Особо заметим, что крымские эпиграфические находки свидетельствуют о хорошей образованности их авторов [16, с. 101].

Результаты. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод: фресковая роспись в храме «Трех всадников» появилась в один хронологический период с созданием церковного помещения, вероятно, во второй половине XIII в. Анализ росписей показывает, что перед нами три святых воина: Дмитрий Солунский, Феодор (Стратилат или Тирон) и Георгий Победоносец.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Вид на храм «Трех всадников». Фото
Fig. 1. Eski-Kermen. View of the Temple of “Three Horsemen”. Photo

Рис. 2. Храм «Трех всадников», внутренний вид. Фото
Fig. 2. The Temple of the “Three Horsemen”. The interior view. Photo

Рис. 3. Храм «Трех всадников», внутренний вид. Акварель. Из «Неизданного альбома А.С. Уварова»
Fig. 3. Temple of the “Three Horsemen” interior view. Watercolor after “Unedited album of A.S. Uvarov”

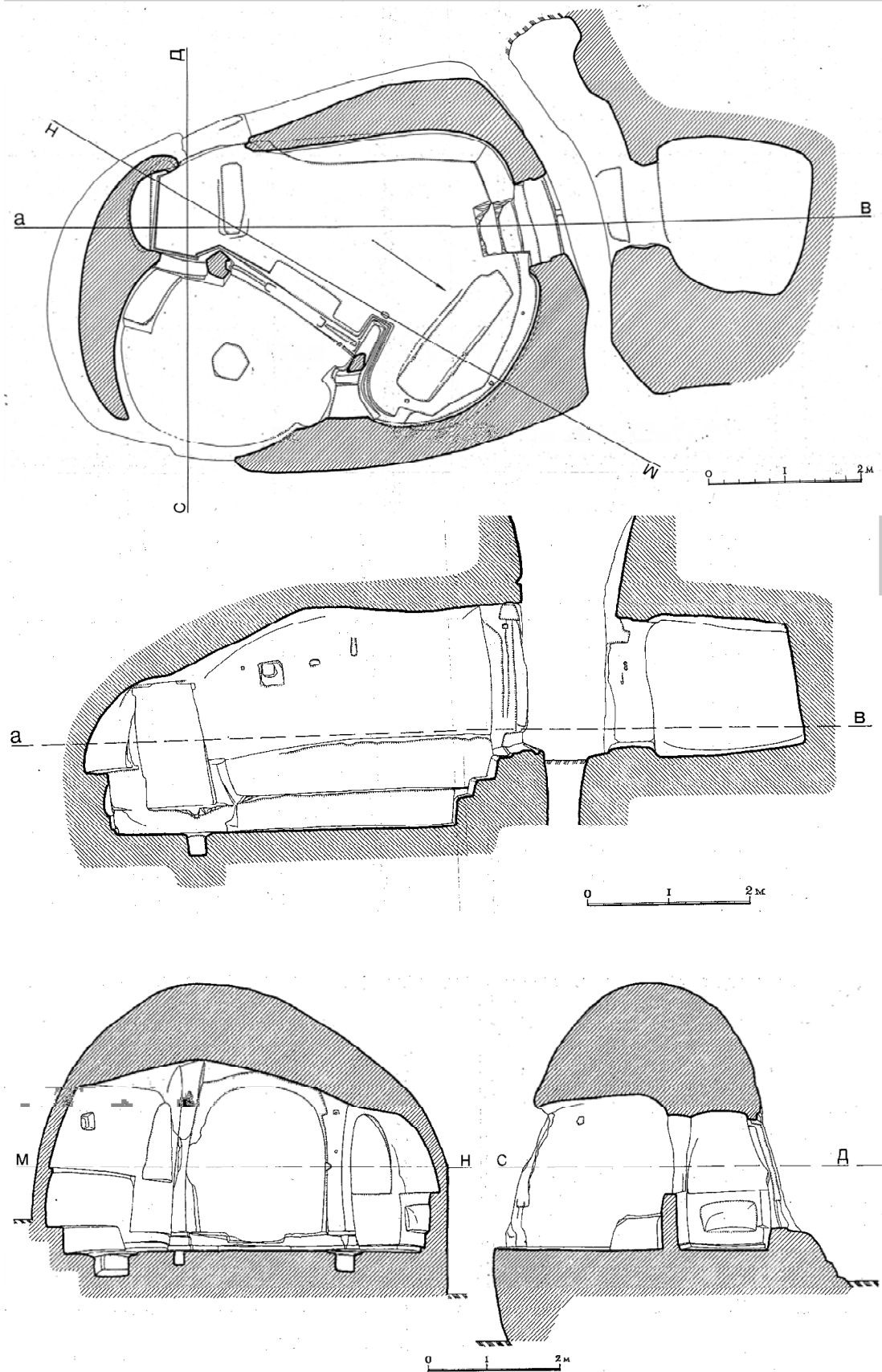

Рис. 4. Храм «Трех всадников». План. Разрезы
Fig. 4. Temple of the “Three Horsemen”. Plan. Cuts

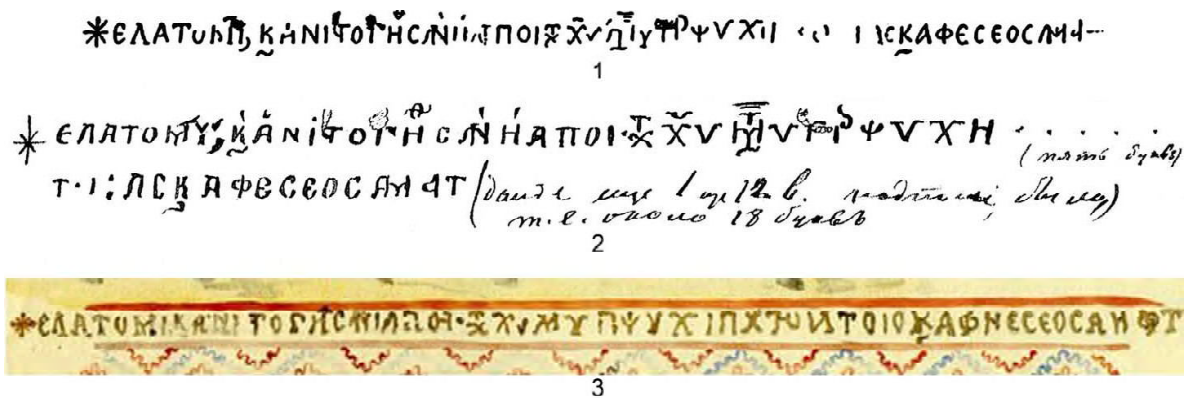

Рис. 5. Храм «Трех всадников». Прориси надписи:

1 – по Ю.А. Кулаковскому; 2 – По А.Л. Бертье-Далагарду; 3 – По Д.М. Струкову [13]

Fig. 5. Temple of the “Three Horsemen”. Draw the inscriptions:

1 – according to Y.A. Kulakovsky; 2 – according to A.L. Berthier-Dalagard; 3 – according to D.M. Strukov [13]

Рис. 6. Храм «Трех всадников». Прорись изображений по О.И. Домбровскому

Fig. 6. Temple of the “Three Horsemen”. Drawing images according to O.I. Dombrovsky

Рис. 7. Роспись храма «Трех всадников». Акварель. Из «Неизданного альбома А.С. Уварова»

Fig. 7. Temple of the “Three Horsemen”. Watercolor after “Unedited album of A.S. Uvarov”

Рис. 8. Роспись храма «Трех всадников». Фрагмент. Акварель. Из «Неизданного альбома А.С. Уварова»
Fig. 8. Temple of the “Three Horsemen”. Fragment. Watercolor after “Unedited album of A.S. Uvarov”

Рис. 9. Роспись храма «Трех всадников». Гравюра. Из «Неизданного альбома А.С. Уварова»
Fig. 9. Temple of the “Three Horsemen”. Engraving after “Unedited album of A.S. Uvarov”

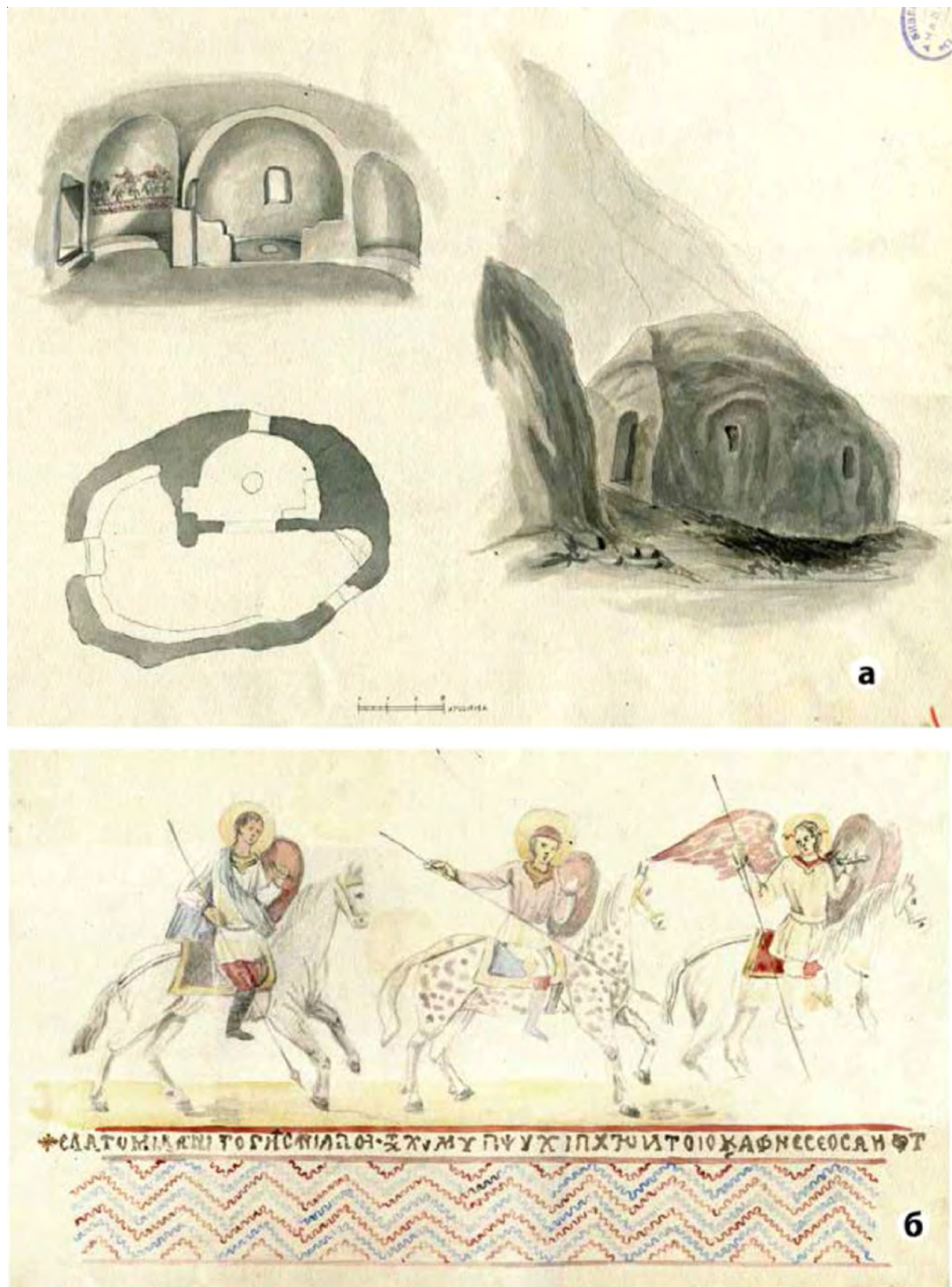

Рис. 10. Храм «Трех всадников» по Д.М. Струкову [11]
 Fig. 10. Temple of the “Three Horsemen” after D.M. Strukov [11]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Раскопки некрополя у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Труды Государственного Эрмитажа. – 2019. – Т. 99. – С. 266–280.
2. Атанасов, Г. Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния изток през средновековието / Г. Атанасов. – София : Зограф, 2001. – 434 с.
3. Виноградов, А. Ю. Эски-Кермен. Строительная надпись неизвестного, 2 пол. XIII в. / А. Ю. Виноградов // Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). Т. V. Византийские надписи. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.219-ru.html> (дата обращения: 20.03.2022). – Загл. с экрана.
4. Волконская, И. Г. Эски-Керменские фрески. Новые исследования / И. Г. Волконская // Церковные древности. – Симферополь : Универсум, 2005. – С. 217–239.
5. Воронин, К. В. Стеатитовая икона с образами великомучеников Федора, Георгия, Дмитрия из раскопок в Херсонесе и ее культурно-исторический контекст: изображения триумвирата святых воинов в христианском искусстве XII–XIII вв. / К. В. Воронин // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. – М. : Пробел-2000, 2019. – С. 60–64.
6. Гайдуков, Н. Е. Литургические датировки некоторых пещерных храмов Таврики / Н. Е. Гайдуков // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – Киев : Стилос, 2004. – С. 167–174.
7. Гайдуков, Н. Е. Сакральное пространство и литургические устройства в доиконоборческих пещерных храмах Юго-Западной Таврики / Н. Е. Гайдуков // Иеротопия. – М. : Индрик, 2006. – С. 186–215.
8. Григорович, В. И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра / В. И. Григорович. – Одесса : Тип. Францова, 1874. – 48 с.
9. Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках художника Д. М. Струкова в губерниях: Московской, Владимирской, Смоленской, Ярославской, Тульской, Калужской и Кубанской обл. // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. – Ф. 1. – 1889. – Д. 87. – 90 л.
10. Днепровский, Н. В. Новое в интерпретации пещерного храма «Трех всадников» на городище Эски-Кермен / Н. В. Днепровский // Дивногорский сборник. Вып. 5. – Воронеж : Науч. кн., 2015. – С. 7–35.
11. Днепровский, Н. В. Некоторые проблемы исследования фрески Эски-Керменского храма «Трех всадников» / Н. В. Днепровский // Бахчисарай : Археология, история, этнография. – Бахчисарай ; Белгород : Константа, 2018. – С. 55–69.
12. Днепровский, Н. В. К вопросу о строительной периодизации храма «Трех всадников» на городище Эски-Кермен / Н. В. Днепровский // Спелеология и спелестология. – 2021. – № 2. – С. 38–58.
13. Днепровский, Н. В. К вопросу о надписи, обнаруженной В.И. Григоровичем в округе Черкес-Кермена / Н. В. Днепровский, М. М. Чореф // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2013. – Вып. V. – С. 187–194.
14. Домбровский, О. И. Фрески средневекового Крыма / О. И. Домбровский. – Киев : Изд-во АН УССР, 1966. – 110 с.
15. Жарикова, Т. А. Георгий. Иконография / Т. А. Жарикова // Православная энциклопедия. Т. 10. – М. : Православная энциклопедия, 2009. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/162188.html> (дата обращения: 20.03.2022). – Загл. с экрана.
16. Евдокимова, А. А. Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности / А. А. Евдокимова // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. – М. : Пробел-2000, 2019. – С. 95–104.
17. Изобразительные материалы к изданию «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова» (СПб., 1851–1853). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236537?kit=625516286&index=32> (дата обращения: 20.03.2022). – Загл. с экрана.
18. Корхмазян, Э. М. Новые данные о фреске в Эски-Кермене / Э. М. Корхмазян // Историко-филологический журнал НАН РА. – 1998. – № 3. – С. 143–148.
19. Крым. Путеводитель Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь : Тип. Губерн. земства, 1914. – 686 с.
20. Латышев, В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России / В. В. Латышев. – СПб. : Тип. АН, 1896. – 144 с.
21. Латышев, В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма / В. В. Латышев // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1897. – Т. XX. – С. 149–162.
22. Мальгин, А. В. К вопросу об интерпретации фрески «Храма трех всадников» в Эски-Кермене (по материалам фонда А.Л. Бертье-Делагарда архива Крымского республиканского краеведческого музея) / А. В. Мальгин, М. Р. Мальгина // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1993. – № 2. – С. 4–7.
23. Могаричев, Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпре-

тации) / Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь : Таврия, 1992. – С. 5–132.

24. Могаричев, Ю. М. К вопросу о периодизации фресковых росписей пещерной церкви Южного монастыря Мангупа / Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 47–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.4>

25. Могаричев, Ю. М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2019. – 344 с.

26. Могаричев, Ю. М. Пещерные церкви Таврики / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1997. – 384 с.

27. Могаричев, Ю. М. Фресковые росписи пещерных церквей Юго-Западной Таврики: версия И.Э. Грабаря / Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 116–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.8>

28. Мусин, А. Е. Литургические особенности храма / А. Е. Мусин // Археологический альманах. – 2015. – № 32 : Древности Семидворья I. – С. 271–304.

29. Овчинникова, Е. С. Вновь открытый памятник станковой живописи из собрания Государственного Исторического музея / Е. С. Овчинникова // Византийский временник. – 1976. – Т. 37. – С. 228–234.

30. Осауленко, Є. М. Збираючи мозаїку знюв : Середньовічні фрески Кримської Готії / Є. М. Осауленко // Collegium. – 2008. – № 24. – С. 127–146.

31. Попов, А. Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии / А. Н. Попов. – Симферополь : Тавр. губерн. тип., 1888. – 121 с.

32. Репников, Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма / Н. И. Репников // Архив Института истории материальной культуры РАН. – Ф. 10. – Д. 10. – 387 л.

33. Репников, Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. / Н. И. Репников // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник. – 1932. – Т. 12, Вып. 1–8. – С. 107–152.

34. Степаненко, В. П. Киконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом / В. П. Степаненко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2003. – Вып. X. – С. 452–457.

35. Тункина, И. В. Археолого-этнографические исследования Ф.К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) / И. В. Тун-

кина // Человек и древности / отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. – М. : Гриф и К, 2010. – С. 588–610.

36. Эрнст, Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма / Н. Л. Эрнст // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1929. – Т. 3 (60). – С. 15–43.

37. Якобсон, А. Л. Средневековый Крым / А. Л. Якобсон. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 232 с.

38. Яшаева, Т. Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залесская, Д. Журавлев. – Севастополь : Телескоп ; Остин : Институт классической археологии, 2011. – 708 с.

39. Plontke-Lüning, A. Ein Herr vom Ęski Kermen? Überlegungen zum “Dreireiter-Bild” in der Felskapelle am Südwesthang des Ęski Kermen / A. Plontke-Lüning // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches / hrsg. von S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. – Mainz : Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. – S. 251–269.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Raskopki nekropolya u khrama «Trehk vsadnikov» na sklone plato Eski-Kermen [Excavations of the Necropolis at the “Three Horsemen” Church at the Slope of the Eski-Kermen Plateau]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2019, vol. 99, pp. 266–280.

2. Atanasov G. *Sveti Georgi Pobedonosets. Kult i obraz v pravoslavniya iztok prez srednovekovieto* [Saint George Triumphant. The Cultus and Image in the Medieval Eastern Orthodox World]. Sofia, Zograf Publ., 2001. 434 p.

3. Vinogradov A.Yu. Eski-Kermen. Stroitel'naya nadpis neizvestnogo, 2 pol. XIII v. [Eski-Kermen. Building Inscription of an Unknown, 2nd Half of 13th Century C.E.]. *Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomorya (IOSPE). Vizantiyskie nadpisi* [Ancient Inscriptions on the Northern Black Sea (IOSPE). Vol. 5. Byzantine Inscriptions]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.219-ru.html> (accessed 20 March 2022).

4. Volkonskaya I.G. Eski-Kermenskie freski. Novye issledovaniya [The Frescoes of Eski-Kermen. The New Studies]. *Tserkovnye drevnosti* [The Church Antiquities]. Simferopol, Universum Publ., 2005, pp. 217–239.

5. Voronin K.V. Steatitovaya ikona s obrazami velikomuchenikov Fedora, Georgiya, Dmitriya iz raskopok v Khersonese i ee kulturno-istoricheskiy kontekst: izobrazheniya triumvirata svyatykh voinov v khristianskom iskusstve XII–XIII vv. [A Steatite Icon

with Images of the Great Martyrs Theodore, George, Demetrius from the Excavations in Chersonese and its Cultural and Historical Context: Images of the Triumvirate of Holy Warriors in Christian Art of the 12th – 13th Centuries]. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, pp. 60-64.

6. Gaydukov N.E. Liturgicheskie datirovki nekotorykh peshchernykh khramov Tavriki [The Liturgical Dating of Certain Cave Churches]. *O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [On Antiquities of the Southern Coast of Crimea and Taurical Mountains]. Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 167-174.

7. Gajdukov N.E. Sakralnoe prostranstvo i liturgicheskie ustroystva v doikonoborcheskikh peshchernykh khramakh Yugo-Zapadnoy Tavriki [Sacred Space and Liturgical Arrangements of Pre-Iconoclast Cave Churches in South-West Crimea]. *Ierotopiya* [Hierotopy]. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 186-215.

8. Grigorovich V.I. *Zapiska antikvara o poezdke ego na Kalku i Kalmius, v Korsunskuyu zemlyu i na yuzhnye poberezhya Dnepra i Dnestra* [The Note of Archaist about His Trip to Kalka and Kalmius, Korsun Lands and the Southern Banks of Dnieper and Dniester]. Odessa, Tip. Frantsova, 1874. 48 p.

9. Delo Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii o raskopkakh khudozhnika D.M. Strukova v guberniyakh: Moskovskoy, Vladimirskoy, Smolenskoj, Yaroslavskoy, Tul'skoy, Kaluzhskoy i Kubanskoy obl. [The Case of the Imperial Archaeological Commission on the Excavations by the Artist D.M. Strukov in the Provinces. Moscow, Vladimir, Smolensk, Yaroslavl, Tula, Kaluga and Kuban Regions]. *Nauchnyy arkhiv Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 1, 1889, d. 87. 901.

10. Dneprovskiy N.V. Novoe v interpretatsii peshchernogo khrama «Treh vsadnikov» na gorodishche Eski-Kermen [The New Approaches in Interpretation of the “Three Riders” Cave Temple on the Hill Fort of Eski-Kermen]. *Divnogorskiy sbornik* [The Divnogorye Collection], iss. 5, Voronezh, Nauch. kn. Publ., 2015, pp. 7-35.

11. Dneprovskiy N.V. Nekotorye problemy issledovaniya freski Eski-Kermenskogo khrama «Treh vsadnikov» [Some Problem in Studying Frescoes of the “Three Horsemen” Temple on Eski-Kermen]. *Bakhchisaray: Arkheologiya, istoriya, etnografiya* [Bakhchisaray. Archaeology, History, and

Ethnography]. *Bakhchisarai; Belgorod, Konstanta Publ.*, 2018, pp. 55-69.

12. Dneprovskiy N.V. K voprosu o stroitelnoy periodizatsii khrama «Treh vsadnikov» na gorodishche Eski-Kermen [To the Question of the Construction Periodization of the “Three Horsemen” Temple on the Settlement Eski-Kermen]. *Speleologiya i speleostologiya* [Speleology and Speleology], 2021, no. 2, pp. 38-58.

13. Dneprovskiy N.V., Choref M.M. K voprosu o nadpisi, obnaruzhennoy V.I. Grigorovichem v okruge Cherkes-Kermena [On an Inscription Founded by V.I. Grogorovich in Cherkes-Kermen Area]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2013, iss. 5, pp. 187-194.

14. Dombrovskiy O.I. *Freski srednevekovogo Kryma* [The Frescoes of Medieval Crimea]. Kiev, Izd-vo AN USSR, 1966. 110 p.

15. Zharikova T.A. Georgiy. Ikonografiya [George. Iconography]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 10. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2009. URL: <https://www.pravenc.ru/text/162188.html> (accessed 20 March 2022).

16. Evdokimova A.A. Vizantiyskie nadpisi Kryma, formuly i lingvisticheskie osobennosti [Byzantine Inscriptions from Crimea, Formulas and Linguistic Features]. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious, and Political Relations of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, pp. 95-104.

17. *Izobrazitelnye materialy k izdaniyu «Sobranie kart i risunkov k issledovaniyam o drevnostyakh Yuzhnoy Rossii i beregov Chernogo morya, grafa Alekseya Uvarova» (SPb., 1851–1853)* [Visual Materials for the Publication “Collection of Maps and Drawings for Research on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Shores, Count Alexey Uvarov” (St. Petersburg, 1851–1853)]. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236537?kit=625516286&index=32> (accessed 20 March 2022).

18. Korkhmazyan E.M. Novye dannye o freske v Eski-Kermene [The New Data on Eski-Kermen Frescoes]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal NAN RA [Patma-Banasirakan Handes]*, 1998, no. 3, pp. 143-148.

19. *Krym. Putevoditel Krymskogo obshchestva estestvoispytateley i lyubiteley prirody* [Crimea. Guide of the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers]. Simferopol, Tip. Gubern. zemstva, 1914. 686 p.

20. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii* [Collection

of Greek Inscriptions of Christian Times from Southern Russia]. St. Petersburg., Tip. AN, 1896. 144 p.

21. Latyshev V.V. Zаметки k khristianskim nadpisyam iz Kryma [Notes to Christian Inscriptions from Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities], 1897, vol. 20, pp. 149-162.

22. Malgin A.V., Malgina M.R. K voprosu ob interpretatsii freski «Khrama trekh vsadnikov» v Eski-Kermene (po materialam fonda A.L. Bertye-Delagarda arkhiva Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya) [On Interpretation of the Fresco of “Tree Riders Temple” in Eski-Kermen (Based on the Materials of the A.L. Berthier-Delagard Fund of the Archive of the Crimean Republican Local History Museum)]. *Izvestiya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Crimean Republican Local History Museum], 1993, no. 2, pp. 4-7.

23. Mogarichev Yu.M. Peshchernye sooruzheniya srednevekovykh gorodishch Yugo-Zapadnogo Kryma (voprosy klassifikatsii, khronologii, interpretatsii) [The Cave Constructions of Medieval City-Sites of South West Crimea (Problems of Classification, Chronology and Interpretation)]. *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu* [Problems of the “Cave Town” History in Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., 1992, pp. 5-132.

24. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. K voprosu o periodizatsii freskovykh rospisey peshchernoy tserkvi Yuzhnogo monastyrya Mangupa [Reassessing the Periodization of Mural Paintings in the Cave Church of the Southern Mangup Monastery]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of the Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 47-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.4>

25. Mogarichev Yu.M. «Peshchernye goroda» Gornoy Yugo-Zapadnoy Tavriki v opisani A.S. Uvarova [“Cave Cities” of the Mountain South-Western Taurica in the Description by A.S. Uvarov]. Simferopol, Biznes-Infom Publ., 2019. 344 p.

26. Mogarichev Yu.M. *Peshchernye tserkvi Tavriki* [The Cave Churches of Taurica]. Simferopol, Tavriya Publ., 1997. 384 p.

27. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. Freskovye rospisi peshchernykh tserkvey Yugo-Zapadnoy Tavriki: versiya I.E. Grabarya [Fresco Paintings of Southwest Crimea Cave Churches According to Igor Grabar]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies.

International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 116–130. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.8>

28. Musin A.E. Liturgicheskie osobennosti khrama [Liturgical Rituals Practiced in the Church]. *Arkheologicheskii almanakh* [Archaeological Almanac], 2015, no. 32. Drevnosti Semidvorya I, pp. 271-304.

29. Ovchinnikova E.G. Vnov otkrytyy pamyatnik stankovoy zhivopisi iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [New-Opened Historic Landmark of Easel Painting from the Collection of Historical State Museum]. *Vizantiiskii vremennik*, 1976, vol. 37, pp. 228-234.

30. Osaulenko Ye.M. Zbyrayuchi mozayiku znov: Serednyovichni freski Krymskoyi Gotii [Assembling the Mosaic Again. The Medieval Frescoes of Crimean Gothic]. *Collegium*, 2008, no. 24, pp. 127-146.

31. Popov A.N. *Vtoraya uchebnaya ekskursiya Simferopolskoy muzhskoy gimnazii* [The Second Educational Excursion of the Simferopol Male Gymnasium]. Simferopol, Tav. gubern. tip., 1888. 121 p.

32. Repnikov N.I. Materialy k arkheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagorya Kryma [The Matters on the Archeological Map of Southwest Plateau of Crimea]. *Arkhiv Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Archive of the Institute of History of the Material Culture of the Russian Academy of Science], f. 10, d. 10. 3871.

33. Repnikov N.I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–29 gg. [Eski-Kermen in the Light of Archaeological Exploration at 1928–1929]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury. Gotskiy sbornik* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture. Gothic Collection], 1932, vol. 12, iss. 1–8, pp. 107-152.

34. Stepanenko V.P. K ikonografii freski khrama «Treh vsadnikov» pod Eski-Kermenom [On Iconography of Fresco in the Church of «Three Riders» near Eski-Kermen]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, iss. 10, pp. 452-457.

35. Tunkina I.V. Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya F.K. Marshala fon Bibershteyna v Vostochnom Krymu i na Kavkaze v kontse XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam) [Archaeological and Ethnographic Research of F.K. Marshal von Bieberstein in the Eastern Crimea and the Caucasus at the End of the 18th Century (According to Unpublished Archival Documents)]. *Chelovek i drevnosti* [Man and Antiquities]. Moscow, Grifi K Publ., 2010, pp. 588-610.

36. Ernst N.L. Eski-Kermen i peshchernye goroda Kryma [Eski-Kermen and Crimean Cave Towns]. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii*,

arkheologii i etnografii [News of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography], 1929, vol. 3 (60), pp. 15-43.

37. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym* [The Medieval Crimea]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 232 p.

38. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. *Nasledie vizantiyskogo Khersona* [The Heritage of Byzantine Kherson].

Sevastopol, Teleskop Publ.; Ostin, Institut klassicheskoy arkeologii, 2011. 708 p.

39. Plontke-Lüning A. Ein Herr vom Ėski Kermen? Überlegungen zum "Dreireiter-Bild" in der Felskapelle am Südwesthang des Ėski Kermen. *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches*. Mainz, Verl. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013, S. 251-269.

Information About the Authors

Yuriy M. Mogarichev, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation; Head of the Humanity and Social Science Department, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Lenina St, 15, 295000 Simferopol, Russian Federation, mogara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6057-2316>

Alena S. Ergina, Head of the Department of Postgraduate Studies, Lecturer, Department of Painting, Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz, Solyanoy Lane, 13, 191028 Saint Petersburg, Russian Federation, yergina.alyona@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7988-0415>

Информация об авторах

Юрий Миронович Могаричев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация; заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, ул. Ленина, 15, 295051 г. Симферополь, Российская Федерация, mogara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6057-2316>

Алена Сергеевна Ергина, заведующая отделом аспирантуры, преподаватель кафедры живописи, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, пер. Соляной, 13, 191028 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, yergina.alyona@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7988-0415>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.4>

UDC 94“04/14”:2-526.5

LBC 63.3(0)4-7

Submitted: 20.04.2022

Accepted: 27.04.2022

BYZANTINE LIGHTING DEVICES FROM THE MAIN BASILICA OF THE CITY ON THE ESKI-KERMEN PLATEAU¹

Aleksandr I. Aibabin

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The light played a big role in Byzantine culture. It was an integral part of the original architectural, artistic and symbolic design of the temple. For additional lighting inside the temple, polycandyla, lampadophoroi and candlesticks were used. Lighting devices are depicted on Byzantine mosaics, frescoes, icons, textiles and in manuscripts. Information about lighting devices is also contained in the typicons. *Method.* In 1930 and 2019–2021, during the excavations of the basilica erected by the Byzantines at the end of the 6th century on the Eski-Kermen plateau, fragments of Byzantine bronze candlesticks and a polycandylon were found. Their study is important for the reconstruction of the interior decoration of the once rich main city temple. *Analysis and Results.* These candlesticks and a polycandylon are only a small part of the lighting equipment of the main basilica of the city on the Eski-Kermen plateau. The considered lamps give an idea of the complex of church lighting, which was known only by mentions in monastic inventory inventories and typicons of the late 11th–13th centuries. The increase in the value of candles in the artificial lighting of churches is a characteristic feature of the Komnenos period, which is intensified under the Palaiologoi. Apparently, a new set of lamps began to be used in the main basilica after its reconstruction.

Key words: light, Eski-Kermen, basilica, polycandylon, candlestick, typicon.

Citation. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Byzantine Lighting Devices from the Main Basilica of the City on the Eski-Kermen Plateau. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 46-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.4>

УДК 94“04/14”:2-526.5

ББК 63.3(0)4-7

Дата поступления статьи: 20.04.2022

Дата принятия статьи: 27.04.2022

ВИЗАНТИЙСКИЕ ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ИЗ ГЛАВНОЙ БАЗИЛИКИ ГОРОДА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН¹

Александр Ильич Айбабин

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Эльзара Айдеровна Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В византийской культуре свет играл большую роль. Он являлся неотъемлемой частью первоначального архитектурно-художественного и символического замысла храма. Для дополнительного освещения внутри храма использовали поликандилоны, лампадофоры и подсвечники. Осветительные приборы изображены на византийских мозаиках, фресках, иконах, текстиле и в рукописях. Информация об осветительных приборах содержится и в типиконах. В 1930 и 2019–2021 гг. в ходе раскопок базилики, возведенной

византийцами в конце VI в. на плато Эски-Кермен, найдены фрагменты византийских бронзовых подсвечников и поликандилона. Их изучение важно для реконструкции внутреннего убранства некогда богатого главного городского храма. Публикуемые подсвечники и поликандилон – лишь малая часть осветительного инвентаря главной базилики города на плато Эски-Кермен. Рассмотренные светильники дают представление о комплексе церковного освещения, который был известен только по упоминаниям в монастырских описях инвентаря и типиконах конца XI–XIII века. Увеличение значения свечей в искусственном освещении церквей – это характерная черта для периода Комнинов, которая усиливается при Палеологах. Видимо, новый комплекс светильников начали использовать в главной базилике после ее реконструкции. *Вклад авторов.* А.И. Айбабиным дана историческая интерпретация находок, Э.А. Хайрединовой выполнена реконструкция осветительных приборов и выявлен круг их аналогий.

Ключевые слова: свет, Эски-Кермен, базилика, поликандилон, подсвечник, типикон.

Цитирование. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Византийские осветительные приборы из главной базилики города на плато Эски-Кермен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 46–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.4>

Введение. В византийской культуре свет играл большую роль. Он являлся неотъемлемой частью первоначального архитектурно-художественного и символического замысла храма. Свет, освещение и возжигание различных светильников и свечей в определенные моменты были важным элементом богослужения [5, с. 98–99]. Поликандилоны, лампадофоры и подсвечники использовали для дополнительного освещения внутри храма. Архиепископу Симеону Солунскому (Фессалоникийскому – Συμεών Θεσσαλονίκης ὁ Μυσταγωγός, первая треть XV в.) подвешенные светильники напоминали звезды [2, с. 85]. Типиконы и дарственные надписи показывают, что многие светильники жертвовали служители церкви и миряне [24, р. 1227–1228]. В новелле Юстиниана I от 538 г. подчеркивалась важность предоставления доходов для поддержания освещения в церкви: «Церковное благоустройство, говорил он, есть опора империи» [6, с. 326]. Осветительные приборы изображены на византийских мозаиках, фресках, иконах, текстиле и в рукописях (рис. 1, 1, 2, 2а). Информация об осветительных приборах содержится и в типиконах.

Метод. В 1930 и 2019–2021 гг. в ходе раскопок базилики, возведенной византийцами в конце VI в. на плато Эски-Кермен, найдены фрагменты бронзовых подсвечников и поликандилона (рис. 2; 3) [1, с. 9; 9, с. 128]. Их изучение важно для реконструкции внутреннего убранства некогда богатого главного городского храма.

Анализ. В северо-западном углу площади перед базиликой, в слое ее разрушения кон-

ца XIII в. и над плитовым перекрытием могилы 11/2021 обнаружены детали двух бронзовых подсвечников: заостренный граненый стержень с насаженной чашечкой (рис. 2, 1) и обломок такой же чашечки (размер 3,0 × 4,5 см; рис. 2, 2). Массивный, квадратный в сечении стержень для крепления крупной свечи (высота – 8,4 см, толщина – 0,5–2,0 см) отлит со сферической нижней частью и выступом для фиксации чашечки. Полусферическая чашечка, в которую стекал расплавленный воск от свечи (диаметр – 6,7 см, высота – 1,4 см), сделана с рельефным горизонтальным бортиком и плоским дном с квадратным отверстием в центре. В нижней части она декорирована врезными концентрическими кругами. В 1930 г. нашли аналогичные детали подсвечника: чашечку со стержнем для свечи (высота стержня – 9,2 см, диаметр чашечки – 7,1 см; рис. 2, 3) и отдельный стержень (высота – 9,4 см; рис. 2, 4).

Подобные по форме и конструкции подсвечники имели широкое распространение в средневизантийское время. Они известны в Коринфе [13, р. 128, 143, Cat. Nr. 863, 1053, 1054, pl. 63, 72], Амории – в церкви нижнего города X–XI вв. [16, р. 133, fig. 4–6], Эфесе – в базилике Святого Иоанна [20, S. 151, 194, Kat. Nr. A52-54, V5, Taf. 80, 106, Farbt. 87, 112], а также в Гортине (Крит) – в базилике Святого Тита [25, р. 114, fig. 27–28].

В византийских церквях свечи использовались в светильниках трех типов: 1 – в отдельно стоящих канделябрах; 2 – на длинных пластинчатых подставках, укрепленных на темплоне; 3 – в хоросе, центральной большой люстре.

Отдельно стоящий на полу канделябр – так называемый мануалий (μανουάλιον) – имел высокую подставку-ножку, на вершине которой укреплялся бронзовый диск с напаянными по диаметру чашечками с шипом по центру для свечи [25, р. 108, 117, fig. 10, note 35; 17, р. 161]. По наблюдениям Л. Пети, первоначально мануалиями именовали сами стеклянные или металлические чашечки-подставки под свечи с отверстием в центре, в которые стекали капли воска или жира от свечи, тогда как большой светильник в виде металлической колонны, на вершине которой фиксировался диск с подставками под свечи, именовали киростатом (κηροστάτον) [18, р. 143–144]. В письменных источниках различаются большие канделябры-мануалии, устанавливавшиеся перед темплом или иконами, и портативные, которые использовались в процессиях [15, р. 38, note 3; 17, р. 161]. В качестве примера мануалия можно привести ажурный диск из Гортины, из базилики Святого Тита, отнесенный М. Ксантопулу к группе изделий конца XI – начала XIII в. [25, р. 106, 108, 117, fig. 10]. По краю этого диска напаяны девять чашечек-подставок под свечи, по форме и конструкции аналогичные публикуемым из Эски-Кермена.

Светильники типа 2, называемые в письменных источниках ламна (λάμναι) или козметариция (κοσμηταρίτζιον), получили широкое распространение в конце XI–XIII в. [18, р. 144; 11, р. 480, Nr. 3; 19, р. 443–446]. Они представляют собой длинные узкие бронзовые пластины – гладкие или ажурные, крепившиеся к темплону (λάμναι τῶν τέμπλων) по обе стороны от центральных дверей при помощи специальных держателей, оформленных в виде сжатой в кулак кисти руки [18, р. 144; 19, р. 443–446]. Сверху к этим металлическим полосам на равном расстоянии друг от друга припаивались чашечки-подставки, в которых устанавливались свечи, образуя прямой ряд. Детали таких светильников найдены в Турции, в провинции Эдирне – среди руин церкви в деревне Харала Калеси (византийская Гарелла) [19, р. 443–446], в Болгарии – в Силистре (Дристр), около северной стены кафедрального храма XI–XIV вв. [3, с. 132–145], а также в Херсоне – в квартале XXXVI в слое разрушения конца

XIII в. [22, р. 141, fig. 7]. Херсонская лампа сделана с центральной частью в виде арки. Реконструируемая длина всего изделия составляла около 2,9 м, на его поверхности можно было разместить до пятнадцати свечей, для которых сделали чашечки-подставки со стержнем в центре. Свечи располагались на расстоянии 13–15 см друг от друга.

В коллекции Государственного археологического музея в г. Мюнхене (Archäologische Staatssammlung) хранятся фрагменты подобного светильника XIII в., точное место находки которого не известно [14, S. 102–107, Kat. Nr. 138–139]. На его верхней стороне, помимо чашечек для свечей, размещены кресты, на концах которых сделаны небольшие круглые выступы [14, S. 104–106, Kat. Nr. 139–2,4,7].

Найденные на плато Эски-Кермен детали подсвечников также могли размещаться на большой люстре – хоросе (χορός), освещавшей центральную часть базилики. Основу хороса составлял металлический обруч или собранный из отдельных узких пластин октагон, к которому сверху были припаяны чашечки-подставки под свечи, а снизу на цепях подвешивались поликандилоны со стеклянными лампадами [11, р. 480, Nr. 5, 482]. Пластины, образующие основу хороса, могли быть оформлены в едином стиле с лампой, освещавшей темплон.

На центральной площади перед базиликой, в слое ее разрушения и в грунте над перекрытием одной из плитовых могил XIV в., впущенных в этот слой, найдены четыре фрагмента поликандилона (рис. 3, 1–4), сделанного из бронзы в виде ажурного диска, с полусферической центральной частью (рис. 3, А). Согласно типиконам и описям церковного имущества XI–XII вв., поликандилоном (πολυκάνδηλον) называлась висевшая на цепях бронзовая люстра со стеклянными лампадами, объединенными общей подставкой [15, р. 38, note 30; 11, р. 480, Nr. 4; 17, р. 161]. В отечественной византистике такие люстры принято называть лампадофорами [4, с. 611; 7, с. 138–139, № 265]. Судя по найденному обломку диска (размером 4,8 x 5,0 см; рис. 3, 1), край поликандилона был украшен бордюром из стилизованных трилистников, образованных чередующимися овальными и треугольными выс-

тупами, подчеркнутыми двумя рядами круглых и трапециевидных отверстий. Пластинчатые кольца для стеклянных лампад на диске чередуются со стилизованными трилистниками, на обратной стороне которых напаяны массивные петли (размер – 1,2–1,7 см, толщина – 0,8 см) для крепления цепи. От центральной полусферической части поликандилона сохранилось три изогнутых фрагмента: два – в виде пересекающихся, прямоугольных в сечении стержней с заостренным выступом, имитирующих виноградную лозу с усиком (длина – 3,0 и 3,7 см, толщина – 0,5 см; рис. 3, 2, 3), один – в форме стилизованной виноградной грозди (размер – 2,4 × 3,5 см, толщина – 0,5 см; рис. 3, 4).

В качестве ближайших аналогий публикуемой находки из Эски-Кермена следует указать два поликандилона. Один из них якобы происходит из Константинополя и хранится в коллекции Дамбартон Оукс (рис. 1, 3) [21, р. 42, No. 44, pl. XXXI], второй, место находки которого неизвестно, – в коллекции Закоса (рис. 3, А) [23, S. 101–102, Kat. Nr. IV.68, Taf. 65, I]. Подобная по конструкции, но отличающаяся декором люстра неизвестного происхождения хранится в коллекции Лувра [12, р. 187, fig. 2, c; 26, р. 306, LU5.018].

М. Ксантопулу выделила поликандилоны в виде ажурного диска с полусферической центральной частью с растительным декором в тип 5 и привела убедительные аргументы в пользу того, что эти изделия, датированные прежде ранневизантийским временем, следует отнести к средневизантийскому периоду [26, р. 51–52, 305–306, LU5.017–5.021, fig. 88]. В Византии в IX–XI вв. существовали и другие разновидности поликандилонов – сделанные в форме диска, но без полусферической чаши по центру, имевшие по краю, как и экземпляр из Эски-Кермена, ажурный бордюр из чередующихся полукруглых, овальных выступов и круглых отверстий [13, р. 128, Cat. Nr. 860, pl. 63; 10, Ек. 1, 7, 10, 11; 27, р. 149, 150, fig. 1–3]. Много однотипных люстр обнаружено в культовых постройках [26, р. 66–67, tabl. 7]. Судя по конструкции диска, в поликандилон могли вставить от шести до девяти стеклянных лампад. Л. Пети подчеркивал, что поликандилоны использовались исключительно для стеклянных лампад, заполненных мас-

лом [18, р. 128]. Возможно, что в центральной части в широкое круглое отверстие или в ажурную полусферическую чашу помещалось страусиное яйцо, привезенное из святых мест [8, с. 123].

Описанные подсвечники и поликандилоны – лишь малая часть осветительного инвентаря главной базилики города на плато Эски-Кермен. Так, базилика Святого Тита в Гортине площадью около 255 м² в средневизантийское время освещалась как минимум тридцатью бронзовыми светильниками, люстрами и различными канделябрами. Согласно типикону XII в. монастыря Христа Пантократора, входившая в монастырский комплекс церковь Богоматери Милостивой, равная по площади (около 320 м²) главной базилике на плато Эски-Кермен (включая нартекс), освещалась сорока восемью подвесными лампами и несколькими люстрами [25, р. 115].

Рассмотренные светильники дают представление о комплексе церковного освещения, который был известен только по упоминаниям в монастырских описях инвентаря и типиконах конца XI – XIII века. Увеличение значения свечей в искусственном освещении церковей – это характерная черта для периода Комнинов, которая усиливается при Палеологах. Появление нового ансамбля бронзовых деталей в конце XI – начале XII в. связано с эволюцией литургической и религиозной практик. Мастера по бронзовым изделиям работали вместе с архитекторами и скульпторами, чтобы адаптировать новый тип светильников к архитектурным формам и скульптурному декору. Так, карниз служил для фиксации октогональной конструкции хороса, являвшегося подставкой для рядов свечей, тогда как для темплона было разработано продольное устройство, состоящее из металлических полос – подставок под свечи. Свечи и масляные лампы на темплоне дополнялись стоящими на полу с двух сторон от святилища и перед почитаемыми иконами мануалиями с ажурными дисками, на которых могли фиксироваться как свечи, так и сосуды для масляных ламп [19, р. 451]. Публикуемые находки позволяют воссоздать элементы внутреннего убранства главного городского храма на плато Эски-Кермен.

Результаты. Выполненное А.В. Антипенко сравнительное исследование состава материала поликандилонов, происходящих с территории Византийской империи и из главного храма Эски-Кермена, показывает, что для их изготовления применялись аналогичные медные сплавы со свинцом, оловом и цинком. Светильники из главного храма на плато Эски-Кермен, скорее всего, изготовлены в византийских мастерских. Как мы видим, в приграничной провинции в Горном Крыму в Восточной Римской Империи для освещения храма использовали тот же набор светильников, что и в храмах на территории империи.

Видимо, новый, характерный для периода Комнинов, комплекс светильников начали использовать в главной базилике после ее реконструкции.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

The study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project No. 20-18-00076 “The evolution of cities on the Inner ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and modern times”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

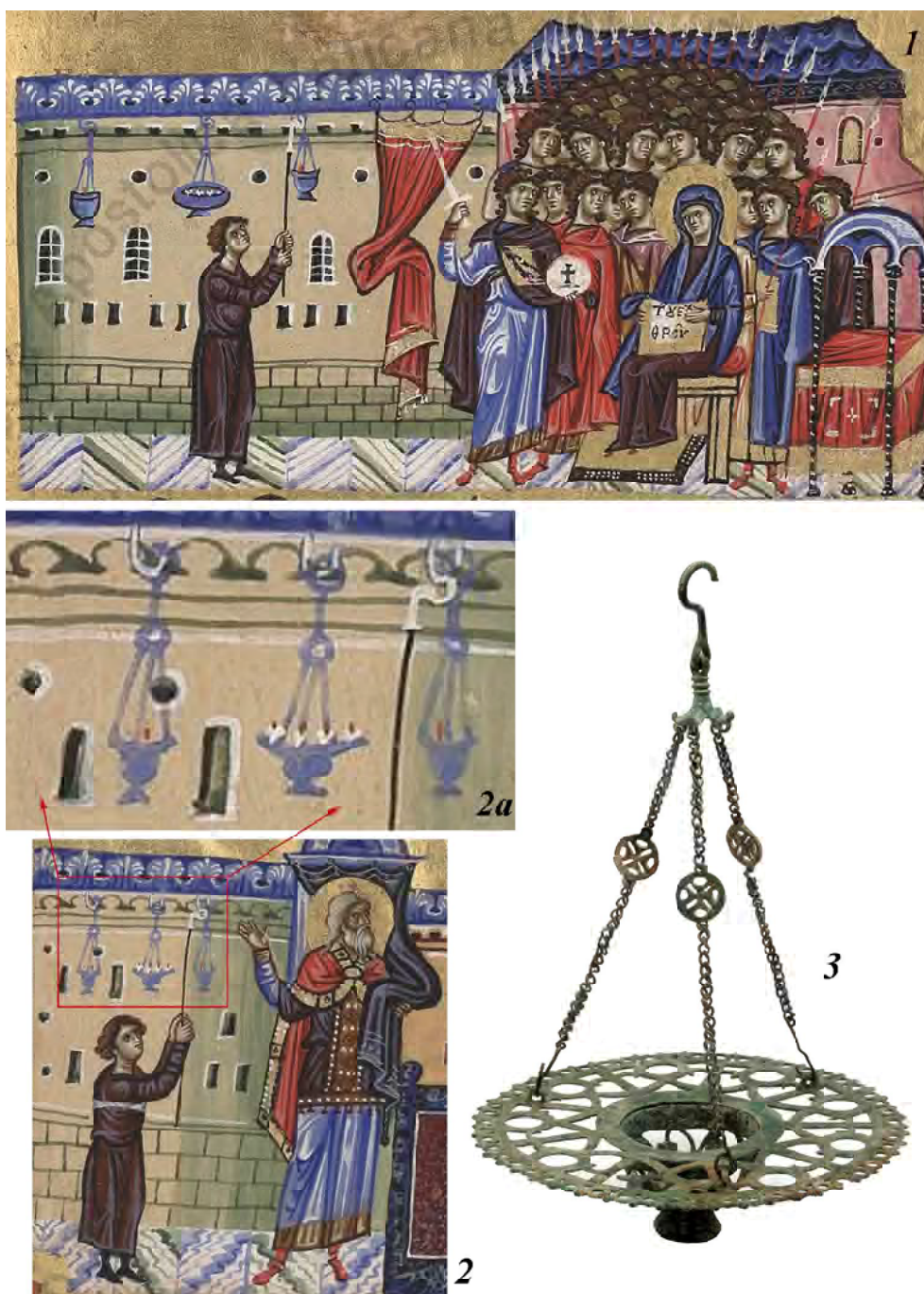

Рис. 1. Изображения осветительных приборов на византийских миниатюрах (1, 2) и поликандилон из коллекции Дамбартон Оукс (3):

1, 2 – миниатюры из Голмилией о житии Богородицы Иакова Коккиновафского (список второй четверти XII в. из Ватиканской апостольской библиотеки, Vat. Gr. 1162, fol. 68v, 92r); 2a – деталь миниатюры с осветительными приборами; 3 – поликандилон (по: [10, Елк. 8])

Fig. 1. Images of lighting fixtures on Byzantine miniatures (1, 2) and polycandilon from the Dumbarton Oaks collection (3):

1, 2 – miniatures from the Holmilia about the life of the Virgin of Jacob Kokkinovafsky (list of the second quarter of the 12th century from the Vatican Apostolic Library, Vat. Gr. 1162, fol. 68v, 92r); 2a – detail of the miniature with lighting devices; 3 – polycandilon (according to: [10, Елк. 8])

Рис. 2. Бронзовые чашечки-подставки со стержнем для свечи, найденные в слое разрушения конца XIII в. на центральной площади (1, 2) и в главной базилике (3, 4) города на плато Эски-Кермен (фото Э.А. Хайрединовой)

Fig. 2. Bronze cups-stands with a candle rod found in the destruction layer of the late 13th century on the central square (1, 2) and in the main basilica (3, 4) of the city on the Eski-Kermen plateau (photo by E.A. Khairedinova)

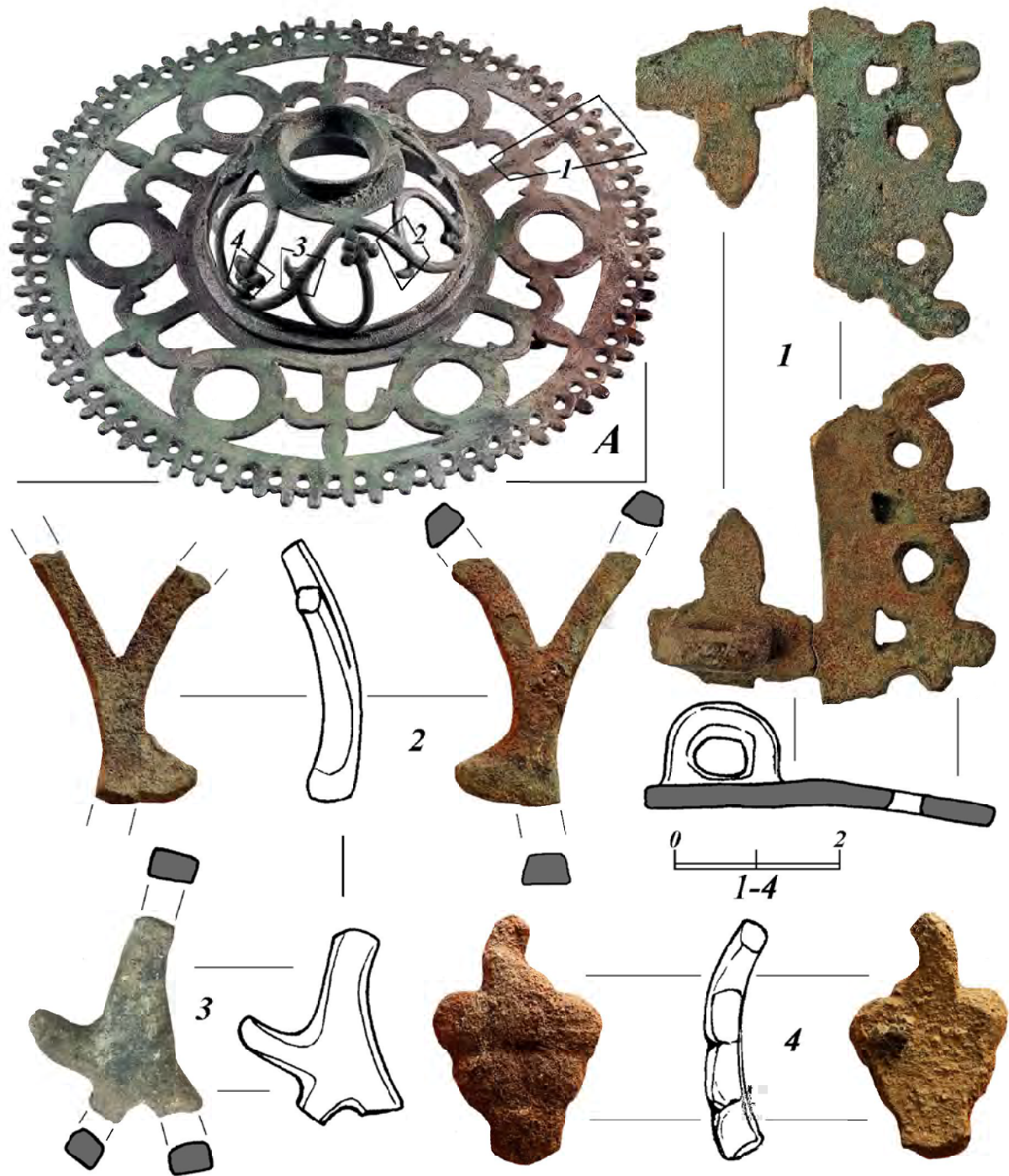

Рис. 3. Фрагменты бронзового поликандилона (1–4), найденные в слое разрушения конца XIII в. на центральной площади города на плато Эски-Кермен и аналогичный целый поликандилон из коллекции Закоса (А):

1–4 – фото Э.А. Хайрединовой; А – по: [23, S. 101–102, Kat. Nr. IV.68, Taf. 65, 1]

Fig. 3. Fragments of a bronze polycandilon (1–4) found in the destruction layer of the end of the 13th century in the central square of the city on the Eski-Kermen plateau and a similar whole polycandilon from the collection of Zakos (A):

1–4 – photo by E.A. Khairidinova; A – by: [23, S. 101–102, Kat. Nr. IV.68, Taf. 65, 1]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / отв. ред. Э. А. Хайрединова. – Симферополь : Антиква, 2021. – С. 5–25. – (Материалы Эски-Керменской экспедиции ; вып. I).
2. Адашинская, А. А. Организация света в византийском храмовом пространстве на материале ктиторских типиконов / А. А. Адашинская // Огонь и свет в сакральном пространстве : материалы Международн. симп. / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Индрик, 2011. – С. 85–94.
3. Атанасов, Г. Бронзова рѣка – държател на масивен свещник (ламна, козметариция?) от средновековния катедрален храм на Дръстър (Силистра) / Г. Атанасов // Преслав. – 2013. – Т. 7. – С. 132–145.
4. Банк, А. В. Прикладное искусство / А. В. Банк // Культура Византии: IV – первая половина VII в. / ред. З. В. Удальцова. – М. : Наука, 1984. – С. 596–613.
5. Бычков, В. В. Византийская эстетика / В. В. Бычков. – М. : Искусство, 1977. – 200 с.
6. Диль, Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / Ш. Диль. – СПб. : Типография Альтшулера Фонтанка, 1908. – 687 с.
7. Залеская, В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков / В. Н. Залеская. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – 272 с.
8. Тодоровић Д. Налази из старе Солунске левнице / Д. Тодоровић // Хиландарски Зборник. – 1991. – Т. 8. – С. 99–124.
9. Хайрединова, Э. А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Э. А. Хайрединова // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / отв. ред. Э. А. Хайрединова. – Симферополь : Антиква, 2021. – С. 26–143. – (Материалы Эски-Керменской экспедиции ; вып. I).
10. Βερούκοου, Μ. «Και ἐγένετο φως». Δύο μεσοβυζαντινά πολυκάνδηλα του Μουσείου Μπενάκη / Μ. Βερούκοου // Μουσείο Μπενάκη. – 2013. – № 8. – Ρ. 91–115.
11. Bouras, L. Byzantine Lighting Devices / L. Bouras // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. – 1982. – Vol. 32, № 3. – S. 479–491.
12. Chevalier, P. Les luminaires paléochrétiens de Dalmatie Romaine / P. Chevalier // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. – 1997–1998. – No. 90–91. – S. 161–199.
13. Davidson, G. R. The Minor Objects. Corinth XII / G. R. Davidson. – Princeton : American School of Classical Studies at Athens, 1952. – XIV, 366 p.
14. Die Welt von Byzanz. Europas östliches Erbe / hrsg. L. Wamser. – München : Theiss, 2004. – 475 S.
15. Gautier, P. Le typikon du Christ Sauveur Pantocrator / P. Gautier // Revue des études byzantines. – 1974. – Т. 32. – Ρ. 1–145.
16. Lightfoot, Ch. S. Lighting Devices Found at Byzantine Amorium (Turkey) / Ch. S. Lightfoot // Glass, Wax and Metal. Lighting technologies in Late Antique, Byzantine and medieval times / ed. by I. Moutsianos, K. S. Garnett. – Oxford : Archaeopress Archaeology, 2019. – Ρ. 32–137.
17. Parani, M. Un exemple d’inventaire d’objets liturgiques : Le testament d’Eustathios Boilas (avril 1059) / M. Parani, B. Pitarakis, J.-M. Spieser // Revue des études byzantines. – 2003. – Т. 61. – Ρ. 143–165.
18. Petit, L. Le monastère de Notre Dame de Pitié / L. Petit // Известия Русского археологического института в Константинополе. – 1900. – Т. VI, вып. 1. – Ρ. 1–153.
19. Pitarakis, B. Bras de lumière sur le *templon* médiéval (XIe–XIIIe siècle): un dispositif en bronze inédit au Musée archéologique d’Edirne / B. Pitarakis // Travaux et Mémoires. – 2016. – Vol. 20/2. – Ρ. 435–452.
20. Pülz, A. M. Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas / A. M. Pülz. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. – 367 S.
21. Ross, M. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. I / M. Ross. – Washington : Harvard University, 1962. – 115 p.
22. Ryzhov, S. Church Lighting in Byzantine Cherson / S. Ryzhov, T. Yashaeva // Glass, Wax and Metal. Lighting technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times / ed. by I. Moutsianos, K. S. Garnett. – Oxford : Archaeopress Archaeology, 2019. – Ρ. 138–148.
23. Spätantike und Byzanz. Bestandskatalog Badisches Landesmuseum Karlsruhe Objekte aus Bein, Elfenbein, Glas, Keramik, Metall und Stein / hrsg. F. Daim, B. Furlas, K. Horst, V. Tsamakda. – Mainz : Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2017. – 249 S.
24. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2 / ed. A. P. Kazdan. – New York; Oxford : Oxford University Press., 1991. – 1473 p.
25. Xanthopoulou, M. Le mobilier ecclésiastique métallique de la basilique de Saint-Tite à Gortyne (Crète central) / M. Xanthopoulou // Cahiers archéologiques. – 1998. – No. 46. – Ρ. 103–119.
26. Xanthopoulou, M. Les lampes en bronze à l’*époque paléochrétienne* / M. Xanthopoulou. – Turnhout : Brepols Publishers, 2010. – 352 p. – (Bibliothèque de l’Antiquité tardive ; vol. 16).
27. Verykokou, M. Problems of Methodology in the Dating of Byzantine Polykandela : The Benaki

Museum Examples / M. Verykokou // *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times* / eds. I. Moutsianos, K. S. Garnett. – Oxford : Archaeopress Archaeology, 2019. – P. 149–153.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Izuchenie tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen [Research the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau]. *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of Archaeological Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 5–25. (Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii [Materials of the Eski-Kermen Expedition]; iss. 1).
2. Adashinskaya A.A. Organizatsiya sveta v vizantiyskom khramovom prostranstve na materiale kitorskikh tipikonov [The Arrangement of Lighting in the Byzantine Founder's Typika]. *Ogon i svet v sakralnom prostranstve: materialy Mezhdunar. simp.* [Light and Fire in the Sacred Space. Proceedings of the International Symposium]. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 85–94.
3. Atanasov G. Bronzova raka – darzhatel na masiven sveshtnik (lamna, kozmetaritsiya?) ot srednovekovniya katedralen hram na Drastar (Silistra) [Bronze Hand – a Shank of a Massive Candlestick from the Medieval Cathedral in Drastar (Silistra)]. *Preslav*, 2013, vol. 7, pp. 132–145.
4. Bank A.V. Prikladnoe iskusstvo [Applied Art]. *Kultura Vizantii: IV – pervaya polovina VII v.* [The Culture of Byzantium. 4th – the First Half of the 7th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 596–613.
5. Bychkov V.V. *Vizantiyskaya estetika* [Byzantine Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977. 200 p.
6. Diehl Sh. *Yustinian i vizantiyskaya tsivilizatsiya v VI veke* [Justinian and the Byzantine Civilization of the 6th Century]. Saint Petersburg, Tipografiya Altshulera Fontanka, 1908. 687 p.
7. Zalesskaja V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov* [Monuments of Byzantine Applied Art of the 4th – 7th Centuries]. Saint Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitazha, 2006. 272 p.
8. Todorovich D. Nalazi iz stare Solunske levnice [Finds from the Old Thessaloniki Levnitsa]. *Hilandarski Zbornik* [Hilandar Collection], 1991, vol. 8, pp. 99–124.
9. Khairedinova E.A. Arkheologicheskie raskopki tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg. [Archaeological Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of Archaeological Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143. (Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii [Materials of the Eski-Kermen Expedition]; vol. 1).
10. Berykoku M. «Kai egeine fōs». Dyo mesobyzantina polykandēla tou Mouseiou Mpenakē [“And There Was Light”. Two Mid-Byzantine Polycandles from the Benaki Museum]. *Mouseiou Mpenakē* [The Benaki Museum], 2013, no. 8, pp. 91–115.
11. Bouras L. Byzantine Lighting Devices. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 1982, Vol. 32, Nr. 3, S. 479–491.
12. Chevalier P. Les luminaires paléochrétiens de Dalmatie Romaine. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*, 1997–1998, Nr. 90–91, S. 161–199.
13. Davidson G.R. *The Minor Objects. Corinth XII*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1952. XIV, 366 p.
14. Wamser L., ed. *Die Welt von Byzanz. Europas östliches Erbe*. München, Theiss, 2004. 475 S.
15. Gautier P. Le typikon du Christ Sauveur Pantocrator. *Revue des études byzantines*, 1974, t. 32, pp. 1–145.
16. Lightfoot Ch.S. Lighting Devices Found at Byzantine Amorium (Turkey). *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*. Oxford, Archaeopress Archaeology, 2019, pp. 32–137.
17. Parani M., Pitarakis B., Spieser J.-M. Un exemple d'inventaire d'objets liturgiques: le testament d'Eustathios Boïlas (avril 1059). *Revue des études byzantines*, 2003, t. 61, pp. 143–165.
18. Petit L. Le monastère de Notre Dame de Pitié. *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole* [Proceedings of the Russian Archaeological Institute of Constantinople], 1900, vol. VI, no. 1, pp. 1–153.
19. Pitarakis B. Bras de lumière sur le templon médiéval (XIe–XIIIe siècle): un dispositif en bronze inédit au Musée archéologique d'Edirne. *Travaux et Mémoires*, 2016, t. 20/2, pp. 435–452.
20. Pülz A.M. *Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 367 S.
21. Ross M. *Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Washington, Harvard University, 1962, vol. I. 115 p.
22. Ryzhov S., Yashaeva T. Church Lighting in Byzantine Cherson. *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*. Oxford, Archaeopress Archaeology, 2019, pp. 138–148.

23. Daim F., Fourlas B., Horst K., Tsamakda V., hrsg. *Spätantike und Byzanz. Bestandskatalog Badisches Landesmuseum Karlsruhe Objekte aus Bein, Elfenbein, Glas, Keramik, Metall und Stein*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2017. 249 S.

24. Kazdan A.P., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991. 1473 p.

25. Xanthopoulou M. Le mobilier ecclésiastique métallique de la basilique de Saint-Tite à Gortyne (Crète

central). *Cahiers archéologiques*, 1998, Non. 46, pp. 103-119.

26. Xanthopoulou M. *Les lampes en bronze à l'époque paléochrétienne*. Turnhout, Brepols Publishers, 2010. 352 p. (Bibliothèque de l'Antiquité tardive; t. 16).

27. Verykokou M. Problems of Methodology in the Dating of Byzantine Polykandela: The Benaki Museum Examples. *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*. Oxford, Archaeopress Archaeology, 2019, pp. 149-153.

Information About the Author

Aleksandr I. Aibabin, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

Elzara A. Khairedinova, Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

Информация об авторах

Александр Ильич Айбабин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

Эльзара Айдеровна Хайрединова, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.5>

UDC 94“04/14”:736.3

LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 11.06.2022

Accepted: 02.09.2022

TWO SEALS OF THEODORE (T'OROS) HET'OUM (HETAMES): A NOTE TO THE BYZANTINE PROSOPOGRAPHY

Nikolay A. Alekseienco

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* As it has been underlined on several occasions, among the most important and valuable features of sigillographic sources there are the data kept by the seals which clarify and amend the Byzantine prosopography. In the result, every new *molybdoboullon* capable of shedding light on the dark pages in the history of the Byzantine state or a certain historical figure certainly has its own particular value and deserves particular attention and all-round study of the data it keeps. *Analysis and Results.* This article researches two new *molybdoboulla* of well-known historical figure Theodore (T'oros) Het'oum reflecting his works in the Near East in the late eleventh century AD. The first seal dates to the period when he was the governor of Melitene, and the second, although not informing about the place, unexpectedly shows the rank of *emir*, which belonged to the Muslim world. In contrast to previously known isolated seals, the both seals under study were made with new pairs of seal-matrices. The analysis of sigillographic data in comparison with written sources account shows that the seals under study uncover two stages of the career of *kouropalates* Theodore (T'oros) Het'oum, first as a high-ranked official appointed by Philaretos Brachamios to the position of the *doux* of Melitene (in between of 1078 and 1086), and, later, as a Muslim *emir* but still holding the rank of *kouropalates* (in between of 1086 and 1094). In a later period, he skilfully manoeuvred between the interests of Seljuk Turks and the Crusaders, remaining a de-facto independent regional ruler until his death in 1098.

Key words: Byzantine history, Byzantine aristocracy, Theodore (T'oros) Het'oum (Xetames), prosopography, sigillography, *molybdoboulla*, seals, *kouropalates*, *doux*, *emir*, Melitene.

Citation. Alekseienco N.A. Two Seals of Theodore (T'oros) Het'oum (Hetames): A Note to the Byzantine Prosopography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 57-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.5>

УДК 94“04/14”:736.3

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 11.06.2022

Дата принятия статьи: 02.09.2022

ДВЕ ПЕЧАТИ ФЕОДОРА (Т'ОРОСА) ХЕТУМА (ХЕТАМА): NOTE К ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОСОПОГРАФИИ

Николай Александрович Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Уже не раз подчеркивалось, что одним из важных и наиболее ценных свойств сфрагистических источников являются сохранившиеся на печатях сведения, уточняющие и дополняющие византийскую просопографию. В результате каждый новый моливдовул, способный пролить свет на темные страницы истории Византийского государства или определенного исторического персонажа, безусловно, имеет свое особое значение и заслуживает пристального внимания и всестороннего анализа тех данных, которые он сохранил. *Анализ и результаты.* В работе рассматриваются два новых моливдовула известного

исторического персонажа Феодора (Т'ороса) Хетума, отражающие его деятельность на Ближнем Востоке в конце XI столетия. Первая печать отражает период, когда он был правителем Мелитены, а вторая, хотя и не называет его места службы, неожиданно указывает на принадлежащий мусульманскому миру ранг эмира. Обе печати, в отличие от единичных, ранее известных экземпляров, оттиснуты новыми парами матриц. Анализ данных памятников сфрагистики и сопоставление их со свидетельствами письменных источников показывают, что представленные печати демонстрируют два этапа карьеры куропалата Феодора (Т'ороса) Хетума: сначала в роли высокопоставленного чиновника, которого Филарет Врахамий назначил на посту Милитены (между 1078 и 1086 гг.), а затем уже в качестве исламского эмира, тем не менее все еще остававшегося куропалатом (между 1086 и 1094 гг.). Источники повествуют, что и в дальнейшем Хетум, когда его судьба была связана с регионом Эдессы (в 1094–1097 гг.), ловко лавировал между интересами турок сельджуков и крестоносцев, оставаясь фактически независимым правителем региона вплоть до своей смерти в 1098 году.

Ключевые слова: история Византии, византийская аристократия, Феодор (Т'орос) Хетум (Хетам), просопография, сфрагистика, моливдовулы, печати, куропалат, дука, эмир, Милитена.

Цитирование. Алексеенко Н. А. Две печати Феодора (Т'ороса) Хетума (Хетама): *note* к византийской просопографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, №6. – С. 57–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.5>

Введение. История происхождения моливдовулов всегда вызывает повышенный интерес, поскольку эксклюзивная информация о месте находки зачастую открывает новые, ранее неизвестные сведения о контактах собственника печати с регионом, где была обнаружена булла. Однако в большинстве случаев мы не имеем возможности говорить о каких-либо связях византийских чиновников или аристократов, даже если моливдовулы содержат соответствующие топонимические указания, но отсутствуют данные о месте их находки. Тем не менее иногда собирателям все же удается сохранить информацию о происхождении того или иного сфрагистического памятника и тем самым дать возможность для проведения соответствующих исследований.

Методы. Уже не раз подчеркивалось, что одним из важных и наиболее ценных свойств сфрагистических источников являются сохранившиеся на печатях сведения, уточняющие и дополняющие византийскую просопографию. В результате каждый новый моливдовул, способный пролить свет на темные страницы истории Византийского государства или определенного исторического персонажа, безусловно, имеет свое особое значение и заслуживает пристального внимания и всестороннего анализа тех данных, которые он сохранил.

Анализ. Продолжая изучение одной из отечественных сфрагистических коллекций,

удалось выявить и атрибутировать два весьма интересных моливдовула, сведения о происхождении которых относительно сохранились.

Обе печати принадлежат хорошо известному по письменным источникам историческому персонажу – Т'оросу Хетуму (Хетаму), носившему христианское имя Феодор.

Первый моливдовул называет собственника печати куропалатом и дукой Мелитены (рис. 1).

1. М-277. Частная коллекция (Москва).

Диаметр – 26 мм; толщина заготовки – 3 мм; вес – 15,8 г.

Происхождение: приобретена на Украине (точное место находки не известно; вероятно, Крым?), 1990-е годы.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин (практически вышел за поле заготовки) – фигура святого воина Феодора в нимбе, держащего в правой руке копье, а левой опирающегося на щит, анфас. В поле по сторонам – легенда в столбик: слева – Θ|Α|Γ|Ω; справа – Θ|Ε|Ω. – Ὁ ἅγιος Θεόδωρος – Св. Феодор.

Реверс. Семистрочная метрическая надпись в жемчужном ободке:

...ΘΝΘ	[+ 'Ομ]όνυ
.ΟΝCΟΝΔΥ	[μ]όν τον δ(ού)
.ΚΥΡΟΠΑΛΑ	[κα] κ(ου)ροπάλα
..ΝΜΑΡΤΥC	[τη]ν μάρτυς
..Τ.ΜΗΝΤΟ	[Χε]τ[ά]μην τὸ
.ΜΕΛΙΤΗΝ	[ν] Μελιτήνη(ν)
ϜΕΠΟΙC	[σ]κέποις

+ Ὁμόνομόν τον δοῦκα κουροπάλατην, μάρτυς,
Χετάμην τὸν Μελιτήνην σκέποις –
Одноименца своего Хетама,
куропалата и дуку Мелитены,
преблаженный мученик охраняет.

В картотеке владельца коллекции сохранилась отметка, что моливдовул происходит с территории Украины¹. Сопоставляя сведения находках византийских моливдовулов на территории Древней Руси, можно констатировать, что буллы представителей византийских военно-административных округов там практически не встречаются (известны лишь редкие находки печатей императоров, священнослужителей и придворной знати).

В то же время с определенной уверенностью можно констатировать, что основным поставщиком на черный рынок византийских печатей в 1990-е гг. был исключительно южный регион. Так что, скорее всего, этот экземпляр происходит не из центрально-украинских областей, а из Крыма; хотя не исключена и его находка на Тамани.

Экземпляр с аналогичной легендой известен по коллекции Н.П. Лихачева, ныне хранящейся в собрании Государственного Эрмитажа (М-8008). Ученый не смог полностью расшифровать представленную на печати легенду, но видел во владельце представителя рода Милиссинов [2, с. 92, 93, № 5]. Той же точки зрения сначала придерживалась и В.С. Шандровская [2, с. 93, прим. 2]. В свою очередь, Н. и В. Зайбты в рецензии на труд Н.П. Лихачева «Моливдовулы греческого Востока» полагали видеть здесь родовое имя Врахамиев [10, р. 364]. Лишь при публикации тома патронимических печатей Эрмитажа моливдовул получил верную атрибуцию и был датирован временем около 1074 г. [12, S. 80, Nr. 62]. Позднее Ж.-Кл. Шене назвал еще один подобный экземпляр «из старой коллекции Г. Закоса» [5, р. 63, с)], однако датировал его временем до 1094 года.

Таким образом, кроме нашего экземпляра, существует еще только два. Однако, сравнивая их изображения, можно констатировать, что они принадлежат по крайней мере к двум парам матриц. На нашем экземпляре – иное расположение букв в имени святого Феодора и в топониме Мелитены: последние три литеры

легенды *эта – ню – эта* даны в лигатуре (HNH). Это замечание относится и к моливдовулу из «старой коллекции Г. Закоса» [11, р. 14, nr. 130], который, судя по всему, оттиснут той же парой матриц, что и эрмитажный экземпляр.

В то же время следует отметить, что тип аверса рассматриваемого моливдовула весьма схож с аналогичным изображением на печати Феодора Хетама, проедра и дуки из коллекции Д. Теодоридиса [5, р. 61–63, no. 51]. Совпадают не только расстановка литер в расположенной в столбик легенде, но и характерное сокращение последней буквы в слове ἡγίου(ς) и замена *о микрон* на *омега* в самом имени святого.

Представляется, что собственник наших печатей в какой-то момент своей карьеры при получении очередного звания заменил на буллотиирии лишь матрицу оборотной стороны (или же для аверса заказал копию образа своего небесного покровителя с предшествовавшего буллотиирия). Так или иначе, при получении ранга куропалата Хетум сменил старую печать на новую, вероятно, сохранив прежний образ небесного патрона, однако впоследствии заказав новую пару матриц с аналогичными изображениями и легендой (экземпляр из Эрмитажа).

Следует отметить, что среди сфрагистических памятников известна печать второй половины XI в., принадлежавшая анфипату Хетуму, которую приписывают отцу Γ'οροса (Феодора) [11, р. 7, nr. 114]. Примечательно, что на ней использован тот же сфрагистический тип (образ святого воина Феодора); более того, он и в стилистике, и в эпиграфике близок к печатям Хетума, проедра и куропалата. Надо полагать, образ Феодора мог быть защитником и покровителем всего семейства.

Стилистически печать принадлежит к памятникам сфрагистики второй половины XI столетия. Исходя из данных письменных источников и датировки печати, указывающей ранг проедра (до 1081 г.), рассматриваемый моливдовул следует датировать в пределах последней четверти XI в., очевидно, в промежутке между 1081 и 1094 годами.

Вторая печать Феодора Хетума не называет его места службы, однако кроме византийского высокого придворного титула куропалата неожиданно указывает на принадлежащий мусульманскому миру ранг эмира (рис. 2).

2. М-389. Частная коллекция (Москва).

Диаметр – 25 мм; толщина заготовки – 2–3 мм; вес – 11,2 г.

Происхождение: куплена на eBay; найдена на территории Ливана.

Аверс. Фигура св. воина Феодора в рост, анфас, держащего в правой руке копье, левой опирающегося на щит. В поле по сторонам надпись в столбик: слева – $\Theta | \text{ΑΓ} | \text{Ι} \text{Ϛ}$; справа – $\Theta | \text{ΕΟ} | \text{ΔΩ} | \text{Ρ}$ – $\Theta \acute{\alpha}\gamma\iota(\sigma\varsigma) \Theta\epsilon\acute{o}\delta\omega\rho(\sigma\varsigma)$ – Св. Феодор.

Реверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин – шестистрочная надпись с инвокативным обращением к Господу, украшенная снизу двумя лепестками по сторонам последней литеры:

†ΚΕΡϞΘ	Κ(ύρι)ε βο(ή)θ(ει)
ΘΕΟΔΩΡ	Θεοδῶρ(ω)
ΑΜΗΡΑΣ	ἀμηρᾶ (καί)
ΚΥΡΟΠΑΛ	κουροπαλ(άτη)
ΤΟΧΕΤΑ	τῷ Χετᾶ
– Μ –	μ(η)

Κύριε βοήθει Θεοδῶρῳ ἀμηρᾶ καὶ
κουροπαλάτῃ τῷ Χετᾶμῃ –
Господи, помоги Феодору, эмиру
и куропалату из рода Хетама.

Аналогичный экземпляр происходит из коллекции Г. Закоса, часть которой на рубеже тысячелетий поступила в Парижскую национальную библиотеку (BnF 72). Однако этот моливдовул происходит от другой пары матриц (на нашем экземпляре присутствуют иные сокращения в легенде). Ж.-Кл. Шене восстанавливает сокращенное в легенде родовое имя (ΤΟΧΕΤ) как Хетум (τῷ Χέτουμ) и относит его ко времени около 1090 г. [4, р. 67–68, no. 34]. В то же время наш экземпляр представляет патроним Феодора в традиционной для его моливдовулов форме – Хетам (τῷ Χετᾶμῃ).

Самое удивительное для этого моливдовула – это необычное сочетание двух высоких титулов – византийского (куропалат) и исламского (эмир). Причем последний термин поставлен впереди византийского, что, очевидно, имело свое определенное значение. Как известно, эмир – титул мусульманского правителя в первую очередь военного характера. В этом смысле он в известной степени аналогичен византийскому дуке, которым Хетум обладал, будучи правителем Мелите-

ны. Примечательно, что данный пример не является чем-то исключительным. Ранг эмира также присутствует на печати тестя Феодора – Гавриила [6, р. 179], который вслед за ним занял пост наместника (игемона) Мелитены. На печати последний назван протокуропалатом, эмиром и дукой [4, р. 80–82, no. 41].

Феодор (Т'орос) Хетум хорошо известен по сирийским источникам. Михаил Сириец называет его Т'оросом «сыном грека Хетома» и отмечает, что Филарет Врахамий назначил его на пост дуки Мелитены [6, р. 173, 174]. Исследователи датируют это событие временем между 1078 и 1086 годами. На закате своей карьеры, после убийства турецкого эмира Бузана в 1094/95 г., Феодор бар-Хетом обосновался в Эдессе. Хронисты называют его «греческим князем», «куропалатом» и даже «куропалатом Эдессы» (см.: [1, с. 128, 129 (§ 48), примеч. 2, 3, 7]). После смерти сельджукского правителя Сирии Тутуша (1079–1095) Т'орос добился известной независимости и проводил свою политику в регионе, лавируя между интересами сельджуков и появившихся на Востоке крестоносцев. Тем не менее его судьба все-таки закончилась трагически. Весной 1098 г. жители Эдессы свергли своего правителя; в результате переворота Феодор (Т'орос) погиб, а город был сдан Балдуину Булонскому [8, р. 405–417; ср.: 7, р. 1034–1036].

Cursus honorum Феодора (Т'ороса) Хетума детально проследил и рассмотрел все перипетии его судьбы Г. Дедеян [7, р. 986–996, 1029–1037].

Основные этапы его карьеры иллюстрируют и не очень многочисленные сфрагистические памятники [5, р. 63, 64, а) – е)], в том числе и вводимые в научный оборот сегодня.

Результаты. Таким образом, на основании анализа данных памятников сфрагистики и сопоставления их со свидетельствами сирийских письменных источников можно с определенной уверенностью говорить, что Феодор (Т'орос) Хетум происходил из знатной армянской семьи, представители которой перешли на службу к византийскому императору (как было отмечено выше, согласно печати, его отец был удостоен титула анфипата), и осуществлял свою деятельность в провинции Киликии, на восточных границах Византийской империи, когда последняя в преддверии

Первого крестового похода уже начала терять свои территории. Уже в начале своей карьеры византийского сановника (ок. 1070 г.?) Торос имел высокий сенаторский ранг дисипата (дважды консула) [3, р. 27; 9, р. 295]. Позднее он получает очередной византийский титул проедра и пост дуки (до 1081 г.)², очевидно, находясь под началом Филарета Врахамия, а затем и титул куропалата и должность дуки Мелитены. Именно этот этап его карьеры иллюстрирует первый из рассмотренных нами моливдовулов, который следует относить к периоду между 1081 и 1086 годами.

Периодом после 1081 г. Ж.-Кл. Шене датирует буллы, на которых Хетум назван только куропалатом [5, р. 64, d)]. Однако с такой же долей вероятности они могут относиться и ко времени до назначения Тороса на пост правителя Мелитены.

Следующий этап карьеры Тороса Хетума отражает вторая наша печать, представляющая собственника уже в качестве исламского эмира, тем не менее все еще именующего себя византийским куропалатом. Данный тип печатей Хетума датируют периодом между 1086 и 1094 годами. Не исключено, что эти моливдовулы Т'ороса могут относиться к начальному этапу его службы в Эдессе. Г. Дедеян, ссылаясь на сирийский анонимный источник, отмечает, что Т'орос мог находиться в городе еще при эмире Бузана, но не в качестве правителя [7, р. 987]. Появление на печати исламского ранга, очевидно, явилось следствием специфического административного устройства буферных территорий: то попадающих под опеку сельджуков, то возвращающихся к греческому управлению. Напомним, что наследник Хетума на посту

дуки Мелитены среди прочих рангов также на печати именуется эмиром.

Лишь после убийства Бузана Хетум становится полноправным властителем Эдессы, а смерть Тутуша, породившая споры среди мусульман, создала предпосылки тому, чтобы Т'орос мог стать фактически независимым правителем региона.

К сожалению, не известно ни одной печати, отражающей последний этап карьеры Феодора (Т'ороса), когда он был куропалатом и дукой Эдессы в 1095–1098 гг. и ловко лавировал между интересами турок сельджуков и крестоносцев вплоть до своей смерти, но, может быть, находки еще впереди.

Ливанское происхождение моливдовула с рангом эмира вполне понятно и объяснимо. В сложной военно-политической обстановке в ближневосточном регионе к началу Первого крестового похода Хетум, вне всякого сомнения, осуществлял разнообразные контакты в поисках поддержки и защиты, в том числе и у крестоносцев.

При этом появление его печати мелитенского этапа карьеры в Северном Причерноморье (или Крыму?) – явление достаточно экстраординарное. Нам неизвестны другие памятники сфрагистики этого ближневосточного региона, и пока очень затруднительно связывать эту находку с какими-либо событиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Печать приобретена в начале 1990-х гг. на одном из рынков коллекционеров.

² Исследователи отмечают, что ранг проедра часто ассоциируется с достоинством дуки времени правления императора Михаила VII Дуки (1071–1078) [5, р. 64].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Моливдовул Феодора Хетума, куропалата и дуки Мелитены (между 1081 и 1086 гг.)
Fig. 1. Seal of Theodore Xetames, куроpalates and doux of Melitene (between 1081 and 1086)

Рис. 2. Моливдовул Феодора Хетума, эмира и куропалата (между 1086 и 1094 гг.)
Fig. 2. Seal of Theodore Xetames, emir and kouropalates (between 1086 and 1094)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каждан, А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. / А. П. Каждан. – Ереван : АН Арм. ССР, 1975. – 168 с.
2. Лихачев, Н. П. Моливдовулы греческого Востока / Н. П. Лихачев ; сост. и коммент. В. С. Шандровская. – М. : Наука, 1991. – 359 с. – (Научное наследство ; Т. 19).
3. Bury, J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century / J. B. Bury. – L. : British Academy Publ., 1911. – 179 p.
4. Cheynet, J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantine / J.-Cl. Cheynet. – Paris : Bibliothèque nationale de France, 2001. – 103 p.
5. Cheynet, J.-Cl. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques / J.-Cl. Cheynet, D. Theodoridis. – Paris : Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance (ACHCByz), 2010. – 276 p.
6. Chronique de Michel le Syrien. T. III / ed. J.-B. Chabot. – Paris : Ernest Leroux, 1905. – 536 p.
7. Дедэян, Г. Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés: Études sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). In 2 vols. Vol. 2 / G. Дедэян. – Lisbonne : Fundação Calouste Gulbenkian, 2003. – iv, 643–1539 p.
8. Laurent, V. Des Grecs aux Croisés : Étude sur l'histoire d'Édesse entre 1071 et 1098 / V. Laurent // Byzantion. – 1924. – Т. 1. – P. 367–449.
9. Oikonomidès, N. Les listes preseance byzantines des IXe et Xe siècle / N. Oikonomidès. – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. – 404 p.
10. Seibt, N. Compte-rendu: N. P. Lichačev. Моливдовулы Греческого Востока. Zusammengestellt und Kommentar von Valentina S. Šandrovskaja (Научное наследство, 19). Moskva : Nauka, 1991. 360 S., 26 T. / N. Seibt, W. Seibt // Byzantinoslavica. – 1993. – Vol. LIV (2). – P. 363–364.
11. Spink. Auction 132. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos, Part II with Ancient and Gaulish Coins. – L. : Spink & Son, 1999. – 53 p.
12. Šandrovskaja, V. S. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. T. 1 / V. S. Šandrovskaja, W. Seibt. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. – 142 S.

REFERENCES

1. Kazhdan A.P. *Armenians in the Ruling Class of the Byzantine Empire in the 11th – 12th Centuries*. Erevan, AN Arm. SSR, 1975. 168 p.
2. Likhachev N.P. *Molivdovuly grecheskogo Vostoka* [The Seals of the Greek East]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 359 p. (Nauchnoe nasledstvo [Scientific Heritage]; vol. 19).
3. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. London, British Academy Publ., 1911. 179 p.
4. Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantine*. Paris, Bibliothèque nationale de France, 2001. 103 p.
5. Cheynet J.-Cl., Theodoridis D. *Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques*. Paris, Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance (ACHCByz), 2010. 276 p.
6. Chabot J.-B., ed. *Chronique de Michel le Syrien*. T. III. Paris, Ernest Leroux, 1905. 536 p.
7. Дедэян G. *Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés: études sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150)*. In 2 vols. Vol. 2. Lisbonne, Fundação Calouste Gulbenkian, 2003. iv, 643-1539 p.
8. Laurent V. Des Grecs aux Croisés: étude sur l'histoire d'Édesse entre 1071 et 1098. *Byzantion*, 1924, vol. 1, pp. 367-449.
9. Oikonomidès N. *Les listes preseance byzantines des IXe et Xe siècle*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 404 p.
10. Seibt N., Seibt W. Compte-rendu: N.P. Lichačev. Molivdovuly Grecheskogo Vostoka. Zusammengestellt und Kommentar von Valentina S. Šandrovskaja (Nauchnoe nasledstvo, 19). Moskva: Nauka, 1991. 360 S., 26 T. *Byzantinoslavica*, 1993, vol. 54 (2), pp. 363-364.
11. Spink. *Auction 132. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos, Part II with Ancient and Gaulish Coins*. London, Spink & Son, 1999. 53 p.
12. Šandrovskaja V.S., Seibt W. *Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005, vol. 1. 142 S.

Information About the Author

Nikolay A. Alekseienco, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Информация об авторе

Николай Александрович Алексеенко, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.6>UDC 811.14'04
LBC 81.452-03Submitted: 13.06.2022
Accepted: 28.10.2022

**THE ACCENTUATION SYSTEMS
IN THE BYZANTINE SEALS OF THE 13th – 15th CENTURIES
FROM THE COLLECTION OF DUMBARTON OAKS**

Alexandra A. Evdokimova

Institute of linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. Our study of Byzantine accentuated objects (inscriptions, manuscripts, papyri, and seals) revealed that, besides the Byzantine accentuation system, there are also Alexandrian, Doric, “Logical”, two systems with an accent shift to the right or left and various combinations of all these systems. **Methods.** In addition to the descriptions and transcripts of the seals presented on the Dumbarton Oaks website, we explored in detail the photographs. In some cases, we found in the images the accentuation signs, which were allowed by the editors. **Materials.** The analysis of the accentuation signs usage in 381 Byzantine Greek seals of the 13th – 15th centuries from the collection of Dumbarton Oaks is presented in this article. **Analysis.** We described consistently which elements of the various Greek accentuation systems were used in the seals of each allocated time group. Nearly in all described groups, the Alexandrine system elements are observed, such as a shift of the accent signs to the left, and the accent in the first part of the diphthong. Semantic stress, including the accent marks on the abbreviations, and the Byzantine accentuation system were also used. **Results.** There are only 18 accentuated seals out of 381. Except for the mentioned Alexandrian, Byzantine, and Logic systems, some seals use a separate accentuation system with an accent shift to the right, widely represented in the seals of the 11th – 12th centuries from the Dumbarton Oaks collection. The analysis of the seal owners’ characteristics revealed that the accentuation on the seals is one of the indicators, that its owner had high status. In some cases, the accentuation signs serve to indicate the poetic size.

Key words: Greek accentuation, Dumbarton Oaks Archives, Greek sigillography, Byzantine Greek language, Alexandrine accentuation system, Byzantine accentuation system, logical accentuation system.

Citation. Evdokimova A.A. The Accentuation Systems in the Byzantine Seals of the 13th – 15th Centuries from the Collection of Dumbarton Oaks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 65-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.6>

УДК 811.14'04
ББК 81.452-03Дата поступления статьи: 13.06.2022
Дата принятия статьи: 28.10.2022

**СИСТЕМЫ АКЦЕНТУАЦИИ
ВИЗАНТИЙСКИХ МОЛИВДОВУЛОВ XIII–XV ВВ.
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ DUMBARTON OAKS**

Александра Алексеевна Евдокимова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. При изучении византийских акцентуированных памятников различного типа (надписей, рукописей, папирусов и печатей) было выявлено, что кроме византийской системы акцентуации использовались также александрийская, дорическая, логическая, системы сдвига ударения вправо или влево и различные комбинации этих систем. **Методика.** Помимо описаний и расшифровок печатей, представленных на сайте Dumbarton Oaks, при работе над статьей детально рассматривались и фотографии, так как в ряде случаев знаки акцентуации были пропущены при расшифровке. **Материалы.** В статье представлен результат анализа употребления знаков акцентуации в 381 византийских греческих печатях XIII–XV вв. из коллекции Dumbarton Oaks. **Анализ.** Последовательно показано, какие элементы основных систем греческой акцентуации – александ-

дрийской, византийской, смешанной и по смыслу – представлены в памятниках каждой выделяемой временной группы. Почти во всех группах наблюдаются элементы александрийской системы: смещение ударения влево, ударение на первой части дифтонга; смысловое ударение, в том числе на сокращениях, и византийская система акцентуации. *Результаты.* Из 381 печати только 18 акцентуированы. Помимо упомянутых александрийской, византийской и логической систем, в некоторых из них используется отдельная система акцентуации со смещением ударения вправо, широко представленная в печатях XI–XII вв. из коллекции Dumbarton Oaks. При анализе характеристик владельцев печатей было выявлено, что акцентуация на печатях является одним из показателей высокого статуса ее владельца, а не только маркирует стихотворный характер легенды.

Ключевые слова: греческая акцентуация, архив Dumbarton Oaks, греческая сфрагистика, византийский греческий язык, александрийская система акцентуации, византийская система акцентуации, логическая система акцентуации.

Цитирование. Евдокимова А. А. Системы акцентуации византийских моливдовулов XIII–XV вв. из коллекции Dumbarton Oaks // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 65–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.6>

Введение. При изучении акцентуации в греческих надписях [1], граффити [3], папирусах [6; 10; 11; 2], печатях [4] в разных памятниках византийского времени оказалось, что представлена не единая система акцентуации, а несколько: александрийская [9; 1; 5], дорийская [8], византийская, смешанная, по смыслу (логическое ударение) и т. д. Иногда один и тот же памятник письменности может содержать элементы разных систем или следовать одной, а какие-то из слов – другой.

Материалы. Для данного исследования была просмотрена 381 печать из коллекции Dumbarton Oaks¹, в разбор были также включены 5 печатей с ударениями, датированные XII–XIII вв., не вошедшие в предыдущую статью 2020 г. [4]. В этой же коллекции количество печатей в целом и особенно с ударениями в разбираемый период значительно снизилось по сравнению с XI–XII веками. Распределение по векам следующее:

- XII–XIII вв. – 6 печатей с ударениями из 154.
- XIII в. – 7 печатей с ударениями из 116.
- XIII–XIV вв. – 3 печати с ударениями из 42.
- XIV в. – 2 печати с ударениями из 64.
- XIV–XV вв. – 1 печать с ударениями из 5.

Анализ. Печати XII–XIII веков. В печатях XII–XIII вв. мы наблюдаем следующие закономерности: 1) элементы александрийской системы акцентуации – циркумфлекс над первой частью дифтонга (BZS.1958.106.5494, BZS.1955.1.4985, BZS.1958.106.5731),

придыхание над первой частью дифтонга (BZS.1958.106.5494, BZS.1955.1.4985); 2) характерная черта акцентуации сфрагистических памятников X–XI вв. – смещение влево акута в двух печатях (BZS.1951.31.5.2095, BZS.1958.106.2250); 3) в одной из печатей, где смещен акут влево, остальные ударения – над гласными, как в классической византийской системе акцентуации (BZS.1951.31.5.2095); 4) характерная черта акцентуации сфрагистических памятников X–XI вв. – смещение акута вправо (BZS.1958.106.2250); 5) как в классической византийской системе акцентуации (BZS.1958.106.2054).

Рассмотрим на примерах: печать Евстратия, монаха и пресвитера Космидия, XII–XIII вв. (BZS.1951.31.5.2095) (рис. 1). На аверсе оба циркумфлекса очень маленькие и точно над гласной, как и акут в последнем слове. На реверсе акут в первом слове ровно над гласной, а в пятом слове акут смещен чуть влево.

Аверс: + $\bar{\kappa}\bar{\epsilon}$ $\bar{\omega}\bar{\nu}\bar{\theta}\bar{\epsilon}\bar{\iota}$ $\bar{\tau}\bar{\omega}$ $\bar{\varsigma}\bar{\omega}$ $\bar{\delta}\bar{\omicron}$ $\bar{\nu}$ –:–

Реверс: $\epsilon\upsilon\sigma\tau\rho\alpha\tau\acute{\iota}\delta$ α^x κ $\pi\epsilon\upsilon\bar{\nu}$. δ $\kappa\bar{\mu}\bar{\delta}\acute{\iota}\bar{\omicron}\bar{\nu}$

В печати Иоанна, митрополита Халкедона, XII–XIII вв. (BZS.1958.106.5494) (рис. 2), над эпсилонем, первой частью дифтонга $\epsilon\upsilon$, стоит придыхание и акут над йотой в имени $\epsilon\upsilon\delta\phi\eta\rho\acute{\iota}\alpha$ и на реверсе сокращение над полным вариантом имени Иоанн.

Аверс: $\eta|\alpha|\gamma|\alpha-\acute{\epsilon}\nu|\phi\eta|\acute{\mu}|\alpha$

Реверс: + $\bar{\iota}\bar{\omega}$ $\alpha\bar{\nu}\bar{\nu}$ δ $\sigma\phi\rho\alpha\gamma\acute{\iota}\sigma\mu\alpha$ $\tau\bar{\delta}$ $\chi\alpha\lambda\kappa\eta\delta\omicron\nu\omicron\sigma$

В печати Иоанна, митрополита Халкедона, XII–XIII вв. (BZS.1955.1.4985) придыхание попадает на первую часть дифтонга в имени

Εὐφρημία и на реверсе – сокращение над полным вариантом имени Иоанн.

Аверс: Η|Α|Γ|Ι|Α–Ε̇|Φ|Η|Μ|Ι|Α

Реверс: +ΙΩ̄ΑΝΝ̄Σ СФΡΑΓΙΣΜΑ ΤῸ ΧΑΛΚΗΔΟΝΟΣ

На печати Константина Каппадокийского XII–XIII вв. (BZS.1958.106.5731) (рис. 3) циркумфлекс на реверсе в артикле сдвинут влево и оказывается на первой части дифтонга.

Реверс: ΤΩ̄Ν ΚΑΠΠΑΔΟΚΗ

На реверсе печати Льва Хелладикоса XII–XIII вв. (BZS.1958.106.2250) (рис. 4) оба акута длинные, в первом слове он сдвинут вправо, во втором – влево и почти попадает на λ. Сохранность аверса не позволяет судить о наличии или отсутствии знаков акцентуации.

Аверс: Θ|Ν|Ι|ΚΟ–Λ|Α|ΟС

Реверс: ΛΕΩΝ Ο ΕΛΑΔΙΚΟΣ

В печати Феодора Контостефана XII–XIII вв. (BZS.1958.106.2054) над омегой – точка, которую можно интерпретировать как акут.

Аверс: ΘΕΟΔΩΡΟV

Печати XIII века. В печатях XIII в.: 1) единственное ударение на всю печать, над именем главного героя, так называемая смысловая система акцентуации (BZS.1951.31.5.436, BZS.1955.1.3825); 2) ошибочное использование циркумфлекса в имени Иосиф над омегой, что, вполне вероятно, сделано по аналогии с известным сокращением имени Иоанн (BZS.1958.106.783); 3) на аверсе придыхание сдвинуто вправо, а один из акутов – влево, остальные ударения стоят ровно над гласными (BZS.1958.106.1182, BZS.1958.106.4966); 4) сокращение над омегой при полном написании имени Иоанн и акут над этим сокращением (BZS.1958.106.1028); 5) акут сдвинут вправо (BZS.1955.1.3825); 6) смешанная система акцентуации: часть ударений по византийской системе, часть смещена вправо, часть – по александрийской, влево (BZS.1958.106.5613).

Печать Константина Бастралита XIII в. (BZS.1951.31.5.436) имеет только акут на аверсе в первом слове ровно над гласной.

Аверс: +ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝ̄Σ СФΡΑΓΙΣΜΑ

В печати Иосифа Дуки Бататзиса 1-й половины XIII в. (BZS.1958.106.783) – ошибочное использование циркумфлекса в имени Иосиф над омегой, что, вполне вероятно, сделано по аналогии с известным сокращением имени Иоанн.

Реверс: .СФΡΑΓΙΣ ΙΩ̄СНФ Μ.ΧΗΤΗΝ ΕΚΤΥΠΩΣΑ

На печати Георгия Педиасима XIII в. (BZS.1958.106.1182) (рис. 5) на аверсе придыхание во втором слове немного сдвинуто вправо, акуты ровно над гласными, на реверсе – только циркумфлекс над первым словом ровно над гласной.

Аверс: +ΙΕ̇ΝΕΙС Δ'ΘΛΗΤΑ ΧῪ ΤΡΟΓΛΙΟΦΟΡΕ

Реверс: +СΩ̄ СВИШИВНШ ПЕΔΙΑСΙΝШ ΧΑΡΙИ

На аверсе печати Георгия Педиасима XIII в. (BZS.1958.106.4966) акуты в первом и четвертом слове чуть смещены влево, а на реверсе циркумфлекс стоит ровно над буквой первого слова.

Аверс: +ΙΕ̇ΝΕΙС Δ'ΘΛΗΤΑ ΧῪ ΤΡΟΓΛΙΟΦΟΡΕ

Реверс: +СΩ̄СВИ ШИВНШПЕΔΙΑ СΙΝШ ΧΑΡΙИ

В печати Георгия Никея XIII в. (BZS.1955.1.3825) из всех ударений представлен только акут на имени на аверсе, чуть смещенный вправо, смысловое выделение имени.

Аверс: +ΓΕΩΡΓΙΟ. СФΡΑ.. ΠΑ

В печати севаста Михаила XIII в. (BZS.1958.106.5613) – классическая византийская акцентуация, ударения над омегами смещены чуть вправо, а над этой – чуть влево.

Реверс: +ΚΕ̇ ΡΟΗΘΕΙ ΤΩ̄ СΕΡΑΣΤΩ̄ Μ̄Ι

В печати Иоанна Алиата XIII в. (BZS.1958.106.1028) (рис. 6) на аверсе – акут над омегой и есть знак сокращения, хотя имя приведено полностью.

Аверс: +ΙΩ̄ΑΝ̄Σ СФΡΑΓΙΣΜ

Печати XIII–XIV веков. В печатях XIII–XIV вв.: 1) смещение ударения влево – отголоски александрийской системы (BZS.1958.106.3465, BZS.1958.106.1277, BZS.1958.106.4810); 2) ударение над сокращением Θ(εοτό)κε (BZS.1958.106.3465) – смысловая система акцентуации; 3) два ударения в слове δοῦλο, возможно, второе из них указывает на сокращение ню (BZS.1958.106.3465); 4) маркированы только обложенные ударения (BZS.1958.106.1277); 5) смещение акута вправо (BZS.1958.106.4810).

В печати Стефана Бардала XIII–XIV вв. (BZS.1958.106.1277) (рис. 7) на реверсе два обложенных ударения в двух словах из пяти в

надписи, во втором слове знак ударения смещен немного влево, ближе к λ.

Реверс: +СФΡΑΓΙΣΝΑ ΓΡΑΦΩΝ ΒΑΡΔΑΛΛΗ
ϛ̄ ΣΤΕΦΑΝϞ

В печати Никифора XIII–XIV вв. (BZS.1958.106.3465) на реверсе акут стоит над сокращением богородицы. Акут во втором слове чуть смещен влево, ближе к омикрону, два ударения в слове δοῦλο, возможно, второе из них указывает на сокращение ню, в последнем слове также акут смещен к левому краю омикрона.

Реверс: Θ̄Κ̄Ε ΒΟΗΘΙ ΤΩ̄ ΣΟ̄ Δ̄ΥΛΟ̄
ΝΙΚΙΦΟΡΟΝ

В печати священников и епископов Святой Софии XIII–XIV вв. (BZS.1958.106.4810) (рис. 8) на аверсе – ударение только над словом Σοφία. Ударения на реверсе, оба акута в первом и третьем слове смещены влево к началу строки, а во втором слове – ровно над гласным.

Аверс: Ι|Ϟ|Ϙ̄|Ν̄|Ᾱ|Ο̄; ΗΑ|Γ|Α|ΣΟΦ|ΙᾹ;
Μ̄Ρ|Θ̄Υ|ΗΒ|ΟΗ|ΘΙ|Ᾱ

Реверс: ∙∴ +ΤΟΙΣ ΘΕΟΣΕΒΕΤΑΤΟΙΣ
ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΙΣ ΚΑΙ ΕΚΚΛΗΣΥ ΕΚΔΗΚΟΙΣ

Печати XIV века. В печатях XIV в.: 1) смешение систем – первый акут смещен влево, второй смещен вправо в виде точки (BZS.1951.31.5.1702); 2) на реверсе – обличенное ударение над омегой в имени Иоанн, а потом акут над альфой – вероятно, влияние сокращения (BZS.1955.1.3899).

В печати Андроника III Палеолога 1328–1341 гг. (BZS.1951.31.5.1702) – два акута на реверсе, первый смещен влево, а второй вправо, над третьим словом ударения не сохранилось.

Реверс: ΑΝΔΡ'ΟΝΙΚΟΣ ΔΕΣ ΠΌΤΗΣ Ο
ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟΣ∙

В печати севаста Иоанна Полемианита 1 пол. XIV в. (BZS.1955.1.3899) – ударение над сокращениями на аверсе. И на реверсе использован избыточный знак сокращения над именем Иоанн.

Аверс: Μ̄Ρ-Θ̄Υ. ῙϞ-Χ̄Ϟ

Реверс: +ΚΥΡΟΝ ΣΕΒΑΣΤΟΝ ΤΑΣ ΓΡΑΦΑΣ
ΙΩΑΝΝΟΥ ΠΑΝΑΓΝΕ ΣΕΜΝΤϞΠΟΛΕΝΙΑ

Печати XIV–XV века. В печатях XIV–XV вв.: 1) первый акут смещен вправо,

второй – над гласной (BZS.1958.106.5688); 2) циркумфлекс над первой части дифтонга – признак александрийской системы (BZS.1958.106.5688).

На аверсе печати Феодота Калофета XIV–XV вв. (BZS.1958.106.5688) (рис. 9) в первом слове акут смещен вправо, во втором – чуть влево, на аверсе во втором слове циркумфлекс оказывается на первой части дифтонга, а акут в третьем слове смещен вправо.

Аверс: +ΘΕΟΔΌΤΟΝ СФΡΑ'

Реверс: ΓΙΣΜΑ ΤΩΝ ΚΑΛΟΘΕ'ΤΟΝ

Заключение. Таким образом, как видно из анализа, количество печатей с ударениями в этой коллекции в рассматриваемый период невелико: из 381 печати только 18 акцентуированы. Однако в этих печатях наблюдаются элементы александрийской системы: смещение ударения влево, ударение на первой части дифтонга, элементы смешанной системы со смещениями ударений в одной печати и влево, и вправо, смещение ударения вправо, что является отдельной системой акцентуации, широко представленной в печатях XI–XII вв. из коллекции Dumbarton Oaks. Также представлена система акцентуации, использующая смысловое ударение, когда выделяются значимые для автора слова в легенде печати, в том числе эти ударения могут приходиться и на слова в сокращенном виде, чаще всего имена. Встречаются печати и с классической византийской системой акцентуации, иногда соединяющие ее с элементами вышеуказанных систем. Если рассмотреть персоналии тех, чьи печати оказались в этой подборке, то стоит отметить, что некоторые из них принадлежат императорам, несколько – севастам, несколько – митрополитам и другим деятелям церкви. Таким образом, акцентуация на печатях является в том числе и одним из показателей высокого статуса ее владельца.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Все примеры из печатей сопровождаются кодом, которым они маркируются в онлайн-базе Dumbarton Oaks [7].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Печать Евстрагия, монаха и пресвитера Космидия:

a – аверс; *б* – реверс

Fig. 1. The seal of Eustratios, monk and presbyteros of Kosmidion:

a – obverse; *б* – reverse

Рис. 2. Печать Иоанна, митрополита Халкедона:

a – аверс; *б* – реверс

Fig. 2. The seal of John, metropolitan of Chalcedon:

a – obverse; *б* – reverse

Рис. 3. Печать Константина Каппадокийского, реверс

Fig 3. The seal of Constantine the Cappadocian, reverse

Рис. 4. Печать Льва Хелладикоса, реверс
Fig. 4. The seal of Leo Helladikos, reverse

Рис. 5. Печать Георгия Педиасима, аверс
Fig. 5. The seal of George Pediasimos, obverse

Рис. 6. Печать Иоанна Алиата, аверс
Fig. 6. The seal of John Alyates, obverse

Рис. 7. Печать Стефана Бардала, реверс
Fig. 7. The seal of Stephanos Bardales, reverse

Рис. 8. Печать священников и еkkлeсиэдиков Святой Софии, реверс
Fig. 8. The seal of priests and ekklesiadikoi of Saint Sophia, reverse

α

β

Рис. 9. Печать Феодота Калофета:
α – аверс; β – реверс
Fig. 9. The seal of Theodotos Kalothetos:
α – obverse; β – reverse

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евдокимова, А. А. Акцентуированные греческие надписи в Грузии : Византийская или александрийская системы акцентуации или влияние понтийского диалекта? / А. А. Евдокимова // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. – М. : Тезаурус, 2009. – С. 39–43.

2. Евдокимова, А. А. Акцентуированные папирусы из коллекции Кельнского университета (предварительные замечания) / А. А. Евдокимова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2010. – № 14-1. – С. 277–295.

3. Евдокимова, А. А. Диалог византийской и александрийской систем акцентуации в греческих граффити из разных балканских памятников / А. А. Евдокимова // Балканский тезаурус: Коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах. – С. 31–37. – М. : Институт славяноведения РАН, 2019. – (Балканские чтения ; Вып. 15).

4. Евдокимова, А. А. Системы акцентуации в легендах византийских моливдовулов XI–XII вв. из коллекции Dumbarton Oaks / А. А. Евдокимова // *Χερσῶνος θεμάτα* : Империя и полис. XIII Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2021. – С. 111–127.

5. Тронский, И. М. Древнегреческое ударение / И. М. Тронский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 148 с.

6. Biondi, A. *Gli accenti nei papyri greci biblici* / A. Biondi. – Roma : Papyrologica Castrociquitana, 1983. – xii, 84 p., 5 pl.

7. Dumbarton Oaks. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.doaks.org/resources/seals>. – Title from screen.

8. Hinge, G. *Der dorische Akzent in den hellenistischen Korpora der archaischen Meliker* / G. Hinge. – Electronic text data. – Mode of access: <http://alkman.glossa.dk/akzent.html> (date of access: 28.10.2022). – Title from screen.

9. Laum, B. *Das Alexandrinische Akzentuations-system unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri* / B. Laum. – Paderborn : Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1928. – xvi, 523 p.

10. Seider, R. *Paläographie der griechischen Papyri*. Bd. 1 / R. Seider. – Stuttgart : Anton Hiersmann, 1967. – 112 S., 40 Taf.

11. Turner, E. G. *Greek Manuscripts of Ancient World* / E. G. Turner. – Oxford : Clarendon Press, 1971. – xvi, 174 p., 92 pl.

REFERENCES

1. Evdokimova A.A. Aktsentuirovannyye grecheskiye nadpisi v Gruzii: Vizantiyskaya ili

aleksandriyskaya systemy ili vliyanie pontiyskogo dialekta? [Accentuated Greek Inscriptions in Georgia. Byzantine or Alexandrian Systems of Accentuation or the Influence of the Pontic Dialect?]. *Sravnitelno-istoricheskoe yazykoznanie. Altaistika. Tyurkologiya. Materialy konferentsii* [Comparative-Historical Linguistics. Altaistics. Turkology. Conference Materials] Moscow, Tezaurus Publ., 2009, pp. 39-43.

2. Evdokimova A.A. Aktsentuirovannyye papirusy iz kollektzii Keln'skogo universiteta (predvaritelnye zamechaniya) [Accentuated Papyri from the Collection of the University of Cologne (Preliminary Remarks)]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2010, no. 14-1, pp. 277-295.

3. Evdokimova A.A. Dialog vizantiyskoy i aleksandriyskoy sistem aktsentuatsii v grecheskikh graffiti iz raznykh balkanskikh pamyatnikov [Dialogue of Byzantine and Alexandrine Accentuation Systems in Greek Graffiti from Different Balkan Monuments]. *Balkanskiy tezaurus: Kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obtshestvakh na Balkanakh* [The Balkan Thesaurus: Communication in Complex Cultural Societies in the Balkans]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2019, pp. 31-37. (Balkanskiy chteniya [The Balkan Readings]; vol. 15).

4. Evdokimova A.A. Sistemy aktsentuatsii v legendakh vizantiyskikh molivdovulov XI–XII vv. iz kollektzii Dumbarton Oaks [Accentuation Systems in the Legends of Byzantine Seals of the 11th–12th Centuries from Dumbarton Oaks Collection]. *Chersōnos themata : Imperia i polis. XIII mezhdunarodnyy vizantiyskiy seminar. Materialy nauchnoy konferentsii* [Monthly Issues. Empire and Polis. The 13th International Byzantine Seminar. Proceedings of the Scientific Conference]. Simferopol, IT «Ariall», 2021, pp. 111-127.

5. Tronsky I.M. *Drevnegrecheskoe udarenie* [Ancient Greek Accentuation]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1962. 148 p.

6. Biondi A. *Gli accenti nei papyri greci biblici*. Roma, Papyrologica Castrociquitana, 1983. xii, 84 p., 5 pl.

7. Dumbarton Oaks. URL: <https://www.doaks.org/resources/seals>.

8. Hinge G. *Der dorische Akzent in den hellenistischen Korpora der archaischen Meliker*. URL: <http://alkman.glossa.dk/akzent.html> (accessed 28 October 2022).

9. Laum B. *Das Alexandrinische Akzentuations-system unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri*. Paderborn, Druck und Verlag von Ferdinand Schoeningh, 1928. xvi, 523 p.

10. Seider R. *Paläographie der griechischen Papyri*. Vol. 1. Stuttgart, Anton Hiersmann, 1967. 112 S., 40 Taf.

11. Turner E.G. *Greek Manuscripts of Ancient World*. Oxford, Clarendon Press, 1971. xvi, 174 p., 92 pl.

Information About the Author

Alexandra A. Evdokimova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovsky Lane, 1, Bld. 1, 125009 Moscow, Russian Federation, ae@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6557-2064>

Информация об авторе

Александра Алексеевна Евдокимова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, ae@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6557-2064>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.7>

UDC 94(495).01+262.5+262.12+281.1+281.4
LBC 63.3(0)4

Submitted: 21.04.2022

Accepted: 10.06.2022

**THE DISPUTE BETWEEN NICAEEA AND NICOMEDIA
OVER THE STATUS OF *METROPOLIS* AT THE COUNCIL OF CHALCEDON:
THE CIVIC ASPECT¹**

Mikhail V. Gratsianskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract: *Introduction.* The subject of research in this paper refers to the imperial edict, conferring the title of *metropolis* on the city of Nicaea in 364 AD, and the imperial rescript of the same year, confirming the rights of Nicomedia to the same title and the status of the first city of the province. The documents were presented by bishops of Nicaea and Nicomedia in the course of litigation between them at the 4th Ecumenical Council in Chalcedon (451 AD). The objectives of this work are to present the translation of these documents and substantiate its correctness in comparison with other available translations into foreign languages. Further task is to identify and highlight through commenting those realities of the Roman world, which are reflected in the analyzed documents. *Methods.* The work is based on the application of the historical-critical method of analysing source data of the original texts, compiled in Greek. *Analysis.* The article deals with the dating of the documents, the peculiarities of the terms and expressions used in them, which regard to intercity relations in Roman times, the issue of city statuses and traditional elements of the provincial ceremonies associated with the imperial cult. In this context, special attention is given to the edict for Nicaea, which is dedicated to the *metropolis* status of Nicaea, and deals with peculiar ceremonial issues of “coronation”, “procession”, and the office of Bithyniarch. *Results.* The litigation between Nicaea and Nicomedia is a clear evidence of the preservation of ancient Hellenistic and Roman traditions in the era of the Christian empire. The fact that the bishop of Nicaea at the Ecumenical Council, in justifying the ecclesiastical and administrative rights of his city, resorted to arguments drawn from the sphere of intercity relations within the framework of the traditional provincial assemblies, speaks for the connection between the institutions of provincial assemblies and church councils. The author concludes that the traditional forms of urban life, intercity relations within the province and determination of the status of cities by traditional criteria were of key importance for the position of the city in the system of the provincial church hierarchy.

Key words: Ecumenical Councils, the Council of Chalcedon, Bithynia, Nicaea, Nicomedia, the title of metropolis, Bithyniarch, the Primacy of Honour.

Citation. Gratsianskiy M.V. The Dispute Between Nicaea and Nicomedia over the Status of *Metropolis* at the Council of Chalcedon: The Civic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 74-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.7>

СПОР НИКЕИ И НИКОМИДИИ НА ХАЛКИДОНСКОМ СОБОРЕ ЗА СТАТУС МИТРОПОЛИИ: ГРАЖДАНСКИЙ АСПЕКТ¹

Михаил Вячеславович Грацианский

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования в данной работе являются тексты императорского эдикта о даровании титула митрополии городу Никея в 364 г. и императорского рескрипта того же года, подтверждающего права Никомидии на такой же титул и ее статус первого города провинции. Документы были представлены епископами Никеи и Никомидии в ходе разбора тяжбы между ними на IV Вселенском соборе в Халкидоне (451 г.). Задачами данной работы является представление перевода этих документов и обоснование его правильности в сравнении с другими имеющимися переводами на иностранные языки. Далее задачей исследования являются выявление и освещение посредством комментирования тех реалий римского мира, которые отражаются в анализируемых документах. *Методы.* Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом языке. *Анализ.* В статье рассматриваются вопросы датировки документов, особенности употребленных в них терминов и выражений, касающихся межполюсных отношений в римское время, вопроса статуса городов и традиционных элементов провинциального церемониала, связанного с императорским культом. В этом ключе рассматриваются, прежде всего, пассажи эдикта в пользу Никеи, в которых идет речь о статусе митрополии, «венчании», «процессии» и должности вифиниарха. *Результаты.* Тяжба между Никеей и Никомидией является ярким свидетельством сохранения древних эллинистических и римских традиций в эпоху христианской империи. Тот факт, что епископ Никеи на Вселенском соборе в обоснование церковно-административных прав своего города прибег к аргументации, почерпнутой из сферы межполюсных отношений в рамках традиционных провинциальных союзов, свидетельствует о связи между институтами провинциальных союзов и церковных соборов. Автором делается вывод о том, что традиционные формы городской жизни, межполюсного взаимодействия в пределах провинции и определения статуса городов по традиционным критериям имели ключевое значение для положения города в системе провинциальной церковной иерархии.

Ключевые слова: Вселенские соборы, Халкидонский собор, Вифиния, Никея, Никомидия, титул митрополии, вифиниарх, первенство чести.

Цитирование. Грацианский М. В. Спор Никеи и Никомидии на Халкидонском соборе за статус митрополии: гражданский аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 74–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.7>

Введение. Христианизация Римской империи, протекавшая на всем пространстве Средиземноморья, представляла собой сложный и комплексный процесс, в котором элементы традиционной греко-римской культуры, сложившейся преимущественно в эпоху принципата, вступали во взаимодействие с новыми христианскими элементами, причем имел место процесс взаимной адаптации и взаимопроникновения тех и других. С этой точки зрения процесс кризиса «поздней Римской империи» может быть рассмотрен как процесс нового творческого синтеза, при котором традиционные элементы греко-римского мира

встраивались в структуры христианизированного общества и государства.

Одним из ярких и заслуживающих специального рассмотрения примеров такого взаимодействия и взаимовлияния является один из эпизодов IV Вселенского собора, состоявшегося осенью 451 г. в Халкидоне. В ходе заседания собора 30 октября состоялось рассмотрение тяжбы между митрополитом Никомидии Евномием и митрополитом Никеи Анастасием. Суть претензии Евномия состояла в том, что Анастасий предпринял епископские рукоположения в пределах провинции Вифиния, каковые, по мнению Евномия, цели-

ком относились к его компетенции как митрополита и правящего провинциального архиерея. Поскольку Анастасий, со своей стороны, представил собору документ, подтверждающий за Никеей статус митрополии, суд должен был решить, кого следовало считать правящим архиереем Вифинии, обладающим правом совершать и утверждать рукоположения провинциальных епископов [7, р. 56[415]–62[421]]. Так же, как и ряд других представленных на соборе дел, тяжба между Никомидией и Никеей была рассмотрена его участниками под председательством императорских чиновников, согласно повелению императора Маркиана [37, S. 304–322]. Данный казус примечателен тем, что аргументация сторон в пользу сравнительных преимуществ своих кафедр велась посредством обращения к документам, суть которых имела сугубо «внехристианский» характер, присущий традиционным общественным и государственным институтам Римской империи I–IV веков. Таким образом, для тяжбы, вызванной сугубо каноническими причинами, ключевым оказался гражданский по своей сути аспект.

Методы. Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом языке².

Анализ. Предметом специального анализа в данной работе будут тексты представленных тяжущимися сторонами императорских указов, в которых Никея и Никомидия наделялись правами митрополий. Задачами данной работы является, прежде всего, представление перевода этих документов, а также обоснование его правильности в сравнении с другими имеющимися переводами на иностранные языки. Далее задачей исследования являются выявление и освещение посредством комментирования тех реалий римского мира, которые отражаются в анализируемых документах.

Эдикт в пользу Никеи. «Императоры кесари Флавиус Валентиниан и Валент, счастливые, благочестивые Августы, вечные победители говорят никейцам. Хотя рвение наше для всех стало видным и наглядным с тех [самых] пор, как волею Всемогущего Мы приняли вершину империи (τῆς βασιλείας τὸ ὑπεραναβεβηκός) и кормила государства (τῶν

δημοσίων), однако в дополнение ко всему [этому] сбережем мы в качестве начала сего счастья [то], что Ваш город, прежде наполненный и гордящийся (προαναπλησθεῖσα καὶ γαυριωθεῖσα) нашим счастьем, стал всему народу причиной радости и ликования. В силу чего, поскольку встарь он был назван митрополией (μητρόπολις πάλαι ὀνομάσθη); и это содержится в старых законах, и, как мы законодательствуем (νομοθετοῦντων ἡμῶν), не может иметь никакого сомнения по причине того, что оно непоколебимо и твердо, а в будущем еще имеет быть умноженным (εἰς τὰ ἔπειτα αὐξηθησόμενα). [...] И наперед его увенчав (καὶ εἰς τὸ ἐξῆς αὐτὸν στέψαντες), мы постановили, чтобы он в вашем городе совершал шествие (ἐν τῇ ὑμετέρ πόλει προίεσθαι). И да сохранится постоянно этот обычай (ἡ συνήθεια αὐτή), и да будет город ваш митрополией при сохранении обычая, касающегося процессии вифиниарха (ἐπὶ τῇ προόδῳ τοῦ Βιθυνιάρχου), ибо никто да не отнимает ничего у остальных. Волею Всемогущего да возрастет достоинство (τὸ ἀξίωμα) вашего города! Итак, ликуя, усугубляйте молитвы (τὰς εὐχὰς διπλασιάζετε) и радуйтесь тому, что эта честь (αὐτὴ ἡ τιμή) была вам предоставлена [так], что впредь утихнет всякое сомнение, осознанная (συνωρῶντες), что удостоились вы от наших повелений вечной милости и призрения (αἰωνίου πραότητος καὶ προνοίας)» [7, р. 61[420].1–17].

Как указано в соборных актах, данный текст является «переводом закона» (ἐρμηνεία νόμου), изначально составленного на латинском языке. Латинский оригинал не сохранился: приведенный в латинской версии соборных актов текст эдикта является всего лишь обратным переводом с греческого, хотя и представляет определенный интерес [8, р. 69[508].3–18]. Имеется английский перевод эдикта, выполненный Ричардом Прайсом в издании полного перевода актов Халкидонского собора [53, р. 30–31], и французский перевод Сильвена Дестефана [18, р. 219–220].

Сохранившийся греческий текст нельзя назвать прозрачным по целому ряду причин, из которых первой является его топорный стиль «подстрочного» перевода. Смысл этого текста извлекается скорее «интуитивно», чем посредством анализа его грамматичес-

кой и синтаксической конструкции. Приходится думать скорее о том, что переводчик хотел сказать, нежели о том, как и что действительно сказано. В этой связи будет уместным представить нашу собственную интерпретацию текста в сравнении с имеющимися переводами и на их фоне.

Итак, главной проблемой является то, что сам сохранившийся текст является переводом. Поскольку императорские эдикты, особенно издаваемые по торжественным случаям, представляли собой довольно напыщенный и сложный латинский текст, не удивительно, что греческий перевод мог иметь определенные изъяны. Приведенный в латинской версии актов Халкидонского собора обратный перевод на латынь хотя и является полезным в ряде случаев, однако его автор также испытывал затруднения с пониманием отдельных мест греческого текста³. Так, уже в титулатуре он не опознал греческое *σεβαστοί* как обычный эквивалент латинского *Augusti* и перевел его как *colendi*.

Впрочем, латинский перевод имеет то преимущество, что ему оказывается незнакомой проблема, связанная с состоянием греческих рукописей, из-за которого в критическом издании Эдуарда Шварца в тексте закона довольно неожиданно оказалась представлена Никомидия. Приведем здесь по-гречески этот пассаж: [8] δι' ὃ δὴ ἐπειδὴ μητρόπολις πάλαι ὠνομάσθη καὶ τοῦτο νόμοι παλαιοὶ περιέχουσι [τὰ [9] αὐτὰ ἄπερ Νικομηδεῦσι], νομοθετούντων ἡμῶν [ὑπῆρξεν] οὐδεμίαν ἀμφιβολίαν ἔχειν [10] δύναται τῷ ἀσάλευτα καὶ ἰσχυρὰ μένειν καὶ εἰς τὰ ἔπειτα αὐξηθησόμενα. И наш дословный перевод: «В силу чего, поскольку встарь он был назван митрополией, и это содержится в старых законах, и, как мы законодательствуем [то же, что было и у никомидийцев], не может иметь никакого сомнения по причине того, что оно непоколебимо и твердо, а в будущем еще имеет быть умноженным».

Очевидным образом, часть текста, взятая издателем в скобки, представляет собой вставку, которая, скорее всего, объясняется тем, что на этапе переписки в текст было внесено толкование, основанное как на приведенном ниже эдикте в пользу Никомидии, так и на соборном приговоре, признавшем за Никомидией старейшинство титула митрополии.

Сразу подчеркнем, что сравнительно ранний латинский перевод этой вставки не знает: [9] propterea licet metropolitana olim est nominata et [10] hoc leges antiquae continent, tamen legem nobis proferentibus nulla dubitatio esse [11] poterit, eo quod haec immota et firmissima maneant et temporibus futuris augenda [8, p. 69[508]].

Соответственно в английском переводе Р. Прайса взятый Э. Шварцем в скобки кусок не учитывается: “Accordingly, since it was formerly called a metropolis, and this is contained in ancient laws, there can as a result of our legislation be no doubt but that this remains firm and unshaken and will increase in time to come...” [53, p. 30].

При этом во французском переводе С. Дестефана он целиком учитывается, причем в результате смысл меняется переводчиком на противоположный: «...не приходится сомневаться, что те же привилегии, которыми пользовались граждане Никомидии в силу наших законов, по этой причине не останутся крепкими и действительными и как следствие не будут умножены» («Comme donc elle a été autrefois qualifiée de métropole et que des lois anciennes contiennent cette disposition, il ne peut faire aucun doute que les mêmes privilèges dont ont bénéficié les citoyens de Nicomédie en vertu de nos lois, ne demeurent pour cette raison fermes, valides et ne soient par la suite augmentés»: [18, p. 219]). Таким образом, из французского перевода следует, что, давая привилегии Никее, императоры одновременно наказывали Никомидию, отнимая у нее имеющиеся права и лишая ее новых в будущем. Впрочем, свой перевод С. Дестефан не поясняет и не сравнивает его ни с имеющимся английским переводом, ни с версией, представленной латинскими актами. По нашему мнению, французский перевод содержит ошибку, поскольку привносит отрицательный смысл в придаточное предложение причины, вводимое артиклем τῷ.

Определенное затруднение представляет и следующий пассаж, который одновременно является и наиболее ценным с исторической точки зрения: [10] καὶ εἰς [11] τὸ ἐξῆς αὐτὸν στέψαντες ἐν τῇ ὑμετέρᾳ πόλει προιέναι ἔθεσπίσαμεν. Διαμενέτω [12] τοίνυν εἰς τὸ διηκεκὲς ἢ συνήθεια αὐτῆ καὶ ἡ πόλις ὑμῶν μητρόπολις ἔστω, τῆς συνηθείας [13] τῆς ἐπὶ τῇ προόδῳ τοῦ Βιθυνιάρχου διαμενούσης.

Уже издатель актов отмечает, что между этим пассажем и предыдущим явно имеется пропуск текста. Местоимение αὐτόν («его»), представляющее собой винительный падеж мужского рода, указывает на какое-то лицо, речи о котором в предыдущем пассаже не было. Как следствие, Р. Прайс отмечает возможность пропуска текста, однако дает неприемлемый перевод, передавая αὐτόν как «это» (it), как будто в тексте стояло αὐτό: “For the future, having crowned it, we decreed its issuing in your city. Therefore let this custom be preserved for ever, and let your city be a metropolis, while maintaining the custom relating to official visits by the Bithyniarch” [53, p. 30]. Инфинитив προίεῖν («идти вперед») Прайс переводит как “issuing”, хотя у этого глагола нет активного значения, а издание эдикта обыкновенно описывается через другие глаголы – к примеру, ἐκδίδοσθαι, ἐξίεῖν. Дальнейший перевод Прайса вполне согласуется с предложенным нами, за тем исключением, что перевод слова πρόδος как «official visits» представляется нам не отражающим сути этого термина применительно к личности «вифиниарха», о которой речь у нас пойдет ниже.

Перевод С. Дестефана отмечает мужской род местоимения αὐτόν, передавая его как «этот закон» (от греч. νόμος): «Et, à l’avenir, ayant ratifié cette loi, Nous avons ordonné qu’elle soit envoyée à votre cité. Que reste donc en vigueur pour toujours cette coutume et que votre cité soit métropole, tandis que la coutume relative à la visite du bithyniarque est maintenue» [18, p. 219].

Это выглядит более правдоподобно, однако сам закон в предшествующем предложении не упоминался, поэтому трактовка местоимения αὐτόν как стоящего вместо слова νόμος выглядит неубедительно. Единственную связь со словом «закон» здесь можно увидеть, если принять во внимание, что греческое νομοθετούντων ἡμῶν из предыдущего предложения передается в латинской версии через *legem nobis proferentibus*. Помимо этого, перевод στέψαντες через «ayant ratifié» выглядит неубедительно, коль скоро у глагола στέψω очевидным образом нет такого значения. Подобно Прайсу Дестефан переводит далее «πρόδος» вифиниарха как *visite*, но если Прайс сопровождает свой перевод сноской, где дает общие сведения о фигуре и роли вифини-

арха (из которой, впрочем, не становится ясно, что за «официальные визиты» он совершал), то Дестефан свой перевод не поясняет.

Латинская версия предложила здесь следующий текст: *et de cetero haec etiam in nostra ciuitate proficiscentes sanciuimus. permaneat igitur in perpetuum ista consuetudo et ciuitas uestra sit metropolitana, consuetudine scilicet in processu Bithyniae iudicis permanente*. Отметим сразу, что автор латинского перевода явно не совладал с первым предложением: опорные слова αὐτόν, στέψαντες и προίεῖν им очевидно не поняты. Присутствие *haec* на месте αὐτόν согласуется с английским переводом. Перевод πρόδος через *processus*, по нашему мнению, точен, однако передача τοῦ Βιθυνιάρχου через *Bithyniae iudicis* показывает, что автор перевода уже не знал, кто такой «вифиниарх». Использованный им при переводе термин *iudex* говорит о том, что переводчик понял титул «вифиниарх» как «наместник Вифинии», поскольку *iudex* было родовым названием наместников провинций, главной функцией которых было отправление правосудия в первой инстанции, в силу чего они назывались *iudices ordinarii* [34, S. 529–530; 9, p. 67–136]. Между тем наместником провинции вифиниарх все-таки не был. Дальнейшая часть эдикта не вызывает затруднений и как следствие различий в имеющихся переводах.

Взяв за основу наш перевод, приступим к комментированию эдикта в пользу Никеи для выяснения тех исторических обстоятельств и реалий, которые стояли за его появлением.

Прежде всего, затронем проблему датировки. К сожалению, она не может быть с точностью решена, однако примерная хронология может быть установлена. Упоминание двух государей, Валентиниана и Валента, говорит о том, что эдикт издан после 28 марта 364 г., когда Валентиниан в Константинополе провозгласил соправителем своего брата Валента. Поводом к изданию эдикта, очевидно, послужило то обстоятельство, что сам Валентиниан был провозглашен императором именно в Никее примерно месяцем ранее – 26 февраля 364 года. Именно это подразумевают императоры, говоря в эдикте о «начале сего счастья» (εἰς τὴν ἀρχὴν αὐτῆς τῆς εὐτυχίας), то есть о вступлении Валентиниана на престол. При этом уже 1 марта император был в

Никомидии, в которой состоялось совещание нового императора со своими приближенными по вопросу избрания соправителя, а также назначение Валента «трибуном конюшни» (*tribunus stabuli*). Таким образом, Никея и Никомидия оказываются первыми городами, которые Валентиниан посетил в качестве императора и потому не удивительно, что именно они удостоились государственной милости. После 26 апреля императоры отправились из Константинополя на Запад и вплоть до Сирмии двигались вместе, где после 4 августа расстались, поскольку Валентиниан двинулся дальше на Запад [50, S. 214–218; 52, p. 172–173; 33, p. 138–139]. Логичным будет тем самым предположить, что эдикт в пользу Никеи был издан еще до 26 апреля, пока императоры находились в Константинополе.

Вызывает вопрос содержание привилегий, предоставляемых императорами Никее. Эдикт Валентиниана и Валента констатирует, что Никея издревле имела титул митрополии. Статус города как митрополии нуждается в пояснении. Следует, прежде всего, учесть, что это понятие в римское время не было тождественно понятию митрополии, присущему более раннему периоду. В то время митрополией («материнским городом») назывался город, имевший колонии – города, основанные его гражданами в результате отселений на новые земли, при этом многие города продолжали называть себя митрополиями именно в этом смысле и в римское время: к примеру, Тир и Милет [13, p. 88]. Тем не менее ситуация меняется, и в римское время титул «митрополия» по преимуществу становится почетным титулом, который императоры присуждали наиболее значительным городам восточной части Римской империи.

Завоевавший Сирию и превративший ее в римскую провинцию Гней Помпей, а затем Гай Юлий Цезарь подтверждают статус свободного города и митрополии за Антиохией. Затем Октавиан Август, присоединивший к Сирии равнинную Киликию, дает титул митрополии Тарсу. В последующие сто лет титул широко распространяется по восточной части Римской империи: митрополиями становятся Верия (Македония), Никомидия (Вифиния), Ксанф (Ликия), Анкира (Галатия), Тир (Финикия), Петра (Аравия).

В этот период в целом соблюдается тот принцип, что каждой римской провинции на Востоке соответствует одна митрополия, которая чаще всего является резиденцией римского наместника. Между тем в царствование Адриана (117–138) количество митрополий резко увеличивается. Не исключено, что это было связано с существованием в пределах римской империи многочисленных гражданских союзов, именовавшихся койнонами (*κοινόν*), либо «этносами» (*ἔθνος*), история которых восходит к периоду классической античности⁴. В результате митрополии оказываются представлены во всех имевшихся тогда союзах, что в итоге даже приводило к тому, что в одной и той же провинции было по нескольку митрополий⁵. К примеру, в Азии помимо Эфеса (резиденции наместника), митрополиями во II в. становятся Пергам и Смирна [27, S. 307–312; 20, p. 247–286], а позже к ним присоединяются Кизик и Сарды, так что, к примеру, в эдикте императоров Валентиниана, Валента и Грациана, составленном в 375–378 гг. и сохранившемся в виде надписи, речь идет о четырех митрополиях Азии (*per quattuor civitates, quae metropolis apu[d] Asiam nominantur: Ephesos 2925*)⁶. В Сирии наряду с Антиохией и Тиром митрополиями становятся Дамаск и Самосата [13, p. 85–98; 27, S. 18–36 *et passim*; 44, p. 359].

Обретение городом статуса митрополии или иных почетных титулов и эпитетов зависело от воли императора: городские советы подавали императору особые прошения, в которых обосновывали пригодность города к получению титула. Нередко такие прошения подавались в ситуации острого соперничества городов: к примеру, в награду за преданность во время противостояния с Филиппом Аравитянином, император Деций даровал статус митрополии Фессалонике в ущерб древней митрополии Македонии – Верии [27, S. 387–389].

Итак, со времени Адриана митрополия рассматривалась как главный город союза, и только особые обстоятельства приводили к наличию в рамках одного союза нескольких митрополий, которые, среди прочего, конкурировали за право быть местом проведения союзных собраний (*συνέδριον*, *conventus*) и, как следствие, – местом проведения провинциаль-

ных праздничных процессий во главе с местным «этноархом»-архиепископом императорского культа. На Западе, где, с одной стороны, греческое слово «митрополия» не было в ходу и не прилагалось к главным городам союза, а с другой – более последовательно была воплощена система «одна наместническая провинция – один союз», центром провинциальных собраний обыкновенно был главный город наместнической провинции, который назывался «главой провинции» (*caput provinciae*) – латинским аналогом греческого термина «митрополия» (μητρόπολις) [27, S. 18–36].

Что касается Вифинии, то в эпоху принципата она была частью большой двухсоставной наместнической провинции Вифиния-Понт. Эллинистическое вифинское царство перешло под власть Рима по завещанию ее последнего царя Никомеда IV в 74 г. до н. э., а в 63 г. до н. э. Гней Помпей создал из части территорий бывших вифинского и понтийского царств провинцию «Понт и Вифиния» (*Pontus et Bithynia*) [39, p. 302–320, 351–378; 28, p. 862–874].

Признается, что титул митрополии Никомидия имела со времени императора Клавдия (41–54), соединив его впоследствии с трехкратным титулом «неокории» и титулами «первой в Вифинии» и «первой в Понте». Никея в этот же период усваивает себе титул «первой в Вифинии» и «первой в Понте» (как вариант: «первой в епархии»). Именование Никеи «первой» восходит уже ко времени Веспасиана. Такой же титул появляется в конце I в. и у Никомидии. Речь ритора Диона Хризостома, которому никомидийцы даровали почетное гражданство, отражает ситуацию ожесточенного соперничества между двумя вифинскими городами за «первенство» (ὕπερ πρωτεῖον ἀγωνιζόμεθα). Никомидия и Никея боролись за пышные, но, по его мнению, совершенно пустые титулы⁷. Титул «митрополия» встречается и применительно к Никее, однако только в одной надвратной надписи (Lefke Kapı) II в., да и то является результатом ученой реконструкции [48, S. 9–25]: «Благодарнейшая хранительница храма Августов, первая Вифинии и Понта, митрополия, согласно суждениям императоров и священного сената» (ἡ εὐσεβέστατη νεώκορος τῶν Σεβαστῶν πρώτη Βιθυνίας καὶ Πόντου, ἡ μητρόπολις κατὰ τὰ κρίματα τῶν αὐτοκρατόρων καὶ τῆς ἱερᾶς

συγκλήτου). В других источниках он применительно к Никее не встречается.

Исследователи предполагают, – опять же на основе анализа состояния той же надвратной надписи, – что свои титулы Никея утратила. Ее, оказавшуюся на проигравшей стороне в войне между Песценнием Нигером и Септимием Севером, последний лишил всех привилегий. При этом относительно Никомидии имеется свидетельство о сохранении ею в тот же самый период титулов «митрополии и первой в Вифинии и Понте»; также известно, что этот город стал в третий раз неокорией, если судить по монетам III в. [14, p. 156–161]. Проблема соперничества двух городов осложняется также тем обстоятельством, что фактически невозможно определить, какой город в додиоклетианово время был резиденцией наместника: косвенные данные имеются в пользу и того, и другого [27, S. 282–290; 42, S. 307–313; 25, p. 326–328; 57, S. 163–170].

Союз вифинской части «двойной» наместнической провинции Вифиния-Понт официально назывался «τὸ κοινὸν τῶν ἐν Βιθυνίᾳ Ἑλλήνων». Согласно имеющимся свидетельствам, он возник еще в республиканское время и функционировал на протяжении всего периода принципата [17, S. 60–64; 25, p. 154–165; 54, S. 196–198; 22, S. 71–73]. Впрочем, та же неопределенность, что и с резиденцией наместника, имеется и в отношении того, какой город был местом проведения собраний койнона [27, S. 287–289]; ряд наиболее авторитетных исследователей, впрочем, склоняются к тому, что им была Никея [17, S. 61]. Тем не менее сведения о проведении празднеств вифинского койнона происходят главным образом из Никомидии, однако имеются и из Никеи [17, S. 61].

Диоклетиан, провозглашенный императором в Никомидии 20 ноября 284 г., сделал город своей резиденцией, в которой он провел значительную часть своего царствования и в ней же отрекся от престола 1 мая 305 года⁸. Сведений о митрополичьем статусе обоих городов в последующий период не имеется, однако, что касается эпохи Валентиниана и Валента, сведения обоих документов, представленных на Халкидонском соборе, подтверждаются сообщением Аммиана Марцелина, который в связи с возвышением Вален-

тиниана называет Никею «матерью городов в Вифинии» (Amm.Marc. XXVI.1.3: quae in Bithynia mater est urbium), а Никомидию в другом контексте – «матерью городов Вифинии» (Amm.Marc. XVII.7.1: Bithyniae urbium matris), каковой титул однозначно является переводом греческого *μητρόπολις*.

Итак, сведения эдикта Валентиниана и Валента подтверждаются современным свидетельством, а также оказываются косвенным доказательством в пользу того, что в 60-е гг. IV в. Никея воспринималась как древняя митрополия и, следовательно, могла таковой и быть, хотя данные более раннего времени не свидетельствуют об этом с достаточной убедительностью.

Проанализируем следующий пассаж эдикта: «И наперед его увенчав, мы постановили, чтобы он в вашем городе совершал шествие. И да сохранится постоянно этот обычай, и да будет город ваш митрополией при сохранении обычая, касающегося процессии вифиниарха, ибо никто да не отнимает ничего у остальных. Волею Всемогущего да возрастет достоинство вашего города!» Данный перевод, как уже было отмечено, отличается как от древнего латинского перевода халкидонских актов, так и от переводов современных исследователей. Вслед за издателем актов Э. Швартцем и переводчиком актов на английский язык Р. Прайсом мы предполагаем перед этим пассажем лауну, в силу чего остается неизвестным, какое слово мужского рода было употреблено в пропущенной части и в следующем предложении представлено местоимением «его» (*αὐτόν*). Исходим из дословного понимания этого местоимения как относящегося к неуказанному лицу мужского пола. Тем самым, исходя из синтаксической структуры предложения, в нем сообщается, что данное лицо было увенчано императорами.

Анализ пассажа уместно начать с пояснения того, кем является упомянутый здесь вифиниарх. Модель слова, состоящая из названия провинции или народа и форманта «-арх», в римское время обозначала на греческом Востоке главу гражданского союза, являвшегося одновременно главным провинциальным священником императорского культа. «Союз» – термин, издавна принятый в отече-

ственной историографии в том числе для обозначения основанных на принципе этнического единства территориальных объединений, которые существовали с периода классической древности, а в римское время легли в основу провинциального деления, особенно на греческом Востоке [4; 5; 6, с. 13–23; 1, с. 11–37]. Фактически в римское время большинство союзов совпадали в своих границах с наместническими провинциями, и потому для них в равной степени были в ходу обозначения *ἐπαρχία*, *ἔθνος* и *κοινόν* (на Западе – *concilium*).

Объединяющей все союзы империи, со времен Октавиана Августа стала идея божественности императора и разработанная система культа последнего. Естественным следствием стало то, что представителями городов в союзном собрании, а также председателями союзного собрания становятся жрецы императорского культа – «священники богов-Августов» (*ἀρχιερεῖς θεῶν Σεβαστῶν*). Одновременно, в качестве главы союза, такой жрец именовался, к примеру, «архиерем Азии» (*ἀρχιερεὺς τῆς Ἀσίας*), «архиереем Понта» (*ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου*), «архиереем союза Галатов» (*ἀρχιερεὺς τοῦ κοινοῦ τῶν Γαλατῶν*), «архиереем ликийцев» (*Λυκίων ἀρχιερεὺς*), «архиереем Кипра» (*ἀρχιερεὺς τῆς Κύπρου*) и т. д. Кроме того, во всех случаях параллельно присутствовали титулы, не отражавшие священнический статус главы союза, но подчеркивающие лишь факт его главенства: асиарх (*Ἀσιάρχης*), вифиниарх (*Βιθυνιάρχης*), понтарх (*Ποντάρχης*), галатарх (*Γαλατάρχης*), ликиарх (*Λυκιάρχης*), сириарх (*Συριάρχης*) и т. п.⁹ Таким образом, данные должности считались «священноначалием» или «священством этноса»¹⁰.

Отметим, что римские провинции Азия и Вифиния оказались, так сказать, колыбелью императорского культа. Согласно свидетельству Диона Кассия, рассказывающего о посещении Октавианом этих провинций по пути из Египта в 30/29 г. до н. э., «Цезарь... разрешил иметь святилища в честь Рима и своего отца Цезаря, которого назвал героем Юлием, в Эфесе и Никее, каковые два города были в то время наиболее влиятельными в Азии и в Вифинии. ...Обычай такого рода, берущий начало с этого времени, получил распростране-

ние при других императорах, причем не только среди греков, но и среди всех прочих подвластных римлянам народов» [3, с. 49]¹¹.

Несмотря на то что, по-видимому, уже с того времени во главе вифинского союза стоял жрец императорского культа, в источниках мы не встречаем термина ἀρχιερεὺς τῆς Βιθυνίας: зафиксирован только термин Βιθυνίαρχης [21, р. 345–346; 55, р. 91]. Из эпиграфических источников известно более десятка вифиниархов с конца I и до конца III в. [40, р. 1608; 21, р. 346–352].

Поскольку в эдикте Валентиниана и Валента идет речь о вифиниархе, совершенно естественным будет связать выражение «его увенчав» (αὐτὸν στέψαντες) именно с фигурой последнего. Одной из неперенных инсигний главного союзного / провинциального жреца императорского культа (ἀρχιερεὺς τοῦ ἔθνους, sacerdos provinciae) был так называемый «архиерейский венец» (ἀρχιερατικὸς στέφανος)¹². Этот венец носился жрецом во время церемониальных процессий, председательствования (προεδρία, praesedere) на состязаниях, а также в ходе других культовых и праздничных событий [43, р. 170–171; 23, р. 477–478; 47, S. 38–39]. Такими событиями, в частности, были приезд в провинциальную столицу императора (adventus), а также празднества в его честь [43, р. 101–132; 23, р. 550–556; 15].

Как следствие, дарование прерогативы носить золотой «архиерейский венец» и багряную тогу (πορφύρα) во время процессий было привилегией жреца, даруемой императором. Так, согласно надписи, некий Марк Аврелий Дафн, трижды бывший «асиархом храмов в Эфесе» (ἀσιάρχην ναῶν τῶν ἐν Ἐφέσῳ τρίς), получил «от августов счастье во время первой процессии [носить] золотой венец вместе с порфирой» (εὐτυχίσαντα δὲ καὶ παρὰ τῶν Σεβαστῶν, καὶ ἐπὶ τῇ πρώτῃ προόδῳ τὸν χρυσοῦν στέφανον ἅμα τῇ πορφύρῃ)¹³.

Венец священников императорского культа упоминают и христианские авторы: так, Тертуллиан говорит о «золотых венцах провинциальных священников» (Tert. De idolatria, XVIII: согопае aureае sacerdotum provincialium). Факт ношения жрецами императорского культа золотых венцов привел к тому, что «священники провинций» на латинском Западе назывались зачастую просто «увенчанными» – coronati [26,

р. 122–124; 23, р. 478]. Помимо свидетельств, относящихся к Дакии и Африке эпохи принцепата, имеется эпиграфическое свидетельство из Эфеса, также относящееся к эпохе Валентиниана и Валента (ок. 375–378 гг.), в котором упоминается provinciae coronatus (Ephesos 2925. Ln. 5)¹⁴. Далее, в кодексе Феодосия приводится закон императоров Аркадия и Гонория от 15 ноября 407 г., в котором оговаривается, что «священники провинции» (sacerdotes provinciae), которые там же названы «увенчанными» (per coronatos), не вправе заниматься взысканием фискальных задолженностей с христианских церквей (CTh. XVI.2.38) [16, р. 110–117].

Итак, возглавление торжественных шествий или процессий в честь дня рождения императора, годовщины его восхождения на престол, ознаменованная посещением им города было одной из главных церемониальных функций провинциального архиерея императорского культа. Данные шествия обыкновенно обозначались греческими терминами πομπή, проπομπεία или латинскими pompa, processio. Гораздо реже в источниках для описания процессии применяется слово πρόδος. Помимо приведенной выше надписи в честь Марка Аврелия Дафна можно еще привести надпись из Эфеса с упоминанием «священных процессий архиереев Азии и мужей удостоенных священными венцов» (Ephesos 122: ταῖς ἱεραῖς προόδοις τοὺς ἀρχιερέας? – τῆς Ἀσίας καὶ τῶν ἱερῶν στεφάνων – φιλοτιμωμένους ἄνδρας)¹⁵, а также надпись, посвященную архиерею Зевса Эгинета и гения Августов Аврелию Дилитриану, о котором говорится, что он среди прочего «совершал процессии» (ποιήσαντα καὶ προόδο[υς]: MDAI(A) 10 (1885) 335)¹⁶.

Поскольку мы имеем дело с греческим переводом изданного по-латыни эдикта, следует предполагать, что в латинском тексте на месте слова πρόδος стояло processio, для которого, в отличие от терминологически более точного проπομπεία, наиболее дословным греческим соответствием как раз и будет πρόδος.

Указ в пользу Никомидии. Приведем здесь наш перевод указа Валентиниана в пользу Никомидии, представленного на Халкидонском соборе Евномием Никомидийским в ответ на представление Анастасием Никей-

ским эдикта в пользу Никеи: «Валентиниан, благочестивый, счастливый Август никомидийцам радоваться! Относительно привилегий (τὰ πριμλίγια) вашего города встарь существующий древний обычай будет сохранен (φυλαχθήσεται). Ведь и прибавка чести (ἡ προσθήκη τῆς τιμῆς) города никейцев не сможет повредить вашему праву (τὸ δίκαιον), поскольку увеличится достоинство (ἐπαύξεται τὸ ἄξιωμα) города никомидийцев, если тот [город], сущий на втором месте, прозывается именем митрополии (ἢ ἐν δευτέρῳ τόπῳ οὗσα μητροπόλεως ὀνόματι καλεῖται)» [7, р. 61[420].18–27].

В отличие от эдикта в пользу никейцев, этот документ характеризуется сравнительной краткостью и ясностью: в его случае и древняя латинская версия, и переводы современных авторов вполне согласуются между собой [53, р. 31; 18, р. 220].

Документ издан от имени одного императора – Валентиниана. Естественно предполагать, что он появился после эдикта в пользу Никеи, тем более что имеет форму не эдикта, а письма – рескрипта, составленного очевидным образом в ответ на жалобу никомидийцев, заподозривших, что честь их города уменьшается из-за возвышения их извечных конкурентов – никейцев. Однако для того чтобы получить рескрипт, следовало сначала составить ходатайство, а затем отправить его с посольством к императору¹⁷. Как следствие, едва ли возможно предполагать, что граждане Никомидии могли успеть направить это посольство и получить ответ в течение месяца, когда Валентиниан был единоличным правителем. Обращение к императору непосредственно в Никомидии, где тот находился краткое время по дороге в Константинополь, и немедленное получение ответа на него также представляются маловероятными, поскольку в тот момент эдикта в пользу Никеи еще не было – он появился, как уже было отмечено, после 28 марта, когда Валент в Константинополе был провозглашен соправителем.

Тем самым следует предполагать, что делегации обоих городов успели застать обоих императоров в Константинополе, где никейцы получили эдикт, а никомидийцы – рескрипт, причем от имени того императора, который лично посещал Никомидию и к которому, по-

видимому, никомидийцы непосредственно обратились с ходатайством. Таким образом, поскольку оказанная Никее честь была связана с возвышением именно Валентиниана, то и рескрипт никомидийцам был от его имени. Можно также предполагать, что в этот момент еще не было решено, кто из императоров отправится на Запад, а кто останется на Востоке, и потому рескрипт для восточной части империи выдал император, впоследствии правивший на Западе.

Из рескрипта становится ясно, что эдикт в пользу Никеи действительно содержал дарование императорами городу титула митрополии – в части, которая, по-видимому, находилась в тексте эдикта на месте установленной Э. Швартцем лакуны. Рескрипт ценен также документальным указанием на ранги городов в пределах провинции Вифиния: Никея как город, не являющийся резиденцией наместника, оказывается на втором месте, то есть обладает δευτερεῖα в пределах провинции и оказывается δευτέρα τῆς Βιθυνίας. Данное свидетельство является еще одним подтверждением того, что все города имели в пределах союза свой ранг, который предположительно находил свое выражение в порядке следования представителей города в провинциальных процессах и других церемониальных моментах [43, р. 128–129], хотя данный вопрос и является дискуссионным [56; 42, S. 313–315; 29, р. 310–313; 54, S. 61–62]. Если брать свидетельства, представленные разными типами источников, то, к примеру, город Ниса назывался «шестым в Азии», а Магнесия – «седьмым»¹⁸; Аспенд в Памфилии называется «третьим из тамошних [городов]» (τρίτη τῶν ἐκεῖ – Philostr. Vita Apollonii, 1.15); Халкида «держит первенство и называется митрополией эвбейцев, второе же место занимает Эретрия» (Νυνὶ μὲν οὖν ὁμολογουμένως ἢ Χαλκίς φέρεται τὰ πρωτεῖα καὶ μητρόπολις αὕτη λέγεται τῶν Εὐβοέων, δευτερεῖαι δ' ἢ Ερέτρια – Paus. X.1.11).

Факт озабоченности императора тем, что в результате дарования привилегий одному городу может пострадать «достоинство» (ἄξιωμα, dignitas) другого, не является уникальным: в схожем случае император Феодосий Младший (408–450), даруя титул митрополии Бериту, оговаривается, что тем самым

не умаляются права Тира – столицы провинции (CJ. XI.22.1: *Tyro nihil de iure suo derogatur*) [2].

После изучения обоих указов в ходе заседания Халкидонского собора судьи отметили, что ни тот, ни другой не касаются церковных дел и вопроса «о епископстве». При этом, наделяя Nikeю правом митрополии, эдикт подчеркивает, что «у прочих городов (τῶν ἄλλων... πόλεων) ничего не отнимается», а канон святых отцов ведет речь «об одном митрополите в каждой из епархий (περὶ ἐνὸς μητροπολίτου καθ' ἑκάστην τῶν ἐπαρχιῶν)». Участники собора потребовали придерживаться при решении этой дилеммы канонов, а поскольку Никомидия «издревле» была митрополией, а ее епископ является «митрополитом старейшим», то право рукоположений в провинции Вифиния принадлежит ему [7, р. 61[420].28–62[421].1–14]. Судьи приняли эту трактовку и удовлетворили иск Евномия Никомидийского, подтвердив его верховные права на рукоположение всех епископов в провинции Вифиния.

Результаты. Указы императоров Валентиниана и Валента являются важными источниками для истории статусов городов в Римской империи. Для периода поздней античности их сведения уникальны: они свидетельствуют о сохранении древних эллинистических и римских традиций в эпоху христианской империи. Тот факт, что епископ Nikeи на Вселенском соборе в обоснование церковно-административных прав своего города прибег к аргументации, почерпнутой из сферы межполисных отношений в рамках традиционных провинциальных союзов, и данная аргументация была фактически признана на соборе имеющей силу, может свидетельствовать о связи между институтами провинциальных союзов и церковных соборов, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о наличии между ними определенной соотношенности и в перспективе – о наличии континуитета. Таким образом, данный казус является ярким примером взаимодействия и взаимовлияния традиционных греко-римских и христианских элементов, а также адаптации первых последними в эпоху кризисов и перемен Средиземноморья V века.

¹ Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075-15-2022-1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

² Цитирование эпиграфических памятников осуществляется в соответствии с сокращениями, принятыми в электронном ресурсе <https://inscriptions.packhum.org/>.

³ О сохранившихся латинских версиях актов собора см.: [49; 41].

⁴ О койнонах в античное и эллинистическое время см.: [35; 36; 11; 38]. В римское время: [26; 17; 22].

⁵ Некоторые римские наместнические провинции в Малой Азии включали несколько союзов, которые в свою очередь также назывались «эпархиями» (ἐπαρχία/ἐπαρχεῖα) – греческим эквивалентом римского термина provincia. См.: [54].

⁶ См.: <https://inscriptions.packhum.org/text/250659?hs=2701-2728>. При этом имеется в виду постдиоклетиановская провинция Азия, существенно меньшая по размеру, чем провинция I–III вв. (в которую, в частности, уже не входил Милет). Ср.: [27, S. 307].

⁷ Dion. Cass. Or. 38: Πρὸς Νικομηδεῖς περὶ ὁμονοίας τῆς πρὸς Νικαεῖς. Анализ этой речи Диона Хризостома в связи с соперничеством Nikeи и Никомидии: [46, р. 3–6; 30]. См. также: [24, р. 5–16; 12, р. 19–38].

⁸ См. о Никомидии при Диоклетиане: [51, S. 177–181; 10, р. 31, 49–56].

⁹ Ю. Дайнингер говорит о конкурирующем словоупотреблении термина «архиерей» и термина с формантом «-арх» для описания одной и той же должности без какого бы то ни было различия в значении: [17, S. 148]. См. также: [55, р. 90–95; 30].

¹⁰ См. Dig. 27.1.6.14: Ἔθνους ἱεραρχία [ἱερῶσύνη?], οἶον Ἀσιαρχία, Βιθυνιαρχία, Καππαδοκαρχία... («Священноначалие [священство?] этноса, как например, асиархия, вифинархия, каппадокархия...»).

¹¹ Перевод «наиболее влиятельными» в отношении Эфеса и Nikeи является весьма приблизительным переводом глагола προετέτιμητο, каковой означает, что эти города к тому времени уже имели «преимущественную честь» среди городов Азии и Вифинии.

¹² Изображения жрецов императорского культа в «архиерейском венце» и самого венца см.: [31, р. 204–205, pl. 157, № 282; 32, Taf. 273–275].

¹³ Ieph 3070. Текст надписи в электронной базе данных: <https://inscriptions.packhum.org/text/248855?hs=617-623>

¹⁴ См.: <https://inscriptions.packhum.org/text/250659?hs=747-754>

¹⁵ См.: <https://inscriptions.packhum.org/text/247828?hs=276-282>

¹⁶ См.: <https://inscriptions.packhum.org/text/282010?hs=293-302>

¹⁷ Сохранился практически современный этим событиям указ императоров на имя префекта претория Востока, в котором регламентировался порядок подачи «провинциалами» (provinciales) своих ходатайств (desideriorum suorum decreta) на имя императора: прежде чем попасть к императору ходатайства должны были пройти ведомства наместника провинции, а затем префекта. См.: СTh. XII.12.3. Порядок обращения к императору трактуется в схожем смысле еще в ряде эдиктов: СTh. XII.12.4; 12.6–8.

¹⁸ См. легенды на монетах: [45, р. 22–35 (Ниса); 19, S. xxv (Магнезия)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубцова, Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху / Е. С. Голубцова. – М. : Наука, 1998. – 251 с.
2. Грацианский, М. В. Упорядочение церковно-административного статуса митрополий на Халкидонском соборе на примере тяжбы митрополитов Тира и Берита / М. В. Грацианский // *Via in tempore*. История. Политология. – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 505–517.
3. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Кн. LI–LXIII / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. – СПб. : Нестор-История, 2014. – 679 с.
4. Куль, П. Ю. Провинциальные собрания у римлян. Их организация и функции в век принципата / П. Ю. Куль. – Харьков : Паровая тип. и лит. Зильберберг, 1898. – 198 с.
5. Лурье, С. Я. Беотийский союз / С. Я. Лурье. – СПб. : Сенат тип., 1914. – 215 с.
6. Сизов, С. К. Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.) / С. К. Сизов. – М. : Прометей : МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. – 170 с.
7. Acta conciliorum oecumenicorum. Т. II. Vol. 1. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1935. – xxx, 154 p.
8. Acta conciliorum oecumenicorum. Т. II. Vol. 3. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1937. – xxiii, 162 p.
9. Barbati, S. I iudices ordinarii nell'ordinamento giudiziario tardoromano / S. Barbati // *Jus*. – 2007. – Vol. 1. – P. 67–136.
10. Barnes, T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine / T. D. Barnes. – Cambridge ; Massachusetts ; London : Harvard University Press, 1982. – xix, 305 p.
11. Beck, H. Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jahrhundert v. Chr. / H. Beck. – Stuttgart : Franz Steiner Verl., 1997. – 316 S. – (Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. Einzelschriften ; Bd. 114).
12. Bekker-Nielsen, T. Nicomedia and Nicaea from Hellenism to Late Antiquity: Parallel Lives or a Tale of Two Cities? / T. Bekker-Nielsen // *Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea / Nicomedia* / ed. by A. Lichtenberger, T. Şare Ağtirk, E. Winter, K. Zimmermann. – Bonn : Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2020. – P. 19–40. – (Asia Minor Studien ; Bd. 96).
13. Bowersock, G. W. Martyrdom and Rome / G. W. Bowersock. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – xii, 106 p.
14. Burrell, B. Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors / B. Burrell. – Leiden ; Boston : Brill, 2004. – xviii, 422 p.
15. Chaniotis, A. Der Kaiserkult im Osten des Römischen Reiches im Kontext der zeitgenössischen Ritualpraxis / A. Chaniotis // *Die Praxis der Herrscherverehrung in Rom und seinen Provinzen* / hrsg. von H. Cancik, K. Hitzl. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2003. – S. 3–28.
16. Chastagnol, A. Les survivances du culte impérial dans l'Afrique du Nord à l'époque vandale / A. Chastagnol, N. Duval // *Mélanges d'histoire ancienne offerts à William Seston*. – Paris : Éditions E. de Boccard, 1974. – P. 87–118. – (Publications de la Sorbonne. Série "Études" ; vol. 9).
17. Deininger, J. Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. / J. Deininger. – München ; Berlin : C. H. Beck'sche Verlagsbuchh., 1965. – xvi, 220 S. – (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte ; Bd. 6).
18. Destephen, S. Actes conciliaires, listes de souscriptions et notices épiscopales ou du bon usage des sources ecclésiastiques / S. Destephen // *L'Anatolie des peuples, des cités et des cultures (IIe millénaire av. J.-C. – Ve siècle ap. J.-C.)*. Colloque international de Besançon, 26–27 novembre 2010. Vol. 1. – Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2013. – P. 207–228.
19. Die Inschriften von Magnesia am Maeander / hrsg. von O. Kern. – Berlin : W. Spemann, 1900. – xxxvii, 296 S.
20. Dmitriev, S. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor / S. Dmitriev. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – xiii, 428 p.

21. Domitilla Campanile, M. Il koinon di Bitinia. Βειθυνιάρχαι ε ἄρχοντες τοῦ κοινοῦ τῶν ἐν Βειθυνίᾳ Ἑλλήνων / M. Domitilla Campanile // *Studi Classici e Orientali*. – 1995. – Vol. 43. – P. 343–357.
22. Edelmann-Singer, B. Koina und Concilia. Genese, Organisation und sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im römischen Reich / B. Edelmann-Singer. – Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2015. – 363 S.
23. Fishwick, D. The Imperial Cult in the Latin West. Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire. Vol. II/1/D. Fishwick. – Leiden ; New York ; København ; Köln : E. J. Brill, 1991. – vi, 626 p.
24. Foss, C. Nicaea and Nicomedia: The Lives of Two Rival Cities / C. Foss // *Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea / Nicomedia* / ed. by A. Lichtenberger, T. Şare Ağtirk, E. Winter, K. Zimmermann. – Bonn : Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2020. – P. 5–17. – (Asia Minor Studien ; Bd. 96).
25. Guerber, E. Les cités grecques dans l'Empire romain: les privilèges et les titres des cités de l'orient hellénophone d'Octave Auguste à Dioclétien / E. Guerber. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2009. – 514 p.
26. Guiraud, P. Les assemblées provinciales dans l'Empire romain / P. Guiraud. – Paris : Imprimerie nationale, 1887. – 309 p.
27. Haensch, R. Capita provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit / R. Haensch. – Mainz : P. von Zabern, 1997. – 861 S.
28. Harris, B. F. Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism / B. F. Harris // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung – II (Principat)* / hrsg. von H. Temporini. – Bd. 7/2. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1980. – P. 857–901.
29. Heller, A. “Les bêtises des grecs”. Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.) / A. Heller. – Bordeaux : De Boccard, 2006. – 425 p.
30. Heller, A. Priesthoods and Civic Ideology: Honorific Titles for *Hiereis* and *Archiereis* in Roman Asia Minor / A. Heller // *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule* / ed. by E. Muñoz Grijalvo, J. M. Cortés Copete, F. Lozano Gómez. – Leiden ; Boston : Brill, 2017. – P. 1–20. – (Impact of Empire. Roman Empire, c. 200 B.C. – A.D. 476 ; vol. 25).
31. Inan, J. Roman and Early Byzantine Portrait Sculpture in Asia Minor / J. Inan, E. Rosenbaum. – London : Oxford University Press, 1966. – xxv, 244.
32. Inan, J. Römische und frühbyzantinische Porträtplastik aus der Türkei. Neue Funde. Tafeln / J. Inan, E. Rosenbaum. – Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 1979. – xviii, 368 p.
33. Jones, A. H. M. The Later Roman Empire 284–602. Vol. 1 / A. H. M. Jones. – Oxford : Basil Blackwell, 1964. – xv, 522 p.
34. Kaser, M. Das römische Zivilprozessrecht / M. Kaser, K. Hackl. – 2. Aufl. – München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1996. – xxxiv, 712 S.
35. Larsen, J. A. O. Representative Government in Greek and Roman History / J. A. O. Larsen. – Berkeley ; Los Angeles, 1955. – vii, 247 p.
36. Larsen, J. A. O. Greek Federal States. Their Institutions and History / J. A. O. Larsen. – Oxford : Clarendon Press, 1968. – xxviii, 537 p.
37. Leuenberger-Wenger, S. Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert / S. Leuenberger-Wenger. – Leiden ; Boston : Brill, 2019. – 617 S. – (Supplements to Vigiliae Christianae ; vol. 153).
38. Mackil, E. Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in the Making of the Greek Koinon / E. Mackil. – Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2013. – xvii, 593 p.
39. Magie, D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ. Vol. 1 / D. Magie. – Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 1950. – xx, 723 p.
40. Magie, D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ. Vol. 2 / D. Magie. – Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 1950. – 1661 p.
41. Mari, T. The Latin Translations of the Acts of the Council of Chalcedon / T. Mari // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. – 2018. – Vol. 58. – P. 126–155.
42. Meyer-Zwiffelhofer, E. Πολιτικῶς ἄρχειν. Zum Regierungsstil der senatorischen Statthalter in den kaiserzeitlichen griechischen Provinzen / E. Meyer-Zwiffelhofer. – Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2002. – 369 S.
43. Price, S. R. F. Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor / S. R. F. Price. – Cambridge ; London ; New York ; New Rochelle ; Melbourne ; Sydney : Cambridge University Press, 1984. – xx, 289 p.
44. Puech, B. Des cités-mères aux métropoles / B. Puech // *L'Hellenisme d'époque romaine. Nouveaux documents, nouvelles approches (Ier s. a. C. – IIIe s. p. C.)*. Actes du Colloque international à la mémoire de Louis Robert Paris, 7–8 juillet 2000 / ed. par S. Follet. – Paris : De Boccard, 2004. – P. 357–404.
45. Robert, L. Documents de l'Asie Mineure méridionale. Inscriptions, monnaies et géographie / L. Robert. – Paris ; Genève : Minard, Libr Droz, 1966. – 123 p.
46. Robert, L. La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine / L. Robert // *Harvard Studies in Classical Philology*. – 1977. – Vol. 81. – P. 1–39.

47. Rumscheid, J. Kranz und Krone : Zu Insignien, Siegespreisen und Ehrenzeichen der römischen Kaiserzeit / J. Rumscheid. – Tübingen : Wasmuth, 2000. – xi, 270 S.

48. Şahin, S. Bithynische Studien / S. Şahin. – Bonn : Rudolf Habelt Verl. GMBH, 1978. – 152 S. – (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien ; Bd. 7).

49. Schwartz, E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten / E. Schwartz // Philologus. – 1933. – Bd. 88. – S. 245–253.

50. Seeck, O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. / O. Seeck. – Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1919. – x, 487 S.

51. Sölch, J. Bithynische Städte im Altertum / J. Sölch // Klio. – 1925. – Bd. 19. – S. 140–188.

52. Stein, E. Histoire du Bas-Empire. Vol. 1 / E. Stein. – Paris ; Brussels ; Amsterdam : Desclée de Brouwer, 1959. – xvi, 406 p.

53. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 3 / transl. with introd. and notes by R. Price, M. Gaddis. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 312 p.

54. Vitale, M. Eparchie und Koinon in Kleinasien von der ausgehenden Republik bis ins 3. Jh. n. Chr. / M. Vitale. – Bonn : Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2012. – viii, 418 S. – (Asia Minor Studien ; Bd. 67).

55. Vitale, M. “Priest” – “Eparchy-arch” – “Speaker of the Ethnos”. The Areas of Responsibility of the Highest Officials of the Eastern Provincial Imperial Cult / M. Vitale // Mnemosyne. A Journal of Classical Studies. – 2016. – Vol. 69. – P. 82–111.

56. Ziegler, R. Die Polis in der römischen Kaiserzeit: Selbstdarstellung und Rangstreitigkeiten / R. Ziegler // Leben in der Stadt. Gestern – heute – morgen / hrsg. von G. Hödl, J. Grabmayer. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1995. – S. 83–105.

57. Zimmermann, K. Kaiserresidenz und Konzilsort: Zwei epigraphische Profile? / K. Zimmermann // Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea / Nicomedia / ed. by A. Lichtenberger, T. Şare Ağtirk, E. Winter, K. Zimmermann. – Bonn : Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2020. – S. 163–171. – (Asia Minor Studien ; Bd. 96).

REFERENCES

1. Golubtsova E.S. *Obshchina, plemya, narodnost v antichnyuyu epokhu* [Community, Tribe, Folk in the Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 251 p.

2. Gratsianskiy M.V. Uporyadochenie tserkovno-administrativnogo statusa mitropoliy na Khalkidonskom sobore na primere tyazhby mitropolitov Tira i Berita [Status Regulation of Metropolis in Regard to the Ecclesiastical Administration During the Council of

Chalcedon: The Case of the Litigation Between the Metropolitan of Tyre and Berytus]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science], 2020, vol. 47, no. 3, pp. 505-517.

3. Makhlayuk A.V., ed. *Kassiy Dion Kokkeyan. Rimskaya istoriya. Kn. LI–LXIII* [Cassius Dio Cocceianus. Roman History. Books 51–63]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 679 p.

4. Kuhl P.Yu. *Provintsialnye sobraniya u rimlyan. Ikh organizatsiya i funktsii v vek printsipata* [Roman Provincial Assemblies. Their Organization and Functions During the Age of the Principate]. Kharkov, Parovaya tip. i lit. Zilberberg Publ., 1898. 198 p.

5. Lourie S.Ya. *Beotiyjskiy soyuz* [The Boeotian League]. Saint Petersburg, Senatskaya tip., 1914. 215 p.

6. Sizov S.K. *Akheyskiy soyuz. Istoriya drevnegrecheskogo federativnogo gosudarstva (281–221 gg. do n.e.)* [The Achaean League. History of an Ancient Greek Federal State (281–221 BC)]. Moscow, Prometey Publ., MGPI im. V.I. Lenina, 1989. 170 p.

7. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum*. T. II. Vol. 1. Pars 3. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xxx, 154 p.

8. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum*. T. II. Vol. 3. Pars 3. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1937. xxiii, 162 p.

9. Barbati S. I iudices ordinarii nell’ordinamento giudiziario tardoromano. *Jus*, 2007, vol. 1, pp. 67-136.

10. Barnes T.D. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge, Massachusetts, London, Harvard University Press, 1982. xix, 305 p.

11. Beck H. *Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, Franz Steiner Verl., 1997. 316 S. (Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. Einzelschriften; Bd. 114).

12. Bekker-Nielsen T. Nicomedia and Nicaea from Hellenism to Late Antiquity: Parallel Lives or a Tale of Two Cities? Lichtenberger A., Şare Ağtirk T., Winter E., Zimmermann K., eds. *Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea / Nicomedia*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2020, pp. 19-40. (Asia Minor Studien; Bd. 96).

13. Bowersock G.W. *Martyrdom and Rome*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. xii, 106 p.

14. Burrell B. *Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors*. Leiden, Boston, Brill, 2004. xviii, 422 p.

15. Chaniotis A. Der Kaiserkult im Osten des Römischen Reiches im Kontext der zeitgenössischen Ritualpraxis. Cancik H., Hitzl K., eds. *Die Praxis der Herrscherverehrung in Rom und seinen Provinzen*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2003, S. 3-28.

16. Chastagnol A., Duval N. Les survivances du culte impérial dans l’Afrique du Nord à l’époque

vandale. *Mélanges d'histoire ancienne offerts à William Seston*. Paris, Éditions E. de Boccard, 1974, pp. 87-118. (Publications de la Sorbonne. Série "Études"; vol. 9).

17. Deininger J. *Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr.* München, Berlin, C.H. Beck'sche Verlagsbuchh., 1965. xvi, 220 S. (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte; vol. 6).

18. Destephen S. Actes conciliaires, listes de souscriptions et notices épiscopales ou du bon usage des sources ecclésiastiques. *L'Anatolie des peuples, des cités et des cultures (Ile millénaire av. J.-C. – Ve siècle ap. J.-C.). Colloque international de Besançon, 26–27 novembre 2010*. Vol. 1. Besançon, Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2013, pp. 207-228.

19. Kern O., hrsg. *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin, W. Spemann, 1900. xxxvii, 296 S.

20. Dmitriev S. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford, Oxford University Press, 2005. xiii, 428 p.

21. Domitilla Campanile M. Il koinon di Bitinia. Beithyniarchai e archontes tou koinou ton en Beithynia Ellenon. *Studi Classici e Orientali*, 1995, vol. 43, pp. 343-357.

22. Edelmann-Singer B. *Koina und Concilia. Genese, Organisation und sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im römischen Reich*. Stuttgart, Franz Steiner Verl., 2015. 363 S.

23. Fishwick D. *The Imperial Cult in the Latin West. Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire. Vol. II/1*. Leiden, New York, København, Köln, E.J. Brill, 1991. vi, 626 p.

24. Foss C. Nicaea and Nicomedia: The Lives of Two Rival Cities. Lichtenberger A., Şare Ağtirk T., Winter E., Zimmermann K., eds. *Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea / Nicomedia*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2020, pp. 5-17. (Asia Minor Studien; Bd. 96).

25. Guerber E. *Les cités grecques dans l'Empire romain: les privilèges et les titres des cités de l'orient hellénophone d'Octave Auguste à Dioclétien*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2009. 514 p.

26. Guiraud P. *Les assemblées provinciales dans l'empire romain*. Paris, Imprimerie nationale, 1887. 309 p.

27. Haensch R. *Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit*. Mainz, P. von Zabern, 1997. 861 S.

28. Harris B.F. Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism. Temporini H., hrsg. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung – II (Principat), Bd. 7/2*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1980, S. 857-901.

29. Heller A. "Les bêtises des grecs". *Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.)*. Bordeaux, De Boccard, 2006. 425 p.

30. Heller A. Priesthoods and Civic Ideology: Honorific Titles for *Hiereis* and *Archiereis* in Roman Asia Minor. Muñoz Grijalvo E., Cortés Copete J.M., Lozano Gómez F., eds. *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule*. Leiden, Boston, Brill, 2017, pp. 1-20. (Impact of Empire. Roman Empire, c. 200 B.C. – A.D. 476; vol. 25).

31. Inan J., Rosenbaum E. *Roman and Early Byzantine Portrait Sculpture in Asia Minor*. London, Oxford University Press, 1966. xxv, 244 p.

32. Inan J., Rosenbaum E. *Römische und frühbyzantinische Porträtplastik aus der Türkei. Neue Funde. Tafeln*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 1979. xviii, 368 p.

33. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602*. Vol. 1. Oxford, Basil Blackwell, 1964. XV, 522 p.

34. Kaser M., Hackl K. *Das römische Zivilprozessrecht*. 2. Aufl. München, C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1996. xxxiv, 712 S.

35. Larsen J.A.O. *Representative Government in Greek and Roman History*. Berkeley, Los Angeles, 1955. vii, 247 p.

36. Larsen J.A.O. *Greek Federal States. Their Institutions and History*. Oxford, Clarendon Press, 1968. xxviii, 537 p.

37. Leuenberger-Wenger S. *Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert*. Leiden, Boston, Brill, 2019. 617 S. (Supplements to *Vigiliae Christianae*; vol. 153).

38. Mackil E. *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in the Making of the Greek Koinon*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 2013. xvii, 593 p.

39. Magie D. *Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ*. Vol. 1. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1950. xx, 723 p.

40. Magie D. *Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century After Christ*. Vol. 2. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1950. 1661 p.

41. Mari T. The Latin Translations of the Acts of the Council of Chalcedon. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 2018, vol. 58, pp. 126-155.

42. Meyer-Zwifelhoffer E. *Πολιτικῶς ἄρχειν. Zum Regierungsstil der senatorischen Statthalter in den kaiserzeitlichen griechischen Provinzen*. Stuttgart, Franz Steiner Verl., 2002. 369 S.

43. Price S.R.F. *Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press, 1984. xx, 289 p.

44. Puech B. Des cités-mères aux métropoles. Follet S., ed. *L'Hellenisme d'époque romaine. Nouveaux documents, nouvelles approches (Ier s. a. C. – IIIe s. p. C.). Actes du Colloque international à la mémoire de Louis Robert Paris, 7–8 juillet 2000*. Paris, De Boccard, 2004, pp. 357-404.
45. Robert L. *Documents de l'Asie Mineure méridionale. Inscriptions, monnaies et géographie*. Paris, Genève, Minard, Libr Droz, 1966. 123 p.
46. Robert L. La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. *Harvard Studies in Classical Philology*, 1977, vol. 81, pp. 1-39.
47. Rumscheid J. *Kranz und Krone: zu Insignien, Siegespreisen und Ehrenzeichen der römischen Kaiserzeit*. Tübingen, Wasmuth, 2000. xi, 270 S.
48. Şahin S. *Bithynische Studien*. Bonn, Rudolf Habelt Verlag GMBH, 1978. 152 S. (Inchriften griechischer Städte aus Kleinasien; Bd. 7).
49. Schwartz E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten. *Philologus*, 1933, Bd. 88, S. 245-253.
50. Seck O. *Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr.* Stuttgart, J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1919. x, 487 S.
51. Sölch J. Bithynische Städte im Altertum. *Klio*, 1925, Bd. 19, S. 140-188.
52. Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 1. Paris, Brussels, Amsterdam, Desclée de Brouwer, 1959. XVI, 406 p.
53. Price R., Gaddis M., eds. *The Acts of the Council of Chalcedon*. Vol. 3. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 312 p.
54. Vitale M. *Eparchie und Koinon in Kleinasien von der ausgehenden Republik bis ins 3. Jh. n. Chr.* Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2012. viii, 418 S. (Asia Minor Studien; Bd. 67).
55. Vitale M. “Priest” – “Eparchy-arch” – “Speaker of the Ethnos”. The Areas of Responsibility of the Highest Officials of the Eastern Provincial Imperial Cult. *Mnemosyne. A Journal of Classical Studies*, 2016, vol. 69, pp. 82-111.
56. Ziegler R. Die Polis in der römischen Kaiserzeit: Selbstdarstellung und Rangstreitigkeiten. Hödl G., Grabmayer J., hrsg. *Leben in der Stadt. Gestern – heute – morgen*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau, 1995, S. 83-105.
57. Zimmermann K. Kaiserresidenz und Konzilsort: Zwei epigraphische Profile? Lichtenberger A., Şare Aştirk T., Winter E., Zimmermann K., eds. *Imperial Residence and Site of Councils. The Metropolitan Region of Nicaea/Nicomedia*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2020, S. 163-171. (Asia Minor Studien; Bd. 96).

Information About the Author

Mikhail V. Gratsianskiy, Candidate of Sciences (History), PhD, Leading Researcher, Centre of Byzantine and the Black Sea Region Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27–4, 119192 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Информация об авторе

Михаил Вячеславович Грацианский, кандидат исторических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению византийского Причерноморья, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.8>

UDC 27“03”

LBC 86.37-34,31

Submitted: 15.12.2021

Accepted: 25.02.2022

THE CANONS 9 AND 17 OF THE COUNCIL OF CHALCEDON (451) IN THE LIGHT OF THE WESTERN SYNODAL HERITAGE OF THE 4th CENTURY ¹

Georgy E. Zakharov

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the problem of interpretation of the canons 9 and 17 of the Council of Chalcedon (451) which regulate the arbitration in disputes between clerics. Of particular importance is the prescription to resolve disputes in which the metropolitans participate through an appeal to the exarch of the diocese or the See of Constantinople. These canons are often viewed as the foundations of the ecumenical primacy and special judicial prerogatives of the See of Constantinople in the entire Orthodox Church. *Methods.* Given the status of Constantinople as the New Rome, the author compares the contents of the rules of the Council of Chalcedon with the decisions of the Council of Serdica (343) and the Council of Rome (378) concerning the judicial prerogatives of the Roman see. *Analysis.* As a result, the article criticizes the thesis about the similarity of the rules of the Council of Chalcedon with the appeal canons of the council of Serdica, which has become widespread in historiography. At the same time, in the letter of the Council of Rome (378) and in the rescript of the emperor Gratian who responded to this text, we can find some similarity with the Chalcedonian decrees. For example, in the decisions of both councils, there is alternativeness in the choice of the judicial instance. Their common feature is also the idea that it is impossible to conduct a trial of the metropolitan's case at the provincial level. At the same time, if the decisions of the Council of Rome deal with the accusations in grave crimes, the canons of the Council of Chalcedon speak about arbitration in litigation. *Results.* Despite some differences, the decrees of the councils in Rome and Chalcedon are inextricably linked with the general tendencies in the development of the system of ecclesiastical organization at the super-provincial level.

Key words: See of Constantinople, Roman See, Council of Chalcedon, Council of Serdica, Roman Council of 378, ecclesiastical court, canon law, ecclesiastical organization.

Citation. Zakharov G.E. The Canons 9 and 17 of the Council of Chalcedon (451) in the Light of the Western Synodal Heritage of the 4th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 90-97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.8>

УДК 27“03”

ББК 86.37-34,31

Дата поступления статьи: 15.12.2021

Дата принятия статьи: 25.02.2022

9-е И 17-е ПРАВИЛА ХАЛКИДОНСКОГО СОБОРА 451 г. В СВЕТЕ ЗАПАДНОГО СОБОРНОГО НАСЛЕДИЯ IV ВЕКА ¹

Георгий Евгеньевич Захаров

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблеме интерпретации 9-го и 17-го канонов Халкидонского собора 451 г., в которых регламентируется практика разрешения тяжб между представителями духовенства. Особое значение имеет предписание разрешать споры, в которых участвуют митрополиты, через обращение к экзарху диоцеза или Константинопольскому престолу. Эти каноны зачастую рассматриваются как основания вселенского первенства и особых судебных прерогатив Константинопольской кафедры во всей Православной Церкви. *Методы.* Учитывая статус Константинополя как Нового Рима, автор сопоставляет содержание 9-го и 17-го правил Халкидонского собора с постановлениями Сердикского собора 343 г. и Римского собора 378 г., касающимися судебных прерогатив Римского престола. *Анализ.* В результате в статье

подвергается критике получивший распространение в историографии тезис об аналогичности 9-го и 17-го правил Халкидонского собора и так называемых апелляционных канонов Сердикского собора. В то же время в послании Римского собора 378 г. и рескрипте императора Грациана, ставшем ответом на этот текст, присутствует некоторое сходство с халкидонскими постановлениями. Например, в решениях и Римского, и Халкидонского соборов обозначена идея альтернативности в выборе судебной инстанции. Их общей особенностью является также представление о невозможности производить судебный процесс по делу митрополита на уровне провинции. При этом если в постановлениях Римского собора речь идет о рассмотрении обвинений в тяжелых преступлениях, то в канонах Халкидонского собора – об арбитраже в тяжбах. *Результаты.* Несмотря на некоторые различия, постановления Римского и Халкидонского соборов неразрывно связаны с общими тенденциями развития системы церковной организации на сверхпровинциальном уровне.

Ключевые слова: Константинопольский престол, Римский престол, Халкидонский собор, Сердикский собор, Римский собор 378 г., церковный суд, каноническое право, церковная организация.

Цитирование. Захаров Г. Е. 9-е и 17-е правила Халкидонского собора 451 г. в свете западного соборного наследия IV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 90–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.8>

Введение. Халкидонский собор 451 г., без сомнения, стал поворотным моментом в истории Церкви в пределах Византийской империи. И речь идет не только о его значении в истории христологических споров, но и о его роли в развитии церковной организации в восточных областях римского мира. Фактически именно на этом соборе были определены контуры формирующихся восточных патриархатов. Особое значение также имеет упрочение статуса Константинополя как Нового Рима, реализованное не только в вызвавшем дискуссии на соборе и после него знаменитом 28-м правиле (см.: [13, р. 473–487; 1]), но и в самом регламенте работы собора, в рамках которого иерархическое положение Анатолия Константинопольского соотносилось со статусом римского епископа Льва Великого (см., например: [9, р. 103; ср.: 18, р. 300; 2, с. 256–257]).

Несмотря на то что церковно-правовым постановлениям (как юридическим текстам в целом) должна быть, по логике вещей, присуща особая четкость и прозрачность формулировок, этого, к сожалению, нельзя сказать обо всех трех правилах собора, касающихся статуса Константинопольской кафедры. Однако если в 28-м правиле неясными остаются лишь некоторые детали, то в случае с двумя другими канонами, описывающими прерогативы константинопольского архиепископа – 9-м и 17-м правилами [12, р. 142, 145], спорной является интерпретация самой сути принятых решений, притом что к этим канонам продолжают апеллировать и в современных церковных дискуссиях о прерогативах константинопольского патриарха.

9-й канон регламентирует общую практику рассмотрение тяжб (πρῶγμα) между клириками. 17-й канон, судя по всему, касается одного из типов подобных тяжб, а именно о территориальных границах юрисдикций епископов в сельской местности. Если между клириками случится тяжба, они должны обратиться к их епископу или с его согласия к избранной сторонами процесса арбитрам. При этом обращаться в светский суд (ἐπὶ κοσμικῆ δικάστηρια) категорически запрещается. Если тяжба ведется между клириком и рядовым епископом (видимо, также предполагается, что тяжба может вестись в этой ситуации и между двумя епископами), то ее разрешение находится в компетенции провинциального собора (παρὰ τῆ συνόδῳ τῆς ἐπαρχίας δικάζεσθαι), возглавляемого митрополитом. Если же одним из участников тяжбы является сам митрополит, то для рассмотрения дела необходимо обращаться к экзарху диоцеза (τὸν ἑξάρχον τῆς διοικήσεως) или к Константинопольскому престолу (τὸν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον). Не вполне ясным остается, кто подразумевается в данном случае под «экзархом диоцеза» или, если говорить точнее, во всех ли восточных диоцезах существовал подобный институт. Исходя из этого, неясной остается и предполагаемая текстом канонов альтернатива, обозначенная с помощью союза ἢ. Можно ли предполагать, что епископы и клирики всех вообще регионов или, что более вероятно, всех регионов восточной части Империи могли в случае конфликта с митрополитом выбирать, к кому им обращаться: к экзарху диоцеза или к константинопольскому

архиепископу, или каноны описывают ситуацию только в отдельном, хотя и обширном регионе.

Не претендуя на полноту описания историографической дискуссии по поводу смысла рассматриваемых канонов (а также оставляя за скобками мнения византийских канонистов, которые также толкуют данные правила по-разному (см.: [3, с. 58–61])), обозначим три основных варианта интерпретации данных текстов:

1) под экзархами диоцезов подразумеваются фактически патриархи, таким образом, константинопольский патриарх получает право рассмотрения конфликтных ситуаций за пределами своего патриархата [21, р. 250–253; ср.: 13, р. 475–480; 3];

2) экзархи диоцезов – в данном случае это главные епископы только тех диоцезов, которые, согласно 28-му правилу Халкидонского собора, оказались под иерархическим главенством Константинопольской кафедры (речь идет о Понте, Азии и Фракии). В таком случае каноны описывают правила проведения судебных тяжб только в Константинопольском патриархате [14, р. 462; 25, р. 43, ср.: 19, S. 474–477];

3) экзархами диоцезов называются главы других восточных патриархатов, однако каноны не предполагают судебной альтернативности: в тех диоцезах, которые находятся в юрисдикции других патриархов, высшие судебные прерогативы принадлежат им, а в диоцезах Фракия, Азия и Понт (в которых экзархов нет) – константинопольскому патриарху [7, с. 380–385; 23, S. 655–656; 17, р. 300; ср.: 19, S. 477].

Оригинальную трактовку канонов предлагает С.В. Троицкий. В его понимании в каноне 9 речь идет не о церковных конфликтах, а о частных тяжбах представителей духовенства, хотя исследователь вынужден, учитывая содержание 17-го канона, все-таки оговориться, что помимо гражданских тяжб каноны касаются и распределения сельских приходов. Каноны не предполагают апелляцию к Константинопольскому престолу на уже принятые иной инстанцией решения, а предписывают проведение посреднического суда, причем стороны конфликта, ввиду нерегулярности проведения соборов диоцезов, могут обра-

титься к любому экзарху диоцеза или к Константинопольскому престолу, то есть к «постоянному собору». При этом, поскольку Константинопольский престол упомянут в обоих канонах после указания на экзархов, то и обращаться к его суду, в интерпретации С.В. Троицкого, можно только лишь получив отказ от экзарха рассматривать дело [8].

Методы и материалы. Решению обозначенных выше вопросов могло бы послужить соотнесение содержания рассматриваемых канонов с конкретными судебными казусами, разбиравшимися на Халкидонском соборе, которые и могли стать побудительной причиной к принятию данных правил. Не так давно подобного рода исследование предпринял М.В. Грацианский. С его выводом о том, что 9-е и 17-е правила Халкидонского собора в первую очередь учитывали ситуацию в диоцезе Восток и, вероятно, также в Восточном Иллирике, в целом можно согласиться [3, с. 68–69]. В данной статье предполагается взглянуть на проблему интерпретации 9-го и 17-го халкидонских канонов под несколько иным углом зрения. Если Константинопольская кафедра устойчиво воспринималась на Востоке в соотнесенности с Римской с точки зрения ее церковного статуса, то встает вопрос: содержат ли уже принятые к тому времени соборные постановления, касающиеся судебных прерогатив Римского престола, какие-либо аналогии содержанию 9-го и 17-го правил? Ответить на этот вопрос может сравнительный анализ халкидонских канонов и постановлений Сердикского собора 343 г. и Римского собора 378 г., которые как раз и определяют особый судебный статус Римского престола.

Анализ. Предложенная постановка вопроса не является совершенно новой. Соотнесение 9-го и 17-го канонов Халкидонского собора с правилами Сердикского собора 343 г., наделяющими Римский престол особыми апелляционными прерогативами², присутствует в научной литературе [21, р. 252; 18, р. 302]. При этом фактически подразумевается передача Новому Риму на Востоке полномочий, которыми Ветхий Рим обладает на Западе. Насколько корректно подобное соотнесение? Если сравнить содержание апелляционных канонов Сердикского собора с рассматрива-

емыми в настоящей статье халкидонскими правилами, то бросаются в глаза существенные различия между ними, делающие, на наш взгляд, подобное соотнесение неоправданным:

1. Сердикские каноны описывают ситуацию низложения или осуждения епископа на провинциальном соборе и подачу им апелляции на его решение Римскому престолу. Халкидонские каноны посвящены проблеме тяжб между епископами и, в сущности, предполагают не рассмотрение апелляции, а арбитраж.

2. Если согласно сердикским канонам римский епископ лишь решает вопрос о необходимости пересмотра дела и в случае наличия таковой созывает собор епископов провинции, соседствующей с провинцией обвиняемого, ограничивая свое участие в новом разбирательстве направлением на него своих легатов (да и то только по желанию обвиняемого), то халкидонские каноны предполагают непосредственное участие экзархов диоцезов или константинопольского архиепископа в разбирательстве.

3. Если в сердикских канонах судебные прерогативы Римского престола мыслятся как уникальные и универсальные³, то в халкидонских канонах одинаковыми правами наделяются и константинопольский архиепископ, и экзархи диоцезов. О праве со стороны Константинопольского престола пересматривать решения экзархов речи нет.

Как представляется, намного ближе по содержанию к халкидонским канонам подходят постановления Римского собора 378 г., касающиеся организации епископского суда в Италии и почти полностью поддержанные императором Грацианом. Этот собор проходил в период понтификата папы Дамаса I, который, с одной стороны, стремился всячески укрепить положение Римской кафедры, а с другой стороны, сам недавно был подсудимым в рамках процесса, ставшего следствием его противостояния с антипапой Урсином [5, с. 143–144, 163–176, 259–269].

Согласно позиции Римского собора (Ambrosius. *Epistulae extra collectionem*. 7. 9) епископ судится или римским епископом, или собором католических епископов (*nostro iudicio qui catholici sumus*). В случае неяви обвиняемого на суд он принудительно достав-

ляется в Рим представителями государственной власти (*ab illustribus viris praefectis praetorio Italiae vestrae sive a vicario accitus ad urbem Romam veniat*). В отдаленных областях (*longinquo-ribus partibus*) (ср.: *Collectio Avellana*. 13. 12)) обвиняемый направляется к местному митрополиту. В случае сомнений в беспристрастности митрополита или иного из участников процесса дело может быть вынесено на рассмотрение римского епископа (*ad Romanum episcopum*) или собора не менее 15-ти епископов (*ad concilium certe quindecim episcoporum finitimorum*). Дела, касающиеся митрополитов (*si ipse metropolitanus est*), должны были обязательно рассматриваться в Риме или судьями, назначенными римским епископом (*Romae necessario vel ad eos quos Romanus episcopus iudices dederit*). Дела же, касающиеся самого папы, могли рассматриваться или Римским собором, или, в случае отсутствия доверия к нему, – «императорским собором» (*concilium imperiale*), то есть, видимо, собором, созванным императором, при его непосредственном участии (Ambrosius. *Epistulae extra collectionem*. 7. 11; ср.: [16, S. 18–22]). Грациан в своем рескрипте распространил действие данной системы суда над епископами на всю западную часть Империи, включая Иллирик (*Collectio Avellana*. 13. 11). При этом о праве папы обращаться к суду императора и созванного им собора в рескрипте ничего не было сказано. Непроясненным остался также вопрос о географических границах практики суда над митрополитами: все ли вообще митрополиты должны были, по логике рассматриваемых текстов, судиться в Риме или это предписание относится только к митрополитам западных провинций?⁴

Сопоставление халкидонских канонов и послания Римского собора позволяют выделить ряд схожих моментов, а также существенных различий:

1. Как и Халкидонский собор, Римский собор многократно подчеркивает необходимость рассматривать дела епископов в церковных, а не в гражданских судах (Ambrosius. *Epistulae extra collectionem*. 7). В то же время если в халкидонских канонах речь идет о тяжбах, то в послании Римского собора – о тяжелых обвинениях, поэтому предполагается использование государственного принуждения для обеспечения явки обвиняемого на суд.

2. При проведении суда над епископом, описанного в послании Римского собора и императорском рескрипте, речь идет о коллегиальном процессе⁵. Халкидонские каноны, вероятно, также предполагают коллективное рассмотрение тяжб как на провинциальном, так и на сверхпровинциальном уровне: на провинциальном и диоцезальном уровне – в рамках соответствующих соборов, а при обращении к константинопольскому архиепископу – на константинопольском постоянном соборе, упоминаемом в деяниях Халкидонского собора [9, р. 107].

3. Оба собора исходят из невозможности рассмотрения дела митрополита на провинциальном соборе, что требует создания иных форм судебного разбирательства.

4. Оба собора предполагают альтернативность в выборе судебной инстанции, хотя если в послании Римского собора выбор обуславливается расстояниями и связан только с судом над рядовыми епископами, то в халкидонских канонах альтернативность присутствует в разбирательствах по делам митрополитов, что не позволяет полностью уравнивать статус Римского и Константинопольского престолов в рассматриваемых источниках.

5. В обоих случаях, когда речь идет о митрополитах, не вполне четко оговорены географические границы действия принятых норм. Вполне возможно, что подобная особенность является неслучайной. Соборы сознательно обозначают принципиально открытую модель организации церковного суда, очевидно, ориентированную в первую очередь на епископов ближайших к Риму и Константинополю областей, но предполагающую возможность при необходимости обращения к епископам этих городов предстоятелей удаленных Церквей, которые по различным причинам не могут рассчитывать на справедливый суд епископов, занимающих важнейшие региональные кафедры, или самих являющихся региональными примасами.

6. Примечательно, что в халкидонских канонах не обозначается, каким образом должны рассматриваться тяжбы, связанные с самим константинопольским епископом, в то время как послание Римского собора предполагает возможность организации императорского собора для суда над папой. Впрочем,

положение Константинополя как императорской резиденции делало проведение императорского собора для суда над константинопольским епископом не только теоретически возможной, но к тому моменту уже в некоторой степени реализованной, что видно из дела свт. Иоанна Златоуста, альтернативой [6].

Результаты. Предпринятый сравнительный анализ показывает, что соотнесение содержания 9-го и 17-го правил Халкидонского собора с апелляционными канонами Сердикского собора не является обоснованным. Что касается решений Римского собора 378 г., то и здесь мы не можем говорить о том, что они полностью аналогичны принятым в Халкидоне постановлениям. Особенно важно подчеркнуть, что если Римский собор сформировал процедуру рассмотрения тяжких прегрешений епископов, то предписания Халкидонского собора регламентируют проведение тяжб между клириками, в том числе и с участием епископов и митрополитов. В то же время мы видим в соотносимых текстах и сходные тенденции. И Римский собор, и Халкидонский соборы не допускают возможности проведения на провинциальном уровне судебного процесса с участием митрополита в качестве подсудимого или стороны тяжбы, что делает необходимым развитие сверхпровинциальных церковных институтов. Находят свои аналогии в решениях Римского собора и такие «странности» халкидонских канонов как принцип альтернативности в выборе судебной инстанции (при этом критерии выбора либо не обозначены, либо определены весьма нечетко), а также неопределенность географических границ применения описанных процедур. Последнее еще раз подчеркивает тот факт, что канонические постановления древних соборов не могут рассматриваться исключительно в правовой перспективе, и их содержание может определяться конкретной церковно-политической ситуацией. Будучи зачастую «позиционными» документами, канонические предписания трудно поддаются интерпретации как из-за нашей недостаточной информированности о побудительных мотивах их принятия, так и из-за того, что в их содержание элемент неопределенности может вноситься сознательно самими составителями из политических соображений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Соотношение идеи вселенского первенства с региональной консолидацией епископата в IV–VI вв.», осуществляемого при поддержке Фонда «Живая традиция».

The article was prepared within the framework of the project “Correlation of the idea of ecumenical primacy with the regional consolidation of the episcopate in the 4th–6th centuries”, carried out with the support of the Living Tradition Foundation.

² См. каноны 3, 4 и 7 в латинской и каноны 3, 4 и 5 в греческой версиях. Различные варианты текста и исторические комментарии к ним см. в работе Г. Хесса [20].

³ Ключевое значение для понимания позиции Сердикского собора имеет фраза из соборного послания к папе Юлию I: «Станет очевидным, что было бы прекрасно и совершенно правильно, если бы священники Господни (то есть епископы. – Г. З.) из каждой провинции обращались к главе, то есть к престолу апостола Петра» (Nos enim optimum et valde congruentissimum esse videbitur, si ad caput, id est ad Petri apostoli sedem, de singulis quibusque provinciis Domini referant sacerdotes (Hilarius Pictaviensis. Fragmenta historica. II. 9)).

⁴ Е. Каспар [11, S. 210, 214] и Ш. Пиетри [24, р. 746] ограничивают действие рескрипта западной частью Империи. Н. Мак-Линн полагает, что речь может идти и о восточных митрополитах [22, р. 90–91]. Дж.Х.В.Г. Либешютц [10, р. 245] также допускает такое прочтение, но считает более вероятным, что под дальними областями подразумеваются окраинные территории в пределах западных префектур. Такого же мнения придерживается и Дж. Данн [15, р. 173]. М.В. Грацианский в своей недавней статье решительно настаивает на том, что предписания Грациана не могли касаться церковного устройства восточных провинций, поскольку он и его соправитель Валентиниан II не провозглашали себя восточными императорами [4, с. 13]. Соглашаясь с тем, что императорский рескрипт 378 г. адаптирован в первую очередь именно к реалиям западных областей, отметим в то же время, что, во-первых, Грациан воспринимался современниками как «август всего мира» – totius orbis augustus (Ambrosius. De fide. I. 1), во-вторых, если следовать логике М.В. Грацианского, получается, что восточная часть Империи находилась между 9 августа 378 г. (гибель императора Валента) и 19 января 379 г. (провозглашение Феодосия I соправителем Грациана и Валентиниана II) в режиме юридического безвластия. При этом о церковно-политической деятельности Грациана в направлении преодоления Антиохийского раскола прямо сообщает Феодорит (Theodoretus.

Historia ecclesiastica. V. 2–3). И хотя данное свидетельство, возможно, неточно передает имевшие место события, оно показывает, что церковный историк V в. явно считал, что Грациан имел все полномочия решать спорные церковные вопросы в восточных провинциях.

⁵ Епископ судится или собором кафолических епископов, или Дамасом при участии 5–7 других епископов (это уточнение присутствует в императорском рескрипте (Collectio Avellana. 13. 11)). Вероятно, процесс по пересмотру дела в Риме также должен был носить коллективный характер, а в качестве альтернативы к нему и в соборном послании, и в императорском рескрипте выступает собор пятнадцати соседних епископов (Collectio Avellana. 13. 13).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блодо, Ф. Подготовка, восприятие и защита Халкидонского собора со стороны Римского папы Льва Великого / Ф. Блодо // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2020. – Вып. 94. – С. 11–30.
2. Грацианский, М. В. Четвертый Вселенский собор и проблема первенства римского епископа / М. В. Грацианский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 255–271. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>
3. Грацианский, М. В. Церковно-административное содержание термина «эксарх диоцеза» 9-го и 17-го правил Халкидонского собора и вопрос о подсудности дел против митрополита / М. В. Грацианский // Античная древность и средние века. – 2020. – Т. 48. – С. 53–73.
4. Грацианский, М. В. Римские епископы и развитие церковно-административных структур «сверхпровинциального» уровня в начале V в. / М. В. Грацианский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2021. – Вып. 101. – С. 9–33.
5. Захаров, Г. Е. Внешняя коммуникация и богословская традиция Римской Церкви в эпоху арианских споров / Г. Е. Захаров. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2019. – 320 с.
6. Захаров, Г. Е. Римский престол и Восточные Церкви в конфликте вокруг св. Иоанна Златоуста / Г. Е. Захаров // Вестник древней истории. – 2020. – Т. 80, вып. 3. – С. 697–711.
7. (Л'Юилье), Петр, архиеп. Правила первых четырех Вселенских соборов / архиеп. Петр (Л'Юи-

лье). – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2005. – 528 с.

8. Троицкий, С. В. О смысле 9-го и 17-го канон Халкидонского собора / С. В. Троицкий // Единство Церкви / С. В. Троицкий. – М. : Изд-во М. Б. Смолина (ФИБ), 2016. – С. 629–644.

9. Acta Conciliorum Oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1935. – xxx, 154 p.

10. Ambrose of Milan. Political Letters and Speeches / eds. J. H. W. G. Liebeschuetz, C. Hill. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 424 p.

11. Caspar, E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. I / E. Caspar. – Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. XV, 633 S.

12. Conciliorum Oecumenicorum Generaliumque Decreta, Editio Critica. I: The Oecumenical Councils from Nicaea I to Nicaea II (325–787) / ed. G. Alberigo. – Turnhout : Brepols Publishers, 2006. – XIV, 373 p.

13. Dagron, G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451 / G. Dagron. – Paris : P. U. F., 1974. – 579 p.

14. Duchesne, L. Histoire ancienne de l'Église. T. III / L. Duchesne. – Paris : Fontemoing, 1910. – 688 p.

15. Dunn, G. The Development of Rome as Metropolitan of Suburbicarian Italy: Innocent I's Letter to the Bruttians / G. Dunn // Augustinianum. – 2011. – Vol. 51 (1). – P. 161–190.

16. Girardet, K. M. Gericht über den Bischof von Rom: Ein Problem der kirchlichen und der staatlichen Justiz in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert) / K. M. Girardet // Historische Zeitschrift. – 1994. – Bd. 259. – S. 1–38.

17. Jones, A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. III / A. H. M. Jones. – Oxford : Blackwell, 1964. – VI, 448 p.

18. Halleux, A., de. Le décret chalcédonien sur les prérogatives de la Nouvelle Rome / A. de Halleux // Ephemerides Theologicae Lovanienses. – 1988. – Vol. 64. – P. 288–323.

19. Herman, E. Chalkedon und die Ausgestaltung des konstantinopolitanischen Primats / E. Herman // Das Konzil von Chalkedon, Geschichte und Gegenwart. Bd. II : Entscheidung um Chalkedon / hrsg. A. Grillmeier, H. Bacht. – Würzburg : Echter-Verlag, 1953. – S. 459–490.

20. Hess, H. The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica / H. Hess. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – xii, 279 p.

21. Maxime de Sardes, métr. Le Patriarcat œcuménique dans l'Église orthodoxe. Étude historique et canonique / métr. Maxime de Sardes. – Paris : Éditions Beauchesne, 1975. – 422 p.

22. McLynn, N. B. Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital / N. B. McLynn. – Berkeley ;

Los Angeles ; London : University of California Press, 1994. – 436 p.

23. Müller, K. Kirchengeschichte. Bd. 1 / K. Müller. – Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1941. – XXXII, 862 S.

24. Pietri, Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). – Rome : Ecole française de Rome, 1976. – 1750 p.

25. Turner, C. H. Studies in Early Church History / C. H. Turner. – Oxford : Clarendon Press, 1912. – XII, 276 p.

REFERENCES

1. Blaudeau Ph. Podgotovka, vospriyatie i zashchita Khalkidonskogo sobora so storony Rimskogo papy Lva Velikogo [Pope Leo and Chalcedon: How to Prepare, Appreciate and Defend a Problematic Council]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History], 2020, vol. 94, pp. 11–30.

2. Gratsianskiy M.V. Chetvertyy Vselenskiy sobor i problema pervenstva rimskogo episkopa [The Fourth Ecumenical Council and the Issue of the Primacy of the Bishop of Rome]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 255–271. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>

3. Gratsianskiy M.V. Tserkovno-administrativnoe sodержanie termina «ekzarkh diotseza» 9-go i 17-go pravil Khalkidonskogo sobora i vopros o podsudnosti del protiv mitropolita [Church-Administrative Connotation of the Term “Exarch of a Diocese” in the Ninth and Seventeenth Canons of the Council of Chalcedon and the Issue of Jurisdiction in Cases against a Metropolitan]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 53–73.

4. Gratsianskiy M.V. Rimskie episkopy i razvitie tserkovno-administrativnykh struktur «sverkhprovintsialnogo» urovnya v nachale V v. [Roman Bishops and the Development of Church-Administrative Structures at the “Superprovincial” Level at the Beginning of the 5th Century]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History], 2021, vol. 101, pp. 9–33.

5. Zakharov G.E. *Vneshnyaya kommunikatsiya i bogoslovskaya traditsiya Rimskoy Tserkvi v epokhu arianskikh sporov* [External Communication and Theological Tradition of the Roman Church in the Period of the Arian Controversy]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2019. 320 p.
6. Zakharov G.E. Rimskiy prestol i Vostochnye Tserkvi v konflikte vokrug sv. Ioanna Zlatousta [The Roman See and the Eastern Churches in the Conflict Around St. John Chrysostom]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2020, vol. 80, iss. 3, pp. 697-711.
7. L'Huillier P. *Pravila pervykh chetyrekh Vselenskikh soborov* [The Rules of the First Four Ecumenical Councils]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2005. 528 p.
8. Troitsky S.V. O smysle 9-go i 17-go kanonov Khalkidonskogo sobora [On the Meaning of the 9th and 17th Canons of the Council of Chalcedon]. *Edinstvo Tserkvi* [Unity of the Church]. Moscow, Izd-vo M.B. Smolina (FIV), 2016, pp. 629-644.
9. Schwartz E., ed. *Acta Conciliorum Oecumenicorum*. T. II. Vol. 1. Pars 3. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xxx, 154 p.
10. Liebeschuetz J.H.W.G., Hill C., eds. *Ambrose of Milan. Political Letters and Speeches*. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 424 p.
11. Caspar E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930, vol. 1, XV, 633 p.
12. Alberigo G., ed. *Conciliorum Oecumenicorum Generaliumque Decreta, Editio Critica. I: The Oecumenical Councils from Nicaea I to Nicaea II (325–787)*. Turnhout, Brepols Publishers, 2006. XIV, 373 p.
13. Dagrón G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, P.U.F., 1974. 579 p.
14. Duchesne L. *Histoire ancienne de l'Église. Vol. III*. Paris, Fontemoing, 1910. 688 p.
15. Dunn G. The Development of Rome as Metropolitan of Suburbicarian Italy: Innocent I's Letter to the Bruttians. *Augustinianum*, 2011, vol. 51 (1), pp. 161-190.
16. Girardet K.M. Gericht über den Bischof von Rom: Ein Problem der kirchlichen und der staatlichen Justiz in der Spätantike (4.–6. Jahrhundert). *Historische Zeitschrift*, 1994, vol. 259, pp. 1-38.
17. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey*. Vol. III. Oxford, Blackwell, 1964, VI, 448 p.
18. Halleux A., de. Le décret chalcédonien sur les prérogatives de la Nouvelle Rome. *Ephemerides Theologicae Lovanienses*, 1988, vol. 64, pp. 288-323.
19. Herman E. Chalkedon und die Ausgestaltung des konstantinopolitanischen Primats. Grillmeier A., Bacht H, ed. *Das Konzil von Chalkedon, Geschichte und Gegenwart. Bd. II: Entscheidung um Chalkedon*. Würzburg, Echter-Verlag, 1953, pp. 459-490.
20. Hess H. *The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica*. Oxford, Oxford University Press, 2002. xii, 279 p.
21. Maxime de Sardes, métr. *Le Patriarcat œcuménique dans l'Église orthodoxe. Étude historique et canonique*. Paris, Éditions Beauchesne, 1975. 422 p.
22. McLynn N.B. *Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1994. 436 p.
23. Müller K. *Kirchengeschichte*. Vol. 1. Tübingen, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1941. XXXII, 862 p.
24. Pietri Ch. *Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Rome, Ecole française de Rome, 1976. 1750 p.
25. Turner C.H. *Studies in Early Church History*. Oxford, Clarendon Press, 1912. XII, 276 p.

Information About the Author

Georgy E. Zakharov, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Systematical Theology and Patrology, Associate Professor, Department of the World History, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Novokuznetskaya St, 23B, 115184 Moscow, Russian Federation, g.e.zakharov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3406-2088>

Информация об авторе

Георгий Евгеньевич Захаров, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой систематического богословия и патрологии, доцент кафедры всеобщей истории, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ул. Новокузнецкая, 23Б, 115184 г. Москва, Российская Федерация, g.e.zakharov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3406-2088>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.9>

UDC 25(37)

LBC 86.313.3-574

Submitted: 23.06.2022

Accepted: 10.10.2022

**FIVE ANASTASIAE AND TWO FEBRONIAE:
A GUIDED TOUR IN THE MAZE OF ANASTASIA LEGENDS ***

Part Two. The Roman Dossier. I. Anastasia between Aquileia and Rome

1a. From Aquileia back to the Early Roman Legend **

Basil Lourié

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. Sections from 1 to 4 of Part Two of our study, which is dedicated to the western legends of Anastasia, are focused on an investigation of the Aquileian legend and, then, going in the reverse chronological order, on the early Roman legend before its reception in Aquileia. The plot line dedicated to Chrysogonus is an Aquileian addition lacking from the earlier Roman legend. The pious mother of Anastasia called Fausta belongs to the same plot line, whereas the mother of the “original” Anastasia was pagan.

Key words: Roman martyrs, St Anastasia, St Chrysogonus, Aquileia, Grado.

Citation. Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part Two. The Roman Dossier. I. Anastasia Between Aquileia and Rome. 1a. From Aquileia back to the Early Roman Legend. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 98-130. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.9>

УДК 25(37)

ББК 86.313.3-574

Дата поступления статьи: 23.06.2022

Дата принятия статьи: 10.10.2022

**ПЯТЬ АНАСТАСИЙ И ДВЕ ФЕВРОНИИ:
ЭКСКУРСИЯ ПО ЛАБИРИНТУ ЛЕГЕНД ОБ АНАСТАСИИ ***

Часть вторая. Римское досье. I. Анастасия между Аквилеей и Римом

1a. От Аквилеи обратно к ранней римской легенде **

Вадим Миронович Лурье

Институт философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. Разделы с 1 по 4 части второй нашего исследования, посвященной западным легендам об Анастасии, охватывают аквилейскую легенду и далее, отталкиваясь от нее и двигаясь в обратном хронологическом порядке, раннюю римскую легенду, как она выглядела до ее адаптации в Аквилее. Вся сюжетная линия, связанная с мучеником Хрисогоном, была прибавлена в Аквилее, а в ранней римской легенде она отсутствовала. К этой же линии принадлежит упоминание о благочестивой матери Анастасии Фавсте, тогда как в оригинальной римской легенде мать Анастасии была язычницей.

Ключевые слова: римские мученики, св. Анастасия, св. Хрисогон, Аквилея, Grado.

Цитирование. Лурье В. М. Пять Анастасий и две Февронии: экскурсия по лабиринту легенд об Анастасии. Часть вторая. Римское досье. I. Анастасия между Аквилеей и Римом. 1a. От Аквилеи обратно к ранней римской легенде // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 98–130. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.9>

1. Introduction

The western hagiographical dossier of St Anastasia is very ample, especially because of the multiplication of her relics throughout different countries in the second Christian millennium. Our purpose will be, however, limited to Rome before the end of the Byzantine period in the eighth century.

As in Part One, we will follow, in general, the reverse chronological order, and this is why, before approaching Rome, we will have to begin with Aquileia from the seventh to the eleventh century. Thus, section 2 will be dedicated to the transformations of the cult of St Anastasia in Aquileia. This is necessary because the long Latin *Passio* of Anastasia (LLA) was affected by these transformations. We have to dispense with the Aquileian editorship before starting to deal with the Roman legend.

The Roman legend itself will be studied mostly in sections 3 to 5. These will be dedicated to the Roman hagiographical substrate of St Anastasia's legend: from material originally unrelated to Anastasia (section 3) to the earliest Roman cult of a certain Anastasia (section 4), and to the creation of the early pre-Byzantine Roman legend of Anastasia using the legends considered in section 3 with the addition of others (section 5). There we will discuss, among other things, the interconnection between the cults of Anastasia and Bassilla; the latter was the link between Anastasia and Sirmium.

The two following sections will be dedicated to the Roman cults where, in different ways, the veneration of St Anastasia was involved. Namely, they will be focused on the Roman stationary liturgies of Christmas (section 6) and the Epiphany (section 7) before the late sixth century, that is, in a rather understudied period for both. In this period, the church of Anastasia in Rome was one of the three or four most important churches of the city, with an appropriate place in the stationary liturgy, which became interwoven with the cult of St Anastasia.

Section 8 will be dedicated to the destiny of St Anastasia's relics between Rome and Sirmium.

Finally, section 9 will deal with Pope Symmachus's short-lived programme for the integration of the Petrine cult in the Vatican

with the pro-Gothic cult of St Anastasia. The monuments to this chimerical creation became the church in the west rotunda near Saint Peter's and a specific cult of St Anastasia together with St Petronilla.

One of the most venerated saints from the fifth to the sixth century, Anastasia, will lead us to the most important features of the contemporaneous life of the Roman Church.

2. The Latin Legend of Anastasia (LLA) and Its Aquileian Edition

In this section, we provide a survey of the contents of the Latin legend. We will discuss its complicated geography, and then we will evaluate the results of the intervention of an Aquileian editor.

Our main interest will be the Latin recension of the Anastasia legend before its editing in Aquileia. This recension must have been a faithful translation of the Greek Byzantine legend created for the deposition of Anastasia's relics in Constantinople. However, it must have been distinct from the autochthone Roman Anastasia legends, which partially were incorporated in the Roman core of the Byzantine legend.

The Latin legend of Anastasia (LLA) consists of five major parts which are also present in the Latin manuscript tradition separately and/or in different combinations; the Latin legend as a whole, therefore, has no proper number in *BHL* but is indexed as a combination of the Prologue *Omnia quae a sanctis gesta sunt* (incidentally, not indexed in *BHL*¹), Part I (*Passio Chrysogoni*, *BHL* 1795), Part II (*Passio Agapes et sociarum*, *BHL* 118), Part III (*Passio Theodotae*, *BHL* 8093), and Part IV (*Passio ipsius Anastasiae*, *BHL* 401). The Prologue occurs in other Latin legends (see below, section 4.1). It was, most likely, added to LLA by some later editor.

2.1. The Latin Legend of Anastasia (LLA) and Its Geography

The LLA itself (without the Prologue) is usually considered as having been penned by a unique author who arranged the materials from different sources. This is an *a priori* presumption that I have never seen challenged nor even discussed². However, a legend with

so complicated a geography could preserve editorial layers of different epochs and different ecclesiastical centres. The unity of the author as an *a priori* supposition is unacceptable. In the case of LLA, *a posteriori* it will turn out to be false.

Delehaye's judgment on the complicated geography of the Latin legend was not especially favourable: "En fait, il est difficile d'imaginer une combinaison plus absurde que celle qui réunit en une même action des martyrs immolés, on ne sait quand, à Aquilée [*sc.*, Chrysogonus], à Sirmium [*sc.*, Anastasia], à Thessalonique [*sc.*, Agape, Irene, and Chionia], à Nicée [*sc.*, Theodota with her sons], et il ne suffit pas de les faire voyager pour la rendre acceptable" [25, p. 136]. Recent scholars, with even more detailed observations of LLA's geography, have shown how inconsistent it is as well as physically impossible. There are, however, two options that could make such geography less absurd. This geography would:

1) chart important connexions between actual ecclesiastical centres, and/or

2) have a complicated stratigraphy consisting of several editorial layers, which would be a necessary consequence of adapting an old legend to new purposes and conditions.

Both mechanisms, to my opinion, were involved in the development of the presently available Latin recension.

Let us recapitulate the geographical information contained in the legend, while making sure not to confound the explicit geographical information we read and the understanding of it available to modern scholars (Table 1). These scholars, through some topographical and historical indications, have managed to make explicit otherwise obscure locations, whereas the intended audience of the legend was certainly neither so qualified nor supposed to be so.

Table 1. Geographical Data from the Latin Legend of Anastasia

Locality as named in the text	Locality as understood by the scholars ³	Events	Chapter
Unnamed	Rome	Anastasia's birth, growing up, marriage, conversion	2
The same location	Rome	Chrysogonus under arrest	3
The same location	Rome	Correspondence between Chrysogonus and Anastasia; Anastasia's detainment by her husband	4–7
Aquileia, Rome	Aquileia, Rome	Anastasia accompanies Chrysogonus summoned by Diocletian to Aquileia; "...she made better provision to the saints at Aquileia than she had done at Rome."	8
Aquileia	Aquileia	Trial of Chrysogonus	8
<i>Aquae Gradatae</i> near Aquileia	Near the village of San Canzian d'Isonzo, 12 miles from Aquileia	Execution of Chrysogonus	8
An estate called <i>Ad Saltus</i> near Aquileia	Near the village of San Giovanni del Timavo, 12 miles from Aquileia	Home town of Agape, Chionia, and Irene and their priest Zoilus. Burying of Chrysogonus by Zoilus. Death of Zoilus	8–9
The same place as that of the interrogation of Chrysogonus	Aquileia	Interrogation of Agape, Chionia, and Irene by Diocletian	10–11
Macedonia	Thessalonica	Trials of Agape, Chionia, and Irene	12
Thessalonica	Thessalonica	Execution of Agape, Chionia, and Irene	18
Sirmium	Sirmium	Theodota with her three sons presented to Diocletian. She fled there from her city because of a persecution	19
Nicaea of Bithynia	Nicaea of Bithynia	Home town of Theodota	19

End of table 1

Locality as named in the text	Locality as understood by the scholars ³	Events	Chapter
The same place as that of the interrogation of Theodota	Sirmium	Interrogation of Anastasia by the prefect of Illyricum Probus	20
Rome	Rome	Anastasia said to Probus that she is a citizen of Rome and lived in Rome	21
The same place as that of the interrogation of Theodota	Rome ⁴	Ulpian, the <i>summus pontifex</i> at the Capitol, intervened. Anastasia was handed over to Ulpian who placed her in his home	26
Still the same place	Rome ⁵	Ulpian died; Anastasia left his house and went to the house of Theodota	28
Bithynia	Bithynia	Count Leucadius arrived from Bithynia; Theodota with her sons sent to Bithynia	29
The same place as that of the interrogation of Theodota	Rome	Anastasia is arrested in the house of Theodota and handed over to an unnamed judge (ch. 29) or the prefect (ch. 32) Lucillius ⁶	29, 32
Nicaea in Bithynia	Nicaea in Bithynia	Martyrdom of Theodota with her sons	31
The same place as that of the interrogation of Theodota	Rome	Lucillius condemned Anastasia to be put in a punctured ship and to be drowned in the sea together with many criminals and St Eutychianus	35
<i>Palmariae</i> (now Pontine ⁷) islands	Pontine islands	Disembarking from the miraculously saved ship; solemn reception by the Christians exiled there	35
The same place	Pontine islands	Continuous liturgies by the Christian community gathered on the Pontine islands; arrival of the agents of Lucillius; martyrdom of all Christians (only the martyrdom of Anastasia is described in detail)	36
Unnamed	“Unclear” (Lapidge [54, p. 87, fn. 113]); Pontine islands (Delehay ⁸)	Apollonia took the body of Anastasia and buried it in the garden of her house; then, she built a basilica on the same place	36
“A hidden location”	No comments by the modern scholars	The body of Anastasia “was kept in a hidden location. She was subsequently translated to the basilica built in the house of Apollonia.”	36 (the final passage of the entire text)

What one can see immediately from this table is that the two explicit mentions of Rome corroborate the feeling that the name of this city has been deliberately omitted in other places. Where the narrative of LLA implies Rome, the available text normally avoids making it explicit. Other locations remain, however, explicitly named.

One of the three exclusions, in ch. 8, is belated (the respective actions were mentioned earlier in the plot), and it has the purpose of comparison between Rome and Aquileia, not in

Rome’s favour: Anastasia showed better self-sacrificing when she arrived to Aquileia. The second and the third exclusions, ch. 21 and 32, are related to a characteristic of Anastasia (her noble origin) that does not make her a Roman saint. The lack of the mention of Rome in the very beginning of the story is especially striking. Even though modern scholars are successful in recognising Roman realities in the Latin legend, the intended audience of the editor who was responsible for this “anti-Roman” censorship would have been less sagacious.

This fact of “anti-Roman” censorship applied to a “Roman” legend has been overlooked so far and needs an explanation.

2.2. *The Aquileian Edition: Preliminary Considerations*

The text of the LLA looks to have been edited outside Rome with the purpose of making Anastasia less “Roman”. At the same time, there is, in this text, the plot line of Chrysogonus, which subordinates the martyrdom of Anastasia to this Aquileian saint. According to LLA, Chrysogonus became her mentor in Christianity. The story of Chrysogonus is not only easily detachable from the corpus of the legend but has an obvious bias: having made Chrysogonus the teacher of Anastasia, the editor introduced Chrysogonus as the highest religious authority in the legend, thus making the cult of Anastasia secondary with respect to him and dependent on him⁹. Such a construction of the plot of LLA is in sharp contrast with what we know about the Roman titular churches of St Chrysogonus and St Anastasia: the latter was one of the most important churches of the city (see below, section 6), whereas the former was rather ordinary and never reached a comparable status. Thus, the sacred topography implied in LLA is certainly not Roman, whereas it probably fits to the Aquileian landscape.

The concluding lines of LLA are especially revealing through their contrast between chronological exactitude and spatial imprecision. It is an account of the deposition of the relics of Anastasia in a new basilica on September 7. Below (sections 2.3.4 and 4.5) we will discuss this part of the text in detail, but now it is important to note that the only possibility to explain this lack of any geographical precision is a deliberate erasure. It is obvious that this concluding passage of LLA was intended to establish an additional commemoration of Anastasia related to her *depositio* and, therefore, must have had to contain indications of both the day and the place.

In the early Latin martyrologia, Chrysogonus is mentioned as a martyr with no connection to Anastasia. The scholarly consensus considers his story within LLA to be the adaptation of an early and subsequently lost *Passio* of the Aquileian martyr¹⁰. It is natural to conclude that suppression of the explicit mentions of Rome and

the subordination of Anastasia to Chrysogonus were made by the same hand working in the interests of the See of Aquileia at the expense of the interests of the See of Rome.

Now we provisionally keep open the question whether the Aquileian editor added the entire Chrysogonus plot line (that, under this supposition, was absent in the preceding Latin recension) or limited himself to shifting emphasis from Anastasia to Chrysogonus (who, in this case, must have been somewhat present in the preceding recension), but we will turn to this problem in section 2.4 and resolve it in favour of the first option.

The editing of LLA in Aquileia reveals three features of the editor’s milieu:

1. Inaccessibility (or very difficult accessibility) of Anastasia’s relics.
2. Antagonism (hostility, competition etc.) with either Old Rome or/and.
3. New Rome.

For the time being, let us put aside the problem of dating the recension of the Anastasia legend preceding the LLA, because, for now, we are interested only in the dating of its Aquileian recension. It must certainly have been posterior to the Latin recension where all Roman realities were explicit. Given that this lost Latin recension already contained the plot lines of Theodota and the three martyrs of Thessalonica, it must have been posterior to the transfer of Anastasia’s relics to Constantinople in 468–470¹¹.

Keeping this in mind, we can try to choose the most fitting period of the ecclesiastical history of Aquileia with respect to the three features above. The periods to be taken into account are the following five:

- 1) Ostrogothic rule during the peace with Byzantium (from the late fifth century to 536);
- 2) the same rule during the Gothic war – until the taking of Aquileia by Byzantine troops (536–552);
- 3) Byzantine rule before the Three Chapters schism (552–554);
- 4) Byzantine rule when the Church of Aquileia broke off communion with the Pope of Rome, meanwhile without breaking it decisively with Constantinople¹² (554–568);
- 5) the Aquileian Church out of communion with both Rome and Constantinople under the Lombard rule (568–698)¹³.

The communion with Constantinople was certainly already broken by 606, when a part of the Aquileian Church entered into communion with Rome and established the new Byzantine-backed Aquileian patriarchate in Grado; however, Aquileia’s communion with Constantinople would hardly have survived the Lombard invasion of 568.

Now we can look at all possible combinations of the three features of our Aquileian editor’s milieu with these five historical periods to see which of the five is the most fitting with LLA (Table 2).

Table 2 demonstrates that the most plausible period when LLA (in its presently accessible recension) was composed is that of the strong opposition of the “tricapitoline” Patriarchate of Aquileia, protected by the Lombards, to both Old and New Romes – somewhere after 568 (if not after the schism within the Patriarchate of Aquileia in 606). This dating is compatible with that of the earliest manuscripts (late eighth century) but is much later than is usually thought. Let us discuss the history of LLA in somewhat more detail.

2.3. LLA and the Cult of Anastasia in Aquileia

In this section, the meaning of the peculiar geography of LLA will be interpreted within the history of the cult of Anastasia in the Patriarchates (both) of Aquileia. Our main question will be: What is the actual meaning of the geography presented in LLA, in its Aquileian recension? We will see that it satisfies the need to transfer Anastasia’s martyrdom onto Aquileian soil. Such a need arose in the seventh century, and to this century LLA, in its Aquileian recension, is to be dated.

2.3.1. Methodological Considerations and the terminus post quem

The current scholarly consensus proposes for LLA an early fifth-century dating¹⁴. This is a supposition without pretense to any kind of logically strict demonstration. It is based on two kinds of reasoning.

The first kind depends on an evaluation of the meaning and purpose of the legend. Without considering LLA as a hagiographical document serving a certain cult and understandable within this cult only, such reasoning becomes almost arbitrary and certainly not very productive¹⁵. However, once we take into account the meaning of the translation of Anastasia’s relics from Sirmium to Constantinople (as we did in Part One of the present study), it becomes clear why Anastasia appeared flanked with Nicaean and Thessalonian saints. Given that these non-Roman saints are present in LLA, we thus obtain the *terminus post quem* 468–470 for LLA as well as for its lost Latin predecessor that will be edited in Aquileia.

Indeed, there was a cult of Anastasia in Rome before 468–470, and, therefore, it must have had legends of its own. In Part One of the present study, we have called (a part of) the corresponding Roman legends the Roman substrate of the Byzantine legend of Anastasia. We will discuss this early Roman cult of Anastasia(e) below (see esp. section 7).

The second kind of reasoning is, on the contrary, the strictest one. It is based on quotations or references to LLA in the later Latin literature, and we will discuss it below. It will be necessary to discern between three kinds of references to Anastasia legends: 1) references to the *Sondergut* of the Aquileian recension, 2) references to the pre-Aquileian Latin legend viz. unedited material

Table 2. Three Features of LLA against Five Possible Historical Backgrounds

	before 536	536–552	552–554	554–568	after 568
Antagonism with Rome	–	–	–	+	+
Antagonism with Constantinople	–	–	–	–?	+
Inaccessibility of the relics	–	+?	–	–	+

of LLA, and 3) references to non-Byzantine Roman legends of Anastasia, including – but not limited to – the Roman substrate of the Byzantine legend. So far, however, any reference to the cult of St Anastasia in Rome has been treated as a reference to LLA (as if there could have not been any other Anastasia legends).

2.3.2. *The Earliest References to the Aquileian Sondergut of LLA*

There are two pre-ninth-century texts having references to a legend of both Anastasia and Chrysogonus. One of them is datable more or less strictly, whereas the other one is not. The former is the *Martyrologium* of Bede the Venerable (672/673–735) datable to the early eighth century¹⁶. The latter is part of the hagiographical dossier of the martyrs Cantius, Cantianus, and Cantianilla, the so-called martyrs Cantiani. Their entire dossier exists only in Latin. The part of the dossier relevant to us is called by Cécile Lanéry *Passion 1* (*BHL* 1543–1548)¹⁷. It is not datable exactly in any way (except for the date of the earliest manuscripts as the *terminus ante quem*, the ninth century)¹⁸ but is very helpful for understanding the scale and the contents of the Aquileian editorial intervention.

The Cantiani were historical martyrs of Aquileia under Diocletian, but historically related to neither Chrysogonus nor Anastasia. Their cult is attested to by artefacts of the fourth and fifth century and by a short sermon by Maximus, the first bishop of Turin († ca 420), *BHL* 1549¹⁹. This sermon has no connection to either Chrysogonus or LLA and is focused on a unique episode of the martyrdom (a failed attempt to escape from the persecutors on a chariot)²⁰. It was used, however, by the author of *Passion 1*, who added *ad libitum* matter from LLA, including a number of characters (with the same functions and under the same names), and made the three martyrs share their place in martyrdom with Chrysogonus (*Ad Aquas Gradatas*).

With *Passion 1* of the Cantiani, we see a kind of appropriation of their cult by that of Chrysogonus. In a similar manner, we see, in LLA, an appropriation of the cult of Anastasia by the same cult of Chrysogonus. *Passion 1* of the Cantiani uses LLA, but it is difficult to evaluate how much it is posterior to it.

2.3.3. *Multiplication of Relics between Aquileia and Grado*

Transformations of hagiographical legends are an aspect of the transformations of the respective cults. Therefore, studying the Aquileian recension of LLA requires data on cults and relics.

In 568, the head of the “tricapitoline” patriarchate of Aquileia, Paulinus (or Paul) I (557–570), fled from the Lombard invasion to the island of Grado, not far from Aquileia, taking with him the Church’s treasures and relics. In the earliest account available to us, the mid-780s *Historia langobardorum* (II, 10) by Paul the Deacon, the relics remained unspecified and never mentioned apart from “treasures” (*omnem suae thesaurum ecclesiae deportavit*)²¹. In the later Venetian chronicles, however, the relics are mentioned under the respective saints’ names, although their lists differ from each other and are never exhaustive²². None of these chronicles mentions any relics of Anastasia, whereas the *Chronicon Gradense* (dated to the second half of the eleventh century, if not somewhat earlier²³) narrates a story of delivering to Grado some relics, including those of the Cantiani, rescued from the devastated city of Aquileia (with the subsequent deposition of the relics of the Cantiani in the church of St John the Evangelist of Grado), still under Patriarch Paul (Paulinus) I (cf. [65, pp. 37, 41]).

Small pieces of the relics of several saints including the Cantiani were found, in 1871, in two fifth- or sixth-century decorated boxes deposited under the main altar of the Grado cathedral of St Euphemia²⁴; the names of the saints were inscribed on the boxes. The cathedral, however, was dedicated in 579, substantially later than these two boxes were made (s. A. Tilatti [86, pp. 765–767]). For Venantius Fortunatus, between September 573 and April 576, the relics of the Cantiani were still in Aquileia²⁵.

Be that as it may, one can be sure that, in Grado, there had accumulated plenty of relics of Aquileian saints. It is beyond any probability that all of them could have been kept in good order. The early seventh-century schism (606) and the late seventh-century reconciliation (698) between Grado and Aquileia added further confusion. According to the inevitable laws of nature, the relics started to multiply. It is difficult to evaluate

how many “copies” of the relics of different saints have been “discovered” since the seventh century. For us, however, it is important that there appeared, among others, “new” relics of Anastasia which were always connected with the “new” relics of the Cantiani. Meanwhile, the “old” (apparently genuine) relics of the Cantiani fell into oblivion. Their modest home in a village would have hardly been competitive with such centres as Grado and Aquileia. In general, the relics were and still are venerated according to the importance of the cults in which they are involved, with no respect at all to their historical provenance²⁶.

In 1024, the patriarch of Aquileia Poppo (patriarch in 1019–1042) sacked the rival ecclesiastical centre of Grado with a military force. He carried off many ecclesiastical treasures including the relics. An apologetic account of this event is preserved in monk Gotschalculus’s *Translatio sanctae Anastasiae* (BHL 403) – the translation from a monastery in Verona, within the patriarchate of Aquileia (where they, together with the relics of the Cantiani, were deposited by Poppo after his raid on Grado), to his own Bavarian monastery of Benediktbeuren in 1053²⁷. Gotschalculus testifies that, by 1024, the relics of Anastasia as well as those of the Cantiani, just as many others, were still in Grado, so that that Poppo must have planned an operation for “returning” them to their Aquileian “home”.

We do not know what then happened to the relics of the Cantiani in Verona, but, in 1307, they were once again discovered in the cathedral basilica of Aquileia, again together with the relics of St Anastasia, and, this time, also with the relics of St Chrysogonus²⁸. It was opportune for the highly esteemed saints already unified within a ramified common cult to appear together in the main cathedral of the respective ecclesiastical region (patriarchate). As always, the relics were inevitably discovered everywhere where people of some power were actually in need of them.

The influence of the combined cult of Anastasia and the Cantiani increased in Aquileia and Grado. Naturally, it resulted in the appearance of new relics of theirs, even more than once. The composition of *Passion 1* of the Cantiani must have been both fruit and tool of this process, in which the Aquileian cults of the Cantiani and Anastasia became interwoven and put into the orbit of the cult of St Chrysogonus.

2.3.4. *The Martyrdom of Anastasia Packed into the Aquileian Landscape*

With the Gotschalculus’s account BHL 403, we reach the domain of sacred topography, so vital for understanding the Aquileian edition of LLA.

For Gotschalculus, who obviously was retelling an established tradition, the population of Grado are *Palmarientes cives*, “the citizens of Palmaria”, while *Palmaria* is, of course, the martyrdom place of Anastasia²⁹. The place of action of LLA became the island of Grado instead of the Pontine islands and, indeed, Aquileia instead of Rome.

For Gotschalculus, the history of Anastasia’s relics ran as follows. Anastasia’s martyrdom took place *ad insulas Palmarias*; from the very beginning, Gotschalculus did not forget to mention the role of Chrysogonus as Anastasia’s mentor. Apollonia buried Anastasia *intra viridarium domus sue* (“in the garden of her villa”); then, at the same place where she buried Anastasia, Apollonia constructed a basilica (*basilicam fabricavit, ubi eam sepelivit*). In this passage, Gotschalculus quotes LLA generally verbatim, certainly with the text at hand, but with significant changes in comparison with the recensions available to us (see Table 3).

The date of the martyrdom of Anastasia in BHL 403, November 23, is at odds with all other sources. It is, however, significant that it is adjacent to the most common commemoration day of Chrysogonus, November 24; alternatively, some manuscripts of the *Martyrologium Hieronymianum* contain his commemoration on November 22 and 23³⁰. We do not know which of these days was implied by the tradition in which Anastasia was commemorated on November 23, whereas, of course, November 24 is the most probable. This is the main difference of BHL 403, which has so far been overlooked.

Gotschalculus quoted LLA in a recension where only a single translation of the body of Anastasia was mentioned, from the place of the martyrdom to the place of the burial. In the next sentence after the quotation above, he continued once again mentioning this translation of the body as a unique act: *Dehinc postquam ista translatio facta est memorate virginis et martiris Anastasiae in supradicto loco, et ubi ecclesia brevi creverat tempore...* (“Then, after this translation was

made, when the virgin and martyr Anastasia was commemorated in the aforementioned place, where the church has had appeared in a short time...”).

The text of LLA is not so smooth. At first, it runs as does the text of Gotschalculus, naming only two locations, that of the martyrdom and that of the burial. Then, in the sentence containing the precise dates, most of the previous sentence is repeated, but the third place, “a hidden location” appeared between the two previously enumerated locations. This “hidden location” replaced the garden of Apollonia at her home. The text as it is allows the interpretation that this place was located outside Apollonia’s home but probably in another of her gardens. However, it would be much more natural to acknowledge that the phrase mentioning “a hidden place” goes back to a different tradition, where it was unrelated to any garden of Apollonia; but the basilica is now placed in Apollonia’s home, not the place of the first burial of Anastasia. It looks as though the actual ending of LLA agglomerates two contradictory traditions about Anastasia’s sepulture, the first one containing only a single translation, and the second one, two translations³¹. Gotschalculus followed the former.

Then Gotschalculus described a conflict between *Palmarienses cives et Aquileigensis civitatis episcopum* (“the citizens of Palmaria and the bishop of the city of Aquileia”), when the “Palmarians” attacked the Aquileians with a military force which carried out many murders and acts of violence and carried off many treasures and holy relics. This is why the relics of Anastasia, among others, were removed from Aquileia to *Palmaria*, that is, to Grado. Gotschalculus does not mention Rome at all. His geography is limited to Aquileia and Grado, even though the island of Grado is called by an unusual name.

The rivalry between Aquileia and Grado began in the early seventh century, when, in 606, Grado became the city of the alternative patriarch of Aquileia in communion with Rome, whereas the patriarch residing in Aquileia itself was not in communion with any other patriarchate. This rivalry could explain to us the coexistence of conflicting versions of the events in LLA. A provisional burial in “a hidden place” different from the commonly known basilica might have been introduced in order to reclaim the alleged rights of *Palmaria* on Grado for the relics of Anastasia. We will discuss the ending of LLA later (section 8.3), but we have to notice just now

Table 3. The Burial of Anastasia according to LLA and Gotschalculus

LLA (Moretti [66, pp. 184, 186])	BHL 403 (p. 225)
Tunc Apollonia christiana matrona per matronam praefecti meruit corpus eius tollere. Quod accipiens exosculatur, et aromatibus condiens atque dignis lintheaminibus obvolvens intra viridarium domus suae – ut decuit martyrem – sepelivit atque expenso non parvo pecuniae numero basilicam ubi eam sepelierat fabricavit. Passa est autem sancta Anastasia octavo kalendas ianuarias et in conditis habita. Deposita autem est postea quam basilica fabricata est in domo Apolloniae septimo idus septembris, in eadem basilica...	Apollonia quedam matrona christianissima tulit corpus sancte Anastasie virginis, et lintheaminibus obvolvens, intra viridarium domus sue posuit, et ut decuit martyrem sepelivit, atque expenso non parvo pecuniae numero basilicam fabricavit, ubi eam sepelivit. Passa est vero sancta Anastasia 9. Kal. Decembris, postea autem deposita est ubi basilica fabricate est in domo Apollonie 7. Idus Septembris
A Christian matron named Apollonia, through the offices of the wife of the prefect, was permitted to remove her body. Taking it up she kissed it, and embalming it with spices, and wrapping it in appropriate linen clothes, she buried it in the garden of her home – as was fitting for a martyr; and, at no small monetary expense, she built a basilica where she had buried her. St Anastasia suffered martyrdom on 25 December and was kept in a hidden location. She was subsequently translated to the basilica built in the house of Apollonia on 7 September <...> Lapidge [54, p. 87]	A certain very Christian matron Apollonia removed the body of Saint Anastasia the virgin and wrapping it in linen clothes, she buried it in the garden of her home – as was fitting for a martyr; and at no small monetary expense she built a basilica where she had buried her. St Anastasia suffered martyrdom on 23 November, while was subsequently translated to the basilica built in the house of Apollonia on 7 September

that, in its present form, it seems to be affected by the competition between Grado and Aquileia. The “hidden place” is a later addition that, most probably, is a trace from a recension related to Grado.

Anyway, for Gotschalculus, the basilica of Apollonia was located in Aquileia. In this respect, the text of LLA that he quoted does not contradict his version. However, at the same time, his text of LLA was almost identical to LLA as we read it now. The anti-Roman censorship of LLA described above (sections 2.1 and 2.2) was not in vain. Now we see that, in Aquileia, the martyrdom of Anastasia was indeed separated from Rome and packed into the Aquileian landscape, and LLA provided a recension of Anastasia’s legend that would have been suitable for such usage.

The Aquileian landscape itself did not remain immovable. One can wonder whether the closeness of the commemoration dates of Anastasia and Chrysogonus in Gotschalculus’s account already implied the coincidence of the sites of their martyrdoms, that is, identifying Grado with *Ad Aquas Gradatas*. Even if such a geographical *téléscopage* did not take place in Gotschalculus, it was documented by Andrea Dandolo (1306–1354) in his *Chronica per extensum descripta*. He provided a short summary of LLA followed with a summary of *Passion 1* of the Cantiani and described the martyrdom site of Chrysogonus as *ad aquas gradatas, ubi postea Gradi civitas constructa fuit* [69, p. 28] (“*Ad Aquas Gradatas*, where later the city of Grado was built”). This was the final point of the evolution of the Aquileian sacred topography, when the hagiographical coordinates of Anastasia and Chrysogonus eventually coincided: Chrysogonus and Anastasia suffered martyrdom at the same place and (as we know from Gotschalculus) on two successive days. An early phase of this evolution is documented by LLA in its present recension, which is certainly Aquileian.

The phase of this evolution documented by Gotschalculus is closer to LLA, whereas the peculiar date November 23 is an innovation. Unlike Gotschalculus who followed the Aquileian version of the events in Anastasia’s burial, the editor of LLA hesitated between two competing versions. Indeed, in the seventh century, it was difficult to choose between Aquileia and Grado.

2.3.5. Conclusion on the Date of the Aquileian Editorial Layer: Seventh Century

Now we have confirmed our understanding of the geography of LLA as a result of deliberate editorship in Aquileia. This editorship must be dated to the seventh century, before 824 (when LLA was translated into Greek), before Bede the Venerable, in an epoch of competition between Aquileia and Grado, roughly contemporaneous but earlier than *Passion 1* of the Cantiani.

The Aquileian editorial layer of LLA is certainly posterior to the sixth century. In this century, we still do not have evidence of the entwining of the cults of Anastasia and Chrysogonus or references to the Aquileian *Sondergut* of LLA. If the contradictory ending of LLA reflects the competition between Grado and Aquileia, which seems to me most likely, the *terminus post quem* for LLA is 606, when the alternative patriarchate of Aquileia was established in Grado.

2.4. “Chrysogonization” and Fausta

In the Anastasia legend known to us as LLA, a mention of Anastasia’s mother Fausta, called by the name and attested to as *christianissima* and *casta*, is uniquely contained in a letter from Anastasia to Chrysogonus (in Moretti’s edition, [66, p. 110]). If the whole material related to Chrysogonus is an Aquileian addition, our Anastasia loses her Christian mother. This could drastically affect the image of the saint. This problem must be discussed in detail.

2.4.1. St Chrysogonus and gens Anicia

The name of Anastasia’s mother according to LLA, Fausta, belongs to the Roman aristocratic family of *Anicii*³². This family became connected to the cult of Chrysogonus.

From the very beginning, *Passion 1* of the Cantiani proclaims that they belonged to the family of *Anicii* that goes back to Emperor Carinus (reigned in 283–285): *qui de genere Aniciorum, hoc est divae memoriae Carini imperatoris noscuntur progeniti et intra urbem Romam in quarta decima regione generati atque educati probantur*³³ (“...who are from the family of *Anicii* that is known as descendants of Emperor

Carinus of divine memory, and who are renowned as being raised and educated in the city of Rome in the fourteenth region”).

Historically, the Anicians were not connected to Emperor Carinus, but they were connected with Aquileia, whereas Emperor Carinus, in turn, was thought, according to one of the popular versions reported by the late fourth-century *Historia Augusta*, to have been born in Aquileia³⁴. This historical commentary, however, is still not sufficient for understanding the meaning of this reference to Carinus.

Carinus died after having been defeated by Diocletian, thus perhaps becoming, in the eyes of Christians, the latter’s victim. On the opposite site, the pagan author of the *Historia Augusta* was so hostile toward him that he went beyond the limits of probability in portraying Carinus as a monster [80, pp. 243-245]; this fact would corroborate a highly positive evaluation of Carinus by Christians. The mention of Carinus in *Passion I* is not without parallels in Christian hagiography. In the so-called Roman legend of Cosmas and Damian, Carinus takes the place of Constantine the Great: an edict similar to Constantine’s edict of Milan is ascribed to Carinus³⁵.

The meaning of the connection between the Cantiani and the *Anicii* could stand to be clarified. As Cécile Lanéry noticed, “[c]ette famille était devenue, pour la Vénétie, l’emblème de l’aristocratie chrétienne: il n’est donc pas surprenant qu’un hagiographe ait choisi d’y rattacher les trois martyrs d’Aquilée, tout en assignant à ces derniers un parcours qui correspondait à l’aire d’influence des *Anicii* (Rome, la Vénétie)” [50, p. 436, n. 544].

The reference to the fourteenth region of Rome could be another reference to the Anicians and the cult of Chrysogonus: the titular church of Chrysogonus was located in this region, *Trans Tiberim*, the modern Trastevere. This church had existed since the first half of the fifth century; late twentieth-century archaeological studies did not confirm the hypothesis that a Christian church had existed here already in the fourth century. By the late fourth-century, the second-century Roman *domus* constructed on this place was, most likely, abandoned and, therefore, available for acquisition by certain members of the Church of Rome³⁶. The question of mutual relations between the martyr of Aquileia Chrysogonus and the saint of Rome,

the namesake of the *titulus Chrysogoni*, is not as easy as it is often thought. The Roman church, most probably, possessed the relics of her saint since the first half of the fifth century, whereas, in Aquileia (in the village San Canzian d’Isonzo), there were also some relics of St Chrysogonus. This does not mean, however, that these two saints were necessarily not identical³⁷. St Chrysogonus, like St Anastasia, is also an example of a saint with multiple avatars and multiplying relics... Given that *Passion I* establishes strong links between the cults of the Cantiani and Chrysogonus, it is possible, as Steffen Diefenbach supposed, that the reference to the fourteenth region at the very beginning of the *Passion I* implies the church of Chrysogonus. Diefenbach goes further, supposing that the Roman cult of Chrysogonus was itself a creation of the Aquileian-based branch of the *Anicii*³⁸.

Even if Diefenbach’s hypothesis about the Anicians as the main supporters of Chrysogonus’s cult in Rome is far-fetched, *Passion I* of the Cantiani demonstrated a connection between Chrysogonus’s cult and the *Anicii* in a hagiographical tradition not forgotten by the ninth century. This tradition must go back to an earlier period, but not necessarily to the fourth or fifth century, as Diefenbach believes. Nevertheless, such a tradition is hardly posterior to the sixth century, the “Indian summer” that was enjoyed by the aristocracy of Rome under Odoacer and Theoderic³⁹. After the Byzantine Reconquista of Italia under Justinian, the Roman aristocracy, including the Anicians, lost even a symbolical role in social life⁴⁰. It cannot be ruled out, nevertheless, that, in Aquileia, the Anicians continued to be socially important throughout the seventh century.

Earlier, one of the most famous Anicians in ecclesiastical history, Demetrias (born *ca* 398, consecrated as a virgin as of 413, and died under Pope Leo I, before 460) contributed to transmitting to Rome the Palestinian cult of St Stephanus, whose relics were discovered near Jerusalem in 415 (she founded the suburban Santo Stefano basilica in Via Latina)⁴¹. Nevertheless, nothing similar is known concerning the hypothetical Anicians’ involvement in the development of the Roman cult of Chrysogonus, even though we can agree with Diefenbach that such an involvement would have been likely. Be that as it may, it is certain (as *Passion I* of the Cantiani testifies) that

the Aquileian cult of Chrysogonus was eventually shaped with reference to the Anicians⁴².

All that we know concerning the “Chrysogonization” of the cult of Anastasia fits the same pattern. Anastasia’s mother’s name, Fausta, is certainly a mark of Anastasia’s appropriation by the Anicians. Therefore, it could hardly belong to the pre-Aquileian Anastasia legend, as we can demonstrate definitively from the eastern texts.

2.4.2. Anastasia’s Pre-Aquileian Mother: A Pagan

One has to notice that, in the Arabic and Georgian versions of the Anastasia legend (Martyrdom of Anastasia and Theodota), there is no mention of her mother at all. Indeed, these versions represent an abbreviated Greek recension. However, such an important detail would hardly have been skipped, had it been present in the complete recension. Anastasia’s father in these abbreviated recensions is preserved.

The Greek panegyric to Anastasia ascribed to a certain John (*BHG* 83b) provides additional data in its first part⁴³. In one place (ch. 6), Anastasia is praised for becoming Christian despite her pagan ancestors and parents; her mother is explicitly called pagan (ed. B. Kotter [46, S. 291]):

Καὶ τὸ δὴ θαυμάσιον· οὐ γὰρ κληρὸν πατρῶον, ὃς ἄνωθεν κάτισιν εἰς τοὺς ὕστερον, οὐδέ, ὃ φασι, παῖς παρὰ πατρὸς τὴν πίστιν ἐδέξατο, ἀλλ’ ἐξ ἀγριελαιῶν τῆς ἀκάρπου τῶν Ἑλλήνων φυῆς εἰς καλλιέλαιον ἐγκεντρίζεται, ὥστε λογισμοῦ κρίσει τὴν λῆψιν γενέσθαι τῆς χάριτος.

And what is especially wonderful: not by the ancestral lot that from the above went up to the latest (generation), nor, as it is said, the child received the faith from the father, but, from the fruitless wild olive tree of the race of pagans, she was grafted into a cultivated olive tree (cf. Rom 11:24), in order that the grace became received through a decision of reason.

Γίνεται τοιγαροῦν ἐξ ἀσεβῶν εὐσεβῆς καὶ ῥόδον ἐξ ἀκανθῶν, ἐξ Ἑλληνίδος χριστιανῆ. Καὶ τὴν πίστιν ἔσχεν ἔργον, οὐ πάρεργον.

Therefore, she became a pious from out of the impious and a rose from thorns (cf. Cant 2:2), from a pagan (woman), a Christian. And she acquired faith through work, not a by-work.

This fragment, where Anastasia’s mother is called Ἑλληνίς “pagan woman”, is sufficient for insisting that, in the Byzantine legend, there was no *christianissima* Fausta, and, therefore, the whole block of Chrysogonus-related content was absent. Within this block, the mention of Fausta was the unique detail that was apparently unconnected to Chrysogonus but important for the image of Anastasia. The entire “Chrysogonization” of the Anastasia legend now becomes explainable as an Aquileian editorial layer influenced by the Anicians. Thus, there are no Anicians and no Chrysogonus in the fifth-century Byzantine legend.

The Greek panegyrist did not preserve the name of Anastasia’s mother. Perhaps she passed unnamed in his source, although this is not certain.

2.4.3. The Cult of Chrysogonus in Byzantium

The conclusion about the first appearance of Chrysogonus in the Anastasia legend being only in Aquileia can be corroborated with the data on the Byzantine cult of Chrysogonus.

The Roman feast of Chrysogonus on November 24 (this date of his martyrdom is preserved in LLA, *BHG* 81, and *Martyrologium Hieronymianum*) is present in the Synaxarium of Constantinople⁴⁴, but is absent from the *Typikon* of the Great Church (ca 900). However, it was present already in the mid-tenth century first recension of the Synaxarium, since it follows from its presence in the Armenian version⁴⁵.

Even then, in the tenth century, Chrysogonus did not in any case become a popular saint. There is only a single indication of his relative popularity. In the *Life of St Andrew the Fool*, in the scene when St Andrew was recalled to a feat of foolishness in Christ by St Anastasia (ch. 2), Anastasia appeared to him in a group of five women and one elder; the women were Theodota, Irene, Agape, Chionia, and Anastasia herself, while the elder was obviously Chrysogonus. The whole group becomes identifiable, once the name of Anastasia is pronounced. Chrysogonus, in accordance with LLA and *BHG* 81, is represented in this scene as a leader of the group⁴⁶. This scene is, however, an exception in Byzantine hagiography.

The actual late ninth- and tenth-century liturgical tradition of Constantinople was

formulated in the *Typikon* of the Great Church. On December 22, the women alone were commemorated, without a mention of Chrysogonus: ἄθλησις τῆς ἁγίας Ἀναστασίας καὶ σὺν αὐτῇ ἁγίων γυναικῶν [58, p. 142] (“the contest of saint Anastasia and with her saint women”). This title of the respective entry is repeated in the Greek recension of the Synaxarium of Constantinople of *Vaticanus gr.* 2046 (12th cent., not taken into account in the edition by Delehaye) and the Slavonic version⁴⁷. This notice refers to a more complete legend than the Martyrdom of Anastasia and Theodota; it implies that Irene, Agape, and Chionia are not forgotten. Chrysogonus, however, is absent from this list of the legend’s headliners. In other recensions of the Synaxarium of Constantinople, the long title of the entry mentioning, after Anastasia, Chrysogonus and the women, is a later addition to the earlier form of the title mentioning Anastasia alone, which is preserved in some Greek recensions as well as in the Armenian and Georgian versions⁴⁸.

These facts demonstrate that, in the liturgical tradition of Constantinople, there was no specific veneration of Chrysogonus, even among the companions of Anastasia. It is only about the twelfth century when the situation began to change, and some recensions of the Synaxarium of Constantinople acquired, on December 22, a separate entry on Chrysogonus and/or a mention of the martyrdom of Chrysogonus at the end of the entry of Anastasia. Oddly enough, according to these sources, Chrysogonus was decapitated in Nicaea [23, pp. 335-338].

Therefore, for the pre-twelfth-century Byzantine cult of Anastasia the Widow, Chrysogonus was one among other companions of Anastasia, but not among the exceptional characters of her legend equal to her four women companions. The plot line of Chrysogonus seems to be completely unknown in Byzantium before the translation of LLA in 824; up to this date, there was no trace of any cult of Chrysogonus at all.

2.4.4. Conclusion: No “Chrysogonization” in Byzantium

The Byzantine legend of Anastasia did not include the plot line of Chrysogonus. Therefore, the Latin translation of this legend that became available in Rome did not contain it either.

The part of LLA related to St Chrysogonus is an addition made by the Aquileian editor in the seventh century.

This editor kept in mind the interests of the Anician family. This is why he introduced “the most Christian” Fausta, the bearer of a recognisable Anician *cognomen*, instead of Anastasia’s “original” mother who was a pagan, perhaps unnamed.

Now we become authorized to conclude that the original Constantinopolitan legend of Anastasia consisted of three major blocks:

- 1) the Roman core;
- 2) the legend of Theodota, and
- 3) the legend of Irene, Agape, and Chionia.

The Roman core was free from Aquileian connotations, unconnected to the *titulus Chrysogoni* church in Rome, and unrelated to St Chrysogonus at all. It was unrelated to the Anicians either.

The pre-seventh-century legend of Anastasia the Widow is recoverable from LLA through subtraction of the elements related to St Chrysogonus and restoring to Anastasia her “original” pagan mother.

3. The Roman Hagiographical Substrate. I: Non-Anastasian Legends

Before the translation of the relics of St Anastasia from Sirmium to Constantinople, Anastasia was certainly venerated as a saint in Rome. We know very little about this cult. Our further investigation of it will proceed along two paths. At first, in the present section, we will study the legends belonging to the Roman core of the Byzantine Anastasia legend but only those that could not be behind the name choice of Anastasia. Then, in the next section, on the second path of investigation, we will trace the Roman pre-sixth century cult(s) of a saint (or saints) called Anastasia.

We will see, in this section, how deeply the legend of Anastasia the Widow was rooted in Roman legends. We will refrain, however, from attempts to collect the relevant Roman legends into a single puzzle. These legends are available to us as piles of tesserae from crumbled mosaics.

Even though, in this section, we limit ourselves to the pertinent non-Anastasian Roman legends, several important topics belonging to this already limited domain will be skipped (but

addressed later, section 7; see also Stem 2 in Part One). It is necessary, at this stage, to obtain a general outline of the Roman hagiographical substrate of the legend of St Anastasia. More details will follow later.

3.1. *Martyr Eutychianus: Pope Eutychianus and the Roman Martyr Eutychius*

The elder martyr Eutychianus was the leading figure among those who were, together with Anastasia, transported to the Palmaria islands in the punctured ship. He is usually considered as unknown elsewhere, but this is not true. His figure results from an amalgamation of the historical Pope Eutychianus and the historical Roman martyr Eutychius who entered Roman hagiography no later than the fifth century (probably in the late fourth).

In LLA (ch. 35), Eutychianus is presented as a bishop, even though his title is never made explicit⁴⁹. The context, nevertheless, is clear: he has been condemned in Rome, as all others who were put on the punctured ship (the Aquileian editor deleted any mention of Rome in the corresponding scenes, but the context leaves no room for doubt). Anastasia asked him to make a prayer and perform baptism for those with them and even “kissed his knees” (*osculari coepit genua eius*). Anastasia’s words *Da orationem et baptizentur universi* (“Make a prayer [sc., perform the appropriate ecclesiastical rite] and let them all be baptized”)⁵⁰ have a sacramental meaning and would have been addressed only to a priest. Other elements of the context mark his rank as higher than that of an ordinary priest and allow us to identify him as a bishop (kissing his knees by Anastasia, his earlier status of a rich man and a philosopher) – evidently, a bishop of Rome, taken into account that he has been condemned in Rome, and that he became the last companion of Anastasia, another Roman martyr of the highest rank.

In Rome, there was no historical martyr Eutychianus. However, the historical Pope Eutychianus (274–282), while not a martyr, became a martyr in later legends. Their earliest occurrence is in the so-called second editing of the *Liber Pontificalis*, somewhere in the middle of the sixth century and after the Three Chapters affair⁵¹, but it must date to an earlier tradition. As Louis

Duchesne stated concerning Pope Eutychianus, “... nous ne possédons pas, tant s’en faut, tous les récits qui circulèrent à Rome, du IVe au VIIe siècle, sur les martyrs et leurs sanctuaires” [32, p. 159]. Some of them, however, can be recovered, even though with many lacunae.

The historical Pope Eutychianus is beyond the scope of our study. We are interested in the martyr Pope Eutychianus created in the fourth or fifth century and also called Eutychius – thus according to manuscript *B¹* of the *Liber Pontificalis*, one of the earliest ones (late seventh century)⁵². This oscillation of the name of the martyr Pope between Eutychianus and Eutychius already in the Roman evidence is significant for his identification with both the historical Roman martyr Eutychius and the companion of St Thessalonica commemorated on December 19 (see below, section 3.2.2).

The legend of the Roman martyr Eutychius is lost, but some traces are available thanks to both literary sources and archaeology. A brief and not very clear story of his martyrdom has survived in the short *elogium* (Nr 21) to the martyr written by Pope Damasus (366–384) within the span of two years, 383–384⁵³. The martyr’s mention in the so-called *Martyrologium Hieronymianum* on July 2⁵⁴ erroneously attributes the deposition of his relics to the cemetery of Callistus [26, p. 348] instead of their real place in the catacombs of St Sebastian near to the St Sebastian basilica on the Via Appia; the marble plate with Damasus’s *elogium*, in perfect condition, is now preserved in the basilica, whereas it had originally been placed underground, marking the grave in the catacombs that had been revealed to Damasus in a dream as being that of the martyr⁵⁵. The relevant part of the catacombs has been called, according to recently found inscriptions, *ad limina dom(i)ni Eutyci*, thus testifying that the grave of Eutychius has been considered as the main holy object of the area⁵⁶.

Already Johann Peter Kirsch supposed that a confusion between the martyr Eutychius and Pope Eutychianus took place: according to him, the *Martyrologium Hieronymianum* would have meant, in the entry on July 2, not the martyr but the Pope; the error would have been provoked by two facts: Eutychius is here commemorated together with Pope Miltiades (311–314), and both Popes Miltiades and Eutychianus were deposed in

the catacomb of Callistus. According to Kirsch's hypothesis, the martyr indicated in the Damasian *elogium* is not mentioned in the *Martyrologium* at all, whereas Pope Eutychianus is commemorated twice, together with his proper commemoration day December 8 [45, S. 69]. This hypothesis has been rejected by Delehay, especially on the ground that Pope Eutychianus already had his own commemoration day⁵⁷.

I would agree with Delehay in rejecting Kirsch's hypothesis "as it is" but I consider Kirsch's basic intuition to be true: although the martyr commemorated on July 2 is, indeed, the Roman martyr Eutychius whose martyrdom is known from the Damasian *elogium*, the confusion between this martyr and Pope Eutychianus took place, and Kirsch was right in explaining with such confusion the erroneous indication of the place of the Eutychius's grave in the *Martyrologium Hieronymianum*. Indeed, in the *Martyrologium*, martyr Eutychius stands together with Pope Miltiades, as if he was another Pope, Eutychianus, who has been buried in the same catacomb as Miltiades – in the area designated for popes. The Pope did not replace the martyr (*pace* Kirsch) nor *vice versa*, but the two resulted into a new hagiographic character – the martyr pope whose name was oscillating between Eutychianus and Eutychius, and who is known to us from the second "edition" of the *Liber Pontificalis*.

Such confusion would have not been possible within the realm of literary sources, because these sources themselves were dependent on the locations of the sacred objects they described. As far as the graves of the martyr Eutychius and Pope Eutychianus were known as two separate objects, such confusion would have been impossible. However, the grave of the martyr had been abandoned and probably lost after either landslides or one of the earthquakes in the fifth century (such as those that took place in 402, 429, and 443) that eventually destroyed "his" area in the catacomb *ex Vigna Chiaraviglio* and forced the translation of the marble plate with the Damasian *elogium* to the crypt of St Sebastian. The new grave of the martyr Eutychius in the crypt of St Sebastian has been venerated since the late sixth century at the latest⁵⁸, but the circumstances of the translation of the relics remain obscure; there is no sign that it would have taken place at all. It looks much

more plausible that the original grave has been simply lost in one of the cataclysms of the first half of the fifth century, whereas the new grave in the St Sebastian crypt appeared substantially later, due to the quite common process of "autogenesis" of the venerated tombs and relics (yielding the relics previously lost or belonging to the saints that have never existed in the material world). The marble plate with the Damasian *elogium* would have been the only material link between the two graves of Eutychius.

Therefore, I would conclude that the cult of Pope Eutychianus absorbed the cult of the martyr Eutychius – in the way that both cults continued to exist separately but now also together with a third cult, that of Pope Eutychianus which acquired features of the martyr Eutychius, particularly that of being a martyr.

It was not unusual for a saint to acquire several biographies even without acquiring several sets of relics: the example of Theodore the Teron and Theodore the Stratelates sharing a single set of relics in Euchaita is probably the most well known but is not unique; it is interesting due to its early date (probably the fourth century). Another example is our St Anastasia herself.

Some uncertainty with the relics of Eutychius that certainly took place sometime in the first half of the fifth century, together with the high rank of the martyr in the eyes of the people and the similarity of his name with the name of the holy Pope, would have been enough for creating our martyr Pope Eutychianus/Eutychius. This solution is corroborated by the fact that the cult of martyr Eutychius alone became marginalised relatively soon after the late fourth century, and the relevant *Passio* has been lost; probably, the preservation of the Damasian marble plate was the only cause of the preservation of at least a vague memory of the martyr.

To sum up: Eutychianus is indeed the semi-imaginary (but semi-historical) pope of Rome, whose name was oscillating between Eutychianus and Eutychius, and whose biography was created using those of the historical Pope Eutychianus (not a martyr) and the historical Roman martyr Eutychius. This cult of a semi-imaginary saint was established by the middle of the fifth century, when it contributed to the legend of Anastasia.

3.2. *The Companions of Eutychianus:*

270 Martyrs

Those who were baptised by Eutychianus became martyrs. Their number was “more than two hundred men and seventy women, not including small children” (*amplius quam ducenti viri et septuaginta feminae exceptis parvulis*)⁵⁹. This number of martyrs, connected with the semi-legendary Eutychianus/Eutychius, is also a part of the hagiographical substrate: their legend pre-existed that of Anastasia.

3.2.1. *The Historical Pope and His Care of Martyrs*

According to the *Liber Pontificalis*⁶⁰, but only its second recension, Pope Eutychianus *et martyrio coronatur* (“and was crowned with martyrdom”). Among his deeds, it was stated – in both recensions – that he has buried many martyrs, whose exact number is, according to the manuscripts, either 342 or 362 (the latter number is provided by the manuscript *B'*): *Hic temporibus suis per diversa loca CCCXLII [B'CCCLXII] martyris manu sua sepelivit* “In his time he buried 342 [362] martyrs in various places with his own hands.” In connection with this activity, it is said that Pope Eutychianus established a rule concerning the mode of the burial of the martyrs. The Latin text of this rule is not completely clear but, for us, the very fact of some legislative activity related to the burial of the martyrs is important: together with the textological data allowing us to attribute the papal care of the bodies of the martyrs to the earliest recension of the *Liber Pontificalis* (ca 530), where Pope Eutychianus was still not a martyr, we have to conclude that Eutychianus was associated with a great assembly of martyrs already before having been merged with martyr Eutychius (in whose hagiographical dossier there was no such assembly, see below).

Already Duchesne connected the number of the martyrs buried by Eutychianus with the number of the martyrs deposited in the St Silvestre basilica on the Via Salaria, as reported in a seventh-century itinerary⁶¹, even though, as Duchesne himself noted, there is neither a hagiographical tradition explaining who these martyrs were nor any explicit link between them and Eutychianus. However, their total number is,

according to the different manuscripts, either 365 or 362, and the number 362 is present among the readings of the *Liber Pontificalis*; moreover, “...entre CCCXLII et CCCLXII la difference n'est pas grande, au point de vue paléographique, pas plus qu'entre CCCLXII et CCCLXV”⁶². We can add, to Duchesne's argumentation, that the reading “362” in this itinerary, in spite of being that of one manuscript against two, is the earliest one (this manuscript is of the eighth century, whereas the two others of the ninth or tenth century). Therefore, it is most plausible that the *Liber Pontificalis* implicitly attributed to Pope Eutychianus the burial of the 362 martyrs on the Via Salaria.

The number 270 accompanying Eutychianus in LLA refers to some other collective grave (or a pair of graves with the distribution 200 + 70, because LLA divides the sum of 270 into these parts) than that of the 362 martyrs of the Via Salaria.

A group of 270 martyrs has been possibly venerated in Rome in the catacomb *ad clivam Cucumeris* (“at the Cucumber Hill”, situated not far from the St Silvestre basilica on the Via Salaria), although the available data are not sufficiently clear⁶³. It is possible than the number 270 goes back to some tradition related to the collective graves of this area – well known near ca 400 AD but confused and obscured in the later sources available to us.

LLA associates with Eutychius another group of martyrs, those 120 persons who were put in the punctured ship (ch. 35)⁶⁴. The number 120 is relatively popular in the Roman *Passiones* and catacombs⁶⁵, including the cemetery of Thrason on the Via Salaria Nuova⁶⁶, situated less than 2 km from the same basilica of St Silvestre on the Via Salaria.

The results of this short inquiry are not precise but sufficient to conclude that the numbers of the martyrs with Eutychianus, both 270 and 120, were associated with his name in some Roman legends.

3.2.2. *Eutychianus/Eutychius and Those with Him in the East: Eutychius and Thessalonica*

The following legend is important to show that the story of Eutychianus with 270 martyrs was a part of the Constantinopolitan legend of Anastasia.

This is the entry of the Synaxarium of Constantinople and its predecessor, the calendar of the *Typikon* of the Great Church on December 19:

ἄθλησις τῶν ἁγίων μεγαλομαρτύρων [<i>Synaxarium</i> μαρτύρων] Εὐτυχίου καὶ Θεσσαλονίκης καὶ τῶν σὺν αὐτῷ [<i>Synaxarium</i> : αὐτοῖς] ἀνδρῶν σ' [<i>Synaxarium</i> διακοσίων] καὶ γυναικῶν ο' [<i>Synaxarium</i> ἑβδομήκοντα] ⁶⁷ .	The martyrdom of the saint great martyrs [<i>Synaxarium</i> martyrs, without great] Euty chius and Thessalonica and with him [<i>Synaxarium</i> them] men 200 [<i>Synaxarium</i> two hundred] and women 70 [<i>Synaxarium</i> seventy].
---	---

We immediately recognise, in this Euty chius, Euty chianus of LLA together with his companion martyrs, 200 men and 70 women. Only St Thessalonica looks somewhat strange in the place of Anastasia.

This entry is absent from the Armenian version of the Synaxarium, but omissions of such commemorations of little significance are, for this version, quite possible. The presence of this entry in the *Typikon* is sufficient to prove that it belongs to the earliest recension of the Synaxarium.

This entry in the Georgian version of the Synaxarium has an addition: *ῥομῆλῆς ὁ ἁγίου ἁποστόλου* [98, p. 102] (“they were martyred in Thessalonica”). The Georgian translation was made by the famous writer George the Hagiorite (1009–1065). Obviously, he translated this phrase from his Greek original, where it was added by one of the Byzantine editors.

Nothing more is known so far about these saints.

There are a number of martyrs bearing the name of Euty chius and one other female martyr Thessalonica (a saint of Amphipolis in Macedonia whose “epic” *Passio* known from its epitome in the Synaxarium which made her suffer at the hands of her father, a pagan priest, together with Auctus and Taurion; all the three are commemorated on November 7⁶⁸). The legend of Thessalonica of Amphipolis consists of a series of clichés known from other legends but, as it seems, shows no connection to the dossier of Anastasia.

Our present Thessalonica, a companion of Euty chius, has a very strong connection to Anastasia’s dossier and, more specially, to its insular segment. Such a coincidence of the

number 270 itself (which does not occur elsewhere in hagiography), its distribution between the two sexes (200 and 70), and the very name of Euty chius that we already know as alternating with Euty chianus leaves no doubt that we are dealing with an off-spring of Anastasia’s dossier. The date of the commemoration of Euty chius and Thessalonica, December 19, is hardly by chance so close to December 22, the day of Anastasia.

The change of the name of Anastasia to Thessalonica is understandable, especially if it occurred in a legend composed in the city of Thessalonica, exactly as it is specified by the notice preserved in the Georgian version.

The cult of Euty chius and Thessalonica must have had a Thessalonian origin, but it must have been based on the Greek source of LLA, the Constantinopolitan legend of Anastasia. It is clear from chronological considerations: by *ca* 900 (the date of the *Typikon* of the Great Church), this cult had already become a liturgical tradition recognised in the capital. It was impossible for *BHG* 81, the Greek translation of LLA made in 824, over the timespan of about 80 years, to spark development of a new cult in Thessalonica and, then, to provide its recognition in Constantinople. Such processes require centuries.

Therefore, we obtain proof that the story of Euty chianus/Euty chius and the 270 martyrs with him was already a part of the plot of the Constantinopolitan Anastasia legend.

3.3. *Euty chius/Euty ches and an Exiled Dame in the Pontine Islands*

The Roman legends connecting Euty chianus/Euty chius with a great group of martyrs did not contain any specific connection between him and a dame from the Roman nobility. Such a legend was connected with another Roman martyr with a similar but different name, Euty ches. The legend of Euty ches and a great Roman dame is preserved “encapsulated” in a larger legend that we need to discuss first.

3.3.1. *Flavia Domitilla in the Fourth-Century Roman Hagiography*

The long legend is the Roman *Passio* of Nereus and Achilleus and those with them. This is an amalgam of six histories with an introduction

(BHL 6058): *Rescriptum Marcelli* (an elaboration on otherwise known Latin Petrine apocrypha, BHL 6059), *Passio SS. Petronillae et Feliculae* (BHL 6061), *Passio S. Nicomedes* (BHL 6062), *Passio SS. Nerei et Achillei* (BHL 6063), *Passio S. Eutychetis, Victorini et Maronis* (BHL 6064) – the main object of our interest, chapters 19–20 of the whole compilation, – and *Passio S. Domitillae* (BHL 6066)⁶⁹. Despite the claim of the Latin author that he translated his text from Greek, the extant Greek recension, BHG 1327⁷⁰, is a translation from the Latin; the Latin author tried to gain more confidence by referring to an authoritative Greek source⁷¹. The *Passio* belongs to hagiographical elaborations on the pseudo-apostolic acts. The action takes place in the entourage of Apostle Peter. One of the acting persons is his daughter Petronilla.

Domitilla is the main character of the whole composition. Her historical prototype is the granddaughter of Emperor Vespasian and a niece of Emperor Domitian Flavia Domitilla, the wife the consul Flavius Clement who was an uncle of Domitian⁷². Both spouses were Christians. In 95, they were persecuted by Domitian out of religious motives. Clement was executed, whereas Flavia Domitilla was exiled to the Pontine islands (namely, Ponza), where she died after having spent many years in exile. In the *Passio* of Nereus and Achilleus, Flavia Domitilla was made a contemporary of Apostle Peter, somewhat anachronistically but by the standards of hagiography, only slightly.

In the fourth-century Christian tradition, this Flavia Domitilla has been transformed into another Flavia Domitilla, a niece of consul Clement – perhaps a lesser historical personage and already the third Flavia Domitilla in a row (because the wife of Vespasian who was the mother of the exiled historical Flavia Domitilla was also called Flavia Domitilla). For our purposes, the difference between the second (historical) and the third (to a lesser extent historical) Flaviae Domitillae is insignificant, whereas significant is the fact, that, in the late fourth century, the *cellulae* in the island of the *Pontia* where Flavia Domitilla “underwent a long martyrdom” (*in quibus illa [Domitilla] longum Martyrion duxerat*) was a place of pilgrimage. A friend of Hieronymus, Paula, visited these “cells” on her way to the Holy Land as a source of inspiration for her further monastic life⁷³.

The long legend of Domitilla and other people around her is now dated to the second half of the fifth century⁷⁴. The story of the martyrs Eutyches (so in Latin; in Greek Εὐτύχιος “Euty chius”), Victorinus, and Maro BHL 6064 is present in all early manuscripts of the Latin legend (from eighth to tenth century) [47, p. 125].

3.3.2. *Euty chius in the Background of the Passio of Nereus and Achilleus*

One would be tempted to claim that the long *Passio* BHL 6058–6066 was used as a source by the Constantinopolitan hagiographer of Anastasia, who extracted from it both a great Roman dame exiled to the Pontine islands and the martyr Euty chius. Chronology would allow such a hypothesis providing that the long *Passio* was composed ca 450. Nevertheless, such a conclusion is unacceptable due to hagiographical reasons. In the long *Passio*, there is no pair made up of Domitilla and Euty ches, but a group formed by Domitilla with a trio of Euty ches, Victorinus, and Maro. Each of the three is buried in a specific place in the vicinity of Rome and is mentioned as such in the *Martyrologium Hieronymianum*; namely, Euty ches has been buried on the Via Nomentana – at the 16th mile according to the *Passio* or at the 18th mile according to the *Martyrologium*⁷⁵. In this legend, there is no individual martyr Euty ches/Euty chius deposed in closeness to the city of Rome.

Therefore, the *Passio* of Nereus and Achilleus would have not been a source of the Constantinopolitan legend of Anastasia. This *Passio* and the legend of Anastasia must have had a common source related to the martyr Euty chius.

Apparently, Euty chius the martyr of Rome has nothing to do with Euty ches, a companion of Victorinus and Maro. They were not only buried in different places, but one of them was inside the city while another was outside. The cults that were developed around their respective graves were certainly not identical. Nevertheless, there are marks that the long *Passio* of Nereus and Achilleus absorbed the original legend of the martyr Euty chius as well. An episodic character, Felicula, repeats the most striking elements of Euty chius’s legend that we know from Damascus.

Among the very few things we know about Euty chius's martyrdom, there are two facts: he apparently died of starvation after having been without food two periods of six days, apparently by his own will (verses 6–7)⁷⁶:

BIS SENI TRANSIERE DIES ALIMENTA
NEGANTUR

twice six days passed, the food is denied;

MITTITUR IN BARATHRUM...

he is thrown into a deep dungeon...

“The food is denied” would point to a willing starvation. The *barathrum* “deep dungeon” is, most probably, the *Cloaca maxima*⁷⁷.

In the long *Passio* of Nereus and Achilleus, Felicula, a young virgin, dies of starvation after having been without food for two periods as well, whereas not of six but seven days. Then, “...her body was taken down and thrown into the sewer” (*deposita & praecipitata est in cloacam*)⁷⁸.

Felicula is introduced in an artificial manner, as a duplication of her foster-sister Petronilla (one of the major characters of the legend). After Petronilla's death, she became the object of undesirable attention from Petronilla's persecutor. Regardless of how naturally she was introduced into the plot, her hagiographical coordinate of place remains important. The *Passio* as a whole is constructed similarly to an itinerary unifying within a common network the catacombs of Domitilla, the nearby arcosolium with the famous fresco depicting the deceased matron Veneranda with Petronilla as her guardian saint and a psychopomp, and the basilica of Nereus and Achilleus having an underground part, in the catacombs of Domitilla.

Other characters (Nicomedes and the trio of Euty chius, Victorinus, and Maro) also represent otherwise known Christian shrines. Felicula is apparently represented in the same way – the place of her grave is stated to be at the seventh mile of the Via Ardeatina (on the same road as the catacombs of Domitilla but substantially farther from the city), where her relics are preserved *usque in hodiernum diem* (“until the present day”) (ch. 17)⁷⁹. However, this locality is the only one in the *Passio* that is not verifiable from other written sources or archaeologically [54, p. 208]. It is hardly possible that the locality indicated in the *Passio* would have been fictitious, but the related shrine was rather short lived. This topographical indication could be interpreted as intended to

support a new cultic place, but the attempt did not have much success.

The parallels between the legends of Felicula and Euty chius are not accidental: the motif of throwing the body of a saint into a sewer was sufficiently popular, it is true, but its combination with death by starvation after having refused food, and especially following a series of two periods without food one immediately after another, is unique. The presence of Felicula in the *Passio* of Nereus and Achilleus is proof that its author used the legend of the Roman martyr Euty chius.

The main features of Euty chius's legendary biography were transmitted to Felicula, whereas Euty chius's name was used for another purpose – as a link with the legend of the trio of Euty ches, Victorinus, and Maro. The near-identity of the names of Euty chius and Euty ches would have been useful for the identification of the two martyrs. In a similar way, the biographies of Nereus and Achilleus were also changed in their *Passio*: in their *elogium* by Damasus, Nr 8 [88, pp. 98-101], they were warriors, but, in their *Passio*, they became eunuch servants, chamberlains of a great dame.

For the author of the *Passio* of Nereus and Achilleus, it was important to create a network of several martyr shrines both inside and outside the city by unifying them within a single legendary plot. The plot was subordinated to a pilgrimage route. Thus, he invented, for three graves located outside the city at a significant distance from each other, the unique trio of martyrs Euty ches, Victorinus, and Maro⁸⁰.

In the *Passio*, the whole trio of these martyrs is connected with Domitilla (as her servants) when she was on one of the Pontine islands. It looks like an amplification of a simpler plot, where Domitilla was accompanied, on the island, by Euty ches/Euty chius/Euty chianus without Victorinus and Maro. At least, the most economic explanation would consist in a supposition that there was a legend of Domitilla with some Euty chius in the Pontine islands. Then, what we see in the *Passio* of Nereus and Achilleus, on the one hand, and in the legend of Anastasia, on the other, appeared as two different modes of amplification of this legend:

1. There was a legend of Domitilla with Euty chius in the Pontine islands (not preserved).
2. In the *Passio* of Nereus and Achilleus, it was amplified with the addition of the trio of Euty ches (identified with Euty chius), Victorinus, and Maro.

3. In the legend of Anastasia, it was amplified with the addition of the legend of Pope Eutychianus (identified with Eutychius) and two groups of martyrs, 120 and 270.

4. Moreover, in the legend of Anastasia, Domitilla changed her name to Anastasia.

4. The Roman Hagiographical Substrate. II: An Outline of the Early Roman Anastasia Legend

There are a number of indications, both direct and indirect, of the Roman pre-sixth-century cult of St Anastasia. Normally, they are interpreted as if they refer to LLA. In fact, mostly they are not so specific as to allow us to define exactly which legend of Anastasia is meant. In the present section, we will discuss these indications, excluding, however, those that are directly related to the Roman church of St Anastasia. This church will be discussed in section 6. As a result, we will be able to discern between the data that, despite being somehow related to the Anastasia legends, do not contribute to our knowledge of the early Anastasia cult in Rome and the documents allowing us to figure out an outline of the early Roman legend of St Anastasia.

4.1. The Prologue *Omnia quae*

We begin with the part of LLA that has had a literary career of its own, the prologue *Omnia quae* (no *BHL* number, see section 2 above). It contains a textual intercession with the early fifth-century *Passio Sebastiani*. Regardless of how this intercession could be explained (borrowing from the prologue to the *Passio* or vice versa or borrowing from a common source), the likelihood that this prologue was written by the author of LLA or of its earlier recension is extremely low.

This prologue occurs in five other *Passiones* and one Latin *Vita*. Both Henschenius (1675) and Mabillion (1685), independently from each other, supposed that this prologue originally belonged to an entire menologium and not to a specific legend, where it was placed before December 25, the date of the first legend in this menologium. This hypothesis was criticised by Bauduin de Graiffier⁸¹, but presently, as François Dolbeau concluded, it is impossible to decide whether

it is true or not [29, pp. 358-359]. Even if it is untrue, that is, even if this prologue was composed for a specific legend, it is impossible to decide for which one. The content of this prologue is unrelated to any specific hagiographical legend.

We have to conclude that any possible references to and quotations from the prologue *Omnia quae* say nothing about the cult of St Anastasia.

4.2. The *Regula magistri*

Putting the prologue aside, there are three written sources possibly referring to a pre-sixth-century legend of Anastasia⁸². The first of them is *Regula magistri* 10, 44. The text has been dated by Adalbert de Vogüé to *ca* 500/525, a dating which became the scholarly consensus⁸³.

The sentence identified by de Vogüé as a quotation from the interrogation of Irene in LLA (but lacking from the Greek *Passio BHG* 34) is introduced, in the *Regula*, with the words *Et item dicit scriptura [sic!]* [92, pp. 426/427-428/429; cf. 453 (txt/tr.)]. According to de Vogüé, it is LLA that is here called “Scripture”, but, under the pen of the author of the *Regula*, the words *scriptura* and *scriptum est* are normally applied also to Christian writings outside the Bible, such as hagiography and the *Enchiridion* of Sextus⁸⁴.

It is also possible that the author of the *Regula* quoted not from LLA but from a source common with LLA. Anyway, the author of the *Regula magistri* is sufficiently late to be able to quote the Latin predecessor of LLA, that is, the Latin version of the Byzantine legend composed for the translation of Anastasia’s relics from Sirmium to Constantinople in 468–470.

4.3. The *Libellus ad Gregoriam*

The *Libellus ad Gregoriam in palatio* is a pseudonymous work attributing itself to a certain John, evidently Chrysostom. Since the early twentieth century, it is usually ascribed to Arnobius the Younger (dating to the 430s–450s). Presently, it seems, Cécile Lanéry (who applied statistical methods) has definitely confirmed the authorship of Arnobius⁸⁵.

The reference to Anastasia made in ch. 5 epitomises the earliest form of the Roman Anastasia legend available to us. It must be quoted in full⁸⁶.

Sed concedam te illarum posse coniugum inueniri participem, quarum passiones et gesta euidentia testantur scripta. Cur ergo parua non sufferas, quae te magna posse sufferre confidis? Quas contra tyrannorum acies inuicte pugnasse, quas que uniuersa certa es risisse supplicia, quas florido sui cruore sanguinis coronatas sedes credis caelorum intrasse. Et ut ex multis paucarum et ex innumerabilibus saltim trium aut quattuor faciam mentionem, tuum, mihi, o sancta Anastasia, satis deo carum licet breuiter est commemorandum exemplum. Inlustris in saeculo, apud deum curasti esse inlustrior, cum pretiosiora obtinuisti in moribus, quam contempsisti in rebus; immo et morum censum obtinuisse te credimus et facultates atque praedia non perdidisse, sed cum domino commutasse, receptura centuplum, et aeternam uitam pariter susceptura. Quanta putas tolerantia maritalem iniuriam temperabas, quae ita crudelitatem tyranni tranquillo animo pertulisti, ut post uerbera carnificum, post que uniuersa supplicia gratanter etiam te assari permitteres? O decus christianarum omnium matronarum, quomodo putas pro amore pudicitiae contempsit fortiter quod libebat, quae tam libenter pro amore Christi perferre uoluit quod dolebat? Quanta putas plebeia sorte progenitae coniuges hoc intuitu corporeas minas et saeuientis tyranni os non pallentes metu, sed alacres in domino deriserunt, cum te inlustrem et delicatam pro defensione honestatis et fidei constanter uniuersa despexisse tormentorum genera conspexerunt? Merito te illo die caelos fecit Christus intrare, quo ipse descendit ad terras, et natalem passionis tuae cum suae adsumptionis natiuitate esse permisit; quia quod ille omnibus praestitit nascendo, tu multis patiendi praestasti. Et sicut ille contempta maiestate formam serui suscepit, ut nobis omnibus subueniret, ita ipsa contempta nobilitatis gloria ignominiam suscepisti personae, ut imitabilis esses et ut christianis omnibus patientiae dares exemplum, tam pro passione tua quam pro aedificatione omnium matronarum perpetuam gloriam perceptura

But let me admit that you might be able to find a place among those wives whose martyrdoms and deeds are witnessed by reliable documents. In sum, why would you not be willing to bear small trials, you who are sure you can bear great ones? There are many whom you believe to have fought victoriously against the battle-lines of tyrants and to have laughed at all manner of tortures, whom you believe to have entered the abode of the heavens crowned by the flowery gore of their own blood. And so that out of the many I may mention a few and out of the innumerable at least three or four, I must recount, though briefly, your example, o holy Anastasia, which is very dear to God. Distinguished in this world, you took care to be even more distinguished before God, since you obtained even more precious treasures in your character than you scorned among your possessions. Indeed, we believe you attained distinguishing wealth in your good character, and you did not lose wealth and property but rather made an exchange with God, as one who will receive the hundred-fold, and equally as one who will take on eternal life. With how great forbearance – in your view – did you manage the affront suffered in marriage, who so endured with tranquil soul the cruelty of a tyrant, that after the blows of the executioners and after all manner of tortures you rejoiced in allowing yourself even to be roasted? Oh ornament of all Christian married women (*matronarum*), in what way do you think for love of chastity she boldly scorned what was allowed to her, who so willingly desired for the sake of Christ to bear that which caused suffering? Think in this respect how many wives sprung from a lowly condition scoffed at physical threats and in the face of a raging tyrant, not pale with fear but eager in the Lord, when they saw that you, who are noble and dainty, had constantly scorned all kinds of torments for the defence of honour and faith? Justly Christ took you up into the heavens on the same day on which he himself descended to Earth, and He permitted the feast of your martyrdom to occur on the same day as the nativity of His Incarnation, because you, by suffering martyrdom, offered to many what He offered to all by being born. And just as, having despised majesty, He took on the form of a slave, so that He might assist us all, so you yourself, having despised the glory of nobility took on an ignominy of person, so that you might be imitable by others, and so that you might provide a model of endurance for all Christians, as one who will receive everlasting glory as much because you set an example for other married women as because of your martyrdom

These data are precious: they englobe features of the St Anastasia venerated in Rome before the cult of her relics was established in Constantinople. Here, as in LLA, Anastasia is a Roman matron who was tortured and

eventually “permitted to be roasted (*assari*)” (cf. in LLA: *Anastasia per manus et pedes extensa et ligata ad palos fixos, circa media eius ignis incensus est* “Anastasia, tied by her hands and feet to fixed stakes, had a fire kindled

about her abdomen”⁸⁷) on December 25, on Christmas. Nevertheless, while mentioning her “love of chastity” (*amor pudicitiae*), Arnobius did not mention her permanent virginity. No wonder: unless he considered her a normal married woman, he would never cite her as an example for Gregoria, a Roman Christian matron experiencing difficulties in her marriage. Indeed, Anastasia as the virginal character of LLA would have been an inappropriate example for Arnobius’s purpose. The scholars so far have not been sensitive to this difference between the two Anastasiae, that of Arnobius and that of LLA⁸⁸.

Arnobius refers to a written Anastasia legend, one of the *passiones et gesta* that are testified (*testantur*) by *evidentia... scripta* (“written evidence”). Therefore, the Roman legend, by the time of Arnobius, already existed in a written form. This form, however, was distinct from LLA.

We will see below (sections 5.1.2 and 5.1.3) that the historical Roman Anastasia who gave her name to the martyr was actually a married woman who had at least one son.

4.4. The Passio Caeciliae

The *Passio Caeciliae* (BHL 1495) has some similarities with LLA, especially in the structure of the plot but also in phraseology, and is, according to Lanéry, a work of Arnobius the Younger as well⁸⁹. The relevant places are noticed in the edition by Moretti [66, p. 41, n. 184; p. 104; p. 123; p. 156; p. 169]. They suggest that Arnobius as the hagiographer of St Caecilia was influenced by the Anastasia legend known to him. However, these parallels are not so specific as to allow us to discern between LLA and an earlier Roman text paraphrased in the *Libellus ad Gregoriam*.

I think that, in both cases – those of the *Libellus ad Gregoriam* and the *Passio Caeciliae* – Arnobius kept in mind a Latin legend of Anastasia that more or less coincided with what I have called the Roman core of the Anastasia legend. This legend will be further amplified in Constantinople in 468–470 thus resulting in the Byzantine legend written in Greek, this Greek text will be translated into Latin, and this Latin will be edited in Aquileia for becoming LLA.

4.5. The Commemoration of St Anastasia on September 7

The *Martyrologium Hieronymianum* provides several commemoration dates for St Anastasia. All of them will be discussed in later sections (6 and 7), but now we are interested only in the date of September 7. As we recall, in LLA, this is the date of the deposition of the relics of St Anastasia by Apollonia. This date remains unknown to the Byzantine sources, with the natural exception of BHG 81 (Greek version of LLA) and its paraphrases.

The readings of the *Hieronymianum* for September 7 are confused but needed to be taken into account due to a relatively early date of this martyrologium (compiled in northern Italy in the second quarter of the fifth century, while actually available in a later recension produced in Auxerre, Gaul, about 592)⁹⁰. On September 7, the three main manuscripts (E, B, and W)⁹¹ contradict each other [75, p. 117]:

B: *et passio S̄ci Anastasii*

E: *s̄ci anastasi ep̄i*

W: *et paš s̄ci anastasi cum sociis suis*

Delehayé proposed two alternative reconstructions. Either the martyr Anastasius of Salona is meant, who is actually commemorated on August 26 (in this case, one has to suppose an error: *VII id. sept.* instead of *VII kal. sept.*; moreover, erroneous are the additions *episcopi* in E and *cum sociis suis* in W; this Anastasius was a layman, a merchant, who was martyred alone) or Anastasia whose the day of whose deposition is, according to LLA, September 7 (in this case, the obviously defective reading *Anastasi* of E and W is to be restored to *Anastasiae*, the reading *episcopi* in E is, of course, erroneous, but the reading *cum sociis suis* in W is at place)⁹². The second understanding is certainly preferable as it supposes fewer errors in the manuscripts. The reading of W, in this case, would require only one restoration in the only obviously distorted place (*Anastasi*). This results in the following restored phrase: *et passio sancti Anastasiae cum sociis suis*.

Delehayé was hesitant to accept this reading only because he considered December 25 being the true date of St Anastasia’s martyrdom. I would add that the early mediaeval editors of the *Martyrologium Hieronymianum* shared

Delehaye's opinion and, therefore, tried to avoid the commemoration of St Anastasia with her companions on September 7.

Below (section 6) we will see that the commemoration of St Anastasia on December 25 is related to the role of the *titulus* church of Anastasia in the Roman Christmas stationary liturgy and unrelated to St Anastasia as a martyr. It is hardly probable that this date served as the commemoration day of St Anastasia since the very beginning of the St Anastasia cult in Rome. Therefore, another date of her martyrdom must be sought. The *Martyrologium Hieronymianum*, especially in manuscript W, provides us with exactly what we need, namely, traces of another commemoration day of the saint in the first half of the fifth century. This day is the same as indicated in LLA, with the only difference that LLA, being a later composition, harmonises two commemoration dates allotting to the earlier one the role of the date of deposition.

Let us return to the ending lines of LLA (quoted above, section 2.3.4): ...she [Apollonia] built a basilica where she had buried her. St Anastasia suffered martyrdom on 25 December and was kept in a hidden location. She was subsequently translated to the basilica built in the house of Apollonia on 7 September...

This text is obviously edited even before passing to the hands of the editor who worked in Aquileia trying to eliminate the Roman realities. The previous Roman text was not smooth either. For the author of the original text, there was no need to repeat at the very end of the *Passio* that Apollonia deposed Anastasia in the basilica in Apollonia's house, unless an editor – not the author – wished to add some new data, namely, to establish two separate days for the martyrdom and the deposition of the relics. In my opinion, the original Roman text contained a unique date, September 7, for the martyrdom.

4.6. Preliminary Conclusions: An Outline of the Early Roman Anastasia Legend

The early Roman legend of St Anastasia roughly coincided with the part of LLA now called by the Bollandists *Passio ipsius Anastasiae* (BHL 401), although it contained neither an interconnection with the plot line of Chrysogonus nor mention of Fausta. This early Roman Anastasia

was born to the pagan parents. She was, indeed, a married woman and not a perpetual virgin.

The original commemoration day of this St Anastasia was September 7. The commemoration on December 25 was added – and became the principal date – only in the middle of the fifth century, perhaps during the pontificate of Leo the Great who drastically changed the role of the church of St Anastasia in Rome (see below, section 6). However, when this old Roman legend was imported to Constantinople in 468–470, the main commemoration date of St Anastasia was already December 25.

To be continued...

ACKNOWLEDGEMENTS

The author expresses his gratitude to André Binggeli, Elizabeth Castelli, Megan Dixon, Alexandra Elbakyan, Habib Ibrahim, Kai Juntunen, Maria Lidova, Fiodar Litvinau, Nicolai Markovich, Ugo Mondini, Oscar Santillino, Peter Shuvalov, Alexander Simonov, Pavel Turkin, Antonello Vilella, Andrey Vinogradov, and Nataliya Yanchevskaya.

NOTES

* This work was accomplished with financial support of RFBR grant No. 21-012-41005 “Jerusalem and Understudied Apocrypha in Slavonic Translations: Textology, History, and Doctrines”.

** The beginning see: Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part One. The Oriental Dossier. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 252-289. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.20>

¹ Prologue BHL 400 (*Historiam priorum sanctorum ad aedificationem nostram*), indicated in BHL as that of LLA, although occurs in one of LLA's manuscripts (and, as the epilogue, in another LLA's manuscript), belongs to the *Passio* of Chrysanthus and Daria (BHL 1787); cf. J. Noret [68, pp. 116-117].

² Cf. especially Lanéry [52, pp. 56-58], Lapidge [54, pp. 57-62].

³ As summarised by Michael Lapidge [54], *ad loco*.

⁴ The presence of the Capitol and many other details reveal that the action is replaced from Sirmium to Rome.

⁵ Cf.: “As we have seen (c. 19) Theodota – who was a citizen of Nicaea in Bithynia – apparently had a residence in *Sirmium*, where she was presented to Diocletian, who was in residence there. Are we to understand that Theodota also had a residence in Rome? Or has the author overlooked the fact that Ulpian brought Anastasia back with him from *Sirmium* to Rome? Or is Ulpian’s residence, and the trial of Anastasia, imagined as taking place in *Sirmium*?” (Lapidge [54, p. 82, fn. 97]).

⁶ Lucillius’s name is restored by Moretti [66, p. 172], whereas the manuscripts instead *praefecto Lucillio* have here *praefecto Illyrici* (with a single exception having *praefecto Lucio*). Moretti explains this as an error *mendum e perseveratione*, because previously there was acting as *praefectus Illyrici* Probus in *Sirmium* [66, p. 69]. Lapidge, however, noticed, that this reading affects the geography of the *Passio*: “The emendation [proposed by Moretti and accepted by him. – *B. L.*] has the effect of removing the location of Anastasia’s trial from *Sirmium* in *Illyricum* (where, as we saw in c. 21, the *praefectus Illyrici* was named Probus, not Lucillius), and raises the possibility that, in the author’s conception, Anastasia was tried in Rome by the *urban* prefect Lucillius, who sentenced her to death by drowning (c. 35)” [54, p. 60, n. 29]. I would consider this place as an especially unfortunate attempt to eliminate Rome from the Martyrdom’s geography.

⁷ Lying opposite the Bay of Naples in the Tyrrhenian Sea.

⁸ Delehaye [25, p. 162]: “Cet édifice n’est pas, comme on pourrait le croire, la basilique romaine, le *titulus Anastasiae*, auquel il n’est fait aucune allusion dans notre légende. C’est une église bâtie, au dire de l’hagiographe, près de l’endroit où, d’après le récit, Anastasie a été martyrisée, c’est-à-dire dans l’île Palmaria.”

⁹ For those who analysed LLA as an arbitrary fairy tale without its cult-formative function, the role of Chrysogonus remains unexplainable: cf. Lapidge [54, p. 57, fn. 16]: “It is not clear why the author should have wished to link Anastasia with St Chrysogonus”, with a reference to “the similar doubts raised by Mesnard” [63, p. 36]; the latter monograph has thus far been inaccessible to me.

¹⁰ See, for the details, Lapidge [54, p. 57], with further bibliography.

¹¹ See Part One of the present study, sections 6 and 7, pp. 270-274.

¹² In this respect, especially revealing is the situation of *patricius* Iohannes, Justinian’s representative established in Aquileia: he retained communion with both the Patriarch of Aquileia Paulus and Pope Pelagius I, despite Pelagius’s demands to choose with whom of those two Iohannes would be in communion

(C. Sotinel [81, pp. 104-109]). In general, Claire Sotinel concluded, “[t]he churches separated from Rome [that is, the “tricapitoline” Churches of Aquileia and Milan] flourished under Byzantine rule” [81, p. 107].

¹³ See esp. Sotinel [81]; cf. C. Azzara [8] and R. Bratož ([11, pp. 517-521] and [10]).

¹⁴ It replaced the early twentieth-century scholarly consensus (established by Dufourcq and Delehaye) proposing a late fifth-century or early sixth-century date. Cf. especially A. Dufourcq [34, vols. I and II], *passim*; Delehaye [25, p. 151-171]; Moretti [66, pp. 24-37] (with a detailed bibliography).

¹⁵ See Lapidge [54, p. 62-63]. There are several explanations of the meaning of LLA as a document understandable outside the cult. Thus, Lapidge proposed that LLA would have been an answer to simple curiosity about the origin of two Roman *tituli* (churches of Anastasia and of Chrysogonus) or a reading for Roman aristocratic intellectual women (Lapidge [54, pp. 57, 62-63]). Others classify LLA as “stories women want” (Moretti [66, pp. 37-38]) or even “an economical strike at Manichaeism’s most vulnerable point” [*sc.*, “the Manichaean stress on virginity”] using the potential of “socially and economically powerful” Christian matrons (K. Cooper [18, p. 142]). Such approaches disregard the very nature of the hagiographical legends (the *raison d’être* of which could not be other than (re)shaping a cult) and treat them as an arbitrary mix of history and fairy tales. Despite this methodological flaw, Moretti contributed to our knowledge of the history of the legend of Anastasia more than anybody else, and we will have to return to her study below. Efthymios Rizos is one of the rare scholars who has seen, in LLA, something more appropriate to the purpose and nature of hagiography calling LLA “a hagiographic product resulting from the collation of a series of initially independent texts, probably reflecting some form of linkage among their cults, which currently eludes us” [72, p. 206]. This “form of linkage” as well the linked cults themselves are the object of our present study.

¹⁶ Relevant are the entries dedicated to Chrysogonus on November 24 (J. Dubois, G. Renaud [31, p. 213]) and to Anastasia on December 25 [31, p. 1]. They clearly refer to LLA when connecting Anastasia with Chrysogonus; this fact was noticed already by H. Quentin [71, pp. 58-60], where he discussed as well the entries of Theodota on August 2 [31, p. 142], Agape and Chionia on April 1 [31, p. 57], and Irene on April 5 [31, p. 58]. However, the entries of Chrysogonus and Anastasia (that allude to the *Sondergut* of the Aquileian recension), as well as that of Theodota, belong to the part of the *Martyrologium* preserved in late and highly interpolated manuscripts only; cf. Quentin [71, pp. 18-19, 114-119]; J. Dubois [30, pp. 38-39]. Therefore, one could not be absolutely

certain that these entries in their present form were written by Beda. However, even if they are completely genuine, they are sufficiently late not to affect our dating of the Aquileian recension of LLA.

¹⁷ See her study of the entire dossier in C. Lanéry [50, pp. 388-390, 435-445]. This study of the written documents must be completed with a study of archaeological data (especially the grave discovered in San Canzian d'Isonzo in 1965, which, very plausibly, contained the authentic relics of the two brothers Cantiani and their sister) by Andrea Tilatti [86] (Tilatti, however, does not take into account Lanéry's study of the hagiographical dossier). In turn, I was unable to consult the study by Valeria Mattaloni referred to by Tilatti [59].

¹⁸ C. Lanéry [50, p. 437]: "La Passion I fut donc rédigée entre la fin de l'Antiquité et le IXe siècle (premiers manuscrits de *BHL* 1544, 1545, et 1547)." She demonstrates that recension *BHL* 1545 is the earliest; recension *BHL* 1547, ascribed to Ambrosius of Milan, is Milanese, whereas all other recensions are Aquileian [50, pp. 435-441, 442-444]. This conclusion allows to explain the variability of commemoration dates in the *Martyrologium Hieronymianum*, where the Cantiani are commemorated on May 31 (in some manuscripts May 30) and June 14 (in some manuscripts June 15 or 17). As Victor Saxer noticed, only *BHL* 1547 has June 14, whereas other recension of *Passion I* has May [78, p. 379]. Thus, the date May 31 that was considered as the genuine one by Delehaye must be Aquileian, whereas June 14, must be Milanese.

¹⁹ *Sermo* 15 in the critical edition by Almut Mutzenbecher [61, pp. 57-58]. This sermon was pronounced on the commemoration day of the saints (*Hodie beatissimorum Canti, Cantiani et Cantianillae natalis est*, p. 57), but this date is unknown. Later their commemoration days were May 31 (this date goes back, at least, to their cult in Grado, where, in the second half of the sixth century, their relics were translated) and June 14, 15, and 17 (these dates are connected with commemorations of the Aquileian martyrs Protus and Chrysogonus); cf. Delehaye, Quentin [26, p. 284].

²⁰ Victor Saxer supposed that this sermon is fragmentary, and the final part containing the description of the martyrdom proper and the sepulture is lost [78, p. 377].

²¹ Ed. by L. Bethmann and G. Waitz [96, p. 78]. For the date of Paul's *Historia*, cf. R. McKitterick [62, p. 77].

²² Cf. esp. a detailed study by Emanuela Colombi: [17, pp. 769-775].

²³ Cf. Colombi [17, pp. 767-768].

²⁴ In the actual Aquileian context, this saint was not simply a symbol of the Council of Chalcedon (as she became in the early sixth century already in

Constantinople) but a symbol of the "tricapitoline" defence of the Chalcedon against those who condemned the Three Chapters at the Constantinopolitan Council of 553. Cf. an observation by Giorgia Vocino [91, p. 274, n. 6].

²⁵ *Vita Sancti Martini*, IV, 658-659: *Aut Aquileiensem si fortasse accesseris urbem, / Cantianos Domini nimium venereris amicos* ("Or if you reach the city of Aquileia, / You will venerate very much the Cantiani, Lord's friends"); the latest edition: [90]. For the date of the poem, I follow Michael Roberts [73, p. 199].

²⁶ I believe that this is the main reason why the actual grave of the Cantiani was forgotten. Tilatti [86, pp. 778-779], cautiously supposes that their "old" relics were still venerated at their home in the thirteenth century, because, near their grave in San Canzian d'Isonzo, there was found a coin minted by Arlongo, who was the bishop of Trieste from 1261 to 1281. This coin, however, proves nothing beside the fact that the site itself was not abandoned. Indeed, it has never ceased to be a cultic place related to the Cantiani, as is testified by the village's name and the small church of St Cantianus still standing near the site of the historical grave. The local population, of course, might have been confident for a long time that they had the true relics of the Cantiani. Nevertheless, for the mainstream religious life of Aquileia, the situation must have been different. I would propose, as a *terminus ante quem* for the falling into oblivion of the actual grave of the Cantiani, the sacking of Grado by Patriarch Poppo of Aquileia in 1024 (s. below), but even this date seems too late.

²⁷ Preserved within the *Chronicon Benedictoburanum* composed in this monastery; ed. by W. Wattenbach [84, pp. 225-226]. The story itself is one of those of *furta sacra*, with no special interest for us.

²⁸ See, for the details, Tilatti [86, pp. 779-786]. The relics of the martyr Protus were also discovered, because Protus was made a companion of the Cantiani already in the *Passion I*. Lanéry noticed that Protus arrived there from the *Passio* of Eugenia, where he was the mentor in Christianity of Eugenia, as, in *Passion I*, he became the mentor of the Cantiani (cf. Lanéry [50, pp. 437-438]). It is true for Protus as a character in the plot of *Passion I*, but not for Protus as a saint. He is a historical martyr of Aquileia, probably the companion of Chrysogonus. In 1960, two early fourth-century sarcophagi, one with the name of Protus and another one with the name of Chrysogonus, were found under the small St Cantianus church in San Canziano di Isonza, less than 500 m from the site of the grave of the Cantiani; cf. Cuscito [21].

²⁹ Ed. Wattenbach [85, p. 225]. This fact was first properly noticed by Emanuela Colombi: [17, pp. 783-784].

³⁰ Cf. Delehayé, Quentin [26, pp. 612, 615, 618-619]; cf. G. Cuscito [21, p. 260].

³¹ The Greek version, *BHG* 81, does not contain a mention of “a hidden place” but still preserves the structure with two endings, even though they are no longer contradictory (Halkin [42, p. 131]). The mention of “a hidden place” would have been omitted by either translator or editor of his Latin original.

³² F. Chausson [15, p. 140; 16, p. 127, n. 77]: “*Faustus est le cognomen le plus caractéristique des Anicii des IIIe–IVe siècles.*”

³³ Quoted according to the earliest recension of *Passion 1*, *BHL* 1545 [6, cols. 438-442, quoted col. 438].

³⁴ See *Historia Augusta* in the *Vita* of his father Emperor Carus [80, p. 236]. Cf. Lellia Cracco Ruggini’s study on the possible historical and ideological background of this claim of the author of *Passion 1*: [20, pp. 77-82].

³⁵ See, for an outline of the hagiographical dossier of Cosmas and Damian, M. van Esbroeck [36]. Quite recently, Daniela Motta has examined hagiographical references to Carinus comparing them with those in historiography [67].

³⁶ H. Brandenburg [9, pp. 174-175, esp. p. 175] (“*Resta dubbio se la chiesa sia stata eretta prima o dopo il sacco di Roma di Alarico del 410*”). Cf. M. Cecchelli [14, pp. 232-238].

³⁷ Although the most widespread scholarly viewpoint consists in discerning between the homonymous martyr of Aquileia and founder of the Roman *titulus*, who could have been not a martyr and even not a saint; cf. Cuscito [21] (with further bibliography).

³⁸ S. Diefenbach [28, S. 361, 368-369, 371-372]. Of course, Diefenbach’s hypothesis that both cults of Chrysogonus and Anastasia were brought to Rome by *Anicii*, and both these saints were, in Rome, venerated together on the ground that they belonged to a group of Illyrian saints (see esp. [28, S. 353, 373-376]) seems to me unacceptable. Any guesses about pre-sixth-century connexions between the two cults are without any support in the sources. Nevertheless, I agree with Diefenbach’s intuition that the cult of Anastasia became connected to *Anicii*. However, I attribute this connexion to the Aquileian editorial layer of LLA; cf. below.

³⁹ Expression by Alan Cameron [12, p. 167].

⁴⁰ See Cameron [12].

⁴¹ On Demetrias and her pious Christian female relatives, see: M. Gonsette [38]; A. S. Jacobs [44]; P. Laurence [55]; Anne N. Kurdock’s unpublished thesis [48], which is mostly but not completely included in her article [49].

⁴² Diefenbach [28, S. 374] interpreted as an additional connection with the Anicians an inscription

ICUR I, 19 (*CIL* VI, 1712), now lost but described in the 17th century as placed on a marble column near the main altar of the *titulus Anastasia* church in Rome: *Clodius Adelfius v<ir> c<larissimus> ex praefectis urbis uxori incomparabili et sibi fecit* (“Clodius Adelfius [85, pp. 192-193], the very famous man [*i.e.*, senator], the former urban prefect [*praefectus urbi* in 351] made to his incomparable spouse and himself”). His spouse was the famous Roman poetess Proba who belonged to the clan of the Anicians; see, for the details: J.F. Matthews [60]. Diefenbach, following Rita Lizza Testa, noticed that the inscription is, by its wording, funerary, and, therefore, the column was made with no relation to any church; its use in the Anastasia church was certainly secondary. Nevertheless, Diefenbach writes: “Vielmehr dokumentiert die Inschrift – ebenso wie beim *titulus Chrysogoni* – auch beim *titulus Anastasiae* die Verbindung der *gens Anicia* zu einer außerrömischen Heiligen und der Etablierung ihres Kult in Rom” [28, S. 374-375]. This conclusion would be correct under the (absurd) supposition that later Anicians donated to the church a column from a destroyed grave of their ancestors. Recently Hendrik A. Wagner has supported Diefenbach’s supposition about the possible involvement of the Anicians in establishing the *titulus Chrysogoni*, whereas he remained silent about the *titulus Anastasiae* and the cult of Anastasia in general; cf. H. A. Wagner [95, S. 383-390, esp. S. 386].

⁴³ Let us recall that this panegyric in its second part, from ch. 11 (Kotter [46, S. 293]), is a recension of the Martyrdom of Anastasia and Theodota, slightly paraphrased; its first ten chapters are highly rhetorical but, nevertheless, not completely void of any biographical information.

⁴⁴ Delehayé [23, p. 255]: only a notice: *Καὶ ἄθλιος τοῦ ἁγίου μάρτυρος Χρυσσογόνου* (“And the contest of the holy martyr Chrysogonus”). This commemoration is not retained in the Georgian translation, but, nevertheless, Chrysogonus is mentioned in the long entry of St Anastasia on December 22 [98, p. 104].

⁴⁵ [97, vol. 11, pp. 296-297]. The Armenian notice (repeated, beside the earliest translation, in two other recensions of the Armenian Synaxarium) contains an attempt of clarifying who this Chrysogonus was: *Եւ մեծ վկային Կրիզիկաւն ի Հռոմ և բազում աշակերտաց նորա, սա Խռնուսուզէնու կոչի* “And (the commemoration) of the great martyr Krizikawn/Krizikōn in Rome and many disciples of him, who are called Chrysogenos/Χρυσόγενος/“Golden Family”. The translator distinguished between “Krizikon” and Chrysogonus; the name of the latter is rendered almost exactly as *Խռնուսուզէնու* (*Xrusugenos*), but it is understood literally as “Golden Family”, thus evoking, as a folk etymology, the creation of imaginary disciples of Chrysogonus, who were allegedly martyred

with him; Aquileia as the martyrdom place remained unknown. The Armenian translator apparently tried to harmonise what he knew about “Krizikon” and what he read in the Greek Synaxarium about Chrysogonus. In the rather long epitome of the legend of Anastasia on December 22, the Armenian mentions Anastasia’s teacher as Ἰννικουγιάννου “Chrysogonos” [97, vol. 12, p. 268], with a perfect spelling; the translator did not recognise in him the saint commemorated on November 24.

⁴⁶ L. Rydén [76, p. 20/21 (txt/tr.): ...καὶ ἰδοῦ πρεσβύτης τις δόξη πολλῇ κλειζόμενης καὶ μετ’ αὐτοῦ γυναῖκες πέντε ὀφθαλμοφανῶς τοῖς ἐκεῖσε ἐπέστησαν... (“...and behold, and old man vested in great glory accompanied by five women appeared there in full sight...”). Then, the elder is called ὀγέρων “elder”.

⁴⁷ V.B. Krys’ko [2, p. 512] (for the Greek and the Slavonic). *Vat. gr.* 2046 is a recension especially close to the lost Greek original of the Slavonic translation; the Slavonic translation was made in Bulgaria in the eleventh century.

⁴⁸ Cf. [23, pp. 333-334] and [97, vol. 12, p. 268] and [98, p. 104].

⁴⁹ For Lanéry, however, Eutychianus is a layman [52, p. 58] – perhaps, because he has never been called priest or bishop explicitly.

⁵⁰ Ed. Moretti [66, p. 182], tr. Lapidge [54, p. 86].

⁵¹ Cf. Sotinel [82].

⁵² Th. Mommsen [64, p. 38], cf. Duchesne [32, p. 159], both in the apparatus criticus.

⁵³ See the latest edition, with the bibliography, in D. Trout [88, pp. 122-124, cf. 18-19]; cf. also [87]. For the date, see C. Carletti [13, p. 53].

⁵⁴ Ed. de Rossi and Duchesne [75, p. 85]. Delehaye considered and rejected a possibility of identity of this Eutyches with Eutychius from the *Acta S. Secundi* (*BHL* 7558) [27, p. 48].

⁵⁵ See, for the details, Carletti [13], where are summarised recent data from the excavations in the peripheral area of the cemetery of St Sebastian called *ex Vigna Chiaraviglio*.

⁵⁶ See, for the details, Carletti [13].

⁵⁷ See Delehaye’s commentary in [26, p. 348]: *Aegre probanda coniectura, quia illius depositio incidit in diem 8 decembris*.

⁵⁸ Cf. Carletti [13, p. 57]; in 1563, the marble plate was translated from the underground crypt to the overground basilica of St Sebastian. Obviously, by this time, the relics of the martyr had been considered lost.

⁵⁹ Ed. Moretti [66, p. 184]; tr.: Lapidge [54, p. 87].

⁶⁰ Ed. Duchesne [32, p. 159], ed. Mommsen [64, p. 38]; English tr. R. Davis [22, p. 11].

⁶¹ Namely, in the text having two titles (of whom only the second covers its contents): *De locis sanctis martyrum quae sunt foris civitatis Romae. Ecclesiae quae intus Romae habentur*. It is presently dated to the decade between 635 and 645 (by Lapidge [54, p. 662]). The relevant text is (within a relatively long list of the relics in the basilica): *et in una sepultura sub altare maiore ccclxu*. [ms B: *ccclxii*] “and in a unique grave under the major altar, 365 [362]” (*sc.*, martyrs) (ed. by F. Glorie [43, p. 320]).

⁶² Duchesne [32, p. 159, n. 2], with a reference to the edition by de Rossi [74, pp. 176-177].

⁶³ In the anonymous itinerary *Notitia portarum, viarum, ecclesiarum circa urbem Romam* included in *liber* IV, capp. 351 and 352 of the *Gesta regum Anglorum* by William of Malmesbury (three editions: 1120, 1128, 1140) at the Cucumber Hill are enumerated, among others, *in uno sepulchro decenti sexaginta* [thus manuscripts of families B and C; family A *quadraginta*], *et in altero triginta* “in one tomb, two hundred sixty [forty] and in another, thirty (martyrs)” (R. Valentini, G. Zucchetti [89, p. 143]; reprinted by F. Glorie [43, p. 325]; cf. translation, but without variant readings in (Lapidge [54, p. 665]). For the date of this itinerary, between 648 and 682, see Valentini, Zucchetti [89, pp. 134-135], where is approved the dating by di Rossi [75, p. 146]. The variant reading “240” with the next number 30 result in number 270 of two groups of anonymous martyrs. In LLA, there are also two groups, but 200 (men) and 70 (women). Two groups *ad clivum Cucumeris* are mentioned in the *Passio recentior* of Polychronius and those with him *BHL* 6884 (late 5th or early 6th century according to Delehaye [24, p. 71] or shortly after the aftermath of the “Laurentian schism”, 506–514, according to Lapidge [54, pp. 324-325], ch. 35, but there the distribution is 46 + 120; text in Delehaye [24, p. 98], tr. Lapidge [54, p. 347]). In the *Passio* of Marius and Martha *BHL* 5543 (chs 2–3 acc. to Lapidge’s numeration), a unique group of 260 [*variant reading* 262] martyrs has been buried *ad clivum Cucumeris* (I. Bollandus, G. Henschenius [4, p. 216]), commented tr. In Lapidge [54, pp. 426-427, cf. 422-423]. The number 260 coincides with the number of the martyrs in one group reported by the *Notitia portarum* according to the majority of manuscripts, whereas the number 240 could be easily derived from it due to a scribal error (CCXL *pro* CCLX). Nevertheless, there is a solid argumentation in favour of the reading “262” (and not “260”) as genuine for *BHL* 5543: Lanzoni [53, pp. 510-512], supported by Delehaye, Quentin [26, p. 571]. Cf. also, on these numbers, L. Spera [83]. For the Cucumber Hill and its catacombs, so far unidentified, see bibliography in Lapidge [54, p. 347, fn. 115].

⁶⁴ Moretti [66, p. 180]: *Impositis ergo ad centum viginti* [some manuscripts add *ferme* “nearly”]

hominibus reis in navi...; tr. Lapidge [54, p. 86] follows the critical edition: “With nearly one hundred and twenty guilty persons placed in the ship...”.

⁶⁵ Cf. Delehaye, Quentin [26, p. 571], Delehaye [24, p. 69], and Spera [83, p. 372].

⁶⁶ See, for the whole dossier of the collective graves of the Roman martyrs, mostly anonymous, Lanzoni [53, pp. 510-512], Delehaye, Quentin [26, p. 571], and Spera [83].

⁶⁷ Mateos [58, p. 140] = Dmitrievskiy [1, p. 32] = Delehaye [23, p. 328] in all recensions including H*, but, in some manuscripts, these saints are mentioned on December 18 [23, pp. 321, 325].

⁶⁸ Ed. Delehaye [23, pp. 202-204, cf. 199]; commemorated already in Mateos [58, p. 94] = Dmitrievskiy [1, p. 21]. Their full *Passio* is lost.

⁶⁹ Edition by G. Henschenius, D. Papebrochius [5, cols. 6-13]; commented tr.: Lapidge [54, pp. 201-227]; cf. also a commentary by Lanéry [52, pp. 113-125].

⁷⁰ Edition by H. Achelis [3].

⁷¹ As has been established by F. Schaefer, whose study of the text is still indispensable [79].

⁷² On her, see especially P. Pergola [70]. For their avatars in the Byzantine monothelete hagiography related to Rome, see B. Lourié [57].

⁷³ Hieronymus, *Epistula CVIII*, 7; I. Hilberg [77, p. 312]; written in 404.

⁷⁴ Lanéry [52, pp. 123-125], Lapidge [54, p. 210]; not all their arguments for a pre-sixth-century date are equally convincing.

⁷⁵ The difference is explained as a scribal error (confusion between XVI and XVIII) in Delehaye, Quentin [26, p. 465].

⁷⁶ Text and translation from Trout [88, pp. 122-123].

⁷⁷ See already de Waal [94, p. 270]; for a larger context, see M. Ghilardi [37].

⁷⁸ Ed. Henschenius, Papebrochius [5, p. 11]; tr. Lapidge [54, p. 221].

⁷⁹ Ed. Henschenius, Papebrochius [5, p. 11]; tr. Lapidge [54, p. 221].

⁸⁰ The grave of Eutyches was at the 16th or 18th mile from Rome on the Via Nomentana (see above), that of Victorinus, at the 60th mile of the Via Salaria, and that of Maro, at the 130th mile of the Via Salaria.

⁸¹ B. de Graiffier [39]; cf. also B. de Graiffier [40; 41].

⁸² Enumerated in Lanéry [52, pp. 55-56], who considers them as referring to LLA.

⁸³ Cf. criticisms Dunn [35] answered by de Vogüé [93].

⁸⁴ Cf. de Vogüé [92, pp. 216-217]. According to de Vogüé [92, p. 217], “*Scriptura* ne fait pas plus allusion que *libri* au caractère ‘scripturaire’ de l’œuvre”. I would rather say that the author of the *Regula* shared the common understanding of the

Byzantine Commonwealth that the biblical canons are not exhaustive lists of inspired writings.

⁸⁵ C. Lanéry [51]. The dissenting view was expressed by Kate Cooper, who placed this work into “the period between Valentinian III (425–455) and Theoderic the Great (493–526), and probably in the reign of Theoderic” [19, p. 44-45 *et passim*]. She promised, in 2007 (before the publication of Lanéry’s article), to publish an elaborated study with substantiation of this view, but has never published it.

⁸⁶ Ed. K.-D. Daur [7, pp. 198-199]; translation: Cooper [19, pp. 246-247].

⁸⁷ Text: Moretti [66, p. 184]; tr.: Lapidge [54, p. 87].

⁸⁸ Including Moretti [66, pp. 25-26] and Lanéry [52, p. 55]. Moretti goes so far as writes: “...il passo relative ad Anastasia sembra tradire la conoscenza non solo della sua storia ma anche del testo della PA [*Passio Anastasiae*]” [66, p. 25]. However, she substantiates this claim with parallels in content but not in wording.

⁸⁹ Lanéry [51]. This attribution is supported by Lapidge [54, pp. 139-143].

⁹⁰ The present consensus concerning the *Martyrologium Hieronymianum* (erroneously attributed to Jerome in some Latin manuscripts) goes back to the seminal article by Louis Duchesne [33]; cf. H. Leclercq [56, cols. 2530-2563] (for a detailed exposition of the studies by Giovanni Battista de Rossi and Louis Duchesne which are definitive for our knowledge of the *Hieronymianum* until presently) and the studies by Hippolyte Delehaye (especially his and H. Quentin’s *Commentarius perpetuus* [26]) referred to below.

⁹¹ E = Echternach, 8th cent.; B = Bern, 9th cent.; W = Wolfenbüttel, 9th cent. The texts of these manuscripts are separately published in the edition by J.B. de Rossi and L. Duchesne (with variant readings of later manuscripts) [75, pp. II-LXXXII, 1-195]; on this edition is based H. Quentin’s reconstruction of the original text published with a commentary by H. Delehaye [26], which, however, should be consulted together with the edition of “raw material”.

⁹² Ed. Delehaye, Quentin [26, p. 492-493].

ABBREVIATIONS

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.

ICUR – Inscriptiones Christianae Urbis Romae.

REFERENCES

1. Dmitrievskiy A. *Opisanie liturgicheskikh rukopisey, khranyashchikhsya v bibliotekakh pravoslavnogo Vostoka. Tom 1. Tipiká. Chast 1. Pamyatniki patriarshikh ustavov i ktitorskie monastyrskie Tipikony* [Description of the Liturgical

Manuscripts Preserved in the Library of the Orthodox East. Vol. 1. Typika. Part 1. Monuments of Patriarchs' Institutions and Ktetors' Monasterian Typika]. Kyiv, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo, 1895. CXLVII, 912, XXV p.

2. Krysko V.B. et al., ed. *Slavyano-russkiy prolog po drevneyshim spiskam. Sinaksar (zhitiynaya chast Prologa kratkoy redaktsii)* [The Russian Slavonic Prologos According to the Earliest Manuscripts. Synaxarium (Hagiographical Part of the Short Recension of the Prologos)]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Izdatelskiy tsentr "Azbukovnik", 2010. LXXIX, 824 p.

3. Achelis H. *Acta SS. Nerei et Achillei*. Leipzig, J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1893. [4], 70 S. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; Bd. 11.2).

4. Bollandus I., Henschenius G., eds. *Acta Sanctorum Ianuarii*. T. II. Antverpiae, Ioannes Meursius, 1643. [26], 1160, [75] p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Ianuarii II*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 1999.

5. Henschenius G., Papebrochius D., eds. *Acta Sanctorum. Maii*. T. III. Antverpiae, Michael Cnobarus, 1680, [7], lxxii, [10], 684, 73*, [19] p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database. Maii III*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2000.

6. Appendix ad Opera Sancti Germanii Parisiensis. Migne J.-P., ed. *Pelagii II, Joannis III, Benedicti I summorum pontificum opera omnia*. Parisiis, J.-P. Migne, 1849, cols. 100–628. (Patrologiae cursus completus. Series latina; vol. 72).

7. Daur K.-D., ed. *Arnobii Iunioris Opera omnia. Pars II. Opera minora*. Turnhout, Brepols, 1992. 352 p. (Corpus Christianorum. Series latina; vol. 25A).

8. Azzara C. Il regno longobardo in Italia i Tre Capitoli. Chazelle C., Cubitt C., eds. *The Crisis of the Oikoumene: The Three Chapters and the Failed Quest for Unity in the Sixth-Century Mediterranean*. Turnhout, Brepols, 2007, pp. 209-222. (Studies in the Early Middle Ages; vol. 14).

9. Brandenburg H. *Le prime chiese di Roma. IV–VII secolo*. Milano, Jaca Book, 2021. 367 p.

10. Bratož R. Die Geschichte des frühen Christentums im Gebiet zwischen Sirmium und Aquileia im Licht der neueren Forschungen. *Klio*, 1990, vol. 72, pp. 508-550.

11. Bratož R. Aquileia tra Teodosio e i Longobardi (379–568). Cuscito G., ed. *Aquileia dalle origini alla costituzione del Ducato Longobardo. Storia – amministrazione – società*. Trieste, Editreg, 2003, pp. 477-527. (Antichità altoadriatiche; vol. 54).

12. Cameron A. Anician Myths. *The Journal of Roman Studies*, 2012, vol. 102, pp. 133-171.

13. Carletti C. "Domine Eutychi". Un culto ritrovato nell'area cimiteriale di S. Sebastiano a Roma. *Vetera Christianorum*, 2002, vol. 39, pp. 35-60.

14. Cecchelli M. Dati da scavi recenti di monumenti cristiani. Sintesi relativa a diverse indagini in corso. *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Âge*, 1999, vol. 111, pp. 227-251.

15. Chausson F. Une sœur de Constantin: Anastasia. Carrié J.-M., Lizzi Testa R., eds. *Humana sapit. Études d'Antiquité tardive offertes à Lellia Cracco Ruggini*. Turnhout, Brepols, 2002, pp. 131-155. (Bibliothèque de l'Antiquité tardive; vol. 3).

16. Chausson F. *Stemmata aurea. Constantin, Justine, Théodose. Revendications généalogiques et idéologie impériale au IV s. ap. J.C.* Roma, L'Erma di Bretschneider, 2007. 304 p. (Centro ricerche e documentazione sull'antichità classica. Monografie; vol. 26).

17. Colombi E. Storie di cronache e reliquie: la nascita del patriarcato di Grado nelle prime cronache veneziane. *Cristianesimo nella storia*, 2010, vol. 31, pp. 761-807.

18. Cooper K. *The Virgin and the Bride: Idealized Womanhood in Late Antiquity*. Cambridge, MA; London, 1996. XII, 180 p.

19. Cooper K. *The Fall of the Roman Household*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. XVI, 319 p.

20. Cracco Ruggini L. Gli Anicii a Roma e in Provincia, *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Âge, Temps modernes*, 1988, vol. 100, pp. 69-85.

21. Cuscito G. Il culto di S. Crisogono fra Aquileia e Roma. *Antichità Altoadriatiche*, 1987, vol. 30, pp. 255-274.

22. Davis R. *The Book of Pontiffs (Liber Pontificalis). The Ancient Biographies of First Ninety Roman Bishops to AD 715*. Liverpool, Liverpool University Press, 1989. LIX, 139 p. (Translated Texts for Historians; vol. 6). (Repr.: 2010).

23. Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, e codice Sirmondiano, nunc Berolinensi, adiectis synaxariis selectis. *Acta Sanctorum, Propylaeum Novembris*. Bruxellis, Socii Bollandiani, 1902, [3], LXXVI, 1181 p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Nov. Propylaeum*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.

24. Delehaye H. Recherches sur le légendier romain: la Passion de S. Polychronius. *Analecta Bollandiana*, 1933, vol. 51, pp. 34-98 [unsigned].

25. Delehaye H. *Étude sur le légendier romain: les Saints de novembre et de décembre*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1936. 273 p. (Subsidia hagiographica; vol. 23).

26. Delehaye H., Quentin H. Commentarius Perpetuus in Martyrologium Hieronymianum. *Acta Sanctorum, Novembris*. T. II, Pars posterior. Bruxellis, Société des Bollandistes, 1931, [3], IX–XXIII, 721 p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text*

Database. Nov. II. Pars II. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.

27. Delehaye H. et al. *Martyrologium Romanus ad formam editionis typicae scholiis historicis instructum. Acta Sanctorum. Propylaeum Decembris*. Bruxellis, Société des Bollandistes, 1940, [XXIII], 660 p; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Dec. Propylaeum*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.

28. Diefenbach S. *Römische Erinnerungsräume. Heiligenmemoria und kollektive Identitäten im Rom des 3. bis 5. Jahrhunderts n. Chr.* Berlin, New York, W. de Gruyter, 2007. XI, 635 S. (Millennium Studies; vol. 11).

29. Dolbeau F. Les prologues de légendiers latins. Hamesse J., ed. *Les prologues médiévaux. Actes du Colloque international organisé par l'Academia Belgica et l'Ecole française de Rome avec le concours de la F.I.D.E.M. (Rome, 26-28 mars 1998)*. Turnhout, Brepols, 2000, pp. 345-393. (FIDEM, Textes et études du Moyen Âge; vol. 15).

30. Dubois J. *Les martyrologes du Moyen Âge latin*. Brepols, Turnhout, 1978. 88 p. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; fasc. 26).

31. Dubois J., Renaud G. *Édition pratique des martyrologes de Bede, de l'Anonyme Lyonnais et de Florus*. Paris, Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1976. VII, 307 p. (Institut de recherche et d'histoire des textes. Bibliographies – Colloques – Travaux préparatoires).

32. Duchesne L. *Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire*. T. I. Paris, E. Thorin, 1886. CCLXII, [2], 536 p. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 2e série).

33. Duchesne L. À propos du Martyrologe Hiéronymien. *Analecta Bollandiana*, 1898, vol. 17, pp. 421-427.

34. Dufourcq A. *Études sur les "Gesta Martyrum" romains*. In 4 vols. Vol. I. Paris, A. Fontemoing, 1900. VIII, 441 p.; Vol. II. 1907. XI, 302 p. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; vol. 83/1-4).

35. Dunn M. Mastering Benedict: Monastic Rules and Their Authors in the Early Mediaeval World. *The English Historical Review*, 1990, vol. 105, pp. 567-594.

36. Esbroeck M. van. Cosmas and Damian, Saints. Atiya A.S., ed. *The Coptic Encyclopedia*. In 8 vols. Vol. 2. New York; Toronto, Macmillan, 1991, pp. 638-640.

37. Ghilardi M. Alla chiavica le carogne! Martiri e cloache. Bianchi E., ed. *La Cloaca maxime i sistemi fognari di Roma dall'antichità ad oggi*. Roma, Palombi, 2014, pp. 191-199, 249-262.

38. Gonsette M. Les directeurs spirituels de Démétriadé. Épisode de la lutte anti-pélagienne. *Nouvelle revue théologique*, 1938, vol. 60, pp. 783-801.

39. Graiffier B. de. Un prologue hagiographique hostile au décret de Gélase? *Analecta Bollandiana*, 1964, vol. 82, pp. 341-353.

40. Graiffier B. de. Un prologue "passe-partout". *Analecta Bollandiana*, 1972, vol. 90, p. 118.

41. Graiffier B. de. Nouveau témoin d'un prologue "passe-partout". *Analecta Bollandiana*, 1974, vol. 92, p. 352.

42. Halkin F. *Légendes grecques de "Martyres romaines"*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1973. 240 p. (Subsidia hagiographica; vol. 55).

43. Glorie F., ed. *Itineraria et alia geographica*. Turnhout, Brepols, 1965. XIII, [5], 495 p. (Corpus Christianorum. Series Latina; vol. 175).

44. Jacobs A.S. Writing Demetrias: Ascetic Logic in Ancient Christianity. *Church History*, 2000, vol. 69, pp. 719-748.

45. Kirsch J.P. *Der stadtrömische christliche Festkalender im Altertum. Textkritische Untersuchungen zu den römischen "Depositiones" und dem Martyrologium Hieronymianum*. Münster in Westf., Aschendorff, 1924. 256 S. (Liturgiegeschichtliche Quellen; vol. 7/8).

46. Kotter B. *Die Schriften des Johannes von Damaskos. V. Opera homiletica et hagiographica*. Berlin – New York, W. de Gruyter, 1988. XX, 607 S. (Patristische Texte und Studien; Bd. 29).

47. Kunzler M. *La liturgia della Chiesa*. Seconda edizione ampliata. Milano, Jaca Book, 2003. 621 p. (Amateca. Manuali di teologia cattolica; vol. 10).

48. Kurdock A.N. *The Anician Women: Patronage and Dynastic Strategy in a Late Roman Domus, 350 CE – 600 CE*. Ph.D. Thesis. Manchester, University of Manchester, 2003. 254 p.

49. Kurdock A.N. Demetrias Ancilla Dei: Anicia Demetrias and the problem of the missing patron. Cooper K., Hillner J., eds. *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300–900*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 190-224.

50. Lanéry C. *Ambroise de Milan hagiographe*. Paris, Institut d'Études Augustiniennes, 2008. 621 p. (Collection des Études Augustiniennes. Série Antiquité; vol. 183).

51. Lanéry C. Nouvelle recherches d'hagiographie arnobienne: la Passion de Cécile (BHL 1495). Goulet M., ed. *Parva pro magnis munera. Études de littérature tardo-antique et médiévale offertes à François Dolbeau par ses élèves*. Turnhout, Brepols, 2009, pp. 553-559. (Instrumenta patristica et mediaevalia; vol. 51).

52. Lanéry C. Hagiographie d'Italie (300–550). I. Les Passions latines composées en Italie. Philippart G., ed. *Hagiographies. Histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire en Occident des origines à 1550*. Vol. 5. Turnhout, Brepols, 2010, pp. 15-369. (Corpus Christianorum).

53. Lanzoni F. *Le diocesi d'Italia dalle origini al principio del secolo VII (an. 604). Studio critico*. Vol. 1. Faenza, F. Lega, 1927. XV, 1122 p. (Studi e testi; vol. 35).

54. Lapidge M. *The Roman Martyrs. Introduction, Translation, and Commentary*. Oxford, Oxford University Press, 2018. XVII, 733 p. (Oxford Early Christian Studies).

55. Laurence P. Proba, Juliana et Démétrias. Le christianisme des femmes de la gens Anicia dans la première moitié du Ve siècle. *Revue des Études Augustiniennes*, 2002, vol. 48, pp. 131-163.

56. Leclercq H. Martyrologe. Leclercq H., Cabrol F., eds. *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. T. 10. Partie 2. Paris, Letouzey et Ané, 1932, cols. 2523-2619.

57. Lourié B. A Monothelete Syriac Compilation of Pseudo-Apostolic Acts Preserved in Slavonic Only and the Entrance of Constans II into Rome in 663. Cioată M., Miltenova A., and Timotin E., eds. *Biblical Apocrypha in South-Eastern Europe and Related Areas. Proceedings of the session organised in the framework of the 12th International Congress of South-East European Studies (Bucharest, 2-6 September 2019)*. Brăila, Istros, 2021, pp. 125-217. (Bibliothèque de l'Institut d'Études Sud-Est Européennes; vol. 16).

58. Mateos J. *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Saint-Croix n° 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes*. T. I. *Le cycle des douze mois*. Roma, PIO, 1962. XXVI, 389 p. (Orientalia Christiana Analecta; vol. 165).

59. Mattaloni V. *Passio Cantianorum*. E. Colombi, ed. *Le passioni dei martiri aquileiesi e istriani*. Vol. 2. Roma, Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 2013, pp. 135-254.

60. Matthews J.F. The Poetess Proba and Fourth-Century Rome: Questions of Interpretation. Christol M. et al., eds. *Institutions, société et vie politique dans l'Empire romain au IVe siècle ap. J.-C. Actes de la table ronde autour de l'oeuvre d'André Chastagnol (Paris, 20-21 janvier 1989)*. Rome, École Française de Rome, 1992, pp. 277-304. (Publications de l'École française de Rome; vol. 159).

61. Mutzenbecher A., ed. *Maximi episcopi Tauriensis. Collectionem sermonum antiquam nonnullis sermonibus extravagantibus adiectis*. Turnhout, Brepols, 1962. LXXVIII, 514 p. (Corpus Christianorum. Series latina; vol. 23).

62. McKitterick R. *History and Memory in the Carolingian World*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, XVI, 337 p.

63. Mesnard M. *La basilique de Saint Chrysogone à Rome*. Roma, Pontificio Istituto di archeologia cristiana; Paris, Les Belles Lettres, 1935. 169 p. (Studi di antichità Cristiana; vol. 9).

64. Mommsen Th. *Libri Pontificalis pars prior*. Berolini, Weidmann, 1898. CXL, 295 p., IV tab. (Monumentae Germaniae Historica. Gestorum Pontificum Romanorum; vol. I).

65. Monticolo G. *Cronache veneziane antichissime*. Vol. I. Roma, Istituto storico italiano, 1890. XL, 224 p. (Fonti per la storia d'Italia. Scrittori. Secoli X-XI).

66. Moretti P.F. *La Passio Anastasiae: Introduzione, testo critico, traduzione*. Roma, Herder, 2006. 238 p. (Studi e Testi TardoAntichi; vol. 3).

67. Motta D. Carino: homo omnium contaminatissimus o bene agens erga christianos? *Histos*, 2021, vol. 15, pp. 22-51.

68. Noret J. La Passion de Chrysanthe et Darie. A-t-elle été rédigée en grec ou en latin? *Analecta Bollandiana*, 1972, vol. 90, pp. 109-117.

69. Pastorello E. *Andreae Danduli, ducis Venetiarum, Chronica per extensum descripta: aa. 46-1280 d. C.* Bologna, N. Zanichelli, 1942. 405 p. (Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L.A. Muratori. Nova edizione; t. XII, parte I).

70. Pergola P. La condamnation des Flaviens 'chrétiens' sous Domitien: persécution religieuse ou répression à caractère politique? *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*, 1978, vol. 90, pp. 407-423.

71. Quentin H. *Martyrologes historiques du Moyen Âge. Étude sur la formation du Martyrologe romain*. Paris, J. Gabalda, 1908. XIV, 745 p.

72. Rizos E. Martyrs from North-Western Balkans in the Byzantine Ecclesiastical Tradition: Patterns and Mechanisms of Cult Transfer. Bugarski I., Heinrich-Tamáška O., eds. *Grenz Übergänge: Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum, Ruma, 4.-7.11.2015*. Remshalden, BAG Verlag, 2016, S. 195-214. (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter; Bd. 4).

73. Roberts M. *The Humblest Sparrow: The Poetry of Venantius Fortunatus*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 2009. 364 p.

74. Rossi G. B. de. *La Roma sotteranea cristiana*. T. I. Roma, Cromo-litografia pontificia, 1864. [6], 352, 86 p.

75. Rossi G.B. de, Duchesne L. Martyrologium Hieronymianum. Smedt C. de et al., eds. *Acta Sanctorum Novembris*. T. II, Pars prior. Bruxellis, Socii Bollandiani, 1894, pp. II-LXXXII, 1-195; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database*. Nov. II. Pars I. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.

76. Rydén L. *The Life of Andrew the Fool*. In 2 vols. Vol. 2. Uppsala, Uppsala University, 1995. 437 p. (Studia Byzantina Upsaliensia; vol. 4:2).

77. Hilberg I., ed. *Sancti Eusebii Hieronymi Epistulae. Pars II: Epistulae LXXI–CXX*. Vindobonae, F. Tempsky; Lipsiae, G. Freytag, 1912. 515 p. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; vol. 55).

78. Saxer V. L'hagiographie ancienne d'Aquilée. À propos d'un livre récent. *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Âge, Temps modernes*, 1980, vol. 92, pp. 373-392.

79. Schaefer F. Die Acten der Heiligen Nereus und Achilleus. Untersuchung über den Originaltext und die Zeit seiner Entstehung. *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte*, 1894, Bd. 8, S. 89-119.

80. Hohl E., Samberger Ch., Seyfarth W., ed. *Scriptores Historiae Augustae*. In 2 vols. Vol. II. Leipzig, Teubner, 1965. 308 p. (Bibliotheca scriptorium graecorum et romanorum Teubneriana).

81. Sotinel C. The Three Chapters and the Transformations of Italy. Chazelle C., Cubitt C., eds. *The Crisis of the Oikoumene: The Three Chapters and the Failed Quest for Unity in the Sixth-Century Mediterranean*. Turnhout, Brepols, 2007, pp. 84-120. (Studies in the Early Middle Ages; vol. 14).

82. Sotinel C. Mémoire perdue ou mémoire manipulé: le Liber Pontificalis et la controverse des Trois Chapitres. Sartre M., Sotinel C., dir. *L'usage du passé entre l'antiquité tardive et Haut Moyen Âge. Hommage à Brigitte Beaujard*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2008, pp. 59-76. (Histoire).

83. Spera L. Il santuario degli LXXX / DCCC martyres nell'Area I Callistiana. L'apporto di Joseph Wilpert al repertorio dei "culti cumulativi" nella Roma sotterranea. Heid S., ed. *Giuseppe Wilpert archeologo cristiano. Atti del Convegno (Roma – 16–19 maggio 2007)*. Città del Vaticano, Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 2009, pp. 361-388. (Sussidi allo studio delle antichità cristiane; vol. 22).

84. Wattenbach W., ed. The Chronicon Benedictoburanum. Pertz G.H. *Chronica et annales aevi Salici*. Hannover, Hahn, 1851, pp. 224-229. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores; vol. 9).

85. Martindale J.R. et al. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1971. XXII, 1152 p.

86. Tilatti A. Le ossa dei santi Canziani. *Cristianesimo nella storia*, 2014, vol. 35, pp. 765-786.

87. Trout D. From the Elogia of Damasus to the Acta of the Gesta Martyrum: Re-staging Roman History. Alroth B., Scheffer Ch., eds. *Attitudes towards the Past in Antiquity. Creating Identities. Proceedings*

of an International Conference held at Stockholm University, 15–17 May 2009. Stockholm, Stockholm University, 2014, pp. 312-320. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Classical Archaeology; vol. 14).

88. Trout D. *Damasus of Rome: The Epigraphic Poetry: Introduction, Texts, Translations, and Commentary*. Oxford, Oxford University Press, 2015. XXII, 207 p. (Oxford Early Christian Texts).

89. Valentini R., Zucchetti G. *Codice topografico della Città di Roma*. Vol. 2. Roma, Istituto storico italiano, 1942. XI, 397 p. (Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano per il Medio Evo; vol. 88).

90. Quesnel S., ed. *Venance Fortunat. Œuvres. T. IV, Vie de saint Martin*. Paris, Les Belles-Lettres, 1996. XCV, 196 p. (Avec pagination double pour les pp. 1-101). (Coll. Budé; vol. 336).

91. Vocino G. Les saints en lice: hagiographie et reliques entre Cividale et Grado à l'époque carolingienne. Depreux Ph. de et al., eds. *Compétition et sacré au Haut Moyen Âge: entre médiation et exclusion*. Turnhout, Brepols, 2015, pp. 273-293. (Haut Moyen Âge; vol. 21).

92. Vogüé A. de. *La Règle du Maître. I. (Prologue–Ch. 10)*. Paris, Cerf, 1964. 457 p. (Sources chrétiennes; vol. 105).

93. Vogüé A. de. The Master and St. Benedict: A Reply to Marilyn Dunn. *English Historical Review*, 1992, vol. 107, pp. 95-103.

94. Waal A. de. Sant'Eutichio martire nel cimitero "ad Catacumbas". *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte*, 1915, Bd. 29, S. 269-275.

95. Wagner H.A. *Das spätantike Rom und die stadtrömische Senatsaristokratie (395–455 n. Chr.). Eine althistorisch-archäologische Untersuchung*. Berlin, Boston, W. de Gruyter, 2021. X, 523 S. (Millennium-Studien; Bd. 91).

96. Waitz G. *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX*. Vol. 1. Hannover, Hahn, 1878. 636 p. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores; vol. 3).

97. Apresyan M., ed. *Hamabarbar'yaysmawowrk'. Naxaçerenc'yan 6xmbagrowt'yownneri* [A Synopsis of the Synaxaria. 6 Pre-Cerenc' Recensions]. In 12 vols. Vol. 11. Holy Etchmiadzin, s.n., 2011. 384 p.; vol. 12. 2010. 392 p.

98. Dolakidze M., Chitunashvili D., eds. *didi svnaksari giorgi mtats'mindeli* [Great Synaxarion by George the Hagiorite]. Tbilisi, s.n., 2017. 045, 635 p.

Information About the Author

Basil Lourié, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St, 8, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

Информация об авторе

Вадим Миронович Лурье, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.10>

UDC 2-9“1”

LBC 86.372.11-3

Submitted: 09.06.2021

Accepted: 29.10.2021

REPRESENTATION OF THE ICONOCLAST EMPERORS IN THE BYZANTINE OFFICES IN HONOUR OF THE CONFESSORS OF ICONODULY

Tatiana A. Senina (nun Kassia)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation;
Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy
of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Present article examines the representation of the iconoclast emperors in the Byzantine offices in honour of the confessors of iconoduly of the 8th – 9th centuries, and shows how this representation relates to the general view of icon-worshippers on the imperial power and its role in the spread of iconoclasm. *Methods.* Methods employed in this article are source research, information analysis, and comparative research. Sources on the subject include the offices in honor of the saints of the iconoclastic era which contain mentions of the iconoclastic emperors, published in the printed Menaion in Greek and Church Slavonic, as well as in *Analecta hymnica Graeca*. *Analysis.* An iconoclast emperor is usually represented by hymnographers as a tyrant, a lawless ruler, an enemy and persecutor of saints, godless and unholy, bestial and cruel, arrogant and daring, ignorant, insane and reckless, incurably sick with heresy; his teachings are hated by God, he is responsible for spreading the iconoclastic heresy. The term “tyrant” for the Byzantines meant a ruler who went against the law and the common good, preferring personal arbitrariness to the observance of laws, including church laws; a tyrant is the antipode of a legitimate emperor, his orders are illegal and criminal, and the overthrow of such an emperor is permissible. Therefore, the confessors of iconoduly are glorified for rejecting the orders and dogmas of the iconoclast emperors, and the death of such emperor is presented as the answer of God to the saints’ prayers confessors. For Byzantine hymnographers, the most odious figures among the six iconoclastic emperors in texts are Leo III and Leo V, as well as Constantine V; they are called by their names or nicknames in some hymnographic texts. Theophilus, thanks to his posthumous rehabilitation, escaped such a fate: he is nowhere called by name in the hymnographic texts, but he is anonymously reviled only in the offices in honour of Theophanes and Theodore Graptoi, who were tortured on his direct order. *Results.* On the whole, this corresponds to the picture that can be seen in the iconodule literature of other genres, primarily in hagiographical texts. Hymnographic texts were constantly used during public worship and reached the ears of the wide masses of believers; therefore they have significantly contributed to the spreading of a number of legends about icon-worshippers and iconoclasts and to the formation of the image of the iconoclastic era in the minds of the Byzantines.

Key words: Byzantine hymnography, Byzantine history, iconoclasm, iconoduly, iconoclast emperors.

Citation. Senina T.A. (nun Kassia). Representation of the Iconoclast Emperors in the Byzantine Offices in Honour of the Confessors of Iconoduly. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 131-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.10>

**ИЗОБРАЖЕНИЕ ИКОНОБОРЧЕСКИХ ИМПЕРАТОРОВ
В ВИЗАНТИЙСКИХ СЛУЖБАХ
В ЧЕСТЬ ИСПОВЕДНИКОВ ИКОНОПОЧИТАНИЯ****Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия)**

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается, как императоры-иконоборцы изображались в богослужебных последованиях в честь святых исповедников иконопочитания VIII–IX вв. и, соответственно, как образ этих императоров преподносился широким массам верующих. Также исследуется, как это изображение императоров соотносится с общим взглядом иконопочитателей на императорскую власть и ее роль в возникновении и распространении иконоборчества. Показано, что император-иконоборец в изображении гимнографов – это тиран, незаконный правитель, враг и гонитель святых, безбожный и нечестивый, суемудрый и невежественный, зверонравный и жестокий, наглый и дерзкий, безумный и безрассудный, неизлечимо больной ересью; его учения и он сам ненавистны Богу, на нем лежит ответственность за распространение иконоборческой ереси. Термин «тиран» для византийцев обозначал правителя, пошедшего против законности и общего блага, предпочитая соблюдению законов, в том числе церковных, личный произвол: тиран – антипод законного императора, его приказы незаконны и преступны, а свержение такого императора допустимо. Поэтому исповедники иконопочитания прославляются за отвержение приказов и догматов императоров-иконоборцев, а их смерть представляется как ответ Бога на молитвы святых. Наиболее одиозными фигурами из шести иконоборческих императоров в гимнографических текстах оказываются Лев III и Лев V, а также Константин V, которых авторы служб в ряде случаев прямо называют по именам или прозвищам. В целом это соответствует картине, которую можно видеть в иконопочитательской литературе других жанров, прежде всего в агиографии, где именно эти императоры оказываются главными антагонистами православных. Феофил, который благодаря своей посмертной реабилитации избежал такой участи, в гимнографических текстах нигде не называется по имени, а анонимно порицается только в службах Феофану и Феодору Начертанным, которых подвергли мучениям по его прямому приказу. Гимнографические тексты постоянно употреблялись за общественным богослужением и доходили до слуха самых широких масс верующих, в силу чего внесли существенный вклад в распространение ряда легенд об иконопочитателях и иконоборцах и в формирование образа иконоборческой эпохи в умах византийцев.

Ключевые слова: Византийская гимнография, история Византии, иконоборчество, иконопочитание, императоры-иконоборцы.

Цитирование. Сенина Т. А. (монахиня Кассия). Изображение иконоборческих императоров в византийских службах в честь исповедников иконопочитания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 131–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.10>

Введение. В иконоборческую и постиконоборческую эпоху византийские гимнографы создали ряд богослужебных последователей в честь новых святых – исповедников иконопочитания. Эти гимнографические тексты содержат прославление аскетических подвигов и добродетелей святых, их сопротивления ереси и страданий за веру, а также упоминания их идеологических противников и гонителей – императоров-иконоборцев. Известно, что иконопочитатели, осмысливая происшедшее,

вину за возникновение иконоборчества и гонений на иконы часто были склонны полностью возлагать на императоров, насаждавших и поддерживавших иконоборчество в качестве государственного исповедания, стараясь замолчать тот факт, что иконоборческая ересь не была навязана властью извне, но первоначально зародилась внутри самой церкви: миф о ереси, «рожденной в пурпуре», стал распространяться с начала IX в. [14, р. 79–143; 1, с. 20–22, 116–131; 10, с. 64–70] и к X в., по-видимому,

окончательно утвердился в церковной среде [9, с. 289]. Цель настоящего исследования – выяснить, каким образом гимнографы изображали императоров-иконоборцев и как это изображение соотносится с общим взглядом иконопочитателей на императорскую власть и ее роль в возникновении и распространении иконоборчества.

Методы. В работе используется метод аналитического исследования источников, проясняющий их логику и содержание путем сопоставления содержащихся в них свидетельств о лицах и событиях. Источники по теме включают те богослужебные последования в честь святых иконоборческой эпохи, где содержатся упоминания об императорах-иконоборцах, изданные в составе Минея на древнегреческом [21] и церковнославянском [7] языках, а также в *Analecta hymnica Graeca* (далее – АНГ [13]). При анализе источников использованы работы Г.Л. Курбатова, Д.Е. Афиногенова и Т.А. Сениной, посвященные византийской истории и агиографии.

Отдельных научных работ, где детально рассматривается данная тема, в настоящее время нет. В работах А.П. Каждана [5], Н.П. Шевченко [19], А. Джаннули [16] и В.В. Василика [3], где затрагивается, в числе прочего, творчество гимнографов иконоборческой и постиконоборческой эпохи, данная тема не поднимается.

Анализ. В Византии было шесть императоров-иконоборцев: Лев III (717–741), Константин V (741–775) и Лев IV (775–780), Лев V (813–820), Михаил II (820–829) и Феофил (829–842), – по трое на каждый из двух периодов иконоборчества. На критику и ругань в их адрес не скупилась ни православные хронисты, ни авторы житий исповедников иконопочитания, и можно было бы ожидать того же от гимнографов, прославлявших этих святых, – ведь именно императоры инициировали на государственном уровне гонения на иконопочитателей.

Однако при знакомстве с текстами служб мы обнаруживаем, что в некоторых из них царственные гонители святых даже не упомянуты, а в других содержатся лишь невнятные намеки на них. Конечно, этот факт не удивляет, например, в службе св. патриарху Тарасию Константинопольскому (Минея, 25 февра-

ля), – ведь он не страдал от иконоборцев и его патриаршество пришлось на эпоху первого восстановления иконопочитания, – или в службах св. Иоанникию Великому (Минея, АНГ, 4 ноября), который не принимал активного участия в православном сопротивлении и не подвергся гонениям (подробнее см. [11, с. 233–237]). Но подобное умолчание может показаться странным в службах святым, которые немало пострадали от иконоборцев или даже были гонимы по прямому указу императора. Так, например, ни слова не сказано об императорах-гонителях в службах исповедникам эпохи второго иконоборчества св. Макарию Пелекитскому (АНГ, 18 августа), св. Григорию Декаполиту (Минея, АНГ, 20 ноября), св. Никифору Мидийскому (АНГ, 4 мая). В каноне подвергнутому тогда же гонениям св. Прокопию Декаполиту (Минея, 28 февраля) сказано, что он «мужественно перенес натиск львов (λεόντων)» (песнь 3, тропарь 3 [21, т. Г', с. 678]) и «Господь посредством человекоубийства нечестивых (δυσσεβοῦντων σαίφονία)» прославил его как мученика (п. 5, тр. 2 [21, т. Г', с. 679]), – но это можно счесть лишь смутным намеком на императора Льва V. В службе св. Георгию, епископу Митиленскому (славянская Минея, 7 апреля) во 2-й стихире на «Господи, воззвах» гимнограф выражается тоже весьма общо: «...ты претерпел ярость гневающихся безумно нечестивых, которых ты увидел превозносящихся злостиво и вновь люто и явно сокрушаемых промыслом» [7, *Мѣсяцъ апрѣлий*, с. 64], – здесь под «нечестивыми», по видимому, имеются в виду все три императора второго периода иконоборчества, а также намекается на их смерть и конец их «злостивия», то есть на Торжество православия в 843 г., до которого святой дожил. Посмотрим теперь, как изображены иконоборческие императоры в тех службах, где они упоминаются более ясно или непосредственно по имени.

Употребляемые далее сокращения для цитируемых служб (совпадение текстов служб в греческой и славянской печатных Минеях отмечено знаком *):

Андр. Критс. – Служба св. Андрею Критскому (в Криси; τοῦ ἐν τῇ Κρίσει, ἐκ τῆς νῆσου

Κρήτης) (17 октября, Минея* [21, т. А', с. 442–452; 7, *Мѣсяцъ ѡκτωβρїи*, с. 287–299]).

Вас. Исп. – Служба св. Василию Исповеднику, спостнику св. Прокопия Декаполита (28 февраля, Минея* [21, т. Г', с. 682–687; 7, *Мѣсяцъ февρβάρїи*, с. 407–413]).

Герм. Konst. – Служба св. Герману, патриарху Константинопольскому (12 мая, Минея* [21, т. Е', с. 83–93; 7, *Мѣсяцъ майїи*, с. 161–173]).

Евфим. Сард. – Служба св. Евфимию, архиепископу Сардскому (26 декабря, Минея* [21, т. В', с. 680–683; 7, *Мѣсяцъ декέμβρїи*, с. 523–528]).

Никиф. Konst. – Служба св. Никифору, патриарху Константинопольскому (13 марта, Минея [21, т. Δ', с. 79–84; 7, *Мѣсяцъ мάρτїа*, с. 140–146]); в славянской и греческой Минеях разные стихиры на вечерне, но один канон.

Ник. Мидик. – Служба св. Никите, игумену Мидикийскому (3 апреля, Минея* [21, т. Γ', с. 238–244; 7, *Мѣсяцъ апрїлїи*, с. 34–41], АНГ [13, vol. VIII, p. 74–86]).

Стеф. Нов. – Служба св. Стефану Новому (28 ноября, Минея* [21, т. В', с. 305–316; 7, *Мѣсяцъ ноέμβρїи*, с. 593–595, 601–608], АНГ [13, vol. III, p. 516–528]).

Стеф. Сугд. – Служба св. Стефану, епископу Сугдейскому (Сурожскому) (15 декабря, Минея [7, *Мѣсяцъ декέμβρїи*, с. 251–269]); служба содержится в славянской Минее, в греческой под этим числом помещена только служба св. Елевферию.

Феод. Нач. – Служба св. Феодору Начертанному (27 декабря, Минея* [21, т. В', с. 694–708; 7, *Мѣсяцъ декέμβρїи*, с. 545–566]).

Феоф. Нач. – Служба св. Феофану Начертанному, епископу Никейскому (11 октября, Минея [21, т. А', с. 383–393; 7, *Мѣсяцъ ѡκτωβρїи*, с. 189–202]); в славянской и греческой Минеях разные стихиры на вечерне, но один канон.

Феофил. Ник. – Служба св. Феофилакту, епископу Никомидийскому (8 марта, Минея* [21, т. Δ', с. 42–47; 7, *Мѣсяцъ мάρτїа*, с. 71–77]).

Феоф. Сигр. – Служба св. Феофану Исповеднику, игумену Сигрианскому (12 марта, Минея* [21, т. Δ', с. 73–78; 7, *Мѣсяцъ мάρτїа*, с. 132–139]).

Далее при цитировании Минеи будет указываться только вышеуказанные сокращения и номера страниц соответствующих томов греческого издания; я буду обращаться к церковнославянскому тексту только при отсутствии соответствующих отрывков в греческой Минее. При цитировании АНГ будет указываться это издание и страницы соответствующего тома.

Гимнографы часто употребляют для обозначения императоров-иконоборцев слово «тиран» (ὁ τύραννος; на церковнославянском оно обычно передается как «мучитель»), прилагая к нему различные уничижительные эпитеты: «Благодать Всесвятого Духа... явила тебя победителем суетумудрого тирана (τύραννου ματαίωφρονος)» (*Вас. Исп.*, 683; канон, п. 1, тр. 2); «...победивший противодействие безбожных тиранов (τῶν ἀθέων τύραννων)» (*Вас. Исп.*, 685; канон, п. 6, тр. 2); «Ссылаемый повелением нечестивого тирана (τοῦ τύραννου τοῦ δυσσεβοῦς), преподобный, ты не обратил внимания на немощь плоти...» (*Феоф. Сигр.*, 75; канон, п. 4, тр. 3); «Зверски набросившись, тиран Лев (Λέων ὁ τύραννος) изгнал избранных, не вынося взирания на почитаемые иконы Христовы, с ними и тебя, Феофан, он осудил на ссылку» (*Феоф. Сигр.*, 74; канон, п. 1, тр. 3), – здесь по имени упомянут император Лев V; «...в горьких изгнаниях и темнейших местах тебя заключил темнейший тиран со зверской жестокостью (ὁ σκοτεινότητος τύραννος... θηρῶν ὀμότητι)» (*Ник. Мидик.*, 239; 3-я стихира на «Господи, воззвах»); «...посрамил беззаконного тирана...» (в славянской Минее: «мучителя»; *Стеф. Сугд.*, 255; седален по 1-й кафизме). Больше всего случаев употребления слова «тиран» содержится в одном из канонов св. Стефану Новому, самому известному мученику эпохи первого иконоборчества: «Ты ниспроверг нечестивый образ мыслей тирана (φρόνημα τύραννου δυσσεβές) твердым исповеданием твоим пред Богом, мудрый...» (*Стеф. Нов.*, АНГ, 520; канон, п. 4, тр. 3); «...тебя, мученик Стефан, твой ученик оклеветал перед тираном» (*Стеф. Нов.*, АНГ, 522; канон, п. 5, тр. 2); император сравнивается с ветхозаветным царем Навуходоносором, «нечестивым тираном» (*Стеф. Нов.*, АНГ, 525; канон, п. 7,

тр. 3); ученица Стефана Анна сочла «гнилыми и шаткими замыслы тирана» (*Стеф. Нов.*, АНГ, 523; канон, п. 6, тр. 3).

В данном контексте «тиран» является не просто ругательством, но специальным термином, которым византийцы обозначали императора, получившего власть незаконно или пошедшего против законности и общего блага в какой-то момент своего царствования, предпочтшего соблюдению законов, в том числе церковных, личный произвол и, таким образом, извратившего природу царской власти; тиран оказывается антиподом законного императора (см., например: [6, с. 99–102]). Именно поэтому императоры, посягнувшие на признанные православными церковные догматы, переходили в разряд тиранов, а их правление вместо законного становилось «тираническим», что обозначалось глаголом *τυραννέω/τυραννέω*, который также встречается в рассматриваемых службах: «Твердая вера твоя и сопротивление потрясла безрассудство тиранически правящих (*τὰς τῶν τυραννοῦντων ἀνοίας*)...» (*Никиф. Конст.*, 82; канон, п. 6 тр. 2). В каноне св. Никите Мидикийскому сказано еще жестче: «Ты явился победителем демонов, преподобный, и тиранически правящих врагов (*τυραννοῦντων ἔχθρῶν*)...» (*Ник. Мидик.*, АНГ, 80; канон, п. 5, тр. 1), – под «врагами» тут можно подразумевать всех троих императоров второго иконоборчества, поскольку Никита, умерший в 824 г., застал царствование и Льва V, и Михаила II, и в некотором смысле Феофила, который стал соправителем отца в 821 г.

«Врагом» император-иконоборец называется также в каноне св. патриарху Герману: «Отречься от всечтимого Христова изображения пагубнейший враг (*ὁ δυσμενέστατος ἔχθρος*) в безумии призвав, был открыто обличен твоими, прославленный, учениями, но, неизлечимо больной, не вразумился» (*Герм. Конст.*, 87; канон, п. 4, тр. 2), – здесь имеется в виду Лев III, в чье царствование иконоборчество в 730 г. впервые стало государственным исповеданием. На самом деле патриарх Герман не пошел на открытый конфликт со Львом III и не являлся таким твердым борцом с иконоборчеством, каким его рисует позднейшая традиция, и, хотя был вынужден покинуть Константинопольскую кафедру, на которую

вошел иконоборец Анастасий, окончил дни не в ссылке, а в своем имении (см.: [1, с. 20–22]), но служба ему воспроизводит тот миф, который стал складываться в церковной среде после первого восстановления иконопочитания на II Вселенском соборе.

Соответственно, император-тиран является беззаконным правителем, чьи повеления благочестивые не исполняют, а догматическое учение презирают и отвергают: «Законам повинуюсь Владыки твоего, славный архиерей, ты не обратил внимания на законы беззаконных (*или*: преступных) царей (*παράνομων βασιλέων*)» (*Феофил. Ник.*, 43; канон, п. 3, тр. 1); «...за Христа до крови твердо боролся, опровергая безумие беззаконного судьи (*παράνομου δικαστοῦ*), и поэтому, по повелению нечестивого царя (*ἀσεβοῦς βασιλέως*), тебе, отмеченный божественной благодатью, начертали надпись на лбу» (*Феоф. Нач.*, 384; 3-я стихира на «Господи, воззвах»); «... беззаконник (*ὁ παράνομος*) умертвил тебя многообразными истязаниями за поклонение иконам (*Андр. Критс.*, 447; канон, п. 4, тр. 1); «Беззаконные люди, покоряясь беззакониям беззаконного царя (*παρανομίαις παράνομου βασιλέως*), преподобный, безжалостно закидали тебя камнями, как первомученика...» (*Стеф. Нов.*, 305; 3-я стихира на «Господи, воззвах»); «К ранам жительства на чужбине у тебя прибавились раны изгнания, преподобный, из-за жестокости беззаконно управляющего законным престолом (*τοῦ παράνομως διέπωντος τὸν θρόνον τὸν ἑννομον*), потрясающего священные законы веры и низвергнувшего непорочную икону Спасителя...» (*Феод. Нач.*, 695; 1-я стихира на «Господи, воззвах»); «Охваченный любовью к вышнему царствию, ты мужественно, богоносный, выказал пренебрежение к безрассудному мнению, повелениям и догматам земного царя (*τοῦ ἐπὶ γῆς βασιλέως ἀλογίστου γνώμης καὶ προσταγμάτων καὶ δογμάτων... ἠλόγησας*)» (*Вас. Исп.*, 685; канон, п. 6, тр. 1); «Питая любовь к досточтимой иконе Христа и Родившей Его, блаженный, ты возненавидел нечестивый догмат нечестивого царя (*βασιλέως δυσσεβοῦς τὸ δόγμα τὸ δυσσεβές*)...» (*Стеф. Нов.*, 308; канон, п. 3, тр. 2); «...пребыл непреклонен, с мужественным благоразумием сопротивляясь невежественным (*или*: глупым, бестолковым) царям (*πρὸς βασιλεῖς σκαίους*)» (*Феоф. Нач.*,

392; канон, п. 9, тр. 1); «Получив на своем всесвященном и досточтимом лице надпись тиранов, мудрый, ты стираешь их ненавистные Богу и безбожные догматы...» (*Феоф. Нач.*, 389; канон, п. 6, тр. 3).

В службе св. Андрею говорится: «В темницу беззаконник (ὁ ἄνομος) тебя посадил...» (*Андр. Критс.*, 448; канон, п. 6, тр. 1), – перед нами явная отсылка к пророчеству о явлении антихриста в конце времен (ср. 2 Фес. 2:8). Сравнение императоров-иконоборцев с антихристом было обычным в иконопочитательской среде, причем было более характерным для тех, кто вину за распространение иконоборческой ереси возлагали прежде всего на императоров ([1, с. 117–127]; но см. также: [10, с. 64–70]).

Святые исповедники всегда успешно противостоят императору-еретику, не поддаваясь на его хитрости и обличая его неправославные догматы: «Глупыми изысканиями хитрец (ὁ δολιόφρων), помрачаемый умом, пытался ограбить тебя, украшаемого великолепием догматов; но он навлек на себя насмешки, исполнившись стыда, благодаря твоему, мудрый, дерзновению» (*Андр. Критс.*, 450; канон, п. 7, тр. 2); «...обличил царя, не захотевшего поклоняться образу Христа Бога...» (*Стеф. Сугд.*, 253; славник на стиховне на вечерне; ср. 252, 5-я стихира на «Господи, воззвах»); «...став крепко сопротив иконоукорителя...» (*Стеф. Сугд.*, 254; тропарь); «...обличив неверного царя» (*Стеф. Сугд.*, 260; 2-й канон, п. 4, тр. 1; ср. также 261, п. 5, тр. 2; 263, икос). «Изобретатель злодейства» (ὁ κακίας εὐρετής) (*Стеф. Нов.*, 311; канон, п. 6, тр. 1) не в силах одолеть твердость святого, и ему остается лишь послать его в тюрьму: «Железом... связав, безумец (ὁ παράφρων) отправляет тебя в заточение...» (*Стеф. Нов.*, 308; канон, п. 3, тр. 3).

Исходя из упомянутого различия между законным императором и тираном, византийцы не считали грехом свержение тирана, что подтверждает и гимнография. Так, в службе св. Никите Мидикийскому есть указание на убийство Льва V, причем утверждается, что его смерть стала результатом молитв исповедника: «Твоя добродетельность в высшей степени смирила в прах жестокость тирана (τυράννου τὴν ὀμότητα), сильными молитвами

его умертвив: ибо Господь умеет творить волю боящихся Его» (*Ник. Мидик.*, 243; канон, п. 7, тр. 2). Иконопочитатели, терпевшие сильные гонения при Льве V, ликовали, когда он был убит; общее тогдашнее настроение можно ощутить в письмах св. Феодор Студита, который, узнав о смерти императора, с восторгом сообщал другим исповедникам эту новость, говоря, что Бог услышал молитвы гонимых и сокрушил «нечестивца» и «врага» (см.: [20, Ер. 417, 421, 422]).

В службе самому Феодору Студиту (Минея*, 11 ноября) сказано, что он «попрал наглость тиранов (τυράννων θράσος)» (Канон, п. 4, тр. 2 [21, т. В', с. 114]). Как ни удивительно, это единственное упоминание императоров в службе св. Феодору, хотя в эпоху второго иконоборчества он был признанным главой православного сопротивления и в царствование Льва V подвергался вместе с монахами Студийской обители гонениям более суровым, чем большинство прочих исповедников (см.: [10, с. 43–74, 89]).

Впрочем, хотя деятельность св. Мефодия, после смерти Феодора в 826 г. набравшего влияние среди исповедников и после восстановления иконопочитания ставшего патриархом Константинопольским (см.: [10, с. 93–102, 114–130]), тоже весьма раздражала императоров и привела к длительному и суровому заточению святого, в службах ему (14 июня, разные службы в греческой и славянской Минеях и канон в АНГ) они тоже упоминания не удостоились. Служба в славянской Минее много говорит о гонениях и борьбе с ересью и еретиками, но императоры там не упомянуты; интересно отметить, что зато упомянут главный иконоборческий богослов IX в. и последний иконоборческий патриарх Иоанн Грамматик, названный данным ему иконопочитателями прозвищем «Ианний»: «как лев, рыком премудрых учений твоих ты [Мефодий] привел в ужас Ианния, лживого лиса» (1-я стихира на «Господи, воззвах» [7, *Дѣлаца ѿнїи*, с. 174]), – это намек на Торжество православия, когда Иоанн был низложен с патриаршества и осужден как еретик. В АНГ опубликован канон Мефодию, написанный его младшим современником и почитателем св. патриархом Фотием, но в нем смутный намек на императоров-иконоборцев можно увидеть

лишь в словах: «ты, по пророку, *сокрушил зубы львов* (Пс. 57:7)» [13, vol. X, p. 61]. Единственное прямое упоминание императоров в службах Мефодию мы находим в греческой минее: «В чины иереев, сонмы подвижников и хоры мучеников ты вписан, за Христа до крови твердо боровшийся, беззаконного судьи безумие всецело опровергая и повелениям нечестивого царя (ἀσεβούς βασιλέως) в могиле заключенный, богоносный отец, ты сохранился незапятнанным» (3-я стихира на «Господи, воззвах» [21, т. E', с. 286]), – под «нечестивым царем» здесь подразумевается Михаил II, подвергший Мефодия суровому заточению за то, что тот, при Льве V уехав в Рим, настроил папу Пасхалия против византийских иконоборцев [1, с. 83–84].

Поскольку императоры Лев III и Лев V стояли при начале соответственно первого и второго периодов иконоборчества и были тезками, гимнографы именно их чаще всего упоминают по имени, обыгрывая его «звериные» коннотации.

Впрочем, Лев III упомянут по имени только в службе св. патриарху Герману: «Преисполненный нечестия образ мыслей Льва, ты, Герман, решительно отверг: ибо он, жалкий, отрекся от поклонения досточтимым иконам Христа и всех святых, но твоими, богом явленный, словами был обличен и, как безумный (ἄνοους), оставался безрассудным (ἀνόητος)» (*Герм. Конст.*, 83; 1-я стихира на «Господи, воззвах»); «Лев безбожный (ἄθεος), ненавистный Богу зверь, Антихриста предтеча, отвергнув поклонение иконе Христовой, преподобный, был изгнан от наследия верных; посему мы просим тебя: как его (тогда, так) молитвами твоими (и) нынешнее уйми смятение» (*Герм. Конст.*, 83; 2-я стихира на «Господи, воззвах»); «Опровержения речей твоих, мудрый, опасаясь, звероименный (θηριώνυμος) и зверообразный умом сводит тебя с престола священного...» (*Герм. Конст.*, 87; канон, п. 4, тр. 3).

Упоминания Льва V более многочисленны: «Отвергнув нечестивые догматы Льва, ты весьма благочестиво утвердил священные законы (или: древние установления; τοὺς θεσμούς) Церкви...» (*Феоф. Сигр.*, 74; канон, п. 3, тр. 2); «...ты обличил нечестивого Льва, неистовствовавшего против Спасителя (τὸν

δυσσεβῆ Λέοντα λυτήσαντα κατὰ τοῦ Σωτῆρος)» (*Евфим. Сард.*, 680; канон, п. 3, тр. 2); «Духовной мудрость и усердием рассуждения ты посрамил нечестивого Льва (τὸν δυσσεβῆ Λέοντα) священнейшими твоими догматами» (*Феод. Нач.*, 699; канон, п. 3, тр. 3); «Ты блистательно подвизался, преподобный Василий, порицая неукротимую дерзость и безрассудное мнение Льва (τοῦ Λέοντος ἐκφαλίσας τὸ ἀμείλικτον θράσος καὶ γνώμην τὴν ἀγνώμονα)» (*Вас. Исп.*, 685; канон, п. 5, тр. 1); «ты победил умопостигаемого дракона и чувственно воспринимаемого льва (τὸν αἰσθητὸν λέοντα)» (*Вас. Исп.*, 683; канон, п. 3, тр. 2); «...яростью львов изгоняемый» (θυμῶν λέοντων ἐξοριζόμενος) (*Феоф. Сигр.*, 73; 2-я стихира на «Господи, воззвах»); «От престола и славы и от паствы твоей изгнанный, преподобный, чинящей насилие рукой губительных зверей ереси (χειρὶ βίαῖα τῶν τῆς αἰρέσεως θυμοφθόρων θηρίων)...» (*Никиф. Конст.*, 80; канон, п. 1, тр. 4).

Лев IV и Михаил II, как не преследовавшие иконопочитателей, не упоминаются в службах, зато главный гонитель и богослов первого иконоборчества Константин V называется только уничижительными прозвищами: «...без страха сопротивляясь Дерьмоименному (на церковнославянском: «гноеименному»), проповедал почитание Христова образа...» (*Андр. Критс.*, седален после 3-й песни канона в славянской минее [7, *Дѣлаца Ѡктѡврьѣй*, с. 291]); «...не устранившись угроз Дерьмоименного (на церковнославянском: «гноетезнаго»), ты умертвил его духовным мечом» (*Стеф. Сугд.*, 268; 2-я стихира на «Хвалите»); «Всезлейшего Мамону (Μαμωνᾶν), несчастно заболевшего ересью, ты с дерзновением обличил...» (*Андр. Критс.*, 447; канон, п. 4, тр. 3). Прозвище «Дерьмоименный» (Κοπρώνυμος) было связано с легендой о том, что Константин при крещении якобы испражнился в купель, что предвещало его будущее нечестие (подробнее см.: [15, p. 169–175]). Прозвище «Мамона», данное Константину св. патриархом Никифором, восходит к евангельским словам Христа о невозможности служить двум господам, «Богу и мамоне» (Мф. 6:24; Лк. 16:13), и, таким образом, намекает на невозможность для истинного верующего подчиняться императору-иконаборцу (подробнее см.: [1, с. 123–124]).

Что касается последнего императора-иконоборца Феофила, то он по имени не упоминается нигде, что не удивительно, так как его посмертная реабилитация смягчила отношение к нему в последующей православной традиции (см.: [2, с. 63–77; 10, с. 114–130]). А. Маркопулос, перечисляя враждебные к Феофилу источники IX в. [17, р. 41], не упоминает гимнографов; однако агрессивные выпады против него в гимнографии встречаются. В службе св. Евфимию, который умер после бичевания в правление Феофила, император объединен с другим царственным гонителем эпохи второго иконоборчества – Львом V, также не названным: «...ныне ты стал еще блистательнее, Евфимий, до крови противостав богоненавистным царям (πρὸς βασιλεῖς θεοστυγεῖς)» (*Евфим. Сврд.*, 682; канон, п. 8, тр. 2; подробнее об этой службе и ее соотношении с житием святого см.: [12, с. 411–417]). Прямому поношению Феофил подвергнут в службах братьям Феофану и Феодору Начертанным, которые были бичеваны и получили на лбу уничижительную татуировку по его приказу (подробнее см.: [18]), причем здесь образ Феофила несколько отличается от изображения других императоров-иконоборцев. Помимо обычных обвинений в тирании, безумии, беззаконии, нечестии, жестокости и невежестве (цитаты см. выше), подчеркивается «варварская» натура императора: «Не имея что возразить на твои, преподобный, учения, исполненный варварского насилия (ὁ βαρβαρικῆς βίας ἔμπλεως) обращается к истязаниям» (*Феод. Нач.*, 698; канон, п. 3, тр. 1); св. Феодор страдает за иконы «из-за фракийской дикости и варварской дерзости» (Θρακὸς ἀγριότητι καὶ βαρβαρικῆ ἰταμότητι)» (*Феод. Нач.*, 700; канон, п. 4, тр. 1) и прославляется как «низвергший грубость гонителя (τοῦ δίκτου τὴν ἀγριότητα)» (*Феод. Нач.*, 705; канон, п. 9, тр. 1); св. Феофан не подчиняется императору: «Высшую справедливость истины отеческих законов неся, всеблаженный, ты оплевал безрассудное повеление царствующего (βασιλεύοντος), уничтожающего образ Господа...» (*Феоф. Нач.*, 391; канон, п. 8, тр. 1). Обвинение в варварстве, возможно, являются отражением того впечатления, которое произвела на иконопочитателей необычная кара в виде татуировки на лбу, выдуманная Феофилом для Начертанных

братьев. Также надо отметить, что канон св. Феодору написан его братом Феофаном, от которого трудно ожидать снисхождения к их гонителю, тем более, что Феодор умер в ссылке, лишь немного не дожив до восстановления иконопочитания. Показательно, что хронист X в. рассказывает о том, как во время обеда в честь праздника восстановления иконопочитания, который давала во дворце вдова Феофила императрица Феодора и куда были приглашены исповедники, именно Феофан Начертанный, «нисколько не стесняясь и не вспомнив о принятых решениях» о прощении Феофила, заявляет, что они с братом будут судиться с императором «на неподкупном суде Божиим»; реплика Феофана вызвала скандал, и патриарху Мефодию пришлось успокаивать Феодору и уверить ее, что все решения о Феофиле остаются в силе, а на противников его прощения не стоит обращать внимание [8, с. 107–108 (кн. 4, § 11)].

Выводы. В изображении гимнографов император-иконоборец – это незаконный тиран, гонитель святых, безбожный и нечестивый, суемудрый и невежественный, зверонравный и жестокий, наглый и дерзкий, безумный и безрассудный, неизлечимо больной ересью, его учения и он сам ненавистны Богу; святые исповедники всегда успешно противостоят ему и отвергают его указы и догматы. Наиболее одиозными фигурами из шести иконоборческих императоров в гимнографических текстах оказываются Лев III и Лев V, а также Константин V; Феофил подвергается поношениям в службах Феофану и Феодору Начертанным, но по имени не называется.

В целом это соответствует картине, которую можно видеть в иконопочитательской литературе других жанров, прежде всего в агиографии: главными антигероями там становятся обычно Константин V и Лев V, в чье царствование гонения на иконы принимали наибольший размах и жестокость, а также Лев III, при котором иконоборчество впервые стало государственным исповеданием. Именно эти императоры в качестве антагонистов исповедников иконопочитания названы в Житии св. Никифора Севастийского, которое представляет собой хороший пример того, как стала восприниматься иконоборческая эпоха рядовыми византийцами, в том числе монахами, спустя примерно столетие после

ее окончания (см.: [9]). С названными тремя императорами данное житие связывает и начало, и распространение иконоборческой ереси, изображая иконоборческий конфликт как эпическую битву между императорами-еретиками и православной Церковью в лице епископов, священников и монахов. Учитывая, что гимнографические тексты из года в год употреблялись за общественным богослужением и доходили до слуха самых широких масс верующих, они, конечно, внесли существенный вклад и в распространение иконопочитательских мифов вроде легенды об осквернении купели Константином V или мифа о стойком противлении иконоборчеству со стороны патриарха Германа и большинства верующих, и в формирование образа иконоборческой эпохи в умах византийцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее даты памяти святых указаны по юлианскому календарю.

² В греческой минее под этой датой находится служба мученику Каллиопию.

³ Здесь и далее для большей понятности перевожу цитаты с церковнославянского на русский.

⁴ Служба, таким образом, подтверждает данные Жития свв. Давида, Симеона и Георгия Митиленских (см.: [4, с. 430]); впрочем, вероятно, на этом житии она и основана.

⁵ Преподобномученик, отличен от св. Андрея, архиепископа Критского, автора Великого покаянного канона.

⁶ Стоит отметить, что этот канон св. Феофилакт Никомидийскому, созданный св. Феофаном Начертанным, мог быть написан еще в иконоборческую эпоху. Феофилакт скончался между 818 и 843 гг., но точная дата его смерти неизвестна (см.: [4, с. 229–231]). В каноне ему есть такие слова: «За нами, поющими тебя, блаженный, надзираю, избавляя от искушений и опасностей, разбивая еретические ловушки» (*Феофил. Ник.*, 46; канон, п. 9, тр. 2), – что может указывать на время до Торжества православия и подтверждать сообщения его Жития о том, что святой не дожил до восстановления иконопочитания [4, с. 240–241], причем, что важно, это указание гимнографа-современника.

⁷ Или: «заштукатуриваешь, покрываешь известью» (ἐξαιλεῖς), – намек на иконоборцев, заштукатуривавших иконы.

⁸ Ср.: Пс. 144:19.

⁹ Это явствует из акростиha канона: «Сплетаю тебе, брат, законные (*или*: родные, γνήσιους) похва-

лы», а также из 3-го тропаря 9-й песни, где Феофан просит брата молиться о том, чтобы «как пожившие вместе, мы вместе уллучили обожение» (имеется в виду – в царствии небесном) (*Феод. Нач.*, 705).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афиногенов, Д. Е. Константинопольский Патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847) / Д. Е. Афиногенов. – М.: Индрик, 1997. – 224 с.

2. Афиногенов, Д. Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия / Д. Е. Афиногенов. – М.: Индрик, 2004. – 192 с. – (Scrinium Philocalicum; vol. IV).

3. Василик, В. В. Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках / В. В. Василик. – СПб.: Алетей, 2016. – 640 с. – (Новая Византийская библиотека. Исследования).

4. Жития византийских святых эпохи иконоборчества / общ. ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). – СПб.: Квадривиум: Алетей, 2015. – Т. I. – xxviii, 804 с. – (Byzantina).

5. Каждан, А. П. История византийской литературы (650–850 гг.) / А. П. Каждан; в сопр. с Л. Ф. Шерри и Х. Ангелиди; пер. с англ. А. А. Белозеровой [и др.]. – СПб.: Алетей, 2002. – 529 с. – (Византийская библиотека. Исследования).

6. Курбатов, Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция / Г. Л. Курбатов // Культура Византии. IV – первая половина VII в. / отв. ред. З. В. Удальцова. – М.: Наука, 1984. – С. 98–118.

7. *Мнѣня*. – Кіевъ : Кієво-Печѣрська лавра, 1877. – Мѣсяцъ ѡктѡбрій. – 688 с.; Мѣсяцъ ноѣмбрій. – 752 с.; Мѣсяцъ декѣмврій. – 672 с.; Мѣсяцъ феvрвѣрій. – 494 с.; Мѣсяцъ мѣртв. – 415 с.; Мѣсяцъ апрѣлїй. – 304 с.; Мѣсяцъ мѣй. – 575 с.; Мѣсяцъ іvнїй. – 591 с. – Репр. изд. 1893 г. – М.: Правило веры, 1997.

8. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / изд. подг. Я. Н. Любарский. – СПб.: Алетей, 2009. – 400 с. – (Византийская библиотека. Источники).

9. Сенина, Т. А. (монахиня Кассия). Житие св. Никифора Севазийского как иллюстрация восприятия иконоборческой эпохи византийцами в позднейшее время (с приложением перевода Жития) / Т. А. Сенина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 284–296. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.22>

10. Сенина, Т. А. (монахиня Кассия). Иконопочитатели и иконоборцы IX столетия / Т. А. Се-

нина // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. I / общ. ред. Т. А. Сениной (монахиня Кассии). – СПб. : Квадриум : Алетейя, 2015. – С. 3–130. – (Byzantina).

11. Сенина, Т. А. (монахиня Кассия). «Не избитые за Христа»: изображение антиконоборческого сопротивления в житиях св. Иоанникия и св. Петра Атройского / Т. А. Сенина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 231–242. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

12. Сенина, Т. А. (монахиня Кассия). Несколько замечаний по поводу Жития св. Евфимия Сардского / Т. А. Сенина // *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*. – 2006. – Vol. 2. – P. 408–417.

13. *Analecta hymnica Graeca e codibus eruta italiae inferioris*. Vol. III. *Canones Novembris / ed. A. Komines*. – Roma : Istituto di studi bizantini e neoellenici : Università di Roma, 1972. – XI, 647 p.; Vol. VIII. *Canones Aprilis / ed. C. Nikas*. – 1970. – X, 456 p.; Vol. X. *Canones Iunii / ed. A. Longo*. – 1972. – XI, 426 p.

14. Brubaker, L. *Byzantium in the Iconoclastic Era, c. 680–850. A History* / L. Brubaker, J. Haldon. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – xxiv, 918 p.

15. Gero, S. *Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V, with Particular Attention to the Oriental Sources* / S. Gero. – Louvain : Peeters Publ., 1977. – 192 p. – (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium ; vol. 384 ; Subsidia ; vol. 52).

16. Giannouli, A. *Byzantine Hagiography and Hymnography : An Interrelationship* / A. Giannouli // *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography* / ed. by S. Efthymiadis. – Vol. II : Genres and Contexts. – Farnham : Ashgate Publ., 2014. – P. 285–312. – (Ashgate Research Companion).

17. Markopoulos, A. *The Rehabilitation of the Emperor Theophilus / A. Markopoulos* // *Byzantium in the Ninth Century. Dead or Alive? Papers from the Thirtieth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1996* / ed. by L. Brubaker. – Aldershot : Ashgate, 1998. – P. 37–49.

18. Sénina, T. A. (moniale Kassia). *La confession de Theophane et Theodore les Graptoi: remarques et précisions* / T. A. Senina // *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*. – 2008. – Vol. 4. – P. 260–298.

19. Ševčenko, N. P. *Canon and Calendar: The Role of a Ninth-Century Hymnographer in Shaping the Celebration of the Saints / N. P. Ševčenko* // *Byzantium in the Ninth Century. Dead or Alive? Papers from the Thirtieth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1996* / ed. by L. Brubaker. –

Aldershot ; Hampshire : Routledge Publ., 1998. – P. 101–114.

20. *Theodori Studitae Epistulae*. In 2 vols. Vol. 2. *Textum epp. 71–564 et indices continens / rec. G. Fatouros*. – Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1992. – 189–1007 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis ; vol. 31.2).

21. *Μηναία τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ*. Τ. Α'. Σεπτεμβρίου καὶ Ὀκτωβρίου μηνῶν. – Ἐν Ρώμῃ : [χ.ε.], 1888. – 578 σ. ; Τ. Β'. Νοεμβρίου καὶ Δεκεμβρίου μηνῶν. – 1889. – 740 σ. ; Τ. Γ'. Ἰαννουαρίου καὶ Φεβρουαρίου μηνῶν. – 1896. – 700 σ. ; Τ. Δ'. Μαρτίου καὶ Ἀπριλίου μηνῶν. – 1898. – 419 σ. ; Τ. Ε'. Μαΐου καὶ Ἰουνίου μηνῶν. – 1900. – 413 σ.

REFERENCES

1. Afinogenov D.E. *Konstantinopolskiy Patriarkhat i ikonoborcheskiy krizis v Vizantii (784–847)* [Patriarchate of Constantinople and Iconoclast Crisis in Byzantium (784–847)]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 224 p.

2. Afinogenov D.E. «*Povest o proshchenii imperatora Feofila*» i *Torzhestvo Pravoslaviya* [Tale of Forgiveness of the Emperor Theophilus and the Triumph of Orthodoxy]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 192 p. (Scrinium Philocalicum; vol. IV).

3. Vasilik V.V. *Tserkov i Imperiya v vizantiyskikh tserkovno-poeticheskikh pamyatnikakh* [The Church and Empire in the Byzantine Ecclesiastic Poetry]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2016. 640 p. (Novaya Vizantiyskaya biblioteka. Issledovaniya [New Byzantine Library. Studies]).

4. Senina T.A. (nun Kassia), ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch]. Saint Petersburg, Kvadrivium Publ.; Aletheia Publ., 2015, vol. 1. xxviii, 804 p. (Byzantina).

5. Kazhdan A.P., Sherry L.F., Angelidi Ch.; Belozeroва A.A. et al., eds. *Istoriya vizantiyskoy literatury (650–850 gg.)* [A History of Byzantine Literature. 650–850]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 529 p. (Vizantiyskaya biblioteka. Issledovaniya [Byzantine Library. Studies]).

6. Kurbatov G.L. *Politicheskaya teoriya v ranney Vizantii. Ideologiya imperatorskoy vlasti i aristokraticeskaya oppozitsiya* [Political Theory in Early Byzantium. The Ideology of Imperial Power and Aristocratic Opposition]. Udaltsova Z.V., ed. *Kultura Vizantii. IV – pervaya polovina VII v.* [Culture of Byzantium. The 4th – the First Half of the 7th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 98–118.

7. *Minia* [The Menaion]. Reprint 1893. Moscow, Pravilo very Publ., 1997.

8. Lyubarskiy Ya.N., ed. *Prodolzhatel Feofana. Zhizneopisaniya vizantiyskikh tsarey* [Theophanes

Continuatus. Biographies of the Byzantine Kings]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2009. 400 p. (Vizantiyskaya biblioteka. Istochniki [Byzantine Library. Sources]).

9. Senina T.A. (nun Kassia). Zhitiye sv. Nikifora Sevaziyskogo kak illyustratsiya vospriyatiya ikonoborcheskoy epokhi vizantiysami v pozdneysheye vremya (s prilozheniyem perevoda Zhitiya) [Life of Saint Nikephoros of Sebaste as an Illustration of the Perception of the Iconoclastic Era by the Byzantines in Later Times (Including Russian Translation of the Life)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 284-296. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.22>

10. Senina T.A. (nun Kassia). Ikonopochitateli i ikonobortsy IX stoletiya [Iconophiles and Iconoclasts of the 9th Century]. Senina T.A. (nun Kassia), ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva. T. I* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch. Vol. I]. Saint Petersburg, Kvadrivium Publ.; Aletheia Publ., 2015, pp. 3-130. (Byzantina).

11. Senina T.A. (nun Kassia). «Ne izbityye za Khrista»: izobrazheniye antiikonoborcheskogo soprotivleniya v zhitiyakh sv. Ioannikiya i sv. Petra Atroyskogo [“Not Flogged for Christ”: Representation of Anti-Iconoclastic Resistance in the Lives of St. Ioannikios the Great and St. Peter of Atroa]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 231-242. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.18>

12. Senina T.A. (nun Kassia). Neskolkko zamechaniy po povodu Zhitiya sv. Evfimiya Sardskogo [A Few Comments on the Life of St. Euthymius of Sardis]. *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*, 2006, vol. 2, pp. 408-417.

13. *Analecta hymnica Graeca e codibus eruta italiae inferioris*. Komines A., ed. Vol. III. Canones Novembris. Roma, Istituto di studi bizantini e neoellenici; Università di Roma, 1972. XI, 647 p.; Nikas C., ed. Vol. VIII.

Canones Aprilis. 1970. X, 456 p.; Longo A., ed. Vol. X. Canones Iunii. 1972. XI, 426 p.

14. Brubaker L., Haldon J. *Byzantium in the Iconoclastic Era, C. 680–850. A History*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. xxiv, 918 p.

15. Gero S. *Byzantine Iconoclasm During the Reign of Constantine V, with Particular Attention to the Oriental Sources*. Louvain, Peeters Publ., 1977. 192 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; vol. 384; Subsidia; vol. 52).

16. Giannouli A. Byzantine Hagiography and Hymnography. An Interrelationship. Efthymiadis S., ed. *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography*. Vol. II: Genres and Contexts. Farnham, Ashgate Publ., 2014, pp. 285-312. (Ashgate Research Companion).

17. Markopoulos A. The Rehabilitation of the Emperor Theophilos. Brubaker L., ed. *Byzantium in the Ninth Century. Dead or Alive? Papers from the Thirtieth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1996*. Aldershot, Ashgate, 1998, pp. 37-49.

18. Sénina T.A. (moniale Kassia). La confession de Theophane et Theodore les Graptoi: remarques et précisions. *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*, 2008, vol. 4, pp. 260-298.

19. Ševčenko N.P. Canon and Calendar: The Role of a Ninth-Century Hymnographer in Shaping the Celebration of the Saints. Brubaker L., ed. *Byzantium in the Ninth Century. Dead or Alive? Papers from the Thirtieth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, March 1996*. Aldershot; Hampshire, Routledge Publ., 1998, pp. 101-114.

20. Fatouros G., ed. *Theodori Studitae Epistulae. In 2 vols. Vol. 2. Textum epp. 71–564 et indices continens*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1992. 189-1007 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis; vol. 31.2).

21. *Mēnaia tou olou eniautou* [The Menaion for the Whole Year]. Vol. 1. Septembriou kai Oktōbriou mēnōn [September and October]. Rome, s.n., 1888. 578 p.; Vol. 2. Noembriou kai Dekembriou mēnōn [November and December]. 1889. 740 p.; Vol. 3. Iannouariou kai Febrouariou mēnōn [January and February]. 1896. 700 p.; Vol. 4. Martiou kai Apriliou mēnōn [March and April]. 1898. 419 p.; Vol. 5. Maïou kai Iouniou mēnōn [May and June]. 1900. 413 p.

Information About the Author

Tatiana A. Senina (nun Kassia), Candidate of Sciences (Philosophy), Editor-in-Chief, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation; Associate Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Красноармейская St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия), кандидат философских наук, ведущий редактор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Б. Морская, 67, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.11>

UDC 1(100)(091)
LBC 87.3(0)44-03

Submitted: 15.06.2021
Accepted: 06.06.2022

GREGORY PALAMAS' CRITICISM OF PLATO'S IDEAS ¹

Timur A. Schukin

Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper focuses on Gregory Palamas' criticism of Plato's ideas. *Methods.* It examines four texts related to the early life of Gregory Palamas, which in one way or another were devoted to the criticism of Platonic idealism. On the basis of these texts, four points are identified on which the saint disagrees with the Athenian philosopher, or rather with the image of Platonic philosophy that existed in his mind (and probably in the minds of many educated Byzantines of the 14th century). *Analysis.* In his First letter to Barlaam, Gregory Palamas points out the impurity and passion of Plato's idea, its contamination by accidental content. In the Second Letter to Barlaam, Plato's ideas are criticized for their inability to become a link in the knowledge of God, since they are "empty" universals that precede many things. Such ideas are not the subject of contemplation and cannot become the beginning of reflection. In the "Triads for the Defense of Those Who Practice Sacred Quietude", Gregory Palamas first of all points out the independence (autonomy of existence) of ideas, their separation from both God and the world. Finally, in the "Antirretics contra Akindynos", we are talking about the creaturehood of ideas, which again makes it impossible to communicate with God. *Results.* The paper argues that although polemical attacks against Plato are attacks rather against the opponents of Gregory Palamas, they can also be considered as a way to manifest his own teaching. Gregory Palamas defines himself as a Christian philosopher who offers an original interpretation of ideas, different from that offered by "pagan", Platonic, wisdom.

Key words: Gregory Palamas, idea, energy, universal, Barlaam of Calabria, Gregory Akindynos.

Citation. Schukin T.A. Gregory Palamas' Criticism of Plato's Ideas. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 143-155. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.11>

УДК 1(100)(091)
ББК 87.3(0)44-03

Дата поступления статьи: 15.06.2021
Дата принятия статьи: 06.06.2022

ГРИГОРИЙ ПАЛАМА КАК КРИТИК ПЛАТОНОВСКОЙ ТЕОРИИ ИДЕЙ ¹

Тимур Аркадьевич Шукин

Социологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена критике Григорием Паламой платоновской теории идей. В ней разбираются четыре текста, относящиеся к раннему периоду богословского творчества Григория Паламы, которые так или иначе были посвящены критике платоновского идеализма. На основании этих текстов вычлняются четыре пункта, по которым святитель расходится с афинским философом, а точнее с тем образом платоновской философии, который существовал в его сознании (и, вероятно, в сознании многих образованных византийцев XIV века). В Первом письме к Варлааму Григорий Палама указывает на нечистоту и страстность платоновской идеи, зараженность ее случайным содержанием. Такая идея, полагает Григорий Палама, не подобает Божеству и не может служить образцом для результата Его деятельности. Во Втором письме к Варлааму платоновские идеи критикуются за неспособность стать связующим звеном в богопознании, поскольку они являются «пустыми» универсалиями, предшествующими множеству вещей. Трактующие таким образом идеи не являются предметом созерцания и не могут стать началом рефлексии. В «Триадах в защиту священнобезмолвствующих» Григорий Палама прежде всего указывает на самостоятельность (автономность существования) идей, их отделенность и от Бога, и от мира. В данном сочинении платоновские идеи максимально оттеняют разрабатываемое Григорием Паламой учение о нетварных энергиях, являющихся одновременно и «частью» Божества, и реальностью, приобщимой для твари. Наконец, в «Антирретиках против Акиндина» речь идет о тварности идей, что опять-таки делает невозможным бого-

общение. По мнению святителя, «превосходство» сущности над энергией как причины над следствием не означает онтологической неполноценности энергий. В статье утверждается, что хотя полемические выпады против Платона есть выпады, скорее, против оппонентов Григория Паламы, их вполне можно рассматривать и как способ манифестировать собственное учение. Григорий Палама самоопределяется как христианский философ, предлагающий оригинальную трактовку идей, отличную от той, что предлагает «языческая», собственно платоническая, мудрость.

Ключевые слова: Григорий Палама, идея, энергия, универсалия, Варлаам Калабрийский, Григорий Акиндин.

Цитирование. Щукин Т. А. Григорий Палама как критик платоновской теории идей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 143–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.11>

Введение. Вопрос о платоническом характере учения Григория Паламы о нетварных энергиях ставился неоднократно, как правило, в общетеоретическом ключе. К этому есть некоторые предпосылки. Во-первых, интуитивно очевидное сходство двух философских конструкций: и нетварная энергия Григория Паламы, и платоновская идея являются виртуальными реальностями, которые тождественно-различны с Божеством (происходят от него, находятся «вблизи» него, являются его отражением или эманацией – в зависимости от интерпретации) и которые выступают в качестве объекта подражания или причастия для тварных (или в рамках античной философии – низших) природных сущностей. Во-вторых, выбирая в XIV в. язык для философского высказывания тот или иной мыслитель – и Григорий Палама не был исключением – мог выбирать либо язык Платона, либо язык Аристотеля, либо язык стоической натурфилософии². Но выбор языка предполагал и самоопределение по отношению к той доктрине, на языке которой говорит автор. В-третьих, неоплатонизм был одним из элементов, одним из факторов влияния, сформировавших воззрения антипаламитов, о чем неоднократно писал Григорий Палама и что очевидно из текстов самих его противников [23, р. 8]. Все это позволяет исследователю задать вопрос: в каких отношениях находился с Платоном сам Григорий Палама?

Методы. Многие исследователи (прот. Иоанн Мейендорф [10], А. Риго³, В.М. Лурье⁴) не считали этот вопрос чем-то значимым, предпочитая изучать воззрения Григория Паламы в рамках христианского дискурса. Другие авторы рассматривали учение Григория Паламы о нетварных идеях в рамках

фиксированных философских парадигм, одной из которых является парадигма платоническая. Так, Эндре фон Иванка выдвигает концепцию «бессознательного платонизма» Григория Паламы. Он исходит из того, что в философском отношении перед исихастами стояла та же задача, что и перед платониками: объяснить переход от запредельного единого к наличной множественности творения, от непознаваемой простоты к познаваемой сложности, от Бога к творению. Для этого Григорий Палама предложил учение о нетварных энергиях – реальности, как раз посредствующей между Богом и миром. Как полагает фон Иванка, «родство с платоновскими представлениями... очевидно», однако «оно все же основано не на заимствовании (хотя знание философских теорий могло бессознательно подействовать на решение проблемы), а скорее на одинаковом в обоих случаях глубинном интересе: стремление найти онтологическую формулу для описания происхождения множественной реальности из единого Бога, – в платоновских терминах: стремление понять, как из Единого может возникнуть множественное, из вечного – изменяемое и подверженное становлению» [18, р. 372]. Гораздо дальше идет Лауэлл Клукас, который считает богословие Григория Паламы кульминацией христианского платонизма [15, р. 585]. Византийский мыслитель, полагает Л. Клукас, показал, что деятельность Бога во вне есть одновременно и образец-парадигма для человека, есть то в Боге как Боге, что может быть причастуемо человеком [15, р. 540–541]. Палама, указывает Л. Клукас, использует термин «энергия» как в аристотелевском смысле, для описания деятельности Божества, так и в платоническом – для описания причастуемого в Боге, то есть того, что в платонизме

называется идеями, а также созерцаемого, познаваемого подвижником [15, р. 556–557]. Фактически, полагает Клукас, полемика вокруг нетварных энергий – это одна из форм спора об универсалиях [15, р. 551], и Григорий Палама выступает защитником их реального существования в Боге и, что наиболее существенно, реального познания и причастия. «Эпистемологически Палама разрешает такую старую патристическую проблему как онтологический статус универсалий по отношению к непознаваемому Божеству. Он дает божественным идеям и их “умному” свету наиболее “реалистическую” из возможных трактовок отождествляя их с “нетварным, божественным светом” Фавора» [15, р. 557]. Более скептичен относительно решения Григорием Паламой проблемы универсалий Дмитрий Бирюков, который указывает на двойственность данного концепта в богословии святителя: по мнению Д.С. Бирюкова, Григорий Палама, с одной стороны, в одних контекстах отрицает реальность бытия универсалий до-вещей⁵, в других же допускает бытие неких образцов-парадигм в божественном уме. Предпосылкой этого, по мнению Д.С. Бирюкова, является то, что Григорий Палама в различных контекстах мыслит в рамках различных философских дискурсов [2, с. 181–182]. В другой своей статье исследователь говорит более определенно о зависимости Григория Паламы от платонической традиции: «паламитская “энергия” концептуально (и генетически) восходит к платоновской “идее” и несет в себе существенные коннотации, присутствующие “идее”» [1].

Все указанные исследователи – и Э. фон Иванка, и Л. Клукас и Д.С. Бирюков – исходят из того, что платонизм Григория Паламы опирается на платонизм православных платоников первого тысячелетия – прежде всего, Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника [18, р. 378; 15, р. 562–564; 2, с. 180]. Я бы, однако, хотел поставить вопрос в иной плоскости: если святитель исповедовал некую христианскую форму платонизма, принимал определенную христианскую трактовку учения об идеях, то как тогда он воспринимал аутентичный платонизм, как его трактовал, насколько идентифицировал свое учение с ним. И если языческий платонизм им отвергался (в этом мы вряд ли можем сомневаться), то по каким параметрам? Очевидно, что

перечень этих параметров будет одновременно и перечнем идентифицирующих элементов платонизма паламитского извода. Разбору соответствующих отрывков, который поможет ответить на данные вопросы, посвящена эта статья⁶.

Анализ. Насколько можно судить, в «до-полемических» сочинениях Григорий Палама трактовал универсалии в аристотелевском (или сниженно платоническом) смысле⁷. Так, во втором по времени написания трактате «Слово на Введение Богородицы в Храм» (Беседа 53) Григорий Палама неоднократно употребляет термин *idea* в значении «вид», множество единичностей, объединенных одним сущностным признаком. Например, в одном из фрагментов у Григория Паламы речь идет о видах чувственно воспринимаемых и чувствующих тварей (то есть совокупностях единосущных единичностей), которые не могли реализовать божественный замысел о творении и поэтому Богу «понадобилось» сотворить еще и человека как вместилище ума (Ном. 53.5) [28, с. 266]. В конце трактата Григорий Палама описывает то состояние, которого достигла Богородица во время пребывания в иерусалимском храме: Ее ум, по мнению святителя, находился в модусе отрешенности от созерцания земных вещей, абсолютной собранности, абсолютного единства, которое Григорий Палама характеризует термином *eidōs eidōn* (Ном. 53.5) [28, с. 336–338], то есть вместилищем всех видов сущего в соответствии с определением Аристотеля⁸ и с несомненными неоплатоническими коннотациями (ср.: Еп., VI.7.17). В данном случае мы должны оставить за скобками тот факт, что аристотелевская терминология здесь, так же как и в случае термина «энергия» (по меткому наблюдению Л. Клукаса [15, р. 556–557]), является маскировкой неоплатонического концепта. В данном случае того концепта, что чистый самообращенный ум является субъектом созерцания Бога, обнаруживаемого как бы «внутри» ума. Для нас важнее сама трактовка *eidōs* как логико-онтологической реальности, тождественной себе в вещах и в отвлечении от вещей – в человеческом уме.

Сходная трактовка данного понятия прослеживается и в первом полемическом сочинении Григория Паламы – трактате «Об исхождении Святого Духа»:

Единая Держава, единая Сила, создательница сотворенных твоей рукой светов, всякого знания Подательница, произведшая многовидные идеи (ή πολυειδεῖς ἰδέας παραγαγούσα) познающих и познаваемых, и соответственно познающим и сообразно природе вложившая знания (τοῖς γινώσκουσι καὶ φυσικῶς ἐνθεῖσα τὰς γνώσεις): мыслящим – простые и бесстрастные умозрения; чувственным – многочастные и страстные ощущения; нам же смешанным из того и другого – и те и другие (τοῖς μὲν νοεροῖς ἀπλᾶς καὶ ἀπαθεῖς νοήσεις, τοῖς δὲ αἰσθητικοῖς πολυμερεῖς καὶ παθητὰς αἰσθήσεις, τοῖς δὲ μικτοῖς ἡμῖν ἀμφοτέρα) (De proc., прол.) [29, с. 72.18–24; 5, с. 16]⁹.

«Многовидные идеи» – в данном случае речь идет уже именно о платоновском термине, который, однако, трактуется в духе тварной универсалии, соответствующей определенному множеству тварных сущих, и определенному типу познания. Григорий Палама излагает это учение как самоочевидное, не требующее доказательств и самоопределения по отношению к нему. Подобная нужда у него возникнет позже, когда святителю придется обосновывать свое понимание универсалий как нетварных реальностей перед лицом тех, кто придерживался «самоочевидной» тварности божественных идей.

Так, ключевым предметом Первого письма Григория Паламы к Варлааму, которое было написано в ответ на так называемое Первое письмо Варлаама к Паламе¹⁰, была применимость аподиктического силлогизма (безусловно достоверного – в отличие от «диалектического», который построен на вероятностных суждениях) к божественной реальности (в данном случае – к вопросу о филиокве). Если Варлаам настаивал на том, что аподиктический силлогизм в строгом смысле к божественной реальности не применим, то Григорий Палама оставляет возможность не только для опытного познания Бога, но и для силлогистического, если оно опирается на это опытное познание. На этом же основании Григорий Палама критикует и преклонение Варлаама перед античными философами, которые, по мнению последнего, тоже получают озарение мысленным светом (φῶς ἀναλάμψαι νοερόν) и за счет этого, а не за счет спекулятивных доказательств оказываются способны иметь «свернутые, простые

и неделимые умозрения» (τὰς συνελτυγμένας καὶ ἀπλᾶς καὶ ἀμερεῖς θεωρίας) (Epist. ad. Varl. I.34) [31, с. 484.26–27]. Григорий Палама указывает на то, что подлинный свет, подлинное просвещение, подлинный ум не может быть «внешним» для человека, что он является плодом нравственного очищения, следствием очищения ума от страстей и приведения его в состояние полной «свернутости», самообращенности. Григорий Палама указывает на источник этого познания – на божественный свет, который приходит к человеческому уму изнутри, когда сам этот ум пребывает в абсолютной «свернутости», просвещая его и делая способным, в том числе, к богословской спекуляции; дискурсивное же мышление своей множественностью, случайностью не способно вместить божественный свет, напротив, оно как бы привлекает лукавый (= бесовский) свет извне (Epist. ad. Varl. I.42) [31, с. 492–494]¹¹. Последнее мы видим, полагает святитель, в античных философах, которые вовсе не являются образцами нравственности, а потому если и соединяются с каким-то светом, то, очевидно, со «светом» прелестным, дьявольским, который как раз и приходит к человеку «извне»¹². В данном случае Палама явно полемически обыгрывает аристотелевское понятие «внешнего ума» (θύραθεν νοῦς), такого ума, который может быть временным обладанием человека, но не составляет его сущность¹³. Однако в данном контексте все античные философы оказываются носителями такого «внешнего» ума, который сообщает им ложные представления и о том, как возможно богопознание (это основной предмет письма Паламы), и о том, как соотносится идеальное и реальное в мироздании. Именно в этом контексте у святителя возникает критика платоновской концепции идей, как примера ложного умозрения:

Разве не слышишь ты говорящего: «Гони Платоновы идеи! (τὰς ἰδέας)», то есть некие мысленные образы (ἀνατυπώσεις) и упражнения (μελέτας) в уме прежде дел, не без страстей и подобающие скорее людям, занимающимся стройкой, опасаящимся случающейся иногда с ними от неосмотрительности неудачи, нежели Богу, для Которого и мысль является делом (ἔργον καὶ τὸ ἐννόημα)? А если мысль – дело, и требует наперед неких образцов и мысленных образов (παραδειγμάτων τε καὶ ἀνατυπώσεων ἄλλων), то, значит, должны быть и идеи идей (τῶν ἰδεῶν ἔσσονται

idéai), и так до бесконечности, если только он не приписывает упомянутым идеям чего-то большего – большего в плохом смысле (Epist. ad. Barl. I.49) [31, с. 502.8–17].

Григорий Палама представляет идеи Платона в карикатурном виде, но в этой карикатуре есть своя логика. Идея – это не просто отвлеченное от эмпирической единичности общее, это смысл некоего действия, форма этого действия, только, как указывает святитель, форма не-чистая, а уже в уме наполненная представлениями о возможных результатах этого дела: результатах как удачных, так и неудачных, почему Палама и связывает эту мысль с опасениями строителя, взятого в качестве примера. Таким образом, «идея» оказывается в двух смыслах не-чистой: во-первых, в смысле наполненности частным содержанием, во-вторых, в смысле страстности, смешанности с некоторым посторонним влечением, не обусловленным сутью (целью) данного дела. Разумеется, Григорий Палама не считает, что идеи в такой трактовке подобают Богу. Однако далее он делает важное уточнение: «для Бога... делом является и мысль». С одной стороны, из этого утверждения разворачивается квазиаристотелевская критика платоновских идей: если для идеи-мысли, которая выступает в качестве дела, нужна другая мысль, то и для этой другой мысли нужна третья, и так до бесконечности. С другой стороны, перед нами манифестация учения об энергиях, которые выступают одновременно и мыслями, и действиями Бога. Тем самым Григорий Палама отвергает неправильное учение об идеях, но в то же время предлагает правильное учение о божественных мыслях, которые, очевидно: 1) чисты, 2) совпадают с божественной деятельностью, 3) выступают в качестве образцов для того, что является результатом деятельности. Фактически святитель в полемике с Платоном предлагает православное учение об идеях.

Вопрос: корректно ли отождествлять божественную мысль-действие Григория Паламы, выкристаллизовывающуюся в полемике с Платоном, с тем светом, который обнаруживает подвижник в собственном уме и который позволяет функционировать доказательствам относительно Бога? На этот вопрос мы сможем

ответить, обратившись ко Второму письму Григория Паламы к Варлааму.

В этом письме Григорий Палама дает развернутое доказательство возможности спекулятивного богословия. По мнению святителя, оно возможно в силу неоднородности того, как открывается нам Бог. Некоторые вещи мы не можем знать ни в каком смысле, некоторые можем созерцать, а о некоторых можем и рассуждать более или менее точно (Epist. ad. Barl. II.10–12) [32, с. 524–528]. Подобная гносеологическая неоднородность обусловлена тем, что не все в Боге является божественной сущностью, помимо нее есть то, что «окрест Бога», то, что как раз и доступно познанию (Epist. ad. Barl. II.30–31) [32, с. 548–550]. Григорий Палама дает развернутое учение об этой отличной от божественной сущности реальности, впервые называя ее энергиями, но в то же время отождествляя с нетварными образцовыми реальностями, универсалиями, которым причаствуют реальности единичные и тварные (Epist. ad. Barl. II.30–32) [32, с. 550]. Именно в контексте данного учения, являющегося, по сути, христианским учением об идеях, о божественных делах-мыслях, следует рассматривать критику платоновского идеализма:

Против Платона и его доказательства нам поможет Аристотель, ибо он говорит: «Если общее – прежде многого (τὸ καθόλου πρὸ τῶν πολλῶν), как говорил Платон, то доказательства уже не будет, ибо единично существующее не может сказываться о многом (κατηγορεῖσθαι τῶν πολλῶν τὸ ἐνιαίως ὑφεστώς), и тем более – прежде всего прочего, а без сказуемого нет не только доказательства, но и среднего термина, так как он должен быть подчинен тому, что прежде прочего, а это невозможно; а без среднего термина не будет доказательства» (Epist. ad. Barl. II.37) [32, с. 556.29–558.6].

С точки зрения Варлаама, ссылающегося в данном случае на Аристотеля, и критикующего Паламу как нового Платона, если общее не присутствует в вещах, а выступает только в модусе «до многого», как некая единичность, то множество единичных вещей не может быть охвачено родовидовой сеткой, вещи нельзя будет подвести ни под какое определение, о них вообще нельзя будет говорить. Разумеется, вследствие этого невозможно будет никакое суждение, никакое доказательство (как сово-

купность суждений) и уж тем более никакое доказательство относительно Первой причины. Григорий Палама отвергает бытие универсалий, оторванное от единичностей, теряющих свой гносеологический функционал.

Григорий Палама не опровергает данный аргумент прямо, а приводит цитату из самого Варлаама, которая, на его взгляд, опровергает аргумент «Аристотеля»:

Итак, Платону мы противопоставим его ученика, по собственной воле выступившего против него, а Аристотелю – его собственного, то есть нашего философа, хоть и против воли последнего. Прежде всего рассмотрим, почему он думает, будто доказывает, что наши слова о вещах божественных вовсе не являются доказательством, и в первую очередь, первое его утверждение...: «Что для геометров начало и аксиома (ἀρχὴ καὶ ἀξίωμα), – говорит он, – то для нас определения отцов (αἱ τῶν πατέρων ἀποφάνσεις); стало быть, ни одного утверждения мы не должны брать из силлогизма», как и геометры не из силлогизма берут начала своего искусства (τὰς τῆς οἰκείας ἔξεως ἀρχάς) (Epist. ad. Varl. II.38) [32, с. 558–7–18].

Далее Григорий Палама подробно развивает мысль о том, что богословие, как и всякая другая доказательная научная дисциплина, исходит из неких аксиом, которые в свою очередь являются результатом накопленного опыта: эмпирического (как в прочих науках) или интеллектуально-мистического (как в богословии) (Epist. ad. Varl. II.39) [32, с. 558–560]. Для нас в данном контексте важно то, как соотносится «общее до многого», которое, по мнению Варлаама, никак не связано с мыслительным процессом и процесс богопознания в представлении Григория Паламы. Очевидно, что в варлаамитской интерпретации как некой пустой универсалии «общее до многого» неприемлемо для святителя: оно должно стать источником богопознания. И если оно начинается с опытом, то это «общее до многого» в первую очередь является объектом опыта, объектом созерцания, а уже затем чем-то, что формирует интеллектуальный процесс. Вновь мы видим, как Григорий Палама формулирует свое учение о нетварной мысль-действии, отталкиваясь от ложной «платонической» ее интерпретации. Мысль-действие – это не пустая универсалия, это то, что связывает Бога и ум подвижника, ум богослова.

Полемику с Варлаамом Григорий Палама развивает в «Триадах в защиту священнобезмолвствующих»¹⁴. Нас в данном случае интересует первый трактат второй триады, в котором святитель подробно разбирает тезис Варлаама Калабрийского о равночестности той мудрости, которую предлагает внешняя, эллинская ученость, и той, которую христианин черпает из Писания и Предания. Данный тезис Варлаама логично вытекает из его же убеждения в том, что истина относительно божественной реальности ни в каком смысле не познаваема, что мы можем знать лишь то, что открывает о себе Бог в рамках научного, научно-философского познания или некоего интеллектуального озарения, которое, впрочем, не выводит познающего за пределы тварной реальности. Естественно, что при такой постановке вопроса не так уж важно, где и каким образом происходит озарение: в институциональных границах Церкви или за ее пределами. Григорий же Палама, отдавая должное и античной культуре, и античной мудрости, и даже не отрицая того, что любое искусство и наука являются «природным» даром Божиим (Tr. II.1.12) [30, с. 280], вновь указывает на принципиальное различие между эллинской мудростью и мудростью «апостолов и пророков». Фактически его аргументация является расширенным вариантом той, которая представлена в Первом и Втором письмах к Варлааму и касается, во-первых, нравственного аспекта гносеологии – познание божественных вещей невозможно без очищения души, чему изучение наук никак не помогает (Tr. II.1.27) [30, с. 308–310], и, во-вторых, источника познания: если подвижник получает знание о Боге непосредственно, в мистическом опыте, и в несмешанном, чистом виде, то философ приобретает мудрость путем проб и ошибок, в полемике, в столкновении различных мнений, а потому не может не оказаться во власти страстей и не допустить вкупе с истинными ложных суждений (Tr. II.1.18) [30, с. 292–294]. Но даже если, продолжает святитель, речь идет не о мнении частного философа, а о некоей «идее мудрости», к которой стремятся все философы, ее онтологический статус нельзя не признать проблематичным:

Посмотрим только все же, какую это ты проповедуешь здесь мудрость саму по себе

(αὐτοσοφίαν). Уж не та ли, которая имеет свое существование у так называемых философов в их сочинениях? Впрочем, ты сам говоришь, что не будут и не называются философией ни знания философов, ни сочинения такого-то и такого-то философа, а только кое-что у них, да и это не философия, а ее плоды. Ты был вынужден это сказать, чтобы подтвердить, что твоя «идея знания» (γνώσεως ἰδέαν) едина и множество философий не существует. Если ничто у отдельных философов не есть философия, значит, не у них имеет свое существование и то, что ты называешь мудростью самой по себе; в самом деле, тем, в ком она существует, следовало бы тогда называться ее именем, как все мы называемся людьми по общему виду, имеющему в нас свое существование. Но если, стало быть, эта твоя «мудрость сама по себе» не здесь, то где же она существует? В Боге? Опять же, однако, ты сам дальше говоришь, что избранная тобой философия есть безумие у Бога, и значит, так называемая «мудрость сама по себе» не есть неизреченно существующая в Нем премудрость (ἢ ἐν αὐτῷ τὸ ἀφραστον ἐνοῦσα τρόπων); с другой стороны, она не есть и премудрость, внедренная в Его создания (ἐν τοῖς ὑπ' αὐτοῦ γεγεννημένοις), потому что такая никак не называлась бы философией, а ты говоришь как раз о философии. Получается, что раз твоя мудрость существует и не в Боге, и не в человеках, а все равно существует как «идея», то она существует на своем собственном основании (καθ' ἑαυτὴν οὐκοῦν ἔστιν ὄφραστῶσα) – и так среди нас сразу возрождается Платон вместе со всей своей злоучительной болтовней (Тг. II.1.22) [30, с. 302.5–27; 6, с. 136]¹⁵.

Святитель, хотя и в ироничной форме и в неожиданном контексте, пытается выяснить, какую роль в системе Варлаама играет одна из универсалий – идея мудрости. Он указывает на то, что она никак не в Боге, поскольку Варлаам прямо отрицает это (да это и не стыкуется с базовым тезисом Варлаама, отрицающего нетварность того, что окрест Бога). Но она и не существует в конкретных философах – ведь тогда мы возвращаемся к тому, от чего Варлаам пытается уйти, а именно от многообразия философских мнений. Ответ один: идея располагается где-то между Богом и человеком, будучи тварной, но и при этом автономной реальностью. В данном случае не так важно, насколько этот тезис вписывается в богословско-философскую программу Варлаама. Важно то, что Григорий Палама маркирует

как неприемлемое учение о самостоятельном бытии идей – до вещей, но при этом не в Боге. Именно это учение воспринимается Паламой как аутентичный платонизм и именно такой платонизм Паламой отвергается¹⁶. Как мы видим, здесь на первое место выходит уже не «смешанность» идеи со случайным содержанием, не ее пустота и неприобщимость, но автономность от Бога. Впрочем, и в этом отрывке присутствует некоторое недоумение Паламы по поводу практической бессмысленности такой трактовки идеи, которая никак не воплощается в интеллектуальной практике, не помогает людям в богопознании (да и в любом другом познании, раз она не «внедрена в Его создания»). Логично предположить, что правильная, с точки зрения святителя, трактовка «идеи» ровно противоположная: идея должна располагаться в Боге, в Его уме, и быть доступной для причастия. Собственно говоря, в этом и заключается учение о нетварных энергиях, божественных действиях-мыслях, которые выступают одновременно и в качестве универсалий и в качестве в собственном смысле божественных действий (во всем многообразии значений этого слова).

В несколько ином аспекте критикует платоновскую концепцию идей Григорий Палама в «Антирретиках против Акиндина»:

Что же означает, когда они пребывающие в Боге и от Бога причастия и начала сущих (τῶν ὄντων μετοχὰς τε καὶ ἀρχὰς), причастностью к коим составилось все, – благость, жизнь, бытие (τὴν ὄντοτητα), бессмертие, святость и тому подобное, – называют сущностями или ипостасями, созерцаемыми при Боге (περὶ τὸν θεὸν θεωρούμενας) и прежде ангелов в веке созданными (ἐν αἰῶνι κτισθείσας), как и ими причастуемые? Разве не платоновские идеи (τὰς πλατωνικὰς ἰδέας) приносят они в Церковь Христову и не во многих богов соблазняют веровать, причастностью к коим составилось все? Но когда они опять же из приводимых нами речений Духа узнают, что сии являются предвечными, то усиливаются доказать, что сущность Божия не превосходит их (μὴ ὑπερκεῖσθαι τοῦτων). Стало быть, согласно им, эти идеи не от нее, и она не есть их причина. Ибо если она причина, то и превосходит их; а если не превосходит, то и причина не будет одна. Так что, согласно им, суть много причин, и по необходимости многобожие (Contr. Acind. 1.6.30.XXX) [27, с. 94.7–20; 4, с. 22]¹⁷.

Здесь подчеркивается то, что в собственном смысле и отличает христианское понимание идей от языческого – их нетварный характер, их существование в Боге. Григорий Палама, перечисляя универсалии, существующие в Боге или «окрест Бога», отвергает возможность мыслить их в качестве самостоятельных сущностей или ипостасей, то есть в качестве чего-то, что в каком-то смысле имеет бытие в самом себе. Далее полемическую логику Паламы можно восстановить в сравнении с другим отрывком:

Ибо ту сущность, о которой они говорили как о присно сущей от Бога благодати, нетварном свете и не возникшем обожении, ныне, изменившись как бы от раскаяния, они называют тварной и начавшейся и произведенной из небывших. «Ибо если нетварным является, – говорят они, – боготворящий дар и эта благодать, то как Бог будет превосходить ее, как это написано в трудах отцов?» Какое безумие! Ведь святые говорят, что Бог превосходит всякое утверждение и отрицание. Что же тогда? И Его бессмертие, и жизнь, и бесконечность, и вечность, и нематериальность, и то, что Он «Дух есть» (Ин. 4:24), и вообще все, относящееся к Богу (ἀπλῶς ἁπαντὰ τὰ τοῦ θεοῦ), назовем тварным и таким образом поставим Его превыше всякого утверждения и отрицания? Но мы введем сами себя в заблуждение, скорее низвергая Его, нежели обособляя, если не станем говорить, что Ему извечно присуще все боголепно окрест Него уразумуемое (τὰ θεοπρεπῶς περὶ αὐτὸν νοούμενα), и таким образом поставим выше всего этого Его абсолютно непостижимую и сверхсущностную, – лучше же сказать, и саму сверхсущностность, по слову мудрого в божественном Максима, в бесконечное число раз бесконечно превосходящую, – сущность (Contr. Acind. 1.7.40.XLIII) [27, с. 108.4–21; 4, с. 27].

Григорий Палама указывает на предвечность универсалий (= благодати, нетварного света). Варлаамиты отвечают, что в таком случае божественная сущность не будет превосходить божественную энергию (из второго отрывка следует, что это не точка зрения варлаамитов, а их вывод из тезиса Паламы). На это святитель возражает, что это невозможно, поскольку тогда божественная сущность не будет выступать в качестве причины, а если так, то понадобится бесконечный ряд промежуточных причин, что недопустимо.

Для самого Паламы не составляет никакой проблемы сказать, что божественная сущность превосходит божественные энергии – хотя бы в плане познаваемости. Для него, однако, недопустимо из бытия в качестве следствия выводить бытие в качестве сотворенного из ничего и непредвечного. Таким образом, нетварные энергии, в отличие от идей Платона (в том виде как их трактует Григорий Палама), происходят от божественной сущности как причины, но не являются новым бытием и онтологически отличным от божественной сущности бытием.

Результаты. Разобрав четыре текста, относящиеся к раннему периоду творчества Григория Паламы, которые так или иначе были посвящены критике платоновской теории идей, мы вычленили четыре пункта, по которым святитель расходится с афинским философом, а точнее с тем образом платоновской философии, который существовал в его сознании (и вероятно, в сознании многих образованных византийцев XIV века). В Первом письме к Варлааму Григорий Палама указывает на не-чистоту и страстность платоновской идеи, зараженность ее случайным содержанием. Во Втором письме к Варлааму платоновские идеи критикуются за неспособность стать связующим звеном в богопознании, поскольку они являются «пустыми» универсалиями. В «Триадах в защиту священнобезмолвствующих» Григорий Палама прежде всего указывает на самостоятельность идей, их отделенность и от Бога и от мира. Наконец, в «Антирретиках против Акиндина» речь идет о тварности идей. Конечно, все эти полемические выпады против Платона есть выпады скорее против оппонентов Григория Паламы и одновременно способ манифестировать собственное учение о нетварных энергиях. Однако их вполне можно рассматривать и с точки зрения самоопределения Григория Паламы как христианского философа, предлагающего оригинальную трактовку идей, универсалий, отличную от той, которую предлагает языческая мудрость.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00952 «Учение Григория Паламы»

как философская система: историко-философский анализ».

The work was supported by RFBR grant № 19-011-00952 ‘The doctrine of Gregory Palamas as a philosophical system: a historical and philosophical analysis’.

² Это можно проиллюстрировать на материале «Ста пятидесяти глав» Григория Паламы, где он противопоставляет стоическую модель мироздания неоплатонической. См.: [35, с. 112].

³ Очень характерны в этом смысле трактовки фрагментов Григория Паламы, посвященные самообращенности ума. См.: [20; 22, р. 185–189].

⁴ См.: [8], где платонизм рассматривается исключительно как враждебное паламизму учение, различные формы которого принимаются оппонентами святителя.

⁵ Этот тезис Д.С. Бирюков строит на разборе 81-й главы «Глав физических» [2, с. 171–179]. См. также наш разбор той же главы в несколько ином ключе: [11]. На мой взгляд, противоречие здесь несколько преувеличено: в «Главах физических» Григорий Палама отрицает то, что те же самые универсалии, которые существуют в вещах и после вещей (в уме), существуют также и автономно – до вещей. Проще говоря, святитель отрицает самостоятельное бытие тварных универсалий или идей (в качестве неких только мысленных или реальных объектов). При этом святитель принимает нетварные универсалии, каковыми в одном из своих аспектов являются божественные энергии. Собственно говоря, бытие тварных универсалий в вещах и в уме человека выступают в качестве одного из примеров «единого делимого» в 81-й главе, каковыми также и в первую очередь являются божественные энергии. Если существование одного выступает доказательством существования другого, очевидно, что существование того и другого для Григория Паламы не является взаимоисключающим.

⁶ Большинство исследователей считают влияние платонической традиции на творчество Григория Паламы хотя и значительным, но не существенным, не касающимся собственно мировоззрения святителя. Так, Д.С. Макаров полагает, что влияние платонизма, аристотелизма и других философских учений ограничивалось областью космологии (см., напр.: [9, с. 155–156]). А.Ю. Волчквич делает ценный разбор наиболее раннего из сочинений Григория Паламы «Слова на житие прп. Петра Афонского», обнаруживая в нем множество параллелей с античными авторами, включая Платона. Сам А.В. Волчквич полагает, что влияние в данном случае – на уровне риторики и даже лексики [3]. И. Полемис, а также – более подробно – автор данной статьи произвели разбор

отрывка из того же Слова, в котором, по их мнению, Григорий Палама творчески перерабатывает фрагмент из «Эннеад» [21; 12]. Критическое замечание Д.С. Бирюкова о том, что данный отрывок можно объяснить влиянием Дионисия Ареопагита, поскольку специфический термин «ἐπιστροφή» в значении самообращенности ума, используемый Паламой, присутствует у Ареопагита [1], мне представляется не вполне обоснованным, поскольку речь идет не о заимствовании единичного термина, а о комплексном – лексическом, композиционном, содержательном – сходстве двух отрывков. Впрочем, приличное знакомство Григория Паламы с античной мыслью исследователями под сомнение не ставится: [11; 33; 34; 35]. См. также новейшую попытку сопоставления учения Григория Паламы об обожении с аналогичным учением в неоплатонической традиции: [17].

⁷ Об «умеренном реализме» византийской (и в частности – поздневизантийской) традиции см.: [13; 26].

⁸ См.: De anima, 472a. Эту же характеристику «чистого» ума Григорий Палама воспроизведет в «Триадах в защиту священнобезмолвствующих»: (Tr. I.3.45) [30, с. 244].

⁹ В перевод Р.В. Яшунского вносились коррективы.

¹⁰ Хронология начального этапа конфликта с изложением содержания переписки: [19]; также см.: [24; 8, с. 382–384; 7; 17].

¹¹ Ср.: «Возможное [рассуждение относительно Бога] имеет началом духодвижную силу» (τὴν δυνατὴν, καὶ ταύτης ἀρχὴν ἔχοντες τὴν πνευματόκίνητον δύναμιν) (Epist. ad. Barl. I.58) [31, с. 512.1–2]. Перевод фрагментов Первого и Второго писем к Варлааму – Р.А. Яшунский; редакция перевода – Т.А. Щукин.

¹² Моральный облик античных философов и их соединение с бесовским светом обсуждаются в: (Epist. ad. Barl. I.36–39, 46–49) [31, с. 486–490, 498–502].

¹³ Учение о таком «внешнем уме», божественном даре, приходящем к человеку на определенном этапе интеллектуального развития, возможно, восходит к Михаилу Пселлу. В (Or. 106.92, 143) [16, р. 420, 422] мыслитель сопоставляет Святого Духа христианского вероучения с «внешним умом», пророческим действием богов (καὶ ‘νοῦν’ δὲ ‘θύραθεν’ οὐ τὸ πνεῦμα οἶονται, ἀλλὰ τὴν τῶν παρ’ ἐκείνοις λεγομένων θεῶν μανθῶδον ἐνέργειαν (Or. 106.102–103) [16, р. 421]). Д. Вальтер предполагает, что в данном отрывке Михаил Пселл различает Святой Дух как третью ипостась Троицы и дух как «дары Божии», Его энергию [25, S. 46–47]. Считая интерпретацию Д. Вальтера несколько форсированной, я, однако, полагаю, что в богословии Пселла налицо

трактовка Духа как чего-то приходящего извне. Проследить связь гносеологии Михаила Пселла и гносеологии антипаламитов – дело дальнейших исследований.

¹⁴ См. обзорную статью: [14].

¹⁵ В перевод В.В. Библихина вносились коррективы.

¹⁶ Ср. «такова Платонова мудрость, которая, помимо несотворенности материи, самостоятельности идей и сотворения мира подчиненными демонами, внушает еще и торжество добра и недобра, святого и несвятого...» (ὁποῖα ἐστὶν ἡ τοῦ Πλάτωνος, μετὰ τῆς ἀκτίστου ὕλης καὶ τῶν αὐθυπάρκτων ιδεῶν καὶ τῶν δημιουργῶν, τῶν ὑστερογενῶν δαιμόνων, ἐτι καὶ τὸ αὐτὸ πειθούσα εἶναι καλὸν τε καὶ μὴ καλόν, ὁσιόν τε καὶ μὴ) (Tr. II.1.20) [30, с. 298.3–6; 6, с. 134]; «И низменно и недостойно Бога представили эти прообразы (τὰ τοιαῦτα παραδείγματα) Пифагор и Сократ – как самостоятельные начала, равносильные Богу (αὐθυπάρκτους ἀρχάς, συναϊτίους τῷ Θεῷ). Вот кого надо винить в многобожии, между Сверхсущностью и тварным измысливших от себя отличные от божественной сущности начала (μετὰ τῆς ὑπερουσιότητος ἐκείνης καὶ τῶν γενητῶν θείας οὐσίας ἐτέρας ἀρχικάς τῶν ὄντων)» (Tr. III.2.26) [30, с. 690.15–21; 6, с. 327]. Относительно последнего отрывка см. интерпретацию Д.С. Бирюкова [2, с. 179–181], которая нам кажется несколько некорректной. По мнению исследователя, говоря в данном случае о парадигмах (дискурсе, заимствованный у Дионисия Ареопагита), Григорий Палама говорит о чем-то отличном от божественных энергий, хотя даже из данного контекста (приобщимое в III.2.24 называется логосом и парадигмой (Καὶ μὴν αἱ τοιαῦται ἄπλασαι ἀρχαὶ οὐδὲν ἕτερόν εἰσιν ἢ οἱ λόγοι τῶν ὄντων καὶ τὰ παραδείγματα, μεθεκτοὶ μὲν τοῖς οὐσίς (Tr. III.2.24) [30, с. 686.21–23]), а в III.2.25 – энергией (Ἀμεθεκτός ἄρα καὶ μεθεκτός ὑπάρχει ὁ αὐτὸς Θεός, ἐκεῖνο μὲν ὡς ὑπερούσιος, τοῦτο δὲ ὡς οὐσιοποιὸν ἔχων δύναμιν τε καὶ ἐνέργειαν παραδειγματικὴν καὶ τελικὴν τῶν πάντων (Tr. III.2.25) [30, с. 690.11–14])) следует, что речь идет об одной и той же нетварной реальности. Можно говорить о том, что виртуальную реальность «окрест Бога» Палама описывает с помощью разных терминов, подчеркивающих различные аспекты этой реальности, однако говорить о том, что мы имеем дело с разными реальностями, разными «линиями проблематики универсалий», не вполне корректно.

¹⁷ В перевод Р.В. Яшунского вносились коррективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, Д. С. Линии в ноологии Григория Паламы. Паламизм и платонизм / Д. С. Бирюков // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 464. – С. 60–67.
2. Бирюков, Д. С. Линии проблематики универсалий у Григория Паламы / Д. С. Бирюков // Платоновские исследования. – 2016. – Вып. IV/1. – С. 170–184.
3. Волчкевич, А. Ю. Платонические и античные аллюзии в творениях свт. Григория Паламы / А. Ю. Волчкевич // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 1. – С. 148–155.
4. Григорий Палама. Антирритики против Акиндина / пер. Р. В. Яшунского. – Краснодар : Текст, 2010. – 368 с.
5. Григорий Палама. Об исхождении Святого Духа / пер. Р. В. Яшунского. – Краснодар : Текст, 2006. – 192 с.
6. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих / пер. В. Вениаминова [В. В. Библихина]. – М. : Канон, 1995. – 384 с.
7. Канаева, Э. Ю. Споры об исхождении Святого Духа в Константинополе в 30-х годах XIV века / Э. Ю. Канаева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2017. – Вып. 74. – С. 26–40.
8. Лурье, В. М. Комментарии / В. М. Лурье // Мейендорф, И., прот. Жизнь и труды святителя Григория Паламы : Введение в изучение / И. Мейендорф, прот. – СПб. : Византинороссика, 1997. – С. 373–460.
9. Макаров, Д. И. Антропология и космология святого Григория Паламы / Д. И. Макаров. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 544 с.
10. Мейендорф, И., прот. Жизнь и труды святителя Григория Паламы : Введение в изучение / прот. И. Мейендорф. – СПб. : Византинороссика, 1997. – 479 с. – (Subsidia byzantinorossica; 2).
11. Щукин, Т. А. «Главы физические» Григория Паламы : Исторический контекст, мотивация автора, адресат / Т. А. Щукин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 259–273. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.21>
12. Щукин, Т. А. «Он превзойдет собственную природу» : Тема самообращенности ума в «Слове на житие преподобного Петра Афонского» святителя Григория Паламы и в Enneades V.3 / Т. А. Щукин // Библия и христианская древность. – 2019. – Т. 2 (2). – С. 212–230.
13. Benakis, L. The Problem of General Concepts in Neoplatonism and Byzantine Thought / L. Benakis // Neoplatonism and Christian Thought / ed. D. J. O'Meara. – Albany : State University of New York Press, 1982. – P. 75–86.

14. Calvário, P. Bounds of Reason in the Knowledge of God: Gregory Palamas' Criticism of Greek Philosophy / P. Calvário // *Revista Portuguesa de Filosofia*. – 2017. – Vol. 73, no. 2. – P. 783–792.
15. Clucas, L. M. The Hesychast Controversy in Byzantium in the Fourteenth Century. A Consideration of the Basic Evidence : Diss. / L. Clucas. – Ann Arbor, Mich., 1976. – X, 626.
16. Michaelis Pselli theologica. Vol. 1 / ed. P. Gautier. – Leipzig : Teubner, 1989. – 447 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
17. Greig, J. Soul and Deification in Proclus, Nicholas of Methone, and the Palamite Controversy / J. Greig. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.academia.edu/49196244/Soul_and_Deification_in_Proclus_Nicholas_of_Methone_and_the_Palamite_Controversy (date of access: 01.06.2021). – Title from screen.
18. Ivanka, E. von. Plato christianus. La réception critique du platonisme chez les Pères de l'Église / E. von Ivanka. – Paris : Presses Universitaires de France, 1990. – 461 p.
19. Meyendorff, J. Les debuts de la controverse hesychaste / J. Meyendorff // *Byzantion*. – 1953. – Vol. 23. – P. 87–120.
20. Meyendorff, J. Le thème du “retour en soi” dans la doctrine palamite du XIVe siècle / J. Meyendorff // *Revue de l'histoire des religions*. – 1954. – Vol. 145. – P. 188–206.
21. Polemis, I. D. Neoplatonic and Hesychastic Elements in the Early Teaching of Gregorios Palamas on the Union of Man with God : The Life of St. Peter the Athonite / I. D. Polemis // *Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros* / éd. S. Efthymiadis et al. – Paris : Le Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes : École des Hautes études en Sciences sociales, 2015. – P. 205–221.
22. Rigo, A. La Vita di Pietro l'Athonita (BHG 1506) scritta da Gregorio Palama / A. Rigo // *Rivista di studi bizantini e neoellenici*. – 1995. – Vol. 32. – P. 179–190.
23. Saint Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters: A Critical Edition, Translation and Study / ed. and tr. R. E. Sinkewicz. – Toronto : Pontifical institute of medieval studies, 1988. – XI, 288 p. – (Studies and Texts ; vol. 83).
24. Sinkewicz, R. E. A New Interpretation for the First Episode in the Controversy between Barlaam the Calabrian and Gregory Palamas / R. E. Sinkewicz // *Journal of Theological Studies*. – 1980. – Vol. 31. – P. 489–500.
25. Walter, D. Michael Psellos – christliche Philosophie in Byzanz : Mittelalterliche Philosophie im Verhältnis zu Antike und Spätantike / D. Walter. – Berlin : De Gruyter, 2017. – 216 S. – (Quellen und Studien zur Philosophie ; Bd. 132).
26. Μπενάκης, Λ. Γ. Νικηφόρου Χούμνου, Περί της ύλης και των ιδεών. Εισαγωγή, κριτική έκδοση και νεοελληνική μετάφραση / Λ. Γ. Μπενάκης // *Φιλοσοφία*. – 1973. – Τ. 3. – Σ. 339–381.
27. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Αντιρρητικοί προς Ακίνδυνον (Α–Γ) // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ. Συγγράμματα*. Τ. 5 / εκδ. Π. Χρήστου [et. al.]. – Θεσσαλονίκη : Πατερικαὶ Ἐκδόσεις Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, 1987. – Σ. 46–557.
28. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Ομιλία 53 // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ. Συγγράμματα*. Τ. 11 / εκδ. Π. Χρήστου [et. al.]. – Θεσσαλονίκη : Πατερικαὶ Ἐκδόσεις Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, 1986. – Σ. 259–347.
29. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Λόγοι ἀποδεικτικοὶ δύο περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ Ἁγίου Πνεύματος // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ. Συγγράμματα*. Τ. 1 / εκδ. Π. Χρήστου [et. al.]. – Θεσσαλονίκη : Πατερικαὶ Ἐκδόσεις Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, 1981. – Σ. 68–337.
30. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Ὑπὲρ των ιερῶς ησυχάζοντων // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ. Συγγράμματα*. Τ. 2 / εκδ. Π. Χρήστου [et. al.]. – Θεσσαλονίκη : Πατερικαὶ Ἐκδόσεις Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, 1982. – Σ. 55–724.
31. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Ἐπιστολὴ πρὸς Βαρλαάμ Α' // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ. Συγγράμματα*. Τ. 1 / εκδ. Π. Χρήστου [et. al.]. – Θεσσαλονίκη : Πατερικαὶ Ἐκδόσεις Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, 1981. – Σ. 444–513.
32. Γρηγόριος ο Παλαμάς. Ἐπιστολὴ πρὸς Βαρλαάμ Β' // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ. Συγγράμματα*. Τ. 1 / εκδ. Π. Χρήστου [et. al.]. – Θεσσαλονίκη : Πατερικαὶ Ἐκδόσεις Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, 1981. – Σ. 514–587.
33. Δημητρακόπουλος, Γ. Α. Γρηγορίου Παλαμά, Κεφάλαια εκατὸν πενήκοντα, 1–14 : «Περὶ κόσμου». Κείμενο, μετάφραση και ερμηνευτικὰ σχόλια / Γ. Α. Δημητρακόπουλος // *Βυζαντικά*. – 2000. – Τ. 20. – Σ. 293–348.
34. Δημητρακόπουλος, Γ. Α. Ὑστεροβυζαντινὴ κοσμολογία. Ἡ κριτικὴ τοῦ Γρηγορίου Παλαμά στη διδασκαλία των Πλωτίνου και Πρόκλου περὶ κοσμικῆς ψυχῆς / Γ. Α. Δημητρακόπουλος // *Φιλοσοφία*. – 2001. – Τ. 31. – Σ. 175–191.
35. Δημητρακόπουλος, Γ. Α. Ὑστεροβυζαντινὴ κοσμολογία. Ἡ κριτικὴ τοῦ Γρηγορίου Παλαμά στη διδασκαλία των Πλωτίνου και Πρόκλου περὶ κοσμικῆς ψυχῆς. Β' μέρος / Γ. Α. Δημητρακόπουλος // *Φιλοσοφία*. – 2002. – Τ. 32. – Σ. 111–132.

REFERENCES

1. Biryukov D.S. Liniï v noologii Grigoriya Palamy. Palamizm i platonizm [Lines in the Noology of Gregory Palamas. Palamism and Platonism]. *Vestnik*

Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 2021, no. 464, pp. 60-67.

2. Biryukov D.S. Linii problematiki universalii u Grigoriya Palamy [Lines of the Problem of Universals in Gregory Palamas]. *Platonovskie issledovaniya* [Platonic Investigations], 2016, vol. 4/1, pp. 170-184.

3. Volchkevich A.Y. Platonicheskie i antichnye allyuzii v tvoreniiakh svt. Grigoriya Palamy [Platonic and Ancient Allusions in the Works by Gregory Palamas]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, and Church in Russia and Worldwide], 2009, no. 1, pp. 148-155.

4. Yashunskiy R.V., ed. *Grigoriy Palama. Antirritiki protiv Akindina* [Gregory Palamas. Antirrhethikos Against Akindynos]. Krasnodar, Text Publ., 2010. 368 p.

5. Yashunskiy R.V., ed. *Grigoriy Palama. Ob iskhozhdenii Svyatogo Dukha* [Gregory Palamas. On the Procession of the Holy Spirit]. Krasnodar, Text Publ., 2006. 192 p.

6. Bibikhin V.V., ed. *Grigoriy Palama. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchikh* [Gregory Palamas. Triads for the Defense of Those Who Practice Sacred Quietude]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 384 p.

7. Kanaeva E.Yu. Spory ob iskhozhdenii Svyatogo Dukha v Konstantinopole v 30-h godakh XIV veka [Controversy on the Procession of the Holy Spirit in Constantinople in the 14th Century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History], 2017, iss. 74, pp. 26-40.

8. Lourie V.M. Kommentarii [Comments]. Meyendorff I., prot. *Znizn i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy: Vvedenie v izuchenie* [The Life and Works of Saint Gregory Palamas. Introduction to the Study]. Saint Petersburg, Byzantinorossica Publ., 1997, pp. 373-460.

9. Makarov D.I. *Antropologiya i kosmologiya svyatogo Grigoriya Palamy* [Anthropology and Cosmology of Gregory Palamas]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2003. 544 p.

10. Meyendorff I., prot. *Znizn i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy: Vvedenie v izuchenie* [The Life and Works of Saint Gregory Palamas. Introduction to the Study]. Saint Petersburg, Byzantinorossica Publ., 1997. 479 p. (Subsidia byzantinorossica; 2).

11. Schukin T.A. «Glavy fizicheskie» Grigoriya Palamy: Istoricheskiy kontekst, motivatsiya avtora, adresat [‘The Chapters on Physics’ by Gregory Palamas: Historical Context, the Motivation of the Author, Addressee]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of

Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 259-273. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.21>

12. Schukin T.A. «On prevzoydet sobstvennyuyu prirodu»: Tema samoobrashchennosti uma v «Slove na zhitie prepodobnogo Petra Afonskogo» svyatitelya Grigoriya Palamy i v Enneades V.3 [“He Will Transcend His Own Nature”: The Theme of the Mind’s Self-Reversal in the “Homily on the Life of St. Peter the Athos” by St. Gregory Palamas and in Enneades V.3]. *Bibliya i khristianskaya drevnost* [Bible and Christian Antiquity], 2019, vol. 2 (2), pp. 212-230.

13. Benakis L. The Problem of General Concepts in Neoplatonism and Byzantine Thought. O’Meara D.J., ed. *Neoplatonism and Christian Thought*. Albany, State University of New York Press, 1982, pp. 75-86.

14. Calvário P. Bounds of Reason in the Knowledge of God: Gregory Palamas’ Criticism of Greek Philosophy. *Revista Portuguesa de Filosofia*, 2017, vol. 73, no. 2, pp. 783-792.

15. Clucas L.M. *The Hesychast Controversy in Byzantium in the Fourteenth Century. A Consideration of the Basic Evidence*. Diss. Ann Arbor, Mich., 1976. X, 626 p.

16. Gautier P., ed. *Michaelis Pselli theologica*. Vol. 1. Leipzig, Teubner, 1989. 447 p. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).

17. Greig J. *Soul and Deification in Proclus, Nicholas of Methone, and the Palamite Controversy*. URL: https://www.academia.edu/49196244/Soul_and_Deification_in_Proclus_Nicholas_of_Methone_and_the_Palamite_Controversy (accessed 1 June 2021).

18. Ivanka E. von. *Plato christianus. La réception critique du platonisme chez les Pères de l’Eglise*. Paris, Presses Universitaires de France, 1990. 461 p.

19. Meyendorff J. Les debuts de la controverse hesychaste. *Byzantion*, 1953, vol. 23, pp. 87-120.

20. Meyendorff J. Le thème du “retour en soi” dans la doctrine palamite du XIVE siècle. *Revue de l’histoire des religions*, 1954, vol. 145, pp. 188-206.

21. Polemis I.D. Neoplatonic and Hesychastic Elements in the Early Teaching of Gregorios Palamas on the Union of Man with God: The Life of St. Peter the Athosite. Efthymiadis S. et al., eds. *Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros*. Paris, Le Centre d’études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes; École des Hautes études en Sciences sociales, 2015, pp. 205-221.

22. Rigo A. La Vita di Pietro l’Athonita (BHG 1506) scritta da Gregorio Palama. *Rivista di studi bizantini e neoellenici*, 1995, vol. 32, pp. 179-190.

23. Sinkewicz R.E., ed. *Saint Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters: A Critical Edition, Translation and Study*. Toronto, Pontifical Institute of Medieval Studies, 1988. XI, 288 p. (Studies and Texts; vol. 83).

24. Sinkewicz R.E. A New Interpretation for the First Episode in the Controversy Between Barlaam the Calabrian and Gregory Palamas. *Journal of Theological Studies*, 1980, vol. 31, pp. 489-500.

25. Walter D. *Michael Psellos – christliche Philosophie in Byzanz. Mittelalterliche Philosophie im Verhältnis zu Antike und Spätantike*. Berlin, De Gruyter, 2017. 216 S. (Quellen und Studien zur Philosophie; Bd. 132).

26. Benakis L.G. Nikēphorou Choumnou, Peri tēs ylēs kai tōn ideōn. Eisagōgē, kritikē ekdosē kai neoellēnikē metafrasē [Nikephoros Choumnos, On Matter and Ideas. Introduction, Critical Edition and Modern Greek Translation]. *Philosophia* [Philosophy], 1973, vol. 3, pp. 339-381.

27. Grēgorios o Palamas. Antirrētikoi pros Akindynon [Antirrhethics Against Akindynos]. Chrestou P. et al., eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The Works of Gregory Palamas]. Vol. 5. Thessaloniki, Paterikai Ekdoseis Grēgorios o Palamas, 1987, pp. 46-557.

28. Grēgorios o Palamas. Omilia 53 [Homilia 53]. Chrestou P. et al., eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The Works of Gregory Palamas]. Vol. 11. Thessaloniki, Paterikai Ekdoseis Grēgorios o Palamas, 1986, pp. 259-347.

29. Grēgorios o Palamas. Logoi apodeiktikoi dyo peri tēs ekporeuseōs tou Agiou Pneumatos [Two Apodictic Treatises on the Procession of the Holy Spirit]. Chrestou P. [et al.], eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The Works of Gregory Palamas]. Vol. 1. Thessaloniki, Paterikai Ekdoseis Grēgorios o Palamas, 1981, pp. 68-337.

30. Grēgorios o Palamas. Yper tōn ierōs ēsychazontōn [For the Defense of Those Who Practice

Sacred Quietude]. Chrestou P. et al., eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The Works of Gregory Palamas]. Vol. 2. Thessaloniki, Paterikai Ekdoseis Grēgorios o Palamas, 1988, pp. 55-724.

31. Grēgorios o Palamas. Epistolē pros Barlaam A [First Letter to Barlaam]. Chrestou P. et al., eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The Works of Gregory Palamas]. Vol. 1. Thessaloniki, Paterikai Ekdoseis Grēgorios o Palamas, 1981, pp. 444-513.

32. Grēgorios o Palamas. Epistolē pros Barlaam B [Second Letter to Barlaam]. Chrestou P. et al., eds. *Grēgoriou tou Palama. Syggrammata* [The Works of Gregory Palamas]. Vol. 1. Thessaloniki, Paterikai Ekdoseis Grēgorios o Palamas, 1981, pp. 514-587.

33. Dēmētrakopoulos G.A. Grēgoriou Palama, Kephalaia ekaton pentēkonta, 1–14 : «Peri kosmou»: Keimeno, metaphrasē kai ermēneutika scholia [Gregory Palamas, The One Hundred and Fifty Chapters, 1–14. “About the World”. Text, Translation and Interpretative Comments]. *Byzantiaka* [Byzantine], 2000, vol. 20, pp. 293-348.

34. Dēmētrakopoulos G.A. Ysterobyzantine kosmologia. Ē kritikē tou Grēgoriou Palama stē didaskalia tōn Plōtinou kai Proklou peri kosmikēs psychēs [Late Byzantine Cosmology. Gregory Palamas’ Criticism of the Teaching of Plotinus and Proclus on the Cosmic Soul]. *Philosophia* [Philosophy], 2001, vol. 31, pp. 175-191.

35. Demetrakopoulos G.A. Ysterobyzantinē kosmologia. Ē kritikē tou Grēgoriou Palama stē didaskalia tōn Plōtinou kai Proklou peri kosmikēs psychēs [Late Byzantine Cosmology. Gregory Palamas’ Criticism of the Teaching of Plotinus and Proclus on the Cosmic Soul]. Pt. 2. *Philosophia* [Philosophy], 2002, vol. 32, pp. 111-132.

Information About the Author

Timur A. Schukin, Associate Research Fellow, Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, tim_ibif@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7513-9873>

Информация об авторе

Тимур Аркадьевич Щукин, ассоциированный сотрудник, Социологический институт РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tim_ibif@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7513-9873>

www.volsu.ru

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.12>

UDC 94(3)

LBC 63.3(0)4-99; 63.3(0)310; 63.3(0)323

Submitted: 12.06.2022

Accepted: 20.09.2022

EGYPTIANS AND BYZANTIUM. ON THE QUESTION OF POLITICAL SUBJECTIVITY IN LATE ANTIQUITY¹

Anton A. Voytenko

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article focuses on the reasons for the lack of political subjectivity among the Egyptians in the Byzantine period (4th – first half of the 7th centuries). During this period, the population of Egypt did not demonstrate it at any level: social movements (uprisings) did not offer such agenda; studies on literature and rhetoric show that the Egyptians were under the influence of the Roman statehood (Eastern Roman Empire). The aims of the study are therefore concentrated around the consideration of the causes and terms of the loss of political subjectivity by the Egyptians, and the reasons for the increase of it among the Romans. An additional task was a comparative analysis of the political and religious systems of Ancient Rome and Ancient Egypt and the possible influence of religious features on the configuration of political systems. *Methods.* The main methods used in the study are factor analysis and the comparative method. *Analysis.* The ancient Egyptian political system was “introverted” and static in nature. The complete loss of political subjectivity by the Egyptians can be, however, attributed to the Roman period. In the Persian and Ptolemaic ones, its existence is preserved due to two main factors: the practices of the Persians and Ptolemies to present themselves as Egyptian pharaohs and the strong positions of the Egyptian priesthood, who could keep an ancient political subjectivity. *Results.* The Romans, who refused to continue Ptolemaic practices and took drastic measures to limit the economic independence of the Egyptian priesthood, managed to nullify its authentic political subjectivity. Thanks to an “extroverted” and transformative political model, supported by a “political theology” based on the “Roman myth”, the Roman state managed to maintain (or even strengthen) its subjectivity in the period of late Antiquity.

Key words: Byzantine Egypt, political theology, political subjectivity, history of political systems, Roman religion, Ancient Egyptian religion.

Citation. Voytenko A.A. Egyptians and Byzantium. On the Question of Political Subjectivity in Late Antiquity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 156-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.12>

УДК 94(3)

ББК 63.3(0)4-99; 63.3(0)310; 63.3(0)323

Дата поступления статьи: 12.06.2022

Дата принятия статьи: 20.09.2022

ЕГИПТЯНЕ И ВИЗАНТИЯ. К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ¹

Антон Анатольевич Войтенко

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

© Войтенко А.А., 2022

Аннотация. Статья представляет собой исследование причин отсутствия политической субъектности у египтян в византийский период (IV – первая половина VII в.). В этот период у населения Египта не наблюдается ее проявлений ни на одном уровне: социальные движения (восстания) не предлагают такой повестки, рассмотрение литературы и риторики под этим углом зрения показывают, что египтяне, представляющие разные социальные страты, находятся под влиянием римской государственности (Восточно-Римской империи). Задачи исследования, таким образом, концентрируются вокруг рассмотрения причин и сроков утраты египтянами политической субъектности на протяжении длительного временного периода, и причин возрастания таковой у римлян. Дополнительной задачей был сравнительный анализ политических и религиозных систем Древнего Египта и Древнего Рима с точки зрения возможного влияния религиозных особенностей на конфигурацию политических систем. Основные методы, которые применялись в исследовании, – это факторный анализ и сравнительный метод. Древнеегипетская политическая система носила «интroversный» и, в целом, статичный характер, однако полную утрату египтянами политической субъектности можно отнести только к римскому времени. В персидский и птолемеевский период ее существование сохраняется за счет двух основных факторов: практик персов и Птолемеев презентовать себя египетскими фараонами и сильных позиций сословия жрецов, наряду с религией транслирующих древнюю политическую традицию. Римлянам, отказавшимся продлевать эти практики и предпринявшим решительные меры по ограничению экономической независимости египетского жречества, удалось свести на нет прежнюю политическую субъектность египтян. Благодаря «экстравертной» и способной к трансформации политической системе, подкрепленной «политической теологией», основанной на «римском мифе», римскому государству удалось сохранить (или даже усилить) свою субъектность в период поздней Античности.

Ключевые слова: Византийский Египет, политическая теология, политическая субъектность, история политических систем, римская религия, древнеегипетская религия.

Цитирование. Войтенко А. А. Египтяне и Византия. К вопросу о политической субъектности в поздней Античности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 156–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.12>

Введение. Как нам представляется, вопрос о политической субъектности территорий и этносов Восточного Средиземноморья, попавших под власть римского государства, остается слабо разработанным в мировой историографии. Предметом данной статьи является исследование причин отсутствия политической субъектности у египтян в ранневизантийский период. Действительно, в этот период мы не находим никаких политических манифестаций в египетской среде, хотя этот этнос когда-то обладал очень мощной политической традицией, охватывавшей несколько тысячелетий. Наше изучение коптской агиографии показало полную адаптацию автохтонных египтян к политической традиции Византии, вне рамок которой они не мыслят свое существование [3]. Тексты, так или иначе содержащие в профетической форме идеи восстановления былой государственности, в коптской литературе не замечены, она содержит лишь инвективы против ассирийцев, вавилонян и персов (так называемый Роман о Камбизе [5, с. 246–254]), тогда как уже Александр Македонский оценен здесь достаточно позитивно (см., например, [16]). О настроениях

эллинизированных египтян² в этот период мы точных сведений не имеем, но косвенно на них может пролить свет речь «О царстве» Синезия, уроженца Кирены, близкого к эллинизированным александрийским кругам (см. [12]). Программа Синезия полностью укладывается в рамки имперской политической модели, а вся его «конструктивная критика» власти строится на едва читаемом контрасте между образом идеального правителя, там представленном, и вынесенной за скобки реальной ситуацией.

Социальные движения в византийском Египте не демонстрируют сценариев, связанных с наличием у египтян какой-либо политической субъектности. Восстание Домиция Домициана (297–298) в рубежное для Римской империи правление Диоклетиана³ вполне укладывается в рамки мятежа наместника, стремящегося захватить власть в Риме, а в случае отложения территории, копировавшего римские политические структуры, как это было в «Галльской империи» III в. Столкновения цирковых партий VI в. и борьба в начале VII в. между Ираклием и Фокой носят «универсальный» характер, где местная специфи-

ка сведена до минимума: беспорядки по таким сценариям могли произойти в любом ином регионе империи, где сошлись бы в одной точке амбиции отдельных политических групп и возникавшая время от времени социальная напряженность.

Отсутствие политической субъектности у египтян обычно принято объяснять утратой ими государственной независимости еще в эллинистический период, что привело к пассивности как народа, так и автохтонных⁴ элит. Однако, как нам представляется, эта точка зрения нуждается в серьезной коррекции.

Задачи и методы. Задачей данной статьи является попытка проследить динамику политической субъектности у египтян в широкой хронологической перспективе, что в конечном итоге даст ясные критерии для объяснения ее особенностей. Другой задачей является исследование основных параметров политической системы Рима и ее эволюции вплоть до конца IV в., поскольку для нас вполне очевидна истинность формулировки А.Н. Острогорского о том, что Византия – это греческая культура, римская государственность и христианская вера [10, с. 64]. Нам представляется, что культурно-политические трансформации, происходившие в Египте, наиболее ярко и последовательно могут быть выявлены именно на контрасте двух этих противоположных исторических трендов: угасающего египетского и возрастающего римского.

Еще одной важной задачей является рассмотрение особенностей религиозных систем Египта и Рима в плоскости «политической теологии». Сам термин, вероятно, восходит к римскому писателю Варрону (см. [1, с. 27]). Нас будет интересовать один из ее аспектов: корреляция особенностей религиозной системы с особенностями политической модели и ее базовыми характеристиками. Основными в данном случае являются вопросы, связанные со статичностью и известной «интровертностью» такой модели или же, наоборот, с ее гибкостью, способностью к трансформации и «экстравертным» целеполаганием, чаще всего выражающемся в различных формах экспансионизма.

Для решения данных задач более всего подходят два основных метода. Первый – это факторный анализ (см. [4, с. 306]), позволяю-

щий выделить основополагающие факторы и их иерархию, а также подчас скрытые корреляции между ними. Второй – сравнительный метод, помогающий четко обозначить сходства и различия при сопоставительном анализе двух и более изучаемых явлений (в нашем случае политических и религиозных систем Египта до конца римского периода и Рима (Византийской империи) до конца IV в.).

Анализ. На наш взгляд, наиболее адекватное объяснение генезиса египетской государственности и ее особенностей было предложено в теории речных цивилизаций Л.И. Мечникова [9], взгляды которого разделял и Б.А. Тураев (см. [13, т. 1, с. 59–62]). Согласно этой теории, самые ранние очаги государственности возникают вокруг рек, где климатические условия позволяют получать прибавочный продукт, необходимый для содержания больших социальных групп, не занятых в сельском хозяйстве. Однако подобная возможность может быть реализована только при централизованной системе ирригации, требующей в конечном счете создания государственной системы с достаточно жесткой вертикальной структурой. Это, вкуче с некоторыми географическими особенностями [13, т. 1, с. 61–62], создает в Египте «интровертную» политическую модель, естественными географическими границами которой являются побережье Средиземного моря на севере и первый Нильский порог на юге. Эта система не предрасположена к внешней экспансии, считая себя замкнутым универсумом, что мы, в целом, и наблюдаем в два первых периода развития Древнего Египта (Древнее и Среднее Царство): экспансионистские планы в это время практически не выходят за пределы Нильских порогов (Куш) и Синайского полуострова и, в основном, определяются экономическими потребностями (золото, рабы, некоторые виды минералов и пр.).

Генезис египетской государственности представлял собой постепенное соединение территориальных (номовых) структур в единое целое. Не будет большим преувеличением предположить, что одним из основных вопросов на протяжении всей политической истории Древнего Египта являлась их централизация, поскольку потенциальная опасность дезинтеграции территории сохранялась всегда.

Период Древнего Царства, скорее всего, представлял собой «консенсус» между центральной властью и местными (номовыми) элитами, которые делегировали центру только самые необходимые функции (налоги, общая ирригация, участие в некоторых общественных работах и т. д.). Тенденция к «номинализации» власти фараона и усилению местных элит в сочетании с рядом случайных факторов (длительная засуха и следующий за ней распад общей системы ирригации) приводит к дезинтеграции и Первому переходному периоду, в ходе которого выявляется невозможность нормального функционирования египетской государственности как конгломерата отдельных территориальных образований. В результате Египет вновь удастся объединить, теперь уже под властью фиванских династий, восстановить общую систему ирригации и даже расширить ее (Среднее Царство). По всей видимости, период Среднего Царства характеризовался большей «потестарностью» и централизацией страны. Причины новой дезинтеграции (Второй переходный период) до конца не ясны. По всей видимости, их следует искать в роковом стечении двух обстоятельств: социальном обострении времени фараонов Аменемхета III и Аменемхета IV и оккупацией гиксосами нильской Дельты. Однако фиванским элитам удастся вновь интегрировать Египет под властью одного правителя, что знаменует собой начало Нового Царства. Этот период вполне справедливо считается высшей точкой древнеегипетской государственности. Однако, как нам представляется, следует обратить внимание на другое обстоятельство: беспрецедентное для «интровертной» цивилизации количество изменений и новшеств в самых разных областях. Невиданная до этого территориальная экспансия, отказ от строительства пирамид и переход к заупокойным храмам, религиозная реформа Эхнатона, генотеистическая по своему типу, нацеленная, как предполагается, на подрыв прежних позиций жречества, эволюция самого жречества от замкнутой касты к своего рода «магистратуре» (ср. [1, с. 17]), появление при Рамессидах «теологии истории», то есть понимания истории как «манифестации божественной воли» [1, с. 18] и т. д. Налицо радикальные изменения, требующие

серьезного «ответа». Предполагаемых «ответов» могло быть два: либо глубокая трансформация политической системы, либо упадок. Египет пошел по второму пути. К концу Нового Царства нарастают центробежные тенденции, что приводит к очередной дезинтеграции (Третий переходный период). Поздний период отмечен правлением иноземных династий (ливийских и кушитских), глубоко встроенных в египетскую политическую традицию и вынужденных постоянно балансировать между внутренними (дезинтеграция) и внешними (военная экспансия соседей) «вызовами». Относительно недолгое правление автохтонной XXVI (саисской) династии, которое принято считать последним расцветом египетской государственности, характеризуется, с одной стороны, реставрационными тенденциями, с другой, опорой на внешние силы (иностранные наемники). В целом же период Позднего царства можно обозначить как время затяжного кризиса, закончившегося потерей суверенитета.

Трудность изучения древнеегипетской религии, на наш взгляд, хорошо выразил известный немецкий египтолог Я. Ассман, указавший на то, что эксплицитный дискурс в древнеегипетской традиции полностью отсутствовал [1, с. 27]. Для нашей темы стоит также привести замечание Э. Хорнунга, что египетские боги обладали постоянно меняющейся природой, напоминая собой недостроенные храмы [19, с. 142; 27, р. 256]. Тем не менее мы можем выделить некоторые константы. Одной из них являлось понятие «Маат», означающее одновременно космический и социальный порядок или же, по определению Ассмана, «моральный интегративный принцип, распространяющий “справедливость”» [1, с. 10]. В такой системе представлений основным приоритетом было сохранение космического и социального баланса, поскольку его нарушение мыслилось как экзистенциальный коллапс, разрывающий все правильные связи между явлениями и меняющий места смыслов. Именно такими мыслились ситуации Переходных периодов, что ясно выражено в древнеегипетских пророческих текстах: «Ибо его путь станет берегом, а берег – водою» (Пророчество Неферти) [17, с. 54]. Фигурой, обладающей всеми полномочиями по

презентации и поддержанию Маат, был фараон, что недвусмысленно выражено в одном из древнеегипетских текстов: «Ра утвердил царя / на земле живущих / на срок вечности и бесконечности / он (царь) вершит суд между людьми / творит Маат и уничтожает Исфет / он (царь) дает жертвы богам / и пищу “просветленным” умершим» [1, с. 19; ср. 2, с. 84–85]. Не менее важна функция фараона (обладающего двойственной, божественной и человеческой, природой) как коллективного сотера. Поэтому для правильного функционирования системы важно было обеспечить его переход в мир богов, что требовало поддержания коллективных форм культа, которые, как нам представляется, четко отражают Тексты пирамид. Подобная «политическая теология» почти идеально подходила к «интroversивной» и, в целом, статичной модели древнеегипетского государства.

К сожалению, очень сложно выстроить четкую хронологию и динамику того, когда в этой, казалось бы, прочной матрице возникают «трещины», способные привести либо к ее трансформации, либо к ее эрозии. Основные «вызовы» для политической системы мы предположительно локализовали в периоде Нового Царства. В случае с религиозной системой это сделать сложнее, но, по крайней мере, некоторые из них все же можно обнаружить. Первым подобным явлением следует считать разграбление пирамид, начало которого трудно установить (вероятно, оно началось еще во времена Древнего Царства). Грабителями, в представлениях которых царские усыпальницы уже не были сакральным пространством, вероятнее всего, были представители низших социальных слоев. Второй «трещиной» можно считать появление таких текстов, как «Песнь арфиста» или «Разговор разочарованного со своим “Ба”», которые, вероятно, начали создаваться со времени Первого переходного периода. Скепсис в отношении некоторых положений древнеегипетской религиозной парадигмы, там высказанный, был явно адресован интеллектуальным кругам, стоявшим на социальной лестнице гораздо выше, чем египтяне, грабившие пирамиды. Наконец третьим подобным феноменом можно считать то, что мы обозначили бы как «индивидуализация культа». Наиболее ясно он

виден в изменении функций богослужебных текстов (Тексты пирамид – Тексты саркофагов – Книга мертвых). Феномен появления Текстов саркофагов, который датируется Первым переходным периодом, Б.А. Тураев объяснял так: «Децентрализация Египта отразилась в религиозной области – в демократизации представлений о загробной участи. Получив возможность без посредства царя достигать загробных благ, египтянин должен был обставить себя теми же средствами, какие прежде были привилегией царя» [14, с. 61]. В этом контексте появление в период Нового царства феномена Книги мертвых указывает на значительное углубление того же процесса: заупокойные тексты «со стенок саркофагов переходят на свитки папирусов <...> и кладутся в гробы. <...> Сами тексты редактируются уже по большей части в первом лице от лица умершего <...>. Ритуальный характер и роль жреца, произносящего эти тексты, таким образом еще более оттеснены назад» [14, с. 132]. Я. Ассман, назвав это же явление возрастанием «личного благочестия», указал на то, что оно находилось в обратной корреляции с принципом древнеегипетской государственности и противостояло концепции Маат (см. [1, с. 11]). Он же констатировал важный для нас факт того, что древнеегипетская религиозная система была не способна к глубокой трансформации; она попросту «ломалась», когда традиционные установки (то есть «имплицитная теология») переставали быть самоочевидными [1, с. 6].

Однако было бы ошибкой думать, что со времени завоевания Египта персами, а затем Александром Македонским политическая субъектность египтян полностью исчезает. Персы, по крайней мере, на уровне политической презентации, принимают традицию египтян и становятся XXVII династией (отказ Ксеркса можно считать исключением). По тому же самому пути идут Птолемеи, политические практики которых носят двойственный характер: для своих греко-македонских подданных они были представителями монархической традиции, восходящей к эпохе Александра, а для египтян они должны были быть фараонами, принадлежавшими к уже не первой в истории Египта чужеземной династии [7, с. 153–154]. Но очевидная слабость такой

стратегии (для краткости назовем ее «имитационной») в том, что ритуальные обязанности фараона, нацеленные на поддержание нормы, были не просто «высокой технологией», но «имплицитной теологией», как минимум признающей их инвариантность и требующей ментального вовлечения в них. В противном случае они постепенно превращаются в пустую оболочку, которая рассыпается от любого, даже легкого толчка. Но все же мы вправе видеть в этих практиках средство поддержания политической субъектности автохтонного населения, пусть и на иллюзорном уровне.

Но гораздо интереснее другой аспект. Мы с достаточно большой долей вероятности можем предположить, что в птолемеевском Египте была по крайней мере одна социальная группа, являвшаяся реальным носителем такой субъектности. Это жречество (точнее, какая-то его часть). Птолемеи, понимавшие опасность автохтонного жречества, стремились поставить его под свой контроль: например, в храмы были назначены особые представители царя – эпистаты, которые следили за расходованием средств [15, с. 184; ср. 13, т. 2, с. 214–215]. Однако они никогда не посягали на храмовые хозяйства, составлявшие материальную основу для поддержания идеологического влияния этого сословия. При поздних Птолемеях позиции египетского жречества даже усилились [15, с. 184; ср. 13, т. 2, с. 217–218].

Одним из интереснейших фактов для нашей темы является появление в III–II в. до н. э. пророческих текстов («Оракул горшечника», «Демотическая хроника»), где в свойственной для подобного жанра форме были высказаны идеи восстановления прежней государственности, а Птолемеи однозначно трактовались как чужаки и узурпаторы. Можно осторожно предположить, что предпринимались и попытки реализации этих программ. Мы имеем в виду ряд восстаний на юге Египта, начиная с конца III в. до н. э., в ходе которых временно возникли независимые от Птолемеев государственные образования (см., например: [7, с. 173–175]). Сложность оценки этих восстаний связаны как с фрагментарностью данных источников, так и с их различными интерпретациями в историографии. Ряд

ученых, в том числе и Б.А. Тураев [13, т. 2, с. 215–216], видели в них борьбу за «национальное» освобождение, но в советском антиковедении их считали проявлениями классовой борьбы, а не реакцией автохтонного населения на чужеземную династию [5, с. 165; 11, с. 214–219, 6, с. 356–363]. Основным аргументом было то, что восставшие в том числе разрушали храмы и нападали на жрецов [6, с. 257]. Однако следует отметить, что советские исследователи опирались на марксистский подход, не в полной мере учитывающий реальную ситуацию внутри больших социальных страт (классов и сословий). Совершенно очевидно, что в составе египетского жречества могли быть разные группы: как те, кто встали на позиции коллаборационизма (ср. [13, т. 2, с. 216]), так и те, кто считали Птолемеев чужеземной и не легитимной династией и вполне могли возглавить восстание. Косвенные свидетельства (появление «Оракула горшечника» и «Демотической хроники» именно в III–II в. до н. э. и широкие пожалования со стороны Птолемеев египетскому жречеству после восстаний) говорят, скорее, в пользу первой интерпретации.

Как нам представляется, политическая субъектность египтян сходит на нет только в римский период. Римляне предпринимают две радикальные меры, которые могли способствовать ее полному демонтажу. Римский наместник отказывается принимать титул фараона, положив тем самым конец длительной «имитационной» практике Птолемеев. В то же время римляне ставят египетское жречество под свой жесткий контроль: храмовая земля была почти везде конфискована⁵, был предпринят и ряд других жестко ограничительных мер [15, с. 207; ср. 23, р. 340]. Интересно, что именно в римский период (ок. I в.) из повседневного обихода полностью исчезает демотика, и автохтонные египтяне попадают в ситуацию «аграфии», то есть фактической невозможности пользоваться египетским языком как письменным [25, р. 64]. Но, вероятнее всего, процесс полной утраты политической субъектности был постепенным, что косвенно доказывает появление в римском Египте пророческого текста, известного как «Оракул агнца», близкого по содержанию к уже упомянутым текстам III–II в. до н. э.,

один из которых («Оракул горшечника») также был известен в это время. Восстание буколов, обычно понимаемое как следствие налогового гнета и обострения социальных противоречий (см.: [21, с. 273; 15, с. 169]), гораздо сложнее интерпретировать в рамках политической субъектности, чем восстания египтян при Птолемах. Единственным косвенным указанием на это может являться сообщение Диона Кассия, что буколов возглавил египетский жрец Исидор (Dio Cass., LXXII, 4). События, связанные с появлением «Актов языческих мучеников» (Acta Alexandrinorum) [28], демонстрируют, скорее, реакцию эллинизированных александрийских кругов на ущемление их в правах после завоевания Египта Римом, которая, как предполагал издатель этих текстов Г. Мазарилло, была купирована после восстановления Септимием Севером городского совета в Александрии (199/200) и дарованием Каракаллой всем подданным римского гражданства в 212 г. [28, р. 275–277]⁶. События в Александрии 215 г. связаны, скорее, с неприязненным отношением египтян к Каракалле, чем с их «национальной» реакцией на римлян вообще (ср. [15, с. 170]). В ходе христианизации египтяне решительно порвали с прежней религиозной парадигмой, еще связывавшей их с древнеегипетской политической традицией. И как мы указали во введении, в ранневизантийское время никаких следов политической субъектности у них уже не наблюдается.

Политическая модель Рима, на наш взгляд, является прямо противоположной древнеегипетской. Она носит гибкий и «экстравертный» характер. Основным маркером «экстравертности» данной модели выступает практически безостановочная череда внешних экспансий, начавшаяся с самых ранних времен истории Рима (войны с сабинами, латинами, этрусками) и закончившаяся покорением Траяном Дакии в 106 г. (после этого Римская империя ведет лишь позиционные войны, например, в Верхней Месопотамии или на границах с германскими племенами). Географические условия также отличаются от египетских: плодородные почвы Аппенинского полуострова предполагали экстенсивное их освоение, а плотность заселения территории, естественное увеличение римской общины и

достаточно ранний запрет на долговое рабство закономерно выводили на сценарий военной экспансии. На наш взгляд, генезис римского государства был принципиально иным, чем египетского: оно развивалось на основе общинных и родовых структур⁷, где горизонтальные связи (включая и патронатные отношения) преобладали над вертикальными. Но в отличие от Греции римская *civitas* (экономическим выражением которой был институт *ager publicus*) носила в целом открытый, а не замкнуто-полисный характер. Еще одной особенностью римской государственности было то, что трансформация ее политической системы происходила в условиях войн и внешней экспансии и прямо зависела от них. Наглядный пример тому – борьба патрициев и плебеев, развернувшаяся на фоне расширения военной активности Рима, а уступки патрициев плебеям не в последнюю очередь были обусловлены тем, что плебеи составляли значительную часть римского войска и в моменты серьезных военных осложнений использовали механизмы политического давления на своих оппонентов (сецессии).

Федеративное государство с управляющим центром в Риме, которое сложилось по итогам завоевания римской общиной Италии (Римско-италийский союз), на наш взгляд, выработало те механизмы управления, которые были распространены на все впоследствии завоеванные территории. Они заключались в дифференцированном подходе к местным территориальным структурам и элитам (полное или частичное самоуправление) с делегированием основных управляющих функций (например, внешней политики) центру и созданием на территории Италии своих опорных пунктов (римские колонии). При этом предоставление частичной автономии сочеталось с очень жестким подавлением любого вида сепаратизма, что наглядно было продемонстрировано Римом в отношении предавших его италиков в ходе 2-й Пунической войны. Римская «потестарность» постоянно возрастала: военная экспансия сопровождалась латинизацией и приобщением покоренных политических образований к римским ценностям.

После завоевания Италии Рим вышел на «оперативный простор» Средиземноморья, где столкнулся со своим основным конкурентом –

Карфагеном. 2-я Пуническая война (по результатам которой формируется римская провинциальная система) справедливо считается важным водоразделом в римской истории. В период поздней Республики Рим вступил в череду гражданских войн, проходивших на фоне завоевания им Восточного Средиземноморья. Суть кризиса заключалась в необходимости глубокой трансформации политической системы, которая могла бы удержать в подчинении огромные завоеванные территории, решить ряд накопившихся социальных противоречий и ослабить жесткие внутри элитные конфликты. В немалой степени решению таких задач способствовал уже указанный нами открытый характер римской *civitas*, а также система горизонтальных и патронатных связей, позволявшая в относительно короткий срок создавать значительные социальные группы, на которые можно было бы опереться при проведении радикальных реформ (феномен «корнелиев»). В ходе гражданских войн выявилась четкая тенденция к монархизации власти и ограничению полномочий представительных органов, а серьезное «переформатирование» римских элит (в том числе и путем проскрипций) создало почву для социального консенсуса в период правления Августа.

Период принципата представлял собой довольно сложный этап трансформации римской политической системы, что отражают различные его оценки в историографии (монархия под видом республики или республика с элементами монархии) (см., например: [8, с. 358, 382–383]). На наш взгляд, принципат являлся переходным периодом, своего рода диархией между принцепсом и сенатом с соблюдением баланса интересов. При этом следует отметить, что трансформация политической системы проходила строго в правовом поле: власть принцепса зиждилась на соединении в одних руках полномочий нескольких магистратур, санкционированном сенатом. Реформы Августа успешно решили вопросы консолидации римских элит, стабилизировали положения средних слоев, улучшили управление провинциями и повысили боеспособность римской армии. Как мы уже отметили, при Траяне заканчивается экспансионистская политика Рима, и уже при Адриане он в целом переходит к стратегической обороне. Процесс

смены римских элит осуществляется за счет постепенного усиления провинциальной знати и вымывания древней сенаторской и всаднической аристократии, что имело прямые параллели с общим курсом региональной политики, нацеленной на постепенное выравнивание статуса римских провинций по отношению к Италии.

Кризис III в. являлся сложной конфигурацией внутренних и внешних «вызовов» (обострение на границах, отложение части территорий, усиление политической роли армии, дисбаланс в системе власти («солдатские императоры»), различия в интересах региональных элит и т. д.), в очередной раз потребовавший трансформации политической системы. Эта трансформация шла по двум направлениям: 1) усиление полномочий императора как единственного источника власти, что привело к оформлению системы домината, и 2) регионализация империи, с середины 260-х гг. фактически переставшей существовать как единое политическое образование. С конца III в. Рим утратил роль единого центра, и появились другие (Никомедия, Медиолан, Антиохия, позднее – Константинополь). Попытка решения интеграции территории по конфедеративному принципу (тетрархия) успеха не имела, но образовавшаяся в конечном итоге Восточно-Римская империя, где, на наш взгляд, программа домината была реализована более полно, чем на Западе, показала свою жизнеспособность в течение длительного исторического срока.

Трудность реконструкции наиболее ранних этапов римской религии обусловлена несколькими иными причинами, чем трудности изучения древнеегипетской религии. В нашем распоряжении есть источники, которые по терминологии Я. Ассмана можно было бы назвать «эксплицитной теологией», но все они датируются довольно поздним временем и представляют собой рефлексию, основанную на более поздних представлениях (ср. [20, с. 106]). Однако есть ряд констант, которые все же позволяют восстановить общую модель римской религии и указать на ее особенности, интересные для нашей темы. Основной особенностью римской религии было то, что она была религией общины, единой республики богов и людей [21, с. 305, ср. с. 71].

Соответственно боги и иные духовные сущности мыслились как потусторонняя и более могущественная часть этой общины, с которой надо было сохранять нормальные отношения, а все тактические и стратегические решения нельзя было предпринимать, не узнав ее мнение (ауспиции, гаруспиции) и не заручившись ее поддержкой (различные формы ритуалов и жертвоприношений). В соответствии с этим и жреческие коллегии представляли собой своего рода религиозные магистратуры, ответственные за сохранение правильного баланса с потусторонней частью общины (*rex deorum*). Римское жречество в отличие от египетского никогда не представляло из себя замкнутой и экономически сильной корпорации (храмовые хозяйства в Риме отсутствовали [21, с. 98]), и, в отличие от Египта, оно практически не имело своих групповых интересов. «Общинные» представления и отсутствие развитой сотериологии не требовали (как в Египте) затратных форм коллективного культа.

Еще одной особенностью римской религии было ее четкое разделение на государственные и частные формы культа (*sacra publica* и *sacra privata*)⁸, что создавало ситуацию различия личной веры и социально детерминированной религиозной практики (ср. [18, с. 31–32]). Точно так же было разделено правовое регулирование отношений между богами и людьми (*fas*) и между людьми (*jus*). Как и римская *civitas*, потусторонняя община богов носила принципиально открытый характер, причем это подтверждается одним из самых архаичных римских обычаев – *evocatio* (ср. [21, с. 3]), то есть привлечения на свою сторону богов других общин. Естественно и то, что данный ритуал применялся военачальником для привлечения на сторону Рима вражеских богов накануне боя. При этом новые боги, как и новые граждане, могли приниматься в римскую общину только с согласия сената и народа [21, с. 305].

Наконец, в римской религии отсутствует мифология, в ней нет ни космогонических, ни антропогонических, ни этиологических мифов⁹. Всех их заменяет так называемый римский миф (который можно назвать историческим): убеждение в провиденциальной миссии Рима, судьба которого – властвовать над

другими народами, подкрепленное в мифологической истории чередой событий и знаков. Истоки римского мифа (насколько мы можем это проследить) восходят еще к царским временам, к правлению Сервия Туллия (*Liv. I, 45, 2–7*) [21, с. 77]. Одним из наиболее архаичных его выражений был, на наш взгляд, ритуал *devotio*, посредством которого римский полководец перед битвой обрекал на жертву подземным богам себя и вражеское войско (ср. [21, с. 3]). Интересно отметить в этой связи замечание Ж. Дюмезиля о том, что различные мифологические сюжеты и события, которые в других индоевропейских традициях (например, в «Ригведе» и «Эдде») приписаны богам, у римлян ассоциируются с их «великими людьми» (ср. [21, с. 17–18]).

Особенности римской религиозной матрицы также идеально подходили к их гибкой и «экстравертной» политической модели, как «политическая теология» древних египтян к их статичной и «интровертной» системе социального и космического баланса, центрированной на личности фараона и связанной с ним иерархической системе властной вертикали. Открытый характер божественной *civitas*, ясно прописанное различие между *sacra publica* и *sacra privata* с одной стороны, сведенное до уровня религиозных магистратур, не отягощенное групповыми интересами жречество и римский миф как квинтэссенция коллективных ценностей и смыслов – с другой, обеспечивали почти безошибочную основу для экспансионистской политики и удержания под своим контролем завоеванных территорий.

Можно предположить, что в период ранней Республики триада «римский миф – *sacra publica* – *sacra privata*» функционировали как единое целое, скрепленное тем, что можно было бы назвать идеей общей пользы, преодолевающей дихотомию единства и множественности (ср. [21, с. 305]). Традиционные гентильные и компитальные культы¹⁰ выполняли ту же функцию, что и государственные, но только на более низких социальных ступенях – родовом и соседском. Рискнем предположить, что в ходе своей истории римская религия и римская ментальность переживали те же «вызовы», что и египетские, но «ответы» были принципиально иными. В случае с римской религией мы располагаем гораздо

большими сведениями, чем в ситуации с Древним Египтом. В ходе и после 2-й Пунической войны в римском обществе отмечены два параллельных процесса: эллинизация элит и усложнение социальной структуры. Соответственно, единство обозначенной нами триады начинает размываться. Прежде всего, за счет усложнения *sacra privata* (что имеет параллели с теми процессами в древнеегипетской религии, которые мы обозначили как «индивидуализация культа»). С одной стороны, по мере включения в состав римского государства новых этносов (не италийского происхождения) и особенностей их социальной организации вместе с ними приходили новые боги и новые культы. С другой стороны, возрастал интерес к индивидуальной сотериологии, что, в частности, проявлялось в интересе к греческим мистериям. Эти явления имели долгий временной тренд и тенденцию к постепенному усилению. Наиболее интересные примеры – культы Сильвана и Приапа как демиургов и пантеев (а, возможно, и космократоров), практиковавшиеся в низовых социальных группах в имперский период. С одной стороны, эти генотеистические культы ослабляли или вовсе разрывали связь их почитателей с традиционными верховными богами римского пантеона, с другой – демонстрировали разницу в представлениях с более высокими по социальному положению группами римского общества, для которых Сильван, не имеющий официального культа, был чем-то вроде лешего, а Приап – комичным пугалом [21, с. 235–239].

Скепсис проникает в римское общество (главным образом в его интеллектуальные круги), прежде всего, под влиянием греческой философии. Рефлексия над природой божественного приводила, как минимум, к различным видам релятивизма. Наиболее характерные его примеры мы видим в наследии Цицерона. В своих трактатах «О природе богов», «О дивинации», «О законах» он дал спектр мнений по религиозным вопросам, бытовавшим в среде тогдашних римских элит. Наиболее любопытными являются мнение понтифика Когты о том, что всеобщая вера в богов еще не доказывает их бытия, и самого Цицерона, полагавшего, что истинный философ не может верить в дивинации, такие как гаруспиции или даже ауспиции [21, с. 145–146].

Сам Цицерон как традиционалист считает правильной моделью поведения следование установлениям предков [21, с. 146], но подобное «римское конфуцианство» вряд ли могло быть эффективным средством для консенсуса в условиях сложных трансформаций периода поздней Республики.

В период принципата в римской религии возникает одно несомненное новшество – императорские культы. Сами по себе они составляют очень сложную проблему. Но вряд ли стоит сомневаться в том, что их появление связано с трансформацией политической системы. Уже было высказано мнение, что причисление почивших императоров к категории *divi* было «тонкой ролевой игрой» принцепса и сената, а возрастание почитания гения живого императора (учитывая гентильную специфику культа гения) с движением от принципата к доминату (и, соответственно, от гражданства к подданству) [26, р. 132, 138, 347, 355]. Однако, соединив вместе такие разнородные факты, как особая забота Августа о культах богов-патронов рода Юлиев, его отказ проводить императорский культ в сфере *sacra publica*, и, наоборот, его пропаганда через сферу *sacra privata* (домашние и компитальные культы), предполагаемая мимикрия императорского культа в провинциях (на Западе – как культ племенных вождей, на Востоке – как культ эллинистических царей и героев (ср. [8, с. 393; 21, с. 175–176, 181; 26, р. 112, 122–124]) наводит на мысль об изначально проектном характере императорских культов, нацеленных на цементирование указанной нами ранее триады. Но, если это было так, то, при всем росте благочестия и религиозности в период принципата, надо признать, что этот проект был неудачным.

Кризис III в. оказался своеобразной «точкой бифуркации», которая характеризовалась ослаблением (если не демонтажом) императорского культа *divus* (см. [26, р. 356–358]). В то же время были предприняты еще две попытки преодолеть уже указанную нами дихотомию единства и множественности. Первая связана с реставрационными мерами в религиозной сфере, проводившимися императорами-традиционалистами (такими как Деций и Диоклетиан), что неизбежно приводило к гонениям на христиан, вторая – с ра-

дикальными генотеистическими реформами солярного культа (Гелиогабал Марка Аврелия Антонина и Sol Invictus Аврелиана) (ср. [26, р. 352]). Но и то, и другое не достигло поставленных целей.

В этом контексте «поворот Константина» оказался куда более удачным, и куда более интересным. Продолжая политику Галерия и Лициния на толерантность в отношении религиозных течений, выпавших из правового поля, он тем не менее значительно усилил влияние христианства в империи. Но даже если мы примем официальную версию об обращении в христианство Константина в 312 г. в битве у Мульвийского моста, то все равно очевидным образом бросается в глаза двойственность его политики: он не сделал христианство официальной религией и не объявил политеизм незаконным [24, р. 551], принял крещение только на смертном одре и не отказался от должности великого понтифика. На наш взгляд, смена религиозной парадигмы была принципиальным решением императора, но действовал он в рамках стратегии «мягкой силы» и сугубо в правовом поле, постепенно освобождая своих подданных от традиционной социальной детерминации римской религии (ср. [18, с. 32]) и заново решая вопрос единства общественного и индивидуального. Как известно, Константин проводил активную строительную деятельность, создав два новых «центра силы»: христианскую столицу (Константинополь) и святой город (Иерусалим), однако он действовал в рамках традиционной для римских императоров тактики патронажа определенным богам и их культам (ср. [24, р. 547]). Но наиболее интересной в этом смысле была его строительная политика в Риме: грандиозные по своим масштабам здания возводились в основном на окраине города, в местах, традиционно связанных с деятельностью римской христианской общины, оставляя нетронутой древнюю сакральную территорию внутри *romerium* [23, р. 368–369]. В этом контексте радикальные шаги Грациана, отказавшегося от должности великого понтифика, и запреты Феодосием I общественного отправления языческих культов, выглядят как окончательный демонтаж прежней религиозной парадигмы в ситуации, когда большинство населения государства уже ее поменяло.

Но не менее интересным вопросом для нашей темы является политика плотного патронажа Константином христианской Церкви, фактически вмешательство в ее дела, следствием которого стало (на всем протяжении IV в.) гораздо большее поражение в правах христианских групп, выпавших за пределы ортодоксии, чем ограничения, налагаемые на язычников или иудеев. По сути, именно здесь мы имеем дело с рождением концепции «одна империя – одна вера», достаточно эффективной по своим результатам в период триадологических споров, но, на наш взгляд, оказавшейся роковой в период после Халкидона. На этот вопрос, по счастью, ответил сам Константин в одном из посланий, касающихся ситуации в карфагенской Церкви. Он писал, что считает противоречием божественному закону (*fas*) игнорирование внутрицерковных разногласий, из-за которых Высшее Божество может быть возбуждено не только против человеческого рода, но и против него лично, кому это Божество своей волей доверило управление всем земным [29, р. 206; 23, р. 369]. Это откровение Константина чрезвычайно важно для нашей темы. Здесь, по сути, можно увидеть, как старые основы римской «политической теологии» накладывались на новую религиозную парадигму. Апеллируя к столь значимому для римской культуры понятию *fas*, регулирующему отношения между богами и людьми, Константин, поставивший римское государство под покровительство Бога христиан, считал себя ответственным за сохранение баланса (по сути *rex deorum*), маркером нарушения которого в данном случае являлись церковные споры, а церковный консенсус (чаще всего, хотя и не всегда, выраженный в соборных постановлениях¹¹) выступал как эквивалент знака божественной воли, которая должна быть соблюдена.

Результаты. По итогам проведенного анализа, можно считать, что утрата египтянами политической субъектности являлась долгим и «ступенчатым» процессом. После завоеваний Александра Македонского ее наличие вполне можно констатировать присутствием, с одной стороны, «имитационных» политических практик Птолемеев, а с другой, сильными и относительно независимыми позициями сословия египетских жрецов. Фор-

мальным маркером наличия таковой являются пророческие тексты III–II вв. до н. э. («Оракул горшечника», «Демотическая хроника»), а также возможность интерпретировать восстания на юге Египта с конца III в. до н. э. как «национальную» реакцию на правление Птолемеев. Полная утрата египтянами своей прежней политической субъектности наступит в римский период, в первую очередь, благодаря политике римлян, отказавшихся продолжить «имитационные» практики Птолемеев и лишивших египетское жречество его экономической самостоятельности. Следует также предположить, что государством, обладающим наиболее сильным потенциалом политической субъектности в Восточном Средиземноморье периода поздней Античности, была Восточно-Римская империя (Византия), опирающаяся на основы римской «политической теологии», предполагающие «экстравертную», универсалистскую («римский миф») и гибкую политическую модель, способную трансформироваться под давлением внешних и внутренних «вызовов», вовлекать в свою ценностную орбиту покоренные территории, а также радикально менять религиозную парадигму, оставаясь при этом тождественной самой себе в плане основных политических установок («аннексия Церкви в пользу государства» (ср. [23, р. 367]).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана на основе двух наших докладов, прочитанных на «Ломоносовских чтениях» в ИСАА МГУ в 2018 г. и на семинаре ЦЕИ РАН в 2022 году.

² Вопрос этнического происхождения жителей Египта в период после завоеваний Александра Македонского представляет собой значительную сложность, учитывая факт смешанных браков греков и египтян как в средних социальных слоях, так и в элитах. Поэтому правильнее будет использовать понятие «автохтонный египтянин» и «эллинизированный египтянин».

³ Вопрос о том, когда следует начинать историю Византии, на сегодняшний день является одним из наиболее спорных. Мы придерживаемся традиционных для русской историографии представлений и начинаем его с периода правления императора Константина.

⁴ Поскольку «нация» – это понятие Нового времени, то в отношении древних египтян мы упот-

ребляем термины «этнический», «автохтонный» либо заключаем слово «национальный» в кавычки.

⁵ Храмы либо арендовали земли, либо получали на свои нужды государственную субсидию. Единственным известным исключением был храм Изиды на юге Египта, который при римлянах владел значительной земельной собственностью [23, р. 340].

⁶ «Acta Alexandrinorum» более известны благодаря тому, что содержат указания на антисемитские настроения александрийской элиты. Но одно с другим может быть тесно взаимосвязано: см., например, [15, с. 168].

⁷ Особая роль общинных и родовых структур в римской политической истории была наглядно показана Е.М. Штаерман [22]. Основной вывод статьи (что государство в Риме возникает только в период принципата) достаточно спорен и объясняется тем, что Штаерман исходила из марксистского тезиса о возникновении государства исключительно в классовом обществе.

⁸ *Sacra publica* представляли собой ритуалы для всего римского народа, совершавшиеся жрецами, магистратами, сенатом и т. д., расходы на которые покрывались из средств государства. *Sacra privata* – это ритуалы и святилища, принадлежавшие частным объединениям, которые совершались и содержались за счет частных средств, а не государственной казны.

⁹ Одни исследователи (например, Ж. Байе) видели причину этого в «антимифологичности» римского ума, другие (например, Е.М. Штаерман) предполагали, что зачатки мифологии на раннем этапе у римлян все же существовали, но потом оказались вытеснены. Для нашей темы это не имеет принципиального значения.

¹⁰ Гентильные (родовые, семейные и домашние) культы обычно отправлялись *pater familias*. Компитальные культы – это культы перекрестков (изначально, вероятно, границ владений сельских общин). Обслуживались они специальными коллегиями, обычно состоявшими из плебеев, вольноотпущенников и рабов.

¹¹ Как известно, два преемника Константина, вопреки постановлениям Никейского собора, поддерживали ариан. Но это не нарушает общую схему: просто ариане и никейцы на какое-то время поменялись местами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман, Я. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации / Я. Ассман. – М. : Присцельс, 1999. – 368 с.

2. Ассман, Я. Политическая теология между Египтом и Израилем / Я. Ассман. – СПб. : Владимир Даль, 2022. – 181 с.

3. Войтенко, А. А. Императорские родственники в египетских пустынях: Жития апы Кира и блаженной Иларии / А. А. Войтенко // *Κανίσκιον*: юбилейный сборник в честь 60-летия И. С. Чичурова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – С. 178–192.
4. Войтенко, А. А. Патриаршество Петра IV и Дамиана как время генезиса Коптской Церкви: проблемы и предлагаемые решения / А. А. Войтенко // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 304–317. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22>
5. Еланская, А. И. Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке / А. И. Еланская. – СПб.: Чернышев, 1993. – 352 с.
6. Зельин, К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до н. э. / К. К. Зельин. – М.: АН СССР, 1960. – 467 с.
7. Ладынин, И. А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма / И. А. Ладынин // *Мнемон.* – 2004 – Вып. 3. – С. 145–184. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2004/lad.htm> (дата обращения: 25.05.2022). – Загл. с экрана.
8. Машкин, Н. А. История Древнего Рима / Н. А. Машкин. – [М.]: ОГИЗ, 1948. – 679 с.
9. Мечников, И. Л. Цивилизация и великие исторические реки / И. Л. Мечников. – СПб.: Ред. журн. «Жизнь», 1898. – 176 с.
10. Острогорский, Г. А. История Византийского государства / Г. А. Острогорский. – М.: Сибирская Благовонница, 2011. – 895 с.
11. Ранович, А. Б. Эллинизм и его историческая роль / А. Б. Ранович. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 382 с.
12. Синезий Киренский. О царстве / пер., предисл., коммент. М. В. Левченко / Синезий Киренский // *Византийский временник.* – 1953. – Т. 6. – С. 327–357.
13. Тураев, Б. А. История Древнего Востока. В 2 т. Т. 1 / Б. А. Тураев. – [Л.]: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние (тип. «Печатный двор» им. А. М. Горького), 1936. – 361 с.; Т. 2. – 321 с.
14. Тураев, Б. А. Египетская литература / Б. А. Тураев. – СПб.: Журнал «Нева»: Летний сад, 2000. – 336 с.
15. Фихман, И. Ф. Введение в документальную папирологию / И. Ф. Фихман. – М.: Наука, 1987. – 528 с.
16. Хосроев, А. Л. Роман об Александре на Ближнем Востоке: Коптская версия: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.06 / Хосроев Александр Леонович. – Л., 1983. – 139 с.
17. Хрестоматия по истории Древнего мира. Ч. 1 / под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 1980. – 328 с.
18. Шайд, Д. Религия римлян / Д. Шайд. – М.: Новое изд-во, 2006. – 280 с.
19. Шоу, Я. Древний Египет / Я. Шоу. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 208 с.
20. [Штаерман, Е. М.]. От религии общины к мировой религии / Е. М. Штаерман // *Культура Древнего Рима.* Т. 1. – М.: Наука, 1985. – С. 106–209.
21. Штаерман, Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима / Е. М. Штаерман. – М.: Наука, 1987. – 320 с.
22. Штаерман, Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме / Е. М. Штаерман // *Вестник древней истории.* – 1989. – № 2. – С. 76–94.
23. Beard, M. *Religions of Rome. Vol. 1: A History* / M. Beard, J. North, S. Price. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 454 p.
24. Cameron, A. *Constantine and the “Peace of the Church”. Vol. 1: Origins to Constantine* / A. Cameron // *The Cambridge History of Christianity.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 538–551.
25. Fournet, J.-L. *Rise of Coptic: Egyptian versus Greek in Late Antiquity* / J.-L. Fournet. – Princeton: Princeton University Press, 2020. – 206 p.
26. Gradel, I. *Emperor Worship and Roman Religion* / I. Gradel. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 398 p.
27. Hornung, E. *Conceptions of God in Ancient Egypt: One and the Many* / E. Hornung. – London: Routledge & Kegan Paul, 1982. – 295 p.
28. Musurillo, H. *The Acta of Pagan Martyrs. Acta Alexandrinorum* / H. Musurillo. – Oxford: Clarendon Press, 1954. – 299 p.
29. Optatus Milevitanus. *Contra Parmenianum Donatistam. Appendix decem monumentorum veterum* / ed. K. Ziwsa. – Praga; Vindobona: F. Tempsky; Lipsia: G. Freytag, 1893. – 332 p. – (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; vol. 26).

REFERENCES

1. Assmann J. *Egipet. Teologiya i blagochestie ranney tsivilizatsii* [Egypt. Theology and Piety of Early Civilization]. Moscow, Pritsels Publ., 1999. 368 p.
2. Assmann J. *Politicheskaya teologiya mezhduegiptom i Izrailem* [Political Theology Between Egypt and Israel]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2022. 181 p.
3. Voytenko A.A. *Imperatorskie rodstvenniki v egipetskiikh pustynnyakh: Zhitiya apy Kira i blazhennoy Ilarii* [Imperial Relatives in the Egyptian Deserts: Lives of Apa Cyrus and Blessed Hilaria]. *Kaniskion: yubileynyy sbornik v chest' 60-letiya I.S. Chichurova* [Kaniskion. Anniversary Collection in Honor of the 60th Anniversary of Professor Igor Sergeevich Chichurov]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2006, pp. 178-192.

4. Voytenko A.A. Patriarshество Petra IV i Damiana kak vremya genezisa Koptskoy Tserkvi: problemy i predlagayemye resheniya [The Time of the Genesis of the Coptic Church: Problems and Proposed Solution]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 304-317. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22>
5. Elanskaya A.I. *Izrecheniya egipetskikh ottsov. Pamyatniki literatury na koptskom yazyke* [Sayings of the Egyptian Fathers. Coptic Literary Texts]. Saint Petersburg, Chernyshev Publ., 1993. 352 p.
6. Zelyin K.K. *Issledovaniya po istorii zemelnykh otnosheniy v ellinisticheskoy Egipte II–I vv. do n.e.* [Studies on the History of Land Relations in Hellenistic Egypt 2nd – 1st Centuries BC]. Moscow, AN SSSR, 1960. 467 p.
7. Ladynin I.A. Osnovnye etapy tsarskogo kulta Ptolemeev v kontekste obshchey evolyutsii egipetskogo ellinizma [The Main Stages of the Royal Cult of the Ptolemies in the Context of the General Evolution of Egyptian Hellenism]. *Mnemon*, 2004, iss. 3, pp. 145-184. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2004/lad.htm> (accessed 25 May 2022).
8. Mashkin N.A. *Istoriya Drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. Moscow, OGIZ, 1948. 679 p.
9. Mechnikov I.L. *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [Civilization and Great Historical Rivers]. Saint Petersburg, Red. zhurn. «Zhizn'», 1898. 176 p.
10. Ostrogorskiy G.A. *Istoriya Vizantiyskogo gosudarstva* [History of the Byzantine State]. Moscow, Sibirskaia Blagozvonitsa Publ., 2011. 895 p.
11. Ranovich A.B. *Ellinizm i ego istoricheskaya rol'* [Hellenism and Its Historical Role]. Moscow; Lenindrad, Izdvo AN SSSR, 1950. 382 p.
12. Levchenko M.V., ed. Sineziiy Kirenskiy. O tsarstve [Synesius of Cyrene. On the Kingdom]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1953, vol. 6, pp. 327-357.
13. Turaev B.A. *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of Ancient Orient]. In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, Sotsekgiz. Leningrad. otd-nie (tip. «Pechatnyy dvor» im. A. M. Gorkogo), 1936. 361 p.; vol. 2. 321 p.
14. Turaev B.A. *Egipetskaya literatura* [Egyptian Literature]. Saint Petersburg, Zhurnal «Neva», Letniy sad Publ., 2000. 336 p.
15. Fikhman I.F. *Vvedenie v dokumentalnuyu papirologiyu* [Introduction to Documentary Papyrology]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 528 p.
16. Khosroev A.L. *Roman ob Aleksandre na Blizhnem Vostoke: Koptskaya versiya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.06* [The Novel of Alexander in the Near East: The Coptic Version. Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1983. 139 p.
17. Korostovtsev M.A., Katsnelson I.S., Kuzishchin V.I., eds. *Khrestomatiya po istorii Drevnego mira. Ch. 1* [Anthology on the History of the Ancient World. Part 1]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1980. 328 p.
18. Scheid J. *Religiya rimlyan* [Roman Religion]. Moscow, Novoe izd-vo Publ., 2006. 280 p.
19. Shaw I. *Drevniy Egipet* [Ancient Egypt]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2006. 208 p.
20. Shtaerman E.M. Ot religii obshchiny k mirovoy religii [From Community Religion to World Religion]. *Kultura Drevnego Rima. Vol. 1* [Culture of Ancient Rome. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 106-209.
21. Shtaerman E.M. *Sotsialnye osnovy religii Drevnego Rima* [Social Foundations of the Religion of Ancient Rome]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 320 p.
22. Shtaerman E.M. K probleme vozniknoveniya gosudarstva v Rime [On the Problem of the Emergence of the State in Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Messenger of Ancient History], 1989, no. 2, pp. 76-94.
23. Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome. Vol. 1: A History*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 454 p.
24. Cameron A. Constantine and the “Peace of the Church”. Vol. 1. Origins to Constantine. *The Cambridge History of Christianity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 538-551.
25. Fournet J.-L. *Rise of Coptic: Egyptian versus Greek in Late Antiquity*. Princeton, Princeton University Press, 2020. 206 p.
26. Gradel I. *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 398 p.
27. Hornung E. *Conception of God in Ancient Egypt: One and the Many*. London, Routledge & Kegan Paul, 1982. 295 p.
28. Musurillo H. *The Acta of Pagan Martyrs. Acta Alexandrinorum*. Oxford, Clarendon Press, 1954. 299 p.
29. Ziwsa K., ed. *Optatus Milevitanus. Contra Parmenianum Donatistam. Appendix decem monumentorum veterum*. Praga, Vindobona, F. Tempsky, Lipsia, G. Freytag, 1893. 332 p. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; vol. 26).

Information About the Author

Anton A. Voytenko, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 29, Bld. 8, 119071 Moscow, Russian Federation, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

Информация об авторе

Антон Анатольевич Войтенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29, стр. 8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.13>

UDC 902(653):726.5
LBC 63.444-427

Submitted: 01.07.2022
Accepted: 28.10.2022

**A SLAB FROM IZMIR WITH TWO PEACOCKS.
DEPICTIONS OF PEACOCKS
IN BYZANTINE ARCHITECTURAL SCULPTURE OF ASIA MINOR ¹**

Ergün Laflı

Dokuz Eylül Üniversitesi, İzmir, Turkey

Maurizio Buora

Società Friulana di Archeologia odv, Udine, Italy

Abstract. This paper presents a marble slab from the Archaeological Museum of Izmir in western Turkey, which was published by Anastasios K. Orlandos in 1937 and its inscription was re-considered by Georg Petzl in 1990. Its epigraphy mentions a formerly unknown bishop, Euethios, who was probably the bishop of Smyrna during the Early Byzantine period. On this occasion, a brief review of the depiction of two peacocks flanking a vase in the marble architectural sculpture of Byzantine Asia Minor is presented, in order to assign a more concise date for the slab from Izmir. An accompanying catalogue with several examples of peacocks' depictions from Asia Minor was made and a marble plate with a peacock depiction from Skopje, Macedonia is also included. *Authors' contribution.* In this article Ergün Laflı gives a detailed description of this inscribed plate which is a valuable historical document, while Maurizio Buora analyses its inscription and makes its epigraphic assessment as well as a systematic examination of the iconography of peacocks in the marble architectural sculpture of Byzantine Asia Minor through over thirty examples in Turkish museums.

Key words: marble slab, bishop, peacocks, peacocks flanking a vase, Izmir, western Asia Minor, Turkey, Turkish museums, Early Byzantine period, Byzantine architectural sculpture, Byzantine epigraphy.

Citation. Laflı E., Buora M. A Slab from Izmir with Two Peacocks. Depictions of Peacocks in Byzantine Architectural Sculpture of Asia Minor. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 171-210. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.13>

УДК 902(653):726.5
ББК 63.444-427

Дата поступления статьи: 01.07.2022
Дата принятия статьи: 28.10.2022

**АМВОННАЯ ПЛИТА ИЗ ИЗМИРА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУХ ПАВЛИНОВ.
ИЗОБРАЖЕНИЯ ПАВЛИНОВ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СКУЛЬПТУРЕ МАЛОЙ АЗИИ ¹**

Эргюн Лафлы

Университет Докуз Эйлюль, г. Измир, Турция

Маурицио Буора

Фриульское социологическое общество, г. Удине, Италия

Аннотация. В этой статье представлены изображения мраморной амвонной плиты из Археологического музея в Измире в западной Турции, которая была впервые опубликована Анастасиосом К. Орландосом в 1937 г., а надпись на ней была пересмотрена Георгом Петцлем в 1990 году. В ней упоминается ранее неизвестный епископ Евефий, который был, вероятно, епископом Смирны в ранневизантийский период. В работе дается краткий обзор изображений павлинов или двух противопоставленных павлинов, фланкирующих вазу, в мраморной архитектурной скульптуре византийской Малой Азии для того, чтобы уточнить датировку амвонной плиты из Измира. Был составлен сопроводительный каталог с несколькими примерами изображе-

ний павлинов из Малой Азии, а также мраморной плитой с изображением павлина из Скопье, Македония. *Вклад авторов.* В этой статье Эргюн Лафлы дал подробное описание указанной амвонной плиты, которая представляет собой ценный исторический источник, а Маурицио Буора исследовал надпись на ней и дал ее эпиграфическую оценку, а также провел системный анализ иконографии павлинов в мраморной архитектурной скульптуре византийской Малой Азии на основе свыше 30 подобных примеров из музеев Турции.

Ключевые слова: мраморная амвонная плита; епископ; павлины; павлины, фланкирующие вазу; Измир; западная Малая Азия; Турция; музеи Турции; ранневизантийский период; византийская архитектурная скульптура; византийская эпиграфика.

Цитирование. Лафлы Э., Буора М. Амвонная плита из Измира с изображением двух павлинов. Изображения павлинов в византийской архитектурной скульптуре Малой Азии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 171–210. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.13>

In memoriam
Anne Mary Thoen-Weissenborn
(1946–†2022)

Introduction. The Archaeological Museum of Izmir curates a marble slab among the marble finds in its garden (Fig. 1, *a–g*, acc. no. 000.270) which bears a composition with two antithetic peacocks flanking a vase and a dedicatory inscription on its upper part. We do not know where and when the piece was found. The catalogue card in the Museum’s office contains no information about its findspot. But, because of a number of reasons, which we explain below, we believe it must once have stood in an Early Byzantine church in Smyrna. (Fig. 2). The slab survived intact until the beginning of the twentieth century, when Josef Keil² who was the director of the Austrian excavations at Ephesus, found it in pieces at the Agora of Smyrna and drew in 1910 its sketch (Fig. 3). It remained unappreciated until Georg Petzl’s republishing it in his corpus of Smyranean inscriptions in 1990 with other unpublished inscriptions of uncertain origin copied from Smyrna by Keil [43, pp. 365–366, no. 35]. In 1937 the piece was examined by Anastasios K. Orlandos [39, p. 136, fig. 8], a Greek historian of architecture who published the first catalogue of the Byzantine stone monuments in the Museum of Izmir. In this study by Orlandos the slab was broken and its upper left corner was missing. That caused the loss of an important part of the inscription, which was integrated in a not entirely correct way by Orlandos himself. The plate was, however, never photographed in any of these publications.

Since very few Byzantine stone monuments in the Izmir Museum have a known provenance as Smyrna, this plate merits inclusion in the body

of published examples from this city during the Byzantine period where we have only limited surviving literary and archaeological evidence³.

The marble slab. Material. High-grade large crystalline, light white-gray marble quarried probably from Belevi near Ephesus; fine grained, pale gray to blue gray. The marble is similar to the native one into the area of Ephesus, which was commonly utilized for both architecture and sculpture of the ecclesiastical buildings of western Anatolia during the Early Byzantine period.

Measurements. H. 891 mm (with mouldings), L. 1423 mm, Th. (top) 88 mm, (bottom) 78 mm, L.H. 21–34 mm⁴.

State of preservation. Nearly intact slab horizontally broken with the flat top broken off, reassembled from four large fragments with some chips and two large losses at the both upper corners (Fig. 1, *a*). The main horizontal break runs diagonally through the centre of the scene. The entire scene in the central portion is preserved. Dark gray particulate soiling covers the slab’s front and back. Otherwise well-preserved.

The back, which is framed with narrow border mouldings both on top and bottom, is flat, plain, smooth and moderately weathered, with pitted and abraded areas; there is also rasping on the surface (Fig. 1, *b*). Mouldings on top and bottom are separated by two channels carved with a narrow flat chisel. The top and bottom are smooth and flat, bearing marks of a flat chisel, although no attachment holes or cuttings are seen (Fig. 1, *c–d*). On the upper right break there are two tiny, pin-size drill holes, possibly for (later) repairment (Fig. 1, *e*). There are no other holes on both flank fronts which are left with a rough-picked surface created by the pointed chisel

(Fig. 1, e–f). On the back, at the bottom of the left side, a remnant of a certain carving with an unidentified shape remains (Fig. 1, g).

Provenance. As said above, it was supposedly found by Keil in pieces at the Agora of Smyrna in an unknown time period, as many of such pieces may once have been inside the Agora, where there was a collection of ancient sculptures and architectural elements latest in the early 20th century.

Description. This is a rectangular slab with a shallow recessed panel, horizontally placed on the face of the stone, containing figures in low relief of two opposing peacocks in profile flanking a handleless amphora-like large vessel measuring 230 mm high, which are the central features of the iconography (Fig. 1, a). Our slab was most probably a part of chancel enclosure of a church. In addition to its shape, its inscription indicates clearly the expression “chancels” which appears in the first line (cf. below).

At both sides of the vessel there are two fat-bodied or plump-bodied birds in a narrative scene, very possibly peacocks or partridges, flanking a large vessel. The animals are represented in low relief and the figures are rendered inaccurately with less facial features. The opposing peacocks are at the same level, but not placed on a groundline; the vessel which has a larger scale in proportion to the peacocks, rests on the lower edge of the relief panel. The flat figures are simple and stiffly carved in a shallow outline technique with little plastic and modeling quality. Feet and legs of peacocks are well modeled, but simply incised. Shallow incisions indicate anatomical features of the birds, such as feet, feathers, wings, eyes and beaks. The facial features are cursorily indicated. The birds have a sharp beak. The straight outline of their tail feathers is superposed over the bend in the wrist. Their tail feathers form a backdrop. The bird's wings are slightly extended. Thus, these birds resemble also a pigeon (genus *Columba*; Turkish *kumru* which is very popular in modern Izmir), rather than a peacock. But, low level of detail in the representation makes identification of the species difficult. In any case, the partridge is a species of bird which is not commonly depicted in Byzantine marble iconography.

The vase, most probably an amphora in the middle, is somewhat larger than the peacocks, but still within the size seen in comparable

ecclesiastical iconography. Typologically, the vessel looks also like a cantharus, a type of ancient Greek cup used for drinking.

The scene is framed with the top and bottom border mouldings. Slightly projecting three-part moulding (of a shallow cavetto over a flat ovolo) near the top are separating the finial from the main part of the stone and inscribed with the name of the ecclesiastical dignitaries. The bottom of the plate is also finished with three rows of moulding. The height of the moulding below the design is 165 mm. The crisp carving of the lower mouldings on this fragment indicates that it was a monument of high quality. Both mouldings do not continue around the sides of the block, but on the back (Fig. 1, b).

Inscription. As mentioned above, two narrow epistyles are inscribed with a short inscription which is a dedication of chancel and has a very high value, as epigraphic evidence in Smyrna is extremely limited in the Byzantine period (Fig. 4, a). According to the reading of Keil, which Petzl makes its own, the text is as follows (Fig. 4, b):

Transcription.

✠ Ἀνενεώθησαν οἱ κάγκελο ἐπὶ τοῦ ὀσιωτάτου ἐπισκόπου

2 Εὐηθίου, οἰκονομοῦντος Ὀνησίμου πρεσβυτέρου.

Epigraphic comments. Inscription in two lines consists of crudely incised and randomly placed letters, but generally its lettering is good. Alphas have a broken bar. At the beginning of the text there is a cross, as it is customary in sacred texts and also popular in funerary inscriptions from the fifth century AD onwards, both in the East and in the West.

The paleography of the inscription as well the expression ἀνενεώθησαν are not commented here to avoid possible repetition.

Orlandos reconstructed the first word as κατεσκύασθησαν. In the second line he completely missed the name of the episcopus, even if he should have understood, that it was a couple of ecclesiastical dignitaries and the text only made sense, if the name of the episcopus was followed by that of the oikonomos, the highest authorities of the local ecclesiastical community of Early Byzantine Smyrna.

Dating. The accompanying inscription is difficult to date, but the persons named in this text might be identified (cf. below). With no firm

externally datable context, we have tried to date this piece to a general stylistic milieu. It could thus be assigned to the mid-sixth century AD on the basis of style, subject, inscription and workmanship; but this date should be considered as a rough approximation. Perhaps the inscription was written secondarily.

References (in an chronological order): [23, p. 28; 39, p. 136, fig. 8 (dated into the late sixth-early seventh century AD); 53, p. 57, nos. 20-21; 54, p. 356, pl. 69, fig. 3 (late sixth-early seventh century AD); 43, pp. 365-366, no. 35; 18, p. 604, no. 908 (with transcription); 4, pp. 261-262, no. 50 (with transcription), p. 624, no. 50 (sixth-seventh century AD), pl. 7, no. 50; 21, p. 139, note 248].

A bishop of Smyrna in Early Byzantine period? The letters of the inscription on our slab are not particularly accurate. The fact that the slab is inscribed suggests that it was placed in the centre of a fence.

In fact, the inscription mentions two persons, namely the episcopos (bishop) Euethios and the oikonomos (oconomus) who was the presbyter, i.e. an elder of the congregation in Early Christianity, Onesimos. In their time, the gates or slabs of the enclosure of the presbytery of a church were renovated, which may have been the cathedral of Smyrna. Already since the Early Christian era in the first century AD Smyrna was an autocephalous archbishopric, but about its location and churches we have almost no information. The succession of the two names is very significant: in the first place the episcopos, then the person responsible for the treasury of the diocese. It is surprising that in reporting this text in her doctoral dissertation, Sabine Hübner, while citing the Petzl's edition, did not realize that not only the πρεσβύτερος was mentioned here, as she erroneously writes [21, p. 139, note 248].

The name Euethios, which is of unknown origin, is in particular known in its Latin version, i.e. Euetius (or Vetius) [48, p. 983]. This name was popular in Asia Minor, as there are ten attestations in *LGPN* (in vols. V.B and V.C); and four in *ICG* (nos. 229, 914, 943 and 2398). An Eubecius (in Cod. Stuttgart) or Eubuetius (in Cod. Munich) was quoted instead of Euteius in a Late Antique manuscript which includes Eastern bishops who signed at the First Council of Nicaea [36, pp. 142-143, note 17]. Furthermore, Lactantius and Eusebius record anonymously in the list of

martyrs a Christian named as John or Euetius of Nicomedia, executed at Nicomedia in 24 February AD 303 for tearing down the first edict against the Christians [20, 13.2; and 32, 8.5.1]. The name comes from a Syriac martyrology of AD 411 [30, p. 9]. Jacques Moreau regards Euethios as the correct form of the name [37, p. 279]. The text of Eunapius offers in the extra properly corrupt manuscript tradition the name Euetius, which has been unanimous since Valesianus improved in Evagrius [19, p. 38, 6.11.2].

The most significant attestation of Euethios in Asia Minor was the name of the bishop of Ephesus in ca. AD 365-381 [13, p. 280] and could be the same person mentioned in our Smyrnan inscription. We do not, however, know the status of the see of Smyrna before the mid-seventh century AD, as it was an autocephalous archbishopric of the province of Asia; but it is quite possible that in this particular period Smyrna was a suffragan of Ephesus and because of this reason its bishop was mentioned in our inscription.

In contrast to Euetius, Onesimos or Onesimus (ὀνήσιμος, meaning "useful") was a popular name in Roman and Late Roman Smyrna.

We believe that the slab from the Izmir Museum originates from Smyrna. The local church of Smyrna was organized into a diocese since the second century AD, as an epistle from St. Ignatius of Antioch to the Christians of Smyrna and their bishop Polycarp proves it in AD 107⁵. From the fourteenth century, i.e. 1318, it had a series of Western bishops as owners. The list of Greek bishops, with many shortcomings, has been handed down to us by Giorgio Fedalto in his *Hierarchia ecclesiastica orientalis* [17] and Michel Le Quien in his *Oriens Christianus* [29, pp. 741-744]. Here two fixed points appear, a couple of names linked to the rise of the Monophysite movement and to the events of the forties of the sixth century AD, and then other names are attested at the beginning of the ninth century. Our bishop was not mentioned by any Medieval source, but his name was engraved on a stone monument and therefore indisputably attested. Because of this, the span of his episcopate probably fell between the mid-sixth and the beginning of the ninth century.

Furthermore, the Greek equivalent of the Latin term *cancelli* (or cancellus in the singular; "lattice-work"), i.e. οἱ κἀνκελοῦ; κἀγκελλος in

singular, is very common in Byzantine Asia Minor, as Louis Robert has noted it already in 1966 [45, p. 363].

The depiction of peacocks or two antithetic peacocks flanking a vase in the marble architectural sculpture of Byzantine Asia Minor. In zoology peacock or peafowl is a common name for three bird species. Male peafowl is referred to as peacocks, and female peafowl are referred to as peahens, even though peafowl of either sex is often referred to colloquially as “peacocks”. Peafowl means forest birds that nest on the ground, but roost in trees.

Already in the third-fourth centuries AD peacocks appeared on mosaic floors in western Anatolia individually or in pairs, such as in the peacock mosaic of the apsidal house at Clazomenae, ca. 40 km west of Smyrna [47, p. 297].

As early as in the Roman period Early Christians adopted the symbol of the peacock, *παρώνι* in Greek and *pavo* in Latin, to represent immortality. This came from an ancient legend that the flesh of the peacock did not decay. It is also associated with the resurrection of Christ, because it sheds its old feathers every year and grows, newer, brighter ones each year.

During the Byzantine period various bird species and mythical-biblical birds are represented in marble architectural sculpture. The peafowl is native to Anatolia and significant in its culture. In Anatolia the symbolism with peacock was adopted mainly by Early Christianity, thus some Early Christian marble architectural elements and mosaics as well as frescoes show peacocks in various compositions. The peacock can symbolise the cosmos, if one interprets its tail with its many “eyes” as the vault of heaven dotted by the sun, moon and stars. By Christian adoption of old Persian and Babylonian symbolism, in which the peacock was associated with paradise and the tree of life, the bird is again associated with immortality.

In Byzantine Asia Minor peacocks are placed in a limited range of biblical/ecclesiastical iconographic scenes. The compositions are usually limited either to single peacock depictions, or two opposing peacocks on the sides of a vase in their middle. The depiction of a peacock on architectural elements makes generally a connection with paradise. Especially between the fifth and seventh centuries AD two antithetic

peacocks are portrayed drinking from a vase which symbolizes a Christian drinking the waters of eternal life⁶. The scene also recalls one of the central pleasures of life, the symposium, now ended forever for the deceased. In Asia Minor the representation of two peacocks on either side of a cantharus is very common on marble architectural elements so that we can analyze their particularities: generally on such scenes in various combinations the peacock figures are more or less evenly spaced on both sides of a vase which stands in the middle. Most of the time peacocks are larger in comparison to the overall size of the vase in their middle. The peacock is often depicted next to the tree of life as well. It is, however, not clear when and where exactly this scene appears in Anatolia for the first time.

It is longly noticed that compositions with peacocks were popular among the monuments of ecclesiastical architectural sculpture, on the mosaic floors and mural painting as well as several other iconographic media whereas representations on these latter groups are excluded in this article. In Anatolia several varieties of architectural monuments bear peacock depictions, ranging from those with relatively little carving (for example ambo plates) to elaborate architectural structures assembled from parts (such as ciboria; cf. Table 1). This well-known depiction is also common in burial contexts. Depictions of peacocks or two antithetic peacocks flanking a vase have been the subject of much previous discussion (Chronologically e.g. [31; 54; 24; 44; 41, passim; 4, pp. 462-463, no. 249 (from Amorium in Phrygia; fifth century AD), p. 631, no. 249, pl. 33, no. 249, pl. 34, no. 249 (g); 35, pp. 85, 97, figs. 16–17 (in our catalogue, below); 5; 46; 52, passim; 56, passim; 1, pp. 216-217; 55, pp. 144-145; 20, passim; and 38, p. 13, p. 20, fig. 25, pp. 49-53, figs. 115, 123 and 125, p. 81, fig. 212, p. 141, p. 143, figs. 380 and 382, p. 157, fig. 428, p. 158, fig. 431, p. 173, fig. 469]). These depictions are especially common between the fifth and seventh century AD in the marble architectural sculpture of Asia Minor. Peacocks are carved with more plasticity and three-dimensionality in the Early Byzantine period; in later periods, however, details become fewer and are indicated with less plasticity.

The name of the vase between two opposing peacocks is mostly interpreted as “cantharus”, a

name based in ancient literary sources. On these depictions there are so many extant examples of the tall and narrow-necked vessels, which are generally called as “cantharoi”, but perhaps another and more common vase shape, amphora, is a better candidate for this vase depiction, as the one on our plate from Izmir. It is already recognized that in the Byzantine depiction of such vessels there was a preference to use their forms from the Greek Classical period in the fifth-fourth centuries BC which were treated in a summary fashion.

Catalogue of depictions. The monuments included in this catalogue are from the Early and Middle Byzantine periods (cf. Table 1). Only half of these pieces have already been published previously. As said above, such paradisaical scenes with peacock depictions were featured commonly in ecclesiastical architectural plastic in Byzantine Asia Minor and are attested on other contemporary media, such as mosaics, frescoes and ceramics; but this scene at the slab from Izmir did not turn up any monuments with exactly the same composition. For a better understanding of our plate we collected the images of over thirty representations on ecclesiastical architectural plastic, distributed throughout Anatolia (Fig. 2). Below we present a summarized catalogue of these monuments in alphabetical order of the city of their origin, almost all of which are being curated in Turkish local museums. This collection offers, however, only a selected overview of Byzantine peacock representations in Turkey, and we are not concerned here with the whole iconographic aspects of each monuments, as it is beyond the scope of this catalogue. We have narrowed the list of works cited here, focusing on those which have been of the greatest use to us in our research on peacock depictions in Anatolia, and we do not claim that this is a comprehensive accounting.

Peacock depictions from Asia Minor reveal sometimes unique iconography, previously unknown inscriptions and a wide range of monument types that were utilized by residents of Byzantine Anatolia. Although all of our examples in this catalogue are collected from various local museums or sites in Turkey, a marble plate with a peacock depiction from Skopje, Macedonia (Fig. 36) is also included here because of its similarity to our material.

In general all types of this architectural sculpture exhibit qualities that are conservative, formulaic and schematic. While there is an overall uniformity in depictions of peacocks, each representation of peacock in this catalogue does retain a modicum of individuality and specificity. Within the conventions of architectural sculpture, a marble carver would modify the characteristics of each work to satisfy the particular requirements of its ecclesiastical function and setting. Each architectural element with peacock depiction presents a different variant of traditional elements, a unique combination of peacocks and other features. As mentioned above, there are no extant examples of a particular peacock scene being replicated exactly on a second monument. As longly noticed, the uniqueness of each architectural monument suggests that the iconography, even though it appears repetitive and adheres to a set of general norms, was an element of consideration by both the sculptor and the patron, i.e. ecclesiastical institution which once ordered these monuments.

The variations of architectural monuments with peacock depictions – categorized by their monument type, such as ambos, ciboria, sarcophagi or altars – are all included in this catalogue (cf. Table 1) but designated more particularly in the individual catalogue entries.

We have tried to be conservative in this catalogue, including only architectural elements with concretized peacock depictions. In the case of other bird depictions in a poor state of preservation, particularly heads broken from reliefs, identification as peacock is difficult and these material are excluded from this catalogue. Object deterioration, iconographical ambiguity and, of course, the limits of our current knowledge, all hinder the attainment of certainty.

Very few of these monuments in this catalogue are inscribed, like the slab in Izmir and these uninscribed monuments are therefore dated on the basis of style.

1. Repository. Museum of Afyonkarahisar, Figs. 5–7.

In the Museum of Afyonkarahisar there are two examples of peacock depictions on ambos (Figs. 5–6) and a third on a fencing slab (Fig. 7). The trapezoidal panels on Figs. 5 and 6 have edges with a series of sharp- and thick-edged mouldings, which are dated particularly to the first half of the

sixth century. The animals have in common the crests formed by three feathers, the tails decorated with zigzag lines and the thin necks.

Fig. 6. Acc. no. 1399.

Measurements. H. 90 cm, L. 76 cm, Th. 18 cm.

Provenance. It was found in Payamalanı district (ancient Eibeos), 7 km north-east of Sivaslı (ancient Sebaste), province of Uşak (eastern Lydia) and was brought to the Museum of Afyonkarahisar in 1963.

Description. In the plate neck and body are decorated with engraved circles. The same detail appears on a plate from Grado, in the north-eastern Italian region of Friuli-Venezia Giulia which has been dated to the early sixth century AD [49, p. 348, no. 523].

Reference: [42, pl. 89, fig. 108].

2. *Repository.* Museum of Anatolian Civilizations in Ankara.

Measurements. P. H. 60 cm, P.L. 57 cm, Th. 17 cm.

Description. The representation is considerably smaller than the exaggerated width of the ambo's frame. Deep engravings on the body, wing and tail.

Dating. Sixth century AD.

Reference: [9, p. 50, fig. 2].

3. *Repository.* Turkish National Forces – Kuvâ-yi Milliye Museum of Balıkesir, Figs. 8–10.

The fragmented slab (of sarcophagus) from the Museum of Balıkesir (Fig. 8) shows one of the two peacocks with his head lowered, next to a central circle in which the monogram of Ioannes appears. In this image, the crest which is formed only by two feathers, is highlighted and the wing emphasized by the groove that follows the edge as well as the tail with zigzag motifs. The same monogram in the middle exists on a lead seal kept in the Dumbarton Oaks Collection which is dated to sixth century (Fig. 9) ⁷.

The performance of the peacock is more summary on a second slab from Balıkesir (probably of a later date) in which the pecking peacock is inserted in a circle which is itself included in a lozenge with flattened edges (Fig. 10).

4. *Repository.* Museum of Bandırma, Fig. 11.

Description. In Bandırma (Πάνορμος in the Byzantine period), on the coast of the Sea of

Marmara, part of the upper slab of a ciborium (Fig. 11) shows characteristic features of the Middle Byzantine period, such as the shape of the six-pointed leaf, the curved section of the twigs and the characteristic yield wing with the front which is clearly distinctive from a different orientation of the grooves. This detail of the wing appears in all contemporary representations. On this relief, the leaf in the upper left corner takes up an iconography of the sixth century, but is associated with a jagged leaf of a type widespread especially in the eleventh-twelfth century, a period in which the performance of the wings of peacocks is also appropriate. The shape of the ridge is also different. Başak Çoraklı who examined peacock depictions on pottery, has dated this piece to the eleventh–twelfth or eleventh–thirteenth century. In this image the figures are not only simply flattened, but display, especially in the edges, a hint of volumetric development.

References: [12, p. 13, fig. 12; 55, p. 147, fig. 7; also cf. 2].

5. *Repository.* Bodrum Museum of Underwater Archaeology, Figs. 12–13.

Fig. 12. Acc. no. 25/2022.

Measurements. P.H. 85 cm, L. 110 cm, Th. 27.

Material. A gray-white marble from a local quarry in Caria.

Provenance. By a private collection which is confiscated in the Bodrum Museum of Underwater Archaeology through the decision of the Bodrum Second Court of First Instance in 2011. It was probably found in Labraunda or Mylasa in Caria.

Description. It is bordered by rounded ribs separated by a large groove. The peacocks are placed vertically to make the most of the space and are located on the sides of a very tall cantharus. The decoration extends on the tail, where circles appear that will be used in sculpture until the eleventh century, and on the wings, decorated with engravings, as on numerous Western monuments of the Romanesque art.

Dating. Eleventh century.

Reference: [40, p. 394, fig. 10].

Fig. 13.

Measurements. H. 35 cm, L. 20 cm, Th. 15.

Description. The second slab, which develops in height (perhaps the frontal part of an altar?), shows two peacocks on the sides of a

cross from whose horizontal arms hang some ivy leaves. The ivy leaf is a popular motif in Byzantine iconographic arts and appears for example on a fragment of a slab, dated to AD 540–560 in the Museo Arcivescovile in Ravenna. Nonetheless, the heraldic position of our two peacocks suggests a dating rather to the Middle Byzantine period, especially to the eleventh century.

Dating. Eleventh century.

References: [58, p. 328, fig. 12; 40, p. 393, fig. 6].

6. *Repository.* Archaeological Museum of Bursa, Figs. 14–15.

In the Archaeological Museum of Bursa there are two marble slabs with peacock depictions. The first peacock appears within a frame of an ambo plate (Fig. 14). The tail stands out, which soars at the top, following the trend of the frame, the tail which is the only decorated part of the animal. Three-feathered crest and deep furrow to delimit the wing. Sixth-seventh century AD.

On the second one, the only remaining peacock is on the side of a cross, with the ends flanked by two triangles (Fig. 15). The relief is flat with leaves drawn in the shape of a heart. The peacock has a sinuous course and appears almost completely covered by decorative motifs. Middle Byzantine period.

7. *Repository.* Archaeological Museum of Çanakkale, Figs. 16–17.

On the plate on Fig. 16 two rather ungainly peacocks drink from a cantharus. The drawing is very coarse, especially for the legs. The limited decoration on the tail take us to the sixth century.

The marble slab on Fig. 17 is a low-quality artistic product, the only merit is the peacock decoration with typical eleventh-century motifs. If the slab is, as it seems, finished, we notice that it is a single peacock, rather than two. Noteworthy are the ungrammaticals, e.g. in the shape of the wing or in the detail of the legs that do not touch the branch on which they should rest. Ayşe Çaylak Türker seems uncertain between a sixth or eleventh century dating [51, pp. 388-389] ⁸.

8. *Repository.* Museum of Kırşehir, Fig. 18, a–b. Fig. 18, a. Acc. no. 209.

Provenance. It was found in Çiçekdağı, a township at high altitude, c. 65 km north of Kırşehir and 4 km south of Yerköy on the

borderline of the province of Yozgat, which is mainly mentioned in literature on the prehistorical period. Donated to the Museum of Kırşehir on 9 April 1984 and catalogued on 27 April 1987 by Vedat Kantürk (and confirmed by Ziyaettin Taşçı, the former director).

Material. Local whitish-yellowish marble.

State of preservation. Well-preserved except two diagonal cracks on the lower part.

Measurements. H. 176 cm, L. 103 cm, Th. 9 cm, L.H. 2.4-3.1 cm.

Description. A plate-stele with rounded top and stylized figures, motifs as well as an inscription of six lines in a tabula ansata. The edge of the stele has a 10 cm wide frame where floral motifs in the form of extending ivies in spiral form cover the entire stele. In the middle and most visible part of the stele is a large cross dividing the middle field in four smaller parts. There are two medallions with stylized rosettes on the top of the cross; two peacocks on ivy leaves and grape bunches on the bottom. Two birds are depicted beneath the ivy leaves at each angle.

Inscription. Six lines of Greek text in a tabula ansata (Fig. 18, b) ⁹.

✠ ἔνθα κατά-
κτε ἡ ἐν ὀσί-
οις τῆ μνήμη
ἡ λαμπρ(οτάτη) κ(αί) εὐγ(ενεστάτη)
5 ἡ δόξα τοῦ γένο(υ)ς
Φῶτα μνήμης χάριν ✠

5: ἡ δόξα τοῦ γένο(υ)ς : ἡ Δοράτου γένος after [14, no. 7].

Translation. Here lies among the holy in remembrance the most splendid and pious, the glory of her family, Phota, in remembrance.

Epigraphic description. Alpha has a broken bar; epsilon, sigma and omega are lunate. The middle bar of alpha, epsilon, eta, my and pi are detached. Similarly, the loop of phi (line 6) and the arms of kappa (line 1; 3) and are not attached to the vertical bar. Abbreviation signs are used for λαμπρ(οτάτη), κ(αί), εὐσ(γενεστάτη) (line 4) and γένο(υ)ς (line 5). An interpunctuation mark is found after the first letter in line 4. Most letters carry small serifs.

Commentary. The phrase ἐν ὀσίοις is not particularly common ¹⁰, and δόξα τοῦ γένους is hitherto not attested. It is, however, most likely related to the phrase δόξα τοῦ οἴκου, attested a couple of times in Asia Minor ¹¹. The name Φῶτα

is very uncommon, and we have found a single parallel in Phrygia ¹².

Dating. Fifth century AD.

Reference: [14, no. 7].

9. *Repository.* Archaeological Museum of Izmir, Figs. 19–23.

The Archaeological Museum of Izmir has an extensive collection of Byzantine marble architectural sculpture which is first published by Orlandos and examined in the course of three theses at Turkish universities [39; 33; 6; 15]. Among these specimens there are also several plates with various peacock depictions. Below we offer a selection of these depictions kept in the museum.

Fig. 19.

Dating. For the depiction on an ambo on Fig. 19 we consider an Early Byzantine dating because of the elegance of the peacock, whose movement of the head forms a beautiful sinusoid shape of the figure.

Fig. 20. Acc. no. 000.144.

Measurements. H. 85 cm, L. 70 cm, Th. 12 cm.

Description. Only the peacock's tail remains visible, which has a series of empty circles as shown in Romanesque representations of Europe.

Dating. The skin edge recalls the reliefs of the ninth-tenth century AD.

References: [38, p. 132, fig. 382, interpreted as 'flanking ambo slab'].

Fig. 21. Acc. no. 026.511.

Measurements. H. 61.5 cm, L. 77 cm, Th. 11 cm.

Provenance. This slab was discovered at Başıpınar on Mount Nif, ancient Olympus in the district of Kemalpaşa which is located immediately to the east of Izmir. During the discovery of tomb 16 in the south-west part of the narthex of the Church A, this slab was found in situ.

Description. It is an excellent example of the Middle Byzantine sculpture. The moulded cantharus, the fleshy leaves and the stylized tails of the peacocks are close to the ones dated from the tenth to the twelfth-thirteenth centuries. The work and design of the leaves reminds Constantinopolitan examples, especially the ones of the northern church of the monastery of Lips (AD 907) and of the later decoration of monastery of Pantocrator (AD 1118–1124) [59, p. 52, note 17]. For the Anatolian comparisons, the design of the motives is close to the ones from western Asia Minor such as Izmir, Bergama and Manisa ¹³.

Dating. As said above, two elaborate peacocks on the sides of a schematic cantharus show all the typical characters of the Middle Byzantine period. The rendering of the wings with the semicircular upper part, the performance of the upper part of the legs and the deep furrows of the wings reveal close similarities with the birds of western sculpture of the eleventh century.

Reference: [59, p. 52, fig. 4].

Fig. 22. Acc. no. 265.

Measurements. H. 71 cm, L. 59 cm, Th. 14 cm.

Description. The peacocks on Fig. 22 have a bent tail and a very thin and elongated cantharus in their middle. The relief seems to acquire a greater consistency and the edges appear rounded rather than being cut.

Dating. The piece has been dated by Orlandos to the sixth century [39, p. 135, fig. 7]. Although the usual three feathers appear on their heads, the unequivocal shape of the wing, with the "shield" decoration and the design of the large feathers takes us once again to the Middle Byzantine period.

Comparandum. For the design of the wing there is a close comparison with a peacock depiction on an edge in the northern church of the monastery of the Pantocrator/Zeyrek Camii in Istanbul, which is dated after the year 1124 [38, p. 127, fig. 339].

References: [39, p. 135, fig. 7; 6, pp. 65–66, no. 56].

Fig. 23. Acc. no. 142–143.

Measurements. H. 64 cm, L. 150 cm, Th. 17 cm.

Dating. The frame of this plate reveals a similar dating to Fig. 21. On Fig. 23 the cantharus has now disappeared and the carver undertakes to differentiate two peacocks in the rendering of their triangular wings and body. Orlandos believes that this slab cannot be dated, while Ayşegül Andıç proposes a dating into the thirteenth-fourteenth century, based on the upper ornamented frame.

References: [39, p. 140, fig. 15; 6, p. 77, no. 70].

10. *Repository.* Museum of İznik, Fig. 24.

On this beautiful slab on Fig. 24 all the elements of the eleventh century appear: two vertically placed peacocks, an elongated cantharus, "shield" wings and decoration extended over the whole body. The iconography is typical of some slabs placed in monumental fountains, such as that of Celaliye in Uşak in eastern Lydia which is attributed to the seventh century AD, in which the

peacocks were understood as being placed on the sides of the tree of life [55, pp. 142-143].

11. Repository. Konya, Figs. 25–29.

Fig. 25. Acc. no. 73/728.

Measurements. P.H. 40 cm, P.L. 37 cm, Th. 13.2 cm.

Description. A schematic peacock of Early Byzantine period is depicted on this fragment of a marble ambo. The carver has substantially spared the decoration on his body, replaced by thin engraved lines.

Dating. A high date to the sixth century is offered by the comparison with a peacock depiction of an enclosure in the Basilica of Santa Maria delle Grazie in Grado, north-eastern Italy (Fig. 26) which is probably datable to the fixed chronology of the construction of this basilica by bishop Elias in AD 579.

Dating. Sixth century AD.

References: [3, p. 103; 26, p. 165, fig. 1; 50, p. 214, fig. 392; cf. also 25].

Fig. 27.

Dating. The scarce decoration and in particular the motif of the edge could indicate an early dating, i.e. at least to the sixth century. However, the rendering of the central element (cantharus?) closely resembles a similar slab inserted in the tomb of Karaca Ahmet Sultan, in Karaca Ahmet Village in Uşak, which is dated to the mid-fourteenth century. Thus, sixth century AD.

Reference: [22, p. 160].

Fig. 28.

Measurements. H. 39 cm, L. 170 cm, Th. 27 cm.

Description. Very close to the relief on Fig. 17 from Çanakkale is the decoration scheme of the slab on Fig. 28 that is the upper part of an ambo for which the same chronology is proposed.

Dating. These peacocks have the typical appearance of the Middle Byzantine iconographic art.

Reference: [50, pp. 214-215, fig. 393; 38, p. 132, fig. 354, interpreted as 'monolithic window'].

Fig. 29.

Measurements. P. H. 63 cm, P.L. 80 cm.

Dating. For this composition Tuğçe Karademir proposes a date to the fifth-sixth century which is clearly unthinkable [22, p. 160]. The arrangement of the animals, the shape of the

cantharus and the decoration of the frame lead to a date at least in the eleventh century.

References: [50, pp. 218-219, fig. 405; 22, p. 160].

12. Repository. Kadikalesi (Annaea) near Kuşadası.

Fig. 30.

Measurements. P. H. 77 cm, P. L. 70.7 cm, Th. 8.3 cm.

Dating. The design of the upper frame appears for the first time towards the end of the eighth century, but remains in use until after the year AD 1000, an era to which this beautiful depiction might also be dated.

References: [8, p. 83, no. 161; 22, p. 160].

13. Repository. Manisa, Figs. 31–32.

In 2008 an essay by Zeynep Mercangöz was published which is dedicated to the sculptural decoration of western Anatolia in the Early Byzantine period. In this paper there are two plates from the province of Manisa in the territories of ancient western Lydia that have an affinity with the representations we have dealt with. Today Manisa is located about thirty kilometers east of Izmir.

These two examples we report below demonstrate once again how the image of the two peacocks facing each other, on either side of a cantharus or the tree of life, has taken firm roots in an area steeped in Byzantine Christianity. This could explain its great fortune over the centuries, also in later Turkish-Islamic periods.

Fig. 31.

Measurements. P.H. 115 cm, L. 53 cm, Th. 5.5 cm.

Description. Within a rich border decorated by semicircles, the slab presents two facing peacocks, which have the usual tripartite crest and decorations on the body, wing and tail that are typical of the sixth century AD [35, pp. 86, 97, fig. 16]. They are placed in heraldic position on the sides of a vertical element that does not seem well understood by the stonemason and which could be a schematic representation of the tree of life.

Note that how in fact the representation is not too far from the one that appears in our plate in the Archaeological Museum of Izmir (Fig. 1). These two peacocks on Manisa slab also seem to have been cut out of a certain modelling.

Fig. 32.

Measurements. H. 61 cm, L. 68 cm.

Provenance. This relief constitutes a reuse of a slab from the Early Byzantine period which is walled during the Ottoman period in a public fountain in the Kırkoluk (literally “forty gutters”) Mosque in Tarhala [35, pp. 86, 97, fig. 17] that is recently called as Darkale (literally “narrow castle”), located in the Soma district of the Manisa province. During the Byzantine period Tarhala used to serve as a fortified outpost protecting Pergamum against the threats coming from the east¹⁴.

Description. Although the modern protruding metal tube disfigures the whole plate, it cannot perhaps be denied that the idea of purifying water, which is represented by peacocks drinking, may have retained a sacred value even after centuries.

Here the representation, which is datable to the Middle Byzantine period, is much more articulated and recovers older decorative patterns, such as the central lozenge with round corners, with other more recent ones, such as the three-ply ribbon with its intertwining, to delimit the various set off. The artist did not depict the peacocks as rigidly antithetical, but tried to give them a semblance of naturalness, varying their pose and attitudes.

14. *Repository.* Museum of Milas.

Fig. 33, a–b. Acc. no. 1786 (Fig. 33, a), acc. no. 3372.

Measurements. Fig. 33, a. P.H. 62 cm, P.L. 54 cm, Th. 58 cm; (Fig. 33, b)

Description. Proud of its broad tail is the Milas peacock with its deep furrows. The depiction is placed on the side of a stone staircase (Fig. 33, a).

On the other side of the opposite steps, two peacocks appear, which are drawn only by the furrow that delimits them (Fig. 33, b).

This is an example of an ambo of the Priene type (cf.: [57]), which finds suitable comparisons in the Basilica of Meserias on Kos, in the Castle of Beçin (Peçin or Pezona), in the Museum of Miletus and in the Archaeological Museum of Izmir. This particular decoration and the style of carving of the designs is peculiar to the northern part of Caria and southern Ionia.

Dating. This is a richly decorated piece, with edges that recall models of the Classical era. It should thus be dated to the fifth–sixth century AD.

Reference: [34, p. 84, fig. 3].

15. *Repository.* Museum of Ödemiş.

Fig. 34, a. Acc. no. 1786.

Provenance. Found in the village of Konaklı (formerly Adagüme) which is located 15 km south of Ödemiş and 119 km south-east of Izmir in the Upper Cayster Valley. The slab indicates most probably existence of a Middle Byzantine church in this area.

Description. The marble slab with the depiction of two peacocks at the Museum of Ödemiş seem to have been drawn by a carver who has lost confidence with figures, even of animals, while expressing all his ability in ornamental and abstract geometric motifs, such as the central (Armenian?) cross, rosettes, interlacings and Catherine wheels (for a similar design on a funerary stele with an Armenian inscription in the Archaeological Museum of Izmir, cf. Fig. 34, b). Bodies of the peacocks are marked by long incised lines as if they have been drawn by a child’s hand.

It is noteworthy that a large Armenian community is already attested in Ödemiş in the 19th century.

Dating. Twelfth century AD.

Reference: [38, p. 143, fig. 431].

16. *Repository.* Museum of Sakarya.

Fig. 35.

Description. This plate belongs to the sarcophagus of a presbyter with the name Γαχα[---] who evidently wanted to make use of the usual Early Byzantine iconography for himself.

Dating. Sixth century AD.

17. *Repository.* Museum of Tekirdağ

Fig. 36.

Description. The plate with the peacock depiction in the Museum of Tekirdağ in eastern Thrace resumes its vertical position, revealing a search for plasticity both in the body and above all in the rendering of the wing feathers. The tail, however, i.e. the true glory of peacocks, seems somewhat sacrificed.

The use (or reuse?) of Proconnesian marble is noteworthy.

Dating. Sixth century AD.

18. *Repository.* Museum of Tire, Fig. 37.

Description. Recently a (Middle) Byzantine group of marble architectural elements with figural scenes came to the Museum of Tire in the Upper

Cayster Valley and remain entirely unpublished. A strong plastic taste is clearly present in one of these fragments where a beautiful branch emerges from a small cornucopia.

Dating. In this case, a dating to the Middle Byzantine period is evident, probably the eleventh or twelfth century. The wide smooth frame, the large thin cross in the centre, the elaborate rendering of the plumage and the ornamented part bring us back to this date.

19. *Repository.* Museum of Uşak.

Fig. 38.

Dating. Most probably belonging to an ambo carved of Phrygian marble, it reveals a taste for detail which is typical of the Middle Byzantine period.

20. *Repository.* Skopje in Macedonia.

Fig. 39.

Description. Although Skopje is not located in Turkey, we include this piece in our catalogue for the sake of completeness, as it has a special significance with its similar rendering to the pieces in Asia Minor. It is a part of an ambo in which the peacock is literally immersed in an exorbitant vegetation.

Dating. The two-ply ribbon seems to be a typical production of the eleventh century.

21. *Repository.* Museum of Yozgat.

Fig. 40. Acc. no. 292.

Description. The triangular-shaped fragment suggests that it is part of an ambo. Like many others, this one is also decorated with the image of a peacock. We are sure that it is indeed a peacock and not a dove due to the presence of the tuft in which the three traditional feathers in the sixth century AD are almost fused together within a crown-like rectangle. The treatment of the neck recalls birds drinking from a cantharus on a relief in the Basilica C in Nea Anchialos, situated southwest of Volos and north of Almyros, which is from the period of Justinian [38, p. 12, fig. 7].

Conclusions. In this paper we have examined 34 examples of Byzantine peacock depictions on marble elements from twenty museums from Turkey and one from Macedonia. Certainly there are numerous others, but we believe that our exemplification through this brief corpus is sufficient to give an idea of the range of this iconography, its related monument types and their

datings in Byzantine Asia Minor. The reliefs we have chosen are far from representing the totality of the specimens present in Asia Minor, however they give an idea of the iconographic and stylistic evolution of peacock depictions from the Early Byzantine to the Late Byzantine period.

As in many other plates, the Izmir relief (Fig. 1) which is the actual focus of this paper, seems to have been cut out of a cardboard. The animals are suspended in space and the one on the right almost seems to fall. The wing is rendered by a simple curved line and the tail by oblique dashes, which fill the spaces outlined by long lines.

There are recognizable elements that modify the rendering of the plumage and often also the position of the peacocks. As with the common ambos in Caria and Ionia, it seems possible that some types or characteristics were predominantly regional.

Usually a pair of peacocks are found on either side of a cantharus, which is rendered as an open cup at the top. Here instead we find an evolution, that is a sort of vertical element, with an enlargement in the centre. The peacocks, originally a typical Early Christian motif, have gained an Islamic character up to being welcomed (and reused) in monuments of the Turkish age, such as the fountains of Celaliye and Kırkçeşme and the tomb of Karaca Ahmet in the homonymous village near Uşak. "Peacock depictions are also common in Anatolian Seljuk art. Rüşan Arık, explains the reason of coming across with peacock figure so frequently also on the tiles of Kubad Abad, an Anatolian Seljuk palace, with the influence of Byzantine and Iranian cultures on Seljuk Art" [7, p. 95].

Over the span of almost a millennium, the central vase mostly in shape of a cantharus has progressively transformed into a tree of life, which however still retains some characters, arranged vertically, of the original container. The particular, elongated shape of the cantharus that appears in our relief is also present on the examples in Bandırma, Bodrum, Çanakkale, Izmir, İznik, Konya and Kadıkalesi in Kuşadası. It therefore appears widespread especially in the central-western part of Anatolia. Probably the Izmir relief that is the main focus of this paper is the first to show this elongation, which in the following centuries is enriched by a kind of variations in the decoration of the stem and cup. If this is correct, then our fence slab of an unknown church

(perhaps the cathedral?) of Smyrna would acquire greater importance, as it shows the start of the transformation of a symbol.

Due to the scarcity of the decoration and the flat rendering of the figures, our relief in Izmir seems to date not before the end of the sixth century, most likely during the seventh. The study carried out separately by scholars from different disciplines (epigraphy and history of art) did not allow us to understand the value of this monument for the history of Byzantine Smyrna, of which it attests the previously unknown name of a bishop (of Smyrna), and for the evolution of a very common motif.

NOTES AND ACKNOWLEDGEMENTS

¹ For the study of this slab at the Archaeological Museum of Izmir three authorisations have been issued to E. Laflı by the Directorate of the Museum of Izmir on 11 January 2012, 18 January 2012 and 23 February 2012 and numbered as B.16.4.KTM.0.35.14.00-155.99/150, 233 and 604. Documentation was done in 2012 and all the photos were taken by E. Laflı in 2012, if otherwise not indicated.

The rest of the material was studied by E. Laflı with several authorisations that have been issued by directorates of each museum.

Fig. 2 was arranged by Dr Sami Patacı (Ardahan) in 2022 for which we would like to express Dr Patacı our gratitude.

We would like to thank the editors of this journal, especially Pavel Lysikov, who did a thorough and meticulous job. Outside reviewer has a thankless, yet vital role in the publication of this article. We have attempted to incorporate their suggestions in the hope of making this a stronger and more useful paper. We, however, are solely responsible for the final outcome.

Following publication can unfortunately not be considered in this study: Sodini J.-P. A slab with opposed peacocks in the Xanthos eastern Basilica. Asutay-Effenberger N., Daim F., eds. *Φιλοπάτιον*,

Spaziergang im Kaiserlichen Garten. Schriften über Byzanz und seinen Nachbarn. Festschrift für A. Effenberger zum 70. Geburtstag. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Schnell & Steiner, 2012, pp. 135-145. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Bnd. 106).

² Cf. [23, p. 28], quoted in [43]. Josef Keil (1878–1963) was the secretary of the Austrian Archaeological Institute of Smyrna and during this post he completed eight volumes of sketches of monuments and inscriptions in western Turkey, including ours.

³ For a brief up-to-date account with numerous references to specialist literature on Smyrna during the Late Antiquity, cf. [27]; and during the Byzantine period, especially through sigillographical aspects, cf. [28].

⁴ For letter heights, the figure given is that of a typical upright, e.g., iota, tau or epsilon.

⁵ Ignatius's epistles are particularly interesting in the extent to which they reveal a clear concern to strengthen the position of the established leadership: bishop, presbyters and deacons.

⁶ A useful source that focuses on the Byzantine iconography of two peacocks flanked a vase is [5].

⁷ DO acc. no. BZS.1947.2.872.

⁸ For the most recent studies of Çaylak Türker on the architectural sculpture of the region of Çanakkale in Byzantine Troad, cf. [51].

⁹ We thank Dr Søren Lund Sørensen (Berlin) for his help with the inscription.

¹⁰ IG 22 13452 (from Athens; AD 400–450); ICG 3586 (from Edessa, Macedonia; AD 400–450).

¹¹ MAMA 3,112 (from Cilicia; Christian period); cf. [11, pp. 6-7(1) (from Iconium; AD 1068/1069)].

¹² MAMA 4,192 (third century AD).

¹³ For a general review and bibliography, see [10].

¹⁴ For Tarhala, cf. among others [16].

EPIGRAPHIC ABBREVIATIONS

ICG – Inscriptiones christianae graecae

IG – Inscriptiones graecae

LGPN – Lexicon of Greek Personal Names

MAMA – Monumenta Asiae Minoris Antiqua

APPENDIX

a

b

c

d

e

f

g

Fig. 1, a–g. The plate in the Archaeological Museum of Izmir, acc. no. 000.270 (by E. Laflı, 2010, 2022)

Fig. 2. Map of Byzantine marble monuments with a depiction of peacock or two antithetic peacocks flanking a vase in Asia Minor and other places referred to in the text. Crossed dots indicate museums and sites listed in our catalogue (by S. Pataci, 2022)

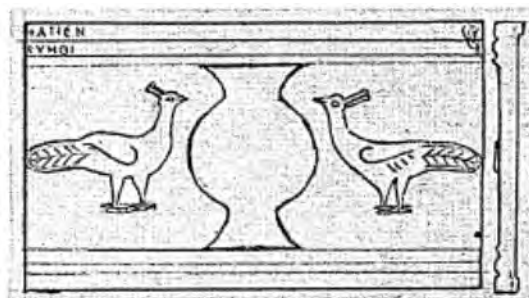
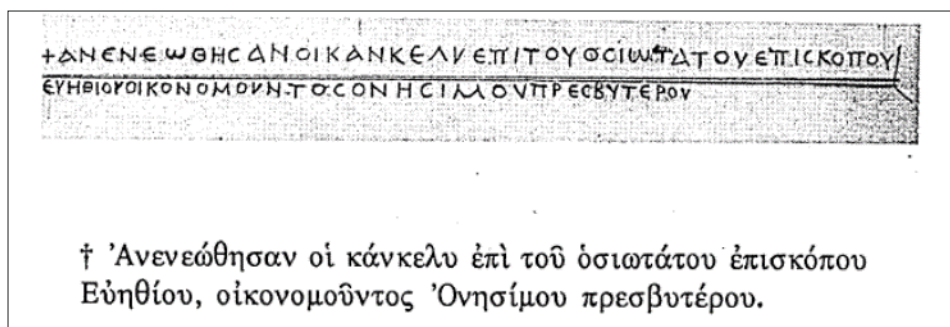

Fig. 3. Drawing of the plate (after: [43, pp. 365-366, no. 35])

a

b

Fig. 4, a-b. The inscription as well as its drawing and transcription by G. Petzl (after: [43, pp. 365-366, no. 35])

Fig. 5. A peacock depiction on an ambo, Museum of Afyonkarahisar

Fig. 6. A peacock depiction on an ambo, Museum of Afyonkarahisar (after: [42, pl. 89, fig. 108])

Fig. 7. A peacock depiction on a fencing slab, Museum of Afyonkarahisar

Fig. 8. The fragmented slab (of a sarcophagus), Museum of Balıkesir

Fig. 9. A lead seal in the Dumbarton Oaks Byzantine Collection, acc. no. BZS.1947.2.872

Fig. 10. A peacock depiction on a slab, Museum of Balıkesir

Fig. 11. A depiction of two peacocks on a part of the upper slab of a ciborium (after: [12, p. 13, fig. 12])

Fig. 12. A depiction of two peacocks on a gray-white marble slab from a local quarry in Caria, Bodrum Museum of Underwater Archaeology

Fig. 13. A depiction of two peacocks on a slab, Bodrum Museum of Underwater Archaeology
(after: [40, p. 415, fig. 6])

Fig. 14. A peacock depiction on a marble slab, Archaeological Museum of Bursa

Fig. 15. A peacock depiction on a marble slab, Archaeological Museum of Bursa

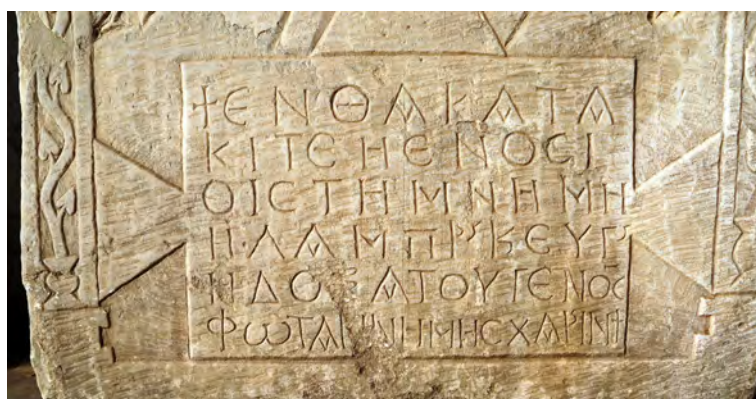
Fig. 16. A depiction of two peacocks on a plate, Archaeological Museum of Çanakkale (after: [50, pp. 388-389, fig. 8])

Fig. 17. A peacock depiction on a marble slab, Archaeological Museum of Çanakkale (after: [50, pp. 388-389, fig. 8])

a

b

Fig. 18:

a – the funerary stele of Phota from Çiçekdağ, Museum of Kırşehir;
b – inscription on the funerary stele of Phota from Çiçekdağ, Museum of Kırşehir

Fig. 19. A peacock depiction on an ambo, Archaeological Museum of Izmir

Fig. 20. A flanking ambo slab with a broken peacock, Archaeological Museum of Izmir

Fig. 21. Marble slab from the Church A at Başpınar on Mountain Nif / Olympus, Archaeological Museum of Izmir

Fig. 22. A depiction of two peacocks on a slab, Archaeological Museum of Izmir

Fig. 23. A depiction of two peacocks on a plate, Archaeological Museum of Izmir

Fig. 24. A depiction of two peacocks on a slab, Museum of İznik

Fig. 25. An ambo plate in the A.R. İzzet Koyunoğlu Private Museum of Konya

Fig. 26. A peacock depiction from the enclosure of the Basilica of Santa Maria delle Grazie in Grado, north-eastern Italy

Fig. 27. A depiction of two peacocks on a plate (after: [22, p. 174, fig. 10])

Fig. 28. An ambo plate in the Archaeological Museum of Konya

Fig. 29. A depiction of two peacocks on a slab from Konya (after: [49, pp. 218-219, fig. 405])

Fig. 30. A depiction of two peacocks on a slab from Kadikalesi (Annaea) near Kuşadası (after: [7, p. 83, no. 161])

Fig. 31. A plate from Manisa (after: [35, pp. 86, 97, fig. 16])

Fig. 32. A plate walled in a public fountain in the Kırkoluk Mosque in Tarhala (Darkale) (after: [35, pp. 86, 97, fig. 17])

a

b

Fig. 33, *a-b*. Two peacocks depictions, Museum of Milas

a

b

Fig. 34:

a – a depiction of two peacocks on a slab, Museum of Ödemiş;
b – a funerary stele with an Armenian inscription in the Archaeological Museum of Izmir

Fig. 35. A plate from the sarcophagus of a presbyter, Museum of Sakarya

Fig. 36. A plate with a peacock depiction, Museum of Tekirdağ

Fig. 37. A peacock depiction on a marble slab, Museum of Tire

Fig. 38. A peacock depiction on an ambo (?), Museum of Uşak

Fig. 39. A peacock depiction on an ambo from Skopje in Macedonia

Fig. 40. A part of an ambo (?), Museum of Yozgat

Table 1

Catalogue of depictions of peacocks or two antithetic peacocks flanking a vase in the marble architectural sculpture of Byzantine Asia Minor in this corpus with their monument type and datings

Locations (in an alphabetical order)	Sarcophagi	Altars	Ambos	Plates	Ciboria	Dating
Afyonkarahisar		Fig. 7				Early sixth century
Afyonkarahisar			Figs. 5–6			Sixth century
Ankara						Sixth century
Balıkesir	Fig. 8					Sixth century
Balıkesir				Fig. 10		Eighth-ninth century?
Bandırma					Fig. 11	Eleventh-twelfth century
Bodrum				Fig. 12		Eleventh century
Bodrum		Fig. 13				Eleventh century
Bursa				Fig. 14		Sixth-seventh century
Bursa			Fig. 15			Middle Byzantine
Çanakkale				Fig. 16		Sixth century
Çanakkale				Fig. 17		Eleventh century
Kırşehir				Fig. 18, <i>a–b</i>		Fifth century
Izmir				Fig. 1, <i>a–g</i>		Mid sixth-seventh century
Izmir			Fig. 19			Early Byzantine
Izmir			Fig. 20			Ninth-tenth century
Izmir				Fig. 21		Eleventh century or later
Izmir				Fig. 22		Middle Byzantine
Izmir				Fig. 23		Thirteenth-fourteenth century
İzmit				Fig. 24		Eleventh century
Konya			Fig. 25			Sixth century
Konya					Fig. 27	Sixth century
Konya			Fig. 28			Eleventh century or later
Konya				Fig. 29		Eleventh century
Kadıkalesi near Kuşadası (Annaea)				Fig. 30		Eleventh century
Manisa				Fig. 31		Sixth century
Tarhala in Manisa				Fig. 32		Middle Byzantine
Milas			Fig. 33, <i>a–b</i>			Fifth-sixth century
Ödemiş				Fig. 34, <i>a</i>		Twelfth century
Sakarya	Fig. 35					Sixth century
Tekirdağ			Fig. 36			Sixth century
Tire				Fig. 37		Eleventh-twelfth century
Uşak			Fig. 38			Sixth century
Yozgat			Fig. 40			Sixth century
Skopje in Macedonia			Fig. 39			Eleventh century

REFERENCES

1. Acar T. (Uşak) Karaca Ahmet Sultan Türbesi'ndeki Tavus Kuşu Motifi ve Türbede Gerçekleştirilen Halk İnanışları. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Velî Araştırma Dergisi*, 2021, vol. 99, pp. 203-243. URL: http://isamveri.org/pdfdrg/D01093/2021_99/2021_99_ACART.pdf (accessed 1 September 2022).
2. Altun F.İ. Bandırma Müzesi'nde Bulunan Bizans Dönemine Ait Taş Eserler. Elyiğit U., ed. *Anadolu Coğrafyasında Görülen Arkeolojik Sanatsal ve Kültürel Faaliyetler*. Konya, Eğitim Yayınevi, 2021, pp. 116-163.
3. Anabolu M.U. Batı Anadolu'da Bulunmuş Olan Yayımlanmamış Tavus Kuşu Motifli Mimarlık Elemanları. *Türk Arkeoloji Dergisi*, 1988, vol. 27, pp. 101-112.
4. Anastasiadou A. *Ē chorēgia stis anatolikes eparchies tēs Byzantinēs Autokratorias: aphierōmatikes kai ktētorikes epigraphes naōn tēs M. Asias (4os–15os ai.): didaktorikē diatribē* [Religious Patronage at the Eastern Provinces of the Byzantine Empire: Dedicatory Inscriptions from Churches in Asia Minor (4th – 15th Centuries): Doctoral Thesis]. Vol. II. Thessaloniki, 2005. pp. 207-680, 59 pls., 4 ills. URL: <https://www.didaktorika.gr/eadd/handle/10442/20680> (accessed 1 September 2022).
5. Anđelković J., Rogić D., Nikolić E. Peacock as a Sign in the Late Antique and Early Christian Art. *Archaeology and Science*, 2010(2011), vol. 6, pp. 231-248.
6. Anđić A. *Izmir Arkeoloji Müzesi'ndeki Bizans Dönemi Taş Eserleri: Yüksek Lisans Tezi*. Çanakkale, 2012. xiv, 161 p., 45 p. ills. URL: https://tez.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/tezDetay.jsp?id=-JU9ubkb8YGyEc8jjC4pKg&no=ynVT0lU6fZCPvu_fVFGF8Q (accessed 1 September 2022).
7. Arık R. *Kubad Abad. Selçuklu Saray ve Çinileri*. İstanbul, Türkiye İş Bankası, 2000. 227 p. (Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları Genel Yayın; No. 514 (Sanat Dizisi)). URL: <https://www.academia.edu/33243370/> (accessed 1 September 2022).
8. Armağan M.E. *Kuşadası, Kadıkalesi'ndeki Bizans Dönemi Taş Eserleri: Doktora Tezi*. İzmir, 2010. 290 p. URL: <https://tez.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/tezDetay.jsp?id=FriGvwBsii3WJqxnXfnSoQ&no=CIZ2xNMXZI2NiX-vU9qR2g> (accessed 1 September 2022).
9. Aydın A. Ankara Anadolu Medeniyetleri Müzesi'ndeki Bir Kiliseye Ait Mimari Parçalar. *Belleten*, vol. 56, no. 4, 2002, pp. 50-66. URL: <https://belleten.gov.tr/tam-metin-pdf/13/tur> (accessed 1 September 2022).
10. Barsanti C. Scultura anatolica di epoca mediobizantina. Barsanti C, Guiglia Guidobaldi A., Iacobini A., eds. *Gruppo Nazionale di Coordinamento C.N.R., "Storia dell'arte e della cultura artistica bizantina". Atti della giornata di studio Roma, 4 dicembre 1986*. Rome, Biblioteca di Storia Patria, 1988, pp. 275-306. (Milion. Studi e ricerche d'arte bizantina; vol. 1).
11. Bees N.A. *Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien), mit Exkursen zur Geschichte der Seldschukiden-Türken*. Wilmersdorf, Berlin, Verlag der "Byzantinisch-neugriechischen Jahrbücher", 1922. (Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie 1; Byzantinisch-neugriechischen Jahrbücher, Suppl.). 89 S.
12. Çoraklı B. Çini ve Seramiklerde Tavus Kuşu Motifi. *Mimar Sinan Güzel Sanatlar Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 2012, vol. 6, pp. 7-16. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/757663> (accessed 1 September 2022).
13. Destephen S. *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. Vol. 3: Diocèse d'Asie (325–641)*. Paris, Association des Amis du Centre d'histoire et de civilisation de Byzance, 2008. 1055 p.
14. Dinç S., Efendioğlu T. Kırşehir Müzesi'nden Yeni Yazıtlar. *Eskiçağ Yazıları*. Vol. 9 (Akron. Vol. 12). İstanbul, Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2016, pp. 175-204.
15. Ergil O. *Izmir Müzesindeki (Agora) Bizans Parçaları: Lisans Bitirme Tezi*. İstanbul, 1970. 114 p.
16. Ermiş Ü.M. Darkale in the Byzantine Period: Settlement and Some Architectural Notes. *Turkish Studies*, 2016, vol. 11/1, pp. 59-76. URL: https://turkishstudies.net/turkishstudies?mod=tammetin&makaleadi=&makaleurl=586047908_5Ermi%C5%9F%20%C3%9C.%20Melda-trh-59-76.pdf&key=19251 (accessed 1 September 2022).
17. Fedalto G. *Hierarchia ecclesiastica orientalis*. Vol. I. Padova, Messaggero, 1988. xx, 571 p.; Vol. II. P. 581-1208; Vol. III. 2006. 560 p. (Series episcoporum ecclesiarum christianarum orientalium).
18. Feissel D. Inscriptions chrétiennes et byzantines. *Revue des études grecques*, 1990, vol. 103, pp. 598-616. URL: https://www.persee.fr/doc/reg_0035-2039_1990_num_103_492_2489 (accessed 1 September 2022).
19. Giangrande J., ed. *Eunapii Vitae Sophistarum*. Rome, Istituto Poligrafico dello Stato, 1956. xlv, 111 p. (Scriptores Graeci et Latini consilio Academiae Lynceorum Editi).
20. Hailes L., ed. *On the Deaths of the Persecutors: a Translation of De Mortibus Persecutorum by Lucius Cæcilius Firmianus Lactantius*. Merchantville, NJ, Evolution Publishing, 2021. 128 p.
21. Hübner S. *Der Klerus in der Gesellschaft des spätantiken Kleinasiens: Diss. Dr. phil.* Jena, 2005. 345 S. URL: <https://d-nb.info/975203827/34> (accessed 1 September 2022).

22. Karademir T. Bizans Dönemi Taş Eserlerinde Refrigerium Sahneleri. *Troy Academy*, Mar. 2021, vol. 6, no. 1, pp. 158-186. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/troyacademy/issue/60531/894348> (accessed 1 September 2022).
23. Keil J. Skizzenbuch Smyrna, July 1910. In 8 vols. Vol. 8. Num. p. *Kleinasiatichen Kommission zu Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften*.
24. Kramer J. Pfau. Kirschbaum E., ed. *Lexikon für christliche Ikonographie. Bd. 3: Allgemeine Ikonographie, Laban – Ruth*. Freiburg im Breisgau, Verlag Herder KG, 1971, S. 409-411.
25. Kunduracı O. *Konya Müzelerindeki Bizans Devrine Ait Tezyinatlı Mimari Parçalar: Yüksek Lisans Tezi*. Konya, 1989.
26. Kunduracı O., Mimiroğlu İ.M. Byzantine Stone Works in The Private Koyunoğlu City Museum of Konya Metropolitan Municipality. Öñiz H., Aslan E., eds. *SOMA 2009: Proceedings of the XIIIth Symposium on Mediterranean Archaeology Selçuk University of Konya, Turkey, 23–24 April 2009*. Oxford, Archaeopress, 2011, pp. 165-170. URL: <https://www.academia.edu/38203057/> (accessed 1 September 2022).
27. Laffı E., Buora M. Two Figural Marble Plates from a Tetrarchic Honorary Arch in Izmir. Riehle A. et al., eds. *Studies in Honour of Albrecht Berger*. Berlin, De Gruyter, 2023. (Byzantinische Archive). (forthcoming).
28. Laffı E., Seibt W. 21 Lead Seals from Izmir (Ancient Smyrna). *Byzantinische Zeitschrift*, 2023, Bd. 116. (forthcoming).
29. Le Quien M. *Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus, in quo exhibentur Ecclesiae patriarchae caeterique praesules totius Orientis*. Vol. 1. Paris, Ex Typographia Regia, 1740. viii, 1450, 1p. URL: <https://archive.org/details/lequienorienschianus1> (accessed 1 September 2022).
30. Lietzmann H., ed. *Die drei ältesten Martyrologien*. Bonn, A. Marcus und E. Weber's Verlag, 1911. 18 S. (Kleine Texte für theologische und philologische Vorlesungen und Übungen; Bd. 2).
31. Lothar H. *Der Pfau in der altchristlichen Kunst. Eine Studie über das Verhältnis von Ornament und Symbol*. Leipzig, Dieterich, 1929. 87 S., 6 pls. (Studien über christliche Denkmäler. n. F; Bd. 18).
32. Maier P.L., ed. *Eusebius: The Church History; a New Translation with Commentary*. Grand Rapids, MI, Kregel, 1999. 412 p.
33. Mercangöz Z. *İzmir ve Manisa İllerinde Bizans Yapılarına Ait Mimari Plastik Parçaların Saptanması ve Değerlendirilmesi: Doktora Tezi*. Izmir, 1996.
34. Mercangöz Z. Milas Müzesi'ndeki Bizans Ambon Elementleri. *Sanat Tarihi Dergisi*, 1996, vol. 8, pp. 81-98. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/std/issue/16511/172394> (accessed 1 September 2022).
35. Mercangöz Z. Réflexions sur le décor sculpté byzantin d'Anatolie occidentale. Pennas Ch., Vanderheyde C., eds. *La sculpture byzantine VIIe–XIIe siècles. Actes du colloque international organisé par la 2e Éphorie des antiquités byzantines et l'École française d'Athènes (6–8 septembre 2000)*. Athens, École française d'Athènes, 2008, pp. 81-103. (Bulletin de correspondance hellénique. Supplément; vol. 49).
36. Mordek H. Eine ungedruckte Bischofsliste des 1. ökumenischen Konzils von Nicäa (325) (Cod. Stuttgart HB VI 113 der Collectio Weingartensis). *Zeitschrift für katholische Theologie*, 1996, Vol. 118, No. 2, pp. 138-150. URL: <https://www.jstor.org/stable/24170247> (accessed 1 September 2022).
37. Moreau J. *Lactance. De la mort des persécuteurs. Vol. 2: Commentaire*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1954. 302 p. (Sources chrétiennes; vol. 39.2).
38. Niewöhner Ph. *Byzantine Ornaments in Stone: Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings*. Berlin; Boston, MA, Walter de Gruyter, 2021. 188 p., 487 ills. and two maps.
39. Orlandos A.K. Christianika glypta tou Mouseiou Smyrnēs [Christian Sculptures of the Museum of Izmir]. Orlandos A.K., ed. *Archeion tōn Byzantinōn mnēmēiōn tēs Ellados: eksamēniaion periodikon suggramma* [Archive of the Byzantine Monuments of Greece: A Six-Monthly Periodical]. Vol. 3. Athens, Archaialogikē Etaireia Publ., 1937, pp. 128-152.
40. Özyurt Özcan H. Examples of Architectural Sculpture with Figurative and Floral Decoration of the Byzantine Period at Muğla, Bodrum and Milas Archaeological Museums. *Olba*, May 2011, no. 19, pp. 383-418. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/olba/issue/47201/594316> (accessed 1 September 2022).
41. Parman E. Bizans Sanatında Tavus Kuşu İkonografisi. *Sanat Tarihinde İkonografik Araştırmalar. Güner İnal'a Armağan*. Ankara, Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 1993, pp. 387-412. (Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları. Armağan Dizisi; vol. 4).
42. Parman E. *Ortaçağda Bizans Döneminde Frigya (Phrygia) ve Bölge Müzelerindeki Bizans Taş Eserleri*. Eskişehir, Anadolu Üniversitesi, 2002. II, 273, 139 pls., 39 figs (T.C. Anadolu Üniversitesi Yayınları; no. 1347; Edebiyat Fakültesi Yayınları; no. 11). URL: <https://archive.org/details/ebru-parman-bizans-doneminde-phrygia-ve-bolge-muzelerindeki-bizans-tas-eserleri-2002> (accessed 1 September 2022).
43. Petzl G. *Die Inschriften von Smyrna. Bd. 2/2: Addenda, Corrigenda und Indices*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt Verlag, 1990. vii, S. 339-468, 33 pls. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien; Bd. 24/2).
44. Reimbold E.Th. *Der Pfau. Mythologie und Symbolik*. Munich, Callwey, 1983. 198 S.
45. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. *Revue des études grecques* 1966, vol. 79, pp. 335-449.

URL: www.persee.fr/doc/reg_0035-2039_1966_num_79_374_3864 (accessed 1 September 2022).

46. Ruggieri A. Sculture di Ravenna fra V e VI secolo. *ArcheoArte. Rivista elettronica di Archeologia e Arte*, 2012, suppl. 1, pp. 577-590. URL: <https://ojs.unica.it/index.php/archeoarte/article/view/476> (accessed 1 September 2022).

47. Scheibelreiter-Gail V. *Die Mosaiken Westkleinasiens: Tesellate des 2. Jahrhunderts v. Chr. bis Anfang des 7. Jahrhunderts n. Chr.* Vienna, Österreichisches Archäologisches Institut Wien, 2011. 712 S. (Sonderschriften des Österreichischen Archäologischen Institutes; Bd. 46).

48. Seeck O. Euethios. Kroll W., ed. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 6, Teil 1. Stuttgart, Druckermüller, 1907. 983 S.

49. Tagliaferri A. *Le diocesi di Aquileia e Grado*. Spoleto, Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1981. 448 p. (Corpus della scultura altomedievale; vol. 10).

50. Temple N.Ç. *Konya/Ikonion ve Çevresinde Bulunan Bizans Dönemi Taş Eserleri: Doktora Tezi*. Ankara, Hacettepe Üniversitesi, 2013. 808 p. URL: <http://www.openaccess.hacettepe.edu.tr:8080/xmlui/handle/11655/1338> (accessed 1 September 2022).

51. Türker A.Ç. Byzantine Carved Marble Slabs from Çanakkale Archaeology Museum. Pensabene P, Gasparini E., eds. *Interdisciplinary Studies on Ancient Stone. ASMOSIA X: Proceedings of the Tenth International Conference of ASMOSIA, Association for the Study of Marble & Other Stones in Antiquity, Rome, 21–26 May 2012*. Rome, L'Erma di Bretschneider, 2015, pp. 385-392.

52. Türker A.Ç. *Byzantine Architectural Sculpture in Çanakkale*. Ankara, Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2018. 660 p. (Research into the Early Christian and

Byzantine Periods on the Valleys that Reached the Hellespont; vol. 1).

53. Ulbert T. *Studien zur dekorativen Reliefplastik des östlichen Mittelmeerraumes (Schränkenplatten des 4.–10. Jahrhunderts)*. München, Institut für Byzantinistik und Neugriechische Philologie der Ludwig-Maximilians-Universität München, 1969. 209 S. (Miscellanea Byzantina Monacensia; vol. 10).

54. Ulbert T. Untersuchungen zu den byzantinischen Reliefplatten des 6. bis 8. Jahrhunderts. *Istanbuler Mitteilungen*, 1969–1970, Bd. 19/20, S. 339-357.

55. Üstünipek S. A Fountain in Celaliye with Depiction of Peacocks and Its Iconographic Analysis. Škrijelj R., Düzgün E., eds. *Academic Studies in Humanities and Social Sciences*. Lyon, Livre de Lyon, 2021, pp. 137-160. URL: https://www.bookchapter.org/kitaplar/AcademicStudies_inHumanitiesAndSocialSciences.pdf (accessed 1 September 2022).

56. Vanderheyde C. *La sculpture byzantine du IXe au XVe siècle. Contexte – mise en œuvre – décors*. Paris, Éditions A. & J. Picard, 2020. 364 p., 193 figs.

57. Westphalen St. The Byzantine Basilica at Priene. *Dumbarton Oaks Papers*, 2000, vol. 54, pp. 275-280. URL: <https://www.jstor.org/stable/1291846> (accessed 1 September 2022).

58. Yalçın A.B. Sculture bizantine conservate nel Museo del castello di Bodrum. Padovese L., eds. *Atti del X Simposio di Efeso su S. Giovanni apostolo*. Rome, Istituto Franciscano di Spiritualità; Pontificia Università Antoniana, 2005, pp. 318-330. (Turchia, la Chiesa e la sua storia; vol. 19).

59. Yalçın A.B. The Byzantine complex at Başpınar. Laftı E., Patacı S., eds. *Recent Studies on the Archaeology of Anatolia*. Oxford, Archaeopress, 2015, pp. 49-55. (British Archaeological Reports, International Series; no. 2750).

Information About the Authors

Ergün Lafli, Doctor, Professor, Dokuz Eylül Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Arkeoloji Bölümü, Oda No A 418, Tınaztepe/Kaynaklar Yerleşkesi, Buca, TR-35160 Izmir, Turkey, elafli@yahoo.ca, <http://deu.academia.edu/ErgunLAFLI>, <https://orcid.org/0000-0002-4722-5018>

Maurizio Buora, Doctor, Società Friulana di Archeologia odv, Via Micesio 2, Torre di Porta Villalta, I 33100 Udine, Italy, mbuora@libero.it, <https://independent.academia.edu/mauriziobuora>, <https://orcid.org/0000-0002-5746-8312>

Информация об авторах

Др Эргюн Лафлы, профессор классической археологии, Университет Докуз Эйлюль, факультет литературы, кафедра археологии, Oda No A-418, Tınaztepe/Kaynaklar Yerleşkesi, Buca, TR-35160 г. Измир, Турция, elafli@yahoo.ca, <http://deu.academia.edu/ErgunLAFLI>, <https://orcid.org/0000-0002-4722-5018>

Др Маурицио Буора, Фриульское археологическое общество, Via Micesio 2, Torre di Porta Villalta, I-33100 Удине, Италия, mbuora@libero.it, <https://independent.academia.edu/mauriziobuora>, <https://orcid.org/0000-0002-5746-8312>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.14>UDC 27(091):1
LBC 86.37-34Submitted: 02.07.2022
Accepted: 01.11.2022**WHY SHOULD I BECOME A CHRISTIAN?
THE “KRISTIAN LEGEND” IN THE CONTEXT OF BYZANTINE THOUGHT ¹****Václav Ježek**

University of Prešov, Prešov, Slovakia

Abstract. In this brief account we offer a thematic and comparativist interpretation of the legend of monk Kristian in terms of its Christian ideology and philosophy. Our contextualisation and thematic analysis help also in the long run to assess the date of the legend. We ponder the basic question of “why Christianity”, which in dependance on whether it was significant for monk Kristian or not, reveals to us other historical realities of Bohemia and Moravia of his period. There is an internal dynamic but also contradiction in the legend. Monk Kristian perhaps on political motives sets to show how saints Václav and Ludmila are a source of unity and national identity. However, in his task he falls into a contradiction because what was promised was not delivered. And Christianity is anything, but a road to unity, accord, power that he promised at the outset, which he betrays in his historical information. At the same time an internal dynamic shows that the humble attitudes of Václav and Ludmila bring about the end goal or fulfil the promises about the worthiness of Christianity and its role, since their miracles and sacrifice unite and harmonise the state and build nationhood. A detailed, in-depth study of the thematic construction of the legend offers material for comparison, especially with for the neighbouring Frankish/German areas. We solve these tasks set in the study by comparing the “Kristian Legend” under research with Byzantine sources.

Key words: Saint Václav, Saint Ludmila, Bohemia, Byzantium, sanctity.

Citation. Ježek V. Why Should I Become a Christian? The “Kristian Legend” in the Context of Byzantine Thought. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 211-236. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.14>

УДК 27(091):1
ББК 86.37-34Дата поступления статьи: 02.07.2022
Дата принятия статьи: 01.11.2022**ПОЧЕМУ Я ДОЛЖЕН СТАТЬ ХРИСТИАНИНОМ?
«ХРИСТИАНСКАЯ ЛЕГЕНДА» В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ МЫСЛИ ¹****Вацлав Йежек**

Прешовский университет, г. Прешов, Словакия

Аннотация. В этом кратком исследовании мы предлагаем тематически сравнительную интерпретацию легенды Кристиана, выраженную в понятиях христианской идеологии и философии. Наша контекстуализация и тематический анализ помогают также определить дату возникновения легенды. Мы размышляем над основным вопросом, почему христианство, которое в зависимости от того, было ли оно значимо или нет для Кристиана, иначе раскрывает нам исторические реалии Богемии и Моравии того времени. Имеется внутренняя динамика, а также противоречие этой легенды. Возможно, Кристиан по политическим соображениям готов показать, как святые Вацлав и Людмила выступают источником единства и национального единства. Однако он в решении своей задачи впал в противоречие, потому что то, что было обещано, им не было передано, тогда как христианство является всем, что угодно, но не дорогой к единству. Как и власть, которую Кристиан обещал осветить вначале, он предал в своей исторической информации. В то же время внутренняя динамика показывает, что уничижительные установки к Вацлаву и Людмиле ведут к конечной цели и выполняют обещания относительно христианства и его роли, тогда как чудеса венценосных правителей и принесенная ими жертва объединяют и гармонизируют государство и созданную национальную символику. Углубленное изучение тематической конструкции легенды предлагает обоснованные материалы для сравнения, в особенности в отношении к соседнему

франко-германскому пространству. Поставленные в исследовании задачи мы решаем путем сопоставления изучаемой «Христиановой легенды» с византийскими источниками.

Ключевые слова: Святой Вацлав, Святая Людмила, Богемия, Византия, святость.

Цитирование. Йежек В. Почему я должен стать христианином? «Христианская легенда» в контексте византийской мысли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 211–236. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.14>

Introduction. The purpose of this contribution is to reflect on the so-called “Kristian legend”, in the context of a fundamental question. This fundamental question is “what were, the reasons for accepting Christianity and propagating Christianity in the area of Bohemia/Moravia in the period of saints Ludmila and Václav (For the sake of consistency I will use the Czech versions Ludmila and Václav not Wenceslaus)”. While there are numerous studies on the area of Bohemia/Moravia (roughly contemporary Czech Republic) for the crucial period of the ninth to eleventh centuries, not many of these studies strive to offer a contextual/comparativist, but especially thematic analysis of the legend and the issues at hand. Not many studies offer a thematic exegesis of the events in the legend and use this as a platform for dating the legend itself and for further analysis. Discussions related to Byzantium are usually limited to the context of the Byzantine Christian missionary work itself, without attempting to offer a comparativist contextualisation with Byzantine thought generally and the historical events in Byzantium contemporary with the period of saints Václav and Ludmila. We are guilty also of a rather superficial comparison but at least we attempt to reach some conclusions in the small space we have. We will not discuss similar themes in the other sources on Václav and Ludmila in any detail, which would be impossible in a small paper such as this (even though they are crucial for a future general conclusion on the subject ²).

An important part of Christian mission is of course education, which is an important aspect of the Christianisation process and education and culture in this context has received attention in scholarship. But generally, we must be careful since education and intellectual pursuits are usually limited to a few people and class of people (rulers usually do not belong to them). There is a long term sub-conscious trend in scholarship to overemphasise the importance of education in the wider population.

We believe that a closer inspection of the dynamics related to paganism and Christianity as portrayed in the legend, will offer new insights into the historical events, but also perhaps to the dating of the legend itself. Comparativist studies are of course complex, and dependent on the criteria used. On a general glance, while Czech or Slovak scholarship has devoted extraordinary attention to this period and the literary works from this period, there are perhaps lacunae which sometimes paradoxically emerge in an over researched topic. For example, the scholar Karbusický in the sixties of the twentieth century, in his work, had highlighted the necessity for a broader comparativist analysis of the literary works from our context, which according to him was prevented also by a Communist ideological platform. He wrote (in the naïve period of the late sixties, where it seemed that the communist hold on society is decreasing-my note): “Not long ago, it was not possible simply to use the rejected comparativist method, which has been characterised as the expression of ‘bourgeoisie cosmopolitanism’, and to show that the ‘so precious to the nation motives’ are actually of Germanic origin and that the entire ‘old Czech legends’ do not originate from any folkish traditions. The presupposed ‘folkish’ aspect of the legends is a testimony, to the fact that throughout entire generations we have worked completely anachronistically, mistakenly with contemporary folkish experiences and projecting these on past material” [28, p. 9].

However, comparativist approaches or exegetical thematic analysis are in danger of various generalisations (in our contribution here it is also a problem) or *apriori* mistaken presumptions. Karbusický himself, just as other scholars have perhaps gone too far in their overt critique of the sources, rejecting them as fabrications and mythologies *just because they appear similar* with other sources. Thus, an author such as the Bohemian chronicler Kosmas,

is rejected for example by the scholar Turek as a completely unreliable source because his composition (Bohemian Chronicle) *resembles* themes from classical Greek works [59, p. 39]. Similarly, the German scholarship tradition of *Verfassungsgeschichte*, which attempted to prove the close alliance of the Bohemian/Moravian context with the *Reich*, could have easily used a comparativist thematic analysis to point to parallels or common themes between various sources.

Here we have to be careful in not going to another extreme in rejecting a tradition just because “themes are similar” to other events or traditions. Here again, for example, Karbusický doubts the historicity of the female figure of “Libuše (Libushe)” mentioned by the Chronicler Kosmas because her life as is described by Kosmas remarkably resembles another historical female and the events of her life. He shows that the motive of Kosmas, where Libuše has other two sisters (Kazi and Teta), is found elsewhere ³. And that the life events remarkably resemble another notable woman contemporary with the period of Kosmas, a certain Matilda of Tuscany (1046–1115). Karbusický then compares and finds a remarkable resemblance between the events and the power of the two women Libuše and Matilda, doubting therefore the authenticity of the former [28, p. 28].

Here we can project this line of thought also to saints Ludmila or the mother of Saint Václav Drahomíra, and easily find parallels with similar themes elsewhere of holy females and their role in the state. The problem is that “**similarity**” has to be defined and we cannot simply reject authenticity, just because there is the remarkable resemblance in issues and life events. Therefore, an internal thematic study of the narrative itself has to be combined with comparativist methods to perhaps offer a more balanced interpretation. In the following account, we will not enter the discussion of the dating of the legend of monk Kristian, neither into the sources the legend uses or relates to, but only offer an internal analysis with comparisons with common themes from Byzantium in the overall issue of the emergence of Christianity in the context of Bohemia/Moravia.

Political and religious centralisation. It is perhaps important to remind ourselves that there are reasons for writing hagiography and there

are reasons for the fact that some hagiographical accounts were popular or preserved while others fell into oblivion or were forgotten and lost. From a theological point of view writing a saint’s life is usually the result of Divine inspiration. The saint can mystically “reveal” himself or herself and some author will then write an account of such a saint. Or a particular saint is so popular among the public that a ground movement can stir a desire to provide for such an account. Or there can be a political or missionary desire to produce a saint for political or missionary reasons. Whether we adopt a theological or scientific approach does not really matter, because history itself has unpredictable ways of how a particular writer or hagiographical account is preserved. Often the reason why a hagiographical work and its particular saint is preserved or brought to prominence lies in the fact that a monarch or ecclesiastical authority simply sponsored such a work to be created, paid for its production and for its copies. Similarly, as, for example, the reason why Lenin’s works inundated Europe during the period of the cold war was not necessarily because of the merit of Lenin’s work, but because the political authorities printed so many of his works that whether one liked or not, Lenin became an important person to be reckoned with. The ecclesiastical context would see even in this occurrence the hand of God.

The legend of monk Kristian ⁴ begins with a foreword by a certain Christian brother associated with the name “Kristian” and is devoted to the second bishop of the “Prague church” (Dei Pragensis secundo pontifici Adalberto). Here we are speaking of Saint Adalbert of Prague (died on the 23rd of April 997), who is also known as St. Voytech/Voytieh/Vojtěch ⁵. It appears that Voytech/Vojtěch was the birth name and Adalbert a name received upon confirmation. Vojtěch seems to be of Slavic origin, while Adalbert is a Germanic name possibly related to the meaning “noble shining” (*adal* – noble, *berth* – shining or bright). However, Vojtěch, Adalbert or another name also linked with this saint-Béla (Hungarian), have also different meanings, and do not necessarily mean the same as the Germanic “noble shining”.

In terms of the Kristian legend, we must keep in mind the central reasons or historical reasons for such a work (and its saint) to be given prominence or preserved, especially, the dynamics

of why and how its protagonists were artificially or not constructed. In any event, it is more than obvious that an emphasis on the protagonists in the legend is related to the nascent process of statehood and unification in one way or another, just as it was similar in other European contexts (for example, saint Stephen of Hungary and so on).

In any case the Germanic designation Adalbert linked with the local Vojtěch can be taken for a description of the political situation and mood in the area of central Czechia of the period, where Slavic and Germanic elements intermingled. It is also interesting that in works written in Latin there was perhaps little attempt at associating the names Ludmila or Václav with existing Latin or Germanic terms/equivalents, instead leaving the Slavic forms more or less as they were (regardless of the date of the composition).

The date of the composition, its sources and authenticity are part of a long standing discussion, which has not ended until recently. The date of the composition has been variously placed from the 10th to the 14th century⁶. Interestingly, usually authors from the Enlightenment were more critical to the composition. Some authors have gone so far as to identify the legend as one of the earliest if not earliest testimony to Czech literary tradition⁷.

The paradox of the volumes of studies devoted to this theme is that really little has been done in terms of contextualisation⁸.

In any event the legend of monk Kristian is an important testimonial to an increasing importance of the “local saints” Václav and Ludmila. It is also important to mention that the account of Gumpold, the bishop of Mantovia commissioned by Otto II (written around 980 and describing the life of Václav) suggests an external and internal competition for this saint among the local Bohemian and Germanic structures. Here we are not going to discuss the question of the dependence of monk Kristian on this work or *Crescente fide*.

Otto II (955 – died 7, December, 983), continued a policy of centralisation and monarchic power and interestingly enough married a Byzantine princess Theophano. Here we may note that the centralisation process was perhaps more advanced towards the west than in Bohemia/Moravia in the tenth century. Otto perhaps realised the importance of saints such as Václav for his

policy of unification, or at least that it would be good to pretend that he was a “universal saint” (common to all national contexts), especially after Bohemia and Poland submitted to him in 979. Claiming a universalism of a particular saint is good political policy (the same is the case with Adalbert, see below). The difficulties of Adalbert’s position in terms of his bishopric in Bohemia are also related to this context. The Kristian legend is addressed to Adalbert, implying something like “here we have saint Václav and Ludmila” who are just as unpopular (as presumably you are-Adalbert).

All the more interesting is that monk Kristian (see below), complains that the locals in Bohemia do not value their saints Václav and Ludmila as would be the case, if they were from neighbouring regions. Here a context emerges of competition over these saints, but also perhaps betrays something of the date of the composition of the Kristian legend. If indeed, according to monk Kristian, the saints were not “known” or “valued” in Bohemia this would move the legend to earlier periods. There is a growing tendency to emphasise the pagan and morally difficult environment of Bohemia in this period, which would mean that Christianity or the cult of saints for that matter would have a hard time making inroads into the psyche of the area. We may note here that a tendency to centralise or rather “edit” “various accounts” of a particular saint is also related to a given goal or political/ecclesiastical purpose preventing possible dissenting interpretations.

In the prologue itself monk Kristian, does not deny that there were already existing sources that he encountered. We are informed that there are many “contradictory”, “not complete” or “differing” (“*diversis compositionibus et non pleniter disertam reperiens*”) accounts of the lives of Ludmila⁹ and Václav¹⁰ and that consequently there was a need to compose a complex account. Here there is a referral to Ludmila as the grandmother “of blessed memory” (“*beate memorie Liudmila*”) and Saint Václav as the “martyred blessed Václav” (“*Passionem beati Wenceslai*”) (*Kristiánova Legenda*. Prol. 1, 1–10 [29, p. 8])¹¹. Here the idea of a “complex” account can should offer us hints of the date and purpose of the composition. The emphasis on the Moravian missions at the outset of the legend can testify to a tendency to emphasise the Byzantine connection

or Slavic environment, which either can mean an earlier composition or later composition (if there was an attempt to protect the Byzantine Slavic context of Christianity in Bohemia). A prologue emphasising the “need to set the record straight” is an important hagiographical marker. The writer sets a distance between his “objectivising” attempts and various “versions” or misrepresentations. This betrays a later redaction a “rethinking” of the themes according to some paradigm. The tendency to balance the Byzantine mission could also betray ties to the Sázava monastery.

The hagiographic emphasis, especially, the terms “blessed” should lead us to further reflection. While in terms of general world hagiographical tradition the story of Sts. Václav and Ludmila appear as rather ordinary¹², we can highlight that the story is from a political point of view interesting at least in its contextual situation. Thus, Václav and Ludmila are saints, but also rulers. They are further rulers in a semi-Christianised environment, which is further divided between Eastern, Latin-Germanic-Frankish and south-eastern influences, characterised by competition between local languages, and, finally, in the environment, where the kingdom faces many dangers from its neighbours, and, perhaps, is undergoing various efforts at centralisation. This can limit our scope of hagiographical comparison and analysis.

The striking characteristic of Václav and Ludmila is their willingness to accept death without the need to “fight back”. Here a certain saint Emmeramm of Regensburg (7th – 8th centuries), resembles saint Václav in his humility and overt acceptance of death [4]¹³. The theme of a saint willingly and unjustly subjecting himself to death and torture is an important feature. The legend of Emmeramm also states that he was killed unjustly, (claiming to be the father of a child to protect the lady) and willingly accepted this. Lantpert the killer of Emmeramm also greets peacefully Emmeramm like Václav was greeted and then proceeds to kill him and torture him. The saint who, regardless of the injustice, accepts his fate without defending himself or herself is an important theme here. We can also mention another contemporary saint here that is saint Adelaide (born 931). After being imprisoned and tortured by Berenger of Ivrea, who desired her to marry his son, she married Otto of Germany in

951. After the death of Otto, she quarrelled with Otto II (perhaps in the instigation of Theophano), living with her brother in Burgundy. Her life story is remarkably similar to saint Ludmila, both being “interested” in evangelism.

The account has a patriotic tinge to it, referring to the saints Ludmila and Václav as “new stars who due to their virtues shined over their home nation Czechia/Bohemia and all its people” (“qui velut nova sidera lumine virtutum sua rumpam triam suam Bohemiam cum omni simul gente irradiant”). These patriotic references have traditionally led some scholars to doubt the authenticity of the Prologue, which then play a role in the dating of the composition itself¹⁴. In any case patriotic references definitely do betray a certain context and ideological background. Here we can mention Coptic ecclesiastical narratives, which in a similar politically and culturally difficult context after the Islamic conquest developed a narrative, emphasising, national continuity, ecclesiastical continuity, martyrdom, and so on, in a context which was set against the new developments¹⁵.

Elsewhere in the Prologue, interestingly enough, the author mentions that if areas of the Carolingians (Carlingorum) or Lothars (Lutheringorum) had witnessed such saints they would have deemed them in great esteem, whereas “We, who have no saints, and who have only these two, ...behave to them without dignity, ...and even though day to day we see unworthy as we are the miracles they perform, as if in faithlessness remain...” (*Kristiánova Legenda*. Prol. 1, 30–40 [29, p. 10]). The words are a very important statement for determining the purpose and possibly the date of the composition. We have a comparison with the West, and an obvious allusion to the semi pagan context of Bohemia. Why would these “national saints” fall into oblivion? Are we speaking of a period of decreasing local power and increasing foreign pressure? Or perhaps there was a tendency of a local Slavic monk to emphasise these two saints to preserve the local Slavic traditions or liturgical forms? This would place the composition within the orbit of Slavic monasticism in Bohemia or Moravia. Here Sázava as a place congenial to both Slavic and Latin Christianity, with certain independence could have been contextually similar to the mindset of this Kristian¹⁶.

Interestingly the author has no problem in emphasising the Byzantine connection of Christianity in Moravia, and at the same time stating that Moravia accepted Christianity already “in the time of Augustine” (*Kristiánova Legenda*. 1, 1 [29, p. 12]). This would suggest a reconciling attitude, not preferring or ideologically supporting one form of Christianity to the other, or, perhaps, a period of time, when the legend was composed and when Byzantine/Slavic influences were so small or extinct that remembering them did not endanger any official line or policy. A contrast is made with Bohemia, which appears slower in the acceptance of Christianity.

Further, Bulgaria is mentioned, which as is emphasised in the legend also accepted Christianity much earlier. The author of the legend is therefore not embarrassed to speak of Christianity appearing *before* the Byzantine mission in Moravia. Another possibility is that this could perhaps also imply an author who has no problem either with Latin or Greek forms of Christianity, but rather with a greater problem of the still existing paganism, which was probably not eradicated. What is also important, is that monk Kristian does not mention Methodius, but Cyril, who came to Moravia after Christianity formed in Bulgaria. Here the emphasis only on Cyril is very strange and at the same time important. Could it mean that the legend was sanctioned by those ecclesiastical clerics who simply did not want to mention Methodius and his ecclesiastical role? Obviously, this would imply that the legend was either produced or at least sanctioned in a period when the region of Bohemia was firmly in the control of ecclesiastical structures from the west and any associations with Methodius deemed not important. I am not sure if scholars have sufficiently emphasised this aspect. The mission from Byzantium is described almost as Cyril’s one-man affair.

The Byzantine mission happened during a specific period of Byzantine history. It is a subject of discussion to determine what the Byzantines expected or did not expect from foreign areas bordering Byzantium or in some form of relationship. Here it suffices to mention Photios concept developed in his *Epanagoge Aucta*, where he believes in a kind of duality of power between the Patriarch and the Emperor. Here we read: “Since the constitution, analogous

to man, consists of parts and members, the highest and most necessary parts are the emperor and the patriarch. For this reason, the peace and happiness of the subjects in soul and body lie in the agreement and harmony of kingship and priesthood in all respects” (*Epanagoge Aucta* 2, 8 [17, p. 59–60]; see also [20, p. 137]).

This neat political expression of Photios period is perhaps suited to the Byzantine period of his day. But we may wonder here, whether we can adapt this thinking to the context of Bohemia or Great Moravia, where it seems the power of the Church/Archbishop and the ruler was constantly in the state of flux or undetermined as is implied by the legend of monk Kristian but also other sources. Often in the absence of functional ecclesiastical authorities, the ruler provided for stability or vice versa. The Byzantine church/state relationship of the period of Photios was undoubtedly dependent on the structures of the state at that period of Photios and Byzantium. It is important to realise that various medieval ideologies of state and church could function in one environment, but not in another, regardless of the desires by the rulers or states involved.

We may speculate that emphasising the sainthood of a ruler such as St. Václav or St. Ludmila and supporting their cult would provide an easy solution to the rather confusing ecclesiastical situation in the given area. The ruler would be a saint and ruler at the same time relativising the need for a permanent or solid patriarch-emperor context/relationship, where it was perhaps obviously not possible to produce one. Of course, the models proposed by Saint Photios have various modifications through history. Earlier the emperor Justinian seems to produce the same ideology. In his *Novella VI*, he writes: “The greatest blessings of mankind are the gifts of God which have been granted us by the mercy on high: the priesthood and the imperial authority”. (“Μέγιστα ἐν ἀνθρώποις ἐστὶ δῶρα θεοῦ παρὰ τῆς ἄνωθεν δεδομένα φιλανθρωπίας ἱερωσύνη τε καὶ βασιλεία”) ([11, p. 35.27–29]; see also [43, p. 35]). The intimate relationship between state and church is a theme running throughout the history of southern Europe or the Middle East for that matter. The important issue to comment is the role of pagan religions as a cohesive force in such states as Bohemia or Moravia. It appears likely that pagan religion perfectly supplied the locals’

religious needs and perhaps nascent Christianity was simply a politically advantageous religion to formally accept by the various rulers. Generally, an intimate relationship of also pagan religion and political power has a long history going on to the foundations of the Roman republic.

Here an emphasis on the sainthood of a ruler could be a rather cunning way of emphasising the church authority without the existence of a visible or stable ecclesiastical succession or administration and would easily also serve to confirm the legitimacy of the Bohemia dynastic and political structures associated with saint Václav. It is not a surprise that shortly after his death Saint Václav becomes a national icon, being used both by his enemies and even “killers”, undoubtedly as a way of legitimising their various aspirations or claims. A saint legitimises a dynastic line regardless of its various rulers and their status¹⁷.

Ludmila is followed in popularity quickly just as saint Václav. In other words, whatever political “mess” there was at that time, associating oneself with the legacy of Saint Václav and Ludmila would be enough to gain consistency. We must remember here that the area was still semi-pagan at that time and that adopting “high” theologies such as stating that Bohemia was a “Godly realm” would be difficult. For example, in the empire of Charlemagne the structures would be perhaps more solidified in this context and it would be much easier to stress a duality of power between the church and state in the tradition of Photios.

Even so, the situation of the Empire of Charlemagne has a remarkable resemblance to the Bohemian context. S. Moesch observes: “There was time for Charlemagne to establish himself, as a powerful sole ruler, before acquiring the imperial title. In the generation of Charles the Bald, by contrast, there were intense rivalries. Rival Carolingians strove to win royal resources, and, throughout his reign, Charles the Bald, coexisted with brothers, and nephews with separate territories. He reigned for thirty seven years and was emperor only in the last two years of his reign. Charles the Bald was in a much less secure position” [36, p. 3].

Other political/religious ideologies can also be mentioned here, which apart from Byzantine notions could have been prevalent. There could be

a tendency to emphasise ecclesiastical authority over the secular or vice versa. The Kristian legend mentions that, Moravia converted to Christianity in the period of Saint Augustine (*Kristiánova Legenda*. 1, 1 [29, p. 12]). In an analysis of Augustine’s thought, H.-X. Arquillière argues that in the *De Civitate Dei*, there is a thought taken over into Merovingian times, which stresses the primacy of the church over kingship¹⁸. In this sense, we can recall the difficulties at mission all protagonists have in Bohemia, which would undoubtedly produce disrespect to the powers of the state or rulers. It must have been more than obvious to people like Saints Cyril and Methodius, Vojtěch or anybody else at that time that any Christianity applied by the ruler would be placed on very shaky ground, and perhaps it would be better, if the church kept a safe distance from political structures at least ideologically. An emphasis on the power of the church would seem more logical.

Here it would be desirable to mention the “sudden” popularity of the Czech-Church-Slavonic version of Gregory the Great’s (540–604) homilies on the Gospel¹⁹. The appearance and popularity of this work are rather strange in the context of Bohemia. The translation of Gregory’s homilies was possibly made in the 11th century, in the above mentioned Benedictine monastery at Sázava. Later this work became popular in the Kievan Rus. While we may state that perhaps the Benedictine monks found it naturally congenial to translate this work of a Benedictine Pope, it is highly likely that part of the reason for this translation also lies in the congeniality with the political ideas of Gregory and his opinion about Church-State relationships, even if the work itself is an exegesis of the Bible. While the homilies were popular in monastic circles as a theological work, we may also state that part of the popularity was also perhaps linked with the political/ecclesiastical theories of Gregory, which were either referred in the exegesis itself or in other works of Gregory, which could have also circulated in the same context. The question remains to be asked, what were the ideas of Gregory on the Church/State relationship?

His political ideas are the source of controversy amongst scholars, with some stressing his alleged emphasis on the spiritual/ecclesiastical power, while others claiming that

he also had respect for temporal/political powers. Interestingly enough Gregory is an authority who advocated strongly the respect needed to be given to the Emperor and ruler. M. dal Santo mentions in this regard a letter, which Gregory wrote to the Emperor Maurice in October 596. Here we read: “Almighty God, who has made Your Majesty the guardian of the peace of our Church, preserves you with the very faith which you preserve in the unity of the priesthood, and when you subject your heart humbly beneath the yoke of heavenly piety, through heavenly grace, it is brought about that you tread on your enemies with the foot of fortitude”. (“Omnipotentus Deus, qui pietatem, uestram, pacis ecclesiasticae fecit esse custodem, ipsa uos fide seruat, quam uos in sacerdotali unitate seruatis, cumque supernae pietatis iugo cor humiliter subditis, caelesti gratia agitur, ut hostes, uestros pede, fortitudinis prematis”) [52, p. 57; 32, p. 459]. Gregory considered that the Empire was a “holy commonwealth” (*sancta res publica*) [52, p. 58]. According to M. dal Santo, Gregory appreciated the Emperor as “the most pious of princes” (*piisimos dominos*), whose office was bound up with the purposes of God [52, p. 58].

The rationale for the acceptance of Christianity. In terms of scholarship not much attention has been given to the internal intellectual argumentation of sources related to Christian apologetics. We believe that a reassessment of internal apologetic Christian ideology in a legend such as the legend of Kristian can yield new insights into the legend itself and its meaning. The authors handling of Christian themes and theology can betray information regarding the work and its contents or audience. This is especially important to assess in areas where Christianity was not the predominant religion and where the hagiographic aim is to develop a rationale.

The fluid and flexible ecclesiastical situation in Bohemia or Moravia at the time of Václav and Lyudmila raises further questions, as to why accept Christianity at all, and risk all sorts of problems both in the realm and outside of it. Was it not simply easier to maintain a pagan framework? Here we come to the obvious conclusion, which was reached by many – Christianity offered culture and education.

Indeed, monk Kristian, speaks of Cyril in the context of Moravia, claiming that the reason why he promulgated the vernacular language,

was because they did not know Latin or Greek, otherwise he would have not dared to introduce the vernacular. “But because I saw that the local people have hard napes and that they are uneducated and do not know about Gods ways, I found, only this means, with which the Almighty God inspired my heart and through, which I have gained many followers for Him” (“Si enim quivissem ullomodo subvenire populo illi, ut ceteris nacionibus, lingua Latina vel Greca, omnimodo id non presumpsissem. Sed cernens populum dure cervicis fore et omnino ydiotas et ignaros viarum Dei, solum hoc ingenium Omnipotentem cordi meo inspirante comperi, per quod eciam multos illi acquisivi”) (*Kristiánova Legenda*. 1, 34–35 [29, p. 14]). Monk Kristian states that then Svatopluk with his evil designs conditioned the fall of the ruler (without mentioning the name) and permitted the inhabitants of the land to remain half pagan half Christian, a situation Svatopluk supported (*Kristiánova Legenda*. 1, 70 [29, p. 16]). This produced a curse on the land from which “until now” the land has not recovered.

Then the legend of Kristian compares immediately this situation with the Bohemian situation earlier on before the ruler Bořivoj (Borivoi), who united the area. Before Bořivoj there was a peasant of some kind who was wise called Přemysl (Premisl), who began to rule the area after marrying some propheticess, who also foretold that he would become a ruler. The theme of a ruler rising to power from humble peasant origins can be found in many contexts, and traditionally Czech scholarship has thus relativised the historicity of this account. However, this is a mistake, since rising to power from humble origins is a common situation in earlier ages, and does not necessarily mean any kind of historical or literary dependence. For example, it is possible to mention Basil the Macedonian, who coincidentally also lived in the same milieu (811–886), who also rose to power from peasant origins. As John Skylitzes says, there is also an important semipagan woman, who foretells Basil that he will become a ruler emperor and he promises her to appoint her as a mistress of that area if that is fulfilled ([24, p. 123]; see also [26, p. 124]). Basil is further described by Skylitzes as nothing less than a liberator, since the emperor Michael squandered all money on various immoral people, games, and so on, and

also on “transvestitites” (κατέπαιζε δὲ καὶ τὸ Θεῖον μετὰ μαρῶν καὶ ἀσελγῶν ἀνδρογύνων) ([24, p. 131]; see also [26, p. 129]).

As to the legend of Kristian, it continues: “But Czech Slavs, who are settled under the very Arktur and who are devoted to the worshipping of idols, lived as a horse beyond control of a bridle, lawless, without a prince or ruler without a city, move around randomly as dumb animals, only the shear lands they occupied” (“At vero Sclavi Boemi, ipso sub Arcturo positi, cultibus ydolatrie dediti, velut equus infrenis sine lege, sine ullo principe vel rectore vel urbe, uti bruta animalia sparsim vagantes, terram solam incolebant”) (*Kristiánova Legenda*. 2, 1 [29, p. 16]). Here there is a narrative *topos*. A country living without God is at the same time a country full of ignorant, uneducated barbarians, “without governance”. From the perspective of Christian authors, we may wonder, what would be the advantages, they saw in “accepting Christianity”. Here, perhaps, as elsewhere in other works the advantages would be “order”, “rule”, “governance”. A kind of chain reaction could have appeared: one ruler accepted Christianity, because it was accepted by another neighbouring one, and this in turn legitimise rule.

The Bohemian ruler Bořivoj (Borivoi) as monk Kristian recounts was a pagan, who happened to visit Moravia (Svatopluk), and was seated amongst pagans in a humble position as “pagans do” in front of the table on the ground²⁰. Here we must add that the situation does not mean automatically, that all were Christians at Svatopluk’s table (which confirms the other statement, stating that Svatopluk tolerated both Christianity and paganism at his table), but simply that Bořivoj sat “traditionally” as the pagans sit. In any event importantly, Methodius notices him, his humbleness, and tells him that he should be ashamed of himself by sitting with pig herders and not with “princes”.

The next dialogue is a fascinating one, setting the scene for the basic question: “Why would I consider to endanger myself in this issue, or in other words what possibly good can there be for me in the Christian religion?” “Methodius the bishop stated, If you renounce idols and evil spirits which dwell in them, you will become a master of your masters and all your enemies will be subjugated to your will and your posteriority will grow each day, will be like a massive river,

into which various tributaries flow”. (“At ille: Quid, inquit, ob huiuscemodi rem periculi pacior vel quid boni michi conferet Christianitatis ritus? Si, inquit presul Metudius abrenunciaveris ydolis et inhabitantibus in eis demonibus, dominus minorum tuorum efficeris, cunctique hostes tui subicientur dicioni tue et progenies tua cottidie augmentabitur velut fluvius maximus, in quo diversorum confluent fluenta rivulorum”) (*Kristiánova Legenda*. 2, 30–40 [29, p. 18]). Later, after tribulations, the “prophecy” of Methodius comes fulfilled, and the prince gained further power and children (*Kristiánova Legenda*. 3, 10 [29, p. 24]). The acceptance of God or the true religion as a condition for successful rule and fertility is a famous narrative. We may be cynical here, and if this account is historically accurate one would imagine the state of mind of Bořivoj, who sees his power dwindling and perhaps seeing the successes in Moravia, but also the possibilities of alliances, all of which perhaps went a long way in convincing him that “believing in the true God” results in success.

Bořivoj accepts Christianity and was baptised by Methodius, and monk Kristian makes a point that before leaving Methodius “fully educated Bořivoj in the faith of Christ” (*Kristiánova Legenda*. 2, 55 [29, p. 20]). This note on education can be viewed as perhaps a defence against possible existing claims of the raw and uneducated reasons for accepting Christianity. Bořivoj accepts being part of a new “political” or noble community “sitting” with a true political commonwealth.

Upon his return Bořivoj faces opposition towards Christianity and returns back to Svatopluk to Moravia, and to bishop Methodius (*Kristiánova Legenda*. 2, 65–75 [29, p. 20]). Given the promises of unity and power by Methodius upon the baptism of Bořivoj this must have been difficult to understand for a person such as Bořivoj, who had to seek refuge. Similarly, we read in the *Annales Bertiniani* that the king of the Bulgars received holy baptism and faced opposition by his nobles, and “they incited the people against him so they would slay him”. The king prevails, “however, killed fifty-two of the nobles who had especially incited the people against him”. The original text is more elaborated: “Rex Bulgarorum, qui praecedente anno, Deo inspirante et signis at que afflictionibus in populo

regni sui monente, christianus fieri meditatus fuerat, sacrum baptismus cepit. Quod proceres sui moles te ferentes, concitaverunt populum adversuseum, ut illum interficerent”) ([2, p. 85]; see also [3, p. 150]). Another similar paradigm can be mentioned here in the form of the conversion of the Lazi. Similarly to Bořivoj, there was the story in the period of Justin of a certain Tzath (ruler) of the Lazi, who was a pagan and who ruled the Lazi in Persia, but was subject to a certain (king) Kavad of Persia. As we read in the Chronicle of Malalas, that Tzath ran away from Persia and came to Emperor Justin in Constantinople to beseech him to appoint a ruler over the Lazi, and he would then become a Christian: “Accepted by the emperor, *he was instructed* and became a Christian and took as wife a Byzantine woman... after being crowned by Justin, the emperor of the Romans” (...καὶ δεχθεὶς παρὰ τοῦ βασιλέως ἐφωτίσθη, καὶ χριστιανὸς γενόμενος ἠγάγετο γυναῖκα Ῥωμαίαν... στεφθεὶς παρὰ Ἰουστίνου, βασιλέως Ῥωμαίων) ([23, p. 413]; see also [55, p. 121–123])²¹.

The Byzantine historian John Skylitzes, mentioning the dramas regarding the conversion of the Bulgarian ruler, in the period of Michael III and Theodora, speaks of “second thoughts” in the mind of the Bulgarian leader, who being initiated into the knowledge of Christian mysteries still speculated. Here Skylitzes account would seem more realistic and true for such situations. Bořivoj, “gladly” accepting faith or for that matter any other Bohemian or Moravian ruler is undoubtedly a literary incursion. Skylitzes mentions that after the return of his sister from captivity in Constantinople (where she became a devout Christian) “the Bulgar ruler kept faith with his erroneous beliefs, clinging to his own religion even though he had been instructed in and informed all about the divine mysteries” (ἀλλ’ ἔτι τὴν αὐτοῦ ἐφύλλατεν ἀπιστίαν, τῆς οἰκείας θρησκείας ἐξηρητημένος) ([24, p. 90]; see also [26, p. 91]). Skylitzes clearly and perhaps realistically portrays the situation, the Bulgarian ruler for various political reasons (including the imprisonment of his sister) accepted Christianity, and at the first occasion of political expediency simply jettisoned this faith. However, Skylitzes continues that after a famine struck his land the ruler reverted to Christianity²². He also continues to give another reason for the Bulgarian

rulers’ desire to convert to his religion. Boris commissioned some monk to paint a terrifying scene of some sort in his palace. He commissioned some monk to paint such a scene expecting a theme linked with hunting which he enjoyed. Instead, the monk painted a terrifying scene of the second coming of Christ. This was also an inspiration for Boris to accept the faith (παρὰ τοῦ θεοῦ ἐπισκόπου τὰ θεῖα μυστήρια ἁωρὶ τῶν νυκτῶν τοῦ θεοῦ μεταλαμβάνει βαπτίσματος, τοῦτο δ’ ἐγνωκότες οἱ τοῦ ἔθνους ἄρχοντες, καὶ τὸ κοινὸν τὴν τῆς θρησκείας μεταβολήν) ([24, p. 91]; see also [26, p. 91]).

In any event, monk Kristian makes the point that Bořivoj used this occasion of emigration for furthering his knowledge of Christian faith (perfeccius doctrinam Christi nanciscitur). This emphasis on education is again an interesting feature and testifies to the intention by the author of stressing this aspect from one reason or another (*Kristiánova Legenda. 2, 75–80* [29, p. 22]).

Interestingly, the legend emphasises that the people rose against Bořivoj with one voice and with one mind, since he departed from the faith of the fathers and accepted the “unheard of” law of sanctity related to Christianity. Even if the author here exaggerates this unified opposition to Bořivoj, the fact remains that it is an important indication for dating the work and for the situation at hand. Here regardless, of the mission of Saints Cyril and Methodius or even Christian missions before the period of Saints Cyril and Methodius it is obvious that Christianity had a hard time in being adopted in these areas regardless of political pressures either from the West, South-East.

The reference to “unanimous” opposition towards Christianity is also important and the reference to “renewing the ancient battle”. The text reads: “When the perfidious people saw this (the acceptance of Christianity by Bořivoj), they renewed the ancient war. In the entire Bohemian nation, they incited a rebellion against the ruler (principis – here the Czech translation always place the term ‘kníže’, which is not problematic in itself, but may in fact misrepresent the situation projecting later titles and functions to this period), because he departed from the customs of the father and accepted a new and unheard of Christian law of sanctity. They rose against him in concord and with one mind, attempting to throw him out of the country, even to kill him” (“Que cernens

perfidus chelidrus, propriis armis sumptis antiqua bella repetit. Populum cunctum Boemorum in furorem principis accendit, eo quod paternos mores relinqueret et novam atque inauditam sanctitatis legem Christianorum arriperet. Surgunt adversus eum uno animo eademque sententia suisque eum a finibus perturbare conantur, seu eciam vitam auferre moliantur”) (*Kristiánova Legenda*. 2, 65–74 [29, p. 20]). The statement speaks political volumes about the character of the area and the pitfalls of introducing Christianity. A remarkably similar statement appears in Skylitzes, who mentioning the conversion of Boris to Christianity also states: “When the rulers of the people and the common folk learned of his change of religion, they rebelled against their leader and sought to kill him” (κατεξάνισταντε τοῦ ἄρχοντος καὶ ἀνελεῖν ἐσπουδάζον). As far as we can tell this similarity has not been noted by scholars. However, in contrast to Bořivoj, who had to flee, Boris and a few followers manage to repel the rebellious people by “the sign of the cross” (περὶ αὐτὸν ὀλίγον ὄντων τρεψάμενος, τοῦ σταυρικοῦ τύπου προηγουμένου) ([24, p. 91]; see also [26, p. 92]). In any event the conversion importantly means “So that is how the whole of Bulgaria converted to the worship of God and the West enjoyed profound peace”. (“Ἡ πᾶσα Βουλγαρία μετερρυθμίσθη πρὸς θεοσεβειαν καὶ ἡ δύσις εἰρήνης καθαρωτάτης ἀπήλαυσε”) ([24, p. 92]; see also [26, p. 92]).

The Kristian Legend then mentions our famous Ludmila, who was the wife of Bořivoj. She is not portrayed as a woman, who suddenly accepted faith, but as a woman, who fervently worshipped pagan idols and then just with the same intensity worshipped Christian Gods. Here existing piety is presumably redirected to new goals. “He had a wife called Ludmila, ...And as she was equal to him in the pagan delusion, sacrificing to idols, so she with just the same fervour imitating him in the faith of the Christians, but even more so, she surpassed the virtues of her husband, becoming truly the servant of Christ”. (“Habuit eciam et uxorum nomine Liudmilam... Que sicut par eifuerat in errore gentilitatis, immolando siumlacris, ita et in religione Christiana imitando, immo precellendo virtutes sui viri, facta est vere Christi famula”) (*Kristiánova Legenda*. 3, 1 [29, p. 24]). The narrative of holy “pairs” of a saintly husband and wife, is a theme appearing in other

hagiographic traditions. Perhaps there is a greater emphasis on the piety of Ludmila than on Bořivoj in the legend²³. Pair saints can be seen also in other contexts such as for example in relation to Boris and Gleb²⁴. Here the hagiographic story of Boris and Gleb and family opposition towards Christianity is related to our context. The two brothers Boris and Gleb are killed by the order of their third brother Svatopluk in 1015, and the story testifies to the authors’ knowledge of the legends related to Ludmila and Václav²⁵. A political and hagiographical paradigm emerges, where the leitmotif begins to be propagated, which is the main goal of Christianity “identifying the good and the bad”. Christian rulers are good rulers, non-Christian are bad ones. It must have been obvious to all Christian missionaries that producing a reason for the acceptance of Christianity was pretty much difficult. A pedagogical device emerges for the ordinary folk to understand. Being a Christian means you are a good ruler. Bad rulers are automatically non-believers. The rationale for being Christian emerges on its own through the hagiographical story. Later a development emerges where the good ruler/Christian ruler is therefore the true “national” saint and guarantor of sovereignty.

Pious versus impious women. One of the most effective means of providing for a rationale in terms of legends and hagiography is to provide for a strong contrast between evil and good. Whether one is successful or not in producing arguments for Christianity one can always rely on a typographic example, the Christian rulers are good whereas the non-Christian rulers are bad. Thus, whether one understands Christianity or not, one can simply understand that evil equals paganism and good equals Christianity.

Bořivoj as the legend suggests was succeeded by his son Spythiněv (Spitigneu), and then Spythiněv by his brother Vratislav (Wratislau). Vratislav has a wife called Drahomíra (Dragomir), who was from an area called Stodoran (Ztodor), which was in the orbit of “pagan” Slavs (Sclavorum paganorum), who gave birth to the sons Václav and Boleslav (Wenceslau, Boleslau). From a narrative point of view Kristian sets the stage for a duality. Drahomíra is a pagan in contrast to the pious Ludmila and a description of her follows. Then another duality appears, Václav versus Boleslav, the former pious the latter a murderer

(even though his piety is not so much expressed in one way or another).

Ludmila is described as a pious/religious woman. “Igitur religiosa matrona Liudmila” (*Kristiánova Legenda*. 3, 30 [29, p. 26]). There follows a list of all her virtues, including sponsorship of Churches. She was “Pia atque mansueta in cunctis, omnibusque benevolencie fructibus repleta, in elemosinis larga, in vigiliis pernox, in oracione devota, in caritate perfecta, in humilitate profusa, in obsequiis servorum Dei succincta tantum” (*Kristiánova Legenda*. 3, 48–50 [29, p. 28]). That is, she “was pious and mild in all things and full of the fruits of kindness, ready to give alms, keeping constant vigils, fervent in prayer, in love perfect, profuse in humility, ready to help the servants of God”. This emphasis on kindness and humility and love of this female reminds us of the importance of mothers and women in Byzantium. One can mention the high Byzantine author Michael Psellos, who elaborates on the femininity combined with “piousness” of the women he discusses especially in his funeral orations. Little research of the degree of convergence between being holy and feminine has been done. Even at first glance reading the legend seems to go out of its way to emphasise this piousness and there is an implication that Drahomira is almost like a male principle (in terms of her cold bloodedness) [37].

Saint Ludmila in some thematic respects resembles the fate of the Byzantine Theodora. Theodora faces a conspiracy of her brother and son, and we are told by Skylitzes, “Finding her reproaches intolerable (and Bardas not deviating in the least from his goal), they decided to rid themselves of her too, so that in the future they could do whatever without let or hindrance. This she perceived (for she was able to observe and to conjecture), but she did not think, she should take any counter measures, because she had a horror of killing and bloodshed” (φόνους καὶ χύσεις αἱμάτων ἐκφεύγουσα) ([24, p. 96]; see also [26, p. 96]).

Further: “The empress Theodora was in the habit of going to the sacred church of the Mother of God at Blachernae both to worship and to bathe with her daughters”. On one occasion when the emperor and Bardas, his nephew, knew that she was visiting there, they sent Petronas (who as the narrative mentioned above, was her brother)

to subject her and her daughters, to monastic tonsure. For the time being they banished them to the palace known as Ta Karianou (καὶ ἐν τοῖς κατὰ τὰ Καριανοῦ ἀνακτόρις τέως περιορίζουσιν), confiscated all the wealth they possessed and stipulating that henceforth they were to live as private citizens, not in imperial style. But Theodora departed this life not long after that: the emperor Basil subsequently her body and her daughters to remain in the Mamme monastery, which was renamed Gastria ([24, p. 97]; see also [26, p. 98]).

We are told by monk Kristian that Václav is given an education by Vratislav, in the “laws of God” and “writing” on the castle in Budeč (in lege divina litteris imbuendum tradiderat in civitatem, que Budecz) (*Kristiánova Legenda*. 3, 70 [29, p. 28]). Václav according to the legend is given over for further instruction to Ludmila (because he was not yet an adult). As it was said, Michael Psellos is here, perhaps, the most poignant author, who would emphasise the role of the mother in education [35, p. 59.5b]. The role of the mother, grandmother or any other female in terms of education is undoubtedly related to Byzantine thought. The implication in any event is that “you do not become a Christian out of nowhere”²⁶, being good means being educated, in the Byzantine context instructed by a mother, grandmother or any other female.

Perhaps an intention of manufacturing an evil opposition to Ludmila, is confirmed by how the account speaks of the envy of Drahomíra (Dragomir) the mother of Václav against Ludmila, and her fear of intrigues by the latter against her. This is rather strange, since we can imagine that automatically the succession would go through the sons of Drahomíra, and it would be unlikely that Drahomíra would fear intrigues from Ludmila. Perhaps, the story betrays a deeper problem related to faith, where the division was not in terms of dynastic problems, but related to the Christian fraction (represented by Ludmila) against pagan traditions promulgated by Drahomíra. In any case the duality is emphasised by the stress on Cain and Abel, and evil women such as Jezebel. The role of Drahomira is also negative in the Second Slavic legend of St. Václav [21].

Václav has a dream which he himself interprets and sees the death of Ludmila through conspiracy. Importantly, he interprets his dream also to mean that “the priesthood given to our

protection will be sorrowfully chased out of the country, and that it will without reason lose its possessions by the actions of his mother, who hates the living faith” (cleri nostro inclusi tutamine miserabilem prefigit e regno expulsionem tociousque substancie non debitam amissionem. Enim vero execrabilis memorie genitrix mea secte vitali) (*Kristiánova Legenda*. 3, 155 [29, p. 34]).

The account specifies that he had wonderful interpretative abilities combined with prophetic abilities. “In his clever prediction/premonition his spirit knowledge able of the truth was not mistaken, but in complete accord with his interpretations, of the destruction of the said matrona, about the cruel expulsion of the priesthood, which has from various close areas gladly accepted his rule or rather his great generosity”. (“Hac denique sagacis coniectura predivinacionis mens veri conscia minime frustratur, sed ut interpretacionis congrua sonuerunt indicia erga iam scripte perempcionem matrone clerique longo adiacencium ambitu regionum in eius subieccionem”) (*Kristiánova Legenda*. 3, 166 [29, p. 34]).

Interestingly enough the account betrays that those priests expelled were from “neighbouring areas”. These could have included various missionaries from Byzantium (and other close areas) or anyone from a neighbouring region. It is also possible that since they were from neighbouring areas, their expulsion was not the result of an ideological battle, but simply from the fact that they were somehow uncomfortably set with some ruler or the new ruler. Perhaps, these aligned themselves too closely with the ruler and were expelled on account of this. They were attracted by his “generosity” and not because of some other ideological reason. The emphasis on the expulsion of clerics is also very interesting. In terms of expulsions of this type, we can state that the Bohemian/Moravian context is unique²⁷. In any event, it is possible to speak of various phases of expulsions, from Bohemia, from Moravia and so on.

Needless to say, the kind of fluid and conflicting period of competing Christianity and paganism resembles other contexts such as for example, the Bulgarian one. Here a similar situation arises with Christianity being used or utilised in political calculations such as was the case in the period of Khan Boris (852–889).

The situation politically was similar, since just as in the southern context so in the

Bohemian/Moravian context, there were strong and powerful neighbours (Bulgaria – Byzantium, Frankish Empire), a process of centralisation and unification of various ethnic groups (in Bulgaria the Slavs and Bulgarians). T. Nótári offers the reasons for the acceptance of Christianity in the Bulgarian context “through, the clergy loyal to the prince he would be able to influence the population, and the centralised ecclesiastical organisation could be instrumental in driving back the Bulgarians; secondly, Christian religion seemed to provide a channel for merging the Slavs and the Bulgarians; thirdly, the Christian rulers wide power made known to Boris both in Byzantium and the Frankish Empire seemed undoubtedly tempting to the khan” [41, p. 446].

If we accept that pagan religion had its priesthood in one form or another, that there were possibly ethnic and national pagan religions, further a priesthood aligned with the local rulers, accepting Christianity in place of paganism would not make much sense. Paganism could have easily played a role as a unifying religion, a religion supporting the power of the ruler, a religion which unified various ethnic or rational groups, and as a unifying force in opposition to the pressures of neighbouring powers. These reasons therefore cannot explain the rapid or successful emergence of Christianity. Boris I was not in a similar position as Rastislav, since his neighbour was Byzantium itself, and thus we can understand that Boris I speculated at first and decided to accept Christianity from the Franks and not the Byzantines. Meeting Louis the German, the Eastern Frankish ruler in 862 in Tulln, he promised support of Bulgarian troops against the Moravians and expected Frankish missionaries in Bulgaria to begin work ([2]; cit. by [15, p. 119]).

We do not have the space to deal with the Bulgarian context, but we may mention that in the interaction between the Bulgarians and the Byzantines and the Latins, some ideas as to the role of Christianity for the Bulgarians emerged [42, p. 51]. For example, the letter of Patriarch Photios to Boris does mention that cooperation between state and Church is agreeable and can produce harmony (homonoia)²⁸.

Whether this would be convincing or not is a difficult question. Does the state need religion as a partner? Perhaps we can argue that, for example, in pagan Rome, there was no need to form

partnerships between state and church because religion was more or less conflated with the state: state officials were at the same time priests and so on, the population preserved piety (*pietas*) as a precondition for success in the state. Instead of partnerships there was the relationship between God and Rome and not between Rome and the Church. Of one *urbs aeterna* taking and unifying all supported by Jove. The Roman ideas of unity seemed to avoid an overt emphasis on religion as a unifying force [6, esp. p. 434].

In relation to the troubles the Bulgarian ruler faced against him Pope Nicholas had no doubt that these were “on account of the Christian religion” (*propter Christianum religionem*) ([38, p. 593]; see also [49]). The Bulgarian ruler prevailed and in contrast to the Bohemian context the “Christian king” firmly established his rule. B.A. Todorov rightly states the importance of the emphasis on conversion of the entire Bulgarian people not only the king here²⁹. In the Bohemian context, it would seem to be difficult to find a similar reference.

The prophetic voice of the ruler and his interpretative abilities, serve here to enhance the idea of the willingly suffering servant, “who knows” that he or she will suffer or die, predicts this and yet does nothing about it. It is possible to suggest that this willingness and full acceptance of one’s fate is typical for literary compositions of our context. Saint Vaclav’s willingness to die and to the last moment be passive about his fate is remarkable and needs to be stressed. Foreknowledge and prophetic interpretation in the political context of Byzantium do appear often in this regard. The historical works of, for example, Michael Psellos (especially the *Chronographia*) [34], Skylitzes or other authors betray an interplay of miraculous occurrences, God’s will, and divine interventions in the political careers of various Byzantine rulers. In the Bohemian/Moravian context prophetic elements in relation to political rule, combined with a kind of semi pagan/Christian context appear also in such later works as Kosma’s *Chronicle*. Kosmas has no problem associating even pagan prophecies or traditions with later good Christian rule.

A similar combination of pagan and Christian elements could be successfully combined in terms of providence, good fortune or prophetic contexts in relation to rule or military requirements as is also shown in, for example, a military manual

from Byzantium, from the tenth century³⁰, written during the reign of Constantine VII (945–959), based on a lost work by a certain Leo Katakylas, a high ranking official under Leo VI Constantine’s father. The work recommends what kind of books the ruler should take on his campaign to Anatolia. These include a book on Liturgy (ἡ ἀκολουθία τῆς ἐκκλησίας), and an oneirocritical book (βιβλίον τὸν ὄνειροκρίτην)³¹. Undoubtedly both in the pagan and Christian contexts, dreams, prophecies were important factors. Here there is perhaps a difference since, in the Bohemian context, foreknowledge does not result in changing the course of one’s behaviour but a “pious” acceptance of one’s fate.

On the other hand, in another text of a military nature from the 10th century also, called *Constitutiones Tacticae*, by Leo VI, we read: “Nothing about dreams seems reliable to me. But, in time, of war, it is useful and even necessary, to fabricate (them) and to persuade the soldiers to believe your dreams that promise victory”. And father: “For, thinking that the dream that you narrate is a portent from God, they will attack the enemy courageously, and steadily, and their bravery will be doubled by their eagerness” ([30, col. 1061A]; see also [33, p. 426]). This latter realism would perfectly sit with the *realpolitik* of the Bohemian/Moravian areas.

In the next chapter of the Kristian legend, the “servant of Christ” Ludmila also foretells the future and called the priest Paul to serve a liturgical service (literally: *Prescia vero Christi, memorata famula futurorum*). As we have stated above, the paradigms here are interesting in themselves, since the Christian “good rulers” presumably know, how to predict future, they know something bad is going to happen “yet they submit to the will of God” so to speak. She “expects” fully what is to come and is “fully reconciled”. The Holy woman attended a service with the said priest, confessed and partook of *the blood and the body of Christ* (“se corporis et sanguinis”). This sufficiently unexplored remark (in the sense of liturgical context) by scholars betrays a clear idea of the type of Liturgical service conducted on that occasion and the liturgical situation of that period (*Kristiánova Legenda*. 4, 15 [29, p. 36]). Ludmila is killed, fully accepting her fate by the hands of the killers. We may remark that the emphasis on the humility of Ludmila and saint Václav can

betray a later date of the legend, since an idea of a too succumbing ruler who gladly accepts his Christian duty to die is perhaps a theme developed later or at least emphasised in contexts, where Christianity was already strongly present, and it was only necessary to “fine tune” the idea of self-sacrifice.

After the death of Ludmila³², the account states that the perpetrators of the crime, after a brief period of joy, fell into disaccord. Discord is thus portrayed as the consequence of evil (“discordiarum”). The devil is the prince of discord (“principe disordiarum dyabolo”) (*Kristiánova Legenda*. 4, 75 [29, p. 39]). Later a miracle happens at the site of the tomb of Ludmila, where a scent (suavissimi odoris) arose from her tomb, and this was seen by the “woman ruler who murdered her”. The murdered woman built a basilica over the tomb and the house of Ludmila dedicated to the Archangel Michael, so that the miracle would be attributed to the relics of the saints held in that church and not to Ludmila.

Saint Václav: power of powerlessness.

Apart from contrasting or offering dualities, a possible avenue of any hagiographical apology is to show that accepting one’s fate can lead to liberation. A defeat is actually a victory. In a sense this does resonate with pagan mentalities, since the idea of “sacrifice” is present in pagan thought. However, in the Christian context it is radically transformed.

Václav is juxtaposed with the humble Ludmila, his election was sanctioned by God. “In that time this was happening, the blessed Václav, who was *elected* through Christ’s inspiration as a ruler... Deep in his memory he held that which he was taught by his teacher of writing, was eager to fulfil in deed what he learned by hearing”. (Hi is ita gestis annuente Christo olim electus dux beatus Wenceslaus... cunctaque, que a pedagogo apicum sibi tradita fuerant, alta memoria revolvens, animo estuanti opere implere cupiebat, quod aure perceperat). The passage is interesting since it links education with conduct. Education leads to proper and virtuous conduct. A mention of the “election” of Václav is also very interesting, since it betrays the manner how he received power. It is rather strange that the election is mentioned here, when there is a discussion of the youth of Václav and presumably his unpreparedness to rule due to age³³.

Did this election happen before he reached maturity or was this reference a note from the writer mentioned a later event? In an event, the testimony regardless of the date of the legend would confirm to the general perception of the period as a period of fluid governance, with no clear strong central control. A situation of various semi-independent rulers fighting for control and loose political structures, with elements of elections must have been a problem for the effective defence of the regions involved. The centralised monarchic structures, which were forming in the West at that time, posed a great challenge and danger for such areas. The theme of “disunity” or “mutual disagreements” is unsurprisingly prominent also in relation to the hagiographic sources elsewhere.

The political instabilities and other issues that we would expect to lie behind the problems are hidden by a simple Christian dialectic of evil versus Christian values and rulership. The real problem is not politics here, but simply the monkish aspirations of Saint Václav as we are told by the legend.

Thus, the account continues stating, that his mother counselled with some other people: “What will we do, to what shall we turn! Because our ruler, who was raised by us to the throne, was corrupted by priests and became almost a monk, does not permit us to continue with our steep and habitual road of foul ways”. (“Heu, quid agimus, quove nosmet vertemus? Princeps siquidem noster, qui a nobis in regni fastigio sublimatus est, perversus a clericis et ceu monachus factus, per abruptam et avetam viciorum nostrorum semitam nos gradi non sinit”) (*Kristiánova Legenda*. 5, 10 [29, p. 43])³⁴.

The account describes how the various monks and priests of Václav were persecuted and how they were subsequently restricted from reaching him. “Since these godless people attempted to kill his priests and some monks, through whose education he was strengthened”. (“Si quidem et clericos eius et quosdam religiosos, quorum doctrina pise pascabatur, insidiis assiduis impii appetentes”). Interestingly the word “some” (“quosdam”) appears here in the connection with the monks. The context could suggest that we are not speaking here of an opposition against Christianity as such or towards Christian clerics, but to “some” clerics/monks. This could mean

that either there was a conflict between various Christian groups or beliefs, or there was a political reason, where there was opposition to some Christian figures, who were on the wrong side of the barricade. As we have implied perhaps monk Kristian is interpolating an all too simplistic situation here of Christianity versus paganism or evil, whereas the reality could have been more complex. It is more likely that there was a conflict between strands of Christian culture and Václav belonged to one strand whereas his mother and others belonged to another, not speaking of the possibilities of political issues involved. Further, we are told that Václav was forced to hide his little book, “Codicellulumque” (*Kristiánova Legenda*. 5, 30 [29, p. 44]). One is tempted to speculate that this little book, perhaps, contained Slavic letters.

Monk Kristian uses the perceived piety of Václav to argue that his beliefs resulted in him rejecting the powers of his Mother and others. Václav is on a conflict path “because of his beliefs”. As the account continues, this situation evolved into Václav called for his mother and rulers and told them that he would no longer listen to them or be subjected to the irregency. The kind of conflict in terms of regency reminds us here of the Empress Irene and Constantine VI. A conflict emerges between the protagonists, between the various sides, and Václav decides to send away his mother until things settle down.

Importantly, monk Kristian writes: “There was a great discord among them for this matter (Václav’s desire to serve God), but also for other things, among those who remained at the side of the pious ruler and the others, who supported the evil side of the godless female ruler. The counsellors and important men of the country were divided among themselves and the thorns of discord had grown forth till blood was shed. But the side of the just, even though very small, had prevailed above the side of the unjust, as always not unified”. (“Orta est postmodum pro eiusdem rei causa variisque rebus aliis dissidio pergrandis viros inter Ipsos primarios, qui later ducis religios inherebant, et inter reliquos, qui partes nequissimas domine impie iuvabant. Divisique sunt consiliarii in invicem et primates terre, discordiarumque inter eos spine pullulaverunt ad sanguinis usque effusionem. Verum pars iustorum, licet minima foret, prevaluit

tamen adversus partem multimodam, ut semper, iniquorum”) (*Kristiánova Legenda*. 5, 47–54 [29, p. 44–46]).

Here in this very important paragraph, we see the main argument of monk Kristian. Being against God, being godless automatically results in being in discord and disharmony. Monk Kristian betrays himself in the first line, because he states that the great discord which emerged among them was also because of “other things” and therefore could not have been solely the result of issues of religion (if religion played any role at all for that matter). Possibly, we are simply speaking of a common conflict among rulers or about pressures from succession battles. Monk Kristian, however, sets all solely in the context of a battle between Godlessness and piety. There can be no doubt for those thinking about the role of Christianity, Christianity is here to offer harmony and accord and unity. The smaller side will prevail, Christianity will give the power to prevail, just as it did for Constantine the Great or any other ruler, who will put the cross on his banner.

The result is the exile of the mother of Václav. This perhaps highly political context is garbed by monk Kristian into theological language, claiming that the exile of his mother was an inspiration by the Holy Spirit, which came to Václav: “all this was going on with the help of God”, and his mother was exiled with the most utter embarrassment from the country for her role in the killing of Ludmila. The same theological reasons then lead (the commandment to respect one’s parents) Václav to recall her back from exile, without however restoring her to the former power.

She was exiled to settle issues down and to restore Christian unity and peace. “Since, the mentioned ruler Václav, being conscious of the necessity to establish peace, was inspired by the Holy Spirit, and decided feeling the necessity, to exile his mother, who was the cause of all the anger, so that this exile of hers, and also her godless supporters would serve to calm down the excessive strife/wickedness and to establish peace in the church of Christ, so that all would achieve in knowing the one and the same Master, and possess and learn the true teaching of Christ, and once all was established and would be perceived to be congenial to the peace in all the principdom, and if after the exile and expulsion of the sons of discord, peace would be strengthened, he

would again send for his mother with respect” (“Nam semper memoratus dux Wenceslaus, sollicitus de nanciscenda pace, Spiritus ibi sancto in spirante, corde consilium captavit, quo genitricem suam, que causa tocius nequicie inerat, perturbaret e patria, quatinus ea propulsa cunctisque consentaneis eius viris impiis invicem furor discordiarum sopiretur paxque ecclesie regni accresceret, unum eundemque Dominum cuncti possidentes veram Christi doctrinam perfectissime addicerent, dispositisque cunctis, que ad pacem regni pertinere cernebantur, proturbatis et expulsis filiis discordie, composita quiete, matrem rursus cum honore ad propria revocaret”) (*Kristiánova Legenda*. 5, 55–70 [29, p. 46]).

This statement appears as a political cry for unity under the banner of one religion. In any event, the sentence “so that all would achieve in knowing the one and the same Master, and possess and learn the true teaching of Christ” (“unum eundemque Dominum cuncti possidentes veram Christi doctrinam perfectissime addicerent”) is strange, suggesting various areas, which were loosely united to each other with no common denominator or unifying, here, religious principle. As if there was no knowledge of the others among the independent or semi-independent regions and their rulers, knowledge would otherwise logically emanate from a unity of faith. Unity of faith means peace. The statement is a strong confirmation that Christ gives a common goal, a common denominator for all otherwise loosely united fractions. The mother of Václav was exiled with all her godless supporters. Therefore, there is a tendency to promote a unified religion and principle and perhaps also unity in the Church itself. Prosperity means one Church, one true Orthodoxy, the destruction of heretics (although here in the context of Bohemia all were somehow unknowledgeable of Christ and therefore the discourse was not Orthodox versus heretics as much as simply Godless versus God followers).

Here, perhaps, lies the prime motivation for the acceptance of Christianity, which in contrast to varying pagan traditions of various tribes and so on, was more useful for any unification process. This, however, meant the unification of Christianity itself. The situation is analogous to Constantine the Great's situation, where his enthusiasm for Christianity was met with the reality of internal discord in Christianity itself,

which must have been a blow for Constantine who expected a unified religion for a unified empire.

The legend continues with the story of the killing of saint Václav, his piety is emphasised. Monk Kristian goes out of his way to show the remarkable Christian behaviour of Václav, who even repents, if by chance he drank too much during a feast. Monk Kristian writes: “You read this story, graceful bishop, and you are in extreme wonder, how one man being from the laity, who was also at the same time at the helm of his nation, a nation being held due to its characteristic as especially fierce, had accomplished most dutifully that which even as you are aware of people³⁵ established from the grace of the Most highest God of the church would accomplish in great difficulty”. (Legis hec, pontifex alme, et que vix ipsos summi in ecclesia gracia Dei viros (vix) implere potuisse noveras, layci ordinis virum et eundem ducem et prepositum unius gentis, que et gencium ferox ipsa natura habetur, adimplesse tenuissime miraris”) (*Kristiánova Legenda*. 7, 64–69 [29, p. 68]). The ruler here subsumes the church, he embodies it. The church is not alienated from the state or ruler, but the ruler literally embodies it, much more so than its own clergy. A contrast appears with a nation being especially fierce. Václav becomes the sacrificial Christ. We may wonder, whether this theology is not indicative of a later mediaeval topos, since it betrays a sophisticated theology of sacrifice linked to a pious ruler, who does not defend himself. We may argue that given the other contexts mentioned (Bulgarian and others), this kind of reasoning could have been indicative of later theological hagiography, but this remains an open question dependent on hagiographical comparisons.

The murder by his brother Boleslav is placed into a context of a feast, where Václav is invited by his brother, after which Václav was to be killed. During the feast, Václav is warned by a person that he should escape, but Václav remains. The feast functions as a kind of image of the Last Supper, where Christ somehow knows about his forthcoming fate, yet remains not escaping anywhere. Boleslav kills his brother, who more or less accepts his fate (very sophisticated Christian reaction on behalf of Václav, a sophisticated theology for its period indeed).

Here we may state there is a little problem, since there is no climactic happy ending on the political front. For Kristian there is a problem here. He emphasised that belief in God leads to unity, harmony, victory of truth, but with Václav the results are tragic. The ruler has been killed just as Ludmila before and we wonder what following Christ is worth. Monk Kristian answers this by implying that regardless of this death, Václav prevails and becomes a national hero and saint, which in the end truly unites and harmonises people, who bad or good flock around him, perhaps also uniting and confirming the dynastic power. There is an indication that even his brother just as Drahomíra before regarding Ludmila realises his mistake/sin or at least sees the wonders, associated with the saint.

Education and Christianity. One of the most important points of comparisons between Byzantine sources and other contexts lies in education. The overall import of all Cyrilo-Methodian culture for central Europe has traditionally in scholarship and popular culture often been associated with “education” and enlightenment in the context of central Europe. Cyril and Methodius brought culture and illumination to central Europe. As we have implied above, however, we have to also take into account that comparisons between contexts related to education must take into consideration the state of education in a given area. Here we may ask, was Byzantium in the period of saints Václav and Ludmila marked by an emphasis on education? If so, did this educational policy promote itself also in the regions of saint Václav? Or we may postulate that the legend of Kristian in its comments related to education in fact does not draw from the Byzantine context as much as from a western scholastic tendency as seen in the Germanic area.

As we have mentioned one of the main arguments for Christianity, as shown by many writers, is the fact that it is related to education and civilised life. Christianity supports education and vice versa. Of course, for a context such as Bohemia or Moravia, an argument had to be presented as to why education is so important. In the case of Václav we may have the feeling that the others simply did not understand his desire to “learn” here intimately associated with Liturgical reading and life. Explaining to a “barbarian” the necessity

to learn (here always associated with liturgical life) is another task. It is not sufficient merely to state that education/Christianity is good for you.

As we know the Byzantines stressed education and some rulers stressed their own education. In the context of Anna Comnene, we read: “I, Anna, the daughter of two royal personages, Alexius and Irene born and bred in the purple. I was not ignorant of letters, for I carried my study of Greek, to the highest pitch, and was not unpractised in rhetoric; I perused the works of Aristotle, and the dialogues of Plato, carefully, and enriched my mind by the “quaternion” of learning. (I must let this out, and it is not bragging, to state what nature, and my zeal for learning have given me, and the gifts, which God, apportioned me at birth, and time has contributed”. (“Ταῦτα δὲ διεγνωκυῖα ἐγὼ Ἄννα, θυγάτηρ μὲν τῶν βασιλέων Ἀλεξίου καὶ Εἰρήνης, πορφύρας τιθῆνμά τε καὶ γέννημα, οὐ γραμμάτων οὐκ ἄμοιρος, ἀλλὰ καὶ τὸ ἐλληνίζειν ἐς ἄκρον ἐσπουδακυῖα, καὶ ῥητορικῆς οὐκ ἀμελετήτως ἔχουσα καὶ τὰς Ἀριστοτελικὰς τέχνας εὖ ἀναλεξαμένη καὶ τοὺς Πλάτωνος διαλόγους, καὶ τὸν νοῦν ἀπὸ τῆς τετρακτύος τῶν μαθημάτων πυκάσασα, (δεῖ γὰρ ἐξορχεῖσθαι ταῦτα καὶ οὐ περιαιτολογία τὸ πρᾶγμα, ὅσα ἢ φύσις καὶ ἢ περὶ τὰς ἐπιστήμας σπουδὴ δέδωκε, καὶ ὁ θεὸς ἄνωθεν ἐπεβράβευσε καὶ ὁ καιρὸς συνεισήνεγκε”) ([1, p. 4]; see also [12, p. 25]). Even if a ruler from Bohemia or Moravia received such a high education as Anna, emphasising this amongst his compatriots would probably not make much sense in the 10th century. The Kristian legend also mentions education in the Prologue. Monk Kristian exclaims that he has no education. “Even though my insufficiency and inability are enormous and even though my education, if compared with the education of educated people, ceases to be education...” (“Sed quia in epcie nostre simul et pigricie maximesunt, studia que nostra, studiis scholarsticorum comparata, studia esses desistunt, non desperans de venia ob enormitatem criminum, prout vires suffecerint”). (*Kristiánova Legendá*. Prolog. 1, 25 [29, p. 8]). He does not boast of education as Anna does.

However, Anna's aspirations are also unique in a sense. It is interesting enough that, regardless of the importance of education, Skylitzes mentions the terrible state of “secular education” (“τὰ πολιτικὰ”) in the period of Bardas coinciding with the period of our context, and

notes that a positive move on the behalf of Bardas was to reorganise and renew secular education. “Bardas was, however, also a devotee of secular learning, the pursuit of which had, over a period of many years, become seriously dilapidated, shrinking away almost to nothing: ‘thanks to the boorishness and ignorance of those in power’ (‘τῆ τῶν κρατησάντων ἀγροικία καὶ ἀμαθία’). He assigned a location for each discipline – whatever was available for most subjects, but for philosophy (this being superior to all other disciplines) a place was designated within the palace itself at the Magnaura” ([24, p. 101]; see also [26, p. 102]).

In Byzantium it seems the support of learning was strongly dependent on Imperial patronage. Without support from the Emperor learning existed, but most probably, could not develop in a more institutional way. In this context N. Gaul observes that the networks of education were before the year 900 closely associated with imperial ideology, sometimes propaganda, and patronage. According to the historian, “this is not to say that litterae and paideia were not available in spaces outside court, such as monasteries in the West or lay schools as well as monasteries in the East”³⁶. However, N. Gaul stresses that learning was mainly accumulated in the Imperial centre and among an educational elite within this Imperial centre. In the opinion of N. Gaul, the initiatives in this sphere are associated with, e.g., Charlemagne (r. 768/800–814) (see [7, esp. p. 28–33]), Theophilos (r. 829–842) and his brother-in-law, the Kaisar Bardas († 866), Konstantinos VII Porphyrogenetos (r. 913/945–959), or caliphs from al-Manṣūr (r. 754–775) to al-Mamūn (r. 813–833). There the learning was commonly marked by individual arrangements, personal patronage, and was distinguished by a lack of institutionalisation. Thus N. Gaul implied that “the portrayal of an institutionalised”, “court academy” and “palace school” was “an illusion”, as G. Brown wrote about *Charlemagnes scola palatii* [19, esp. 239]. In his turn P. Speck concluded about the school of Bardas: “[E]s besteht kein Anlaß hier von der Gründungeiner Institution zuspochen, die unabhängig von der Person des Stifters oder von den vier geförderten Gelehrten (auch nach deren Tod) fortbestehen sollte” [53, S. 8]. N. Gaul correctly implies that regardless of imperial patronage, or higher patronage, this

does not necessarily mean that a school was truly “institutionalised” and functioning as a true institution. Even schools with patronage did not necessarily have order or compactness.

These observations relate to our context also, since just as with Byzantium it is not so easy to reconstruct the exact dynamics of education in the court of Václav, Bořivoj, Svatopluk. The stories of proper education, of reading, of teachers of Christian instruction in the Bohemian or Moravian contexts have to be studied through a prism of other contemporary contexts in order to assess their historical value.

Conclusion. In our short analysis, we have drawn attention to the Kristian legend in the context of its Christian ideology associated with the nascent development of the Bohemian/Moravian context or state. As we have demonstrated greater in depth thematic and comparativist study of the legend in the future will surely yield more information on the date of the composition.

The context of the stories related to Kristian can be seen elsewhere in Europe at that time. The legend describes the situation of growing centralisation and unity in Europe, of national or political dynastic construction. Of course, the movement to unity and empire building in Europe is nothing new in the historical context of the world. The process was going on elsewhere for centuries with similar paradigms of infighting political rivalries and so on. Here we may state that there is sometimes a flaw in historical reconstruction in the sense of denying the historical validity of a fact, just because it similarly appears elsewhere or in other contexts. For example, some motifs are remarkably similar between the Bohemian/Moravian contexts and the Bulgarian events, or Frankish/German events. This however does not immediately entail dependence or interdependence but simply can be the result of “paradigms” and “archetypes” common to all. This can be of help to a historian, because it can help to assume or reconstruct at least some elements in an otherwise incomplete narrative. Similar hagiographic elements appear elsewhere suggesting a nascent paradigm of sacrifice emerging. But this is hardly convincing for a general reader. The task of the legend author is to show how the Christian ruler is necessarily good.

What is interesting about the European context is the role of Christianity in this process

of unity and kingdom building. As we have seen monk Kristian has multiple themes and perhaps goals. But perhaps he is just simply interested in offering a hagiographic story of an interesting saint. Whatever the case, he must in one way or another show why Christianity is a true religion or useful in an area of Bohemia and Moravia. He must have been from a context where there necessarily was no opposition between Eastern or Western traditions of Christianity, since he does not appear to stress any particular tradition.

As we have seen, the “primary offer” for pagan rulers or pagans generally was that Christianity brings education/civilisation/governance and not least political alliances. But more concretely Christianity offers the ruler *way to unity, harmony, legitimisation of one’s dynastic aspirations and rule, posteriority, power*. However, the paradox is that Kristian just as any other author struggles with his main offer. As we have seen being Christian – Václav, Ludmila, in the end brings suffering but also disunity. Being a Christian does not guarantee that one prevails and all is well. There is an internal tension in Kristian’s legend, because in contrast to the other legends of Václav this one, perhaps even more so has an agenda to demonstrate how Christianity can go hand in hand with governance and in fact must do so. Besides, this story is actually telling us that being a Christian ruler or Christian means being killed, dethroned, banished, and exiled.

If Kristian wants to promise us that all will go well in the state if Christianity is promulgated, he is not really successful at his goal. Further, historically speaking scholars often demonstrate that Christianity, indeed, offered unity, political stability and so on, but it is often forgotten that paganism offered this also, and further that the church is not necessarily important in all this. As we have seen by comparisons with the Byzantine concepts, it was almost impossible to adapt the Byzantine political models to a situation such as was happening Bohemia and Moravia. The legend betrays a situation of internal disunity, of loose tribes of loose morals and other problems making adoption of high Byzantine models and contexts almost impossible, without significant adaptation.

Monk Kristian resolves his internal “schizophrenia” where he denies in the end what he proposes or offers in a functional way. In a way we may argue that his hagiographical theology would

be more suitable for a much later date of a kind of medieval feudal sacrificing chivalry, especially if this is contrasted with the brutal realism of areas such as Bulgaria, where there are no qualms about how the ruler should enhance Christianity (no self sacrificing Václav there). The Kristian legend demonstrates in the end that Christianity does in fact offer unity and harmony, because even though Václav is killed, or Ludmila, these become a source of unity and harmony, become a referential point of people uniting behind their miracles, of dynastic legitimisation. Paradoxically self-sacrifice humbleness means victory. The sainthood of Václav and Ludmila become a source of new unities and ideological references.

NOTES

¹ Scientific editor is Yu. Ya. Vin.

² There is no reason to repeat the well-known process of discovery and long term scholarship on the subject of the sources, related to our period. Apart from the controversial legend of Kristian there are other important sources on our topic, which include also important western sources. Here suffice it to mention the *Crescente fide*, written in Latin describing the life of Václav (possibly end of the 10th century), perhaps from the area of Regensburg (Bavaria), the very important work of Gumpold the bishop of Mantovia (flourished at the end of the 10th century), who importantly received an “order” by Oto II (Otto II, emperor of the Holy Roman Empire) to write a life of Václav. In terms of the Slavic context of Václav and Ludmila A.Ch. Vostokov stimulated research by his find in 1827 of one of the oldest paleo-slavic sources of Czech origin, the so-called “First Slavic Legend of St. Václav” (literary “Ubienie svjatago Vjačeslava, knjazjačes’ka”, i.d. “The Killing of Saint Václav, the knize of Czechia”), contained in the so-called *Torzhestvenik* (a work gathering liturgical feasts, with saints’ lives and homilies on various feasts), itself being from the 15th century. Vostokov further, in his later list of manuscripts of the Rumyantsev museum [9, p. 454–456], brought attention to shorter legends of Sts. Václav and Ludmila, which are testified in the Prologues to the 16th and 28th of September (feast days of Sts. Ludmila and Václav) and to the Prologue legend of the *translatio* of the relics of St. Václav located in the Prologue to the 4th of March (feast of the relics of St. Václav). These Prologues related to Sts. Václav and Ludmila had circulated in Rus for some time, since they were part of a widely distributed Prologue (they were also being incorporated into liturgical prints (the *Minea* of Metropolitan Makarios). Further I.I. Sreznevskiy and I. Kupriyanov brought attention in the 19th century

to the canon of St. Václav (manuscripts of the 12th and 13th centuries). N.K. Nikol'skiy discovered the so-called Second Slavic legend of St. Václav (a modified translation of the Latin legend of the mantovian bishop Gumpold) [40]. Later Czech scholarship began an important discussion on the possibility of the existence and form of some kind of official “Vita et passio St. Wenceslai” from the 10th century serving as a basis for other works, but also of St. Ludmila.

³ V. Karbusický writes: “First of all Kosmas utilises literary characteristics (Kosmas compares: Lubošais ‘*ut Chumea Sibilla*’, Kazi ‘*ut Colchis Medea*’, Tetka ‘*ut Aeneae Circens*’), while he designates them with the terms ‘*phitonissa*’ (prophetess), ‘*venefica*’ (sorceress), ‘*malefica*’ (evil sorceress), and through the distinction of functions he goes into further detail: Kazi was responsible for fate, herbs and oracles – therefore the content of the ecclesiastical ‘*magia*’. Tetka rejected myths and taught the pagan cult – ecclesiastical ‘*idolatria*’, Luboša prophesised and foretold future – ecclesiastical ‘*divinatio*’, their substance and classification were in harmony with theological distinctions of pagan sinful infidelity, since they distinguish between sorcery, idolatry, and the foretelling of future: *magia* (Kazi), *idolatria* (Teta), *divinatio* (Libuše)” ([28, p. 16]; see also [8, p. 11–12]).

⁴ All references to the Kristian legend will be from the edition *Legenda Christiani* [29]. The rediscovery of the legend is associated with the famous Bohuslav Balbín, who in 1664 found the manuscript in the Augustinian cloister of Třeboň. Perhaps the work had been, however, already discovered by Jan Tanner in 1659 (in a different manuscript, so-called Dražický, G 5 manuscript, a fact, which was already noticed by Dobrovsky. As noted by R. Urbánek, the work was especially important in the anti-reformational era of the Baroque. Balbin calls the legend “pretiosissimum istud primumque historiae patriae monumentum” and its author was called “primus, quadsciamus, in Bohemia scriptor” [63, p. 7].

⁵ J. Ludvíkovský automatically translated the Latin Adalberto into Vojtěch in his translation, at the beginning of the legend, which is, perhaps, a little problematic.

⁶ As R. Urbánek writes: “The positive result of the discussions led to the question, whether in Bohemia of the 10th century, there existed some kind of official ‘Vita et passio St. Wenceslai’, which Gumpold at the end of the 10th century and Kosmas still at the beginning of the 12th century knew as being the most important source for the history of St. Václav, and which was known not only in its own manuscript tradition, but also found access to Breviaries and in this way found wider circulation in clerical circles, in fact so much so, and was known to such an extent that Kosmas disregarded the necessity of repeating its contents” [63, p. 7].

⁷ The most famous advocate of the early date of the composition is the well-known scholar J. Pekař. He calls people like Dobrovský, who criticised the legend as being hypocritical and “erasing centuries of history” (J. Pekař uses a formulation, adopted by V.A. Svoboda in a different context – *Jahrhunderte entvölkern*) by their over critical approach. J. Pekař goes on to say in this work that the legend is not only not a falsum, but a work from the 10th century [45]. J. Pekař did not deny that monk Kristian utilised older sources (such as, for example, the very important bishop Gumpold, *Crescente fide*, the Latin legend “Fuit in provincia Bohemorum”), but stated that he originally compiled his work using such sources [29, p. 121] as the Latin legend “Fuit” see Note 23.

The discussion of the date of the composition is strongly dependent on how we understand the Prologue of the work. The prologue, and first two chapters describe the Byzantine missions, Slavic liturgy, the baptism of Bořivoj at the court of Svatopluk, became the controversial points regarding the legend. As Ludvíkovský summarises: “It is trully difficult to harmonise Kristian’s message about them oravian beginnings of Czech Christianity, with the Fuldans, which state that Ludvig the German in the year 845 baptised fourteen Czech rulers (XIII ex ducibus Boemanorum) upon the irrequest with their people (perhaps in Regensburg), that is around twenty years before the coming of the mission from Moravia” [29, p. 119]. This again could be, on the contrary, understood as a testimony to the ancient provenance of the legend. The baptism of the fourteen Czech rulers did not necessarily have any serious or practical consequence for Bohemia. F. Stejskal importantly emphasises the quick canonisation process of the saint in his valuable study of the cult of the saint. Stejskal reminds us that the canonisation process was not yet the prerogative of the Roman Pope, (up to Alexander III, 1159–1181), and that local bishops could have decided about this [56].

⁸ R. Urbánek has already realised the need for comparisons of theme and content. He wrote some decades ago: “If it will best ill necessary to compare carefully the exact formal and narrative relationship between the slavic legends of Sts. Václav and Ludmila, with similar Byzantine ones – we can at first glance state that there is a great simplicity in the slavic ones, which is related to the developmental stages of the church slovanic culture of the period in Bohemia and its linguistic means – a similar task, will be related to the Latin legends and the legends of neighbouring Germany, especially in the Bavarian orbit” [63, p. 7, 33].

⁹ Liudmila (Latin), or the term in the Bodecensky manuscript – Luitmila, Liutmila (Latin).

¹⁰ Вѣцеславъ, Venceslaus (Latin), Wenzel (German).

¹¹ Vęceslavъ, Venceslaus (Latin), Wenzel (German). ‘Beatus’ is translated as ‘Blahoslovený’ into Czech-Slavic; and the Greek term ‘μακάριος’ is, perhaps, the closest equivalent, although we believe that some Slavic terms began a “life of their own”. For the sake of consistency, I will utilise the Czech terms and names Ludmila and Václav.

¹² A study, regarding the passion aspect of the Sts. Václav and Ludmila, is recently published by E.H. Saggau [51].

¹³ Here we can note a fact, not noticed by scholars, that strangely enough Emmeramm (Emmerammus) was also the name of the son of Prokop the abbot of the Sazava monastery. Whether this was a coincidence or not or betrays a reliance on tradition remains a mystery and not noticed so far.

¹⁴ For example, V. Chaloupecky believes that the patriotic tone of the prologue means, that the prologue was rewritten with patriotic references around the 11th to 12th centuries [60, p. 271, note to 103–104]. However, as Ludvíkovský notes that patriotic tinges can be also found elsewhere in the work, for instance, in its description of Strojimir, who was disregarded by his supporters, because he forgot to speak Czech, when living abroad [29, p. 133].

¹⁵ A. Papaconstantinou writes in relation to the Coptic environment: “The emphasis on torture and suffering, however, served another purpose. ...The Coptic Church needed to promote its indigenous character, and thus the continuity with its most distant past, both in territorial and in ethnic terms”. See [44, p. 78].

¹⁶ A.I. Rogov writes in this context: “The Sázava monastery, established, perhaps, around the year 1033, was also interesting since it was a family cloister, built by the expenses of the hermit Prokop, ‘originating from Bohemia, from the village Chotouň’”. According to the testimony of the Chronicle of the so-called monk from Sázava, preserved in manuscripts of the 12th–13th centuries, Prokop, was “very much educated in the slavic script, which was invented sometime by, and canonically introduced from by most holy bishop Cyril, who was very educated” [50, p. 11–12].

¹⁷ As we have noted above, F. Stejskal reminds us that the canonisation process was not yet the prerogative of the Roman Pope (up to Alexander III, 1159–1181), and that local bishops could have decided about this. F. Stejskal mentions the manuscript from Verona (number 87), from the period of Saint Wolfgang († 994) and Otto III (coronated as the Roman king in 985). F. Stejskal remembers other evidence, which we will not mention here. In the calendar from the Verona manuscript here we have I. Makl. Octobris Sancti Vuenkizlai martyris et sanctae Libae virginis. F. Stejskal continues: “There is no doubt that during Saint Wolfgang the canonisation of saint Václav was

already made, even if we do not know when; we can assume it was made by Vojtěch or Dětmar, both bishops of Prague, if not earlier” [56, p. 143].

¹⁸ Generally, in terms of Augustine and his influence on the political ideology of the medieval age, H.-X. Arquillière observes: “il reste, écrit-il, encore beaucoup de recherches à faire pour préciser son influence exacte (de l’augustinisme) sur les grands papes qui se sont succédés jusqu’à la fin du Moyen Age...; il reste à déterminer la force des contrecourants” [5, p. 49].

¹⁹ The critical edition of the Church Slavonic version of Gregories XL Homiliarum in Evangelia Libri II see [61; 62].

²⁰ It is interesting enough, that there is a discussion on seating also in the letter 99 of Nicholas Responses to the question of the Bulgars. Here the discussion is centred on the fact that no one sits with the king. The Pope replies stating, that all should be like brother and sisters and be humble: “You state that when your king sits down in his throne (*sedilis*) at the table to eat, on one, not even his wife, may recline with him; rather you sit far away on stools and eat on the ground; ...we exhort you, not so much commanding as persuading that you pay attention to those, who observe the Christian religion as leaders and after considering the evidence of their humility...” (Asseritis quod rex vester cum ad manducandum in sedili sicut most est, ad mensam sederit nemo ad convescendum etiam, neque uxor ejus cum eo discumbat, vobis procul in sellis residentibus, et in terra manducantibus... licet bonos mores satis, impugnet, non tam praecipientes, quam suadentes, hortamur, ud ad Christianer eligionis cultores principes attendatis, et humilitatis, eorum considerantis fastigium) ([39, col. 996]; see also [49]).

²¹ M. Spinka possibly, basing himself on the Slavic sources for the Chronicle, emphasises that the ruler was instructed in the Christian faith. The Greek term (ἐφωτισθη) speaks of “enlightened”. See *Chronicle of John Malalas*, Book 17, 9 (412/413), translated from the Slavic version by M. Spinka and G. Downey [55, p. 121]. See also [54; 10].

²² Skylitzes does not mention other issues here such as the relationship with the Papacy and Boris.

²³ The popularity of Ludmila in Rus is another important feature well commented. We may perhaps enquire why Ludmila was so popular, which is a task for another paper. R. Jakobson has mentioned that in the Russian chronicles about Olga, the Patriarch of Constantinople turns to her with the words, which almost exactly repeat the words of the Latin homily of saint Ludmila, which emerged in Bohemia (Homily which emerged at the end of the 11th century, beginning with Factum est) [25, p. 44]. This position is also supported by F. Dvorník ([14, p. 332]; see also [57, p. 556–558; 60, p. 161–167]). However, limiting the

popularity of Ludmila to cultural or literary contacts and exchanges would seem too superficial for our understanding as to why she gained such prominence elsewhere. Perhaps her “piousness” combined with “rulership” was the primary motive for her gaining popularity in the Rus region. We will not enter here into the discussion of the existence of a general legend about saint Ludmila, the subsistence of which is established through the prism of the Slavic Prologue legend about saint Ludmila, and the Latin legend “Fuit in provincia Bohemorum” (“There was once in the land of Bohemia”, which is also known in Czech as “The suffering of Saint Ludmila and Václav”) [57, p. 467–481].

²⁴ That, there was an intention of manufacturing dualities of one kind or another, can be supported by V.I. Lesyuchevskiy [31, p. 238], although Boris and Gleb did not always form a duality.

²⁵ N.N. Il’in mentions direct parallels between the story of Boris and Gleb and the First Slavic legend of St. Václav and also the Prologue legend of St. Ludmila [22, p. 52].

²⁶ It is interestingly enough that we may mention here that the Second Slavic legend of St. Václav has a very theologically profound introduction, where education is understood as a return to substance, it enables us to discover our inner being. This kind of more sophisticated reflection would be undoubtedly more difficult to grasp by the general public. See [40].

²⁷ There is extensive discussion on the dynamics of mission in Moravia and the existence of ecclesiastical structures in the context of Moravia before the Byzantine mission. Fr. Dvorník, as other have addressed this issue. But regardless of these discussions the specifics of the ecclesiastical expulsions and dynamics remains a mystery. If we accept the existence of other priests in the region of Moravia or Bohemia before the mission from Byzantium, and more importantly the unsettling nature of the ecclesiastical structures after the Byzantine emission, this creates more questions. Fr. Dvorník writes about the period before Byzantine emissions: “The bishop of Passau is said even to have held synods in Moravia with his own priests and priests from foreign lands. It has now been established that some rudimentary ecclesiastical organisation had been introduced by him to Moravia” [16, p. 1110].

²⁸ Photios, Epist. 8, 652–656 [47, p. 22]. See also: Photios, Epistolarum Liber I. Epist. 8.31 [48, col. 665]. For a broader overview see also [13].

²⁹ B.A. Todorov, quoting the chapter 17 of the “Responsa” of Pope Nicholas I (see [38, p. 577]), writes: “Such a vision of the events is confirmed by the implicit rhetoric in some of the sources closest in time to the conversion of 865 AD. A number of them stress the revolutionary and coercive character of the

act. According to the Balši inscription, Boris-Michael equated his own baptism with the baptism of the entire people given to him by God to rule. He wrote to the same effect to the Pope, who quoted in chapter 17 of the ‘Responsa’: ‘You made your whole people receive baptism’ (Populum vestrum baptizari omnem feceritis)”. See [58, p. 189].

Photios Encyclical Letter to the patriarchs spoke about the conversion not only the king alone, but more generally about the conversion of the Bulgarians as a people, describing the event as “against all expectations (paradoxos)” [47, p. 41]. When addressing the Papacy, Boris-Michael supported his claims to have converted the country, by offering to St. Peter the arms, with which he had subdued the rebels ([58, p. 189]; see also [2, p. 63]).

³⁰ This particular writing of Constantine VII Porphyrogenitos is titled: “Ὅσα δεῖ γίνεσθαι τοῦ μεγάλου καὶ ὑψηλοῦ βασιλέως τῶν Ῥωμαίων μέλλοντος φουσατεῦσαι” (“What should be observed when the Great, and High Emperor of the Romans, Goes on Campaign”). It is one of three military treatises found in the manuscript *Lipsiensis Rep.*, 117, which also contains Constantine’s treatise “De Ceremoniis” and therefore are an addition to this work or were simply added to the manuscript as an appendix. The Leipzig manuscript is the only manuscript, which contains all these works in one composition. For a further study of this issue see ([18]; see also [33, p. 426]).

³¹ M. Mavroudi does not believe that this work is that of Artemidoros, we would perhaps imagine [33, p. 426].

³² According to *Legenda Christiani*, Ludmila dies on the 16th of September, on Saturday, on the first night vigil (in the 61 year of her life) (*Kristiánova Legenda*. 4, 75 [29, p. 39]). Here J. Ludvíkovský comments: “Only two manuscripts of the Kristian legend speak of the death of Ludmila (*T* and *FP*) on the 16th of September. All the other texts of the Kristian legend, indicate the 15th of September as the time of death of saint Ludmila (XVII. Kal. Oct.). For the 16th of September there is also evidence in the form of the mentioned Paleo-Slavic Prologue of saint Ludmila and the church tradition testified to from the 12th century. Most manuscripts would then have a recorded mistake of their writer. The corresponding day for the year 920, the 16th of September, would be Saturday, so the murder of Ludmila would be on the 16th of September 920. Pekař would also suggest the date of the 16th of September 921, which is indicated in the breviary of the Abatyss Kunhuta from the beginning of the 14th century. The age of Ludmila 61 is indicated also in harmony with the addition of the manuscript K also by the Prolog legend of St. Ludmila and the legend “Fuit”. She was born in 859 or 860. The birth of St. Václav, is given by J. Pekař, as the year 907

and 908, and V. Chaloupecky suggests a date until the year 904". As to datum, offered by J. Pekař, see the latest of his work in Svatováclavský sborník [46, p. 24, note 74]; as to V. Chaloupecky see [46, p. 63]. See also [29, p. 146].

³³ The education and linguistic skills of Václav especially in the context of the other legends on this saint is again a source of controversy among scholars. But it is perhaps true that various authors of the legends would offer an ideological statement by claiming, that Václav knew Greek or Slavic or Latin.

³⁴ J. Ludvíkovský writes on this subject: "The Christian piety of the young Václav is described mostly in accord with the legend *Crescente fide*, being also in harmony at some areas with its Czech version, which was here as it seems, interpolated from Kristian. The following discussion of the conflict and bloshed between the Christian side of Václav and the pagan side of the mother is the work of Kristian, who however does not go into further detail" [29, p. 146].

³⁵ The Czech translation directly mentions "priests of God" here, but this concrete identification seems problematic in the Latin.

³⁶ Here N. Gaul cites N.M. Kalogeras, namely [27, p. 145–155].

REFERENCES

- Schopenus L. et al., eds. *Annae Comnenae, Alexiadis Libri XV. In 2 vols. Vol. 1.* Bonnae, imp. Ed. Weberi, 1839. L, 461 p.
- Waitz G., ed., *Annales Bertiniani. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis.* Hannoverae, Imp. Bibliopolii Hahniani, 1883. X, 173 p.
- Nelson J.L., ed. *The Annals of St-Bertin. Ninth-Century Histories. Vol. 1.* Manchester, New York, Manchester Univ. Pr., St. Martin's Pr., 1991. XII, 267 p.
- Weitz G., ed. *Arnoldi Emmeramensis, De Miraculis et Memoria Beati Emmerammi Libri Duo,* Parisiis, Apud Garnies Flatres u.a., 1880, coll. 989–1090A. (Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completus. Ser. Latina;* vol. 141).
- Arquillière H.-X. *L'Augustinisme politique. Essai sur la formation des theories politique du Moyen Age.* 2-e éd. Paris, Librairie philosophique J. Vrin, 1955. 206 p.
- Azkoul M. Sacerdotium et Imperium. The Constantinian Renovatio According to the Greek Fathers. *Theological Studies*, 1971, vol. 32, no. 3, pp. 431-464.
- Brown G. Introduction, the Carolingian Renaissance. McKitterick R., ed. *Carolingian Culture. Emulation and Innovation.* Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 1994, pp. 1-51.
- Vacek F. *České pověsti ve 12. století,* Praha, Zpráva c. a ak. Reálného a vyššího gymnasia v Praze v Křemencové ul. (Křemencová), 1905. 28 p.
- Vostokov A.Kh. *Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisey Rummyantsevskogo muzeuma* [The Description of Russian and Slavonian Manuscripts of Rummyantsev Museum]. Saint Petersburg, Typ. Imp. Akad. nauk, 1842. IV, 899, [3] p.
- Jeffreys E., Jeffreys M., Scott R., eds. *Chronicle of Malalas.* Melbourne, Australian Association for Byzantine Studies; Sidney, Univ. of Sydney, 1986. XLI, 371 p.
- Schoell R., Kroll G., Krueger P., Mommsen Th., eds. *Corpus Iuris Civilis. In 3 vols. Vol. 3. Novellae.* Berolini, apud Weidmannos, 1895. XXII, 810 p.
- Dawes E.A.S. *The Alexiad of the Princess Anna Comnena.* Routledge, Taylor & Francis, 2005. 448 p.
- Dujčev I. Au lendemain de la conversion du peuple bulgare. L'épître de Photius, *Mélanges de science religieuse.* Lille, Univ. catholique, 1951, t. 8, cah. 2, pp. 211-226.
- Dvorník F. Les Bénédictins et la christianisation de la Russie. *L'Église et les églises, 1054–1954. Neuf siècles de douloureuse separation entre l'Orient et l'Occident. Études et travaux sur l'Unité chrétienne offerts à D.L. Beauduin.* Chevetogne, Éd. de Chevetogne, 1954–1955, vol. 2, pp. 323-349.
- Dvornik F. *Byzance et la Primauté romaine.* Paris, Éd. du Cerf, 1964. 160 p.
- Dvornik F. The Byzantine Mission to Moravia. Rechcigl M., ed. *Czechoslovakia: Past and Present. Vol. 2. Essay on the Arts and Sciences.* Berlin, De Gruyter Mouton, 2019, pp. 1107-1222.
- Epanagoge Aucta. Zepos J., Zepos P., eds. *Jus Graecoromanum. In 8 vols. Vol. 6.* Athens, G. Fexis, 1931, pp. 49 (57)-216.
- Featherstone M. Further Remarks on "De Cerimoniis". *Byzantinische Zeitschrift*, 2004, Bd. 97, Hft. 1, pp. 113-121.
- Gaul N. Rising Elites and Institutionalization – Éthos/Mores – "Debts" and Drafts. Three Concluding Steps towards Comparing Networks of Learning in Byzantium and the "Latin" West, c. 1000–1200. Steckel S., Gaul N., Grünbart M., eds. *Networks of Learning. Perspectives on Scholars in Byzantine East and West, c. 1000–1200.* Münster, LIT-Verl., 2014 (2015), S. 235-280.
- Geanakoplos D.J. *Byzantium. Church, Society and Civilization seen through contemporary eyes.* Chicago, Univ. of Chicago Pr., 1984. XXXIX, 485 p.
- Homza M. The Role of Saint Ludmila, Doubravka, Saint Olga and Adelaide in the Conversions of Their Countries. Urbańczyk Pr., ed. *Early Christianity in Central and East Europe, Christianity*

in *East Central Europe and Its Relations with the West and the East*. Warszawa, Semper, 1997, vol. 1, pp. 187-202.

22. Il'in N.N. *Letopisnaya statya 6523 goda i jeje istočnik. Opyt analiza* [The Annalistic Article of 6523 and His Source. The Essay of Analysis]. Moscow, Izd. AN SSSR, 1957. 210 p.

23. Dindorfii L., ed. *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonnae, imp. Ed. Weberi, 1831. LXXVII, 799 p.

24. Thurn H., ed. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. Berlin, De Gruyter, 1973. LVI, 579 p.

25. Jakobson R. The Kernel of Comparative Slavic Literature. *Harvard Slavic Studies*, 1953, vol. 1, pp. 1-71.

26. Wortley J., Cheynet J.-Cl., Flusin B., eds. *John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History, 811–1057*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2010. XXXIV, 491 p.

27. Kalogeras N.M. *Byzantine Childhood Education and Its Social Role from the Sixth Century until the End of Iconoclasm*. Ann Arbor, Mich., Univ. of Chicago, Department of History, U MI Dissertation service, 2000. 285 p.

28. Karbusický V. *Báje, mýty, dějiny. Nejstarší české pověsti v kontextu evropské kultury*. Praha, Mladá Fronta, 1995. 312 p.

29. Ludvíkovský J., ed. *Legenda Christiani. Vita et Passio Sancti Wenceslai et Sancte Ludmily ave eius, Kristiánova Legenda. Život a Umučení Svatého Václava a jeho Báby Svaté Ludmily*. Praha, Vyšehrad, 1978. 164, [4] p., 16 p.

30. Leonis, Romanorum imp. *Tactica. Leonis, Romanorum imp. augusti, cognomine Sapientis, Opera*. Parisiis, Apud Garnies Flatres u.a., 1863, cols. 669–1093. (Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca*, vol. 107).

31. Lesyuchevskiy V.I. Vyšgorodskiy kult Boris a Gleba v pamyatnikakh iskusstva [Vyshhorod Cult of Boris and Gleb in Monuments of the Art]. *Sovetskaya archeologiya* [The Soviet Archaeology], 1946, vol. 8, pp. 225-247.

32. Martyn J.R.C., ed. *The Letters of Gregory the Great. In 3 vols. Vol. 2*. Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2004. X, 323–712 p.

33. Mavroudi M. *A Byzantine Book on Dream Interpretation, the Oneirocriticon of Achmet and Its Arabic Sources*. Leiden, E.J. Brill, 2002. XI, 524 p.

34. Reinsch D.R., ed. *Michaelis Pselli Chronographia. Bd. 1. Einleitung und Text*. Berlin, De Gruyter, 2014. XLIX, 540 p.

35. Kaldellis A., ed. *Michaeli Pselli Encomium to His Mother*. Kaldellis A., ed. *Mothers and Sons, Fathers and Daughters. The Byzantine Family of Michael Psellos*. Notre Dame, Ind., Univ. of Notre Dame Pr., 2006, pp. 51-109.

36. Moesch S. *Augustine and the Art of Ruling in the Carolingian Imperial Period. Political Dicourse*

in *Alcuin of York and Hincmar of Rheims*. London, Routledge, 2020. 245 p.

37. Kaldellis A. et al., eds. *Mothers and Sons, Fathers and Daughters. The Byzantine Family of Michael Psellos*. Notre Dame, Ind., Univ. of Notre Dame Pr., 2006. X, 210 p.

38. Perels E., ed. *Nicolai I. Papae Epistolae*. Dümmler E., ed. *Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum tomus VI, Karolini aevi IV*. Berlin, Apud Weidmannos, 1925, pp. 257-690.

39. Nicolai Papae I Epistolae et Decreta. Ordine Chronologico Digesta. *Nicolai I Pontificis Romani Epistolae et Decreta*. Parisiis, Apud Garnies Flatres u.a., 1880, cols. 769–1212. (Migne J. P., ed. *Patrologiae cursus completus. Ser. Latina*; vol. 119).

40. Nikoľskiy N.K. *Legenda mantuanskogo episkopa Gumpol'da o Sv. Vyacheslave Češskom v slavyano-russkom perelozhenii* [The Legend of Mantuan Bishop Gumbold about St. Vyacheslav Czech]. Saint Petersburg, Typ. M.A. Alexandrova, 1909. [2], LI, 99 p.

41. Nótári T. De Conversione Bulgarorum – On the Legal Background of the Conflict between Rome and Byzantium. *Zbornik Radova Pravnog fakulteta u Novom Sadu*, 2009, kn. 43, no. 1, pp. 445-461.

42. Nótári T. Some Remarks on the Responsa Nicolae Papae I, ad Consulta Bulgarorum. *Acta Universitatis Sapientiae, Legal Studies*, 2015, no. 4(1), pp. 47-63.

43. Miller D.J.D., Sarris P., eds. *The Novels of Justinian, a Complete Annotated English Translation. In 2 vols*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2018, vol. 1. XIII, 493 p.

44. Papaconstantinou A. Historiography, Hagiography and the Making of the Coptic “Church of the Martyrs” in Early Islamic Egypt. *Dumbarton Oaks Papers*, 2006, vol. 60, pp. 65-86.

45. Pekař J. Nejstarší kronika česká. Vnitřní kritika práce Kristiánovy. *Český časopis historický*, 1902, vol. 8, pp. 385-481.

46. Pekař J. Svatý Václav. Chaloupecký V., ed. *Svatováclavský sborník. Na památku 1000. Výročí smrti knížete Václava Svatého. Díl. 1, Kníže Václav Svatý a jeho doba*. Praha, Národní výbor pro oslavu svatováclavského tisíciletí, 1934, pp. 9-101.

47. Laourdos B., Westerink L.G., eds. *Photii Epistulae et Amphilochia. In 6 vols. Vol. 1. Epistolarum pars prima*. Leipzig, B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1983. XXVI, 197 p.

48. Photii, patr. *Const. Epistolarum Liber Tres. Photii, Const. patr., Opera omnia*. Parisiis, Apud Garnies Flatres u.a., 1900, col. 585–990(998). (Migne J.-P., ed. *Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca*; vol. 102).

49. The Responses of Pope Nicholas I to the Questions of the Bulgars, A.D. 866 (Letter 99). North W.L., ed. *Medieval Sourcebook*. URL: <https://>

sourcebooks.fordham.edu/basis/866nicholas-bulgar.asp (accessed 1 October 2022).

50. Rogov A.I. Slovanské legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi. *Staroslověnské Legendy českého původu*. Praha, Vyšehrad, 1976, pp. 11-53.

51. Saggau E.H. The Byzantine Influence on Early Slavic Passion-Bearing Saints. *Hiperboreea*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 184-203.

52. Santo M., dal. Gregory the Great, the Empire and the Emperor. Neil B., Santo M., dal, eds. *A Companion to Gregory the Great*. Leiden, E.J. Brill, 2013, pp. 57-81.

53. Speck P. *Die Kaiserliche Universität von Konstantinopel. Präzisierungen zur Frage des höheren Schulwesens in Byzanz im 9. and 10. Jahrhundert*. München, Beck, 1974. XII, 120 S.

54. Spinka M.A. *History of Christianity in the Balkans. A Study in the Spread of Byzantine Culture among the Slavs*. Chicago, American Society of Church History, 1933. III, 202 p.

55. Spinka M., Downey G. *Chronicle of John Malalas, Books VIII–XVIII*. Chicago, University of Chicago, 1940. VI, 150 p.

56. Stejskal F. *Svatý Václav. Jeho život a úcta*. Praha, Dědictví Sv. Jana Nepomuckého, 1925. III, 246 p.

57. Chaloupecký V. et al., eds. *Svatováclavský sborník. Na památku 1000. Výročí smrti knížete*

Václava Svatého. Díl. 2, sv. 2. Prameny X. století. Legendy křesťanovy o svatém Václavu a svaté Ludmile. Praha, Vyd. Národní výbor pro oslavu svatováclavského tisíciletí, 1939. 638 p.

58. Todorov B.A. Coercion and Reconciliation. The Roman Mission of 866/7 and the Internal Conflicts in Bulgaria. Stepanov T., Kazakov G., eds. *Medieval Christianitas, Different Regions, "Faces", Approaches*. Sofia, Mediaevalia Christiana, 2010, vol. 3, pp. 181-202.

59. Turek R. Kosmas a český pravěk. *Časopis Musea Království českého*. Praha, Národní Muzeum, 1947, díl. 116, pp. 38-57.

60. Chaloupecký V. *Na úsvitu křesťanství, z naší literární tvorby doby románské v století IX–XIII*. Praha, Evropský literární klub, 1942. 292, [9] p.

61. Konzal V., ed. *Čtyřic et Homilií Řehoře Velikého na evangelia: v českocírkevněslovanském překladau*. Díl 1. Praha, Slovanský ústav AV, ČR, Euroslavica, 2005. VI, 681 p.

62. Konzal V., ed. *Čtyřic et Homilií Řehoře Velikého na evangelia: v českocírkevněslovanském překladau*. Díl 2. Praha, Slovanský ústav AV, ČR; Euroslavica, 2006. XL, 684–1387, [53] p.

63. Urbánek R. *Legenda tak zvaná Kristiána ve vývoji předhusitských legend Ludmilských i Václavských a její autor*. Díl 1, část. 3. Praha, Nákladem české akademie věd a umění, 1947. 216 p.

Information About the Author

Václav Ježek, Senior Lecturer in Byzantine Theology and History, Faculty of Orthodox Theology, University of Prešov, Masarykova St, 15, 08101 Prešov, Slovakia, vaclavjezek111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9521-7963>

Информация об авторе

Вацлав Йежек, старший лектор по византийскому богословию и истории, Факультет православного богословия, Прешовский университет, ул. Масарикова, 15, 08101 г. Прешов, Словакия, vaclavjezek111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9521-7963>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.15>

UDC 27-242
LBC 86.37-21

Submitted: 01.07.2021
Accepted: 08.11.2021

THE ORDER OF THE BOOKS IN SOLOMON'S TRIPARTITE ACCORDING TO EARLY CHRISTIAN, EARLY BYZANTINE AND MEDIEVAL ARMENIAN INTERPRETERS

Manea Erna S. Shirinian

Matenadaran – Research Institute of Ancient Manuscripts named after M. Mashtots,
Yerevan, Armenia

Abstract. *Introduction.* Traditionally, several books of the OT are ascribed to King Solomon, but, according to Jewish tradition, he wrote only three biblical books, viz.: Proverbs, Ecclesiastes and Song of Songs. According to early Christian, early Byzantine and medieval Armenian interpreters, this order of books in the Solomon trilogy is not accidental. Although in the Christian tradition, this order of books has been attested already from the first centuries, nevertheless, today there are discrepancies and not only about the order of the books in question. Each of these books brings forth a certain semantic and symbolic meaning. They are connected with each other, being, as they were, “steps of the stairs” on the way to knowledge, not to mention the fact that each of these books occupies its worthy place in the treasury of human thought. *Methods and materials.* These circumstances make the appeal to questions related to Solomon’s tripartite, which are worthy of research using a method of a comparative analysis of various sources. Such a conviction is supported by new data concerning the issues under discussion provided by Armenian sources. Among these testimonies an important role will be assigned to the use of unpublished yet manuscripts on the topic. A special place is occupied by the codex, which contains an Armenian medieval isagogical collection of the late 12th – early 13th centuries. *Analysis.* It was compiled by the abbot of the Sanahin monastery Grigor, son of Abas, and is known under the provisional name Book of Causes. The full title of the book is attested only in one manuscript – the most important and earliest from all that have reached us, stored in the Mashtots’ Matenadaran under the number 1879. This medieval textbook includes isagogical questions or prolegomena (presented in Armenian manuscripts under different names, mainly “cause”, “beginning” – hence the Book of Causes) to the all canonical books of the Bible and to the so-called “subtle” writings. The “subtle writings” are certain works that include the writings of both “external” (in relation to Christianity) as well Christian (mainly – “church fathers”) authors. Being of a philosophical and religious character they serve sort of a connecting link, and not only between the OT and the NT. The “subtle writings” were irreplaceable when using philosophical ideas to prove or refute one or another dogmatic position or postulate. As far as can be judged today, this title of certain works has survived only in Armenian; there is no doubt, however, that it had its prototype, at least in the Greek tradition. From the above it follows that the Book of Causes is significant also by the fact that it contains mainly Armenian translations of the introductions to the Bible commentaries of the Church Fathers. Along with them, the Armenian original prolegomena to interpretations are presented here as well. In this manual, there are several prolegomena related to Solomon’s trilogy. *Results.* These chapters not only confirm the data of early Christian and early Byzantine authors, but also provide some interesting evidence that has not come down to us from other sources (as far as I know). I hope that suggested here analysis of Armenian sources, especially the testimonies from the unpublished isagogical textbook called the Book of Causes will contribute to the international knowledge concerning the discussed questions.

Key words: the order of the books in Solomon’s tripartite, early Christian and early Byzantine authors, medieval Armenian exegesis, the Book of Causes, prolegomena.

Citation. Shirinian M.E.S. The Order of the Books in Solomon’s Tripartite According to Early Christian, Early Byzantine and Medieval Armenian Interpreters. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 237-254. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.15>

**ПОРЯДОК КНИГ СОЛОМОНОВОЙ ТРИПАРТИТЫ
СОГЛАСНО РАННЕХРИСТИАНСКИМ, РАННЕВИЗАНТИЙСКИМ
И СРЕДНЕВЕКОВЫМ АРМЯНСКИМ ТОЛКОВАТЕЛЯМ****Манеа Эрна Сергеевна Ширинян**Матенадаран – Научно-исследовательский институт древних рукописей им. М. Маштоца,
г. Ереван, Армения

Аннотация. *Введение.* Среди книг Ветхого Завета, приписываемых царю Соломону, особняком стоят три: Притчи, Екклесиаст и Песнь Песней. Согласно раннехристианским, ранневизантийским и средневековым армянским интерпретаторам, такой порядок в трилогии Соломона неслучаен. Несмотря на то что в христианской традиции он засвидетельствован уже с первых веков, сегодня встречаются разночтения – и не только по поводу порядка названных книг. Каждая из этих книг несет определенную смысловую и символическую нагрузку; они связаны друг с другом, являясь как бы «ступенями лестницы» на пути к познанию, не говоря уже о том, что каждая из этих книг занимает свое достойное место в сокровищнице человеческой мысли. *Методы и материалы.* Эти обстоятельства делают обращение к вопросам, связанным с трипартитой Соломона, актуальным. Подобное убеждение подкрепляется и новыми фактами, предоставляемыми армянскими источниками. Среди этих свидетельств особое место занимает пока еще неопубликованный средневековый древнеармянский сборник по исагогике конца XII – начала XIII века. *Анализ.* Он был составлен настоятелем монастыря Санаин Григором, сыном Абаса, и известен под условным названием Книга причин. Полное наименование труда засвидетельствовано только в одной рукописи – самой важной и ранней из всех дошедших до нас, хранящейся в Матенадаране им. М. Маштоца под номером 1879. Это заглавие дает ответы, но в то же время ставит много вопросов. Фактически здесь мы имеем дело со средневековым пособием, включающим исагогические вопросы, или пролегомены, ко всем каноническим книгам Священного Писания и так называемым тонким письменам. Эти пролегомены были необходимы до толкования или объяснения текстов; они представлены в армянских рукописях под разными названиями, в основном «причина», «начало» – отсюда и Книга причин. «Тонкие письмена» – это определенные произведения, включающие сочинения как «внешних» (по отношению к христианству), так и христианских (в основном отцов и учителей церкви) авторов. Они имеют философско-религиозный характер и являются как бы связующим звеном – и не только между ВЗ и НЗ. «Тонкие письмена» были незаменимы при использовании философских идей для доказательства или опровержения того или иного догматического положения, постулата. Насколько можно судить сегодня, это название определенных произведений сохранилось только на армянском языке; несомненно, однако, что оно имело свой прототип, по крайней мере в греческой традиции. *Результаты.* Из вышесказанного следует, что Книга причин значима и тем, что она содержит в основном армянские переводы введений к комментариям Библии отцов церкви; наряду с ними здесь представлены и армянские оригинальные пролегомены к толкованиям. В этом пособии насчитывается несколько пролегомен, относящихся к рассматриваемой в статье трилогии Соломона. Эти главы не только подтверждают данные раннехристианских и ранневизантийских авторов, но и сообщают некоторые интересные сведения, не дошедшие до нас в других источниках (насколько это известно мне). Думается, что предложенный здесь анализ армянских источников, особенно свидетельств из неопубликованного исагогического учебника под названием Книга причин, может внести определенный вклад в дело исследования обсуждаемых вопросов.

Ключевые слова: порядок книг Соломоновой трипартиты, раннехристианские и ранневизантийские авторы, средневековая армянская экзегеза, Книга причин, пролегомены.

Цитирование. Ширинян М. Э. С. Порядок книг Соломоновой трипартиты согласно раннехристианским, ранневизантийским и средневековым армянским толкователям // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 237–254. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.15>

Введение. *Притчи, Екклесиаст, Песнь Песней*, приписываемые авторству царя Соломона и входящие в так называемую Соломонову трипартиту, в таком порядке не только отображают ветхозаветный канон книг, но и имеют определенную смысловую и символическую нагрузку, причем не одну. Эти книги объединены в трилогию не только из-за их авторства, но и ввиду того, что они являют как бы суть древней израильской мудрости. В Ветхом Завете Соломон представлен как мудрейший из людей древних времен. Достаточно привести отрывок из 3 Царств 4:32–34, где превозносится ученость и мудрость Соломона и он предстает не только как сочинитель пословиц и песен, но и как автор энциклопедических сочинений о растениях, животных, птицах, рептилиях и рыбах. Каждая из трех перечисленных книг начинается с утверждающей атрибуции Соломону. *Притчи* начинаются: «*Притчи Соломона, сына Давида, царя Израиля*». *Екклесиаст* открывается словами: «Учителя, сына Давида, царя Иерусалима», а третья книга начинается со слов: «*Песнь Песней* принадлежит Соломону». По еврейской традиции ему приписываются только эти библейские книги, но традиционно царь Соломон считается и автором книг «Премудрость Соломона» (неканоническая для одних и второканоническая для других церквей) и апокрифических сочинений «Псалмы Соломона» и «Оды Соломона».

Комментарии на указанные три книги или отдельно на каждую из них имеются у многих раннехристианских и ранневизантийских авторов, таких как Ориген, Ипполит Римский, Исидор Пелусиот, Иероним, Амвросий Медиоланский, Афанасий, Григорий Нисский, Епифаний Кипрский, Киприан Карфагенский, Феодорит Кирский, Кирилл Александрийский, Иоанн Дамаскин и др. Все они, интерпретируя три книги Соломона в рамках традиции христианской экзегезы, считают их каноническими и полезнейшими для христианского учения. Однако среди христианских авторов были и подвергнувшие сомнению каноничность некоторых из них: например, Феодор Мопсуестийский, толковавший *Песнь Песней* в буквальном смысле, то есть как любовную песню, был против ее включения в состав Писания.

Многие из этих комментариев дошли до нас в отрывках или в переводе, есть и

утраченные толкования, как, например, труд Киприана Карфагенского. Наиболее полными являются комментарии Григория Нисского и Феодорита Кирского. Эти два толкования имеют общий источник – труд Оригена, но они кардинально различны, ибо один из них выполнен представителем Александрийской школы, а значит, в нем преобладает аллегоризм, другое же толкование намного менее философично, ибо Феодорит, следовавший методу буквального понимания Библии, характерной для Антиохийской школы, мог себе позволить лишь перенять оригеновский иносказательный метод.

Ориген, собственно, был первым христианским толкователем, объединившим исследуемые книги Соломона в трилогию. Возможно, в этом он следовал иудейской традиции, но несомненно то, что он привнес много аллегоризма, символизма и мистицизма в интерпретацию этой трипартиты.

Почти все перечисленные авторы подчеркивают в своих трудах глубокое символическое значение числа три: деление души на три части (Платоновская трехчастность души и Аристотелевская теория о трех видах души), трехчастная структура земной скинии (земля, море и небо), три времени (прошлое, настоящее и будущее), три возраста жизни (младенчество, юность и старость), три формы богопознания («простые» верующие, «продвинутое» и «совершенные», или «телесные», «душевные» и «духовные» христиане [3, с. 12, 22]), три ступени учения, или трехчастное деление философии (ифика, физика и логика), три смысла Писания, три рода знания, три ступени христианского совершенства, три группы верующих и т. д. Трехчастное деление более всего было присуще первому христианскому экзегету Оригену, что хорошо охарактеризовано О.Е. Нестеровой:

«В своих собственных теоретических построениях он отдавал предпочтение трехчленным конструкциям, что для него существенно облегчало задачу приведения к общему знаменателю конкретных моделей с подобной структурой. При этом в качестве материнской парадигмы, задающей характер элементов, не просто объединенных в триады, но подчиняющихся определенному иерархическому порядку, у него выступала последовательность:

тело – душа – дух (или: телесное – душевное – духовное)»¹ [3, с. 21].

Сегодня, однако, трилогия Соломона часто трактуется иначе даже некоторыми христианами комментаторами. Целью данной статьи является обсудить ранние толкования книг Соломона и показать, что они имеют рецепцию и в других традициях, не только подтверждающую ее, но и предоставляющую новые сведения. В основном это армянские источники – как переводные, так и оригинальные.

Методы. Достичь этой цели в первую очередь поможет компаративное сличение греческих и армянских источников, касающихся обсуждаемых вопросов, с использованием историко-литературного критического метода. Вследствие того, что в рамках одной статьи невозможно объять данные всех источников, обращение к ним будет выборочным. Немаловажную роль сыграет и использование неопубликованного рукописного материала по теме. В частности, в армянских рукописях сохранилось средневековое пособие по исагогике, известное под условным названием *Книга причин*². Самая древняя и важная из дошедших до нас рукописей этого произведения хранится в Матенадаране им. М. Маштоца под номером 1879. Полное наименование труда засвидетельствовано только в этой рукописи: «Պիտւոճաթ լալիս եւ նորր գրեալնց, առեալ ի Հարցն սրբոց եւ ի վարդապետաց, եւ ի սի հաւաքեալ, եւ հոգագեալ մեծ րարմնապետին Գրիգորի՝ արդիւնի Արաւսի» [35, р. 3ա] («Причины “широких” и “тонких” писем, взятых из (произведений. – Э. М. Ш.) св. отцов и вардапетов (докторов. – Э. М. Ш.), собранных вместе и обработанных (отредактированных. – Э. М. Ш.) усердием великого рабунапета (учителя. – Э. М. Ш.) Григория, сына Абаса»). Длинное, но весьма ценное название предоставляет обширный материал для осмысления содержания, жанра, авторства и редактирования источников, которые будут проанализированы ниже. Рукопись содержит три пространные пролегомены, касающиеся трилогии Соломона, причем некоторые сведения отсутствуют в греческих или латинских источниках (насколько это известно мне). Например, история о спасении трех книг Соломона, сравнение их со ступеньками

лестницы. Данные по исследуемым вопросам, связанным с этой трипартитой, публикуются здесь впервые.

Анализ. *Раннехристианские и ранневизантийские авторы о трилогии Соломона.* Многие из указанных выше значений числа три отображены в комментариях к трилогии Соломона, порядок книг в которой, как было отмечено, неслучаен. Об этом в первую очередь свидетельствуют высказывания Оригена в его пространном (состоявшем из десяти книг) толковании на *Песнь Песней* (245–247 гг.) и в гомилиях на эту же книгу (239–242 гг.). От его первого труда до нас дошла лишь половина, и то в переводе на латинский, выполненном Руфином в начале V в.; его гомилии сохранились и в латинском переводе, осуществленном Иеронимом Стридонским (383 г.) [7, с. 6–50]. Вряд ли случайно, что объяснения по поводу интересующих нас вопросов о трех книгах Соломона и их особенностях даны именно в комментариях на *Песнь Песней*. Эта книга, являющаяся третьей по счету в трипартите и остающаяся одним из наиболее мистических произведений в христианской традиции, требует высшей степени аллегорической интерпретации, чтобы иметь место в христианской Библии. Согласно Оригену, *Песнь Песней* не может быть предназначена для молодых и нечистых душ. В своем «Прологе» к этому труду Ориген останавливается на значении и месте *Песни Песней* в трилогии Соломона и, анализируя ее символику, употребляет в основном троичные формулы. Например, разбирая порядок Соломоновых книг, Ориген сравнивает их с тремя возрастами человека: *Притчи* – младенчество, *Екклесиаст* – юность и *Песнь Песней* – старость. Это сравнение станет общим местом для последующих толкователей и с небольшими корректировками (*Притчи* – для юного возраста, *Екклесиаст* – для зрелого возраста, *Песнь Песней* – для совершенного и преклонного возраста) почти все комментаторы трилогии будут повторять ее. Причем представленная здесь возрастная символика связывается и с возрастом автора этих книг, то есть *Притчи*, имеющие обучающий характер, были написаны Соломоном в молодости, *Екклесиаст*, полный мудрого созерцания и разочарований – в зрелости, а *Песнь Песней* – в старческом возрасте³. О такой символике три-

логии говорят и другие комментаторы. Исидор Пелусиот, например, в одном из своих писем, посвященном этим трем книгам, пишет:

«Поскольку желал ты знать о порядке трех Соломоновых книг, то знай, что одна учит нравственной добродетели, другая показывает суетность труда увлекающихся житейским, а последняя – любовь к Божественному в душе, обученной сказанному выше. Посему и расположены книги сии одна на первом, другая на втором и последняя на третьем месте. Кто, став учеником приточника, преуспел в нравственности, тот, приступая к *Песни Песней*, не поползнется уже в любовь плотскую и обычную, но воспарит к Пречистому и Божественному Жениху, Который соделывает блаженными уязвленных к Нему любовью. Посему советую молодым людям касаться третьего писания не прежде, чем преуспев уже в двух первых. Ибо и по таинственным уставам непристойно, лучше же сказать, безрассудно проникать во святилища недостойным еще и преддверий. Как в ветхозаветном храме внешний двор доступен был всем, а внутреннее Святое, окруженное преградами и доступное некоторым, недоступно было неосвященным и нечистым, во внутренность же Святого и во Святая Святых не дозволялось входить даже имевшим безукоризненную жизнь, кроме одного архиерея, как освятившего себя на это и сложившего с себя всякую смертную скверну, так и молодым людям надлежит вести себя и в отношении сих книг. Сперва им надлежит украсить доблестью нравов и тогда уже касаться недоступного многим. Ибо если те, которые должны оставаться вне ограды, не будучи посвящены, безрассудно с усилием приступят к божественному тайнодействию, то понесут крайнее наказание» [6, 2–3].

Григорий Нисский, обращаясь к этому же вопросу в своем толковании на *Песнь Песней* и отмечая, что, подобно телесной, духовная жизнь тоже имеет свой возраст и что каждому из них соответствуют разные виды деятельности, «потому что младенец не занимается делами совершенных и совершенного не берет к себе на руки кормилица», связывает все сказанное с книгами Соломона следующим образом:

«Как в жизни по плоти не всякий возраст вмещает все естественные деятельности и при самых разностях возрастов не одинаково

проходит у нас жизнь, но всякому времени возраста полезно и сообразно что-либо свое: так и в душе можно видеть некоторое сходство с телесными возрастами, по которым разыскиваются некоторый порядок и последовательность, руководящие человека к жизни добродетельной. Посему-то иначе обучает Притча, и иначе беседует Екклесиаст, любомудрие же Песни песней высокими учениями превосходит и Притчи, и Екклесиаста. Ибо учение, преподаваемое в Притчах, обращает речь еще к младенчеству, соразмерно с возрастом соображая слова» [1, 1:1–1, ср. 18, XXI].

Пожалуй, самой характерной символикой как для Оригена, так и для последующих авторов является сравнение, а зачастую даже противопоставление «телесного» (или «плотского»), душевного и «духовного». Прежде всего, это отражено в знаменитой оригеновской концепции о трех смыслах Писания:

«Таким образом, как человек состоит из тела, души и духа, точно так же и Писание, данное Богом для спасения людей, состоит из тела, души и духа» [4, 4.2.11; 23, IV.2.4].

Ясно, что здесь отображено толкование на группу стихов посланий апостола Павла к Коринфянам, где обсуждаются вопросы о «плотских», «душевных» и «духовных» телах, и кажется, что наиболее четкое толкование об этих реалиях находим у Исидора Пелусиота. Обращаясь к стихам 1 Кор. 2:14–14, он пишет следующее:

«**Духовными**, премудрый, называет Апостол Павел украшенных духовным дарованием и не только восшедших выше естества, но и при помощи веры переступивших естественную последовательность умозаключений. Из числа таковых был и сам св. Павел, и те, которым он писал: вы несте во плоти, но в душе, понеже Дух Божий живет в вас (Рим. 8:9). **Душевыми** же, о которых написано: душевни, духа не имуще (Иуд. 1:19), – называет он тех, которые опираются больше на умствования, умозаключения и разглагольствования и через них думают найти то, что справедливо и полезно. Таковы еллинские мудрецы.

А **плотскими** Апостол именует препобыденных плотскими страстями, называя их так по тому, что в них более сильно. Таковы все законопреступные, нечистые, неистовствующие от похотливости. Если и духовный

имеет тело и душу, и душевный имеет тело, и плотской имеет душу, то каждый называется по тому, что в нем преобладает. Как тело, хотя содержит в себе и другие стихии, но именуется земным, потому что в большей мере содержит в себе землю, так и в них превозмогло имя, взятое от преобладающего» [5, 1–2].

«Плотское», «душевное» и «духовное» занимает особое место и у Григория Нисского, который зачастую привносит свои параллели. Так, в «Жизни Моисея» на примере самого пророка он говорит о трех стадиях духовного восхождения от невежества (1) к духовному озарению (2) и, наконец, к вершине мистического созерцания и соединения с непостижимым Богом (3) [33, р. 522, ср. 18, XXXIV–XXXV]. Обращение и противопоставление плотского и духовного в Прологе к *Песни Песней* тоже достойно особого внимания, ибо «плотское» здесь символизирует буквальный метод толкования – как мне кажется, Антиохийскую школу, а «духовное» – иносказательный, то есть Александрийскую школу⁴.

С присущей ему склонностью к трихотомии Ориген предлагает еще один триптих, соответствие трилогии Соломоновых произведений трем каноническим частям философии: *Притчи* – этике, *Екклесиаст* – физике, а *Песнь Песней* – эпоптике (метафизике) [13, prol. ch. 3.1.]. Позже эту же мысль повторяют Иероним Стридонский и Амвросий Медиоланский. Последний даже говорит об этом не единожды, например:

«Все Божественные Писания суть либо физические, либо мистические, либо моральные: физические в Бытии, где излагается, как были сотворены небо, моря и земли и каким образом был устроен сей мир: мистические в Левите, где описывается таинство священнического служения; моральные во Второзаконии, где человека научают жить по заповеди Закона»⁵.

Я. Мансфельд, анализируя именно это место из толкования Оригена к *Песни Песней*, говорит о наличии в нем так называемой исагогической схемы, употребляемой позднееоплатоническими комментаторами Аристотеля [21, р. 10; 22, р. 113; 32]. Он справедливо отмечает, что это четкое отображение одного из вопросов, компонентов, составляющих исагогическую схему, а именно очередности (*τάξις* или *ordo lecturae*) [21, р. 13]. Более того, уче-

ный отмечает наличие и других исагогических вопросов, обнаруженных независимо друг от друга Б. Нойшафером и И. Адо в этом же толковании. В этих вопросах анализируются: цель (ὁ σκοπός) или причина (ἡ αἰτία) написания данного труда; предназначение (то есть какому читателю адресуется он); порядок (*τάξις* или *ordo lecturae*), то есть в какой очередности расположен материал); название (ἡ αἰτία τῆς ἐπιγραφῆς, *attitulatio*), то есть причина, объяснение данного заглавия [21, р. 11–12].

Будучи первым христианским экзегетом, создавшим мощнейшую «кухню», в которой были задействованы всевозможные инструменты для приготовления вкуснейшего лакомства под названием экзегетический метод Оригена, или первая библейская критика, он фактически стал первым и в приспособлении исагогической схемы к Писанию. К этим инструментам можно отнести создание синоптических сводов текстов Ветхого Завета (*Экзапла*, *Тетрапла* и т. д.), использование в них засвидетельствованных до него текстов и переводов, еврейский текст без огласовки и с огласовкой (то есть в греческой транслитерации), применение редакторского аппарата (возможно, являющегося прототипом современного критического аппарата), употребление небуквенных символов, таких как обел и астериск, введенных в оборот древнегреческими александрийскими филологами – Зенотом Эфесским и, соответственно, Аристофаном Византийским. Здесь просматривается и огромное влияние Александрийской первой школы, благодаря которой филология стала наукой и текстологии начали уделять огромное внимание.

Возвращаясь к исагогической схеме, следует сказать, что она состояла из пролегомен, или вводных текстов, глав, предвещающих экзегезу; возможно, их можно назвать даже паратекстами. Они имели пропедевтический характер и касались вопросов авторства, датировки, причин (цели) написания, предназначения, пользы, места написания и места расположения (очередности), названия, подлинности, языка и стиля, источников и т. д. Часто они затрагивали и проблемы канона, литературного единства и взаимоотношений священных текстов. Интересно, что специалисты обычно говорят лишь об Оригене и Прокле как о христианских авторах, использующих

такую исагогическую систему. Однако есть сведения, доказывающие, что этой схемой пользовались многие другие христианские авторы и что она часто встречается в библейской экзегезе. Такой материал предоставляют нам армянские источники ⁶.

Армянские толкователи. В армянской традиции существуют как переводные (полные или фрагментарные) комментарии к рассматриваемой трилогии Соломона: к *Песни Песней* Ипполита [41, р. 334ш–341р], Оригена [38, р. 350ш–365р] ⁷, Григория Нисского [37, р. 1ш–240р], толкование на книгу Екклесиаст Григория Нисского [36, р. 1ш–40р], так и оригинальные толкования этих книг: Григора Нарекаци (X в.), Нерсеса Ламбронаци (XII в.), Вардана Аревелци (XIII в.), Григора Татеваци (XIV–XV вв.), Хачатура Эрзрумци (XVII–XVIII вв.), Ованнеса Вардапета (XVII–XVIII вв.), Акоба Карнеци Симоняна (XVIII в.), (Петроса арх. Бердумяна (XVIII в.), Абраама Константинопольского (XVIII в.) и др. Многие из перечисленных авторов (например, Нерсес Ламбронаци, Вардан Аревелци, Григор Татеваци) имеют толкования ко всем трем сочинениям Соломона. Во всех этих комментариях в основном прослеживается традиция, восходящая к Оригену, Ипполиту и Григорию Нисскому; все они, не противореча, взаимодополняют друг друга. Большой интерес представляет комментарий на *Песнь Песней* Григора Нарекаци, следующего в основном интерпретации указанных выше авторов, но в то же время привносящего свое особое, порой слишком мистическое для понимания, толкование. Прежде чем приступить к самому тексту, он в духе лучших традиций экзегетов предваряет его прооимием, в котором разбирает пропедевтические вопросы, связанные не только с *Песнью Песней*, но и со всей трилогией ⁸.

Касательно толкования *Песни Песней* следует отметить, что в христианской традиции первым комментатором на эту книгу является Ипполит Римский (ок. 170 – ок. 235 гг.), ставший впоследствии одним из первых антипап. Сохранившийся только в трех главах оригинал этого толкования, в числе нескольких других трудов «блаженного Ипполита из Бостры» (как он обычно называется в армянских источниках), был переведен на армянский. По-

следний был утерян и дошел до нас вместе с греческими, сирийскими и славянскими текстами (в палеославянском флорилегиуме) в нескольких фрагментах. Однако именно с древнеармянского текста был выполнен грузинский дословный перевод, который сегодня является наиболее полным вариантом этого толкования; эта версия сохранилась в составе Шатбердского сборника IX в. [2, с. 88–114; 17, р. 32–70]. Есть и другая, краткая армянская версия, известная уже в XIII в. [41, р. 334ш–341р], но более распространенная в поздних рукописях. Интересно отметить, что комментарий Нерсеса Ламбронаци на *Песнь Песней* является продолжением армянского перевода Ипполита Бострийского [2, с. 91]. К сожалению, эта тема не изучена основательно и делать более конкретные логические выкладки пока невозможно.

Что касается существующих в армянской рукописной традиции исагогических глав, необходимых для изучения до толкования, они чаще всего назывались «причиной» (սլովանք, αίτια – отсюда и *Книга причин*) или «началом» (սկզբն, ἀρχή). Встречающиеся как отдельно, так и в собраниях, они представлены в армянских рукописях и под другими названиями ⁹. Насколько можно судить сегодня, некоторые из этих технических терминов сохранились в основном в армянской традиции; несомненно, однако, что они имели свои прототипы и в других христианских книжностях, по крайней мере в греческой. Заметим, что «причина» и «начало» являются важными техническими терминами, широко употребляемыми Александрийской школой и особенно Оригеном. Многие из них представляют собой армянские переводы пролегомен авторов, таких как Ориген, Афанасий, каппадокийские отцы, Ефрем Сирий, Иоанн Златоуст, Евагрий Понтийский и других, заложивших фундамент византийских теологии, философии, толкования и многих других важных дисциплин. Оригинальные же пролегомены на армянском были составлены в основном к XII в. такими армянскими авторами, как Давид Кобайреци, Мхитар Гош, Саргис Кунд и др.

К тому же кажется, что к александрийскому наследию восходит и весьма распространенный в средневековой армянской действительности особый вид толкования, известный

под термином « $\lambda\upsilon\sigma\iota\varsigma$ » (λύσις), буквально – «решение», имеющий смысл экзегетического разрешения того или иного вопроса. Армянские источники не дают никаких объяснений, чем они отличаются от классического вида комментария; можно лишь предположить, что так обозначались небольшие толкования, имеющие дело с какими-то частными вопросами или даже вопросом. Интересно, что эти экзегетические разрешения могут встречаться и вместе с «причинами». Например, кроме уже упомянутых толкований книг *Екклесиаст* и *Песнь Песней* Григория Нисского, засвидетельствованы и «разрешения» на них, представленные вместе с «причинами»: Պատճառք եւ լուծմունք Բանք ժողովողի գրոց Գրիգորի Նիսիացւոյ [34, р. 19ш–21ш], то есть «Причины и разрешения к Словам на Екклесиаст Григория Нисского» и Պատճառք եւ լուծմունք Երգ Էրզնգ գրոց Գրիգորի Նիսիացւոյ [43, р. 21ш–28ш], то есть «Его же, Григория Нисского, причины и разрешения на *Песнь Песней*». Причем в данной рукописи они объединены в одну группу под общим названием «Պատճառք եւ լուծմունք գրոցն Գրիգորի Նիսիացւոյ» [44, р. 9ш–51р], то есть «Причины и разрешения трудов Григория Нисского».

Книга причин. Для изучения пролегомен особую ценность представляет уже упомянутая *Книга причин*, которая, как было уже отмечено, является средневековым древнеармянским сборником по исагогике, дошедшим до нас с длинным названием, гласящим: «Причины “широких” и “тонких” писем, взятых из (произведений. – Э. М. Ш.) св. отцов и вардапетов (докторов. – Э. М. Ш.), собранных вместе и обработанных (отредактированных. – Э. М. Ш.) усердием великого рабунапета (учителя. – Э. М. Ш.) Григория, сына Абаса». Это заглавие дает ответы, но в то же время поднимает много вопросов. Во-первых, оно указывает на жанр книги и ее содержание – исагогический, ибо она включает «причины», то есть вводные вопросы, или пролегомены, ко всем каноническим книгам Священного Писания и так называемым «тонким» письмам. Во-вторых, заглавие сообщает, что сборник разделен на две части и состоит из «широких» и «тонких» писем, где под «широкими» надо понимать ветхозаветные книги. «Тонкие письма»¹⁰ – это определенные произведения,

включающие сочинения как «внешних» (по отношению к христианству), так и христианских авторов (в основном отцов и учителей церкви). По моему мнению, эти «письмена» имеют философско-религиозный характер и являются как бы связующим звеном между ВЗ и НЗ. «Тонкие письма» были незаменимы при использовании философских идей для доказательства или опровержения того или иного догматического положения, постулата. В-третьих, здесь отмечены источники данного труда: «взятые из трудов св. отцов и вардапетов». В-четвертых, определяется и вопрос авторства, скорее, редактирования этого произведения, откуда становится понятным, что Григор Абасян – не автор сочинения, а редактор, который усердно собрал и «позаботился», то есть отредактировал их. В-пятых, выражение «великий рабунапет» свидетельствует о том, что Григор, сын Абаса, был наставником, следовательно, и отредактированная им книга была учебным пособием. Впрочем, последнее обстоятельство очевидно уже из характера книги – исагогические вопросы или пролегомены писались в основном для обучения студентов и читались прежде чем приступить к комментариям. Кроме того, эти умозаключения подтверждены и историческими сведениями, доказывающими, что *Книга причин* была учебником в средневековых университетах Гладзора и Татевы.

К вопросам же, требующим объяснения, надо отнести, прежде всего, расположение материала в обсуждаемой книге, состоящей фактически из трех частей: 1) сначала представлены пролегомены к ВТ; 2) затем – исагогические вопросы к «тонким письмам»; 3) и в конце представлены вводные главы к НТ. Хотя было оговорено, что «тонкие письма» являются как бы связующим звеном между ВЗ и НЗ, такое размещение материала, а именно отделение ВЗ от НЗ и вставка между ними другого материала по крайней мере кажется удивительным. Одно из объяснений этой последовательности материала – это сравнение с оригеновским трихотомным подходом к Библии, уже процитированным выше, согласно которому *Писание* состоит из тела, души и духа, чему и посвящена отдельная статья [50, Էջ 104–111]. В соответствии с этим три части *Книги причин* можно воспринять как «теле-

сую» – то есть пролегомены, касающиеся Ветхого Завета, «душевную» – то есть вводные главы к «тонким письменам» и «духовную» часть – то есть исагогические вопросы к Новому Завету. Можно, наверное, выразить мысль, что Ориген, как бы используя мысли апостола Павла «абсолютное подчинение плоти духовному началу», «жизнь по духу» (Рим. 8:1, 4–5, 8–9; 1 Кор. 2:12–3:4), понимает под этим именно абсолютное подчинение плоти, то есть Ветхого Завета, духовному началу – Новому Завету.

Такому же пониманию способствует и вышеприведенный отрывок Исидора из Письма к диакону Нилу. Толкуя группу стихов Апостола Павла к Коринфянам, он отмечает, что, по Апостолу, плотские – это те, «кто преоблажены плотскими страстями», «душевными называет он тех, которые опираются больше на умствования, умозаключения и разглагольствования и через них думают найти то, что справедливо и полезно. Таковы еллинские мудрецы», а «духовными... украшенных духовным дарованием и не только восшедшим выше естества, но и при помощи веры переступивших естественную последовательность умозаключений. Из числа таковых был и сам св. Павел» [5, 1–2].

Более того, кажется, что следующий отрывок из Пролога Григория Нисского тоже можно трактовать как объяснение размещения «тонких письмен» между ВЗ и НЗ:

«Посему, как необделанное произрастание составляет пищу скотов, а не людей; так иной может сказать, что составляют пищу скорее неразумных, нежели разумных людей и богодухновенные речения, не приуготовленные более тонким обозрением, и не только речения Ветхого Завета, но даже многие и в евангельском учении...» [1, Пролог, ср. 18].

Фраза «приуготовленные более тонким обозрением» фактически может быть отождествлена с «тонкими письменами» и говорит об их необходимости и роли.

Исагогическая схема в Книге причин.

В обсуждаемой книге четко бросается в глаза употребление проанализированной выше исагогической схемы, что свидетельствует о том, что отцы и учителя церкви, как и Ориген, широко пользовались исагогикой. К такому заключению можно прийти, если мы вспомним, что в основном пролегомены *Книги причин* –

переводные. Причем, следует заметить, что идентификация этих переводов часто очень трудна, ибо:

1. Есть «причины», являющиеся буквальным переводом введения или первой главы того или иного толкования.

2. Есть вводные главы, написанные к данному комментарию; в них, как было указано выше, обсуждаются исагогические вопросы.

3. Нередки случаи, когда присутствующая в книге исагогическая глава известна под другим названием¹¹.

4. Наличествуют случаи, когда текст, представленный в этом сборнике, не обнаруживается у указанного автора, и здесь, возможно, мы имеем дело с недошедшим до нас оригиналом¹².

5. Авторы многих исагогических глав неизвестны; они зачастую не поддаются идентификации.

К тому же в *Книге причин* налицо более широкий спектр исагогических вопросов по сравнению с теми, о которых говорилось при обсуждении толкования *Песни Песней* Оригеном. В *Книге причин* можно найти почти все основные исагогические вопросы, отмеченные исследователями, например: неясность, сомнительность аутентичности, пояснение / разъяснение неясных вопросов, подлинность труда, порядок исследования / изучения, расположение материала, тема, цель / намерение, причина написания, предмет, содержание, заглавие, полезность произведения [21, р. 241–243].

Разобрать здесь даже некоторые из этих пролегомен не представляется возможным в рамках статьи, а посему обратимся к исагогическим вопросам, которые присутствуют в относящихся к трилогии Соломона главах. В «Книге причин» насчитывается несколько таких пролегомен; они суть следующие: 1) fol. 55a–60b: «Начало и причина трех писаний Соломона, которые мы, собрав, поместили (адресовали) для «чад Церкви»¹³ (Սկիզբն եւ լաւաւան երիւ գրոցն Սողոմոնի, գոր ժողովեալ եղաք վասն մանկանց եկեղեցոյ); 2) fol. 60b–62b: «Начало и причина отдельно *Екклесиаста* Григория Нисского». (Սկիզբն եւ լաւաւան *Ժողովողին* գրոց առանձին Գրիգորի Նիւ[ացոյ]); 3) fol. 62b–65b: «Начало и причина третьего сочинения Соломона,

которое называется *Песнь Песней*» (Սկիզբն էլ պատճառ երրորդ գրոցն Սողոմոնի, որ կոչի *Երգոյ Երգ*).

Рассмотрим, что же выносится на обсуждение во вводных главах, отмечая по ходу наличие исагогической схемы в них. Автор первой из этих пролегомен неизвестен, и мне не удалось идентифицировать его; в ней сообщаются общие сведения о трех книгах, но больший акцент сделан на первой из них, ибо две последующие главы будут касаться 2-й и 3-й книг трилогии. Глава начинается сравнением Соломона с Иисусом Христом¹⁴, и отмечается, что он во всем походил на Господа нашего: и именем, и царством, и мудростью. Затем поочередно раскрываются эти три сличения, которые подкрепляются примерами из книг Писания; например, для первого случая говорится:

Անուամբն, զի Սողոմոնն «խաղաղութիւն» թարգմանի է ճշմարիտ խաղաղութիւն Քրիստոսու է¹⁵, որպէս աւեր աշակերտացն. «Զխաղաղութիւն զիմ տամ ձեզ, զխաղաղութիւն զիմ թողում ձեզ» (հմմտ. Հովհ. ԺԴ 27), զի էկն «արար խաղաղութիւն արեամբ խաչին իւրոյ (Շողոմ. Ա 20)» [35, թ. 55ա]. – Именем, ибо (имя. – Э. М. III.) Соломон переводится как «мир» и Христос есть истинный мир, как и говорил он ученикам: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоанн 14, 27), потому как он пришел, чтобы «умиротворить Кривию креста Его» (Колос. 1, 20).

После подробного сопоставления Иисуса с Соломоном как прообраза царствования и премудрости Христа автор пролегомен приступает к трилогии Соломона и сообщает интересную историю о сожжении Соломоном своих книг на костре, не засвидетельствованную в других источниках (насколько это известно мне). Сообщая, что мудрость Соломона была настолько велика, что он начал говорить со всеми животными и растениями от мала до велика и все это записал в своих многочисленных книгах, автор пролегомены продолжает:

«Но когда Соломон, сбившись с пути истинного из-за любви к женщинам и их лживых ласк, начав поклоняться сидонским идолам, опомнился, то посчитал себя недостойным написанных им книг. Он призвал к себе дворецкого и приказал ему принести все его книги, дабы сжечь их. Узнав об этом, дворецкий скрыл три книги, которыми ныне и располагает церковь Божья. Говорят, что, когда

огонь спалил книги, представилось чудесное видение: в жутком пламени, поднимающемся до небес, появился образ Соломона. Тогда фактически он второй раз сбился с пути, ибо самовольно сжег книги, дарованные ему благодатью Божьей, показав себя тем самым недостойным и думая, что это будет для него покаянием» [35, թ. 57ա–57բ].

В этой же главе обсуждаются интересующие нас исагогические вопросы относительно корпуса Соломона о «порядке» (τάξις), то есть какое сочинение Соломона следует читать в первую очередь, а которое – в последнюю и почему. Отмечено, что такой порядок связан с индивидуальной целью (σκολός) каждого произведения из этой триады:

Եւ արդ, իմանամք այսպէս. երիս զիրս գրեաց, վասն երից հասակաց մերոց՝ մանկութեան, երիտասարդութեան էլ ծերութեան: Եւ անուանեաց զմանկութեան զիրսն *Առակս*, էլ զերիտասարդութեան զիրսն՝ ունայնութիւն ունայնութեանց, էլ զծերութեան զիրսն կոչեաց *Էկէկղիստէս*, որ է *Երգ երգոց*, որ թարգմանի «արհնութիւն արհնութեանց» [35, թ. 57բ]. – Итак, должно нам знать следующее: он написал три книги в соответствии с нашими тремя возрастами: детство, юность и старость. *Притчи* он назвал книгой детства, а книгой юности – «суета сует», которая называется и *Екклесиаст*, а книгу старости – *Песнь Песней*, что переводится как «благословение благословений».

Подробно толкуются и объясняются вопросы, связанные с названиями (ή αἰτία τῆς ἐπιγραφῆς) этих трех произведений, причем на нескольких страницах приводятся разные «причины» заглавий этих трех книг [35, թ. 58ա–60բ]. Например, говоря о названии *Песни Песней*, автор сообщает и другие известные ему параметры по вопросу:

Եւ յայտ ի բանիցն է, զի կոչի *Երգ երգոյ* էլ «արհնութիւն արհնութեանց» էլ ծերութիւն մեզ թարգմանէ սա՝ զճշմարտապէս ճանաչելն զԱստուած էլ երգով բանի արհնել զբանն Աստուած, ըստ Պաղոսի որ ասէ. «Ի վերայ ամենայնի Աստուած արհնեալ յաւիտեան» (Հռոմ. Թ 5) [35, թ. 59բ]. – И это очевидно со слов *Песни Песней*, ибо она называется «благословением благословений» и переводится для нас как «старость», то есть истинное познание Бога и песней слова благословляющего Бога Слово, согласно Павлу, который говорит: «...сущий над всем Бог, благословенный во веки» (Рим. 9:5).

Интересно, что автор не останавливается на достигнутом и предупреждает:

Գոյ եւ այլ տեսութիւնս անուանս սակս այնմ [35, թ. 59բ]. – Существует и другая теория по этому поводу...

Такие уточнения, разъяснения неясных вопросов и привлечение других теорий по вопросу тоже входят в исагогическую схему и часты в *Книге причин*. Заканчивается эта пролегомена восхвалением *Песни Песней*:

Իսկ երրորդ գիրքն Սոդոմոնի տանայիս խորհուրդ Եկեղեցոյ եւ մշտնջենաւոր կենացն, վասն զի ոչ անոն ըստ մարմնոյ թարգմանութիւն իրաց, այլ ի հանդերձեալն հայի կեանք, այլ զի սաի Սոդոմոն արիւնակ Տեառն մերոյ ըստ այդմ, գոր ցուցար սակաւոր [35, թ. 60ա]. – А третья книга Соломона полностью символизирует таинство Церкви и вечной жизни, и поэтому она не должна быть переведена просто физически (букв.: по плоти. – Э. М. Ш.), а как нечто из мистической жизни, потому как говорится, что Соломон являлся прообразом нашего Господа, о чем мы вкратце сказали (букв.: что и вкратце мы показали. – Э. М. Ш.).

Вторая пролегомена, озаглавленная «Начало и причина отдельно *Екклесиаста* Григория Нисского», представляет особый интерес, ибо вся первая глава и начальная часть второй буквально (за редкими исключениями) совпадают с греческим оригиналом толкования Григория Нисского на книгу *Екклесиаст*. Для большей наглядности процитируем начало:

1.24.1. Առաջիկայ[] մեզ սկիզբն ժողովողին մեկնութեան, հաւասար ունելով մեծութեամբ ազտութեան զվաստակս տեսութեան, քանզի առակաւոր իմաստիցն յառաջագոյն կրթելով զմիտսն, իբրեւ անյայտ բանք եւ իմաստուն սասցուածք, առակք եւ ազգի ազգի բանիցն դարձուածք, որպէս ունի ի գրոցն այնցիկ առաջաբան, իսկ այժմ առ կատարելագոյն ուսումն արժանաւոր եղելոցն յայս գիրս ի բարձր ստուգապէս եւ յԱստուածաշունչ ի վեր ճանապարհ լինի: [35, թ. 60բ]. – Πρόκειται ήμιν ό Έκκλησιαστικής εις έξήγησιν ἴσον ἔχων τῷ μεγέθει τῆς ὠφελείας τὸν πόνον τῆς θεωρίας. τῶν γὰρ παρομοιακῶν νοημάτων ἤδη προοιμισθέντων τὸν νοῦν, ὧν οἱ σκοτεινοὶ λόγοι καὶ αἱ σοφαὶ ἠσεις καὶ τὰ αἰνίγματα καὶ αἱ ποικίλαι τῶν λόγων στροφαί, καθὼς περιέχει τὸ τοῦ βιβλίου ἐκείνου προοίμιον, ...τότε τοῖς πρὸς τὰ τελειότερα τῶν μαθημάτων αὐξήθεισιν ἐπὶ ταύτην τὴν γραφὴν τὴν ὑψηλὴν ὄντως

καὶ θεόπνευστον ἢ ἄνοδος γίνεται [20, col. 617]. – Перед нами находится (букв.: лежит. – Э. М. Ш.) **начало** истолкования *Екклесиаста*, которое по величине своей полезности равно трудности его обозрения. Ибо, сначала упражняя ум приточными мыслями, в которых есть неизвестные слова и мудрые речения, загадки и различные обороты речи, как сказано в предисловии этой книги (Притчей. – Э. М. Ш., ср. Прит. 1,6), только для тех, кто сейчас удостоился совершеннейшего учения, возможно восхождение к этому поистине возвышенному и богодухновенному писанию.

Из отрывка ясно видно, что, кроме выделенного слова «начало», армянский перевод следует греческому оригиналу, не нарушая даже порядка слов в предложении, то есть это грекофильский перевод¹⁶. В этой пролегомене не раз обсуждаются исагогические вопросы, связанные с полезностью (τῆς ὠφελείας), неясностью (οἱ σκοτεινοὶ λόγοι), предназначением (τοῖς πρὸς τὰ τελειότερα τῶν μαθημάτων αὐξήθεισιν) этого сочинения.

Третья исагогическая глава – «Начало и причина третьего сочинения Соломона, которое называется *Песнь Песней*», – тоже весьма интересна. В отличие от предыдущей пролегомены, она совпадает с оригиналом и армянским переводом данного толкования лишь местами; перевод здесь не грекофильский. Кроме того, пролегомена начинается небольшим вступлением, отсутствующим в оригинале [19, col. 755–1119] и гласящим:

Արդ, զի սասցար զառաջին գիրսն Սոդոմոնի՝ կրթարան երկրորդին, որ է ժողովողն՝ ճշմարիտ Յիսուս խորհրդով ծանուցեալ, նոյնպէս եւ երկրորդն՝ կրթարան է երրորդիս, որ է *Երգոյ երգ*: Չոր արիւնակ երիտասարդ քաջամարմին է, քան զմատաղ հասակ, նոյնպէս եւ սա մեծախորհուրդ է, քան զառաջինսն: Եւ դարձեալ ոք, յորժամ ելանել սկսանի ընդ սանդուխտ՝ ըստ փոփոխման ոտիցն եւ բարձրանայ, նոյնպէս է եւ գրոցս այնցիկ կարգ, զի առաջին իբրեւ ընդ տղայի խաւսեցաւ, եւ երկրորդին՝ իբրեւ ընդ կատարեալ հասակի, իսկ երրորդիս՝ որպէս ընդ անամրիմս խաւսի հոգեւոր հանձարով՝ *Երգոյ երգի*, այսինքն՝ արիւնութեանց արիւնութեամբ: Այլ եւ որ առաջիկայ բանս զուգահաւասարն հրամայէ. ոչ մերկ զքեզ ի սոցա խորհրդակցութիւնս յառաջ ածելով, այլ անձառելի իմաստասիրէ հանձարով: [35, թ. 62ա–63բ]. – Итак, мы сказали, что первая книга Соломона является подготовкой (букв. выучкой, школой. – Э. М. Ш.) для второй,

то есть для *Екклесиаста*, точно так же вторая книга – школа для третьей, то есть для *Песни Песней*. Как, например, молодой человек имеет более грузное тело, чем юнец, точно так же и эта (книга. – Э. М. Ш.) – более глубокомысленно, чем первая. Опять-таки, когда кто-то начинает взбираться по ступеням, он переставляет ноги и поднимается. Точно таков же порядок с этими книгами, ибо в первом он как бы говорит с мальчиком, во-втором – как будто с (мужем. – Э. М. Ш.) зрелого возраста, а в случае с третьей – как будто разговаривает с бестелесными посредством духовного гения – при помощи / путем *Песни Песней*, то есть благословения благословений. И то, что он представляет все эти предлежащие слова равнозначимыми, не только чтобы ты смог вынести из них лишь наставления для себя, но и потому что он исследовал их своей неопикуемой мудростью.

После этого представлена композиция, составленная из отрывков толкования Григория Нисского на стихи 1:1–3 главы *Песни Песней*, в которой опять-таки обсуждаются исагогические вопросы: связанные с читателями, полезностью, заглавием, символикой, выраженной, начиная с заглавия этой книги, ибо она обозначает «святая святых» и «обещает научить нас тайнам тайн» [35, р. 63р] и, говоря о «недоступной красоте Божественного естества», обращается к вопросам, связанным с телом, душой и духом [35, р. 64ш] и т. д. Заканчивается пролегомена отрывком, тоже отсутствующим в толковании [19, col. 755–1119], в котором повествуется «о большой радости, предоставляемой *Песнью Песней*, ибо она наполнена божественным гением и подобна сокровищнице небесной, где нет вора и не проточит никакая червь (ср. Матф. 6, 20); пергамен бесполезен, и чернила черны, но они приобретают смысл, когда ими обозначаются имя царя и значимые слова» [35, р. 65р].

Результаты. Из вышесказанного следует, что исследования, касающиеся толкований Соломоновых трех книг, могут быть намного продуктивней, если будет учтена их рецепция в разных традициях и будут вовлечены новые подходы, позволяющие подвергнуть более глубокому анализу обсуждаемую трилогию. В этом вопросе исагогическая схема и *Книга причин* бесспорно занимают первенствующую роль.

Пропедевтические главы, или пролегомены, способствовали лучшему освоению содержания той или иной книги Писания и

пониманию библейской экзегезы и поэтому широко применялись как в Византии, так и в Армении. Почему же они исчезли или скупо употреблялись в некоторых других христианских традициях и, наоборот, процветали в армянской книжности? Думается, вопрос связан с Александрией и именем Оригена (вспомним, что, возможно, он «охристианил» исагогическую схему). В первом случае, очевидно, сыграло роль то, что Александрия была конкурирующим престолом для Константинополя, а Ориген был объявлен еретиком эдиктом Юстиниана 543 г. и затем, в 553 г., осужден Константинопольским собором.

Что касается Армении, здесь, наоборот, связь с Александрией, особенно в начальные века становления армянской письменности, была очень тесной; обычно считается, что близость была только с Антиохийской школой. В действительности обе эти школы с переменным успехом имели свои подъемы и спады в сфере влияния на армянскую книжность. Критики, отрицающие связь с александрийской школой, не видят отражения традиций этой школы, хотя оно налицо во многих областях средневековой армянской культуры. Достаточно вспомнить выходца этой школы Давида Непобедимого, труды которого имели столь огромное влияние на последующее формирование экзегезы, да и всей армянской литературы. Несомненно, неоплатоник Давид сыграл огромную роль в деле распространения исагогической схемы и других инструментов толкования в Армении, чему способствовала и связанная с его именем Грекофильская школа.

Относительно же *Книги причин* следует заключить следующее: во-первых, она служит доказательством того, что святые отцы Церкви занимались вопросами исагогики (в отличие от бытующего противоположного мнения). Сохранившиеся в Армении комментарии, исагогические исследования или вопросы свидетельствуют об активном применении этих пролегомен для изучения Библии.

Думается, что предложенный здесь анализ армянских источников, особенно материала из неопубликованного исагогического учебника под названием «Книга причин» может внести определенный вклад в дело исследования обсуждаемых вопросов. В любом случае армянские источники предоставляют

дополнительный материал для более глубокого осмысления многих вопросов, связанных с комментариями и исагогикой как в Византии, так и во всей христианской эйкумене.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти вопросы лучше всего освещены в работах О.Е. Нестеровой, которая в нескольких статьях дает исчерпывающий анализ того, что ранее не было рассмотрено.

² Готовя критическое издание книги, я неоднократно обращалась к материалу этого уникального источника; понятно, что накопилось довольно много статей, касающихся этого сборника. Дабы не нанести ущерб объему данной статьи, библиографию по вопросу можно посмотреть в статьях: [10; 49; 30, p. 142, note 7].

³ Среди современных экспертов многие придерживаются другой схемы трилогии: те, кто склонны к буквальному толкованию, считают *Песнь Песней* книгой о любви, написанной Соломоном в молодости, *Притчи*, отображающие жизненный опыт, – в зрелости, а *Екклесиаст*, полный утраты иллюзий, крушения надежд, составлен им в старческом возрасте.

⁴ Кажется, что этот интереснейший Пролог является защитой и восхвалением иносказательного метода толкования, то есть апологией Александрийской школы, и требует специального исследования, что будет представлено отдельной статьей.

⁵ [24, p. 70.15–17]: “Ecclesiastes de naturalibus, Cantica canticorum de mysticus, Proverbia de moralibus”. Ср. и 5 *De Isaac* 4.23: “...habes haec in Solomone quia Proverbia eius moralia, Ecclesiastes naturalis, in quo quasi vanitates istius despicit mundi, mystica sunt eius Cantica canticorum” («Это ты имеешь и у Соломона, потому что его *Притчи* – это нравственное учение; книга *Екклесиаста* – учение о естественных законах, в ней Соломон словно свысока смотрит на суету этого мира; а его *Песни Песней* – таинственны»).

⁶ См.: [32, p. 215–226]; ср. со ст.: [30].

⁷ Данное толкование сохранилось и в более поздних рукописях, например, с XVII в. [39, p. 73ш–115ш; 40, p. 257ш–275ш]. Следует отметить, что не только обсуждаемые труды Оригена, но и все его наследие, сохранившееся в армянских источниках, все еще ждет своего исследователя.

⁸ Отметим, что наряду с интересными аллегорическими изъяснениями в этом предисловии присутствует своего рода аппендикс, состоящий из нескольких лемм (шести стихов), первая из которых озаглавлена «Էկկլէսիաստեան» («*Екклесиастес*»). Такая транслитерация с греческого

второй книги Соломона не чужда для армянских источников (см., например, в так называемой *Книге причин*: «Հիսկերորդ զԷկկլէսիաստեան, Գր նորա Կոնկրէթ անկանն», то есть «Пятая – *Экклесиастес*, которую они называют *Козлет*» [35, p. 21p–22ш]). Загадка этого интереснейшего приложения, наличествующего и в армянском переводе *Песни Песней*, и в некоторых редакциях армянской Библии, до сих пор не разгадана, хотя и занимает умы исследователей уже более века. Интереснейшей контрибуцией к вопросу является статья С. Эурингера [16], переведенная на английский язык М. Папазяном [15]. В ней выражается мнение, что, хотя разночтения армянской Библии часто совпадают с чтениями нескольких греческих рукописей, в частности с Синайским кодексом (Codex Sinaiticus), для этого неканонического приложения, засвидетельствованного и в некоторых изданиях армянской Библии, нет аналога. В ходе ряда текстологических и логических выкладок исследователь с оговорками предлагает гипотезу, согласно которой аппендикс может быть частью предисловия к апокрифичным Одам Соломона (из чего следует, что они были переведены на армянский язык, хотя у нас нет таких сведений). В любом случае ученый настоятельно рекомендует тщательное изучение этого неординарного приложения со стороны соответствующих специалистов. Заметим, что, будучи интересным исследованием, статья, однако, по-своему истолковывает некоторые армянские технические термины, например: «մանկություն» («младенчество»), «նկարչիւն» («обзор», «созерцание»), за которыми скрываются определенные традиции. Следует отметить, что данное исследование, к сожалению, не учтено в недавно появившейся статье на ту же тему [42, էջ 93–108]. Беря во внимание факт, что почти во всех предисловиях, наличествующих в известнейших комментариях к трилогии книг Соломона, поочередно анализируются их составные части, наличие слова «*Екклесиаст*» в этом аппендиксе можно понять как обращение ко второй части трипартиты, ибо до этого Григор Нарекаци разбирает реалии, как бы относящиеся к книге *Притч* (первой книги трилогии), при этом связывая все это в канву *Песни Песней*. Однако предлагаемая гипотеза тоже весьма предварительна и требует более скрупулезного и отдельного исследования.

⁹ Более подробно о видах и названиях пролегомен см.: [30, p. 141, note 6, p. 168–171].

¹⁰ Мое понимание «тонких писем» изложено в следующих статьях: [45, էջ 15–45; 25, p. 237–238; 26, p. 261–285; 28, с. 272–276; 27, p. 166–171; 48, էջ 132–285, 304–309; 29, p. 155–189; 49, էջ 34–35; 30, p. 142–143; 31, p. 325–326].

¹¹ Например, «Յառաջարան Դարի մարգարէութեանն, Աթանասի Եպիսկոպոսի

Աղերսանդրացոյ: Ամենայն *Մաղիմասցն* Դարբի գնէրունակ միտսն գտէալ եւ այլոց յայտնի ցուցէալ» [35, р. 30р–39р]. = «Пролог Афанасия, епископа Александрийского, к пророчеству Давида. Обнаружен и ясно продемонстрирован другим внутренним смыслом всех Псалмов Давида», которое сегодня известно как «Письмо Маркеллину» [12, col. 11–45], однако признано, что оно являлось Прологом к Псалмам [14, р. 145–166].

¹² Например, «Սրբոյն Եփրեմի մեկնութիւնն եւ սլոգրն *Յքրի*» [35, р. 67р–74р]. = «Комментарий и начало к книге Иова св. Ефрема», хотя такого комментария за Ефремом Сирином не числится.

¹³ Технические термины, выраженные словами «чада», «отроки», «дети», имеют особое значение и широко засвидетельствованы в армянской книжности: они характеризуют бдящих христиан, живущих праведной, кроткой, ангельской, недремлющей жизнью, часто встречаются в таких выражениях, как «чада Завета» или «дети / чада Церкви». В ряде статей я попыталась показать связь между этими выражениями и известными сирийскими словосочетаниями *bar Q'uyâmâ*, *bnat Q'uyâmâ*, *bnay Q'uyâmâ*; последние два выражения тоже наличествуют в армянских источниках, см., например: [28, с. 278–280; 46, էջ 90–110; 47, էջ 67–86; 48, էջ 90–110, 297–302] и т. д.

¹⁴ *Книга причин*, следуя классическому методу христианской экзегетики, сравнивает положительных героев, особенно пророков и царей Ветхого Завета, с Иисусом Христом.

¹⁵ Эта же фраза засвидетельствована и в прологе, касающейся книги 2 Царств: «Սլոգրն եւ Պատճառ Երկրորդ Թագաւորութեան» [35, р. 26р]. – «Начало и причина 2 Царств» .

¹⁶ О феномене грекофильской школы в армянской книжности существует огромная литература; здесь я процитирую исследования, доступные на русском: [9, с. 172–173; 8, с. 232–233; 11, с. 322–323].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорий Нисский, свт. Изъяснение Песни Песней Соломона. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskij/izujasnenie-pesni-pesnej-solomona/ (дата обращения: 20.03.2020). – Загл. с экрана.
2. Марр, Н. Ипполит. Толкование Песни песней / Н. Марр // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Т. 3. – СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. – С. 88–114.
3. Нестерова, О. Е. Философия Моисея, философия Соломона и определение порядка трех смыслов Писания у Оригена / О. Е. Нестерова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2021. – Вып. 93. – С. 11–26.

4. Ориген. О началах. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Origen/o_nachalah/ (дата обращения: 22.02.2020). – Загл. с экрана.

5. Письмо 30. Диакону Нилу // Исидор Пелусиот. Письма. Кн. III. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Pelusiot/pisma-kniga-3/#0_30 (дата обращения: 24.04.2020). – Загл. с экрана.

6. Письмо 543. О трех Соломоновых книгах : Притчи, Екклесиаст и Песни Песней // Исидор Пелусиот. Письма. Кн. II. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Pelusiot/pisma-kniga-2/#0_543 (дата обращения: 24.04.2020). – Загл. с экрана.

7. Синило, Г. В. Песнь Песней в интерпретации Оригена и Иеронима Блаженного / Г. В. Синило // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования». – 2014. – Вып. 7. – С. 6–50.

8. Ширинян, Э. М. Краткая редакция древнеармянского перевода «Церковной Истории» Сократа Схоластика / Э. М. Ширинян // Византийский временник. – 1982. – Т. 43. – С. 231–241.

9. Ширинян, Э. М. Текстологическое значение древнеармянского перевода «Церковной истории» Сократа Схоластика / Э. М. Ширинян // Кавказ и Византия. Вып. 4. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1984. – С. 172–186.

10. Ширинян, Э. М. Армянская «Книга причин», составленная Григором, сыном Абаса / Э. М. Ширинян // Армянский гуманитарный вестник. – 2006. – Вып. 1. – С. 103–109.

11. Ширинян, Э. М. С. Грекофильская школа / Э. М. С. Ширинян // Православная Энциклопедия. В 67 т. Т. 12. – М. : Православная Энциклопедия, 2006. – С. 322–323.

12. Athanasius of Alexandria. Epistula ad Marcellinum // S. P. N. Athanasii, archiepiscopi Alexandrini, Opera omnia ; ed. J.-P. Migne. – Parisiis : Apud J.-P. Migne, 1857. – Col. 11–46. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca ; vol. 27).

13. Commentaire sur le Cantique des Cantiques : Texte de la version latine de Rufin. T. 1: Liv. I–II / trad., notes par L. Brésard, H. Crouzel, avec la collab. de M. Borret. – Paris : Cerf, 1991. – 471 p. – (Sources chrétiennes ; vol. 375).

14. Crostini, B. Athanasius's Letter to Marcellinus as Psalter Preface / B. Crostini // The Literary Legacy of Byzantium : Editions, Translations, and Studies in Honour of Joseph A. Munitiz / ed. by B. Roosen, P. van Deun. – Turnhout : Brepols, 2019. – P. 145–166. – (Byzantioc. Studies in Byzantine History and Civilization).

15. Euringer, S. An Uncanonical Text of the Song of Songs (Canticle 8:15–20) in the Armenian Bible / S. Euringer ; transl. by M. Papazian. – Electronic

text data. – Mode of access: https://www.academia.edu/30486547/An_uncanonical_text_of_the_Song_of_Songs (date of access: 04.04.2020). – Title from screen.

16. Euringer, S. Ein unkanonische Text des Hohenliedes (Cnt 8.15–20) in der armenischen Bibel / S. Euringer // Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. – 1913. – Bd. 33. – S. 272–294.

17. Garitte, G. Traités d’Hippolyte sur David et Goliath, sur le Cantique des Cantiques et sur l’Antéchrist. In 2 vols. Vol. 2 / G. Garitte. – Louvain : Secrét. du CorpusSCO, 1965. – IV, 95 p. – (Corpus scriptorum Christianorum Orientalium ; vol. 264 ; iber. ; vol. 16).

18. Gregory of Nyssa : Homilies on the Song of Songs / ed. and transl. R. A. Norris. – Atlanta : Society for Biblical Literature, 2012. – liv, 517 p. – (Writings from the Greco-Roman World ; vol. 13).

19. In Canticum canticorum (homiliae 15) // Gregorii episcopi Nysseni Opera / ed. J.-P. Migne. – Parisiis : Apud J.-P. Migne, 1863. – Col. 755–1119. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca ; vol. 44).

20. In Ecclesiasten (homiliae 1) // Gregorii episcopi Nysseni Opera / ed. J.-P. Migne. – Parisiis : Apud J.-P. Migne, 1863. – Col. 615–754. – (Patrologiae cursus completus. Series Graeca ; vol. 44).

21. Mansfeld, J. Prolegomena: Questions to be Settled before the Study of an Author, or a Text / J. Mansfeld. – Leiden : Brill, 1994. – vii, 246 p. – (Philosophia antiqua ; vol. 61).

22. Motta, A. Introducing Plato’s System through *σχήματα* : Isagogical Aspects of Platonism in Late Antiquity / A. Motta // Incontri di filologia classica. – 2016–2017. – Vol. 16. – P. 113–127.

23. Origène. Traité des principes. T. 5 / ed. H. Crouzel, M. Simonetti. – Paris : Cerf, 1984. – 278 p. – (Sources chrétiennes ; vol. 312).

24. Sancti Ambrosii Opera. Pars 6 : Explanatio psalmodum XII / rec. M. Petschenig. – Vindobona : Hoelder-Pichler-Tempsky, 1962. – v, 474 p. – (Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum ; vol. 64).

25. Shirinian, M. E. Translations from Greek in Armenian Literature / M. E. Shirinian // Eikasmos. – 2001. – Vol. 12. – P. 229–240.

26. Shirinian, M. E. Reflections of the “Sons and Daughters of the Covenant” in the Armenian Sources / M. E. Shirinian // Revue des Études Arméniennes. N.S. – 2001–2002. – Vol. 28. – P. 261–285.

27. Shirinian, M. E. Armenian Translation of [Aristotle’s] “De Vitiis et Virtutibus” / M. E. Shirinian // Verbum. – 2002. – Vol. 6. – P. 166–171.

28. Shirinian, M. E. A Comparative Analysis of Some Technical Terms in Armenian Sources / M. E. Shirinian // Христианский Восток. – 2006. – Т. 4 (X). – С. 268–316.

29. Shirinian, M. E. Philo and the Book of Causes by Grigor Abasean / M. E. Shirinian // Studies on

the Ancient Armenian Version of Philo’s Works. – Leiden : Brill, 2010. – P. 155–189. – (Studies in Philo of Alexandria ; vol. 6).

30. Shirinian, M. E. The Liber Causarum: A Mediaeval Armenian Isagogical Collection / M. E. Shirinian // Le Muséon. – 2017. – Vol. 130 (1–2). – P. 139–176.

31. Shirinian, M. E. Vitae Homeri, Pseudo-Nonnos’ Commentary on Sermon 4 by Gregory of Nazianzus and the Armenian Book of Causes / M. E. Shirinian // Armenian, Hittite, and Indo-European Studies : A Commemoration Volume for J. J. S. Weitenberg. – Leuven : Peeters, 2019. – P. 323–345. – (Hebrew University Armenian Studies ; vol. 15).

32. Shirinian, M. E. Schema isagogicum apud Patres Ecclesiae / M. E. Shirinian // Papers Presented at the Eighteenth International Conference on Patristic Studies Held in Oxford 2019. – Leuven : Peeters 2021. – P. 215–226. – (Studia patristica ; vol. 123).

33. The Brill Dictionary of Gregory of Nyssa / ed. G. Maspero, L. F. Mateo-Seco – Leiden : BRILL, 2009. – XXV, 811 p.

34. Բանք ժողովողի. Մեկնութիւն Գրիգորի Նիւսացոյ (= Պատճառ եւ լուծմունք ժողովողին Գրիգորի Նիւսացոյ) // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 621. – թ. 19ա–21ա (ԺԷ դ.).

35. Գիրք պատճառաց // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 1879. – թ. 3ա–376բ (1217 թ.).

36. Գրիգորի եպիսկոպոսի Նիւսացոյ. Խօսք նորին ժողովողին // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 1013. – թ. 1ա–40բ (1227 թ.).

37. Գրիգորի եպիսկոպոսի Նիւսացոյ. Թուղթ յաղագս Երզոյ երզոց // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 2684. – թ. 1ա–240ա (973 թ.).

38. Խօսք Մեկնութեան Երզ երզոյն Սողոմոնի արարեալ յՈրոզինէս վարդապետե // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 4066. – թ. 350ա–365բ (1283 թ.).

39. Խօսք Երոզինսի Երզու երզոց մեկնութիւն // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 3215. – թ. 73ա–115ա (ԺԷ դ.).

40. Խօսք Որոզինէսի փիլիսոփայի՝ յԵրզ երզոցին մեկնութիւն // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 3319. – թ. 257ա–275ա (1758 թ.).

41. Հիպոդիտեայ եպիսկոպոսի Բոստրացոյ ասացեալ Համառատ մեկնութիւն Երզոյ Երզոցս // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 4066. – թ. 334ա–341բ (1283 թ.).

42. Հովսեփյան, Լ. «Երզ երզոցը» և Գրիգոր Նարեկացին / Լ. Հովսեփյան / Բանբեր Մատենադարանի. – 2020. – հմբ. 30. – էջ 93–108.

43. Նորին Գրիգորի Նիւսացոյ յԵրզու երզոցն (= Պատճառ եւ լուծմունք Երզ երզոց գրոց Գրիգորի

Նրիսացւոյ) // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 621. – թ. 21ա–28ա.

44. Պատճառ եւ լուծումը գրոցն Գրիգորի Նրիսացւոյ // Մաշտոցի Մատենադարան. – ձեռ. 621. – թ. 9ա–51բ.

45. Շիրինյան, Ս. Է. «Արտաքին» և «նուրբ» գրեանք / Ս. Է. Շիրինյան // Աշտանակ. – 1998. – Բ. – էջ 15–45.

46. Շիրինյան, Ս. Է. «Ուխտի մանկունք» և «մանկունք եկեղեցւոյ» / Ս. Է. Շիրինյան // Էջմիածին. – 2002. – Ը. – էջ 90–110.

47. Շիրինյան, Ս. Է. «Մանկունք» եզրն այլալեզու աղբյուրներում / Ս. Է. Շիրինյան // Էջմիածին. – 2005. – Զ. – էջ 67–86.

48. Շիրինյան, Ս. Է. Քրիստոնեական վարդապետության անտիկ և հելլենիստական տարրերը. հայկական և հունական դասական և բյուզանդական, աղբյուրների բաղդատությամբ / Ս. Է. Շիրինյան. – Երևան : Golden Print and Design, 2005. – vii, 370 էջ.

49. Շիրինյան, Ս. Է. Գիրք պատճառաց / Ս. Է. Շիրինյան, Գ. Խաչատրյանի // Աշտանակ. – 2011. – Դ. – էջ 18–43.

50. Շիրինյան, Ս. Է. Ս. Գրքի իմաստի «եռամասն» («տրիխոտոմիկ») ընկալման Որոգինեսի տեսությունը և դրա արձագանքը հայկական աղբյուրներում / Ս. Է. Ս. Շիրինյան // Ոսկանեան Աստուածաշնչի հրատարակութեան 350-ամեակը (1666–2018). – Ս. Էջմիածին : Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածին, 2018. – էջ 104–111.

REFERENCES

1. Grigoriy Nisskiy, svt. *Izyasnenie Pesni Pesney Solomona* [Exact Explanation of the Song of Songs by Solomon]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskiy/izyjasnenie-pesni-pesnej-solomona/ (accessed 20 March 2020).

2. Marr N. Ippolit. *Tolkovanie Pesni pesney [Hippolyte. Interpretation of the Song of Songs]. Teksty i razyskaniya po armyano-gruzinskoy filologii. T. 3* [Texts and Investigations on Armenian-Georgian Philology. Vol. 3]. Saint Petersburg, Tip. V.F. Kirshbauma, 1901, pp. 88-114.

3. Nesterova O.E. *Filosofiya Moiseya, filosofiya Solomona i opredelenie poryadka trekh smyslov Pisaniya u Origena* [Philosophy of Moses, Philosophy of Solomon and Origen's Determination of the Order of the Three Meanings of Scripture]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 2021, iss. 93, pp. 11-26.

4. Origen. *O nachalakh* [On the First Principles]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Origen/o_nachalakh/ (accessed 22 February 2020).

5. Pismo 30. Diakonu Nilu [Letter 30. To Deacon Nile]. *Isidor Pelusiot. Pisma. Kn. III* [Isidore of Pelusium. Letters. Book 3]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Pelusiot/pisma-kniga-3/ (accessed 24 April 2020).

6. Pismo 543. O trekh Solomonovykh knigakh : Pritch, Ekkleziast i Pesni Pesnei [Letter 543. On the Three Books of Solomon. Proverbs, Ecclesiastes and Songs of Songs]. *Isidor Pelusiot. Pisma. Kn. II* [Isidore of Pelusium. Letters. Book 2]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Pelusiot/pisma-kniga-2/#0_543 (accessed 24 April 2020).

7. Sinilo G.V. *Pesni Pesnei v interpretatsii Origena i Ieronima Blazhennogo* [The Song of Songs in the Interpretation of Origen and Hieronymus the Blessed]. *Skrizhali. Seriya "Vetkhovavetnye issledovaniia"* [Testimony. Series "Old Testament Studies"], 2014, iss. 7, pp. 6-50.

8. Shirinian E.M. *Kratkaya redaktsiya drevnearmyanskogo perevoda "Tserkovnoy Istorii" Sokrata Skholastika* [Brief Edition of the Ancient Armenian Translation of the "Church History" by Socrates Scholasticus]. *Vizantiiskii vremennik [Byzantina Chronika]*, 1982, vol. 43, pp. 231-241.

9. Shirinian E.M. *Tekstologicheskoe znachenie drevnearmyanskogo perevoda "Tserkovnoi istorii" Sokrata Skholastika* [Textological Significance of the Ancient Armenian Translation of "Church history" by Socrates Scholasticus]. *Kavkaz i Vizantiya. Vyp. 4* [Caucasus and Byzantium. Iss. 4]. Erevan, Izd-vo AN ArmSSR, 1984, pp. 172-186.

10. Shirinian E.M. *Armyanskaya «Kniga prichin», sostavlenneya Grigorom, synom Abasa* [Armenian "Book of Causes" Compiled by Grigor, Son of Abas]. *Armyanskiy gumanitarnyy vestnik [Armenian Humanitarian Bulletin]*, 2006, iss. 1, pp. 103-109.

11. Shirinian E.M.S. *Grekofilskaya shkola [The Hellenizing School]. Pravoslavnaya entsiklopediya. V 67 t. T. 12* [Orthodox Encyclopedia. In 67 Vols. Vol. 12]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2006, pp. 322-323.

12. Athanasius of Alexandria. *Epistula ad Marcellinum*. Migne J.-P., ed. *S.P.N. Athanasii, archiepiscopi Alexandrini, Opera omnia*. Paris, Apud J.-P. Migne, 1857, cols. 11-46. (Patrologiae cursus completes. Series Graeca; vol. 27).

13. Brésard L., Crouzel H., Borret M., eds. *Commentaire sur le Cantique des Cantiques: Texte de la version latine de Rufin. T. 1: Liv. I-II*. Paris, Cerf, 1991. 441 p. (Sources chrétiennes; vol. 375).

14. Crostini B. *Athanasius's Letter to Marcellinus as Psalter Preface*. Roosen B., Deun P. van, eds. *The Literary Legacy of Byzantium. Editions, Translations, and Studies in Honour of Joseph A. Munitiz*. Turnhout, Brepols, 2019, pp. 145-166. (Byzantios. Studies in Byzantine History and Civilization).

15. Euringer S. An Uncanonical Text of the Song of Songs (Canticle 8:15–20) in the Armenian Bible. URL: https://www.academia.edu/30486547/An_uncanonical_text_of_the_Song_of_Songs (accessed 4 April 2020).
16. Euringer S. Ein unkanonische Text des Hohenliedes (Cnt 8.15–20) in der armenischen Bibel. *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft*, 1913, Bd. 33, S. 272–294.
17. Garitte G. *Traité d'Hippolyte sur David et Goliath, sur le Cantique des Cantiques et sur l'Antéchrist. In 2 Vols. Vol. 2.* Louvain, Secrét. du CorpusSCO, 1965. IV, 95 p. (Corpus scriptorum Christianorum Orientalium; vol. 264. Iber.; vol. 16).
18. Norris R.A., ed. *Gregory of Nyssa. Homilies on the Song of Songs.* Atlanta, Society for Biblical Literature, 2012. liv, 517 p. (Writings from the Greco-Roman World; vol. 13).
19. Migne J.-P., ed. In Ecclesiasten (homiliae 1). *Gregorii episcopi Nysseni Opera.* Paris, Apud J.-P. Migne, 1863, cols. 755–1119. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 44).
20. Migne J.-P., ed. In Canticum canticorum (homiliae 15). *Gregorii episcopi Nysseni Opera.* Paris, Apud J.-P. Migne, 1863, cols. 615–754. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 44).
21. Mansfeld J. *Prolegomena: Questions to be Settled Before the Study of an Author, or a Text.* Leiden, Brill, 1994. (Philosophia antiquae; vol. 61).
22. Motta A. Introducing Plato's System through $\sigma\chi\eta\mu\alpha\tau\alpha$. Isagogical Aspects of Platonism in Late Antiquity. *Incontri di filologia classica*, 2016–2017, vol. 16, pp. 113–127.
23. Crouzel H., Simonetti M., eds. *Origène. Traité des principes. T. 5.* Paris, Cerf, 1984. 278 p. (Sources chrétiennes; vol. 312).
24. Petschenig M., ed. Sancti Ambrosii Opera. Pars 6: Explanatio psalmodum XII. Vienna, Hoelder-Pichler-Tempsky, 1962. v, 474 p. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum; vol. 64).
25. Shirinian M.E. Translations from Greek in Armenian Literature. *Eikasmos*, 2001, vol. 12, p. 229–240.
26. Shirinian M.E. Reflections of the “Sons and Daughters of the Covenant” in the Armenian Sources. *Revue des Études Arméniennes. N.S.*, 2001–2002, vol. 28, pp. 261–285.
27. Shirinian M.E. Armenian Translation of [Aristotle's] “De Vitiis et Virtutibus”. *Verbum*, 2002, vol. 6, pp. 166–171.
28. Shirinian M.E. A Comparative Analysis of Some Technical Terms in Armenian Sources. *Khristianskiy Vostok*, 2006, vol. 4 (X), pp. 268–316.
29. Shirinian M.E. Philo and the Book of Causes by Grigor Abasean. *Studies on the Ancient Armenian Version of Philo's Works.* Leiden, Brill, 2010, pp. 155–189. (Studies in Philo of Alexandria; vol. 6).
30. Shirinian M.E. The Liber Causarum: A Mediaeval Armenian Isagogical Collection. *Le Muséon*, 2017, vol. 130 (1–2), pp. 139–176.
31. Shirinian M.E. Vitae Homeri, Pseudo-Nonnos' Commentary on Sermon 4 by Gregory of Nazianzus and the Armenian Book of Causes. *Armenian, Hittite, and Indo-European Studies. A Commemoration Volume for J. J. S. Weitenberg.* Leuven, Peeters, 2019, pp. 323–345. (Hebrew University Armenian Studies ; vol. 15).
32. Shirinian M.E. Schema isagogicum apud Patres Ecclesiae. *Papers presented at the Eighteenth International Conference on Patristic Studies Held in Oxford 2019.* Leuven, Peeters, 2021, pp. 215–226. (Studia patristica; vol. 123).
33. Maspero G., Mateo-Seco L.F., eds. *The Brill Dictionary of Gregory of Nyssa.* Leiden, BRILL, 2009. XXV, 811 p.
34. Banq Jhoghovoghi. Meknowt'iwn Grigori Niwsacwoy (= Pattwar'ew lowc'mownq Jhoghovoghin Grigori Niwsacwoy) [Words of Ecclesiastes. Commentary by Gregory of Nyssa (= “Causes and Solutions of Ecclesiastes by Gregory of Nyssa”)]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 621, fol. 19a–21a (17 cent.).
35. Girq pattwar'ac [The Book of Causes]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 1879, fol. 3a–376b (year 1217).
36. Grigori episkoposi Niwsacwoy. Xo'sq norin Jhoghovoghin [By Gregory Bishop of Nyssa. His Word on Ecclesiastes]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 1013, fol. 1a–40b (year 1227).
37. Grigori episkoposi Niwsacwoy. T'owght'yaghags Ergoy ergoc [Gregory Bishop of Nyssa. The Epistle on Song of Songs]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 2684, fol. 1a–240a (year 973).
38. Xo'sq Meknowt'ean Erg ergoyn Soghmoni arareal yOrogine's vardapete' [The Word of Commentary of Solomon's Song of Songs Made by Teacher Origen]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 4066, fol. 350a–365b (year 1283).
39. Xo'sq Erogenosiy Ergs ergoc meknowt'iwn [The Word of Origen: Commentary on Song of Songs]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 3215, fol. 73a–115a (17 cent.).
40. Xo'sq Orogine'si p'ilisop'ayi' yErg ergocin meknowt'iwn. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 3319, fol. 257a–275a (year 1758).
41. Hipoghiteay episkoposi Bostracwoy asaceal Hamar'awt meknowt'iwn Ergoy Ergocs [Brief Commentary on Song of Songs Said by Hippolyte, Bishop of Bostra]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 4066, fol. 334a–341b (year 1283).
42. Hovsep'yan L. «Erg ergocy'» & Grigor Narekacin [“The Song of Songs” and Grigor Narekatsi]. *Banber Matenadaran*, 2020, vol. 30, pp. 93–108.

43. Norin Grigori Niwsacwoy yErgs ergocn (= Pattwar' ew lowc'mownq Erg ergoc groc Grigori Niwsacwoy) [Gregory of Nyssa on Song of Songs (= Cause and Solution of Song of Songs Writing by Gregory of Nyssa). *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 621, fol. 21a-8a.

44. Pattwar' ew lowc'mownq grocn Grigori Niwsacwoy [Cause and Solution of Song of Songs Writing by Gregory of Nyssa]. *Mashtoci Matenadaran* [Mashtots' Matenadaran], MS 621, fol. 9a-51b.

45. Shirinian M.E. "Artaqin" & "nowrb" greanq ["External" and "Subtle" Writings]. *Ashtanak*, 1998, vol. 2, pp. 15-45.

46. Shirinian M.E. "Owxti mankownq" & "mankownq ekeghecwoy" ["Children of the Covenant" and "Children of the Church"]. *E'jmiac'in* [Echmiadzin], 2002, vol. 8, pp. 90-110.

47. Shirinian M.E. "Mankownq" ezrn aylalezow aghbyowrnerowm [The Term "Mankunk" in Foreign Sources]. *E'jmiac'in* [Echmiadzin], 2005, vol. 6, pp. 67-86.

48. Shirinian M.E. *Qristoneakan vardapetowt'yan antik & hellenistakan tarrery'*. *haykakan & hownakan`dasakan & byowzandakan, aghbyowrneri baghdadow-t'yamb* [Antique and Hellenistic Elements in the Christian Teaching (On the Material of the Comparison of Armenian and Greek – Classical and Byzantine – Sources)]. Yerevan, Golden Print and Design Publ., 2005. vii, 370 p.

49. Shirinian M.E., Xachatryani G., eds. Girq pattwar'ac [The Book of Causes]. *Ashtanak*, 2011, vol. 4, pp. 18-43.

50. Shirinian M.E.S. Grqi imasti "er'amasn" ("trixotomik") y'nkalmn Oroginesi tesowt'yowny' & dra ard'agangy' haykakan aghbyowrnerowm [Origen's Conception on Trichotomic Sense of the Holy Bible and Its Reception in the Armenian Sources]. *Oskanean Astowac'ashnchi hratarakowt'ean 350-ameaky' (1666–2018)* [350th Anniversary of the First Bible in Armenian Printed by Voskan Yerevantsi (1666–2018)]. Echmiadzin, Mayr At'or' Sowrb E'jmiac'in Publ., 2018, pp. 104-111.

Information About the Author

Manea Erna S. Shirinian, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department for the Study of the Armenian Texts of the 5th – 14th Centuries, Matenadaran – Research Institute of Ancient Manuscripts named after M. Mashtots, Prosp. Mashtotsa, 53, 0009 Yerevan, Armenia, Erna.shirine@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6465-6146>

Информация об авторе

Манеа Эрна Сергеевна Ширинян, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом изучения армянских текстов V–XIV вв., Матенадаран – Научно-исследовательский институт древних рукописей им. М. Маштоца, просп. Маштоца, 53, 0009 г. Ереван, Армения, Erna.shirine@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6465-6146>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.16>

UDC 72(091):75.052
LBC 85.113(0)4

Submitted: 27.03.2022
Accepted: 05.07.2022

SOME GEOMETRICAL MOTIFS IN CAUCASUS AND IN CAPPADOCIA IN THE MIDDLE AGES: MEDITATIONS ABOUT ITS ORIGIN AND INTERPRETATION

Ekaterina Yu. Endoltseva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Danil V. Shevchenko

Institute of Foreign Languages of Shenyang Normal University, Shenyang, China

Abstract. Introduction. The article deals with the frescoes of the specific style “red signs” on the rock. They were widespread in the architectural monuments of Cappadocia. The focus of the research is the motifs of triangular and rhombus (with the dots inside and without it) between the 9th and 10th centuries. **Methods.** These motifs are compared to the similar images on the stone reliefs (architectural decoration) from the territory of the Northern Caucasus and Western Georgia of the medieval period. A certain number of common features are underlined and studied. **Analysis.** In both situations the representations are made in primitive planar graphic style with the minimal set of technical means. The iconographical repertoire is rich in zoomorphic images (their biological identification is difficult to determine), geometrical signs, and rosettes. The origins of the motif are traced back up to the ancient cultures in Asia Minor, Caucasus and the Near East. Its development is shown by means of ethnographical witnesses. **Results.** In conclusion, there is supposition that the permanent presence of the motif in sacral and traditional every day culture of the Northern Caucasus and Western Georgia is due to the influence of the Koban-Colchis cultural and historical community. In medieval Christian culture, it could have function of apotropeia. So, the article deals with the specific aspect of very interesting theme that is the culture of the barbaric periphery of the Byzantine empire in the period between 9th and 10th centuries.

Key words: Cappadocia, Northern Caucasus, zoomorphic images, geometrical motifs, architectural decoration, frescoes, Byzantine empire, barbaric periphery.

Citation. Endoltseva E. Yu., Shevchenko D. V. Some Geometrical Motifs in Caucasus and in Cappadocia in the Middle Ages: Meditations About Its Origin and Interpretation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 255-275. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.16>

УДК 72(091):75.052
ББК 85.113(0)4

Дата поступления статьи: 27.03.2022
Дата принятия статьи: 05.07.2022

НЕКОТОРЫЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ НА КАВКАЗЕ И В КАППАДОКИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИХ ИСТОКАХ И СМЫСЛЕ

Екатерина Юрьевна Ендольцева

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Данил Викторович Шевченко

Институт иностранных языков, Шэньянский педагогический университет,
г. Шэньян, Китайская Народная Республика

Аннотация. В статье рассмотрены росписи специфического стиля, когда изображения выполнены красными линиями по белому фону, штукатурке или прямо на плоскости стены. Они встречаются в архитектурных памятниках Каппадокии IX–X веков. Акцент сделан на мотив треугольников и ромбов с точками внутри и без них. Проведены аналогии с похожими мотивами на рельефах с территории средневекового Северного Кавказа и западной Грузии. Выделен ряд общих признаков: изображения обычно выполнены в примитивном плоскостно-графическом стиле, образ создается при помощи минимального набора технических средств. В иконографическом репертуаре – изображения животных, биологическую принадлежность которых зачастую сложно определить, геометрические знаки, розетки. Прослежены истоки этого мотива в более древних культурах Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока и их развитие в этнографическом материале. Сделано предположение, что на устойчивое присутствие этих знаков в сакральной и традиционно-бытовой культуре Северного Кавказа и Западной Грузии оказала влияние кобано-колхидская культурно-историческая общность. Таким образом, в статье затронут специфический аспект такой обширной и мало изученной темы, как культура варварской периферии Византийской империи в средневизантийский период. *Вклад авторов.* Е.Ю. Ендольцева собирала материал относительно памятников, происходящих с территории Кавказа, и анализировала изображения при помощи методов, применяемых в классическом искусствознании. Д.В. Шевченко исследовал материал, происходящий с территории Каппадокии.

Ключевые слова: Каппадокия, Северный Кавказ, зооморфные образы, геометрические мотивы, архитектурная пластика, фрески, Византийская империя, варварская периферия.

Цитирование. Ендольцева Е. Ю., Шевченко Д. В. Некоторые геометрические мотивы на Кавказе и в Каппадокии в эпоху Средневековья: размышления об их истоках и смысле // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 255–275. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.16>

Введение. Данное исследование продолжает серию публикаций авторов, посвященных синкретическим образам в христианском искусстве эпохи Средневековья, на Кавказе и в Каппадокии [4; 15; 16; 5; 6; 9; 7; 8]. В этом контексте уже были рассмотрены мотивы рогатых черепов (быка и барана), символа плодородия, изображения гибридных зооморфных существ, змей и рыб. Однако существенный пласт нефигуративных абстрактных образов (геометрические, растительные, плетеные ленточные орнаменты и разного рода розетки) пока еще не был подробно проанализирован с этой точки зрения. Поводом для изложенных ниже соображений послужило, с одной стороны, обнаружение ряда малоизвестных ранее фресковых росписей с территории Каппадокии, сделанных в так называемом примитивном стиле (изображения красными линиями по белому фону, по штукатурке или прямо на плоскости стены) (в ходе осмотра памятников группой специалистов во главе с Д.В. Шевченко, в которую входили историки, археологи и искусствоведы). С другой (и это напрямую связано с первым событием) – необходимость объяснить обилие таких геометрических фигур как ромбы, квадраты (с точками и без них), а также их усеченных версий (в виде треугольников и треу-

гольников с точками) на некоторых памятниках христианского искусства, происходящих с территории Кавказа и Каппадокии. Наличие сходных мотивов, объединенных зачастую общими стилистическими и иконографическими признаками, а также временными рамками заставило поставить вопросы об общих истоках и характере культурного взаимодействия между двумя регионами в рассматриваемый период. Последнее, в свою очередь, позволяет коснуться такой важной, но пока плохо изученной темы, как культура варварской периферии Византийской империи и особенности ее становления (на примере визуальных образов) во взаимодействии с некоторыми регионами так называемого Христианского Востока в период Македонской династии.

Методы. Методологическая возможность проследить эволюцию определенного мотива с эпохи неолита (в некоторых случаях) вплоть до, по крайней мере 60-х гг. XX в., а то и до наших дней (в традиционно-бытовой среде) в регионах, характеризующихся консерватизмом материальной культуры [13, с. 18–19] (к каковым, безусловно, относится Кавказ и, возможно, также Каппадокия) была обоснована в статьях авторов этого исследования, посвященных зооморфным образам (бычья голова, голова барана) и символу пло-

дородия [3; 7; 6; 15]. Интересный пример культурологического исследования миграции образа и трансформации его значения в зависимости от исторического контекста дает также фундаментальный труд С. Кюн, посвященный дракону в средневековом искусстве восточно-христианского и исламского мира [26]. А.К. Амброз, в свою очередь, проследил трансформацию значения раннеземледельческого культового символа «ромб с крючками» с эпохи неолита вплоть до недавнего времени [1].

Принцип изложения материала в предлагаемом эссе связан с поставленными выше вопросами. Сначала будет представлено до-сье, касающееся изображений заявленных мотивов (ромбы, квадраты, треугольники с точками и без них) в каменной пластике Кавказа эпохи Средневековья и на некоторых фресковых росписях из Каппадокии того же времени, затем – попытка проследить истоки мотива на более ранних, насколько это возможно, артефактах. Этнографические данные XVIII–XX вв. помогут прояснить значение выявленных знаков. Анализ выразительных средств, стилистических и иконографических особенностей изображений, их возможного семантического значения призван поставить вопрос о характере культурных контактов между двумя регионами.

Анализ. При создании некоторых фресковых росписей, происходящих с территории Каппадокии, были использованы скупые выразительные средства. На белом фоне красной линией обозначены контуры фигур. Набор сюжетов и мотивов зачастую крайне ограничен и сводится к лаконичным геометрическим фигурам: ромбы, квадраты, треугольники с точками и без них. К примеру, на плоскости стены нефа верхнего яруса Храма с колоннами в Гереме имеется орнаментальный пояс (на уровне пяты арки), составленный из пересекающихся диагональных линий, которые образуют сеть ромбов с точками внутри. Нижняя часть этого пояса дополнительно украшена волнистой и зигзагообразной линией (попеременно) (рис. 1). Далее этот узор разделяется на две орнаментальные полосы, каждая из которых составлена из треугольников с точками внутри (рис. 2) с сохранением зигзагообразной и волнистой линии вдоль

нижней кромки. В нижнем ярусе этой же церкви над входом в нартекс в такой же лаконичной манере изображен крест (рис. 3). Портал, над которым представлен крест украшен также орнаментальным поясом, составленным из треугольников с точками внутри. Плоскость ниши над крестом расчерчена прямоугольниками и квадратами. Там же, в Гереме, в долине Киличлар имеются и другие культовые объекты, украшенные похожим образом. Один из них почти полностью разрушен (рис. 4). Сохранилась ниша, украшенная в верхней части фигурами ромбов, квадратов, прямоугольников, треугольников неправильной формы с большим количеством точек внутри, расставленных хаотически. Выразительные средства, как и в предыдущем примере, предельно скупы: красные линии (не всегда ровные) на белом фоне. Там же имеется изображение круга, разделенного внутри двумя линиями на четыре сектора (с точками внутри).

В некоторых случаях орнаментальная рамка, составленная из треугольников и треугольников с точками, обрамляет более сложные композиции и мотивы (разного рода кресты и розетки). Так, например, в том же месте (Гереме, долина Киличлар) частично разрушенный культовый объект без названия украшен в той же манере (рис. 5): по белому фону красными линиями. Пята арки обозначена орнаментальным пояском, составленным из треугольников с точками. В простенке – в квадратных нишах изображения крестов в верхнем ряду, а в нижнем – розетки тоже квадратной формы. Каждый из рядов обрамлен орнаментальной лентой, составленной из треугольников и треугольников с точками. Из того же элемента орнамента (треугольник с точкой) составлена плохо идентифицируемая зооморфная фигура (рис. 6), которая украшает парус еще одного частично разрушенного культового объекта в той же долине близ Гереме.

Равнобедренный треугольник небольшого размера становится основной композицией для рамки, окантовывающей круг, разделенный на четыре сектора с изображениями крестов в каждом (рис. 7), найденный в еще одном полуразрушенном культовом объекте близ Гереме (та же долина). Такой же орнамент опоясывает два медальона с изображе-

ниями крестов на парусах по обе стороны ниши с изображением третьего креста большего размера в монастырском комплексе Киличлар Дерге тоже около Гереме. Другая ниша в этом же комплексе украшена изображением креста, у подножия которого видна фигура кошачьего хищника (возможно, льва). Нижний край этой композиции также обозначен орнаментальным фризом из треугольников.

В некоторых случаях (не только в технике фрески, но и в технике резьбы, в рельефе) из треугольников составлена не только орнаментальная рамка, но и средник со значимым символом (таким, как крест). Примером такого рода служит рельеф с крестом в медальоне и фрагментом фриза из храма в долине Зельве.

Вход в храм Иоанна Предтечи в Чавушине украшен важными знаками, значение которых подчеркивается монументальными геометрическими фигурами. Вместо крестов в центре трех композиций – розетки (рис. 8). Центральная – окружена тройным рельефным кольцом, расположенным в средокрестии рукавов креста, который, в свою очередь, также заключен в тройное рельефное кольцо. По обе стороны от центральной композиции – две одинаковые розетки, также заключенные в рельефное кольцо, повторенное четыре раза. Каждая из этих розеток помещена в монументальный ромб, обозначенный орнаментальной лентой, составленной из равнобедренных треугольников небольшого размера.

Время создания этих памятников вызывает дискуссии. Зачастую из-за отсутствия письменных источников и археологических данных (в большинстве случаев раскопки не проводились) датировать памятники остается лишь по косвенным признакам (стилистические особенности изображений, палеография надписей и т. д.), которые, учитывая архаические черты и консерватизм материальной культуры в Каппадокии, могут приводить к условным и не всегда основательным выводам. В целом, по словам Р. Остерхута, «недавние исследования позволяют предположить культурный разрыв в регионе между поздним VII и серединой X в., вызванный арабскими нашествиями» [28, р. 92]. Подробная история исследований памятников Каппадо-

кии, а также обзор новых методов их датировки изложены в статьях К. Жоливе-Леви [24; 25]. Среди большого количества ученых, которые проявляли интерес к этим памятникам, следует прежде всего упомянуть работы Г. де Жерфаниона [22], Н. Тьерри [31], Н. Терятниковой [30], Л. Родли [29]. Однако упомянутые выше церкви и культовые объекты до сих пор исследовались меньше остальных. Самая детальная статья по красно-белым росписям в долинах Гереме и Киличлар выполнена в рамках программы исследований, проводимых с 2006 г. сотрудниками Университета Тускии (Италия) [18]. Некоторые аспекты изображений рассмотрены также Л. Брубакер [20] и К. Жоливе-Леви [23].

Итальянские исследователи, исходя из анализа некоторых зооморфных образов (свиная собака), склонны датировать росписи X–XI вв. [18, р. 16]. Храм с колоннами из Гереме до сих пор условно датировали не ранее второй половины VIII в., так как в нем была найдена арабская надпись (возможно, псевдокуфическое письмо). Хотя Н. Мелвани в своей статье, посвященной апотропеям и орнаментам в византийской скульптуре, отмечает, что появление арабских букв в византийских памятниках – это широко распространенное явление, которое можно фиксировать не ранее X в. [27, р. 139]. Другие культовые объекты из окрестностей Гереме исследованы очень плохо. Их условно можно отнести к раннему X веку. Монастырский комплекс Киличлар Дерге также, вероятно, можно отнести к X в., как и храм из долины в Зельве. Храм Иоанна Предтечи из Чавушина условно датируют VII–VIII веками.

Интересно, что именно среди изображений, относящихся к периоду возрождения художественных традиций после арабского нашествия (IX–X вв.), с территории Кавказа можно найти некоторые аналогии геометрическим мотивам из Каппадокии. Обычно орнамент из треугольников или ромбов с точкой внутри или без нее ставит смысловой акцент на значимых образах композиции. Некоторые примеры происходят с территории Грузии. Так, например, рельефное изображение головы быка на плите из Джегеты, Верхняя Сванетия (X в.), обрамлено геометрическими узорами, составленными по бокам из полусфер,

а сверху – из треугольников [21, р. 157, ill. 301]. Сама голова украшена на уровне рогов орнаментальным фризом, составленным из резных треугольников. На другой резной плите из той же церкви (рис. 9) на лбу быка изображен ромб, а рама, составленная из треугольников в разном сочетании, огибают изображение с трех сторон. В центре каждого из треугольников – точка [21, ill. 303].

На верхнем наличнике окна, украшающего восточный фасад церкви в Бавра (X в.), орнаментальный пояс, составленный из треугольников с точкой внутри, расположен над центральным образом композиции – сценой молитвы пророка Даниила во львином рву [21, р. 128, ill. 201]. Рамка или орнаментальный поясок, составленный из треугольников, присутствует и в ряде композиций, вырезанных на верхних наличниках щелевидных окон церкви св. Георгия из села Бза (X в.) (ныне – село Ахалсопели, Аджария). Так, на восточном фасаде изображение Даниила во львином рву обрамлено таким пояском с трех сторон [21, р. 152, ill. 282]. На западном фасаде этот элемент орнамента обозначает нижний край композиции с Распятием, Богородицей и ангелом [21, ill. 283]. На южном фасаде той же церкви композиция с изображением трех птиц обрамлена рамкой, составленной из треугольников, с трех сторон [21, ill. 284]. Такой же орнаментальный пояс обрамляет круглое окно и расположен над ним на фасаде церкви в Мушевани (IX в.) (рядом с окном – фигура с крестом и кадиллом) (рис. 10) [21, ill. 188]. На восточном фасаде церкви в Убиси (Имерети) (рис. 11) рельеф с изображением льва обрамлен с обеих сторон дополнительными орнаментальными лентами, составленными из ромбов с точками внутри [21, ill. 191].

Рассматриваемые геометрические мотивы украшают и некоторые церкви этого времени (IX–X вв.) на территории современной Республики Южная Осетия. К примеру, орнаментальный пояс, состоящий из треугольников, виден на фрагменте капители колонки из Додота (нач. X в.) [11, с. 58]. Этот же мотив встречается и на резных блоках из церкви св. Георгия в Эреде [11, с. 67] (нач. X в.). Так, резной орнаментальный фриз, составленный из ромбов, украшает колонну южного входа на середине длины.

Похожий орнамент украшает и некоторые резные блоки из Тбета, вмурованные ныне в стенку больницы в г. Цхинвал (X в.) [11, с. 68]. Так, на одном из блоков центральная часть композиции состоит из треугольников большого размера, обрамленная сверху и снизу узкими лентами из треугольников небольшого размера. На другом блоке, представляющем собой фрагмент наличника окна, центральная часть композиции выполнена ленточным орнаментом из переплетающихся кругов большего и меньшего диаметра. Как и в предыдущем случае, тонкие орнаментальные ленты из треугольников небольшого размера обрамляют центральную часть сверху и снизу. На третьем резном блоке из Тбета (рис. 12) (также фрагмент наличника окна) в центральной части композиции – орнаментальные розетки, составленные из ленты плетения в две полосы. Треугольники небольшого размера в два и даже в три ряда так же, как и в двух предыдущих случаях окаймляют центральную композицию снизу и сверху.

Треугольники и ромбы с точками большого размера встречаются и на резных блоках из Касагина (X в.) [11, с. 82]. На одном из двух блоков, вмурованных в стену заброшенной школы, виден только орнаментальный фриз из треугольников большого размера с точками внутри (рис. 13), на втором – орнаментальный фриз из ромбов большого размера с точками расположен над изображением льва и грифона [5].

Конечно, рассматриваемые мотивы широко распространены по всей территории Кавказа и за его пределами. В большинстве случаев, однако, они имеют более выраженный декоративный характер. Из хронологически близких памятников можно упомянуть изображения на фасадах собора свв. Петра и Павла в Татеве, Армения (нач. X в.). На северном фасаде, к примеру, сакрально значимый образ, имеющий, видимо, дохристианское происхождение (над щелевидным окном – изображение головы с двумя змеями), обрамлен широким орнаментальным поясом, одна из полос которого составлена из треугольников.

Орнаменты из треугольников или ромбов встречаются в этот период (VIII–X вв.) на сакральных объектах, связанных не только с христианской религией. Они в изобилии встре-

чаются на памятниках, происходящих с территорий, которые, как и Кавказ, в свое время составляли часть эллинистического мира [10].

Укажем лишь на некоторые из самых значимых примеров. Так, например, основой орнаментального оформления (нефигуративно и строится на сочетании геометрических фигур) мавзолея Саманидов в Бухаре (первый купольный мавзолей кубической формы, положивший начало этой архитектурной традиции в Средней Азии) (рубеж IX–X вв.) служит ромб и квадрат. Это заметно как в экстерьере, так и в интерьере здания. Композиция из треугольников и фигур, составленных из разных по размеру квадратов и ромбов, украшает северный портал мавзолея. Верхняя часть северной стены украшена композицией из ниш. Колонны некоторых из них оформлены треугольными мотивами. В украшении фронтона южного портала мавзолея также используется орнаментальная схема, основанная на сочетании ромбов, квадратов и треугольников. Та же схема прослеживается и в интерьере мавзолея. Считается, что на облик этого здания оказали влияние некоторые особенности оформления зороастрийских храмов огня.

Та же тенденция прослеживается и в украшении оссуариев VI–VII вв., найденных на городище Афрасиаб [17] в современном Самарканде. Вероятно, появление этих оссуариев связано с населением города, исповедовавшим зороастризм, или с христианами-несторианами. Так, фрагмент одного из оссуариев из коллекции Музея истории основания Самарканда «Афросиаб» (Афрасиаб) украшен орнаментом, основанным на сочетании треугольников большого размера и кружков (точек) с крестами. Треугольники с кружками или кресты, составленные из треугольников, появляются и на других фрагментах. Встречаются также фрагменты оссуариев, украшенные тонким фризом из треугольников небольшого размера.

В целом геометрический орнамент, как известно, широко распространяется на Ближнем Востоке с приходом арабов. Одним из ярких примеров может служить декоративное убранство (мозаики) зимней резиденции халифа Хишам ибн Абдул-Малик (724–743 гг.) под Иерихоном. Геометрические знаки в изобилии

встречаются и на позднеантичных мозаиках, в том числе тех, что происходят с территории Малой Азии и Верхней Месопотамии (Антандрос, римская вилла, III в. н. э., Зеугма).

Использование ромбов, треугольников, квадратов с точками в качестве элементов геометрического орнамента часто встречается на христианских памятниках с территории Кавказа и Каппадокии и в раннехристианский период. Из многочисленных примеров упомянем лишь некоторые. Так, например, круглое обрамление рельефного равноконечного креста из церкви св. Сергия в Гереме (VI–VII вв.) выполнено на основе мотива треугольника с точками [23] внутри.

В оформлении усыпальницы св. Григориса в монастыре Амарис (кон. V в.) (Нагорный Карабах) также присутствует мотив треугольников. Ромбы с точками присутствуют и в резном украшении церкви Ванкасар (капитель VII в.) близ Тигранокерта.

Эти же геометрические мотивы активно используются в оформлении христианских церквей на Кавказе и в более позднее время. В некоторых ситуациях они, как кажется, сохраняют свое сакральное значение, а иногда теряют его, оставаясь лишь декоративным элементом.

Так, например, на некоторых хачкарах с территории Армении сакральное значение рассматриваемых мотивов выходит на первый план. На хачкаре из Лика (Суник, 1517 г.) в верхней части композиции процветший крест с обеих сторон обрамлен розетками в круглой рамке, составленной из треугольников небольшого размера [19, р. 377]. На двух хачкарах из Татевы фигурирует сфера, составленная из треугольников небольшого размера. В одном случае две такие сферы венчают ростки у подножия процветшего креста, а в другом – она помещена под крестом на месте, где обычно изображается голова Адама.

Этот же мотив используется как чисто декоративный в изображении архитектурных элементов в сцене Гостеприимства Авраама на миниатюре из Евангелия 1316 г. (Матенадаран) (ms 4818, fol. 5v) [19, р. 341, fig. 1] и в рельефном украшении церкви Сурб Карапет (Нораванк, 1216–1227).

Однако в еще более позднее время в некоторых церквях в глухих горных районах

(территория современной Южной Осетии) рассматриваемые мотивы появляются на фасадах как некий знак, не совсем связанный с общей композицией. Вероятно, в таких случаях он имеет значение оберега, но это, как будет показано ниже, скорее всего связано с влиянием традиционной бытовой культуры. Примеры такого рода встречаются на фасадах поздней церкви в Дисеве (XVIII–XIX вв.). В одном случае рамка, составленная из треугольников небольшого размера, обрамляет щелевидное окно на фасаде, в другом – такое же окно на барабане (выполнена крестообразно). Имеются также орнаментальные вставки на фасаде в виде розетки в обрамлении рамки из треугольников и прямоугольной плиты, украшенной небольшими треугольниками в качестве фона, на котором две розетки также составлены из треугольников (рис. 14). Интересно, что истоки рассматриваемых геометрических мотивов уходят вглубь веков вплоть до периода неолита.

Многочисленные исследования семантики древних образов показывают, что треугольник и ромб, начиная с эпохи позднего палеолита, могли быть символами плодородия [2, с. 84]. Один из многочисленных, но весьма красноречивых примеров, которые раскрывают возможное сакральное значение ромба в древней культуре – изображение этрусской богини из Старого Музея в Берлине, VII в. до н. э. (рис. 15). Здесь воспроизведены сразу два важнейших символа (в том числе и для сакральной культуры Кавказа) – рогатый череп и ромб. В сакральном искусстве Урарту ромб также имел первостепенное значение, о чем свидетельствуют копии археологической живописи в Эребуни из фондов ГМИИ им. Пушкина¹. Эти знаки сохранились в качестве благоприятных и приносящих всяческое изобилие вплоть до наших дней (в традиционно-бытовой культуре), о чем свидетельствуют многочисленные амулеты и талисманы в виде треугольников и ромбов, происходящие, например, с территории Дагестана.

Вот лишь несколько из большого количества примеров, которые демонстрируют преемственность в восприятии этих знаков в сакральной и традиционно-бытовой культуре, в частности на Кавказе. На бронзовом ритуальном поясе эпохи поздней бронзы (XII–

IX вв. до н. э.) из собрания Национального Музея Республики Южная Осетия в г. Цхинвал изображено шествие животных, биологическую идентификацию которых зачастую сложно определить из-за синкретичности (которая, возможно, является их сакральным признаком) [9]. Тела животных и промежутки между ними отмечены геометрическими знаками (среди которых ромбы, треугольники, квадраты) со штриховкой и без, с точками внутри и снаружи, вписанными друг в друга. Штриховка в форме ромбов или сетчатый орнамент встречается на ритуальных бронзовых топорах, относящихся к Кобано-Колхидской культурно-исторической общности. Один из примеров – ритуальный бронзовый топор из Фаскау (Северная Осетия) (VII в. до н. э.) [14, с. 134, рис. 5].

Штриховка на животе в виде треугольников встречается на некоторых ритуальных антропоморфных статуэтках I–II вв. н. э. с территории Грузии и Дагестана [2, с. 238–239].

Те же знаки (треугольники, ромбы, квадраты с вписанными в них треугольниками и т. д.) активно используются в качестве охранных в системе украшения традиционного дома (а также на одежде, коврах, как значимый элемент в женских украшениях и т. д.) у многих народов Кавказа (в частности, на Северном Кавказе и в западной Грузии). Они видны, к примеру, на деревянных предметах быта, происходящих из традиционного осетинского дома, из этнографического отдела музея «Дворец Ксанских эриставов» в г. Ленингор и на современной алтарной преграде из храма в Мосабруне на территории Республики Южная Осетия.

Интересно, что знаки, которые, возможно, являлись символами плодородия (ромб с точкой, ромб с отростками) [1] еще с эпохи неолита, были обнаружены в безымянной церкви в Гереме в ходе недавних исследований [15]. Храм сложно датировать, но, вероятно, его можно отнести к VIII в., хотя вопрос этот еще требует проработки [15].

Выводы. Несмотря на то что такие древние сакральные символы, как ромб, треугольник, квадрат с точками и без них использовались достаточно широко в разных культурах, начиная с эпохи неолита (а в некоторых случаях и раньше) и, зачастую, судя по

этнографическому материалу, в традиционных обществах вплоть до наших дней (в том числе достаточно активно и в христианском искусстве), можно выделить ряд общих признаков, которые позволяют провести параллели разного рода именно между территориями Кавказа и Каппадокии. Как отмечалось уже в предыдущих исследованиях [4], ряд изображений с территории Кавказа² и Каппадокии имеют в один и тот же исторический период (VIII–X вв.), хотя и будучи исполненными в разных техниках (рельефы и фрески), ряд общих черт. Изображения обычно выполнены в примитивном плоскостно-графическом стиле, образ создается при помощи минимального набора технических средств. В иконографическом репертуаре – изображения животных, биологическую принадлежность которых зачастую сложно определить, геометрические знаки, розетки. Эти изображения имеют истоки в древних культурах, сформировавшихся на территории Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока, начиная с эпохи неолита.

Возможно, что на устойчивое присутствие этих знаков в сакральной и традиционно-бытовой культуре Северного Кавказа и Западной Грузии оказала влияние Кобано-Колхидская культурно-историческая общность. Такие идеи (в первую очередь, относительно зооморфных образов) высказывал еще выдающийся ученый-кавказовед А.А. Миллер (1875–1935) [12]. Он же сформулировал ключевой для изучения древностей Кавказа тезис о «преемственности и непрерывности в развитии основных форм» материальных предметов в «кавказском яфетическом мире» «при сравнительно незначительных вариационных изменениях» [13].

В христианской среде в рассматриваемый период времени (VIII–X вв.) они, вероятно, выполняли апотропеическую функцию. Последнее предположение подтверждается тем (помимо данных этнографии), что в пространстве храма (по крайней мере на ряде изображений с территории Северного Кавка-

за и, отчасти, Грузии) они располагались на сакрально значимых местах перехода (на наличниках окон, на порталах дверей, во внешней облицовке, на алтарных преградах и т. д.). Геометрические мотивы (треугольник, ромб, квадрат) могли использоваться в этом качестве самостоятельно, а могли усиливать художественное и смысловое значение (служить декоративной рамой) других сакральных знаков (изображения животных, рогатых черепов, розеток и др.).

Росписи красными линиями по белому фону, штукатурке или на плоскости стены с территории Каппадокии, в частности изображения животных, насекомых, розетки и ассоциированные с ними изображения ромбов, треугольников и точек внутри, также, вероятно, имели охранную функцию [18, р. 15–18].

Вышеизложенные наблюдения интересны еще и в контексте изучения художественной культуры варварской периферии Византийской империи в период становления независимых от последней государств. Для развития этого сюжета особенно плодотворным кажется изучение характера культурного взаимодействия между различными регионами так называемого Христианского Востока (в нашем случае – Каппадокия и Малая Азия в целом как обширная контактная зона).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По материалам доклада Р.Р. Вергазова «Открытие археологической живописи в Эрбуни. Хронология, изучение и атрибуция», прочитанного в рамках II Всероссийской научной конференции Востоковедные полевые исследования на базе ИВ РАН в г. Москва 20 апреля 2022 года.

² По преимуществу с тех территорий, которые входили в свое время в ареал распространения Кобано-Колхидской культурно-исторической общности, то есть нынешние горные районы западной Грузии (Сванетия, Верхняя Картли и др.), Абхазия, Республика Южная Осетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Неф верхнего яруса. Храм с колоннами. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 1. Nave of the upper storey. Church with columns. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

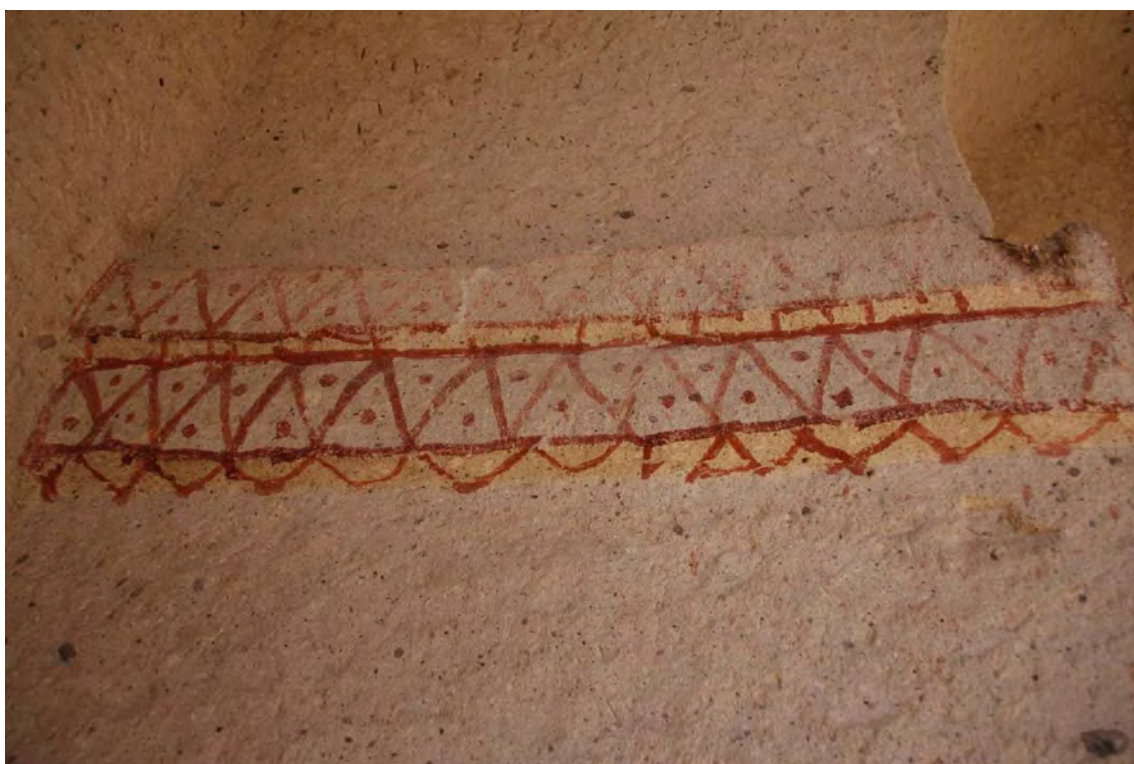

Рис. 2. Неф верхнего яруса. Храм с колоннами. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 2. Nave of the upper storey. The church with columns. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 3. Нижний ярус. Вход в нартекс. Храм с колоннами. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 3. Lowerstorey. Entrancetothearthex. The church with columns. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 4. Культурный объект из долины Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 4. Cult object from Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

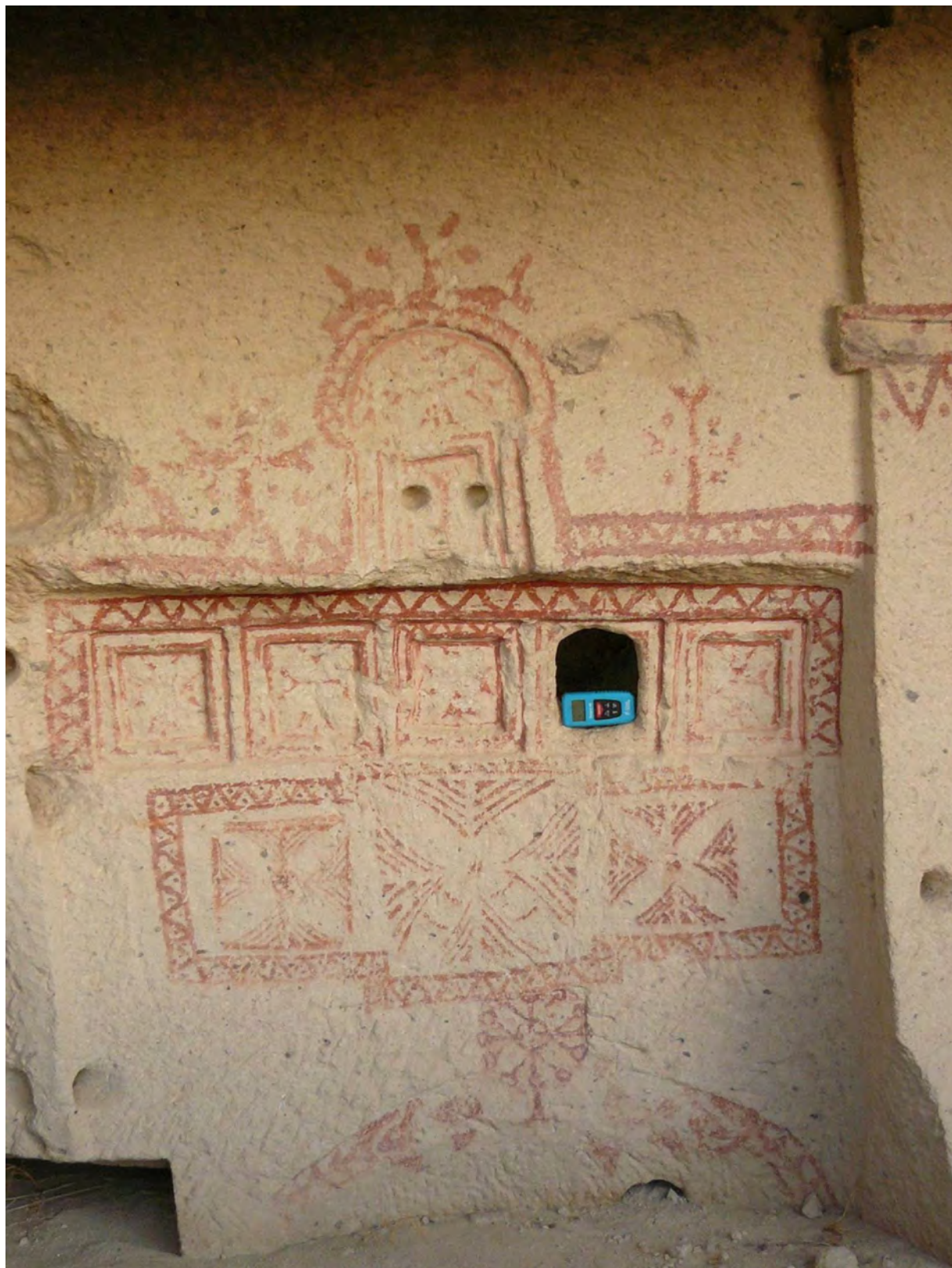

Рис. 5. Частично разрушенный культовый объект. Долина Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 5. Partly damaged cult object. Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 6. Частично разрушенный культовый объект. Долина Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 6. Partly damaged cult object. Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 7. Частично разрушенный культовый объект. Долина Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 7. Partly damaged cult object. Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 8. Западный вход. Церковь в Чавушине. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 8. Western entrance. The church in Çavuşin. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 9. Плита из Джегеты, Сванетия [21, ill. 303]
Fig. 9. Block from Djegeta. Svanetia [21, ill. 303]

Рис. 10. Фасад церкви в Мушевани [21, ill. 188]
Fig. 10. Façade of the church in Muşevani [21, ill. 188]

Рис. 11. Восточный фасад церкви в Убиси. Имерети [21, ill. 191]
Fig. 11. Eastern façade of the church in Ubisi. Imereti [21, ill. 191]

Рис. 12. Плита из Тбета. Вмурована в стену больницы. Г. Цхинвал. Фото Е.Ю. Ендольцевой
Fig. 12. Block from Tbet. Embedded to the wall of a hospital. Tskhinval. Photo of E. Yu. Endoltseva

Рис. 13. Резной блок, вмурованный в стену заброшенной школы. Касагина. Фото Е.Ю. Ендольцевой
Fig. 13. Carved block embedded to the wall of an abandoned school. Kasagina. Photo of E. Yu. Endoltseva

Рис. 14. Резной блок. Южный фасад церкви в Дисеве. XVIII–XIX вв. Фото Е.Ю. Ендольцевой
Fig. 14. Carved block. Southern façade of the church in Disev, 18th–19thcc. Photo of E. Yu. Endoltseva

Рис. 15. Этрусская богиня Ватика. Старый Музей в Берлине
Fig. 15. Etruscan goddess Vatica. The Old Museum in Berlin

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз, А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А. К. Амброз // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 14–28.
2. Брилева, О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.) / О. А. Брилева. – М. : ТАУС, 2012. – 424 с.
3. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – М. : Русслит ; Иерусалим, 1994. – 375 с.
4. Ендольцева, Е. Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии / Е. Ю. Ендольцева // Российская археология. – 2012. – № 3. – С. 109–115.
5. Ендольцева, Е. Ю. Синкретизм христианских и дохристианских верований на примере архитектурной пластики Северного Кавказа / Е. Ю. Ендольцева // Историко-культурное наследие Юга России : науч.-практ. конф., г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г. – М. : Кн. мир, 2015. – С. 271–280.
6. Ендольцева, Е. Ю. Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на Южном Кавказе в период Средневековья / Е. Ю. Ендольцева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 2 (56). – С. 323–338.
7. Ендольцева, Е. Ю. Мотив головы барана в архитектурной пластике Кавказа X–XIV вв. / Е. Ю. Ендольцева // Аллоп. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты. – М. : Ин-т востоковедения РАН ; Цхинвал, 2021. – С. 161–173.
8. Ендольцева, Е. Ю. Образ змеи-дракона в архитектурной декорации христианских храмов Кавказа в эпоху Средневековья / Е. Ю. Ендольцева // Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи : сб. ст. по материалам VIII Научных чтений, посвящ. памяти Д. И. Арсенишвили. – М. : Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, 2021. – С. 167–177.
9. Ендольцева, Е. Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв. / Е. Ю. Ендольцева, А. Ю. Скаков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2020. – Вып. 37. – С. 9–28.
10. Кузенков, П. В. Рождение Христианского Востока как трансформация эллинистической культуры / П. В. Кузенков // Рождение Христианского Востока. Этнокультурные взрывы Поздней Античности. Материалы круглого стола / под ред. К. А. Панченко. – М. : ЦЕИ РАН, 2021. – С. 8–24.
11. Меписашвили, Р. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида-Картли / Р. Меписашвили, В. Цинцадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1975. – 198 с.
12. Миллер, А. А. Изображение собаки в древностях Кавказа / А. А. Миллер // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – 1922. – Т. II. – С. 294–310.
13. Миллер, А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана / А. А. Миллер // Материалы по этнографии. – Л. : Изд. Гос. Рус. Музея, 1927. – Т. IV, вып. 1. – С. 15–76.
14. Скаков, А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии / А. Ю. Скаков // Древности Северного Кавказа. – М. : [б. и.], 1999. – С. 121–135.
15. Шевченко, Д. В. Половая символика в христианстве как архаический, культурный феномен (по материалам полевых исследований росписей в христианских храмовых росписях в Каппадокии. Турция) / Д. В. Шевченко // Мирозрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2013. – № 6. – С. 179–191.
16. Шевченко, Д. В. Проблема идентификации зооморфного образа в рельефе церкви Святого Феодора Анакопийской крепости (Абхазия) / Д. В. Шевченко // Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. – 2017. – Вып. 3–4 (12–13). – С. 42–51.
17. Afrosiyob / сост. С. Мустафокулов, Д. Саидмуродов. – Самарканд : [б. и.], 2014. – 46 с.
18. Andaloro, M. Signs on the Rock. Red Paintings in the Valleys of Göreme and Kiliçlar (Turkey) / M. Andaloro [et al.] // Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Caves. Hypogea 2017. Cappadocia, Turkey, 6/10 March 2017 / ed. M. Parise [et al.]. – Istanbul : [s. n.], 2017. – P. 11–19.
19. Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IV–XVIII siècles) / sous dir. J. Durand, I. Rapti, D. Giovannoni. – Paris : Somogy, 2007. – 471 p.
20. Brubaker, L. Aniconic decoration in the Christian World: East and West / L. Brubaker // Cristianità d'Occidente e cristianità d'Oriente: (secoli VI–XI). – Spoleto : Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 2003. – P. 573–590. – (Settimane di studio della Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo ; vol. 51).
21. Dadiani, T. Medieval Georgian Sculpture / T. Dadiani, T. Khundadze, E. Kvachatadze. – Tbilisi : George Chubinashvili National Research Centre for Georgian Art History and Heritage Preservation, 2017. – 375 p.
22. Jerphanion, G. de. Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. T. I, 1re partie / G. de Jerphanion. – Paris : Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1925. – LXIV, 298 p.; T. I, 2e partie. – 1932. – VIII, 318 p.; T. II, 1re partie. – 1936. – 388 p., 45 fig.; T. II, 2e partie. – 1942. – VIII, 538 p.

23. Jolivet-Lévy C. Saint-Serge de Matiané, son décor sculpté et ses inscriptions / C. Jolivet-Lévy, N. Demesnil Lemaigre // *Travaux et mémoires*. – 2005. – T. 15 : Mélanges Jean-Pierre Sodini. – P. 67–83.

24. Jolivet-Levy, C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review / C. Jolivet-Levy // *Eastern Christian Art*. – 2012–2013. – Vol. 9. – P. 53–62.

25. Jolivet-Lévy, C. De l'aniconisme en Cappadoce: Quelques réflexions à la lumière de découvertes récentes / C. Jolivet-Lévy // *L'aniconisme dans l'art religieux byzantin. Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009)* / par M. Campagnolo [et al.]. – Genève : La Pomme d'or : Musées d'art et d'histoire de Genève, 2015. – P. 127–139, 271–284.

26. Kuehn, S. The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art / S. Kuehn. – Leiden ; Boston : Brill, 2011. – XII, 298 p., 92 p. pl.

27. Melvani, N. Apotropeia and Ornament: Late Byzantine Sculpture and the Migration of Pseudo-Arabic Writing / N. Melvani // *Atti. Accademia Roveretana degli Agiati. Ser. IX*. – 2018. – Vol. VIII, A. – P. 128–139.

28. Ousterhout, R. Remembering the Dead in Byzantine Cappadocia : The Architectural Settings for Commemoration / R. Ousterhout // *Architecture of Byzantium and Kievan Rus from the 9th to the 12th Centuries* // *Materials of the International Seminar. November 17–21, 2009*. – Saint Petersburg : The State Hermitage Museum, 2010. – P. 87–98. – (Transactions of the State Hermitage Museum ; vol. LIII).

29. Rodley, L. Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia / L. Rodley. – Repr. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – xviii, 266 p.

30. Teteriatnikov, N. The Frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their Date and Context Reconsidered / N. Teteriatnikov // *Cahiers archéologiques*. – 1992. – № 40. – P. 99–113.

31. Thierry, N. De la datation des églises de Cappadoce / N. Thierry // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1995. – Bd. 88. – P. 419–455.

REFERENCES

1. Ambroz A.K. Rannezemledelcheskiy kultovyy simvol («romb s kryuchkami») [Early Agricultural Cult Symbol (“Rhomb with Appendages”)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1965, no. 3, pp. 14–28.

2. Brileva O.A. *Drevnyaya bronzovaya antropomorfnyaya plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.)* [Ancient Bronze Anthropomorphic Plastic of Caucasus (15th BC – 10th AD)]. Moscow, TAUS Publ., 2012. 424 p.

3. Golan A. *Mifi simvol* [Myth and Symbol]. Moscow, Russlit Publ., Jerusalem Publ., 1994. 375 p.

4. Endoltseva E.Yu. Zapadnoe Zakavkaze i Kappadokiya: nekotorye ikonograficheskie paralleli v period Makedonskoy dinastii [Western Transcaucasia and Cappadocia: Some Parallels in the Macedonian Period]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2012, no. 3, pp. 109–115.

5. Endoltseva E.Yu. Sinkretizm khristianskikh i dokhristianskikh verovaniy na primere arkhitekturnoy plastiki Severnogo Kavkaza [Syncretism of Christian and Pre-Christian Beliefs on the Example of Architectural Decoration of the North Caucasus]. *Istoriko-kulturnoe nasledie Yuga Rossii: nauch.-prakt. konf., g. Stavropol, 9 fevralya 2015 g.* [Historical and Cultural Heritage of Southern Russia. (Research and Practice Conference, Stavropol, 9 February 2015.)]. Moscow, Kn. mir Publ., 2015, pp. 271–280.

6. Endoltseva E.Yu. Sinkreticheskie obrazy: izobrazeniya bychey golovy v arkhitekturnoy plastike khristianskikh khramov na Yuznom Kavkaze v period Srednevekovyia [Syncretic Images: Image of Bull Head in Architectural Decoration of the Christian Churches in Southern Caucasus in Medieval Period]. *Problemi istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2017, no. 2 (56), pp. 323–338.

7. Endoltseva E.Yu. Motiv golovi barana v arkhitekturnoy plastike Kavkaza X–XIV vv. [Motif of Ram's Head in Architectural Decoration in Caucasus in the 10th–14th Centuries]. *Allon. K 60-letiyu zaslužennogo deyatelya nauki RYuO professora Yu. A. Dzitsioitti* [Allon. On the Occasion of the 60th Anniversary of the Honored Scientist of the Republic of South Ossetia, Professor Yu. A. Dzitstsoyty: Collective Monograph (Moscow, 2021; Tskhinval, 2021)]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN; Tskhinval, 2021, pp. 161–173.

8. Endoltseva E.Yu. Obraz zmei-drakona v arkhitekurnoy dekoratsii khristianskikh khramov Kavkaza v epokhu Srednevekovyia [Image of Snake-Dragon in the Architectural Decoration of Christian Churches in Caucasus in Medieval Period]. *Rossiya. Gruzija. Khristianskiy Vostok. Dukhovnye i kulturnye svyazi: sb. st. po materialam VIII Nauchnykh chteniy, posvyashch. pamyati D.I. Arsenishvili* [Russia. Georgia. Christian East. Spiritual and Cultural Ties. Collection of Articles Based on the Materials of the 8th Scientific Readings Dedicated to the Memory of D.I. Arsenishvili]. Moscow, Tsentralnyy muzey drevnerusskoy kultury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, 2021, pp. 167–177.

9. Endoltseva E.Yu., Skakov A.Yu. Zoomorfnyye obrazy v arkhitekturnoy plastike Kavkaza IX–XI vv. [Zoomorphic Images in Architectural Decoration of Caucasus in the 9th – 11th Centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva* [St. Tikhon's University Review. Problems of History and Theory of Christian Art], 2020, iss. 37, pp. 9–28.

10. Kuzenkov P.V. Rozhdenie Khristianskogo Vostoka kak transformatsiya ellinisticheskoy kultury [Birth of Christian East as Transformation of Hellenistic Culture]. Panchenko K.A., ed. *Rozhdenie Khristianskogo Vostoka. Etnokulturnye vzryvy Pozdney Antichnosti. Materiali kruglogo stola* [Birth of Christian East. Ethnocultural Explosions of the Late Antiquity. Proceedings of the Round Table]. Moscow, TsEI RAN, 2021, pp. 8-24.
11. Mepisashvili R., Tsintsadze V. *Arhitektura nagornoy chasti istoricheskoy provintsii Gruzii – Shida-Kartli* [Architecture of the Mountain Part of Georgia – Shida Kartli]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1975. 198 p.
12. Miller A.A. Izobrazenie sobaki v drevnostyah Kavkaza [The Dog Image in Antiquities of Caucasus]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii istorii materialnoy kultury* [News of the State Academy of History of Material Culture], 1922, vol. 2, pp. 294-310.
13. Miller A.A. Drevnie formy v materialnoy kulture sovremennogo naseleniya Dagestana [Ancient Forms in the Material Culture of Modern Population of Dagestan]. *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. Leningrad, Izd. Gos. Rus. Muzeya, 1927, vol. 4, iss. 1, pp. 15-76.
14. Skakov A.Yu. Ornamentirovannyye topory mogilnika Faskau v Severnoy Ossetii [Decorated Axes of the Faskau Grave in Northern Ossetia]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza* [Antiquities of the Northern Caucasus]. Moscow, s. n., 1999, pp. 121-135.
15. Shevchenko D.V. Polovaya simvolika v khristianstve kak arkhaiskiy, kulturnyy fenomen (po materialam polevykh issledovaniy rospisey v khristianskikh khramovykh rospisyakh v Kappadokii. Turtsiya) [Sex Symbolism in Christianity as Archaic Cultural Phenomenon (on Materials of Field Researches of Frescoes in Christian Churches in Cappadocia, Turkey)]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii v istoricheskoy perspective* [Worldview of the Population of the Southern Siberia and Central Asia in Historical Perspective], 2013, no. 6, pp. 179-191.
16. Shevchenko D.V. Problema identifikatsii zoomorfnoy obraza v relyefe tserkvi Svyatogo Feodora Anakopiyskoy kreposti (Abkhaziya) [Problem of Identification of Zoomorphic Image in Relief of the Church of St. Theodore in Anacopia Fortress (Abkhazia)]. *Narodi i religii Evrazii. Etnologiya. Religiovedenie. Arheologiya* [People and Religions of Eurasia. Ethnology. Religious Sciences. Archaeology], 2017, iss. 3-4 (12-13), pp. 42-51.
17. Mustafokulov S., Saidmurodov D., eds. *Afrosiyob*. Samarkand, s. n. 2014. 46 p.
18. Andaloro M. et al. Signs on the Rock. Red Paintings in the Valleys of Göreme and Kiliçlar (Turkey). Parise M. et al., eds. *Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Caves. Hypogea 2017*. Cappadocia, Turkey, 6/10 March 2017. Istanbul, s. n., 2017, pp. 11-19.
19. Durand J., Rapti I., Giovannoni D., eds. *Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IV–XVIII siècles)*. Paris, Somogy, 2007. 471 p.
20. Brubaker L. Aniconic Decoration in the Christian World: East and West. *Cristianità d'Occidente e cristianità d'Oriente: (secoli VI–XI)*. Spoleto, Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 2003, pp. 573-590. (Settimane di studio della Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo; vol. 51).
21. Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. *Medieval Georgian Sculpture*. Tbilisi, George Chubinashvili National Research Centre for Georgian Art History and Heritage Preservation, 2017. 375 p.
22. Jerphanion G. de. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce*. T. I, 1re partie. Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1925. LXIV, 298 p.; T. I, 2e partie. 1932. VIII, 318 p.; T. II, 1re partie. 1936. 388 p., 45 fig.; T. II, 2e partie. 1942. VIII, 538 p.
23. Jolivet-Lévy C., Lemaigre Demesnil N. Saint-Serge de Matiané, son décor sculpté et ses inscriptions. *Travaux et Mémoires*, 2005, vol. 15: *Mélanges Jean-Pierre Sodini*, pp. 67-83.
24. Jolivet-Levy C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review. *Eastern Christian Art*, 2012–2013, vol. 9, pp. 53-62.
25. Jolivet-Lévy C. De l'aniconisme en Cappadoce: quelques réflexions à la lumière de découvertes récentes. Campagnolo M. et al., eds. *L'aniconisme dans l'art religieux byzantin. Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009)*. Genève, La Pomme d'or, Musées d'art et d'histoire de Genève, 2015, pp. 127-139, 271-284.
26. Kuehn S. *The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art*. Leiden; Boston, Brill, 2011. XII, 298 p., 92 p. pl.
27. Melvani N. Apotropeia and Ornament: Late Byzantine Sculpture and the Migration of Pseudo-Arabic Writing. *Atti. Accademia Roveretana degli Agiati. Ser. IX*, 2018, vol. VIII, A, pp. 128-139.
28. Ousterhout R. Remembering the Dead in Byzantine Cappadocia: The Architectural Settings for Commemoration. *Architecture of Byzantium and Kievan Rus from the 9th to the 12th Centuries. Materials of the International Seminar. November 17–21, 2009*. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum, 2010, pp. 87-98. (Transactions of the State Hermitage Museum; vol. 53).
29. Rodley L. *Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia*. Reprint. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. xviii, 266 p.
30. Teteriatnikov N. The Frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their Date and Context Reconsidered. *Cahiers archéologiques*, 1992, no. 40, pp. 99-113.
31. Thierry N. De la datation des églises de Cappadoce. *Byzantinische Zeitschrift*, 1995, Bd. 88, S. 419-455.

Information About the Author

Ekaterina Yu. Endoltseva, Doctor of Sciences (History of Art), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, kendoltseva@okivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1558-2819>

Danil V. Shevchenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Institute of Foreign Languages of Shenyang Normal University, Wanghua South St, 21, 110044 Shenyang, China, shevchenko.danil1979@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9018-7280>

Информация об авторах

Екатерина Юрьевна Ендольцева, доктор искусствоведения, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, kendoltseva@okivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1558-2819>

Данил Викторович Шевченко, кандидат исторических наук, доцент, Институт иностранных языков, Шэньянский педагогический университет, Wanghua South Street, No. 21, Dadong District, 110044 г. Шэньян, Китайская Народная Республика, shevchenko.danil1979@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9018-7280>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.17>

UDC 27-526.6(091)

LBC 86.37-34

Submitted: 13.06.2022

Accepted: 07.07.2022

NEW FINDINGS OF CROSSES ON THE TERRITORY OF HISTORICAL ALANIA

Viktor N. Chkhaidze

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the period from the 10th to the beginning of the 13th centuries on the territory of historical Alania (the east of Krasnodar Krai – the northern regions of Chechnya), the Christian church flourished. The material evidence of religious life in this territory is the data of staurography – namely, the finds of reliquary crosses, pectoral crosses, quadrifolia. The choice of the subject of personal piety was determined not only by the assortment of local craft workshops and the directions of trade relations, but also by the taste and capabilities of each person. Therefore, the study of this category of finds makes the historical and social portrait of the early Christians of the North Caucasus more prominent. **Methods.** As a result of the baptism of the Alans in the 10th century and the establishment of the Alan Diocese with its center in Nizhny Arkhyz (914), crosses of Byzantine provincial and ancient Russian origin are becoming widespread on the territory of Alania. With the spread of Christianity, imitative and imitation types of crosses appear in the local Alan environment, the finds of which have not yet been found outside the Caucasus. To date, there are more than 120 crosses-encolpia, pectoral crosses and quadrifolia of the 12th – 13th centuries known on the territory of historical Alania. In this regard, the discovery of each new cross is of outstanding interest. **Analysis.** Currently, to the body of crosses originating from the territory of Alania, we can add the finds of four more interesting specimens found in recent years in the eastern regions of Krasnodar Krai, the Karachay-Cherkessia Republic, the south of Stavropol Krai, and the north of the Chechen Republic. The first cross is the front leaf of the reliquary cross with the image of the Crucifixion, dates from the 11th – 12th centuries and belongs to the Byzantine crosses of the Balkan (?) origin. Such crosses are quite common, being one of the first in Old Rus, made by visiting craftsmen. The second cross – the reverse leaf of the reliquary cross with the image of the Virgin the Sign. Only two similar instances are known. These crosses were made by local (or visiting) craftsmen in Alania according to numerous Byzantine samples and date back to the 12th century. The third cross is one-sided, with the image of an unknown saint (St. Nicholas?). Crosses of a similar shape are known, but with the image of the Crucifixion. These crosses were made in the local, Alan environment and date back to the 12th – 13th centuries. The fourth cross is one-sided, silvered, with the image of the Crucifixion. As analogies, seven one-sided crosses identical in shape and composition from the territory of the Northern and Western Pre-Caucasus are given. In Alania, these crosses were in use from the middle or the second half of the 10th century to the turn of the 11th– 12th centuries. Different versions of the image of Christ are explained by the presence of several local workshops, as well as different craft and artistic traditions. **Results.** The presented finds of crosses not only add to the evidence of the Christianization of Alania in the 11th – 12th centuries, but also provide valuable information about the nature of the local, imitative Byzantine originals of the production of objects of personal piety.

Key words: North Caucasus, Alania, Christianity, staurography, crosses, reliquary crosses.

Citation. Chkhaidze V.N. New Findings of Crosses on the Territory of Historical Alania. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 276-283. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.17>

НОВЫЕ НАХОДКИ НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ АЛАНИИ¹

Виктор Николаевич Чхаидзе

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Материальным свидетельством религиозной жизни на территории исторической Алании (восток Краснодарского края – северные районы Чечни) в период с X по начало XIII в. на этой территории являются данные ставрографии – а именно находки крестов-энколпионов, крестов-тельников, квадрифолиев. Изучение данной категории находок делает более рельефным исторический и социальный портрет ранних христиан Северного Кавказа. В результате крещения алан в X в. и учреждения Аланской епархии с центром в Нижнем Архызе (914 г.) на территории Алании получают распространение кресты византийского провинциального и древнерусского происхождения. С распространением христианства в местной аланской среде возникают подражательные и имитационные типы крестов, находки которых пока что не встречены за пределами Кавказа. К настоящему времени на территории Алании известно более 120 крестов. К этому корпусу можно добавить находки еще четырех интересных экземпляров, найденных в последние годы в восточных районах Краснодарского края, Республики Карачаево-Черкесия, юга Ставропольского края, севера Республики Чечня. Первый крест – лицевая створка энколпиона с изображением Распятия, датируется XI–XII вв. и относится к византийским крестам балканского (?) происхождения. Такие кресты достаточно распространены, являясь одними из первых на Руси, выполненными приезжими мастерами. Второй крест – обратная створка энколпиона с изображением Богородицы Знамение. Известно только два аналогичных экземпляра. Эти кресты изготовлены местными (либо приезжими) мастерами в Алании по многочисленным византийским образцам и датируются XII веком. Третий крест – односторонний, с изображением неизвестного святого (св. Николай?). Известны кресты подобной формы, но с изображением Распятия. Эти кресты изготавливались в местной, аланской среде и датируются XII–XIII веками. Четвертый крест – односторонний, посеребрённый, с изображением Распятия. В качестве аналогий приводится семь идентичных по форме и композиции односторонних крестов с территории Северного и Западного Предкавказья. В Алании эти кресты имели хождение с середины – второй половины X в. до рубежа XI–XII веков. Различные варианты изображения Христа объясняются наличием нескольких местных мастерских, а также неодинаковыми ремесленно-художественными традициями. Представленные находки крестов не только пополняют свидетельства христианизации Алании в X–XII вв., но и предоставляют ценную информацию о характере местного, подражательного византийским оригиналам производства предметов личного благочестия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Алания, христианство, ставрография, нательные кресты, энколпионы.

Цитирование. Чхаидзе В. Н. Новые находки нательных крестов на территории исторической Алании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 276–283. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.17>

Введение. История возникновения и распространения христианства на территории Северного Кавказа, является одной из наиболее актуальных фундаментальных проблем, изучение которой представляет непреходящее научное значение. В период с X по начало XIII в. на территории исторической Алании (восток Краснодарского края – северные районы Чечни) – этого религиозно-культурного перекрестка между Западом и Востоком – христианская церковь переживала расцвет. Помимо исследования храмового зодчества, христианского погребального обряда, церковных связей,

отраженных в памятниках сфрагистики и пр., материальным свидетельством религиозной жизни на этой территории являются данные ставрографии – а именно находки крестов-энколпионов, крестов-тельников, квадрифолиев. Выбор предмета личного благочестия определялся не только имеющимся ассортиментом местных ремесленных мастерских и направлениями торговых связей, но также вкусом и возможностями каждого человека, а потому изучение данной категории находок делает чуть более рельефным исторический и социальный портрет ранних христиан Северного Кавказа.

Методы. Предметы личного благочестия, как объекты церковной археологии, позволяют раскрыть новые данные по средневековой истории Предкавказья, их находки предоставляют разнообразную информацию о жизни религиозной общины и отдельных ее членов: торговые и культурные связи, этнокультурный состав общины, происхождение и профессионализм мастеров, разветвленность местной ремесленной сети и т. д.

В результате крещения алан в X в. и учреждения Аланской епархии с центром в Нижнем Архызе (914 г.) [2, с. 14–21] на территории Алании получают распространение кресты-энколпионы, простые кресты-тельники, квадрифолии византийского провинциального и древнерусского происхождения. С распространением христианства, помимо импортных предметов личного благочестия, в местной аланской среде возникали подражательные и имитационные типы крестов, находки которых пока что не встречены за пределами Кавказа [18, с. 56–57].

К настоящему времени на территории исторической Алании известно более 120 крестов-энколпионов, крестов-тельников и квадрифолиев X–XIII вв. (см.: [20, с. 288–298]). В этой связи находка каждого нового креста представляет незаурядный интерес.

Анализ. В настоящее время к корпусу крестов, происходящих с территории Алании, можно добавить находки еще четырех интересных экземпляров, найденных в последние годы в восточных районах Краснодарского края, Республики Карачаево-Черкесия, юга Ставропольского края, севера Республики Чечня.

Список крестов.

1. Лицевая створка креста-энколпиона (восток Краснодарского края) (рис. 1, 1) размерами 10,2 × 7,2 см, толщиной – 0,9 см. Крест литой, с немного расширяющимися концами. Края створки окаймлены зубчатым бортиком. Изображение – рельефного Распятия с возглавием и подножием. Христос препоясан, под его ладонями помещены фигуры предстоящих – Богородицы и Иоанна Богослова. В возглавии надпись – НХС, под руками Христа – НСС | ХСЪ. Относится к рельефным со свободной компоновкой изображения энколпионам типа П.2.1 [6, с. 83–84], к рельефным с декором типа I [21, р. 30–32, fig. 12] и типа 1.1.1

[5, обр. 1]. На обратной створке таких энколпионов присутствует центральное изображение св. Николая в рост, полуфигур св. Константина и св. Елены на боковых концах и св. Георгия вверху.

Крест датируется XI–XII вв., относится к византийским крестам балканского (?) происхождения, помимо этого, такие кресты были одними из первых на Руси, выполненных приезжими мастерами. Известно достаточно большое количество находок [6, с. 84–86, № 1–21, табл. 35–38; 21, р. 242, № 188; 1, с. 18–19, 151–154, № 26–30]. Представлены они, в том числе и в грабительских так называемых «систематизированных каталогах» (ценниках) [12, с. 36, № 110].

Ближайшая и прямая аналогия рассматриваемому кресту – две створки энколпиона, происходящего с территории Таманского полуострова [13, с. 12–13, рис. 1–2; 17, с. 436–437, рис. 1, 2].

2. Обратная створка креста-энколпиона (Карачаево-Черкесия) (рис. 1, 2) размерами 9,3 × 6,0 см, толщиной – 0,8 см. Крест литой, с изображением Богородицы Знамение в широком одеянии с подчеркнутыми складками, по четырем концам креста – погрудные фигуры святых анфас в медальонах. Изображения почти плоские, обобщенные, надписей нет. Створка относится к крестам с декором типа VIII [21, р. 36, fig. 12] и типа 1.1.5 [5, обр. 1]. На лицевой створке таких крестов присутствует изображение Распятия, по концам – святые в четырех медальонах.

Известно еще два аналогичных (включая размеры) креста-энколпиона [20, с. 294, рис. 10, 1–2]: первый был обнаружен в с. Каменноостское (Кабардино-Балкария) [7, с. 82, рис. 1, 6–7], второй происходит с территории Краснодарского края [3, с. 27–28, № 20]. В.А. Кузнецов датирует крест из Каменноостского XIII–XIV вв. [8, с. 81], однако, предпочтительнее относить эту группу крестов к XII веку.

Следует полагать, что эти кресты (рассматриваемый и крест из Каменноостского – одних матриц?) изготовлены местными (либо приезжими) мастерами в Алании по многочисленным византийским образцам (см.: [20, с. 288–291, ил. 6]).

3. Односторонний литой крест-тельник (юг Ставропольского края) (рис. 1, 3). Раз-

меры креста – $7,4 \times 5,3$ см, толщина – 0,3 см. Крест с закруглениями в виде медальонов – в местах их примыкания к лопалям имеют выступы-«слезки», декорирующие край лопасти и придающие ей небольшое расширение. Нижняя лопасть длиннее верхней. По центру креста – изображение стоящей бородатой фигуры (св. Николай?) в омофоре, держащей в правой руке Евангелие, в левой – посох с навершием в виде креста. Ступни ног расставлены в стороны. По четырем концам креста, в медальонах – погрудные фигуры святых анфас. Надписей нет. Обратная сторона плоская. Относится к крестам со смешанным декором типов VI и X [21, р. 32, 34, 37, 39, fig. 12] и типа 1.4.10 [5, обр. 52].

Аналогий кресту найти не удалось. Однако известны кресты из с. Каменноостское подобной формы, но с изображением Распятия [10, с. 301–302, рис. 1, 18, 20, 8, 2, 12, 3; 20, с. 294, ил. 10, 19–21]. Несомненно, эти кресты изготавливались в местной, аланской среде, а одним из их прототипов могут являться кресты-мошевики с односторонними рельефными изображениями (Распятие, святые в медальонах) и тремя выступами-«слезками» на концах [14, с. 14, № 286, табл. XXV; 6, с. 210, табл. 134, 151; 21, р. 243, по. 192]. Датируется XII–XIII веками.

4. Односторонний литой крест-тельник (север Чечни) (рис. 1, 4), размерами $3,2 \times 2,4$ см, толщиной – 0,2 см. Крест с концами в виде полукружия-лепестков, нижняя лопасть длиннее верхней. Поверхность креста посеребренная. На лицевой стороне – Распятие. Христос, облаченный в длинный колобий, вписан в рамку и изображен прямо, голова большая, подтреугольной формы, руки прямые, кисти большие. Ступни ног расставлены в стороны. Обратная сторона плоская. Крест относится к типу 1.4.3 [5, обр. 52].

В качестве аналогий следует привести семь идентичных по форме (полукружия-лепестки, известны кресты и с подпрямоугольными окончаниями лопастей) и композиции (с грубым изображением Распятия) односторонних крестов: два с Ильичевского городища (1: [9, с. 58, рис. 19, 6; 19, с. 253, рис. 2, 1; 20, с. 293, ил. 9, 1]; 2: [19, с. 252–253, рис. 1; 20, с. 293, ил. 9, 6]); один – из окрестностей

Ильичевского городища [11, с. 99–101, рис. 1; 19, с. 253, рис. 2, 2; 20, с. 293, ил. 9, 7]; из с. Каменноостское [10, с. 310–311, рис. 1, 7; 19, с. 253, рис. 2, 3; 20, с. 293, ил. 9, 2]; из погребения у церкви Крион Нерон (близ Адлера) [16, с. 319–320, рис. 511; 19, с. 253, рис. 2, 4; 20, с. 293, ил. 9, 8]; крест из с. Лыхны (Абхазия) [16, с. 319, рис. 510; 19, с. 253, рис. 2, 5; 20, с. 293, ил. 9, 3]; из Абхазского государственного музея (Сухуми) [16, с. 319, рис. 509; 19, с. 253, рис. 2, 7; 20, с. 293, ил. 9, 4].

Два подобных креста известны на территории Грузии: из с. Несгуни (Сванети) (датируется второй половиной VII – первой половиной VIII вв.) [15, с. 79, рис. 3, табл. XI, 1; 19, с. 253, рис. 2, 8; 20, с. 293, ил. 9, 11] и с. Шенкао (Тушети) [4, с. 15–18, табл. I, 1–2; 10, с. 227, рис. 1, 3; 19, с. 253, рис. 2, 9; 20, с. 293, ил. 9, 7].

Заметно большой круг аналогий, происходящих с территории Абхазского царства и Западной Грузии, позволяет ставить вопрос не только об импортном проникновении крестов данного типа на Северный Кавказ, но и о непосредственном присутствии в Западной Алании мастеров – выходцев из Закавказья, благодаря которым такие кресты-тельники распространялись в аланской среде. Появление в Алании приезжих мастеров, обеспечивающих запросы молодой местной христианской общины, четко прослеживается на примере храмового строительства. Так, со строителями из Абхазии связывается возведение храма № 1 на Ильичевском городище и ряда других церквей X в. [2, с. 52–53].

В Алании представленные кресты имели хождение с середины – второй половины X в. до рубежа XI–XII веков. Следует полагать, что различные варианты изображения Христа объясняются наличием нескольких местных мастерских, а также неодинаковыми ремесленно-художественными традициями. Прототипы таких крестов происходят из Закавказья и малоазийских провинций Византии, где начинают изготавливаться с VI–VII вв. [11, с. 99, 101].

Результаты. Таким образом, представленные находки крестов не только пополняют корпус археологических источников – свидетельств христианизации Алании в X–XII вв., но и предоставляют ценную ин-

формацию о характере местного, подражательного византийским оригиналам производства предметов личного благочестия. Немногочисленность сведений, касающихся церковной истории Алании, ее населения, особенно подчеркивает исключительную ценность каждой новой находки, что позволяет ввести в научный оборот дополнительную информацию в более широком контексте, в целом относящемся ко всему северокавказскому региону.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01488 по теме «Христиане Северного Кавказа X–XIII веков: исторический, социальный и демографический портрет», <https://rscf.ru/project/22-28-01488/>.

The research is funded by Russian Science Foundation, project 22-28-01488 on the topic “Christians of the North Caucasus of the X–XIII centuries: historical, social and demographic portrait”, <https://rscf.ru/project/22-28-01488/>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

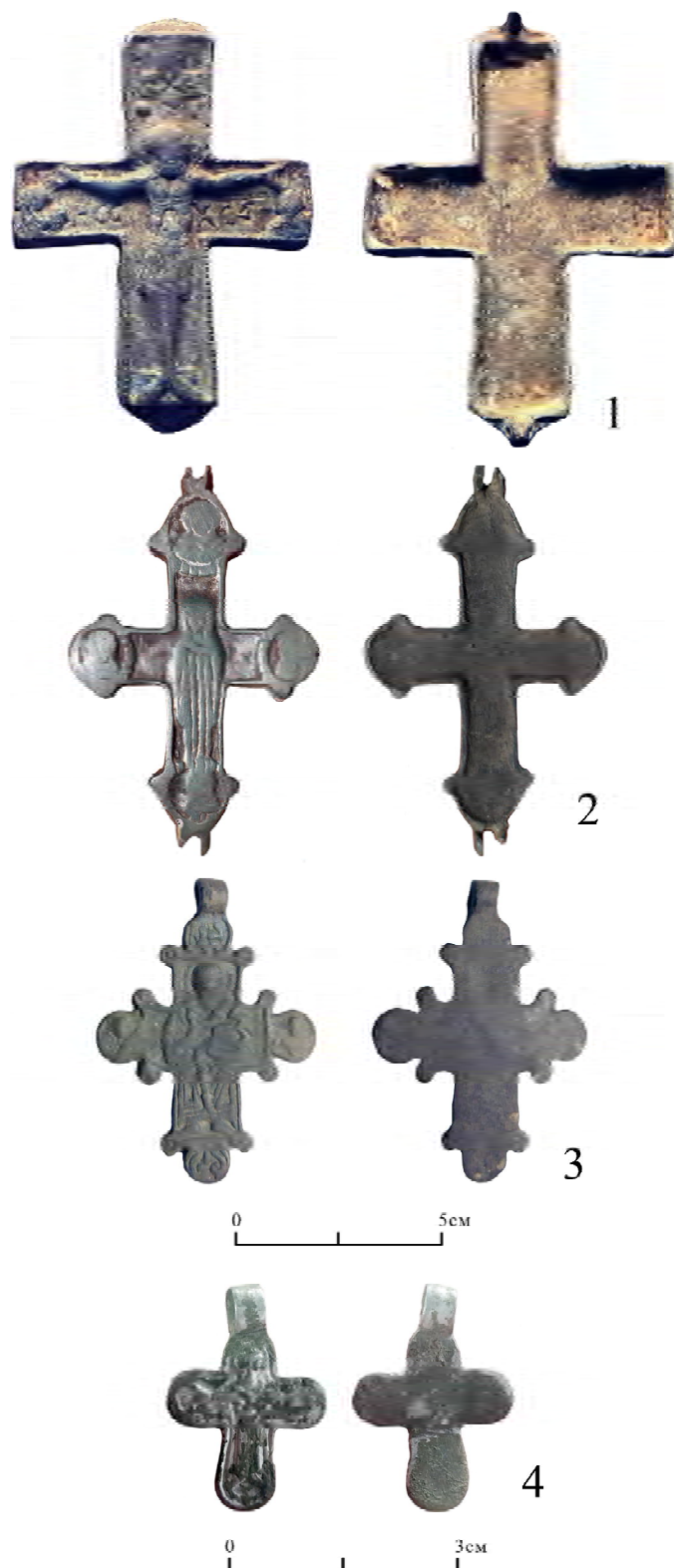

Рис. 1: 1 – Крест из Краснодарского края; 2 – Крест из Карачаево-Черкесии;
3 – Крест из Ставропольского края; 4 – Крест из Чечни

Fig. 1: 1 – A cross from Krasnodar Krai; 2 – A cross from Karachay-Cherkessia; 3 – A cross from Stavropol Krai;
4 – A cross from Chechnya

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташова, Н. И. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея / Н. И. Асташова, Л. А. Петрова, Т. Г. Сарачева. – М. : РИП-холдинг, 2013. – 320 с.
2. Белецкий, Д. В. История и искусство христианской Алании / Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов. – 2-е изд., испр. – М. : ИВ РАН, 2021. – 440 с.
3. Дадыкин, В. Л. Каталог коллекции предметов христианской мелкой пластики / В. Л. Дадыкин. – М. : Наука, 2017. – 88 с.
4. Долаберидзе, Р. Археологический материал из села Шенкао (Тушетия) / Р. Долаберидзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1973. – 87 с. (на грузин. яз.).
5. Дончева-Петкова, Л. Средновековни кръсто-венколпиони от България (IX–XIV в.) / Л. Дончева-Петкова. – София : Проф. Марин Дринов, 2011. – 752 с.
6. Корзухина, Г. Ф. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. – СПб. : ИИМК, 2003. – 432 с.
7. Кузнецов, В. А. Энколпионы Северного Кавказа / В. А. Кузнецов // Славяне и Русь. – М. : Наука, 1968. – С. 80–86.
8. Кузнецов, В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века / В. А. Кузнецов. – Владикавказ : Ир, 2002. – 159 с.
9. Ложкин, М. Н. Аланы на Урупе (археологический очерк) / М. Н. Ложкин // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии : сб. ст. – Орджоникидзе : [б. и.], 1984. – С. 29–61.
10. Малахов, С. Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей / С. Н. Малахов. – М. : СЕМ, 2015. – 372 с.
11. Малахов, С. Н. Средневековый нательный крест с Правобережья Большого Зеленчука / С. Н. Малахов // Из истории культуры народов Северного Кавказа : сб. ст. Вып. 9. – Ставрополь : Печатный Двор, 2017. – С. 98–103.
12. Нечитайло, В. В. Каталог энколпионов Древней Руси XI–XIV ст. / В. В. Нечитайло, А. В. Нечитайло. – Киев : VNA, 2009. – 134 с.
13. Рудницкий, Р. Р. Древнерусский крест-энколпион с Таманского полуострова / Р. Р. Рудницкий // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 5. – Пятигорск : Кубан. отд. «РАО», 2006. – С. 12–14.
14. Ханенко, Б. И. Древности русские. Кресты и образки. Вып. II / Б. И. Ханенко, В. Н. Ханенко. – Киев : [б. и.], 1900. – 66 с.
15. Хвистиани, Р. Материалы к церковной археологии Грузии / Р. Хвистиани. – Тбилиси : [б. и.], 2009. – 168 с. (на грузин. яз.).
16. Хрушкова, Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху / Л. Г. Хрушкова. – Калининград ; М. : РОС-ДООАФК, 2018. – 480 с.

17. Чхаидзе, В. Н. Предметы личного благочестия с Таманского полуострова / В. Н. Чхаидзе // Владимирский сборник : материалы Междунар. науч. конф. «I и II Свято-Владимирские чтения». – Калининград : РОС-ДООАФК, 2016. – С. 436–448.
18. Чхаидзе, В. Н. Византийские кресты-энколпионы и тельники на Северном Кавказе и их аланские дериваты / В. Н. Чхаидзе // Византийский мир: реалии и интерпретации : тез. докл. XIV науч. Сюзюм. чтений. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 55–57.
19. Чхаидзе, В. Н. Новые находки аланских нательных крестов на Ильичевском городище / В. Н. Чхаидзе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – 2020. – № 18. – С. 252–259.
20. Чхаидзе, В. Н. Кресты Алании (X–XIII вв.) / В. Н. Чхаидзе // Белецкий, Д. В. История и искусство христианской Алании / Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов. – 2-е изд., испр. – М. : ИВ РАН, 2021. – С. 282–298.
21. Pitarakis, V. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze / V. Pitarakis. – Paris : Picard, 2006. – 447 p.

REFERENCES

1. Astashova N.I., Petrova L.A., Saracheva T.G. *Kresty-enkolpiony iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Reliquary Crosses from the Collection of the State Historical Museum]. Moscow, RIP-kholding Publ., 2013. 320 p.
2. Beletskiy D.V., Vinogradov A.Yu. *Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii* [History and Art of Christian Alania]. 2nd ed., rev. Moscow, IV RAN, 2021. 440 p.
3. Dadykin V.L. *Katalog kollektzii predmetov khristianskoy melkoy plastiki* [Catalog of the Collection of Objects of Christian Fine Plastics]. Moscow, Nauka Publ., 2017. 88 p.
4. Dolaberidze R. *Arkheologicheskiy material iz sela Shenkao (Tushetiya)* [Archaeological Material from the Village of Shenkao (Tusheti)]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1973. 87 p. (in Georgian).
5. Doncheva-Petkova L. *Srednovekovni krastovi-enkolpioni ot Balgariya (IX–XIV v.)* [Medieval Reliquary Crosses from Bulgaria (9th–14th Century)]. Sofia, Prof. Marin Drinov, 2011. 752 p.
6. Korzukhina G.F., Peskova A.A. *Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnye kresty-relikvarii XI–XIII vv.* [Ancient Russian Encolpia. Chest Reliquary Crosses of the 11th–13th Centuries]. Saint Petersburg, IIMK, 2003. 432 p.
7. Kuznetsov V.A. *Enkolpiony Severnogo Kavkaza* [Reliquary Crosses of the North Caucasus]. *Slavyane i Rus* [The Slavs and Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 80–86.

8. Kuznetsov V.A. *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV veka* [Christianity in the North Caucasus Before the 15th Century]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2002. 159 p.
9. Lozhkin M.N. Alany na Urupe (arkheologicheskii ocherk) [Alans on Urup (Archaeological Essay)]. *Voprosy arkheologii i etnografii Severnoy Osetii* : sb. st. [Questions of Archaeology and Ethnography of North Ossetia. Collection of Articles]. Ordzhonikidze, s.n., 1984, pp. 29-61.
10. Malakhov S. N. *Alaniya i Vizantiya. Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh svyazey* [Alania and Byzantium. Source Studies Aspects of Political and Church Relations]. Moscow, SEM Publ., 2015. 372 p.
11. Malakhov S.N. Srednevekovyy natelnyy krest s Pravoberezhya Bolshogo Zelenchuka [Medieval Cross from the Right Bank of the Bolshoy Zelenchuk]. *Iz istorii kultury narodov Severnogo Kavkaza*: sb. st. *Vyp. 9* [From the History of Culture of the Peoples of the North Caucasus. Iss. 9]. Stavropol, Pechatnyy Dvor Publ., 2017, pp. 98-103.
12. Nechitaylo V.V., Nechitaylo A.V. *Katalog enkolpionov Drevney Rusi XI–XIV st.* [Catalog of Reliquary Crosses of Ancient Russia of the 11th – 14th Centuries]. Kiev, VNA Publ., 2009. 134 p.
13. Rudnitskiy R.R. Drevnerusskiy krest-enkolpion s Tamanskogo poluostrova [The Old Russian Reliquary Cross from the Taman Peninsula]. *Istoriya i kultura narodov Severnogo Kavkaza. Vyp. 5* [History and Culture of the Peoples of the North Caucasus. Iss. 5]. Pyatigorsk, Kuban. otd. «RAO», 2006, pp. 12-14.
14. Khanenko B.I., Khanenko V.N. *Drevnosti russkie. Kresty i obrazki. Vyp. II* [Russian Antiquities. Crosses and Icons. Iss. 2]. Kiev, s.n., 1900. 66 p.
15. Khvistiiani R. *Materialy k tserkovnoy arkheologii Gruzii* [Materials for the Church Archeology of Georgia]. Tbilisi, s.n., 2009. 168 p. (in Georgian).
16. Khrushkova L.G. *Vostochnoe Prichernomorie v vizantiyskuyu epokhu* [Eastern Black Sea Region in the Byzantine Era]. Kaliningrad; Moscow, ROS-DOAFK, 2018. 480 p.
17. Chkhaidze V.N. Predmety lichnogo blagochestiya s Tamanskogo poluostrova [Objects of Personal Piety from the Taman Peninsula]. *Vladimirskiy sbornik: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «I i II Svyato-Vladimirskie chteniya»* [Vladimir Collection. Proceedings of International Scientific Conferences “1st and 2nd St. Vladimir Readings”]. Kaliningrad, ROS-DOAFK, 2016, pp. 436-448.
18. Chkhaidze V.N. Vizantiyskie kresty-enkolpiony i telniki na Severnom Kavkaze i ikh alanskii derivaty [Byzantine Reliquary and Pectoral Crosses in the North Caucasus and Their Alan Derivatives]. *Vizantiyskiy mir: realii i interpretatsii : tez. dokl. XIV nauch. Syuzyum. chteniy* [Byzantine World: Realities and Interpretations. Reports Abstracts of the 14th Scientific Suzumov Readings]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018, pp. 55-57.
19. Chkhaidze V.N. Novye nakhodki alanskikh natelnykh krestov na Ilichevskom gorodishche [New Finds of Alan Pectoral Crosses on the Ilyich Settlement]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus], 2020, no. 18, pp. 252-259.
20. Chkhaidze V.N. Kresty Alanii (X–XIII vv.) [Crosses of Alania (10th–13th Centuries)]. Beletskiy D.V., Vinogradov A.Yu., eds. *Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii* [History and Art of Christian Alania]. 2nd ed., rev. Moscow, IV RAN, 2021, pp. 282-298.
21. Pitarakis B. *Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze*. Paris, Picard, 2006. 447 p.

Information About the Author

Viktor N. Chkhaidze, Candidate of Sciences (History), Head of the Centre for Byzantine-Caucasian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

Информация об авторе

Виктор Николаевич Чхайдзе, кандидат исторических наук, заведующий Центром византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.18>

UDC 94“04/14”:929.651
LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 15.06.2022
Accepted: 19.09.2022

NEW INSCRIPTIONS ON *INSTRUMENTA* FROM THE NORTHERN PERIPHERY OF THE BYZANTINE WORLD¹

Andrey Yu. Vinogradov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Byzantine inscriptions on *instrumenta*, i.e. portable objects (ceramics, tools, objects of personal piety, etc.), usually attract little attention by researchers. Meanwhile, such inscriptions make it easier to look into the world of an ordinary Byzantine. *Analysis.* The author publishes (in two cases – anew) seven non-standard inscriptions of this type, found recently or previously unpublished. These are the inscriptions on the phylactery, encolpion, amphorae, jug, and bowl. They have a different character: an apotropaic text, a business letter, a humorous poem, an owner’s inscription. *Results.* These seven monuments open a window to the world of medieval Rhomaios: the fear of the evil eye and the protective prayers, written from hearing; the cheerful world of wine and wine drinking during the voyage and on a bet; jokes about a broken cup, often expressed in verses, that the Byzantines used for any purpose, including the owner’s inscriptions; the world of merchants, who send their goods overseas, take care of its safety and the well-being of sailors. These inscriptions are distinguished by the peculiarities of spelling and style, which make it possible to better imagine the ordinary Byzantine environment. The travelling of the inscriptions on *instrumenta*, including pilgrims’ inscriptions, reflect, among other things, the ways of spreading Greek writing.

Key words: Byzantine epigraphy, *inscriptions on instrumenta*, objects of personal piety, ceramics, everyday life, pilgrimage.

Citation. Vinogradov A. Yu. New Inscriptions on *Instrumenta* from the Northern Periphery of the Byzantine World. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 284-297. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.18>

УДК 94“04/14”:929.651
ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 15.06.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЩЕВОЙ ЭПИГРАФИКИ С СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА¹

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Византийская вещевая эпиграфика, то есть надписи на портативных объектах (посуде, орудиях труда, предметах личного благочестия и т. п.), обычно остается вне внимания исследователей. Между тем подобные надписи позволяют легче заглянуть в мир рядового византийца. В настоящей статье издается (в двух случаях – заново) несколько нестандартных памятников такого типа, найденных в последнее время или прежде не публиковавшихся. Это надписи на филактерии, энколпионе, амфорах, кувшине, миске. Они имеют разный характер: апотропеический текст, деловое письмо, шутливое стихотворение, владельческая надпись. Их отличают особенности орфографии и стиля, позволяющие лучше представить себе рядовую византийскую среду. Перемещения памятников вещевой эпиграфики, в том числе паломнических, отражают, среди прочего, пути распространения греческой письменности.

Ключевые слова: византийская эпиграфика, вещевая эпиграфика, предметы личного благочестия, керамика, повседневная жизнь, паломничество.

Цитирование. Виноградов А. Ю. Новые памятники вещевой эпиграфики с северной периферии византийского мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 284–297. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.18>

Введение. Византийская вещевая эпиграфика, то есть надписи на портативных объектах (посуде, орудиях труда, предметах личного благочестия и т. п.), обычно остается бедной родственницей эпиграфики лапидарной. Причин этому несколько: меньший объем и содержательность надписей на вещах, меньшая связь с местом находки и больший отрыв от контекста создания. Как результат, памятники вещевой эпиграфики реже издаются (а зачастую не издаются археологами вообще или издаются без прочтения), почти не включаются / объединяются в сводные работы, особенно в Северном Причерноморье (редкие исключения – [4] и [1]) и тем более корпусы и, соответственно, редко попадают в базы данных.

Методы. Между тем это пренебрежение вещевой эпиграфикой далеко не всегда оправдано. Отрыв от контекста создания здесь, во-первых, не абсолютен (для многих вещей устанавливается место производства), а во-вторых, не фатален: где использовался объект с такой надписью порой важнее того, где он был создан. Меньший (хотя и не обязательно) объем текста далеко не всегда делает такие надписи менее информативными в сравнении с лапидарными, где часто повторяются стандартные формулы. Наконец, подобные надписи имеют свою специфику, позволяющую легче заглянуть в мир рядового византийца, увидеть его надежды и страхи, склонности и пристрастия, радости и горести, смех и слезы.

Анализ. В настоящей статье будет издано (в двух случаях – заново) несколько нестандартных памятников такого типа, найденных в последнее время или прежде не публиковавшихся.

Бронзовый филиктерий из Херсонеса. В Государственном историческом музее в Москве хранится бронзовый медальон (инв. № 25740, оп. Б 113/41), найденный в 1899 г. в Херсонесе при раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича (точное место находки неизвестно). Высота медальона – 3,9 см, ширина – 2,7 см; повреждены верхний, правый и нижний края (рис. 1). Обратная сторона совершенно гладкая, а на лицевой имеется четырехстрочная надпись, вырезанная между линеек, за которой следуют пентаграмма и еще один или два несохранившихся знака.

Πρόσζω-
ος ὀφ(θ)αλμ-
οῦ Ἀναστα-
σι[ι]ου {I} σου.

«Оживи (?) от сглаза Анастасия твоего».

Сочетание альф с наклонной и ломаной перекладинами и W-образная омега с невысокой серединой говорят в пользу ранневизантийской датировки медальона². Пентаграмма указывает на магический характер предмета, который был, по всей видимости, нашейной подвеской. На то же указывает и текст надписи.

Однако ее точное понимание вызывает затруднения, несмотря на то что все буквы в ней ясно читаются. Сразу бросается в глаза пропуск буквы в слове ὀφθαλμοῦ и перестановка буквы в имени Ἀναστασίου. Вместе с уникальным словом πρόσζωος все это создает впечатление сознательного искажения текста. Такой феномен связан с боязнью, что недоброжелатели могут, прочтя, преодолеть силу филиктерия, и известен по магическим надписям: в Северном Причерноморье пример этого дает надпись IOSPE³ V 343 с Таманского полуострова, где вместо φθόνον («зависть») написано πθόνον, а вместо ψόφου («пустого звука») – ψόφης. В нашем случае подобному искажению подверглось в том числе слово ὀφθαλμοῦ, которое в магическом контексте должно означать «дурной глаз, сглаз».

В таком контексте загадочное πρόσζωος должно быть специальным словообразованием, обозначающим то, что избавляет от сглаза. Уточнение σου («твоего»), обращенное, очевидно, к Богу или святому, вроде бы указывает на то, что это должен быть глагол: возможна сознательная перестановка букв в императиве πρόσζωσο(ν), однако глагол πρόσζωω («оживлять») нигде более не зафиксирован. Поэтому вероятней, что это прилагательное, которое, судя по своим составным частям (πρός «к» + ζωός «живой»), должно означать «оживляющий», – тогда оно использовано здесь в предикативном значении («будь оживляющим, оживи»). В любом случае заказчик амулета обращается к своему небесному покровителю с просьбой оживить его от некоего страдания или болезни, которые он приписывал сглазу.

Энколпион из Воронежской области. Серебряный двустворчатый крест-энколпион

был найден кладоискателями в Воронежской области³ и сейчас хранится в частной коллекции. Высота – 7,5 см, ширина – 5,5 см (рис. 2). Обе стороны энколпиона заняты надписями, расположенными необычным образом: в виде креста, каждый рукав-сегмент которого состоит из двух строчек надписи, разделенных обведенных на лицевой стороне сплошной линией (так что образуется крест), а на оборотной – пунктирной. Текст читается целиком.

recto:
 Ἅγιος
 ὁ θεός,
 ἅγιος
 εἰσχυρός,
 ἅγιος
 ἀθάνατος),
 ἡλέει-
 σον ἡμᾶς.
 verso:
 Ἅγιος,
 ἅγιος
 κ(ύριος) ὁ θε(ος)
 Σαβαώθ,
 πλήρις ὁ
 οὐρανός
 κα(ι) ἡ γῆ
 τῆς δόξ(ης).

«Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас.

Свят, свят Господь Бог Саваоф, полны небо и земля славы».

Оба текста имеют апотропеический характер (во втором из-за недостатка места не дописано σου («Твоей»)) и вполне типичны для филактериев. Прогнутая спинка ро, формы мю и кси и элементы bouletée однозначно указывают на время после IX в., но альфа с ломаной перекладной и прямоугольная сигма не позволяют датировать надпись временем позднее X века. Надпись переполнена итацизмами и смешением омикрона и омеги (так, артикль ὁ постоянно пишется через омегу). По-видимому, именно отступлениями от орфографической нормы, а не ранневизантийским произношением следует объяснять форму ἡλέεισον вместо ἐλέησον. Однако это может быть и особенностью произношения, как и в обращаемом на себя внимание написании εἰσχυρός вместо ἰσχυρός: такой переход действительно зафиксирован в византийское

время (ср. σκάρα < ἐσχάρα) [5, p. 186]. Как кажется, это важный аргумент против возможного предположения о поддельном происхождении энколпиона.

Амфора из Херсонеса. Состоящая из двух фрагментов стенка точно не датируемой византийской амфоры была найдена в Херсонесе Н.В. Пятышевой в 1969 г., вероятно, при раскопках водохранилища и хранится в ГИМ⁴ (рис. 3). Почти всю поверхность занимает чуть подстертая надпись углем, у которой обломаны левый верхний угол и низ. Читается следующий текст:

+ Ἐπελυθη[ό (?)
 ναῦς
 Δαμιανοῦ.
 Ἄζε πρ(ὸς)
 πολύ [..]
 δε..
 δε
 «Отправлен корабль Дамиана. Суши сильно...»

Надпись выполнена наклонным минускулом и датируется средневизантийским периодом: обращают на себя внимание формы дельты, близкой альфе, и конечной сигмы, похожей на гамму. В отличие от большинства надписей на сосудах, имеющих владельческий или благожелательный характер, данный текст представляет собой скорее деловую записку. Тот факт, что надпись точно вписывается в ширину сохранившегося фрагмента стенки амфоры, говорит в пользу того, что перед нами письмо на черепке, хорошо известное в античности и реже встречающееся в Византии VII–XV вв., судя по небольшому числу опубликованных остраконов.

Письмо сообщает об отплытии корабля некоего Дамиана: он мог отплыть как из Херсона, так и, скорее, в Херсон, куда и было доставлено послание вместе с грузом товара. Этот товар, очевидно, нуждался в сушке во время или после плавания, на что автор послания и указывает своему корреспонденту. Таким образом, перед нами оказывается редкий образец византийского делового письма, связанного с торговлей и выполненного, к тому же, на черепке.

Амфора из Чернигова. В 2016 г. С.В. Подлевский обнаружил в фондах Черниговского областного исторического музея им. В.В. Тар-

новского византийскую амфору для вина, которая может быть датирована первой половиной XII в.⁵ (рис. 4). На боку амфоры идет однострочная греческая надпись:

Τὼ δὴ ἂ τὼ πλωῦν.
«Это для плавания».

Однострочная надпись процарапана на тулове готовой амфоры и выполнена смесью унциала и минускула, с надстрочными гласными окончаний и должна датироваться примерно тем же временем, что и сама амфора. Обращает на себя внимание последовательная замена омикронов омегами, даже в дифтонге ου.

Формально текст надписи можно было бы считать благопожелательным (ср. выше), однако отсутствие какого-либо элемента священного (типа изображения или имени Христа или святого) заставляет искать другие объяснения. Судя по тому, что амфора была предназначена для перевозки вина, надпись должна относиться к ее содержимому. В таком случае перед нами, скорее всего, указание на то, что вино в данной амфоре было предназначено не для продажи, а для потребления корабельщиками во время плавания. Вместе с другими амфорами эта также попала на Русь.

Кувшин из Таматархи. В 2009 г. на Таманском городище (раскоп «Перемычка» К-Л-22-23) в слое развала керамики второй половины IX – начала X в. был найден фрагмент (длина – 6,8 см, диаметр – 3,2 см) ручки высокогорлого кувшина с плоскими ручками [2] (рис. 5). На ней процарапано трехстрочное граффито (в конце стоят орнаментальные разводы, похожие на три копы).

[...] τοὺς (resp. [...] τοὺς) γ', ἄ-
τονήσα-
ς.
«... три, обессилев».

Шрифт надписи вполне совпадает с датировкой кувшина, хотя и лишен каких-либо ярко выраженных особенностей. Судя по тому, что перед нами конец надписи, гамма в первой строке скорее всего представляет собой цифру 3 (титло над ней может быть обломано). Учитывая следующее за ней причастие ἄτονήσας «обессиливший», надо предпола-

гать, что имелись в виду три неких объекта, лишивших героя сил. По своей количественной структуре слово ἄτονήσας хорошо подходит для окончания стихотворной строки: гекзаметрической или, что вероятней для данного периода, додекасиллабической. Перед нами, скорее всего, окончание стихотворения – учитывая первоначальный размер носителя (ручка кувшина), вряд ли оно состояло более чем из двух строк.

Сам же характер носителя и указание меры в три единицы связывает содержание стихотворения с кувшином или его содержимым. Глагол ἄτονέω однако вполне мог использоваться и в шутовском контексте (см. подробнее: [2]). И в нашей надписи на ручке кувшина, вероятно, винного, следует видеть шутовскую эпиграмму на распитие вина и его меры: [Ἦδη ἔτινον (resp. ἔτινες) τοῦ] τοὺς τρεῖς ἄτονήσας «[Уже я (или: ты) выпил] три таких, лишившись сил». Остроумная эпиграмма, нанесенная на кувшин местным мастером, могла быть направлена против неумеренного винопития, которое греки традиционно приписывали варварам, присутствовавшим среди населения Таматархи IX–XI веков.

Чаша из Фанагории. Недавно на «Нижнем городе» Фанагории (квадрат Д5, объект 10, штык 13) были найдены два фрагмента желтой поливной верхней чаши сосуда для подогрева, вероятно, первой половины IX в. [3] (рис. 6). По сырой глине, еще перед нанесением поливы, была нанесена надпись, текст которой реконструируется лишь фрагментарно.

Φῆλε καλέ, κα[λῆ]ν μιδὲν φεῖ[σας πέλλαν e.g.,
εὐφρα]ντοῦ e.g. κ. ἐ[ρ]δεσα βου[λομένως ἄλλην
e.g.

«Друг милый, милый кубок (?) кто не пощадил, приятного (?) добыл охотно я другой (?)».

Шрифт надписи унциальный: альфа с наклонной перекладиной, бета с нижним штрихом. По палеографии она вполне вписывается в первую половину IX века⁶. Перед ню в начале второй строки имеется промежуток, допускающий восстановление здесь только альфы. Объединение фрагментов, конечно, гипотетично, однако в его пользу говорит характер надписи.

Вокативы φῆλε («друг») и καλέ («прекрасный, милый») указывают на текст либо сак-

ральный (обращение к святому), более обычный для поливной посуды, либо любовный. В пользу последнего вроде бы говорит выражение μηδὲν φεί... («нисколько не щад...»). Однако обращение φίλε καλέ («мил друг») имело в IX в. вполне обиходный характер, как можно судить, например, по письмам преподобного Феодора Студита (Письма 95, 98, 101, 260, 299, 467, 479; отметим также вернакулярную форму κέρδεσα). Поэтому перед нами, по всей видимости, остатки короткого шутиwego стихотворения из двух додекасиллабических (?) строк, посвященного самой чаше: в первой было обращение к другу, не пощадившему (разбившему?) красивую чашу, а во второй – описание ответного действия героя, добывшего себе, вероятно, новую.

Миска из Херсонеса. В 1932 г. Г.Д. Беловым в Херсонесе (Северный район, помещение V, цистерна, засыпь) было найдено дно белоглиняной миски второй половины XII – начала XIII в. с зеленой поливой (Glazed White Ware IV по Дж. Хейсу⁷), которая сейчас выставлена в экспозиции музея-заповедника «Херсонес Таврический» (рис. 7). Внутри поддона, где нет поливы, по кругу идет надпись:

Ἱερὲ(ως), τοῦ καὶ ἑλονοαζομένου Μ(ι)χαήλ.
«Священника, что также называем Михаилом».

Надпись нанесена после обжига и выполнена смесью унциала и минускула с использованием лигатур, надстрочных букв, сокращений и нерегулярной диакритики. По палеографии она совпадает с датой производства миски.

Надпись явно имеет владельческий характер, однако формула ее необычна. Во-первых, непонятно, почему владелец-священник так вычурно вводит свое имя. Во-вторых, неясно, почему его «также» зовут Михаилом, хотя первого имени не указано. Единственным объяснением для столь нестандартной владельческой надписи может быть не совсем удачная попытка составить пятнадцатисложник («политический стих»), где начальное сочетание гласных *ie*, в согласии с реальным произношением (*je*), воспринималось как один слог. Надпись становилась видна, только когда пустую миску брали в

руки и можно было оценить литературный вкус ее владельца.

Результаты. Итак, всего лишь семь памятников вещевой эпиграфики с северной периферии византийского мира открывают нам окно в мир средневекового ромея. Мы видим в них, с одной стороны, страх перед сглазом и запись защитительных молитв, причем со слуха. С другой – перед нами предстает веселый мир вина и винопития: пили во время плавания и на спор, кто больше выпьет. Шутки затрагивали и тему самих носителей надписи: друга, не пощадившего чашу, и героя, добывшего себе новую. Шутки часто находили себе выражение в стихах, которые византийцы использовали для любых целей, включая даже владельческие надписи. Наконец, перед нами открывается и мир деловых людей – купцов, которые, отправляя свой товар за море, заботятся и о его сохранности и о благополучии корабельщиков.

Как было указано выше, специфика памятников вещевой эпиграфики заключается в путешествии вещей и надписей на них. Эта тема путешествий в лапидарной эпиграфике Византии ассоциируется обычно с паломниками и их надписями. Впрочем, не чужда паломничеству и вещевая эпиграфика (паломнические евлогии, предметы личного благочестия и т. п.), однако здесь путешествует большинство надписей, хотя бы вместе со своим владельцем. Путешествуют они порой и далеко, например, из Византии на Русь: показательно, что амфора, предназначенная для использования во время плавания, добралась до Черниговской земли и была, очевидно, вторично использована. Путешествие надписей продолжается и у объектов, надписанных позже времени своего создания: в таком случае надписи заставляют вещи говорить. Наконец, памятники вещевой эпиграфики становятся орудием распространения греческой письменности за пределы грекоговорящего мира, даже если мы и не знаем, в какой мере эти надписи там понимались.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю Л.А. Голофаст, Д.В. Журавлева, С.В. Подлевского, А.С. Преображенского, В.Н. Чхидзе, Т.Ю. Яшаеву за помощь в подготовке работы.

ACKNOWLEDGMENTS

I thank V.N. Chkhaidze, L.A. Golofast, S.V. Podlevsky, A.S. Preobrazhensky, T.Y. Yashaeva, D.V. Zhuravlev for their help in preparing this article.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и АНФ в рамках научного проекта № 21-59-14005 «Хожения и эпитафия: паломнические надписи, географическая мобильность и благочестие между Византией и Русью (V–XV века)».

This study was carried out within the framework of the research project “Epigraphies of Pious Travel: Pilgrims’ Inscriptions, Movement, and Devotion between Byzantium and Rus’ in the 5th – 15th Centuries

C.E.” funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR no. 21-59-14005 АНФ_а).

² См.: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction-ru.html#IV-2->.

³ Согласно данным находчика (<https://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=2753231&hl=>).

⁴ Сведения предоставлены хранителем ГИМ Д.В. Журавлевым. Инв. номер отсутствует.

⁵ Благодарю за определение В.Н. Чхаидзе.

⁶ См.: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction-ru.html#IV-2-B->.

⁷ Благодарю за определение Л.А. Голофаст.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

IOSPE³ – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, edition tertia (<https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>).

Рис. 1. Медальон-филактерий из Херсонеса (Государственный исторический музей)

Fig. 1. Phylactery medallion from Chersonesos (State Historical Museum)

Рис. 2. Энколпион из Воронежской области (Москва, частная коллекция)

Fig. 2. Encolpion from Voronezh Region (Moscow, private collection)

Рис. 3. Стенка амфоры из Херсонеса (Государственный исторический музей)
Fig. 3. Amphora from Chersonesos (State Historical Museum)

Рис. 4. Стенка амфоры (Черниговский областной исторический музей имени В.В. Тарновского)
Fig. 4. Amphora (Chernihiv Regional Historical Museum)

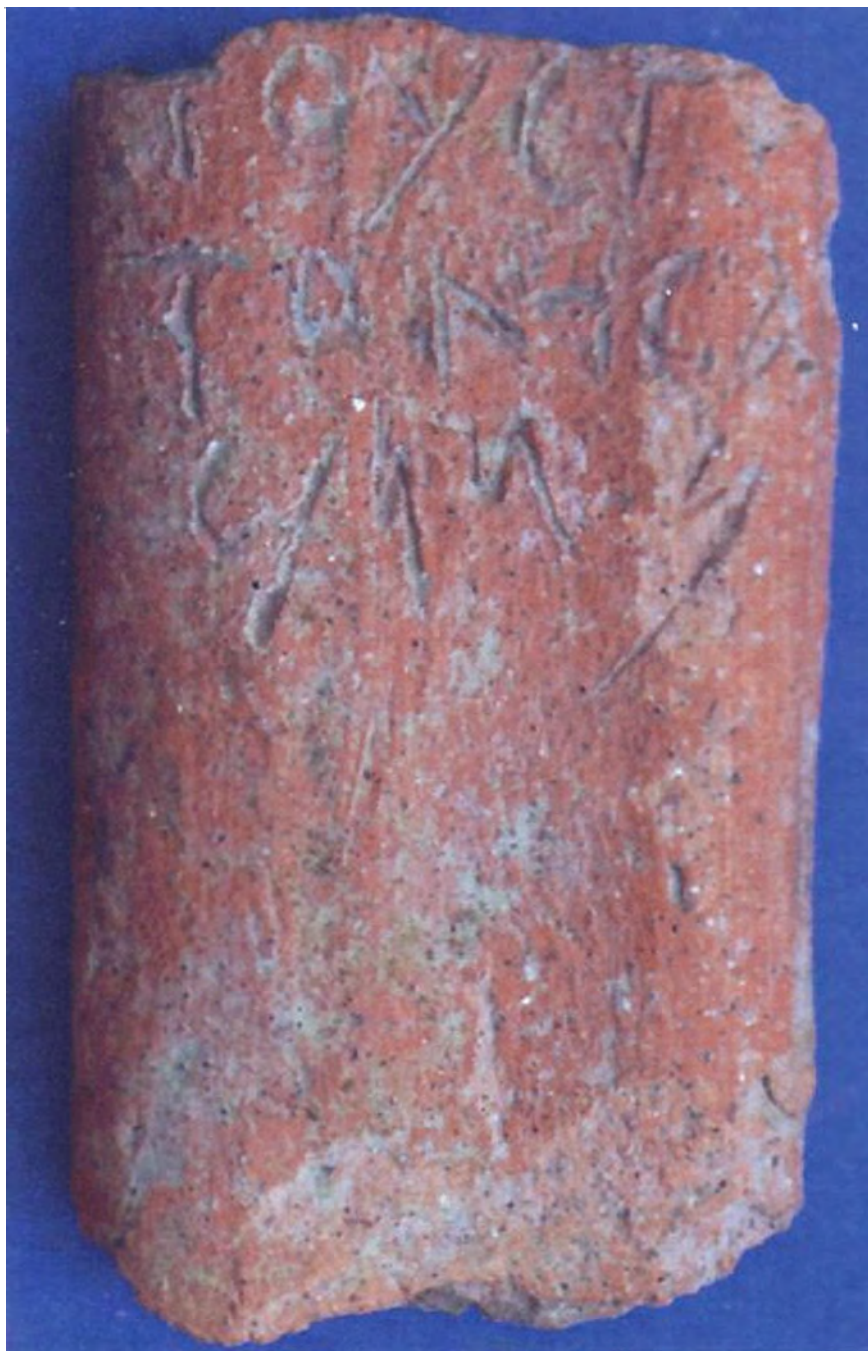

Рис. 5. Ручка высокогорлого кувшина с Таманского городища (Таманский археологический музей)
Fig. 5. Handle of a jug from the Taman settlement (Taman Archaeological Museum)

Рис. 6. Фрагменты поливной верхней чаши сосуда для подогрева из Фанагории
(Государственный музей-заповедник Фанагория)

Fig. 6. Fragments of the upper bowl of a heating vessel from Phanagoria (State Museum-Reserve Phanagoria)

Рис. 7. Дно белоглиняной поливной миски из Херсонеса (Музей-заповедник «Херсонес Таврический»)
Fig. 7. The bottom of a white clay glazed bowl from Chersonesos (Museum-Reserve “TauricChersonesos”)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) : збірка наукових праць. – Київ : СПД ФОП Чальцев, 2012. – 216 с.
2. Виноградов, А. Ю. «Шутливая» греческая надпись из византийской Матархи / А. Ю. Виноградов, В. Н. Чхаидзе // Историко-археологический альманах. – 2015. – Т. 13. – С. 120–122.
3. Голофаст, Л. А. Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории / Л. А. Голофаст // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 4 (58). – С. 195–206.
4. Романчук, А. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса / А. И. Романчук, Э. И. Соломоник // Византийский временник. – 1987. – Т. 48. – С. 95–100.
5. The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek / ed. by D. Holton [et al.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 2094 p.

REFERENCES

1. 1000 rokiv vizantiiskoi torgivli (V–XV stolittia): zbirka naukovykh prats [1000 Years

of Byzantine Trade (5th – 15th Centuries). Collection of Scientific Works]. Kyiv, SPD FOP Chaltsev, 2012. 216 p.

2. Vinogradov A.Yu., Chkhaidze V.N. «Shutlivaya» grecheskaya nadpis iz vizantiyskoy Matarkhi [A “Jocular” Greek Inscription from the Byzantine Matarcha]. *Istoriko-arkheologicheskiiy almanakh* [Historical and Archaeological Almanac], 2015, vol. 13, pp. 120-122.

3. Golofast L.A. Polivnaya keramika iz sloev khazarskogo vremeni v Fanagorii [Glazed Ceramics from Layers of Khazar Period in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2017, no. 4 (58), pp. 195-206.

4. Romanchuk A.I., Solomonik E.I. Neskolko nadpisey na srednevekovoy keramike Khersonesa [Some Inscriptions on Medieval Ceramics from Chersonesos]. *Vizantiiskiiy vremennik* [Byzantina Chronika], 1987, vol. 48, pp. 95-100.

5. Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendari T., Manolessou I., Toufexis N., eds. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 2094 p.

Information About the Author

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading Researcher, HSE University, Staraya Basmannaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.19>

UDC 811.16:34(091)
LBC 81.41-03

Submitted: 21.02.2022
Accepted: 27.04.2022

ITINERARIES OF MEDIEVAL SLAVIC LEGAL TEXTS: BYZANTINE “FARMER’S LAW” IN *MS. SLAV. 466* FROM HILANDAR MONASTERY¹

Mariyana Tsibranska-Kostova

Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Abstract. The author aims to summarize, analyze, and supplement the knowledge about the Slavic copy of the Byzantine Farmer’s Law in Ms. Slav 466 from Hilandar monastery, second quarter of the 15th century. It has long been in the focus of Serbian philology and history of law. The current observations refer to the following spheres: the relationship between text and manuscript, the axiological significance of precedential texts in culture, the importance of this copy for Byzantine-Slavic interactions in the legal system, the uninterrupted cultural role of Holly Mountain’s monasteries for Eastern Christian culture. The Slavic copy of the “Farmer’s Law” in Hil. 466 is unique by structure and peculiarities. The manuscript testifies to the only known combination of the Farmer’s Law and the Prochiron in the South Slavic tradition. It is hypothesized that this combination was a conscious choice of the compilers of the collection influenced by tendencies in the post-Byzantine tradition. It corresponded to the strong anti-heretical line of the overall manuscript, inherited from the struggles against heresies on Mount Athos in the 14th century. The manuscript is a typical monastic miscellany. The linguistic nature of the “Farmer’s Law” copy reveals its undoubted South-Slavic character, without russification, strongly influenced from the Greek protograph. Copy and translation may probably be of close chronology. Owing to being a precedential text, the Slavonic copy of the “Farmer’s Law” in Ms. Slav. 466 holds a special place in the attempts of reconstructing the stages and processes of reception of the Byzantine juridical legacy among South Slavs, of establishing the geographic-areal scope and the cultural itineraries of the spread of this text.

Key words: Slavonic translations of Byzantine Farmer’s Law, Slavic juridical manuscripts, legal culture.

Citation. Tsibranska-Kostova M. Itineraries of Medieval Slavic Legal Texts: Byzantine “Farmer’s Law” in *Ms. Slav. 466* from Hilandar Monastery. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 298-309. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.19>

УДК 811.16:34(091)
ББК 81.41-03

Дата поступления статьи: 21.02.2022
Дата принятия статьи: 27.04.2022

МАРШРУТЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ВИЗАНТИЙСКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ЗАКОН В *MS. SLAV. 466* ИЗ ХИЛАНДАРСКОГО МОНАСТЫРЯ¹

Марияна Цибранска-Костова

Институт болгарского языка, Болгарская академия наук, г. София, Болгария

Аннотация. Автор ставит своей целью обобщить, проанализировать и дополнить знания о славянском списке Византийского земельного закона в рукописи № 466 из Хиландарского монастыря, вторая четверть XV века. Он давно находится в центре внимания сербской филологии и истории права. Наблюдения относятся к следующим сферам: отношения между текстом и рукописью; аксиологическое значение прецедентных текстов в культуре; важность этого списка для византийско-славянских взаимодействий в правовой системе; непрерывная культурная роль монастырей Святой Горы для восточно-христианской культуры. Славянский список Земледельческого закона в Хил. 466 уникален по структуре и особенностям. Рукопись свидетельствует о единственно известном сочетании Земледельческого закона и Прохирона в южнославянской традиции. Высказано предположение, что такое сочетание было сознательным выбором составителей сборника под влиянием тенденций в поствизантийской традиции. Это соответствовало сильной антиеретической линии всей рукописи, унаследованной от борьбы с ересями на Афоне в XIV веке. Рукопись представляет собой типичный монастырский сборник. В языковом характере Земледельческого закона обнаруживается его несомненный южнославянский характер, без русификации, с сильным влиянием греческого протографа. Списки перевода, вероятно, имеют близкую хронологию. Благодаря тому что это прецедентный текст, славянский список с XV в. занимает особое место в попытках реконструкции этапов и процессов рецепции византийского правового наследия у южных славян, установления географическо-пространственного покрытия и культурных маршрутов распространения рассматриваемого текста.

Ключевые слова: славянские переводы Византийского земельного закона, славянские юридические рукописи, правовая культура.

Цитирование. Цибранска-Костова М. Маршруты средневековых славянских юридических текстов: Византийский земельный закон в *Ms. Slav. 466* из Хиландарского монастыря // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 298–309. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.19>

1. Introduction. The notion of itinerary in medieval literary tradition denotes not only the space movement of texts and manuscripts, but the cultural exchange between communities and peoples. Both translated canon and secular law texts of *Slavia Orthodoxa* emerge as an independent sphere of Greek-Slavic interaction with a wide geographical and chronological scope. They were of great importance with regard to the adoption of Byzantine political theory in Orthodox Slavic states, the creation of Christian identity, and the building of new social perceptions. Among them, the precedential texts and phenomena take a special place. Precedence here is understood primarily as one of the parameters that define the multifaceted term: the axiological significance of a text embodying such recognizable sociocultural concepts for a society, which imposes it as a benchmark, reproduced and renewed long after its creation. Our purposefully synthesized definition is based merely on selected works on the topic [29, pp. 28–30; 26, p. 204].

The Byzantine “*Νόμος γεωργικός*” (mid – 8th century), a monument of early Byzantine law, is justly considered a unique source of knowledge on the history of Byzantine rural communities [6, esp. p. 45]. The Byzantine manuscript tradition of this monument has been the topic of multiple past

and contemporary studies [33; 5; 38]. This also holds true for its Slavic reception under the general designation “Farmer’s Law” (hereafter *FL*). The precedential feature of the work is its agricultural theme, which is not similarly developed in any other monument; we notice a particularity in the work’s chronology and territorial dissemination – in other words, in the history of the book and the geographical-cultural trajectory of its manuscript copies. The original Byzantine monument consists of 85 cases (articles) regulating agricultural production, the norms of ownership and use of agricultural land in the free rural community, the workforce, livestock and farming equipment, the distribution of harvests, and multiple legal aspects related to all these. In the time of the First Bulgarian Empire, conditions for its translation first appeared in the 10th century, but no early copies are extant. It was only in the 15th century that the two lines of dissemination of *FL* first appeared; in terms of degree of completeness of translation from the Greek original, we should consider these to be the most significant trails of reception among the Slavs in the manuscript’s history. These lines of dissemination correspond to two different translations [27, p. 16]:

1. The Russian translation, included in the so-called “*Knigi Zakonnye*” («Книги законные»,

or “Law Books”); it may have had a South Slavic protograph. It was published with commentaries by A.S. Pavlov [25], and later reproduced from this edition in what has been the fullest study, to date, of the Greek and accompanying Russian tradition of the monument [5, pp. 233-256]. In academic literature, the designation “Knigi Zakonnye” refers to the compilation of Byzantine secular legislation in four parts: 1. *FL*; 2. The 39th title of the “Prochiron” (see farther) on punishments; 3. The 11th title of the “Prochiron” on prohibited marriages; 4. The 27th title of the “Prochiron” on witnesses; 5. The excerpts in the 14th title of the “Ecloga”. All these were united in an integral whole through a revised and abridged version of the Foreword to the “Ecloga”. The compilation “Knigi Zakonnye” was disseminated in manuscript copies starting from the 15th century; all the copies derive from a common archetype.

2. The South Slavic (Serbian) translation extant in a single, partially preserved copy, consisting of five leaves, in collection № 466 of the Hilandar Monastery of Mount Athos; the copy dates from the second quarter of the 15th century (hereafter Hil. 466). Due to loss and damage of leaves, only 71 numbered articles are preserved in the text, standing in various relations to the Greek original.

In the present article, we shall touch upon a specific aspect in the history of this late copy of *FL* – the relation between the text and the manuscript. As to *FL* in Hil. 466, its digitalized text is available at [19]. Today this option is taken for freely accessible to scholars, and henceforth we are able to analyze it de visu and to try to surmount obstacles for limits of our observations to what can be gleaned from the information available thus far. This way the precedent copy of the *FL* can be placed in its historical and literary context, as well as to stimulate the further research of the relationship between the legal and dogmatic part of the Hilandar manuscript.

II. General historical-archeographic information. *FL* in Hil. 466 has long been in the focus of Serbian philology and history of law. The greatest credit for introducing the work to the scientific community should go to Dj.Sp. Radojičić: in 1955 he published the text contained in the Hilandar miscellany, dating it to the period 1426–1432 [27]. He made broad-

ranging contributions, especially by clarifying the relation between Hil. 466 and the so-called «Law of Tsar Justinian”² (created after a Greek model), which contains excerpts from *FL*; he also discovered a third redaction, different from the two mentioned above, which has a specific history and lexical content. The compilation entitled “Law of Tsar Justinian” was disseminated together with the “Zakonik” [Code] of the Serbian tsar Stefan Dušan (1331–1355)³ and the Serbian abridged versions of Matthew Vlastar’s “Syntagma”. As is known, one of the most valuable copies of the full redaction is preserved in Bulgaria – the miscellany “Sudats”, dating from the second half of the 17th century, manuscript № 293, from the National Library in Sofia [20]. This witness, discovered in Kratovo, is an example of South Slavic compilations of customary law from the time of Late Middle Age. It is noteworthy that, within the sources of this compilation, parts of both *FL* and the “Law for Judging People”⁴ are to be found [20, p. 9]. The text of the monument has an independent history and the excerpts from *FL* are secondary, i.e., they were most probably reproduced from a specific Byzantine source in which the loan from *FL* had already been made.

M. Blagojević published a new edition of the original text together with its translation into Serbian and a comprehensive study on *FL* in Hil. 466 [4]. The study is entirely devoted to the contents of the text but the author has added a first-of-its-kind lexical register of the Slavic copy of *FL*. He also comments on a number of terms in the irrelation to Serbian customary law, to the study of which M. Blagojević has notably contributed. Now a number of legal and philological studies have been devoted to Serbian manuscript, of which we cite only a small share here [10; 11]. G. Trifunović translated the work into modern Serbian [31].

Research on Hil. 466 has a long history. Old descriptions refer to it as a *miscellany*. Sava Hilendarets supports this designation (dating the manuscript to the 16th century), and so does archimandrite Leonid [43, p. 55; 21, p. 17]. Its description is more complete in D. Bogdanović’s fundamental inventory of Slavic manuscripts in the Hilandar Monastery, where it is given a more comprehensive description [3, p. 178]. The English-language description given in P. Matejić and H. Thomas has also been

unquestionably important for the manuscript’s popularization [40, p. 556]. There, it is once again presented *as a collection of legal and dogmatic-polemical works*, comprising 358 leaves in semi-uncial writing and with a mixed Raška-Resava orthography. On the official site of the Hilandar Research Library in Ohio, we find the most comprehensive to date description of the text units, which thus give a fuller picture of the manuscript⁵.

Scholars are unanimous in dating the Hil. 466 copy to the second quarter of the 15th century. Some date-defining terms occur in the text. For instance, the monetary term динаръ in article 59 in Hil. 466, as opposed to грошь in articles 21 and 59 of “Knigi Zakonnye”, corresponding to the Greek “φόλλις” (“follis”; the bronze coin “follis” is a division of the nomisma) [38, p. 34, 67]. This is one of the indications that date the translation in Hil. 466 «пре пада Србије под власт Турака 1459 г.» (“before the fall of Serbia under the power of the Turks”) [2, p. 150] or, very generally, to the second quarter of the 15th century. There are no data permitting to define localization of this translation. The metadata contained in the manuscript themselves are very meager. All scholars repeat the information that there is an undated note on leaf 356: **Он законикъ Михаила еромонаха** [27, p. 19; 2, p. 10]. The term is more rarely used for ecclesiastical regulations (for instance, **Словеса избранныя шть законника стыхъ ѿца** [37, p. 125]), because it is associated with foundational monuments of secular law among the Slavs, such as the 1349 “Zakonik” of Stefan Dušan. The Dušan Code was sanctioned at council of the Orthodox Church, in which high-ranking clergy took part; and a clear distinction is made in its provisions between the prerogatives of secular and ecclesiastic courts. Hence, Hil. 466 comprises both secular and canonical norms, with a preponderance of the former. The marginal note is not relevant to the translation, but reveals how the old legal texts were perceived by later users or owners.

Another late note in Hil. 466 abounds in geographic designations and ethnonyms, mostly referring to Serbia and the West Balkans. The last note on leaf 358 recalls that St. Theodore Stratelates was tortured in Heracleia Pontica. This is the eastern most location mentioned, and it connects the other references to the Black Sea

and Nessebar, where the saint’s relics were long kept before being transferred to Venice by the Crusades. The fact that the manuscript is kept in the Hilandar monastery does not categorically indicate its place of origin, but its localization in Mount Athos remains, for now, a possible assumption. The linguistic data cannot resolve this question, but can only mark the indisputable South Slavic origin of *FL*. It combines an Old South Slavic lexical stratum with a sustained agricultural and domestic vocabulary consisting of colloquial idiomatic terms used in Late Medieval Serbian and Bulgarian. By these features, *FL* in Hil. 466 differs sharply from the work’s Russian copies in the compilation “Knigi Zakonnye”. The most frequent terms used by various authors regarding the translation of *FL* in Hil. 466 are “Serbian text” («српски текст»), “Slovenian translation” («словенски превод»), “Old Serbian text” («старосрпски превод»), “Serbian-Slovenian translation” («српско-словенски превод»); the translator is considered to be a Serb [27, p. 15; 2, p. 178; 31, pp. 225-226].

III. The combination of *FL* and the “Prochiron” in Hil. 466. No other written evidence for a combination of *FL* and the “Prochiron” in one and the same body has so far been recorded in the Slavic South Law. This fact increases the special value of Hil. 466. As it is established, “Πρόχειρος νόμος” (“Procheiron Nomos” or “Prochiron”) ⁶ was an official legal code of the Byzantine Macedonian dynasty of 870–879 (from the time of the co-rule of Basil I the Macedonian and his sons Constantine, passed away 879 г., and Leo, the future emperor Leo VI the Wise (886–912). The full Slavonic translation of “Prochiron”, in Slavonic translation named as “Zakon Gradskiy” (“City Law”), appeared with a large gap of about three centuries in the South Slavic “Kormčaja” ⁷ with commentaries (“Nomocanon” of Saint Sava), attested in its earliest Ilovitsa copy from 1262 [18]. *FL*, in its turn, remained the unique South Slavic copy of the Byzantine prototype. A recorded South Slavic filiation lacks in regards to other juridical texts as well, such as the “Law for juggling people”, and the “Ecloga”. The combination of *FL* and “Prochiron” in one manuscript body was adequately brought to scholarly attention by Dj.Sp. Radojičić (summarized in [2, pp. 10-11]). After thorough work de visu and upon photos,

the outstanding Serbian scholar was the first to point out after that after *FL* in Hil. 466, the first five chapters, the 55th and the 56th from the St. Sava's Nomocanon have been taken. Further contemporary descriptions allow to claim the combination of *FL* and "Prochiron" a result of a conscious choice, as indeed, after *FL* on first place (1r–5v), the following textual unities were included: the Heading of the St. Sava's Nomocanon; the Exposition about the Seven ecumenical councils; Interpretations of Lord's Prayer; the Symbol of the Faith, and the Prologue, or Preface to the rules of the St. Orthodox Church in 14 titles with commentaries (6r–42r). Immediately afterwards, "Prochiron" occurs in its full volume of 40 titles (42v–147v), while it takes 55th chapter of Saint Sava's Nomocanon. Following is the tomos of patriarch Sisinnios II on forbidden marriages up to the seventh degree. It was promulgated on February 21, 997 [39, p. 66]. The date is indicated in the table of contents of the Slavic text: **У БЕЗАКОННИЙ ВРАЦѢ... ВЪ, ꙗа. ФЕВРОУАРИА МЦА. ВЪ ЛѢ СФЕ** (6505–5508, 147r–156v). The next unity is the disposition of the same council concerning the marriage with the daughter of a second cousin (156v–157v). From then on, dogmatic, anti-heretical (especially anti-Catholic, anti-Jewish and anti-Monothelite) texts, parts of older florilegia, sermons and various speeches of the Holy Fathers make part of the manuscript. They stay apart from our direct observations⁸.

Thus, the collection was given a specific organization. The outlined feature in the composition of Hil. 466 was not accidental. It holds that while "Prochiron" in Hil. 466 was directly borrowed from St. Sava's Nomocanon, the origin and the way of penetration of *FL* in the manuscript was independent and so far not entirely clarified. The supposition of having been copied upon a previously-made protograph seems much plausible. In the Greek-speaking tradition of *FL*, which counts more than 120 copies now, one can observe the following regularity. While in the 10th–11th cc. earliest manuscripts, *FL* was combined with the Byzantine "See Law" ("Νόμος Ναυτικός") and the Byzantine "Military Law" ("Νόμος στρατιωτικός"), the unifying with "Prochiron" was attested from the 11th–12th cc. onwards, and became more frequent in the 13th–14th cc. [38, pp. 24-25]. Some well-known

manuscripts from the 15th century reflect the Greek legacy in Mount Athos monasteries Vatopedi and Iviron; in addition to *FL* and "Prochiron", they consist of the Syntagma of Matthew Blastares, parts of the "Ecloga", legal glosses, excerpts from the "Hexabiblos" ("Six Books") of Constantine Harmenopoulos⁹, which have never been fully translated into Slavic [42, pp. 10-11, 25]. The active combination of legal secular texts in the Greek tradition has given impetus to the compilations of translated juridical works among South Slavs.

Why and how the combination of *FL* and "Prochiron" in Hil. 466 arose? Here are some considerations on this issue.

1. Dominant for the Byzantine original of *FL* is the biblical-Christian understanding of the specific production and moral relationship between farmers. The influence of the Old Testament is strongly felt, concentrated mainly in the excerpts from the book of "Exodus" for the legal responsibility of shepherds in the protection of arable land or the use of working cattle [5, p. 157]. After the leading researches of A. Schminck and P. Pieler the most recent studies confirm those conclusions [38, p. 38]. This suggests the relevance of *FL* in the early stages of the Christianization of Slavia Orthodoxa, whose cultural center in the 9th–10th cc. was the First Bulgarian Kingdom. In the Byzantine tradition, *FL*, "Νόμος Ναυτικός" and "Νόμος στρατιωτικός" take part of private legal collections, ("leges speciales"), as considered not a manifestation of the official imperial law¹⁰. The Maritime and the Military laws, however, have never been translated into Slavonic. "Detached" from Byzantine texts, with which it marked a positional proximity, *FL* created its own textual history in Slavic ambience, and as the "Ecloga", did not become part of the Old Bulgarian Nomocanon in 14 titles without commentaries [24]. This fact predetermined the flexibility of the textual environment in which it occurred. The gathering of *FL*, parts of "Prochiron" and "Ecloga" in compositions, similar to such as the Russian "Knigi Zakonnye", illustrated the later attempts of Slavic compilers to summarize the most important criminal law aspects of the three legal texts. Both lines of *FL* spreading during the 15th century kept the traces of a much earlier process of reception. They reveal the attempt

to combine the fundamental translated texts of Byzantine secular jurisdiction.

The content of Hil. 466 stresses this historical particularity of the Slavonic tradition: FL regulates agrarian issues; “Prochiron” – mainly marital and hereditary. Dj. Radojčić pointed out the purpose aimed at spiritual circles in order to settle issues concerning church or monastic property [27, p. 19].

2. The translation of *FL* in Hil. 466 may presumably coincide with the epoch of Serbian despot Stefan Lazarević (1402–1427). Despite the looming threat of the Ottoman invasion of the Balkans, his rule restored the power of the Serbian state, cultural and political flourishing took place, and a number of models of power were established in literature [30, pp. 184, 230–232]. However, there is no data for conscious authorities’ endorsement, nor does the content of the manuscript support such a hypothesis. Even the lack of ornamentation speaks to a monastic miscellany. In the 15th century, the creation of miscellanies was one of the elaborated mechanisms in South Slavic literature to preserve the Orthodox religious identity and the cultural memory [32]. They arose primarily in monastic centers. Monks found additional grounds for interest in agricultural issues. By definition, the labor activity in monasteries was a value. Labor, especially the cultivation of the land, was a pleasing act to God, a form of his glorification; its denial was a manifestation of heresy. The strong anti-heretical line in Hil. 466 might be considered a continuation of the dogmatic controversy and the hesychast struggle against the heresies on Mount Athos in the 14th century, when Massalians and their new branches were indicated as extremely dangerous, because seemingly for constant prayer sake, and in opposition to true hesychia, they renounced manual labor and land cultivation [45, p. 189]. Hence, the anti-heretical line in Hil. 466 goes together with socially significant issues of economic nature, problems of family, inheritance and criminal law. It is not coincidental that on Mount Athos hesychastic and ascetic collections were created during the whole 14th century. Athonite traditions spread to various parts of the Balkans. In the first quarter of the 15th c., on Athos, the Slavonic translation of the Second book of “Panoplia Dogmatika” a rose [7]. This is the best example of translated medieval heresiology.

In the dramatic moment when the Balkans were threatened by the Ottomans, this translation was the spiritual response of the monastic Brotherhood with outlined contextualization to achieve the consolidation of Orthodoxy through fundamental textual legacy. Legal texts took part in this process too. Areas of strong influence from Mount Athos were formed around Kratovo, Kosovo, Morava, the lands north of Skopje, the monasteries of Resava and Ravanitsa, the dioceses of Ohrid Archbishopric, which defended the Slavic-Byzantine interactions and the influence of Byzantine culture [28].

3. Although its singularity, without a stemma in its written dissemination, FL in Hil. 466 was copied from a photograph, chronologically close to the emergence of the overall codex. The common orthographic features of FL and “Prochiron” require a detailed study on whether they come out from one hand. This subject has not been thoroughly clarified.

IV. A few linguistic examples. Thanks to the abundant research, important linguistic features of FL in Hil. 466 have already been introduced into scholarly circulation.

1. *Words of ancient vocabulary layer:* ΔΕΛΑΤΕΛ, γεωργός; ИСКРЪНЪ, πλησίον; ΟΧΡΟΜΗΤΗ, ἐπικλάω; ПАСЪИРЬ, ἀγγελάριος; ΣΟΥΓΟΥΒΑΙΑ ЦЕНА, διπλή ποσότης; СЪВЪДЪТЕЛЪ, μάρτυς, as well as in the typical collocation for the earliest juridical texts ДОСТОВЪРЪНЪ СЪВЪДЪТЕЛЪ, ἀξιόπιστος; СЪВЪТЪ (‘‘contract’’), βούλευσις, СЪВЪТОВАТИ СЪ (‘‘make a contract, negotiate’’); ЧРЪДА (‘‘herd of similar animals’’), ἀγέλη; *Formula, spread in Old testimonial texts:* ЖИВОТЪНО ЗА ЖИВОТЪНО, ψυχή ἀντί ψυχῆς (the famous principle of talion); *Etymological figures* – ΔΕΛΕΤΕΛ ΔΕΛΑΤΗ. Part of lexical data consists of basic vocabulary inherited from Proto-Slavic, as relationship between man and earth is constantly significant. This is one of the reasons for the long lasting written tradition of *FL* among Slavs in the Balkans, and in Russia. J. Koder found out about 58 terms exclusively specific to the Byzantine original of *FL*, therefore, the lexical originality was embedded in the prototype itself [38, p. 37]. At the same time, a text related to agricultural practice must be updated by new terms appropriate to the area of emergence and spread.

2. In comparison to “Knigi Zakonnye” Hil. 466 testifies to *strong composite word formation and keeping of untranslated grecisms:*

αραβων, ἀραβῶν (art. 15) against «задаток» in “Knigi Zakonnye”; χαρακόςати “to fence with stakes when cultivating vines” (only in art. 11 of Hil. 466), χαρακός [38, p. 89]; .ѣ. травординъ (only in art. 17 of Hil. 466), τὰ ἐκστραόρδινα τοῦ δημοσίου. The cognitive aspect of this mistake – rather of the translator than of the copyist, has already been clarified. It is about the misunderstanding of the Latin term decomposed into .ѣ. травординъ господско [2, p. 109].

Regarding the grecisms, it is worth noting that *P* in Hil. 466 bears the traces of redaction. This issue needs an independent study. In the current research scope, there placement of вѣно with прикиа (“dowry”), against “προίξ”, in the Greek original, may be given example. In the third chapter of “Prochiron” «ῶ дарѣхъ вероученнѣа», which consists of 7 paragraphs, the word «вѣно» has nine-times appearance in Povitsa copy. In the same context, Hil. 466 witnesses to seven replacements of «вѣно» with «прикиа», and only two uses of «вѣно», provided the rest of the text segments are absolutely identical or with slight prefix variations:

Povitsa copy, f. 269v: .ѣ. Яще мужъ приемъ вѣно. въсхощеть еже по обычаю вѣно створити своен вероученнѣа хотещи за нь понти...;

Hil. 466, f. 46r: .ѣ. Яще мужъ приемъ прикию. въсхощеть еже по обычаю прикию творити своен вероученнѣа хотещи за нь понти...

The word «вѣно», recorded as early as in the first Slavonic Nomocanon translated by St. Methodius, is a very ancient borrowing from Balkan Latin. «Прикиа» in Hil. 466 is of Greek origin and later substitute. Given its distribution in the Balkan Slavic dialects, it interconnects the presence of untranslated Greek words with a vernacular stream of language. This feature supports the hypothesis of deliberately compiling the collection of ready-made translations.

V. Findings and perspectives. The copy of *FL* in Hil. 466 appears as part of the chain of the spread of the Byzantine legal model among Slavs, which is much older and longer, than it is evidenced by written facts. It is a typical South Slavonic phenomenon. Its exceptional role as a precedent text does not diminish, but even raises the opportunities for studying *the continuity in the stages of the legal culture* in the Balkans and in Russia. The South Slavonic language nature of *FL* in Hil. 466 makes it applicable in a wide Balkan

area. Linguistic evidence reveals that a lexical choice has been made, the archaic lexical layer has been upgraded by contemporary phenomena apt to the new translation. The Athonite copy has preserved the traces of an older state of the written tradition of the Byzantine original in a Slavic environment. Its indisputable significance for the Byzantine-Slavic interactions in law turns it into the core of various and numerous research strategies; its combination with the copy of the Slavic translation of the “Procheiron” and with Canon law texts in the Hil. 466 is an expression of the main concept of “symphony” between secular and spiritual power. Though the contributions made to date are so large that every future scholar would be strongly hesitant about what new could say, study on “Farmer's Law” in Ms. Slav. Hilandar 466 should continue.

NOTES

1. The financial support from the Bulgarian Academy of Sciences under Bilateral grant agreement between BAS and the Romanian Academy is gratefully acknowledged. The author express the deepest thanks to the Hilandar monastic brotherhood for the enormous contributions to the preservation of the Slavic written heritage. Sincere gratitude is also extended to Prof. Predrag Matejić and Dr. Mary-Alan Johnson. Scientific Editor Yu. Ya. Vin.

2. “Law of Tsar Justinian” – it means “Zakon tsara (Constantin) Justinian” (“Закон цара (Константина) Юстинана”). This original Slavic title, which meets the compiled part of the Byzantine secular laws, was distributed along with the original Dušan’s codification (see: [20]. More about its place in Stephan Dušan’s legislative activity see: [44]).

3. The Code of Tsar Stephan Dušan has been legalized at a Council in Skopje in 1349, and supplemented in Serres in 1354. Dušan’s legislation deservedly constitutes an independent area of Byzantine-Slavic relations in law. The editions and studies on Dušan’s Code are very numerous, for example: [12; 4]. Here the main literature is pointed. Besides them, it should be especially noted on the facsimile editions of Dušan’s Code [13–17].

4. “Law for Judging the People” – the first and most archaic Slavic compilation, based on the title 17th of the Byzantine “Ecloga”, supplemented by canon law norms. It is believed to have emerged in Great Moravia in the 9th century. See: [22]. As well see: [8].

5. See HM.SMS.466 [36].

6. See: [41, pp. 114-228]. About the “Procheiros nomos” see: [23, esp. pp. 179-182 etc.; 35, pp. 25-29].

7. About “Kormčaja Kniga” (“The Pilot’s Book”) see: [1]. Also see: [35, p. 125].

8. It should be, however, noticed, that the heading «Прѣдѣлы съ вѣтъ различни по прѣданію и вѣрѣ стѣны съворьныи», (ff. 158r–177r), is the same as the title of the first article, having given the name of Vladislav the Grammarian’s miscellany “Predeli” (“Limits”) of 1456. The manuscript consists of mostly anti-Catholic texts [9, pp. 33–41]. Therefore, it was about translated works, very popular during the whole 15th century. The last text is («стезаніе бывшее выкратцѣ в вѣрѣ хрѣстиансцѣи и о законѣ евренскомъ») from the Council in Jerusalem in 634, at the times of patriarch Sophronios.

9. “Hexabiblos” (or “Six Books”) of 1345 – a compilation of secular law, composed by Constantine Harmenopoulos, Byzantine jurist of XIV c. [46] “Hexabiblos” is sometimes thought to be a supplementary legal manual to the “Prochiron”. See: [35, p. 112 etc.; 23, p. 233 etc., 508 etc.].

10. The so named “leges speciales” – a common name for private Law collections in the Byzantine Empire [35, pp. 103–132, esp. p. 109 etc.; 34, pp. 53–64].

BIBLIOGRAPHY

1. Белякова, Е. В. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию / Е. В. Белякова, Л. В. Мошкова, Т. А. Опарина. – М. ; СПб. : ИРИ РАН, РГАДА, ЦГИ, 2017. – 496 с.
2. Благојевић, М. Земљораднички закон. Средњовековни рукопис. Извори српског права XIV / М. Благојевић. – Београд : САНУ, 2007 – 349 с.
3. Богдановић, Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара / Д. Богдановић. – Београд : САНУ, Народна библиотека СР Србије, 1978. – 321 с.
4. Бубало, Дж. Врема Законника Стефана Душана / Дж. Бубало // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 3 (33). – С. 58–78. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.3.7>
5. Византийский земледельческий закон / текст, исслед., коммен. подгот. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская ; под ред. И. П. Медведева. – Л. : Наука, 1984. – 280 с.
6. Вин, Ю. Я. Земледельческий закон – источник правового регулирования и коллективного самосознания сельской общины в средневековой Византии / Ю. Я. Вин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 43–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.4>
7. Гагова, Н. Г. Славянските преводи от гръцки език в светлината на контактите между атонските манастири Ватопед, Хилендар и Пантелеймон в XIV – началото на XV в. / Н. Г. Гагова // Świąta Góra Athos w kulturze Europy. Europa w kulturze Athosa / ed. M. Kuczyńska. – Gniezno : PAN, 2009. – С. 79–87.
8. Ганев, В. Законъ соудный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитични проучвания / В. Ганев. – София : Издание на БАН, 1959. – VII, 620 с.
9. Данчев, Г. С. Владислав Граматик. Книжовник и писател / Г. Данчев. – София : Изд-во на БАН, 1969. – 147 с.
10. Драгин, Н. Земљораднички закон у хиландарском рукопису из XV века / Н. Драгин // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – 2011. – Књ. 54, св. 2. – С. 71–90.
11. Драгин, Н. Лексички слојеви Земљорадничког закона (Хил 466) / Н. Драгин // Српски језик и његове нормe (дијахроно-синхрони аспекти). Тематски зборник / уред. Ј. Грковић-Мејдор, Вл. Ружић. – Нови Сад : Универзитет у Новом Саду. Филозофски факултет, 2015. – С. 52–63.
12. Душанов законик / приред. Ђ. Бубало. – Београд : Завод за уџбенике; Службени гласник, 2010. – 243 с.
13. Законик цара Стефана Душана. Кн. 1 / уред. М. Беговић. – Београд : САНУ, 1975. – [8], 272 с.
14. Законик цара Стефана Душана. Кн. 2 / уред. М. Беговић. – Београд : САНУ, 1981. – 299 с.
15. Законик цара Стефана Душана. Кн. 3 / уред. М. Пешикан и др. – Београд : САНУ, 1997. – XII, 497 с.
16. Законик цара Стефана Душана. Кн. 4, т. 1 / уред. К. Чавошки, Ђ. Бубало. – Београд : САНУ, 2015. – XVIII, 652 с.
17. Законик цара Стефана Душана. Кн. 4, т. 2 / К. Чавошки, Ђ. Бубало. – Београд : САНУ, 2015. – [8], 622 ил.
18. Законоправило или Номоканон Светога Саве, Иловички препис 1262. година. Фототипија / приред. и прил. М. М. Петровић. – Горњи Милановац : Дечје Новине, 1991. – 800, XLIX [л. 1–400 об., LI] с.
19. Земљораднички закон, српски средњовековни превод. XV в. – Електрон. текстове дан. – Режим доступа: <http://www.monumentaserbica.branatomic.com/rukse/ruknew/rukmain.php?rukopis=zemlj> (дата обращения: 25.02.2022). – Загл. с екрана.
20. Кемалова, А. И. Сборникът Судац (Софийски препис, XVII век) в светлината на лексикално-текстологическите проблеми на јужнославянските правни паметници / А. И. Кемалова. – Пловдив : УИ «Паисий Хилендарски», 2010. – 330 с.

21. Леонид (Кавелин, Л. А.), архим. Славяно-сербские книгохранилища на Св. Афонской горе, в монастырях Хиландаре и Св. Павле / Леонид (Л. А. Кавелин), архим. // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1875. – Кн. 1. – С. 1–80.
22. Максимович, К. А. Законъ соудныи людѣмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника / К. А. Максимович. – М. : Дрвলেখранилище, 2004. – 240 с.
23. Медведев, И. П. Правовая культура Византийской империи. – СПб. : Алетейя, 2001 – 576 с.
24. Найденова, Д. Т. Земедельскит, Морскит закон и Прохиронът в състава на Ефремовската кормчая / Д. Т. Найденова // *Palaeobulgarica*. – 2006. – № 1. – С. 39–46.
25. Павлов, А. С. «Книги Законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные / А. С. Павлов. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1885. – [4], 92 с.
26. Петрова, Р. С. За прецедентните текстове в лингвокултурологията / Р. С. Петрова, Б. А. Денизов // Научни трудове на Русенския университет. – 2014. – Т. 53, № 5.2. – С. 204–210.
27. Радојичић, Ћ. Сп. Српски рукопис Земљорадничког закона / Ћ. Сп. Радојичић // Зборник радова Византолошког института. – 1955 – Књ. 3. – С. 15–28.
28. Савић, В. Д. Српска редакција црквенословенског језика: од Св. Климента, епископа словенског, до Св. Саве, архиепископа српског / В. Д. Савић // *Slověne. Intern. Journal of Slavic Studies*. – 2016. – № 2. – С. 231–239.
29. Слышкин, Г. Г. От текста к символу : Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
30. Трифуновић, Ћ. Ст. Деспот Стефан Лазаревић / Ћ. Ст. Трифуновић. – Београд : Српска књижевна задруга, 1979. – 244 с.
31. Трифуновић, Ћ. Ст. Хиландарски препис Земљорадничког закона / Ћ. Ст. Трифуновић. – Са Светогорских извора. – Београд : ЈП Службени лист ; СЦГ, 2004. – С. 225–239.
32. Христова, Б. Вл. Българската книжнина и литература през XV в. / Б. Вл. Христова // Литературна мисъл. – 1991. – № 2. – С. 184–194.
33. Ashburner, W. The Farmers Law / W. Ashburner // *Journal of Hellenic Studies*. – 1910. – Vol. 30, pt. 1. – P. 85–108.
34. Burgmann, L. Die Nomoi Stratiotikos, Georgikos und Nautikos / L. Burgmann. – Зборник радова Византолошког института. – 2009. – Књ. 46. – С. 53–64.
35. Chitwood, Z. R. Byzantine Legal Culture and Roman Legal Tradition, 867–1056 / Z. R. Chitwood. – Cambridge : Cambr. Univ. Pr., 2017. – XII, 236 p.
36. Incipitaria of Hilandar Miscellanies. – Electronic text data. – Mode of access: <https://library.osu.edu/hrl/incipitaria> (date of access: 21.01.2022). – Title from screen.
37. Jagić, V. Opisi i izvodi iznekoliko južno-slovenskih rukopisa / V. Jagić // *Starine*. – 1874. – Vol. 6. – P. 60–152.
38. Koder, J. Nomos Georgikos. Das byzantinische Landwirtschaftsgesetz. Überlegungen zur inhaltlichen und zeitlichen Einordnung. Deutsche Übersetzung / J. Koder. – Wien : Verl. d. ÖAW. – 2020. – 94 S.
39. Macrides, R. J. Nomos and Kanon on Paper and in Court / R. J. Macrides // *Macrides R. J. Kinship and Justice in Byzantium, 11th–15th Centuries* / R. J. Macrides. – Aldershot, Hmps. ; Brookfield, Vt. : Ashgate / Variorum; Routledge, 1999. – P. 61–86.
40. Matejic, P. Catalog. Manuscripts on Microform of the Hilandar Research Library (The Ohio State University). – Vol. 1 / P. Matejic, H. Thomas. – Columbus, Ohio : The Ohio State University. Resource Center for Medieval Slavic Studies ; “Ivan Dujchev” Research Centre for Slavo-Byzantine Studies (Sofia, Bulgaria), 1992. – XXIX, 572 p.
41. Procheiron Nomos // *Jus Graecoromanum*. In 8 vols. Vol. 2 : *Leges imperatorum Isaurorum et Macedonum* / cura J. Zepos, P. Zepos. – Ed. altera. – [Repr. Αθήνα : Γεώργιος Φέξης, 1931]. – Aalen : Scientia, 1962. – P. 107–228.
42. Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts / hg. v. L. M. Burgmann et al. In 3. T. T. 1 : *Die Handschriften des weltlichen Rechts* (Nr. 1–327) / hg. v. L. Burgmann, M. Th. Fögen, A. Schminck, D. Simon – Frankfurt a/M. : Löwen-Gessellschaft, 1995. – XXVIII, 466 S.
43. Sáva Chilandarec (Breüer, Sl.). Rukopisy a starotisky Chilendarské / Sáva Chilandarec (Sl. Breüer) ; úvod uprav. a ukazt. opatř. Fr. Pastrnek // *Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná*. – 1897. – Roč. 1896. – S. 1–98.
44. Soulis, G. Ch. The Serbs and Byzantium during the Reign of Emperor Stephen Dušan (1331–1355) and His Successors / G. Ch. Soulis, – Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Library and Collection, 1984. – XXVI, 353 p.
45. Wolski, J. M. Kultura monastyczna w późnośredniowiecznej Bułgarii / J. M. Wolski. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. – 225, [6] s.
46. Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρος νόμος ἢ Ἐξάβιβλος / ἐπ. Κ. Γ. Πιτσάκης. – Ἀθήναι : Δωδώνι, 1971. – ριβ', 426 σ.

REFERENCES

1. Belyakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A. *Kormchaya kniga, ot rukopisnoy traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu* [Kórmchaia Book. From the Manuscript Tradition to the First Printed Edition]. Moscow, St. Petersburg, IRI RAN, RGADA, TsGI, 2017. 496 p.
2. Blagojević M. *Zemljoradnichki zakon. Srednjovekovni rukopis. Izvori srpskog prava XIV v.* [The Agricultural Law. The Medieval Manuscript. Sources of Serbian Law in XIV Century]. Beograd, SANU, 2007. 349 p.
3. Bogdanović D. *Katalog ćirilskih rukopisa manastira Khilandara* [The Catalog of Cyrillic Manuscripts of Hilandar Monastery]. Beograd, SANU, Narodna biblioteka SR Srbije, 1978. 321 p.
4. Bubalo Đ. *Vremya Zakonnika Stefana Dushana* [The Era of Dušan’s Code]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2015, no. 3 (3), pp. 58-78. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.3.7>
5. Lipshits E.E., Medvedev I.P., Piotrovskaya E.K., eds. *Vizantiyskiy zemledelcheskiy zakon* [The Byzantine Farmer’s Law]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 280 p.
6. Vin Yu.Ya. *Zemledel’cheskiy zakon – istochnik pravovogo regulirovaniya i kolektivnogo samosoznaniya sel’skoy obshchiny v srednevekovoy Vizantii* [The Farmer’s Law (Nomos Georgikos) – Source of Law Regulation and Collective Self Consciousness of Rural Community in Medieval Byzantium]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 5, pp. 43-54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.4>
7. Gagova N.G. *Slavyanskite prevodi na gratski ezik v svetlinata na kontaktite mezhdu atonskite manastiri Vatoped, Hilendar i Panteleymon v XIV v. – nachalotona XV v.* [Slavic Translations from Greek in the Light of Contacts Between Athonite Monasteries Vatopedi, Hilendar and Panteleymon in 14th – the beginning of 15th Centuries]. M. Kuczyńska, ed. *Święta Góra Athos w kulturze Europy. Europa w kulturze Athosa*. Gniezno, PAN, 2009, pp. 79-87.
8. Ganev V. *Zakon soudnyy lyudem. Pravno-istoricheski i prvno-analitichni prouchvaniya* [The Law for Judging the People. The Legal-Historical and Juridical-Analytical Studies]. Sofia, BAN, 1959. VII, 620 p.
9. Danchev G.S. *Vladislav Grammatik. Knizhovnik i pisatel* [Vladislav the Grammarian. Man of Letters and Writer]. Sofia, BAN, 1969. 147 p.
10. Dragin N. *Zemljoradnichki zakon u khilandarskom rukopisu iz XV veka* [The Agricultural Law in Hilandar Manuscript of 15th Century]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* [Collection of Matica Srpska for Philology and Linguistics], 2011, vol. 54, no. 2, pp. 71-90.
11. Dragin N. *Leksichki slojevi Zemljoradnichkog zakona (Khil 466)* [Lexical Strata of the Agricultural Law (Hil 466)]. *Srpski ezik i njegove norme (dijakhrono-sinkhroni aspekti). Tematski zbornik* [Serbian Language and its Norms (Diachronic Synchronic Aspects)]. Novi Sad, Universitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet, 2015, pp. 52-63.
12. Bubalo P., ed. *Dushanov zakonik* [The Dušan’s Law Code]. Beograd, Zavod za udhbenike, Sluzhbeni glasnik Publ., 2010. 243 p.
13. Begović M., ed. *Zakonik tsara Stefana Dushana. Kn. 1* [The Code of Tsara Stephan Dušan. Book 1]. Beograd, SANU, 1975. [8], 272 p.
14. Begović M., ed. *Zakonik tsara Stefana Dushana. Kn. 2* [The Code of Tsara Stephan Dušan. Book 2]. Beograd, SANU, 1981. 299 p.
15. Peshikan M. et al., eds. *Zakonik tsara Stefana Dushana. Kn. 3* [The Code of Tsar Stefan Dušan. Book 3]. Vol. 3. Beograd, SANU, 1997. XII, 497 p.
16. Čavoški K., Bubalo Đ., eds. *Zakonik tsara Stefana Dushana. Kn. 4, T 1* [The Code of Tsar Stefan Dušan. Book 4. Vol. 1]. Beograd, SANU, 2015. XVIII, 652 p.
17. Čavoški K., Bubalo Đ., eds. *Zakonik tsara Stefana Dushana. Kn. 4, T. 2* [The Code of Tsar Stefan Dušan. Book 4, Vol. 2]. Beograd, SANU, 2015. [8], 622 p.
18. Petrović M., ed. *Zakonopravilo ili Nomokanon Svetoga Save, Ilovichki prepis 1262. godina*. Fototipiya. [“Zakonopravilo” or Nomocanon of St. Sava. Ilovichki Copy of 1262. Phototype]. Gornji Milanovats, Dechje Novine Publ., 1991. 800, XLIX [Ll. 1–400 r., Ll] p.
19. *Zemljoradnichki zakon, srpski srednjovekovni prevod. XV c.* [The Agricultural Law, Serbian Mediaeval Translation. 15th Century]. URL: <http://www.monumentaserbica.branatomic.com/rukse/ruknew/rukmain.php?rukopis=zemlj> (accessed 25 February 2022).
20. Kemalova A.I. *Sbornik at Sudats (Sofijski prepis, XVII vek) vsvetlinata na leksikalno-tekstologicheskite problemi najuzhnoslavjanskite pravni pametnitsi* [Sudats Miscellany (Sofia Copy, 17th Century) in the Light of Lexical-Textological Problems of South-Slavic Legal Monuments]. Plovdiv, UI «Paisij Hilendarski», 2010. 330 p.
21. Leonid (Kavelin, L.A.), archim. *Slavyano-serbskie knigokhranilishcha na Sv. Afonskoy gore, v*

monasteryakh Khilandare i Sv. Pavle [Slavic-Serbian Book Depositories on St. Mount Athos, in the Hilandar and St. Paul Monasteries]. *Chiteniya v Imp. Obshchive istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [The Proceeding in Society of Russian History and Antiquities at Moscow University], 1875, book 1, pp. 1-80.

22. Maksimovich K.A. *Zakon soudnyi lyudem. Istochnikovedcheskie i lingvisticheskie aspekty issledovaniya slavyanskogo yuridicheskogo pamyatnika* [The Law for Judging the People. The Sources and Linguistic Aspects of Study of Slavic Legal Monument]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004. 240 p.

23. Medvedev I.P. *Pravovaya kultura Vizantiyskoy imperii* [The Law Culture of the Byzantine Empire]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2001. 576 p.

24. Naydenova D.T. Zemelkiyat, Morskiyat zakon i Prohironat v sastava na Efremovskata kormchaya [Farmer's Law, Maritime Law and Prohiron in Efrem's Kormčaja Book]. *Palaeobulgarica*, 2006, no. 1, pp. 39-46.

25. Pavlov A.S. «Knigi Zakonnye», soderzhashchie v sebe, v drevnerusskom perevode, vizantiyskie zakony zemledelcheskie, ugovolnye, brachnye i sudebnye [“The Law Books”, Which Contain Themselves, in the Old Russian Translation, the Agricultural, Criminal, Conjugal and Judicial Laws of Byzantium]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1885. [4], 92 p.

26. Petrova R. S., Denizov B.A. Za pretsedentnite tekstove v lingvokulturologiyata [About the Precedent Texts in Linguoculturology]. *Nauchni trudove na Rusenskiya Universitet* [The Proceedings of Ruse University], 2014, vol. 53, no. 5.2, pp. 204-210.

27. Radoyichić Ć. Sp. Srpski rukopis Zemljoradnichkog zakon [Serbian Manuscripts of Agricultural Law]. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta* [Proceedings of the Byzantological Institute], 1955, vol. 3, pp. 15-28.

28. Savić V.D. *Srpska redakcija tsrkvenoslovenskog jezika: od Sv. Klimenta, episkopa slovenskog, do Sv. Save, arhiepiskopa srpskog* [The Serbian Redaction of the Church Slavonic Language, from St. Clement, the Bishop of the Slavs, to St. Sava, the Serbian Archbishop]. *Slovēne. Intern. Journal of Slavic Studies*, 2016, no. 2, pp. 231-239.

29. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu : Lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p.

30. Trifunović Đ.St. *Despot Stefan Lazarević* [The Despot Stefan Lazarević]. Beograd, Srpska knjizhevna zadruga, 1979. 244 p.

31. Trifunović Đ.St. Hilendarski prepis Zemljoradnichkog zakona [Hilandar Copy of Agricultural Law]. *Sa Svetogorskih izvora* [From St. Athos' Sources]. Beograd, JP Sluzhbeni list, SCG, 2004, pp. 225-239.

32. Hristova B.VI. Bulgarskata knizhnina i literatura prez XV v. [Bulgarian Literature in 15th Century] *Literaturna misal* [Literature Thought], 1991, no. 2, pp. 184-194.

33. Ashburner W. The Farmers Law. *Journal of Hellenic Studies*, 1910, vol. 30, pt. 1, pp. 85-108.

34. Burgmann L. Die Nomoi Stratiotikos, Georgikos und Nautikos. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta* [Proceedings of the Byzantological Institute], 2009, vol. 46, pp. 53-64.

35. Chitwood Z.R. *Byzantine Legal Culture and Roman Legal Tradition*, 867–1056. Cambridge, Camb. Univ. Pr., 2017. XII, 236 p.

36. *Incipitaria of Hilandar Miscellanies*. URL: <https://library.osu.edu/hrl/incipitaria> (accessed 21 January 2022).

37. Jagić V. Opisi i izvodi iz nekoliko južno slovinskih rukopisa [Descriptions and Extracts from Some South-Slavic Manuscripts]. *Starine*, 1874, vol. 6, pp. 60-152.

38. Koder J. *Nomos Georgikos. Das byzantinische Landwirtschaftsgesetz. Überlegungen zur inhaltlichen und zeitlichen Einordnung Deutsche Übersetzung*. Wien, Verl. d. ÖAW, 2020. 94 S.

39. Macrides R.J. Nomos and Kanon on Paper and in Court. *Kinship and Justice in Byzantium, 11th – 15th Centuries*. Aldershot, Hmps., Brookfield, Vt., Ashgate / Variorum, Routledge, 1999, pp. 61-86.

40. Matejic P., Thomas H. *Catalog, Manuscripts on Microform of the Hilandar Research Library (The Ohio State University). Vol. 1*. Columbus, Ohio, The Ohio State University, Resource Center for Medieval Slavic Studies, “Ivan Dujchev” Research Centre for Slavo-Byzantine Studies (Sofia, Bulgaria), 1992. XXIX, 572 p.

41. Zepos, I., Zepos P., eds. Procheiron Nomos. *Jus Graecoromanum. In 8 Vols. Vol. 2. Leges imperatorum Isaurorum et Macedonum*. Ed. altera. [Repr. Athena, Georgios Fekses, 1931]. Aalen, Scientia, 1962, pp. 114-228.

42. Burgmann L.M., Fögen M. Th., Schminck A., Simon D., eds. *Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts. Teil I, Die Handschriften des weltlichen Rechts* (Nr. 1–327). Frankfurt a/M., Löwen-Gessellschaft, 1995. XXVIII, 466 S.

43. Pastnek Fr., ed. Sava Chilandarec (Breier, Sl.). *Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná*, 1897, y. 1896, S. 1-98.

44. Soulis G.Ch. *The Serbs and Byzantium During the Reign of Emperor Stephen Dušan (1331–1355) and*

His Successors. Washington, D.C, Dumbarton Oaks Library and Collection, 1984. XXVI, 353 p.

45. Wolski J.M. *Kultura monastyczna w późnośredniowiecznej Bułgarii*. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 225, [6] p.

46. Pitsakis K.G. ed. *Kōnstantinou Armenopoulou Procheiros nomos ē Eksabiblos* [Constantine Harmenopoulos’ Procheiron Nomos or Hexabiblos]. Athens, Dōdōni Publ., 1971. CXII, 426 p.

Information about the Author

Mariyana Tsibranska-Kostova, DSc, Professor, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, Boulevard Schipchenski prohod, 52, Bl. 17, 1113 Sofia, Bulgaria, tzibran@ibl.bas.bg, <https://orcid.org/0000-0002-5699-7503>

Информация об авторе

Марияна Цибранска-Костова, DSc, профессор, Институт болгарского языка, Болгарская академия наук, бул. Шипченски проход, 52, бл. 17, 1113 г. София, Болгария, tzibran@ibl.bas.bg, <https://orcid.org/0000-0002-5699-7503>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.20>

UDC 34(091)“653”

LBC 67.3(0)414

Submitted: 22.05.2022

Accepted: 01.10.2022

THE CONCEPT “RES PUBLICA” AND ITS RECEPTION IN BYZANTINE LAW: TRANSLITERATIONS ¹

Yury Ya. Vin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The problem of reception of the concept “res publica” is complex and multifaceted. It has been thoroughly studied in relation to the period of the Middle Ages. The task of the author is to demonstrate, that the possibilities of applying the information approach in the field of cognitive surveying to reveal the content of receptions and Latin-Greek transliterations of the concept “res publica” with the help of the Expert System “Byzantine Law and Acts”. The comparisons of Greek translations and compilations with their Latin prototypes of Byzantine law prove: their compilations did not necessarily follow their prototypes in conveying the notion of “res publica”. It, as a rule, was replaced by other Greek concepts and word-combinations. For them, as well as their Latin prototypes, a certain semantic ambiguity is evident. Accordingly, the medieval Byzantine jurists felt the need to use the direct reception of the Latin concept “res publica”, in particular “rei publicae causa”. It served as the subject of attention and professional lawyers used this concept to interpret and explain the content of the sources of medieval Byzantine law. Noticeable discrepancies in the recording forms of the identified receptions and Greek transliterations of the concept “res publica” are probably due to individual characteristics of Medieval Byzantine lawyers and their professional qualifications. The direct borrowings of the concept “res publica causa” or its transliterations, revealed in medieval Byzantine law monuments, were purely terminological in most cases. It, if it is admissible, may be considered as a kind of cultural phenomenon. The article includes the parts: *Introduction, The Receptions and Transliterations, Theophili Antecessoris “Paraphrasis Institutionum”, “Librorum Basilicorum LX”, Scholia in “Librorum Basilicorum LX”, Other Compilations, Conclusions*, as well as too additions: *Appendix 1. Direct Receptions and Transliterations of the Concept “Res Publica” and Terminology Ascending to It and Appendix 2. Distribution of Receptions and Transliterations of the Concept “Rei Publicae causa”*.

Key words: republic, respublica, res publica, res publicae, rei publicae causa.

Citation. Vin Yu. Ya. The Concept “Res Publica” and Its Reception in Byzantine Law: Transliterations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 310-338. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.20>

УДК 34(091)“653”

ББК 67.3(0)414

Дата поступления статьи: 22.05.2022

Дата принятия статьи: 01.10.2022

КОНЦЕПТ «RES PUBLICA» И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ПРАВЕ: ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ¹

Юрий Яковлевич Вин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Проблема рецепции понятия «res publica» сложна и многогранна. Нельзя сказать о том, что она применительно к периоду Средних веков досконально изучена. Задача автора – продемонстрировать с помощью экспертной системы «Византийское право и акты» возможности применения информационного подхода в сфере когнитивных изысканий к раскрытию содержания рецепций и латинско-греческих транслитераций понятия «res publica». Прделанные сопоставления с латинскими прототипами их греческих переводов и компиляций византийского права доказывают: компиляции вовсе не обязательно следовали своим прототипам в передаче понятия «res publica». Оно, как правило, замещалось иными греческими понятиями и словосочетаниями. Для них, как и их латинского прототипа, очевидна определенная семантическая неоднозначность. Сообразно тому у средневековых византийских юристов проявляется потребность к использова-

нию прямой рецепции латинского понятия «res publica», в частности «rei publicae causa». Оно служило предметом внимания профессиональных правоведов, которые использовали указанный концепт для толкования и объяснения содержания источников средневекового византийского права. Заметные расхождения форм записи выявленных рецепций и греческих транслитераций понятия «res publica», вероятно, обусловлены индивидуальными особенностями средневековых византийских юристов и их профессиональной квалификацией. В большинстве случаев непосредственные заимствования понятия «res publica causa» или его транслитерации, выявленные в средневековых византийских памятниках права, носили сугубо терминологический характер. Его, если это допустимо, можно рассматривать в качестве некоего культурного феномена. Статья включает разделы: *Введение, Рецепции и транслитерации, «Парафразы институций» Феофила Антецессора, «Василики», Схолии к «Василикам», Другие компиляции, Заключение*, также два приложения: *Приложение 1. Непосредственные рецепции и транслитерации понятия «res publica» и восходящей к нему терминологии и Приложение 2. Дистрибуция рецепций и транслитераций понятия «rei publicae causa».*

Ключевые слова: республика, respublica, res publica, res publicae, rei publicae causa.

Цитирование. Вин Ю. Я. Концепт «res publica» и его рецепция в византийском праве: транслитерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 310–338. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.20>

A few damaged inscriptions preserve traces of laws the Sixth and Fifth Centuries, which reveal the presence of verbal forms resembling those that were central to later legislation, an illustration of some continuity in scribal practice.

D.J. Gargola

Введение. Проблема рецепции понятия «res publica» крайне сложна и многогранна. При этом нельзя сказать того, что она досконально изучена, в особенности применительно к периоду Средних веков. В данном свете попытка автора этих строк характеризовать рецепцию концепта «республика» средневековыми византийскими правоведом совершенно оправдана. Современное понимание названного концепта прямо или косвенно опирается на представления о конституционных принципах устройства республиканского государства с выборным главой. Такое видение проблемы нередко отталкивается непосредственно от архаичного значения понятия «res publica» как выражения идеи «общественное дело». Тем самым содержание понятия «республика» наполняется смыслом, который служит для описания исторически сложившейся формы коллегиального государственного управления ([35, с. 214–215, 318–319; 37, с. 211–212]; также см.: [2; 1, с. 261; 31; 36, с. 347]). С этой точки зрения задача автора этих строк более, чем скромна: не пытаться исчерпать необъятную и многоликую научную литературу, которая рассматривает проблему «республики», и труды, в

которых затрагивается связанная с концептом «res publica» неохватная проблематика его рецепции, его семантики и социокультурной значимости; на первый план выдвинута цель продемонстрировать с помощью экспертной системы «Византийское право и акты»² возможности применения информационного подхода в сфере когнитивных изысканий к раскрытию содержания рецепций названного концепта. В данной публикации предполагается рассмотреть всего лишь самый малый сегмент пунктирно обозначенной проблемы, опосредованный анализом латинско-греческих транслитераций понятия «республика».

Прежде всего, хотелось бы отметить специально, что решению поставленной здесь задачи вряд ли помогут даже основополагающие труды, где рассматривается проблематика концепта «res publica», невзирая на то что в них нередко заходит речь об его рецепции, будь то публикации В. Магера или его коллеги М. Риделя (подробнее см.: [77; 78]; также см.: [80; 81]; ср.: [16; 17]), хрестоматийные пособия по юриспруденции (подробнее см.: [11; 28; 5; 6; 7; 8]) и справочники (например, см.: [71, р. 254]). С этих позиций далеко от предмета изысканий лежат теоретические обобщения А.В. Хархордина, как поборника идеи восприятия концепта «res publica» в качестве обозначения «публичных вещей» и «общественных дел». Проблема заключается вовсе не в том, что по своей семантике словесные формы наименования названного

концепта выходят за пределы их физического воплощения в сферу политики, которая-де оказалась монополизирована Юстинианом. Само по себе указанное обстоятельство, по мнению А.В. Хархордина и его коллег, которые не склонны думать иначе, по крайней мере в отношении к Древности, препятствует непосредственно отождествлять термин «*res publica*» с понятием «государство» ([25; 24]; также см.: [74; 75; 26; 27; 23]). Даже труды ряда ведущих иностранных специалистов прошедшего времени, которые издал О.В. Хархордин, практически умалчивают о поставленной здесь проблеме рецепции концепта «*res publica*», несмотря на то что общей отличительной чертой опубликованных российским ученым переводов исследований именитых коллег, включая Р. Штарка, является их желание прояснить проблему складывания римской государственности, которое опосредует всеобъемлющий анализ указанного понятия преимущественно в пределах позднеантичного периода римской истории [33; 32; 10, с. 67–170, особ. с. 67 и далее, 167–170; 34; 20]. Равным образом не содержат необходимых разъяснений материалы участников коллоквиума, проведенного сорок лет тому назад Институтом европейской интеллектуальной лексики и истории идей при Национальном научно-исследовательском совете Италии, который был посвящен концепту «*res*» в виду признания приоритетной задачи его «реконструкции» «в веках» как феномена культуры ([70, р. 10]; также, например, см.: [68; 40; 41; 72]).

В этом плане, безусловно, не может быть обойден вниманием «нашумевший» в последние годы труд А. Калделлиса (Э. Кэлделлиса) «Византийская Республика», который опирается на концепцию «политии» [73; 12]. Автор названного сочинения, не просто безапелляционно выражает здесь мнение о том, что латинское понятие «республика» у византийцев замещает в качестве его эквивалента греческое понятие «*πολιτεία*». По существу, читателям книги предложен «метод Калделлиса». Согласно тому сравнивается государственный строй Греции и США [73, р. 34; 12, с. 69] – это победы, но и «верноподданнически» цитируется официозное заявление Дж.У. Буша, подобное которому до него произносил, наверное, отнюдь не один новоизбранный президент [73,

р. 170; 12, с. 256]. Но даже оно меркнет перед фантазмагорическими аллюзиями между византийским обрядом императорской аккламации и избирательной кампанией в США [73, р. 103, 118–119; 12, с. 167–168, 189]. При таких умопомрачительных сопоставлениях как в указанных, так и в иных своих суждениях А. Калделлис руководствуется принципом «я так считаю», выдвигаемым на уровне доказательств, опирающихся на «здравый смысл», то есть современные обывательские представления, подкрепляемые иллюстративным использованием источников (также см., например: [73, р. 103, 118–119 etc., 163; 12, с. 167–168, 189 и далее, 248]). В то же время А. Калделлис, обращаясь к обсуждению актуальной проблематики, фактически ограничивается самыми поверхностными экивоками на истоки научной дискуссии, которая изначально сопутствовала выяснению сути концепта «*res publica*». Ученый однозначно отождествляет понятие «*res publica*» и его греческий эквивалент «полития» (*πολιτεία*) как «византийский греческий перевод» («Byzantine Greek translation») [73, р. IX etc.; 12, с. 13 и далее]. Дело даже не в том, что автор книги оставляет втуне иной ракурс видения изучаемой проблемы, согласно которому латинский термин рассматривается специалистами в качестве «перевода» греческого понятия «полития». Такая интерпретация позволяет ученым соотносить терминологию европейских языков, обусловленную и понятием «республика», и понятием «полис» (см.: [13, с. 77–78 и далее]). За этим бесспорно стоит толкование идей Платона и аристотелианства, что, хотя и косвенно, демонстрирует, развивая республиканскую теорию, С. Одье на примере гуманистической науки, да и общественно-политических взглядов Цицерона (см.: [39, р. 9–10 etc.; 14, с. 18–19, 20 и далее]). Собственно говоря, заявление же самого А. Калделлиса в его предисловии к книге продиктовано ее автором в форме не требующего особых доказательств постулата, которому подчинено все последующее содержание монографии. Это вряд ли способствует раскрытию сущности правовых рецепций и транслитераций.

Практически А. Калделлис, хотя иногда и ссылается на отличные от своей точки зрения мнения, проигнорировал все сказанное о со-

держании понятия «res publica» в известном докладе Х.-Г. Бека [59]. В свое время немецкий историк, характеризуя государственное мышление византийцев, исходил из того, что восходящее к латинскому прототипу современное понятие «республика» по своему содержанию отнюдь не отвечает их миропониманию: «Но это значение совершенно нельзя перенести на римскую историю и уж точно – не на византийскую» («Aber dieser Bedeutung läßt sich nicht ohne weiteres auf die Römische Geschichte zurückprojizieren und sicher nicht auf die byzantinische»). Значение указанного понятия, по убеждению немецкого ученого, наполняет семантика, которая не сводится к вопросу о буквальном соотношении латинского и греческого концептов, – имеются в виду понятия «res publica» и «πολιτεία», – как выражении их однозначного соответствия в византийском политическом мышлении. Его, в представлении немецкого византиниста, отличали специфические черты, которые проявляются в сопоставлении семантики целого ряда понятий, включая «πολιτεία», «πολίτευμα» и другие словесные воплощения идей государственного строительства и политических идеалов. Они символизировали метафизическую модель византийской монархии, о которой Х.-Г. Бек упоминает не один раз (подробнее см.: [59, S. 13–14 u. a.]).

Сказанного не затмевает даже «новаторски» выраженный и явно неосторожный подход А. Калделлиса к оценке обновления идейного багажа Раннего Средневековья. К этому времени, надо заметить, восходит и рожденная в Европе концепция «commonwealth» (например, см.: [38, p. 215]). Хотя последняя получает яркое воплощение только в эпоху просветителей, она сохраняет те черты своего названия, которые связывают понятие «commonwealth» с обозначениями общностей типа «civitas» и «respublica», как системы гражданского управления. В историко-этимологическом смысле слова «commonwealth», которое претворяло значение управления в интересах «общего блага», данное понятие вполне соотносится с республиканской формой правления ([24, с. 18–19; 74, p. 222, 249, 258, 261, n. 74, 263; 18, с. 47, 50]; также см.: [82, p. 115–157, esp. p. 135–136]). Однако уже в указанный хронологический период понятия «res publica» и

«πολιτεία», думается, наполнило совершенно иное, нежели в Древности, политическое и идейное содержание! Поэтому однозначное сопоставление лексических соответствий названных понятий, впрочем, как и любых других понятий, вряд ли окажется убедительным без концептуального осмысления их реального содержания, без учета особенностей когнитивного восприятия человека прошлого, другими словами говоря, без оценки его когниции в собственном смысле слова, то есть без анализа специфики мировосприятия человека на фоне окружающей современников изучаемой эпохи действительности.

Разумеется, признание разнообразия способов выражения республиканских интенций в системе государственного устройства само по себе не может остановить дальнейшего анализа византийского права. В первую очередь имеются в виду данные, почерпнутые в текстах «Василик», крупнейшего законодательного свода X–XI вв. [42–49], и Схолий к нему, составленных, как считается, до XIII в. [50–58]. Здесь оправданно допустить, что в качестве так называемых источников средневековые переводчики, создатели «Василик», и схолиасты привлекали как разного рода переложения или компедиумы, так и толкования или комментарии к известным современным ученым памятникам права. Это не могло не сказываться на точности цитирования и перевода таких текстов, будь то «Дигесты» и другие законодательные своды как Юстиниана [63–66], так и узаконения последующих столетий (подробнее см.: [9]). Поэтому применительно к ним уместно прилагать обозначение «прототип», имея в виду под этим обозначением версии памятников права, к которым прибегали средневековые правоведы безотносительно нюансов создания тех или иных «источников» и их рукописной традиции, что вполне допустимо на уровне информационного подхода к их изучению.

Рецепции и транслитерации. Как бы то ни было, отдавая должное всему до сих пор сказанному, нельзя не подчеркнуть того, что не вызывает сомнений: наиболее ярким аргументом, подтверждающим, что многие из византийских правоведов в своих трудах использовали прямые заимствования римского права, являются понятийно-терминологические

рецепции и транслитерации [4; 85]. К их ряду относится и понятие «*res publica*», которое несомненно оставалось объектом особого внимания для византийских юристов. Об этом убедительно свидетельствуют непосредственные рецепции и транслитерации понятия «*res publica*», а именно: *reipublicae*, *rei publicae*, *reipublicae*, *feipublicae*, *feipublicae*, *reipublicaesausa*, *feipublicaesausa*, *feipouβλίκα*, *ρεῖpublicae*, *feipublicae*, *ρέι πουβλίκα*, *ρέι πουβλίκαε*, *ρέι πουβλίκαε*, *ρέι πουβλίκα*, *ρεῖπουβλίκα*, *ρεῖπουβλίκαε*, *ρεῖπουβλίκαε*, *ρέ πουβλίκαε*, *ρέηπουβλικαεκαῦσα*.

Представленный перечень состоит из 19 вариантов транскрипции понятия «*res publica*», выявленных в «Парафразе Институций» («Институциях») Феофила Антecessора [84], Схолиях к «Василикам» и в Схолиях к «Эклогам Василика» [67] и некоторых других компиляциях [79; 62] (см. прил. 1).

Для анализа дистрибуции рецепций и транслитераций понятия «*res publica*» в названных источниках принципиальное значение имеет вычленение его заимствований с учетом словосочетаний и синтагматических групп, представленных в виде кратких «цитат», как они обозначаются далее, которые удостоверяют вхождение в текст искомым словоупотреблений. При рассмотрении обнаруженных рецепций и транслитераций понятия «*res publica*» прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что практически все выявленные примеры, независимо от формы их записи, представляют всего лишь одну хорошо известную юридическую формулу «*rei publicae causa*». Она использовалась в римском праве для оправдания отсутствия участников судебного процесса под благовидным предлогом публичных или, быть может, государственных обязанностей, которые, в свою очередь, становились аргументом отмены судебных решений по исковым заявлениям. К сожалению, указанный латинский юридизм (легализм) довольно редко становился объектом изучения, оставаясь в концептуальных исследованиях, как правило, на периферии внимания большинства современных специалистов (например, см.: [87]; также см.: [76, р. 580–605, esp. p. 597, n. 57, p. 594]). Равным образом вряд ли оправданно считать обоснованным решением рассматриваемой проблемы

разрозненные и лапидарные ссылки по данному поводу ученых прошлых десятилетий (например, см.: [32, с. 261; 10, с. 138–139]). Разве только корифеи сегодняшнего дня в изучении поставленного вопроса «забегают» вперед. Тот факт, что О.В. Хархордин соотносит термин «*res publica*» как в указанном, так и во многих иных юридических положениях с обозначением не «государства» в собственном смысле этого слова, а его вещных прав, не меняет юридической значимости ссылки на формулу «*rei publicae causa*» [25, с. 34–35; 75, р. 240–241, esp. p. 240, n. 82; 23, с. 168–169, особ. с. 168, прим. 26]. Ее значение, казалось бы, полностью раскрыто в предшествующих публикациях российского ученого, где подобного рода система отвода судебных исков признана автором весомой посылкой для того, чтобы задаться вопросом интерпретации концепта «*res publica*» с целью прояснения его реальной сути. Ведь решение этой задачи предотвратило бы, как можно понять прочие высказывания О.В. Хархордина на этот счет, малоубедительные толкования понятия «*res publica*», даже если в виду имеется мнение упомянутого Р. Штарка (например, см.: [21, с. 104; 22, с. 54]). Однако в действительности «расследование» дела завершается двусмысленным заявлением о том, что ввиду частого использования рассматриваемая юридическая аргументация со времен позднеримской республики служит в качестве «политического лозунга» («*sloganeering*») [74, р. 241–242 etc., 254, 256]. В свою очередь, А. Калделлис, который, едва услышав «эхо» древнеримского термина «*rei publicae causa*», спешит воспроизвести соответствующее тому высказывание, словно и оно служит провозглашаемым лозунгом (буквально: «*This echoes the ancient Roman rei publicae causa*») [73, р. 51; 12, с. 95].

В любом случае этот термин по указанным выше причинам находит широкое распространение в римском и ранневизантийском праве, где особенно часто встречается в «Дигестах» и Кодексе Юстиниана. Там данное словоупотребление вместе с сопутствующей ему лексикой образует свыше 40 вариаций изъясления упомянутого оправдания. Показательно, что контекстные словоупотребления непосредственных рецепций и транслитераций понятия «*rei publicae causa*» вместе с различиями их

форм написания углубляют их дифференциацию до 55 вариантов (см. прил. 2). Они, за двумя исключениями, как доказывает система текстуального поиска ЭС «Византийское право и акты», не повторяются в последующих компиляциях и фактически обретают сугубо индивидуальный характер.

Одним словом, выявленные 19 разновидностей непосредственных рецепций и транслитераций понятия «rei publicae causa» представлены в 57 вхождении в тексты. Эти заимствования указанного термина сосредоточиваются в трех разделах «Парафразы Институций» Феофила Антецессора, 30 разделах Схолий к «Василикам» и трех разделах Схолий к «Эклоге Василик», а также некоторых других, как было сказано, компиляциях. Сведения об этом в настоящее время продолжают уточняться, и поэтому в обобщающем их рассмотрении, конечно, нельзя удовлетворяться только статистическими данными. Гораздо важнее характеристика выявленных непосредственных рецепций и транслитераций понятия «rei publicae causa» в тематическом плане. Рассматривая под заданным углом содержание названного понятия, невозможно дать его ясного определения, но тематический анализ позволяет уточнить характер употребления понятия «rei publicae causa» и обусловить его семантические коннотации в отношении выявленных непосредственных рецепций и транслитераций. Их содержание предопределяет ведение общественных и государственных дел, предполагающее, в частности, «отсутствие» ответчика на суде по ряду причин, в том числе поездки за пределы «государства», как говорится, «по государственным делам» («absentia rei publicae causa») [29, с. 45, 47, 53, 105; 30, с. 47, 49–50, 56, 112; 11, с. 585; 5, с. 392; 6, с. 267; 7, с. 476]. В тематическом плане дистрибуция выявленных рецепций и транслитераций в какой-то, явно незначительной степени совпадает с дистрибуцией понятия «*πολιτεία*»; но в сравнении с ним проблемно-тематическая ориентация выявленных непосредственных рецепций и терминов, выступающих лексическим соответствием концепта «rei publicae causa», несомненно, отличается довольно узким диапазоном. В первую очередь об этом говорят названия титулов «Василик» и других компиляций, которые обуславливают конно-

тацию используемого понятия «rei publicae causa» преимущественно функциями «государства». Представители управления обладали полномочиями регулирования имущественных отношений населения, его производственной и экономической активности, в частности торговли, разрешения имущественных споров на уровне административного контроля со стороны среднего и низшего звена бюрократического аппарата и судебных инстанций. Именно их работа стала основанием для схолиастов прибегать к рецепциям и транслитерациям понятия «rei publicae causa» применительно к содержанию 17 титулов «Василик» и прочих компиляций.

В указанном плане для общей характеристики непосредственных рецепций и транслитераций понятия «rei publicae causa» обретает значимость также выявление взаимосвязи между разделами компиляций. Эта проблема так или иначе затрагивает, разумеется, «Парафразы Институций» Феофила Антецессора, тесно сопряженные с «Институциями» Юстиниана. Однако ж прежде всего поставленный вопрос связан с «Василиками» и их соотношением с прототипами юстинианова законодательства, преимущественно, как выясняется в ходе сопоставлений, с «Дигестами» и Кодексом Юстиниана. Обобщая представленные наблюдения над выявленными непосредственными рецепциями и транслитерациями концепта «res publica» в средневековом византийском праве, необходимо повторить: они сводятся к одному широко распространенному юридическому термину «rei publicae causa», который вызывал острый профессиональный интерес юристов, очевидно, хорошо осведомленных о сферах применения этой юридической формулы в судебном процессе по целому ряду исковых претензий.

«Парафразы институций» Феофила Антецессора. Особое место среди проделанных наблюдений над рецепциями термина «rei publicae causa» занимают «Парафразы Институций» Феофила Антецессора, и не только потому, что указанным лексическим единицам присущ характер непосредственных заимствований, которые по своей природе обладают общекультурным значением. Если верно предположение о том, что записи лекций Феофила Антецессора восстанавлива-

ли его ученики [9, с. 159; 15, с. 153], то первым тому подтверждением служит некорректная форма транскрипции очень многих рецептов латинской терминологии. В какой-то степени эта проблема касается и термина «rei publicae causa». Нужно подчеркнуть, его рецепции, общим числом насчитывающие 10 вхождений в текст, включены в лексический состав не схолий, а самого этого памятника правовой мысли. Здесь рецепции сосредоточены, как было отмечено, в составе трех разделов и представляют всего лишь один вариант непосредственной латинской транскрипции терминологического словоупотребления в форме «reipublicae causa». Иногда тому сопутствуют вкрапления иных транслитераций в греческом переводе текста. Так, в разделе «De exsationibus» (TAI.I.25.02) «Парафразы Институций» Феофила Антecessора насчитываются семь цитат, включающих данную рецепцию:

(1) «οἱ reipublicae causa ἀπόντες excusateύονται κηδεμονίας»;

(2) «ἐν τῷ μεταξύ reipublicae causa ἀποδημίας χρῆται μὲν excusationi»;

(3) «ἀπεστι reipublicae causa»;

(4) «ὕποστρέψας δὲ οὗτος ἐκ τῆς reipublicae causa ἀποδημίας εὐθέως ὑποβάλλεται τῷ τῆς ἐπιτροπῆς βάρει»;

(5) «τὸ γὰρ τοῦ ἐνιαυτοῦ διάστημα τοῖς ὑποστρέψασιν ἀπὸ τῆς reipublicae causa ἀποδημίας δίδοται πρὸς excusationa ἡνίκα τις ἐπὶ νέαν καλεῖται κηδεμονίαν»;

(6) «εἰ μὲν ἐπίτροπος ὢν reipublicae causa ἀποδημήσω»;

(7) «εἰ δὲ μὴ ὢν ἐπίτροπος reipublicae causa ἀποδημήσω, εἶτα ὑποστρέψω, μετὰ δὲ τὴν ὑποστροφὴν κληθῶ ἐπὶ κηδεμονίαν...».

Указанный раздел (TAI.I.25.02) представляет собой расширенную парафразу соответствующего раздела «Институций» Юстиниана (I.I.25.02), где использованы три цитаты, в состав которых входит термин «rei publicae causa»: «qui rei publicae causa absunt»; «deinde rei publicae causa abesse coeperunt»; «quatenus rei publicae causa absunt».

Наряду с тем текст раздела «De actionibus» (TAI.IV.06.05) «Парафразы Институций» Феофила Антecessора включает одну цитату, которая детально раскрывает подробности правоприменения процедур, обусловленных

термином «reipublicae causa»: «Ἐὰν γὰρ τις νεμόμενος τὸ ἐμὸν πρᾶγμα bona fide ἐν τῷ μεταξύ reipublicae causa ἀποδημήσῃ, οἷον διὰ πρεσβείαν, ἢ καὶ ὑπὸ τοὺς πολεμίους γένηται, καὶ ἐν τῷ μεταξύ, ἐν ᾧ ὁ μὲν ἀποδημεῖ ὁ δὲ παρὰ τοῖς πολεμίους ἐστίν, ὁ τῆς usucapionος περαιωθῆ χρόνος, ὑποστρέψωσι δὲ ὁ μὲν ἐκ τῆς ἀποδημίας, ὁ δὲ τοὺς πολεμίους διαφυγών, ἔξεστιν ἐμοὶ τῷ δεσπότῃ εἶσω ἐνιαυτοῦ μετὰ τὴν αὐτῶν ὑποστροφὴν ἀναπτύχθεισης ἤτοι ἀνατραπείσης τῆς usucapionος κινήσαι τὴν in rem». Этот раздел (TAI.IV.06.05) представляет собой расширенную парафразу соответствующего раздела «Институций» Юстиниана (I.IV.06.05), где использованы три цитаты с термином «rei publicae causa»: «qui rei publicae causa absunt»; «deinde rei publicae causa abesse coeperunt»; «quatenus rei publicae causa absunt». К сказанному надо присовокупить текст раздела «De his per quos agere possumus» (TAI.IV.10) «Парафразы Институций» Феофила Антecessора, который содержит две цитаты с употреблением непосредственной рецепции «reipublicae causa», а именно цитату 9: «εἰ συνέβη τινὸς τῶν ὄντων παρὰ τοῖς πολεμίους ἢ reipublicae causa ἀποδημούντων πράγματα κλαπῆναι, κινεῖν τὸν βουλούμενον τὴν furti ἀγωγὴν»; и цитату 10: «ὕποστῃ δὲ οὗτος κλοπὴν ἐμοῦ ὄντος παρὰ τοῖς πολεμίους ἢ reipublicae causa ἀπόντος». Сам же этот раздел (TAI.IV.10) представляет собой расширенную парафразу соответствующего раздела «Институций» Юстиниана (I.IV.06.Pr.). Здесь имеется всего лишь одна цитата, включающая в свой состав термин «rei publicae causa»: «qui apud hostes essent aut rei publicae causa abessent quive in eorum cuius tutela essent». Разумеется, проделанные наблюдения требуют сопоставить с общими закономерностями, которые раскрываются при рассмотрении таких компиляций, как «Василики» и Схолии к ним.

«Василики». Что касается «Василик», то значительная часть их статей, рассмотренных по поводу дистрибуции в греческих компиляциях рецептов и транслитераций термина «rei publicae causa», представляет собой сокращенные варианты соответствующих разделов памятников юстинианова законодательства, прежде всего, как было уже отмечено, «Дигестов» и Кодекса Юстиниана. Действительно, в самих «Василиках» прямых

рецепций и транслитераций ни концепта «res publica», ни термина «rei publicae causa» не обнаруживается! Однако некоторые разделы «Василик» включают, об этом никак нельзя забывать, иные, нежели «πολιτεία», греческие лексические выражения, которые замещают в тексте рецепции и транслитерации указанной терминологии. В качестве неперемного аргумента допустимо сослаться на одну из статей «Василик» (В.А.ХХIII.03.017) в титуле «Ο процентах, плодах, вещах» и т. д. («Περὶ τόκων καὶ καρπῶν καὶ πραγμάτων καὶ πάσης προσθήκης καὶ ὑπερθέσεως»), которая представляет сокращенную парафразу соответствующего дигеста (D.ХХII.01.007) в аналогичном титуле «Дигест» («De usuris et fructibus et causis et omnibus accessionibus et mora»). Там, в частности, употреблены значимые термины, например «ex administratione rerum civitatum» (D.ХХII.01.007.07) и «usuras rei publicae» (D.ХХII.01.007.08), которые стоило бы рассматривать в качестве лексических прототипов терминологии «Василик». Однако здесь первый из латинских терминов замещен метафоричным, в данном случае, выражением «οἱ τὰ πολιτικά διοικήσαντες» (В.А.ХХIII.03.017.07), второй же и вовсе опущен (В.А.ХХIII.03.017.08). Положению прототипа, включающему рассматриваемый термин, «qui quod rei publicae causa a fuit vel ex alia causa iusta impeditus» (D.ХХII.01.007.03) в соответствующем разделе «Василик» (В.А.ХХIII.03.017.03) отвечает сентенция с явно не полностью эквивалентным словосочетанием «δημοσία χρεία»: «τὸ ἀλεῖναι διὰ δημοσίαν χρείαν καὶ πάντων τῶν ἐξ αἰτίας εὐλόγου ἀποκαθισταμένων».

В свою очередь, внимания требуют статьи первого титула 38 кн. «Василик» (В.А.ХХХVIII.01), то есть титула «Об избежании или обоснованного (благовидного) освобождения опекуна и кураторов» («Περὶ ἀποφυγῆς ἢ γοῦν ἀπολύσεως εὐλόγου ἐπιτρόπου καὶ κουρατόρων»), что соответствует первому титулу 27 кн. «Дигест» «De excusationibus» («Об освобождении [от обязанностей опеки]») (D.ХХVII.01). В частности, сопоставление статей «Василик» (В.А.ХХХVIII.01.010) и «Дигест» (D.ХХVII.01.010), которое, на первый взгляд, не дает основания для выводов о непосредственном лексическом за-

имствовании, потому что указанный раздел «Василик» представляет собой всего лишь парафразу прототипа, которая тем не менее включает плохо согласующуюся с текстом дигеста цитату: «ὁ διὰ δημοσίαν ἀπολειθφείς αἰτίαν» (В.А.ХХХVIII.01.010.Pr.) – как другой инвариант перевода изучаемого латинского понятия. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что текст соответствующего раздела «Дигест», будучи воспроизведен преимущественно на греческом языке, содержит три выражения терминологического характера типа «ἡ δημοσία χρεία»: одно из них, которому сопутствует указание на принадлежность «Римскому народу» (δήμου Ῥωμαίων), использовано во введении к данному дигесту (D.ХХVII.01.010.Pr.), два других воспоследуют тому в первом разделе (D.ХХVII.01.010.01). Особо надлежит выделить греческую цитату «δημοσίου ἔνικα πράγματος ἀπεδήμου» (D.ХХVII.01.010.02). Первые три выражения можно интерпретировать как греческий инвариант латинского понятия «res publica», а за последней цитатой, несомненно, стоит изучаемый термин в варианте «rei publicae causa a fuisse».

Выше сделанные наблюдения побуждают вспомнить специально и о понятии «τὸ πρᾶγμα δημόσιον», которое – и это признают специалисты независимо от различий толкований ими термина «res publica» – замещало латинский прототип (например, см.: [39, p. 7; 14, с. 15–16]; ср.: [73, p. 43–44; 12, с. 84–85]). Замещения таковым греческим лексическим соответствием термина «res publica» в «Василиках», несмотря на то что буквальные образчики подобной замены не вполне адекватны, встречаются в переводах понятия «rei publicae causa» систематически, скажем: «μέλλει διὰ πρᾶγμα δημόσιον ἄκων ἐπὶ πολὺν χρόνον ἀποδημεῖν», буквально: «принужденный из-за казенного дела собирается надолго убыть» (В.А.ХII.01.016) – «qui rei publicae causa diu et invitatus sit afuturus» (D.ХVII.02.016.Pr.). Столь же четко обозначено терминологическое замещение в сопоставлении цитат «Василик» и «Дигест»: «οἱ... ἀπόντες διὰ πρᾶγμα δημόσιον καὶ οἱ μὴ δυνάμενοι ἐλθεῖν», буквально: «...отсутствующие из-за казенного дела и не могущие прийти» (В.А.ХХI.01.007) – «qui cum magistrate rei publicae causa absunt vel quibus venire non licet» (D.ХХII.05.008). Оно уточня-

ется также в соответствующей схолии к «Василикам» (В.В.ХХI.01.007.Ра.001): «...οἱ μετὰ τινος ρέει πουβλίκαε καὶσα ἀπολιμπανόμενοι οὔτε οἷς παραγενέσθαι μὴ ἔξεστιν ἄκοντες...».

Наряду с тем следует отметить статью «Василик» (В.А.ХХХVIII.01.040). Она представляет парафразу соответствующего дигеста (D.ХХVII.01.041), где раздел D.ХХVII.01.041.02 включает изучаемый термин, а именно цитату «res publica causa absunt». Отвечая тому, в частности, раздел В.А.ХХХVIII.01.040.02, содержит греческое лексическое соответствие латинскому термину в составе цитаты: «οἱ σύνεδροι τῶν διὰ δημόσιον πρᾶγμα ἀπόντων...», буквально: «заседатели, отсутствуя из-за казенного дела...». Схолия же к «Василикам» В.В.ХХХVIII.01.040.Рb.001, включая дополнительные разъяснения к соответствующему разделу «Василик» (В.А.ХХХVIII.01.040.02), содержит цитату с латинской рецепцией «οἱ... σύνεδροι καὶ γεῖpublicaecaῖσα ἀπεῖναι». Она служит дополнительным подтверждением латинского и греческого лексико-терминологического соответствия.

Аналогичным образом реализуется принцип лексического замещения термина «gei publica causa» и в ряде последующих статей «Василик». Так, в одной из них, в начальном же ее разделе представлены две цитаты в двух вариантах лексического замещения, а именно «διὰ δημόσιον πρᾶγμα» и «διὰ πρᾶγμα δημόσιον». Они лежат в основе соответствующих цитат: «ἐφ' ὅσον μὴ ἀποδημεῖ διὰ δημόσιον πρᾶγμα...», буквально: «поскольку не отсутствует из-за казенного дела...» (В.А.ХХХVIII.01.044. Pr.) – «quoad rei publicae causa non abierit...» (D.ХХVII.01.045. Pr.); «ἐὰν ἀρξάμενος διοικεῖν ἀπολειφθῆ διὰ πρᾶγμα δημόσιον», буквально: «если приступивший управлять убыл из-за казенного дела» (В.А.ХХХVIII.01.044. Pr.) – «deinde rei publicae causa abesse» (D.ХХVII.01.045. Pr.). А в первом разделе той же статьи «Василик» цитата, частично повторяя предыдущую, опирается на второй инвариант лексического замещения прототипа: «ἐὰν ἀπολειφθῆ διὰ πρᾶγμα δημόσιον...» (В.А.ХХХVIII.01.044.01) – «cum rei publicae causa abierit...» (D.ХХVII.01.045.01). Приводимые примеры, надо сказать, находят свое объяснение и в схолиях к данной статье «Василик» (В.В.ХХХVIII.01.044), которые ввиду

их особого своеобразия, дабы не повторяться, предстоит рассмотреть подробнее далее.

Еще более показательна сентенция «ἡ διὰ πρᾶγμα δημόσιον ἀποδημία...» (буквально: «отсутствие из-за казенного дела») (В.А.ХХХVIII.01.047) – «...qui rei publicae causa aberat...» (CJ.V.36.001.Pr.). Здесь так же, как и в предшествующих примерах, вполне уместно привлечь сведения схолии к «Василикам» (В.В.ХХХVIII.01.047.Рb.001), которая была создана, безусловно, с хорошим знанием вопроса. Она, несмотря на то что представляет собой краткую реплику, включает цитату с греческой транслитерацией «τοῦ ἀποδημοῦντος γεῖpublicae caῖσα παύεται τῆς διοικήσεως». Эта схолия подкрепляет факт латинского и греческого лексико-терминологического соответствия.

Сходная ситуация с воспроизведением изучаемого термина обнаруживается и в последующем примере, скажем: «ὁ διὰ πρᾶγμα δημόσιον μέλλων ἀπολειφθῆναι ὀφείλει ἑαυτὸν ἀπολύσαι μέχρι τοῦ καιροῦ τῆς ἐκδημίας» (буквально: «собирающийся из-за казенного дела убыть должен освободиться [от обязанностей опеки] до срока пребывания на чужбине») (В.А.ХХХVIII.01.079) – «qui tutores vel curatores dati rei publicae causa afuturi sunt, ad tempus se excusare debent a tutela...» (CJ.V.64.001.Pr.). На сроках исполнения «государственных обязанностей», перелagая содержание Кодекса Юстиниана, ставит логическое ударение и схолиаст. Но в плане использования рецепции самого латинского понятия важно отметить, что оно превращается в смешанную латино-греческую транслитерацию: «τὸ ἀπολειφθῆναι αὐτὸν γεῖpublicae καὶσα» (В.В.ХХХVIII.01.079.Рb.002).

Равным образом, в качестве образчика перевода с замещением искомого термина, то есть с попыткой средневекового переводчика следовать оригиналу в воспроизведении терминологии опосредовано, выступает любая другая сентенция, где вместо латинской рецепции термина «gei publica causa» в соответствующей фразе содержится его греческое лексическое замещение наподобие «πρᾶγμα δημόσιον» (допустим, В.А.ХLVIII.05.005.Pr. – D.XL.07.004.Pr.). При этом сейчас нет нужды апеллировать к Схолиям к «Василикам», которые так или иначе содержали термино-

логические аргументы в пользу произведенного переводчиками «Василик» замещения. Сказанное вполне равнозначно относится и к одной из последующих статей «Василик». Она, будучи сокращенной парафразой соответствующего дигеста, в котором искомая терминология была употреблена дважды, воспроизводит лексическое соответствие замещаемым латинским выражениям в самобытной форме. Здесь сопрягается, по сути, наряду с указанным словосочетанием еще одно лексическое замещение: «πράγματος δημοσίου αἰτία ἀπελείφθη» (буквально: «по причине казенного дела убыл»). В этом контексте переводчик сделал логическое ударение на мотивации отсутствия «по казенной надобности», словно бы пытаясь тем самым интегрировать в одной цитате сокращенную информацию прототипа (В.А.LX.23.006 – D.XLVII.12.006). Однако ж показательно, что сходная формула с логическим ударением на мотивации отсутствия «по причине казенной надобности» должностных лиц, которые на этом основании освобождаются от судебного преследования, употреблена в одной из последующих статей «Василик»: «οἱ πράγματος δημοσίου αἰτία ἀδόλως ἀπολιμπανόμενοι» сообразно содержанию соответствующего раздела «Дигест» (В.А.LX.34.012.Pr. – D.XLVIII.02.012.Pr.).

Внимания к себе требует, о чем нужно непременно сказать, также положение 16 статьи «Василик» 37 титула 60 кн., посвященного Закону Юлия о супружеской неверности (18 г. до н. э.) [19, с. 89]. Первый раздел этой статьи (В.А.LX.37.016.01) предлагает, по существу, еще один инвариант греческого лексического соответствия термина «rei publicae causa» в составе цитаты: «ὁ ἀδόλως ἀπὸν πράγματος δημοσίου χάριν ἐν ἑτέρᾳ ἐπαρχίᾳ οὐ κατηγορεῖται». Сама статья «Василик» (В.А.LX.37.016) является сокращенной парафразой соответствующего дигеста (D.XLVIII.05.016(15)). В его составе названный латинский термин включают три раздела. В первом разделе указанного дигеста (D.XLVIII.05.016(15).01) искомый термин повторяется дважды, сначала в контексте цитаты Закона Юлия о супружеской неверности (7 гл.), а затем в пояснениях к этому закону: «...absentem rei publicae causa inter reos refferi». Термин «rei publicae causa» представлен также

в следующем, втором разделе дигеста, который содержит разъяснения к предыдущему разделу, в том числе цитату: «rei publicae causa abesset» (D.XLVIII.05.016(15).02). Наряду с тем изучаемый термин воспроизводит четвертый раздел указанного дигеста в составе пространных пояснений: «...qui in alia provincia rei publicae causa absunt, quam in ea in qua deferentur» (D.XLVIII.05.016(15).04). При этом нужно принимать во внимание тот факт, что формально соответствующий раздел статьи «Василик» (В.А.LX.37.016.04), согласно изданию Х. Шелтемы (Схелтемы) и его коллег, перемещен на место второго, а этот, в свою очередь, изъят из состава данной статьи. Все это затрудняет решение вопроса о корреляции между указанным разделом «Василик» и его прототипом. Однако описанные нюансы не вызывают сомнений в достоверности лексического соответствия изучаемой латинской и греческой терминологии.

Одним словом, приведены примеры тех вариантов переводов контекстов, которые включали понятие «τὸ πρᾶγμα δημοσίου» в качестве лексического соответствия изучаемому латинскому термину «rei publicae causa». Они бесспорно свидетельствуют, что создатели «Василик» стремились в определенной мере к сохранению терминологической точности. Правда, своего намерения переводчики «Василик» придерживались отнюдь не всегда последовательно. В большинстве переводов указанное греческое словоупотребление или какое-либо еще эквивалентное термину «rei publicae causa» словосочетание отсутствовало. Также можно смело утверждать, что и в том и в другом варианте сделанные переводы ясно доказывают – они далеко не всегда достаточно адекватны. Эти переводы, выполненные, как правило, на уровне парафраз, лишь отдаленно напоминали текст прототипа. Совершенно очевидно, именно это обстоятельство становилось побудительным мотивом для последующих поколений комментаторов и схолиастов к уточнению и толкованию текста «Василик». При этом, упреждая последующий анализ, допустимо заявить о том, что интерпретаторы «Василик» без сомнения обращались к их прототипам, а именно законодательству Юстиниана и содержащейся там терминологии, включая изучаемый термин «rei publicae causa».

Схолии к «Василикам». Рассмотренные тексты «Василик» убеждают в необходимости более внимательного отношения к воспроизведению переводов термина «*rei publicae causa*» в средневековых византийских схолиях и компиляциях. Их характеристика, конечно же, предполагает обсуждение примеров схолий и компиляций, включающих цитаты с рецепциями и транслитерациями термина «*rei publicae causa*», в первую очередь Схолий к «Василикам». Они включают 39 цитируемых там инвариантов транслитераций данного латинского понятия, то есть содержат большую часть таких образцов и позволяют наилучшим образом раскрыть системную взаимосвязанность этих рецепций и транслитераций с содержанием византийского законодательства. Сразу же следует указать и на то обстоятельство, что фразеологическая корреляция большинства Схолий к «Василикам» с текстами соответствующих разделов самих «Василик» устанавливается согласно критериям оценки их содержания, в особенности с точки зрения лексического и понятийно-терминологического состава. Одновременно отмечается, с определенной степенью приближенности, соотносительность текстов «Василик» и Схолий к ним между собой и с их прототипами.

В качестве примера описанного подхода хотелось бы привести две схолии, содержание которых относится к одной статье «Василик», посвященной «кинонии» («сообществу») и ее роспуску (В.А.ХП.01.014). Эта статья представляет собой сокращенную парафразу, в основе которой лежит изложение сразу трех дигестов (D.XVII.02.014; D.XVII.02.015; D.XVII.02.016). Говоря другими словами, указанная статья «Василик» является, очевидно, неоднозначным переложением материалов «Дигест», которое опирается на крайне сложную схему передачи в переводе текста прототипа. Следуя его содержанию, переводчики «Василик», несмотря на все сокращения и упрощения, не могли не передать, если можно так сказать в данном случае, «ключевых слов» указанных дигестов. В их числе оказался концепт «общее имущество», или «*communis res*» прототипа, заимствованный в форме греческого лексического замещения «*τὸ κοινὸν πρᾶγμα*» из первого дигеста (D.XVII.02.014). А греческие транслитерации термина «*rei*

publicae causa» в цитате «*rei publicae causa diu et invitus sit afuturus*», почерпнутой в третьем дигесте (D.XVII.02.016.Pr.), наравне с другими лексико-терминологическими соответствиями, можно найти только в упомянутых схолиях, которые более полно, чем текст статьи «Василик», интегрировали информацию прототипа (В.В.ХП.01.014.Са.001; В.В.ХП.01.014.Са.002). В первую очередь это относится к первой из схолий. Она представляется обширным переложением указанных дигестов и, восполняя содержание рассматриваемой статьи во множестве транслитерированных латинских понятий, содержит пространную цитату, сопряженную с рассматриваемым термином: «ὡς ρεῖπουβλίκαε καῦσα μέλλων ἀποδημεῖν ἄκων καὶ πολὺν ἐπιμένειν τῇ ἀποδημίᾳ μέλλων χρόνον». Вторая же схолия, хотя она, как и первая, также вмещает и «ключевое слово» («*τὸ κοινὸν πρᾶγμα*»), и соответствующую цитату («*ρεῖπουβλίκαε καῦσα μέλλει ἐπὶ πολὺν ἀποδημεῖν*»), более скромна по своим размерам, но намного ближе по своему лексическому составу отвечает тексту статьи «Василик», чем первая схолия.

На самом деле текстуальные совпадения «Василик» и Схолий к ним, как правило, крайне редки. Схолии к «Василикам», за отдельными исключениями, являясь парафразами соответствующих памятников юстинианова законодательства, опираются на заимствованные отсюда положения. Потому прямые или косвенные ссылки и указания на них, хотя и не всегда точные, нередки в схолиях. Также они содержат понятийно-терминологические рецепции и транслитерации, которые служат не только неоспоримым свидетельством непосредственного обращения средневековых схолиастов к правовому наследию ранневизантийской эпохи: многие подобные заимствования, выступают в качестве дополнительных аргументов в разъяснениях текста «Василик». В этой связи нельзя пройти мимо схолий к «Василикам», которые содержат практически уникальные цитаты (например, 12 и 13) с непосредственной рецепцией легизма «*rei publicae causa*». Такова цитата 12, где указанный термин воспроизводится в форме «*reipublicae de causa*» (В.В. VIII.01.001. Vo.037). Данная схолия, надо сказать, включает две цитаты: одну с греческой транслитерацией «*ἀπὸν ρεῖ πουβλίκαε καῦσα*

κατεδικάσθη» (цитата 11) и вторую (цитата 12) с приведенной латинской рецепцией. Ни греческий, ни латинский инварианты не находят лексического подтверждения в соответствующих разделах ни в «Василиках» (В.А.VIII.01.001), ни в «Дигестах» (D.III.01.001). Статья «Василик» (В.А.VIII.01.001) представляет собой сокращенную парафразу соответствующего раздела «Дигест» (D.III.01.001). В свою очередь, схолия к «Василикам» (В.В.VIII.01.001. Vo.037), опираясь, судя по содержанию, касающегося восстановления имущественных прав несовершеннолетнего и душевнобольного, на последние разделы упомянутого дигеста (D.III.01.001.10,11), соотнесена, по всей вероятности, с последними разделами указанной статьи «Василик» (В.А.VIII.01.001.10,11). Но все это не препятствует составителю вспомнить, пусть и воспроизведенным в неточной форме, о дополнительном юридическом аргументе.

Впрочем, сказанное напрямую касается и переводов «Василик». Они обусловлены употреблением в прототипе термина «rei publicae causa», независимо от того, содержит ли греческий перевод, какие-либо лексические соответствия. Это вполне достоверно подтверждают две схолии к уже рассмотренной статье «Василик» по поводу использования там греческого лексического замещения названного латинского термина «πρᾶγμα δημόσιον» (В.А.XII.01.014). Вновь обращаясь к содержанию этой статьи, надо отметить, с одной стороны, что оно обусловлено той же, что и предшествующий пример, тематикой, а именно титулом о кинонии. С другой – кратко касаясь проблемы кинонии, данная статья представляет собой сокращенную парафразу начального раздела соответствующего дигеста, где на первый план вынесена искомая терминология (D.XVII.02.016.Pr.). Поскольку в самой статье «Василик» ее переводчик воспользовался греческим лексическим замещением, составители двух упомянутых схолий, не затрагивая вопроса о кинонии вовсе, сосредоточились именно на раскрытии сути термина «rei publicae causa», передаваемого здесь в греческой транслитерации: «οὐ λέγομεν γὰρ ἀπεῖναι ρεῖπουβλίκαε καῦσα τοὺς μὴ κατὰ ἀνάγκην, ἀλλὰ διὰ κέρδος ἴδιον ἀπιόντας» (В.В.XII.01.016.Са.001); «...ἐπὶ πολὺν χρόνον

μέλλειν αὐτὸν ἀπολιμπάνεσθαι ρεῖπουβλίκαε καῦσα, καὶ μὴ ἐπίτηδες τὴν τοιαύτην ἀπελθεῖν ἀποδημίαν» (В.В.XII.01.016.Са.002). Как можно видеть, обе схолии предельно кратки и основное их содержание сводится к разъяснению обозначенного в них термина. Однако каждый из составителей этих схолий использует для решения поставленной задачи собственные слова и выражения, в конечном счете – терминологию, что превращает как эти две схолии, так и статью «Василик», к которой они прилагаются, во вполне отличающиеся друг от друга сентенции.

Таким образом, воспроизведение рецепций и транслитераций термина «rei publicae causa» в Схолиях к «Василикам» выдвигается на первый план в изучении причинной мотивации средневекового толкователя текстов «Василик» следовать прототипу в стремлении выразить точный смысл комментируемого текста, как это показано на примерах уже проделанных сопоставлений текстов «Дигест», «Василик» и Схолий к ним (скажем: D.XXII.05.008 – В.А.XXI.01.007 – В.В.XXI.01.007.Ра.001). Многие конкретные примеры подобных рецепций вызывают к себе специальный интерес. Но из их общего ряда сейчас приходится ограничиться отдельными образцами использования рецепций и транслитераций указанного термина, которые обладают с точки зрения автора этих строк особой значимостью для обобщающей характеристики такого рода заимствований.

В этом ряду вызывающих особый интерес образцов хотелось бы вернуться к свидетельствам схолий, которые относятся к статьям уже попадавшего в поле зрения раздела «Василик» (В.А.XXXVIII.01), соответствующего первому титулу 27 кн. «Дигест». Они, как было показано, посвящены проблеме освобождения от обязанностей по опеке и рассматривают связанные с названными процедурами примеры. Помимо них следует иметь в виду, что содержание лексико-терминологических соответствий в составе разделов, относящихся к указанным титулам, также опосредовано данными схолий (D.XXVII.01.041 – В.А.XXXVIII.01.040 – В.В.XXXVIII.01.040.Рb.001; D.XXVII.01.045 – В.А.XXXVIII.01.044 – В.В.XXXVIII.01.044; CJ.V.36.001 – В.А.XXXVIII.01.047 – В.В.XXXVIII.01.047.

Pb.001; В.А.ХХХVIII.01.079 – СJ.V.64.001 – В.В.ХХХVIII.01.079.Pb.002). В то же самое время возможно еще раз обратиться к проделанному сопоставлению разделов 10 дигеста (D.XXVII.01.010) и соответствующей статьи «Василик» (В.А.ХХХVIII.01.010). Схолия к ней (В.В.ХХХVIII.01.010.Pb.006), судя по ее содержанию, дополняется сведениями последнего раздела дигеста (D.XXVII.01.010.08). Здесь приводятся достаточно пространные суждения о сопутствующих обстоятельствах по исковым претензиям, сформулированным в «Василиках», которые включают две цитаты с изучаемым заимствованием: одно приведено в греческой транслитерации: «ἀπὸν ῥεί ποῦβλικα καῦσα κατεδικάσθη», а второе – как частично искаженная латинская рецепция: «οἱ μέλλοντες ἀποδημεῖν *rei publicae causa transmare*». При этом сам дигест (D.XXVII.01.010), стоит напомнить повторно, излагается преимущественно на греческом языке.

В этой связи надлежит сослаться снова также на дигест (D.XXVII.01.045) и его соответствие в «Василиках» (В.А.ХХХVIII.01.044). Дело не только в том, что употребление рецепций и транслитераций термина «*rei publicae causa*» в первой схолии к указанному разделу «Василик» (В.В.ХХХVIII.01.044.Pb.001) так или иначе мотивировано систематическим отсутствием назначенного опекуна ввиду выполнения «государственных дел» («*ob absentia rei publicae causa*» – «διὰ τὴν ὑπὲρ τῶν δημοσίων ἐκδημίαν»). Неоспоримое своеобразие содержанию указанной схолии придают сопутствующие нюансы многократного использования в указанном разделе «Дигест» термина «*rei publicae causa*» и, соответственно, его смешанной латино-греческой транслитерации в рассматриваемой схолии. В частности, начальный раздел указанного дигеста (D.XXVII.01.045.Pr.) включает двукратное упоминание названного термина и в одном случае своеобразную перефразировку, можно сказать, эллипсис, правда, с пропуском значащего слова и переносом логического ударения на предшествующее слово: «*absentiam ob publicam causam*». В рассматриваемой схолии (В.В.ХХХVIII.01.044.Pb.001) насчитывается шесть цитат, включающих транслитерации термина «*rei publicae causa*». С данной частью дигеста (D.XXVII.01.045.Pr.) корре-

лируют первые три заимствования, причем описанной фигуре речи соответствует третья цитата, содержащая полное воспроизведение рецепируемого термина: «*πρὸ τῆς *rei publicae causa* ἀποδημίας*». И еще три цитаты изучаемой схолии могут быть соотнесены с тремя словоупотреблениями термина «*rei publicae causa*» в последующем разделе «Дигест» (D.XXVII.01.045.01). Наряду с тем следует отметить также транслитерацию названного термина во второй схолии к той же статье «Василик» (В.В.ХХХVIII.01.044.Pb.002). Здесь основная ее идея, касающаяся предназначения опекуна, покидающего родные пенаты, выражена с непреложной прямоотой: «если бы убыл ради казенной надобности» («*εἰ δὲ ἀπολειφθῆ διὰ δημοσίαν χρείαν*»). Одновременно эта схолия включает цитату с транслитерацией изучаемого термина (*μὴ ἀπομυλάνεται *rei publicae causa**), полностью идентичной первой цитате в первой схолии (В.В.ХХХVIII.01.044.Pb.002). Одно это уникальное совпадение – его издатели Схолий к «Василикам» приписывают перу схолиаста, в этом качестве выступил Кирилл – могло бы дать пищу для размышлений о соответствии этих рецепций тексту прототипа. Решение этой задачи автор этих строк оставляет на усмотрение специалистов.

На фоне рассмотренных примеров любые другие рецепции и транслитерации термина «*rei publicae causa*» в Схолиях к «Василикам» также убеждают в том, что их авторы стремились уточнить и скорректировать тексты самих «Василик», где вместо рецепций указанного термина бывали использованы, можно сказать, почти как правило, греческие лексические соответствия: «*πρῶτα δημοσίων*» и другие, с сопутствующей фразеологией, которые замещали оригинальную терминологию (например: В.В.ХLVIII.05.005.Pc.001 – В.А.ХLVIII.05.005.Pr. – D.XL.07.004.Pr.). Бесспорно, в каждом подобном случае всякий раз находились свои решения. Допустим, первая схолия к уже рассмотренной статье «Василик» (В.А.LX.23.006), где логическое ударение перенесено на мотивацию отсутствия «по причине казенной надобности», словно бы интегрировала две цитаты, содержащие транслитерацию термина «*rei publicae causa*». В данной схолии выявляется всего лишь одна терминологическая

параллель в сравнении с текстом прототипа, которая таким образом, предположительно, восполняла сокращенный текст указанной статьи «Василик» (B.V.LX.23.006.Pe.001 – D.XLVII.12.006). Вторая же схолия к указанной статье «Василик», будучи, по существу, близким к тексту прототипа его переложением, как и он, предлагала уже две цитаты, содержавшие транслитерации искомого латинского термина. Благодаря тому вторая схолия уточняла текст соответствующей статьи «Василик» в его сопоставлении с прототипом (B.A.LX.23.006 – B.V.LX.23.006.Pe.002 – D.XLVII.12.006). Точно так же и другой рассмотренной статье «Василик» с логическим ударением на причинной мотивации отсутствия должностных лиц (B.A.LX.34.012.Pr.) сопутствует схолия, составитель которой, опираясь на содержание соответствующего раздела дигеста с однократным цитированием искомого терминологии, считает необходимым усилить свои разъяснения именно по данному поводу. Потому схолиаст, перелагая по-своему содержание соответствующего раздела дигеста, дважды цитирует термин «rei publicae causa»: первый раз комментатор прибегает к латинской рецепции, а второй раз употребляет смешанную латинско-греческую транслитерацию (B.V.LX.34.012.Pe.005 – D.XLVIII.02.012.Pr.).

Прежде особое внимание привлечен раздел статьи «Василик», предлагавший еще один инвариант употребления греческого лексического соответствия термину «rei publicae causa», а именно «ὁ ἀδόλωσ ἀπὸν πράγματος δημοσίου χάριν» (B.A.LX.37.016.01). Среди схолий к соответствующей статье «Василик» по крайней мере две могут вызывать недоумение из-за перестановок отдельных положений в сравнении с дигестом D.XLVIII.05.016(15), которые выявлены в тексте статьи «Василик» (B.A.LX.37.016). В частности, схолия к «Василикам», содержащая цитату с греческой транслитерацией термина «rei publicae causa»: «ἐν Ἰταλίᾳ ρεῖπουβλίκαε καῦσα» (B.V.LX.37.016.Pe.004), возможно, коррелирует именно с вышеуказанным разделом «Василик» (B.A.LX.37.016.01). Само по себе правоприменение положений «Дигест», касающихся термина «rei publicae causa», разъясняется в трех разделах дигеста (D.XLVIII.05.016(15).01; D.XLVIII.05.016(15).02; D.XLVIII.05.016(15).04).

Косвенно о вероятности иной корреляции между схолией 4 и разделами статьи «Василик» говорит содержание второй схолии к данной статье. Она включает вопрос о злонамеренном обращении к процедуре «rei publicae causa». Упоминание терминологического выражения «sine detractione» (буквально: «без отказа») в 1-м и 2-м разделах дигеста предполагает нарочитое отклонение судебного преследования с помощью процедуры «rei publicae causa». Эта процедура, и даже ее применение, выраженное в дигесте фразеологически как выполнение обязанностей в пользу государства: «dum rei publicae operatur» (D.XLVIII.05.016(15).01), во второй схолии получила обозначение посредством греческого лексического соответствия «ἡ δημοσία χρεία»: «...μετὰ τὸ πληρῶσαι τὴν δημοσίαν χρεῖαν ἤρχει ἐν τῇ ἀποδημίᾳ ἐξέπιττες» (B.V.LX.37.016.Pe.002). Словом, установление корреляции между названными разделами «Василик» и схолиями к ним остается открытым вопросом.

Во многих (в 10 из 30) сопоставлениях Схолий к «Василикам» с «Василиками» и их законодательными прототипами эпохи Юстиниана обнаруживается, что последние, и это необходимо заметить особо, не содержат каких-либо фразеологических, в том ряду лексико-терминологических оснований для словоупотреблений в текстах схолий, включающих рецепции и транслитерации понятия «rei publicae causa». Тем не менее они там неоднократно встречаются в качестве юридической мотивации, выступая как неоспоримое свидетельство правотворческой инициативы самих схолиастов. Один из примеров такого рода, включающий цитату 12 (B.V.VIII.01.001.Vo.037), уже рассмотрен. Подобные обстоятельства обращения к дополнительной юридической аргументации раскрывает еще одна схолия к «Василикам» (B.V.VIII.02.033.Vo.010). Она включает латинскую рецепцию «reipublicae causa» (цитата 13) и сопутствующие ей рецепции термина «rei requirendae» в их сугубо средневековой форме «rei curendos». Рассказывая сейчас о непосредственной рецепции «rei publicae causa», необходимо, как и в предшествующем примере, подтвердить, что указанное словоупотребление не находит лексико-терминологического основания в соответствующих разделах «Василик» и «Ди-

гестах» (В.А.VIII.02.033 – D.III.03.033). Схолия к «Василикам» (В.В.VIII.02.033.Vo.010) является развернутым дополнением с хорошо проработанной юридической аргументацией, где упоминанию закона Луция Корнелия Суллы (Lucius Cornelius Sulla, Felix. Lex sicariis et veneficis) воспоследуют обращения к высказываниям Ульпиана и Павла и ряд ссылок на «Дигесты», Кодекс и «Институции» Юстиниана. Благодаря тому содержание данной схолии выходит далеко за пределы тематики раздела «Дигест» (D.III.03.033), а их соотнесение с соответствующим разделом «Василик» требует уточнения.

Аналогичные наблюдения могут быть проделаны и в отношении следующей схолии к «Василикам» (В.В.XXII.05.009.Pa.019). Ее содержание, представляя собой развернутый комментарий, включает цитату с греческой транслитерацией «μετὰ τὴν ῥεῖπουβλίκαε καῦσα τυχὸν ἀποδημίαν», которая не находит лексического выражения в соответствующих разделах «Василик» (В.А.XXII.05.009) и «Дигест» (D.XII.02.009). Данный раздел «Дигест», надо сказать, посвящен процедурам принесения присяги тяжущимися сторонами искового процесса, а также процедурам экцепции и репликации, то есть возражения и отклонения исковых претензий. Соответствующая статья «Василик» (В.В.XXII.05.009) сведена к заметно сокращенной парафразе указанного дигеста (D.XII.02.009). В данных обстоятельствах соответствующая схолия к «Василикам» (В.В.XXII.05.009.Pa.019) не просто восполняет допущенные сокращения соответствующего раздела «Дигест» (в особенности D.XII.02.009.04), но по существу развивает выраженные там идеи о сроках проведения исковых протестов. Составитель указанной схолии в достаточно свободной манере сопоставляет сроки с опытом исчисления их ограничений для опротестования исковых заявлений в Риме и епархиях Италии. Эти наблюдения сопровождаются ссылками, к сожалению, не совсем точные, на Кодекс Юстиниана, благодаря чему в поле зрения попадают несколько разделов (в частности, CJ.II.52(53).007 и CJ.V.74.003) или нечто подобное.

Собственно говоря, обращение средневековых составителей схолий и комментариев к воспроизведению рецепций и транслите-

раций в таковых ситуациях проявляется как подтверждение своеобразной компетенции юристов того времени. Они не просто усвоили в той или иной степени актуальные для них положения правового наследия, а готовы применить юриспруденцию прошлого в своей юридической практике. Показательны толкования в схолии по поводу роли защитника на процессе, где дефенсор выступает «от своего имени» («suo nomine»). Это обстоятельство представлено вместе с другими юридическими аргументами, среди которых составитель схолии активно употребляет рецепции и транслитерации латинской терминологии, в том ряду нельзя пропустить цитату «ῥεῖ τοῦβλίκαε καῦσα μέλλει ἐκδημεῖν». Дело не в том, что в результате размеры схолии превысили и объем комментируемой им статьи «Василик», и самого соответствующего дигеста, а в том, что неназванный схолиаст с блеском демонстрирует свой профессионализм, восстанавливая и даже умножая детали, опущенные переводчиком данной статьи «Василик» (В.В.VIII.02.062.Vo.001 – В.А.VIII.02.062 – D.III.03.064). Наряду с тем надлежит отметить те варианты терминологических словоупотреблений византийских правоведов, которые предлагают элементы самостоятельной интерпретации юридической терминологии. Так, в одной из схолий по поводу работы суда, когда безымянный схолиаст изобличает недопустимую опрометчивость, «нерассудительность» («προπέτεια») в отношении действующих участников судебного процесса, этот юрист заявляет о том, что многократны поводы для совершения процедуры «rei publicae causa»: «Πολλάκις γὰρ ῥεῖπουβλίκαε καῦσα ἀπομπάνεται ἢ διὰ τινὰ ἑτέραν ἀπαραίτον αἰτίαν, οὐχὶ κατὰ προπέτειαν», буквально: «...из-за некоей другой неизбежной причины, не только по опрометчивости» (В.В.LX.33.017.Pa.003. Ср.: В.А.LX.33.017 – CJ.IX.02.004).

Помимо того, хотелось бы сказать о случаях, отвечающих вышеописанной ситуации, то есть отсутствия упоминаний в прототипе терминологии «rei publicae causa», когда известно имя схолиаста. Не вызывает сомнения то, что его имя служит порукой самодельного правотворчества. Таково имя Феодора, удостоверяющее схолию к «Василикам» (В.В.LX.37.055.Pa.001). Она содержит

развернутое пояснение к статье «Василик» (В.А.LX.37.055), которая представляет собой перевод текста соответствующего раздела Кодекса Юстиниана (CJ.IX.09.014(13)). Ни там, ни тут нет ссылок на искомую терминологию. В указанной же схолии, где ее автор сначала обращается с пояснениями, подкрепляемыми ссылками на «Дигесты», которые касаются рецепции в форме транслитерации термина «rei requirendae», затем рассматривается термин «rei publicae causa» в форме цитаты со смешанной латино-греческой транслитерацией: «κᾶν ῥεῖpublicae causa ἀποδῆμῆ». Конечно, авторство приводимых по этому поводу разъяснений не менее значимо, чем сопутствующая этой цитате юридическая аргументация.

Суммируя эмпирические наблюдения и обобщая сведения схолий относительно заимствования в них термина «rei publicae causa», нужно еще раз подчеркнуть их значимость в целом как богатейшего источника изучения римского правового наследия в Средневековой Византии. Схолии, словно бы «разоблачая» скрытые от постороннего взгляда исследователя приемы и методы овладения средневековым византийцем азами римского права, отображают практически всю гамму этого процесса. Разумеется, знакомство средневекового знатока с понятийно-терминологическим аппаратом юристов прошлого выступает на передний план как своего рода квинтэссенция, та самая пятая стихия – одухотворявшая мир творческой энергией, которая олицетворяла преосуществление, если уместно употребить это слово в отношении к человеческому знанию эпохи Древности и Средневековья. Сказанное совершенно справедливо в отношении терминов «res publica» и «rei publicae causa», сколь бы они общи или специфичны ни были, и касается как содержания, так и формы записи указанных терминов независимо от того, были ли они представлены в латинской или в греческой транскрипции. В этой связи нельзя упускать из виду даже полностью переименованные или исковерканные варианты записи правовой терминологии, которую Н. ван дер Валь отнес к наиболее важной группе юридических рецепций. За ними стоят не просто случайные слова и словосочетания, а соответствующие им концепты. В их ряду названный ученый по праву упомянул юризм «rei publicae

causa» [86, S. 38–39]. На первый взгляд, «испорченные» формы записи многих терминов сами по себе свидетельствуют о слишком посредственной профессиональной подготовке большинства средневековых византийских схолиастов, приложивших свою руку к изучению и комментированию «Василик». Если принять эту точку зрения, Феофил Антецессор в своей «Парафразе Институций», которому удавалось воспроизвести безошибочно форму записи термина «res publica», был на голову выше большинства своих средневековых последователей. Они копировали терминологию, как правило, с огромными усилиями и ошибками, словно это были ученики, постигавшие азы юриспруденции. Но если рассмотреть весь спектр юридической терминологии, заимствованной средневековыми схолиастами, то вряд ли оправданно оценивать их успехи в овладении римской юриспруденцией как ничтожные даже в случае признания их комментариев ученическими опытами! Достаточно обратить внимание на одну из схолий к «Василикам» (цитата 13). Ее составитель сопрягает прямую рецепцию понятия «rei publicae causa» с транслитерацией понятия «geus», то есть ответчика. Он представлен в качестве субъекта действия рассматриваемой юридической процедуры: «... τοῦ δεῖξαι αὐτὴν τὴν αἰτίαν, δι᾽ ἣν ἄπεστιν ὁ ῥέος, εὐλογον, ὅτι τυχὸν rei publicae causa ἢ δι᾽ ἑτέραν εὐλογον αἰτίαν καὶ ἀπλῶς οὐκ ἐπίτηδες ἀπολιμπάνεται» (В.В.VIII.02.033.No.010) [50, p. 104.33–35]. Пока же допустимо выдвинуть объяснение тому, что в процессе овладения римским правовым наследием Феофилакт Антецессор проявил себя знатоком римской юриспруденции, владевшим латынью в активной форме, тогда как его средневековые византийские коллеги и последователи обладали пассивными формами знания: средневековым юристам оставалось лишь толкование ими предмета, на который они ссылались. Эти реинтерпретации, вероятно, во многих случаях производились правоведами по памяти, и от них требовалось донести свое знание тем, кто совсем не владел латынью.

Другие компиляции. Сказанное вполне ясно подтверждает также содержание тех трех Схолий к «Эклоге Василик», в которых выявлены пять цитат с греческими транслитерациями термина «rei publicae causa». Казалось бы, что

могут объяснить эти пять примеров в сравнении со Схолиями к «Василикам»? Во-первых, Схолии к «Эклоге Василик» восполняют утраченные фрагменты Схолий к «Василикам», коих содержание остается неизвестным. Во-вторых, Схолии к статьям «Эклоги Василик», ставшие предметом рассмотрения по поводу указанного термина, подтверждают общие закономерности употребления рассматриваемого юридизма. Здесь в первую очередь надо отметить, что латинский термин представлен греческой транслитерацией в единообразной форме транскрипции («ῥεῖτουβλίκαε καῦσα»). Она, по всей видимости, была наиболее широко принята схолиастами, в частности, составителями схолий не только к «Эклоге Василик», но и ряда схолий к «Василикам» (см. прил. 2, цит. 15, 23, 30, 36, 41, 45, 48, 50–54).

Важно отметить, что в двух цитатах схолий к «Эклоге Василик» транслитерации сопровождаются греческим лексическим замещением и пояснением термина «rei publicae causa», а именно: «τοῦ δημοσίας χάριν αἰτίας» (цитата 51), и «ἐν ἰδίᾳ χρειᾷ» (цитата 53). Сами по себе указанные дополнения коррелируют с текстами статей «Эклоги Василик». В данном случае имеется в виду тот факт, что одна из сопряженных с рассматриваемыми схолиями ее статей, как и соответствующая статья «Василик», содержит греческое лексическое замещение искомого термина: «διὰ πρᾶγμα δημοσίου». Оно отвечает терминологическому словоупотреблению их прототипа: «qui rei publicae causa absunt» (EB.X.01.008 – B.A.X.01.008 – D.IV.01.008). Наконец, хотелось бы обратить внимание и на схолии к двум другим статьям «Эклоги Василик», которые, будучи текстуально очень близки к соответствующим статьям самих «Василик», не содержат никаких отвечающих искомым терминологическим словоупотреблениям фразеологических и лексических оборотов речи (EB.VII.17.002 – B.A.VII.17.002 – D.II.12.002; EB.X.03.048 – B.A.X.03.048 – CJ.II.20(21).008). То обстоятельство, что написанные к указанным статьям «Эклоги Василик» схолии (EB.Schol.VII.17.002(.04); EB.Schol.X.03.048) содержат три цитаты с транслитерациями термина «rei publicae causa», должно подкреплять одно из двух допустимых предположений. Первое из них состоит в том, что состави-

тели указанных схолий к «Эклоге Василик», воспроизводя данные рецепции на свой лад, проявили собственную инициативу. Второе предположение на этот счет заключается в том, что составители схолий к «Эклоге Василик» заимствовали утраченные ныне схолии к соответствующим статьям «Василик», что должно стать предметом специального изучения. Перевод же искомого термина с помощью греческих лексических замещений, несмотря на их стереотипность, убеждает в том, что усилия правоведов в объяснении сути термина, к которому они обращались, носили осознанный и целенаправленный характер. В любом случае за отмеченными фактами стоит удовлетворение профессиональных интересов схолиастов, которые, несомненно, свойственны и комментаторам «Василик».

Разумеется, только Схолиями к «Василикам» и другими обсужденными здесь источниками дело не ограничивается. Рецепции и транслитерации словоупотребления «res publica» обнаруживаются и в других компиляциях. Скажем, два упоминания искомого терминологии содержит трактат, известный под именем «Римские иски» («Ῥωμαϊκαὶ ἀγῶναι»), который сообразно двум его инвариантам опубликован Р. Мейеринг [79]. В основу издания положена версия названного трактата, реконструированного издателем согласно флорентийской рукописи XI в. (Cod. Laur. 80.2) с воспроизводимыми разночтениями по парижской рукописи (Cod. Par. suppl. Gr. 624). При этом Р. Мейеринг, прибегая к нескольким примерам, отмечает, что текст трактата во второй рукописи содержит немалое число рецепций латинской правовой терминологии, которые воспроизводятся, надо подчеркнуть, в форме греческих транслитераций. Это обстоятельство подтверждают обе ссылки на рецепцию понятия «res publica»: они составляют неотъемлемую часть разночтений, представленных в парижской рукописи, где сначала хотелось бы указать на дополнительную статью к трактату (RA.P.9.56). Здесь приведено более или менее развернутое объяснение процедур, совершаемых по искам восстановления статуса и отмены утративших силу процессуальных действий (actiones restitutoriae et rescissoriae). Они касаются ряда субъектов права, среди которых названы лица, «отсутствующие ради государственных

дел» («τοῖς ῥεῖπουβλίκαε καῦσα ἀπολειφθεῖσι»). В основе этой 56-й цитаты лежит достаточно трафаретная, как уже было сказано, греческая транслитерация концепта «ῥεῖπουβλίκαε καῦσα». Его инвариант использован в ряде схолий к «Василикам» и их компиляций, хотя точного контекстного совпадения цитат в них нет (например, см.: В.В.ХII.01.014.Са.001, В.В.ХХII.05.009.Ра.019, В.В.ХХХVIII.01.044.Рb.001, В.В.ХХХVIII.01.044.Рb.002, В.В.ЛX.01.006.Ре.001, В.В.ЛX.33.017.Ре.003, В.В.ЛX.37.016.Ре.004, EB.Schol.VII.17.002(.04), EB.Schol.X.01.008, EB.Schol.X.03.048). В то же время обращает на себя внимание пример, обнаружившийся в другой статье трактата о римских исках (RA.P.2.10). Она посвящена Публициеву (Публицианову) иску, разновидности виндикационного иска, по которому истец, приравненный в своих правах собственнику, получал право истребования вещи. Вторая часть указанной статьи названного трактата имеет существенные разночтения. Тогда как первая версия трактата, опирающаяся на флорентийскую рукопись (Cod. Laur. 80.2), излагает подробности реализации Публициева иска, во втором варианте данной статьи трактата о римских исках, воссозданной согласно парижской рукописи (Cod. Par. suppl. Gr. 624), описание второстепенных процессуальных действий опущено. По сути их заменяет лапидарная ссылка на отсутствующих субъектов права собственности («τοῖς ῥεῖ πουβλίκαε ἀποδημοῖσιν»). Именно приведенная греческая транслитерация, где воспроизведено указание на «республику» без постпозитивного предлога «causa», в сочетании с сопутствующей лексикой фактически образует уникальную формулу, выпадающую из общего ряда аналогичных юридических положений. Тем не менее приводимая цитата содержит упоминание «республики» в рамках семантики остальных рассмотренных терминологических словоупотреблений.

Наравне с тем нельзя сбросить со счетов и материалы юридических лексиконов, которые в последние десятилетия приковали к себе внимание целого ряда ведущих специалистов. Это позволяет обойтись сейчас без развернутой характеристики, допустимо сказать, особого жанра средневековой византийской юриспруденции, представленного лексиконами

понятий и терминов права. Сами по себе вышедшие из-под пера византийских юристов подобные компедиумы юридической лексики являют собой непрерывающуюся традицию, воплощавшую стремление как средневековых знатоков права, так и их выучеников продвигаться по пути познания и систематизации юридических норм Античности. Хотя на первый взгляд собранные в таких компиляциях определения понятий и поясняющие их выписки могут выглядеть весьма неточными и неупорядоченными ученическими опытами, они свидетельствуют об успешном постижении основ юриспруденции. Достаточно отметить, что безымянные, как правило, составители правовых лексиконов не забывали сослаться на некоторые юридические концепты, образованные на основе словоупотреблений понятия «res», точнее говоря, его греческих транслитераций. В них отображен присущий средневековым правоведам юридизм. Он раскрывается в трактовании самого слова «res». Его греческим лексическим эквивалентом, что многократно подтверждают записи лексиконов – среди них достаточно выделить наиболее наглядные примеры, – служило понятие «πρῶμα» (например, см.: [61, S. 45. I.12, S.58. R.15, R.25–26; 60, S. 73.9; 62, S. 301. D.2, S. 309. I.50, S. 323. R.31, R.32, S. 336. R.2; 83, S. 370. R.2 etc.; 69, S. 181. I.53, S. 204. R.17 etc., R.40]).

На этом фоне в одной из версий лексикона правовых терминов, так называемого «Лексикона ἀὐστηθ», который издал Л. Бургманн, реконструировав этот памятник по флорентийской рукописи Laurentianus 80.2, выделяется практически уникальное упоминание рассматриваемого концепта «rei publicae causa». Показательно, что здесь и сама греческая транскрипция изучаемой юридической формулы обретает своеобразный вид «стяженной» записи и сопутствующее ей краткое объяснение отличается от прочих. Так, логическое ударение поставлено на «задерживаемых» или «виновных» (примечательное словоупотребление во мн. ч.) участниках судебного процесса, которые, как подразумевается, отсутствуют «по государственной причине», буквально: ῥεῖπουβλικάεκαῦσα · ἔνοχοι τῇ δημοσίᾳ αἰτίᾳ (цитата 57) [62, S. 322. R.12]. И этот, и ранее рассмотренные примеры довольно убедительно доказывают, что дальнейшие перспективы из-

учения рецепций и транслитераций надлежит соотносить с рукописной традицией, которая автором этих строк, ввиду специфичности информационного подхода, в настоящем очерке, к сожалению, оставлена без внимания.

Заключение. В итоге проделанные сопоставления греческих переводов с их латинскими прототипами и, соответственно, славянских компиляций византийского права, которые требуют специального изучения [3], доказывают: сами переводы представляли собой далеко не пословное, а преимущественно в достаточной степени вольное переложение содержания прототипов. Компиляции вовсе не обязательно следовали своим прототипам и в передаче понятия «*res publica*». Оно, как правило, замещалось иными понятиями и словосочетаниями, сообразно тому греческими и, если иметь в виду славянские компиляции, славянскими. Нередко в качестве лексического замещения указанного латинского термина в греческом переводе текста прототипа использовались словосочетание «τὸ πρᾶγμα δημόσιον» и иные понятия. Среди них, словно бы предполагаемой кальке латинского концепта «*res publica*», особое место в греческих переложениях отводится понятию «*πολιτεία*». В то же самое время для указанного понятия, как и его латинского прототипа, так или иначе очевидна определенная семантическая неоднозначность. Она обнаруживала себя в византийской правовой мысли тут и там, в том числе и в Схолиях к «Василикам». Это обстоятельство, возможно, объясняет, почему у средневековых византийских юристов проявляется потребность к использованию наряду с понятием «*πολιτεία*» и другими лексическими соответствиями прямой рецепции латинского понятия «*res publica*». Стремление к тому отчетливо выражено в первую очередь в Схолиях к «Василикам», а также некоторых других греческих компиляциях законодательства Юстиниана, служивших для толкования и объяснения его законодательных установлений.

Концепт «*πολιτεία*» часто использовался в усвоенном средневековой Византией ранневизантийском правовом наследии для замещения концепта «*res publica*» и других его аналогов. Наравне с латинским греческий концепт, получив широкое распространение, обрел не только специальную, терминологи-

ческую, но и социокультурную значимость. Она, несомненно, проявлялась в силу скрытого подчас от посторонних глаз современного исследователя метафоризма юридической терминологии, который, вероятно, оказался вполне ощутим уже на исходе Средневековья первыми гуманистами. Для них каждая юридическая метафора воплощала неоспоримую социокультурную значимость, оттеняемую многозначностью того или другого понятия.

Для большинства самих же византийцев выявленные в их правовом наследии непосредственные рецепции и транслитерации термина «*res publica*», несмотря на потаенную метафоричность данного словоупотребления, оставались специфичным юридическим инструментом и практически сводились к воспроизведению лишь одного юридического положения – «*rei publicae causa*». Оно выступало своего рода юридической «клаузулой», поскольку она определяла дополнительное правовое условие совершения ряда юридических процедур. Потому эта «клаузула» служила предметом внимания, правда, по всей видимости, узкого круга профессиональных правоведов. Они использовали указанный концепт для толкования и объяснения содержания источников средневекового византийского права. В этих толкованиях составителей средневековых схолий юридический термин «*rei publicae causa*» превращался, как сказано, в дополнительно выражаемое правовое условие опротестования исков и иных судебных действий. Заметные расхождения форм записи выявленных рецепций и греческих транслитераций понятия «*res publica*», вероятно, обусловлены индивидуальными особенностями средневековых византийских юристов и их профессиональной квалификацией. Несмотря на своеобычность ряда транслитераций, тематический масштаб таких заимствований оставался довольно узок. Он ограничивается преимущественно задачами юриспруденции в употреблении адекватной терминологии, которая была бы релевантна актуальным аспектам судопроизводства. Его содержание, как правило, находится в пределах сферы государственного управления, административного контроля и собственно суда с целью регулирования экономической активности и имущественных отношений населения.

В большинстве случаев непосредственные заимствования понятия «res publica» или его транслитерации, выявленные в средневековых византийских памятниках права, носили сугубо терминологический характер. Если само лексическое заимствование допустимо рассматривать в качестве некоего культурного феномена, то вряд ли приходится рассуждать о таких заимствованиях понятия «res publica», даже обладающих неким метафорическим значением, как обозначения политического государственного устройства. Вряд ли уместно наделять обозначения средневекового византийского права, подобных термину «res publica causa», высшей степенью идеологической значимости, в которой претворялось глубокое философское осмысление «государства», как это наблюдалось в Античности и странах Западной Европы начиная с XV века.

Касаясь вопроса семантики как понятия «πολιτεία», в отношении которого указанные семантические аспекты выражены более отчетливо, чем в отношении реципированного понятия «res publica», так и его греческих транслитераций, автор этих строк строго придерживается информационного подхода к когнитивным изысканиям с использованием ма-

териалов экспертной системы «Византийское право и акты». Опираясь на ее инструментальные средства, допустимо утверждать: анализ того, что специалисты называют «семантическим полем» применительно к изучаемым понятиям «res publica» и «rei publicae causa», вполне решаемая задача. Она, правда, выходит за рамки настоящего исследования, составляя перспективу его дальнейшего продолжения, как было отмечено, в сочетании с изучением рукописной традиции. Впрочем, судить об этой стороне дела автор статьи предоставляет право специалистам: наше дело найти «exempla», а толкователи отыщутся сами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокращенная версия. Автор выражает глубокую благодарность за помощь в подготовке настоящего исследования В.З. Григорьевой и Е.И. Авакян (ГПИБ).

² См.: Website of the Project “Expert System ‘Byzantine law and acts’” (Ru). [Electronic resource]: <https://www.byzlaw.ru>; Website of the Project “Expert System ‘Byzantine law and acts’” (En). [Electronic resource]: <https://en.byzlaw.ru>; <https://sites.google.com/view/enbyzlaw>; <https://sites.google.com/view/byzlaw>.

Приложение 1. Непосредственные рецепции и транслитерации понятия «res publica» и восходящей к нему терминологии

Appendix 1. Direct Receptions and Transliterations of the Concept “Res Publica” and Terminology Ascending to It

Транскрипция латинская – 1 вариант:

reipublicae

(TAI.I.25.02; TAI.IV.06.05; TAI.IV.10.Txt; B.V.VIII.01.001.Vo.037; B.V.VIII.02.033.Vo.010)

Транскрипция латинская с диакритикой – 6 вариантов:

rei publicae

(B.V.LX.34.012.Pe.005)

reipublicae

(B.V.LX.23.006.Pe.001; B.V.LX.34.012.Pe.005)

reipublicae

(B.V.XXXVIII.01.010.Pb.006: 2 вхождения в текст; B.V.XXXVIII.01.044.Pb.001: 4 вхождения в текст; B.V.XXXVIII.01.047.Pb.001)

reipublicae

(B.V.LX.37.055.Pe.001)

reipublicaecausa

(B.V.XLVIII.05.005.Pc.001)

reipublicaecausa

(B.V.XXXVIII.01.040.Pb.001)

Транскрипция смешанная латинско-греческая – 3 варианта:

reipouβlica

(B.V.XXXVIII.01.044.Pb.001)

reipublicae

(B.V.XXXIX.01.019.Pb.005)

reipublicae

(B.V.XXXVIII.01.079.Pb.002)

Транскрипция греческая – 9 вариантов:

reipouβlica

(B.V.XXIII.03.017.Pa.007)

reipouβlica

(B.V.XIV.01.056.Ca.011; B.V.XXI.01.007.Pa.001; B.V.XXII.01.019.Pa.003; B.V.XXIII.03.021.Pa.001; B.V.LX.23.006.Pe.002: 2 вхождения в текст)

reipouβlica

(B.V.VIII.02.062.Vo.001)

reipouβlica

(B.V.VIII.01.001.Vo.037;)

reipouβlica

(B.V.XXIII.01.076.Pa.003)

reipouβlica

(B.V.XII.01.014.Ca.002; B.V.XII.01.016.Ca.001; B.V.XII.01.016.Ca.002; B.V.XII.01.063.Ca.013)

reipouβlica

(B.V.XII.01.014.Ca.001; B.V.XXII.05.009.Pa.019; B.V.XXXVIII.01.044.Pb.001; B.V.XXXVIII.01.044.Pb.002; B.V.LX.01.006.Pe.001; B.V.LX.33.017.Pe.003; B.V.LX.37.016.Pe.004; EB.Schol.VII.17.002; EB.Schol.X.01.008: 2 вхождения в текст; EB.Schol.X.03.048: 2 вхождения в текст; RA.P.9.56(Append.))

reipouβlica

(RA.P.2.10)

reipouβlicaekausa

(Lexicon αυσηθ / Cod. Laurentianus 80.2)

Приложение 2. Дистрибуция рецепций и транслитераций понятия «rei publicae causa»

Appendix 2. Distribution of Receptions and Transliterations of the Concept “Rei Publicae causa”

Theophili Antecessori “Paraphrasis Institutionum”

TAI.I.25.02

1. οἱ reipublicae causa ἀπόντες
2. ἐν τῷ μεταξύ reipublicae causa ἀποδημίας
3. ἄπεστι reipublicae causa
4. ἐκ τῆς reipublicae causa ἀποδημίας
5. ἀπὸ τῆς reipublicae causa ἀποδημίας
6. ἐπίτροπος ὢν reipublicae causa ἀποδημήσω
7. ὢν ἐπίτροπος reipublicae causa ἀποδημήσω

TAI.IV.06.05

8. ἐν τῷ μεταξύ reipublicae causa ἀποδημῆση

TAI.IV.10.Txt

9. reipublicae causa ἀποδημούντων πράγματα κλαπῆναι
10. reipublicae causa ἀπόντος

Scholia in “Librorum Basilicorum LX”

B.B.VIII.01.001.Vo.037

11. ἀπὸν ρεί πούβλικαι καῦσα κατεδικάσθη
12. reipublicae de causa

B.B.VIII.02.033.Vo.010

13. reipublicae causa

B.B.VIII.02.062.Vo.001

14. ρεί πούβλικαι καῦσα μέλλει ἐκδημεῖν

B.B.XII.01.014.Ca.001

15. ὡς ρείπουβλικαι καῦσα μέλλων ἀποδημεῖν

B.B.XII.01.014.Ca.002

16. ρείπουβλικαι καῦσα μέλλει ἐπὶ πολὺν ἀποδημεῖν

B.B.XII.01.016.Ca.001

17. ἀπεῖναι ρείπουβλικαι καῦσα τοὺς μὴ κατὰ ἀνάγκην

B.B.XII.01.016.Ca.002

18. μέλλειν αὐτὸν ἀπολιμπάνεσθαι ρείπουβλικαι καῦσα

B.B.XII.01.063.Ca.013

19. οἷον ρεῖπουβλίκαε καῦσα ἀποδημία
B.V.XIV.01.056.Ca.011
20. ρεῖ πουβλίκαε καῦσα μέλλων ἀποδημεῖν
B.V.XXI.01.007.Pa.001
21. οἱ μετὰ τινος ρεῖ πουβλίκαε καῦσα ἀπολιμπανόμενοι
B.V.XXII.01.019.Pa.003
22. ἑαυτὸν ἀπολειφθῆναι ρεῖ πουβλίκαε καῦσα
B.V.XXII.05.009.Pa.019
23. μετὰ τὴν ρεῖπουβλίκαε καῦσα τυχὸν ἀποδημίαν
B.V.XXIII.01.076.Pa.003
24. τὴν ρεῖπουβλίκαε καῦσα ἀποδημίαν
B.V.XXIII.03.017.Pa.007
25. τῷ ἀπόντι ρεῖ πουβλίκαε καῦσα
B.V.XXIII.03.021.Pa.001
26. τὸν χρεώστην ρεῖ πουβλίκαε καῦσα ἀπολειφθῆναι
B.V.XXXVIII.01.010.Pb.006
27. οἱ μέλλοντες ἀποδημεῖν *reipublicae causa transmare*
28. *περὶ δὲ τῶν ἀληθῶς ἀποδημούντων reipublicae causa*
B.V.XXXVIII.01.040.Pb.001
29. σύνεδροι καὶ *reipublica causa* ἀπεῖναι
B.V.XXXVIII.01.044.Pb.001
30. μὴ ἀπολιμπάνεται ρεῖπουβλίκαε καῦσα
31. ἐκ τῆς *reipublicae causa* ἀποδημίας
32. πρὸ τῆς *reipublicae causa* ἀποδημίας
33. *reipublicae causa* ἀποδημῆση
34. μέλλων ἀποδημεῖν *reipublicae causa*
35. ἀποδημήσει *reipublicae causa*
B.V.XXXVIII.01.044.Pb.002
36. μὴ ἀπολιμπάνεται ρεῖπουβλίκαε καῦσα
B.V.XXXVIII.01.047.Pb.001
37. τοῦ ἀποδημούντος *reipublicae causa* παύεται τῆς διοικήσεως

B.B.XXXVIII.01.079.Pb.002

38. οὐκ αὐτὸ τὸ ἀπολειφθῆναι αὐτὸν γείρpublicae καῦσα

B.B.XXXIX.01.019.Pb.005

39. ὁ δὲ ρείρpublicae caūsa

B.B.XLVIII.05.005.Pc.001

40. ὁ μὲν κληρονόμος ἄπεστι γείρpublicaecausa

B.B.LX.01.006.Pe.001

41. Τυχὸν γὰρ ρείπουβλίκαιε καῦσα ἀπεδήμουν

B.B.LX.23.006.Pe.001

42. τοῦ ἀπολιμπανομένου γείρpublicae caūsa

B.B.LX.23.006.Pe.002

43. τὰ μάλιστα ρεί πουβλίκαιε καῦσα ἀπελιμπάνετο

44. τοῦ ἀπολιμπανομένου ρεί πουβλίκαιε καῦσα

B.B.LX.33.017.Pe.003

45. Πολλάκις γὰρ ρείπουβλίκαιε καῦσα ἀπολιμπάνεται

B.B.LX.34.012.Pe.005

46. ἀποδημήσας rei publicae caūsa

47. διὰ τὴν γείρpublicae καῦσα ἀποδημίαν

B.B.LX.37.016.Pe.004

48. ἐν Ἰταλίᾳ ρείπουβλίκαιε καῦσα

B.B.LX.37.055.Pe.001

49. κἂν γείρpublicae caūsa ἀποδημῇ

Scholia in “Eclogam Basilicorum”

EB.Schol.VII.17.002

50. διὰ τὸ μέλλειν ἀποδημεῖν ρείπουβλίκαιε καῦσα

EB.Schol.X.01.008

51. τοῦ δημοσίας χάριν αἰτίας ἦτοι ρείπουβλίκαιε καῦσα ἀποδημοῦντος

52. οἱ δὲ ρείπουβλίκαιε καῦσα ἀποδημοῦντες τέλειοι ὄντες

EB.Schol.X.03.048

53. οὐ τὸν ρείπουβλίκαιε καῦσα ἀποδημοῦντα

54. ὁ γὰρ ἐν ρείπουβλίκαιε καῦσα ἀποδημῶν

“Romaikai Agogai” (P.)

RA.P.2.10

55. τοῖς ῥε̄ πουβλίκαε ἀποδημοῦσιν

RA.P.9.56 (Append.)

56. τοῖς ῥεῖπουβλίκαε καῦσα ἀπολειφθεῖσι

Lexicon αὐσηθ (Cod. Laurentianus 80.2)

57. ῥεῖπουβληκάεκαῦσα · ἔνοχοι τῇ δημοσίᾳ αἰτία

REFERENCES

1. Prokhorov A.M., ed. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar. V 2 t. T. 2* [The Big Encyclopaedic Dictionary. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, SE Publ., 1991. 768 p.
2. Vasileva T.A. Respublika [The Republic]. *Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. V 35 t. T. 28* [The Great Russian Encyclopaedia. In 35 Vols. Vol. 28]. Moscow, BRE Publ., 2015, pp. 418-419.
3. Vin Yu.Ya. Kontsept res publica i ego retseptsiya v vizantiyskom prave: predvaritelnye nablyudeniya nad slavyanskimi kompilyatsiyami v svete informatsionnogo podkhoda i kognitivnykh izyskaniy [The Concept Res Publica and its Reception in Byzantine Law: Preliminary Observation on Slavonian Compilations in the Light of Information Attitude and Cognitive Conveys]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye. Cteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T. Pashuto* [East Europe in Antiquity and Middle Age. The Proceedings in Memory Corresp. Member of AS of USSR V.T. Pashuto], 2022, vol. 35: Mezhetnicheskies kontakty v sotsiokulturnom aspekte [Interethnic Contacts in Social and Cultural Aspect], pp. 55-60.
4. Vin Yu.Ya. The Reception and Transliteration of Concepts and Terms of Byzantine Law: Cognitive Aspects of Systematization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 6-24. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.1>
5. Grimm D.D. *Lektsii po dogme rimskogo prava. Posob.* [The Lectures on Dogma of Roman Law. Educational Book]. Petrograd, The State Typ., 1916. XII, 409 p.
6. Grimm D.D. *Lektsii po dogme rimskogo prava. Posob.* [The Lectures on Dogma of Roman Law. Educational Book]. Kiev, Sovetsk. typ., 1919. XI, 279 p.
7. Grimm D.D. *Lektsii po dogme rimskogo prava* [The Lectures on Dogma of Roman Law]. Moscow, Zartalo-M IKD Publ., 2003. 495 p.
8. Grimm D. D. *Polnyy perevod latinskikh slov i tsitat iz Dogmy rimskogo prava* [The Full Translation of Latin Words and Citations from Dogma of Roman Law]. St. Petersburg, Osvozhdenie Publ., 1908. 96 p.
9. Dozhdev D.V., Silverstova E.V. *Corpus Iuris Civilis. Pravoslavnaya Entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopaedia]. Vol. 38. Moscow, PE Publ., 2015, pp. 156-166.
10. Drexler H. Res Publica, Kharkhordin O.V., ed. *Res Publica. Istoriya ponyatiya. Sb. st.* [Res Publica. The History of Conception. Coll. of Art.]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2009, pp. 67-170.
11. Efimov V.V. *Dogma rimskogo prava* [The Dogma of Roman Law]. Saint Petersburg, Kn. mag. Publ., 1901. 639 p.
12. Kaldellis A. *Vizantiyskaya respublika: narod i vlast v Novom Rime* [The Byzantine Republic: People and Power at New Rome]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2016. 448 p.
13. Colas D. Politicheskaya semantika “Etat” i “état” vo frantsuzskom yazyke [The Political Semantics “Etat” and “état” in the French Language]. Kharkhordin O. V., ed. *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh*. St. Petersburg, IEUSP Publ., 2002, pp. 75-113.
14. Ryndin S.B., Kharkhordin O.V., eds. Audier S. *Teoriya Respubliki* [Les Théories de la République]. St. Petersburg, IEUSP Publ., 2021. 174 p.
15. Petrov A.V., Biryukov A.A. Razvitie ucheniya ob ogranichennykh veshchnykh pravakh na nedvizhmost v vizantiyskoy yurisprudentsii posle kodifikatsii Yustiniana [The Development of Doctrine on Limited Rights in Immovable Property in the Byzantine Jurisprudence after Codification of Justinian]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [The Humanitarian and Juridical Studies], 2019, no. 3, pp. 150-156.
16. Riedel M. Obschestvo grazhdanskoe (Gesellschaft, bürgerliche) [The Civil Society (Gesellschaft, bürgerliche)]. *Slovar osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stati* [The Dictionary of Main Historical Concepts: The Chosen Articles]. In 2 Vols. Vol. 2. Moscow, NLO, 2014, pp. 93-219.
17. Riedel M. Obschestvo, obshchnost (Gesellschaft, Gemeinschaft) [The Society, Commonality (Gesellschaft, Gemeinschaft)]. *Slovar osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stati* [The Dictionary of Main Historical Concepts: The Chosen Articles]. In 2 Vols. Vol. 2. Moscow, NLO, 2014, pp. 220-331.
18. Skinner Qu. The State, Kharkhordin O.V., ed. *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh*. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2002, pp. 12-74.
19. Tiraspol'skiy G.A. *Rimskie zakony. (Predyustinianskaya epokha). Slovar-spravochnik* [The Roman Laws. (Prejustinian Epoch). The Dictionary-Guide]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 312 p.
20. Flury P. Res v antichnoy latyni: obshchie razmyshleniya i nablyudeniya nad slovoupotrebleniem nekotorykh avtorov [Res in Ancient Latin: The Common Thinking and Observations on Word Usage of Some Authors], Kharkhordin O.V., ed. *Res Publica. Istoriya ponyatiya. Sb. st.* [Res Publica. The History of Conception. Coll. of Art.]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2009, pp. 247-255.
21. Kharkhordin O.V. Byla li res publica veshchyu? [Was Res Publica a Thing?]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kulture* [Untouchable Store. Debates on Politics and Culture], 2007. no. 5 (55), pp. 97-119.

22. Kharkhordin O.V. Byla li res publica veshchyu? [Was Res Publica a Thing?]. Kharkhordin O.V., ed. *Chto takoe respublikanskaya traditsiya* [What is a Republican Tradition]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2009, pp. 45-73.
23. Kharkhordin O.V. Pochemu Res Publica – ne gosudarstvo: grammatika stoikov i diskursivnye praktiki Tsitsirona v ego teorii respubliki [Why Res Publica is not a State]. Roshchin E.N., ed. *Sovremennaya respublikanskaya teoriya svobody. Kol. monogr.* [The Modern Republican Theory. Coll. Monogr.]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2015, pp. 137-179.
24. Kharkhordin O.V. *Respublika, ili Delo publiki* [The Republic, or Affair of Public]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2020. 162 p.
25. Kharkhordin O.V. *Respublika. Polnaya versia* [The Republic. The Full Version]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2021. 208 p.
26. Kharkhordin O.V. “Res publica”: vozrozhdenie interesa [“Res publica”: Revival of Interest]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politiki i kulture* [Untouchable Store. Debates on Politics and Culture], 2007, no. 5 (55), pp. 83-96.
27. Kharkhordin O.V. “Res publica”: vozrozhdenie interesa. Vmesto predisloviya [“Res publica”: Revival of Interest (Instead of Foreword)], Kharkhordin O.V., ed. *Chto takoe respublikanskaya traditsiya* [What is a Republican Tradition]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2009, pp. 7-22.
28. Khvostov V.M. *Sistema rimskogo prava. Obshchaya chast. Konsp. lekts.* [The System Roman Law. The Common Part. Summary of Lect.]. Moscow, Typ. Vilde, 1907. 207 p.
29. Khvostov V.M. *Sistema rimskogo prava. Semeynoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Konsp. lekts.* [The System Roman Law. The Family Law. The Hereditary Law. Summary of Lect.]. Moscow, Univ. typ., 1900. III, 137 p.
30. Khvostov V.M. *Sistema rimskogo prava. Semeynoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Konsp. lekts.* [The System Roman Law. The Family Law. The Hereditary Law. Summary of Lect.]. Moscow, Typ. Vilde, 1909. VI, 147 p.
31. Chiperis A.M. *Respublika* [The Republic]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The Soviet Historical Encyclopaedia]. In 16 Vols. Vol. 12. Moscow, SE Publ., 1969, cols. 17-18.
32. Stark R. Res Publica. Dopolneniya 1966 goda [Res Publica. The Additions of 1966]. Kharkhordin O.V., ed. *Res Publica. Istoriya ponyatiya. Sb. st.* [Res Publica. The History of Conception. Coll. of Art.]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2009, pp. 256-269.
33. Stark R. Res Publica, Kharkhordin O.V., ed. *Res Publica. Istoriya ponyatiya. Sb. st.* [Res Publica. The History of Conception. Coll. of Art.]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2009, pp. 7-66.
34. Suerbaum W. Cicero: De re publica, Kharkhordin O.V., ed. *Res Publica. Istoriya ponyatiya. Sb. st.* [Res Publica. The History of Conception. Coll. of Art.]. Saint Petersburg, IEUSP Publ., 2009, pp. 171-246.
35. Mordovtsev A.Yu. [et al.], eds. *Entsiklopediya pravovoy mysli. Uch. posob.* [The Encyclopaedia of Law Thought. Educational Book]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 440 p.
36. Krutskikh V.E., ed. *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Juridical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Infra-M. Publ., 2000. VI, 450 p.
37. Malko A.V., ed. *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Juridical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 1136 p.
38. Atkins J.W. *Cicero on Politics and the Limits of Reason: The Republic and Laws*. Cambridge, Camb. Univ. Pr., 2013. XIV, 270 p.
39. Audier S. *Les Théories de la République*. Paris, La Dé Couverte, 2015. 125 p.
40. Bartoletti-Colombo A.M. Usi e valori di Res nelle “Novellae giustinianee”. Fattori M., Bianchi M., eds. *Res. Atti d. III Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale (Roma, 7–9 Gennaio, 1980)*. Roma, Edizioni dell’ Atteneo, 1982, pp. 47-66.
41. Bautier A.-M. Sens matériels de Res et leurs correspondants en latin médiéval, Fattori M., Bianchi M., eds. *Res. Atti d. III Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale (Roma, 7–9 Gennaio, 1980)*. Roma, Edizioni dell’ Atteneo, 1982, pp. 67-90.
42. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 Vols. Vol. 1: Textus librorum I–VIII*. Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1955. XIX, pp. 1-438.
43. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 Vols. Vol. 2: Textus librorum IX–XVI*. Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1956. XXI, pp. 439-842, 843-844.
44. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 Vols. Vol. 3: Textus librorum XVII–XXV*. Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1960. XII, pp. 843-1236, 1237-1240.
45. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 Vols. Vol. 4: Textus librorum XXVI–XXXIV*. Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1962. XII, pp. 1241-1558, 1559-1560.
46. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 Vols. Vol. 5: Textus librorum XXXV–XLII*. Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1967. XIV, pp. 1559-1944, 1945-1947.
47. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 Vols. Vol. 6: Textus librorum XLIII–LII*. Groningen,

J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1969. XIV, pp. 1945-2430, 2431-2433.

48. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 vols. Vol. 7: Textus librorum LIII–LIX.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1974. XXVII, pp. 2435-2726, 2727-2733.

49. Scheltema H.J., Holwerda D., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series A. Textus Librorum. In 8 vols. Vol. 8: Textus librorum LX.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1988. XXV, pp. 2735-3131, 3132-3133.

50. Scheltema H.J., ed. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 1: Schol. in libr. I–XI.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1953. XIV, pp. 1-448, [2].

51. Scheltema H.J., Holwerda D., eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 2: Schol. in libr. XII–XIV.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1954. XIII, pp. 449-838, [2].

52. Scheltema H.J., Holwerda D., eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 3: Schol. in libr. XV–XX.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1957. XV, pp. 839-1219, 1220-1221, [2].

53. Scheltema H.J., Holwerda D., eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 4: Schol. in libr. XXI–XXIII.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1958. IX, pp. 1221-1715, 1716-1718.

54. Scheltema H.J., Holwerda D., eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 5: Schol. in libr. XXIV–XXX.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1961. IX, pp. 1719-2157, 2158-2162 p.

55. Scheltema H.J., Holwerda D., eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 6: Schol. in libr. XXXVIII–XLII, 1.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1964. IX, pp. 2159-2174, [6].

56. Scheltema H.J., Holwerda D., eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 7: Schol. in libr. XLII, 2–XLVIII.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1965. VIII, pp. 2575-3020, [7].

57. Scheltema H.J., Holwerda D., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 8: Schol. in libr. LVIII–LX, 16.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1983. XIII, pp. 3021-3476, [7].

58. Scheltema H.J., Holwerda D., Wal N. van der, eds. *Basilicorum libri LX. Series B. Scholia. In 9 vols. Vol. 9: Schol. in libr. LX, 17–69.* Groningen, J.B. Walters; Gravenage, Martinus Nunoff, 1985. IX, pp. 3477-3954, [9].

59. Beck H.-G. *Res Publica Romana: Vom Staatsdenken der Byzantiner.* München, Verl. v. der Bayerischen Akad. d. Wissensch., 1970. 41 S.

60. Burgmann L. *Athanasios diglossos: Latina in der Novellenbearbeitung des Athanasios von Emesa.*

Novella Constitutio: Studies in Honor of Nicolaas van der Wal. Groningae, Egbert Forsten, 1990, S. 57-82. (Subseciva Groningana: Studies in Roman and Byzantine Law; Bd. IV).

61. Burgmann L. Das Lexikon ad et – Ein Theophilosophoglossar. Simon D., ed. *Fontes Minores. Bd. 6.* Frankfurt a/M., Löwenklau Gesellschaft e.V., 1984, S. 19-61.

62. Burgmann L. Das Lexicon aus eth. Burgmann L., Fögen M.-Th., Meijering R., Stolte B.H., eds. *Lexica Iuridica Byzantina.* Frankfurt a/M., Löwenklau Gesellschaft e.V., 1990, S. 248-337. (Fontes Minores; Bd. 8).

63. Krueger P., ed. *Corpus Iuris Civilis. In 3 vols. Vol. 1. Institutiones.* Repr., 16. ed. stereot. Berolini, apud Weidmannos, 1954. XX, pp. 1-56 (pagin. esp.).

64. Mommsen Th., eds. *Corpus Iuris Civilis. In 3 vols. Vol. 1: Digesta.* Repr., 16. ed. stereot. Berolini, apud Weidmannos, 1954. XVIII, pp. 1-926, 927-957 (pagin. esp.).

65. Krueger P. [et al.], eds. *Corpus Iuris Civilis. In 3 vols. Vol. 2: Codex Iustinianus.* Repr., 16. ed. stereot. Berolini, Apud Weidmannos, 1954. XXVIII, pp. 1-488, 489-513.

66. Schoell R., Krueger P., eds. *Corpus Iuris Civilis. In 3 vols. Vol. 3: Novellae.* Repr., 16. ed. stereot. Berolini, Apud Weidmannos, 1954. XX, pp. 1-803, 804-813 p.

67. Burgmann L., ed. *Ecloga Basilicorum.* Frankfurt a/M., Löwenklau-Gesellsch., 1988. XXXIII, 622 S.

68. Flury P. Res im Antiken Latein. Allgemeine Überlegungen und Beobachtungen zum Sprachgebrauch einzelner Auctoren. Fattori M., Bianchi M., eds. *Res. Atti d. III Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale (Roma, 7–9 Gennaio, 1980).* Roma, Edizioni dell' Ateneo, 1982, pp. 35-45.

69. Fögen M.-T. Das Lexikon zur Hexabiblos aucta. Burgmann L. [et al.], eds. *Lexica Iuridica Byzantina.* Frankfurt a/M., Löwenklau Gesellschaft e.V., 1990. S. 153-214. (Fontes Minores; Bd. 8).

70. Garin E. Relazione Introduttiva. Fattori M., Bianchi M., eds. *Res. Atti d. III Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale (Roma, 7–9 Gennaio, 1980).* Roma, Edizioni dell' Ateneo, 1982, pp. 3-10.

71. Fellmeth A.X., Horowitz M., eds. *Guide to Latin in International Law.* Oxford, Oxford Univ. Pr., 2009. XXIV, 298 p.

72. Hamesse J. Res chez les auteurs philosophiques des 12 et 13 siècles. Fattori M., Bianchi M., eds. *Res. Atti d. III Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale (Roma, 7–9 Gennaio, 1980).* Roma, Edizioni dell' Ateneo, 1982, pp. 91-105.

73. Kaldellis A. *The Byzantine Republic: People and Power at New Rome.* Harvard, Harvard Univ. Pr., 2015. XVIII, 290 p.

74. Kharkhordin O. Res Publica and Res Publicae. History and Politics of the Terms. Colas D., Kharkhordin O., eds. *The Materiality of the Res Publica: How to Do Things with Publics*. Cambridge, Cambr. Scholars Publ., 2009, pp. 217-269.

75. Kharkhordin O. Why "Res Publica" is not a State: The Stoic Grammar and Discursive Practices in Cicero's Conception. *History of Political Thought*, 2010, vol. 31, no. 2, pp. 221-245.

76. Lyasse E. *Le rapports entre le notions "res publica" et "civitas" dans conception romaine de la cité et l'Empire*. Latomus, 2007, t. 66, fasc. 3, pp. 580-605.

77. Mager W. Respublik. Brunner O., Conze W., Koselleck R., eds. *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 5*. Stuttgart, Klett-Gotta, 1994, S. 549-651.

78. Mager W. Spätmittelalterlich Wandlungen des politischen Denkens im Spiegel des res publica-Begriffs. Miethke J., Schreiner K., eds. *Sozialer Wandel im Mittelalter: Wahrnehmungsformen, Erklärungsmuster, Regelungsmechanismen*. Sigmaringen, Jan Thorbecke Verl., 1994, S. 401-410.

79. Meijering R. Romaikai agogai. Two Byzantine Treatises on Legal Actions, Burgmann L. [et al.] eds. *Lexica Iuridica Byzantina*. Frankfurt a/M., Löwenklau Gesellschaft e.V., 1990, S. 1-152. (Fontes Minores; Bd. 8).

80. Riedel M. Gesellschaft, bürgerliche. Brunner O., Conze W., Koselleck R., eds. *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-*

sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 2. Stuttgart, Klett-Cotta, 1975, S. 719-800.

81. Riedel M. Gesellschaft, Gemeinschaft, Brunner O., Conze W., Koselleck R., eds. *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 2*. Stuttgart, Klett-Cotta, 1975, S. 801-862.

82. Skinner Qu. The Material Presentation of Thomas Hobbes's Theory of the Commonwealth. Colas D., Kharkhordin O., eds. *The Materiality of the Res Publica: How to Do Things with Publics*. Cambridge, Cambr. Scholars Publ., 2009, pp. 115-157.

83. Stolte B.H. The Lexicon Magkipioun. Burgmann L. [et al.], eds. *Lexica Iuridica Byzantina*. Frankfurt a/M., Löwenklau Gesellschaft e.V., 1990, S. 339-380. (Fontes Minores; Bd. 8).

84. Lokin J.H. [et al.], eds. *Theophili Antecessoris Paraphrasis Institutionum*. Groningen, Chimaira, 2010. LIV, 1048 p.

85. Vin Yu.Ya. The Reception and Transliteration of Concepts and Terms of Byzantine Law: Cognitive Aspects of Systematization. Ilić T., Božić M., eds. *Nomophylax. Collection of Papers in Honor Srđan Šarkić*. Beograd, Pravni Fakultet Univerziteta Union, 2020, pp. 203-224.

86. Wal N. van der. Die Schreibweise der dem lateinischen entlehnten Fachworte in der Frühbyzantinischen Juristenschprache. *Scriptorium*, 1983, vol. 37, S. 29-53.

87. Williams R.S. Rei Publicae causa: Gabinus' Defense of His Restotation of Ptolemy Aulets. *The Classical Journal*, 1985, vol. 81, no 1, pp. 25-38.

Information About the Author

Yury Ya. Vin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 991119 Moscow, Russian Federation, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

Информация об авторе

Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 991119 г. Москва, Российская Федерация, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.21>

UDC 94(495).01
LBC T 63.3(0)4

Submitted: 23.05.2022
Accepted: 22.11.2022

**MILITARY RECRUITMENT AS A MEANS OF PACIFICATION
OF THE BYZANTINE PERIPHERY:
TZANI IN THE IMPERIAL ARMY (6th CENTURY)**

Andrey D. Nazarov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the problem of integration of territories inhabited by the Tzani into the Eastern Roman empire in the 6th century. They were a people who lived in the Pontine Mountains during Antiquity and the Middle Ages. In the face of the threat posed by Sasanian Iran, Justinian I (527–565) actively sought to integrate Tzanica into the empire. *Methods.* There is a need not only to determine the nature of the Byzantine presence in the country of the Tzani. It is also important to study the significance assigned to this region in the military system of Byzantium, since its subdual was necessary for the further activity in Transcaucasia. *Analysis.* There were no Byzantine governors in Tzanica, the tribal leaders retained their power positions. Fortresses were erected in this region, and its Christianization was also actively carried out. Under Justinian I, Tzani were recruited into the imperial army. They served both in regular units and in detachments of tribal militias that took part in battles for Lazica. *Results.* The author concludes that Justinian I first of all sought to establish control over the warlike population of Tzanica. Service in the Byzantine army was intended to reorientate the military activity of the Tzani in such direction that was beneficial to the empire itself. Nominally, they were considered as the subjects of the emperor, but the real power in Tzanica was in the hands of local leaders, not the Eastern Roman administration.

Key words: Eastern Roman empire, Byzantium, Byzantine army, Tzani, Pontus, Justinian the Great.

Citation. Nazarov A.D. Military Recruitment as a Means of Pacification of the Byzantine Periphery: Tzani in the Imperial Army (6th Century). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 339-347. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.21>

УДК 94(495).01
ББК Т 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 23.05.2022
Дата принятия статьи: 22.11.2022

**НАБОР В ВОЙСКА КАК СРЕДСТВО УМИРОТВОРЕНИЯ
ВИЗАНТИЙСКИХ ОКРАИН:
ЧАНЫ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ VI СТОЛЕТИЯ**

Андрей Дмитриевич Назаров

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции территорий, населенных чанами, в Восточную Римскую империю в VI веке. Речь идет о народе, обитавшем в Понтийских горах в античности и средневековье. Угроза, исходившая от сасанидского Ирана в Закавказье, вынудила Юстиниана I (527–565) обратить пристальное внимание на Чанику. В этой связи следует не только определить характер византийского присутствия в стране чанов. Важно также изучить, какое значение отводилось этому региону в военной системе Византии, так как его подчинение было необходимо для ведения дальнейшей внешнеполитической активности империи в Закавказье. Поскольку в Чанике не было византийских наместников, племенные вожди сохранили свои позиции. В этом регионе были построены крепости, также активно велась его христианизация. При Юстиниане I чаны активно привлекались в императорскую армию. Служили они как в регулярных подразделениях, так и в отрядах племенных ополчений, которые принимали участие в боях за Лазику. Автор приходит к выводу, что в Чанике Юстиниан I стремился в первую очередь установить контроль над ее воинственным населением. Служба в византийской армии имела целью переориентирование военной активности чанов в таком направлении, которое было выгодно самой Византии. Номинально они считались подданными императора, однако реальная власть в Чанике находилась в руках местных вождей.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Византия, византийская армия, чаны, Понт, Юстиниан Великий.

Цитирование. Назаров А. Д. Набор в войска как средство умиротворения византийских окраин: чаны в императорской армии VI столетия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 339–347. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.21>

Введение. Известны многочисленные примеры этнических и социальных групп, обитавших на окраинах империй, зачастую в горных районах, и упорно боровшихся за свою независимость. Представители таких общностей обладали репутацией умелых воинов, вследствие чего противники стремились привлечь их на свою сторону [14, р. 23–49]. Таким образом не только решалась проблема пополнения вооруженных сил империй, но и значительно снижался военный потенциал непокорных горных племен. К числу подобных объединений относились чаны (*Zianni, Tzanni, Τζάννοι, Τζάνοι*), обитавшие на северо-востоке Малой Азии¹.

Отношения между этим народом и Византией в позднеантичную эпоху долгое время не удостоивались специального исследования. Э. Штайн, Г.А. Меликишвили, Э.Г. Жордания и С.П. Карпов обращались к ним лишь мимоходом, внимание этих ученых было в основном сосредоточено на других проблемах и эпохах [2, с. 71–75; 3, с. 121–127; 5, с. 58, 60; 6, с. 86, 387; 27, р. 291, 516]. Ряд аспектов византийско-чанского взаимодействия стал предметом анализа в монографии В.В. Серова, посвященной финансовой политике Юстиниана I (527–565). В ней историк рассмотрел порядок предоставления выплат чанам, которые они получали из восточноримской казны [8, с. 155–157]. В свою очередь К. Кен изучил,

каким образом подчинение Чаники преподносилось в византийской пропаганде [20, S. 152–153]. В 2018 г. вышла статья Э. Интальяты, в которой ученый проанализировал данные письменных и археологических источников о византийском присутствии в стране чанов [16].

Следует, однако, отметить, что все упомянутые исследователи *a priori* были склонны считать жителей этого региона не только *de iure*, но и *de facto* подданными императора. Тем не менее, если обратиться к широко известным сочинениям Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского, можно заметить, что организация власти в Чанике при Юстиниане I была весьма необычной для ранневизантийской провинциальной системы. Упомянутые авторы ничего не сообщали о присутствии восточноримской бюрократии в этом регионе. Отталкиваясь от сведений Прокопия и Агафия, чьи труды наиболее подробно освещают взаимодействие между империей и чанами в VI столетии (по изд.: [10; 23; 24]), необходимо понять, на каких принципах осуществлялось византийское присутствие в интересующем нас регионе.

В фокусе нашего внимания находится комплекс мер, с помощью которых Восточная Римская империя стремилась обеспечить интеграцию Чаники в свой состав. Особенный интерес представляет рассмотрение того, какая роль в рамках этой политики отводилась

набору чанов в ряды императорской армии. Обратиться к такой проблеме необходимо не только по причине ее недостаточной изученности. Не меньшее значение имеет осмысление практик и подходов византийских властей, имевших целью подчинение периферийных земель, создание эффективной системы управления ими.

Методы. Представляется полезным использование компаративного метода, это объясняется необходимостью сравнения ситуации в Чанике и на других окраинных землях Византии в VI в. При Юстиниане I в состав империи вошли территории разгромленных королевств вандалов и остготов в Африке и Италии соответственно. После завоевания на них стали отстраиваться структуры гражданской и военной администрации, то есть система прямого управления [27, р. 319–322, 612–617]. В годы правления этого императора также были проведены реформы в армянских владениях Византии, целью которых являлось установление нового административно-территориального деления, а также упразднение местных правовых обычаев. В этом случае явно заметны унификационные устремления Юстиниана I [1, с. 157–198]. Как будет рассмотрено позднее, восточноримская политика в Чанике существенно отличалась от приведенных выше примеров. Ее уникальный характер дает нам представление о том, насколько различались методы управления территориями, находившимися в составе Византии и насколько неоднородной в политическом отношении была империя.

Анализ. Территория, которую занимали чаны, располагалась между Трапезунтом (совр. Трабзон) и р. Акампис (совр. Чорох). Ныне это земли, находящиеся в составе илов Трабзон, Ризе, Артвин в Республике Турция. В «Оксфордском словаре поздней античности» места обитания чанов идентифицируются со средневековым регионом Тао-Кларджети [28, р. 1537]. Последний, в свою очередь, отождествляется с Холарзеной (Χολαρζηνή) античных авторов [31, р. 442]. Впрочем, можно предположить, что чаны занимали только северную часть Холарзены, располагаясь в Понтийских горах. Прокопий Кесарийский сообщал следующие сведения: «Чаны же, от морского побережья очень далеко обитая,

соседствуют с армянами во внутренних районах [Понта]. Многочисленные горы посреди нависают, совершенно непроходимые и очень крутые, земля же издавна пустынна и безлюдна; непроходимые ущелья, лесистые холмы, расселины, из которых нет выхода, – все это от моря отделяет чанов» (Proc. BG. IV. 1. 9).

По словам Прокопия, «независимы чаны издавна и в анархии живут» (Proc. De aed. III. 6. Cf.: Idem. BP. I. 15. 2). Известно свидетельство Арриана, относящееся к 130-м гг. н. э., согласно которому этот народ враждовал с трапезунтцами, промышлял разбоем и не платил римлянам подати (Agr. Periopl. 15) (по изд.: [12]). До правления Юстиниана I ситуация оставалась неизменной. При Феодосии I (379–395) чаны совершили нападение на Каппадокию, Киликию и Сирию (Malal. XIII. 41) (по изд.: [18]). Подобные рейды проводились ими в 441 г. (Marc. Com. s.a. 441) (по изд.: [21]). В последние годы правления Льва I (457–474) они разорили окрестности Трапезунта (Ioann. Ant. fr. 229. 2) (по изд.: [17]). В первые десятилетия VI в. эти горцы точно так же совершали грабительские рейды на окрестные территории (Proc. BP. I. 15. 21–23). В частности, Феодор Анагност писал, что в 506 г., «когда царь [Анастасий I] с персами перемирие заключил, чаны опустошили Понт» (Theod. Anagn. fr. 466) (по изд.: [30]).

В начале византийско-иранской войны 526–532 гг. Чаника была захвачена персами (Proc. BP. I. 15. 19). Такая ситуация вынудила Юстиниана I существенным образом пересмотреть византийскую политику в Восточном Причерноморье. Сначала в Чанику был отправлен военный магистр Армении Ситта, который силой оружия, уговорами, раздачей подарков заставил воинственных горцев признать власть Византии (Proc. BP. I. 15. 24; Idem. De aed. III. 6). О возвращении чанов под власть императора, равно как и о разгроме королевства вандалов в Африке, сообщается в преамбуле к I новелле Юстиниана I, обнародованной 1 января 535 г. (Nov. 1. Praef.) (по изд.: [13]). Это свидетельствует о том, что подчинение Чаники было важно не только для укрепления престижа византийского правителя, но и для упрочения положения Восточной Римской империи в Закавказье [20, S. 152–153]. Сами ее обитатели в этом правовом акте

названы подданными императора (ὕπηκοοί). Уже в XXVIII новелле подчеркивается, что именно при Юстиниане I страна чанов впервые оказалась под римской властью (Τζάνων <...> χώρα, νῦν πρῶτον ἐφ' ἡμῶν ὑπὸ Ῥωμαίων κατακτηθεῖσα = *Tzannorum* <...> *provincia*, *nunc primum a nobis Romanis acquisita*) (Nov. 28. Praef.).

В трактате «О постройках» Прокопий Кесарийский сообщал, что Юстиниан I инициировал строительство дорог в землях чанов. По словам византийского автора, это было сделано для того, чтобы они могли «общаться с другими людьми и сближаться в знакомстве с соседями» (Proc. De aed. III. 6). Впрочем, действительная причина, вероятнее всего, была иной – развитая дорожно-транспортная инфраструктура давала возможность упростить передвижение армейских частей в Чанике. Кроме того, в этом регионе были возведены крепости Горон (Ὅρον), Харт (Χαρτών), Барх (Βαρχών), Сисилисс (Σισιλισσών), Бург (Βούργους), Схималиних (Σχιμαλίνιχών), где также была построена церковь, и Чанзак (Τζανζάκων). В этих укрепленных пунктах были размещены гарнизоны (Proc. De aed. III. 6). Как отмечает Э. Интальята, крепости располагались на путях, пересекавших Понтийские горы [16, р. 146], что свидетельствует о стремлении восточноримских властей обеспечить безопасность этих дорог. Горон к тому же являлся удобным пунктом для организации рейдов на территорию Персармении [15, р. 877]. Тем не менее византийские авторы не сообщали, что такие операции когда-либо проводились восточноримским командованием.

Вместе с тем Прокопий писал: «Образ жизни на более цивилизованный сменив, они [чаны] сами в римские каталоги записывались и впоследствии с остальным римским войском на врагов ходили. Веру они на более благочестивую переменили, став христианами» (Proc. VP. I. 15. 25). Юстиниан I осознавал, что для приведения горцев к повиновению недостаточно создания эффективной системы военного контроля над Чаникой. По этой причине активно велась деятельность, направленная на распространение христианства в данном регионе.

Более того, его обитатели в значительных масштабах стали привлекаться в импе-

раторскую армию. Чаны были привычны к ведению боевых действий в горах, вследствие чего их отправили в Лазику, где война с персами велась в схожих условиях. Между тем свидетельства об участии чанов в кампаниях, которые в VI в. проводились на территории Италии, Африки, Иллирика либо Месопотамии, в источниках не приводятся. Следует отметить, что регулярные армейские подразделения из чанов создавались и ранее. Например, в г. Нитну (*Nitnu*) в Фиваиде базировалась когорта IX *Tzannorum* (ND. Or. XXXI. 62) (по изд.: [22]). В современной историографии считается, что чаны приняли участие в римско-персидской войне 296–298 гг. на стороне шаханшаха Нарсе и сдались в плен в битве при Сатале. Впоследствии они были зачислены в регулярное формирование и отправлены в Египет [7, с. 302; 33, р. 187]. Аммиан Марцеллин писал об участии *legio Ziannorum* в персидском походе императора Юлиана 363 г. (Amm. Marc. XXV. 1. 19) (по изд.: [11]). Эта войсковая часть может идентифицироваться с упоминаемым в *Notitia dignitatum* номером *Tzanni*, состоявшим под началом военного магистра Фракии (ND. Or. VIII. 17 = 49).

Особенно масштабным было привлечение чанов в императорскую армию в годы правления Юстиниана I. В.В. Серов отметил, что по данным источников статус чанов в военной системе Византии определить довольно сложно. Согласно его мнению, они не были симмахами (σύμμαχοι) либо энспондами (ἔνσπονδοι), то есть были лишены какой-либо политической автономии и состояли исключительно в регулярных армейских частях – каталогах². Опираясь В.В. Серов на уже процитированное выше свидетельство Прокопия Кесарийского, согласно которому чаны самостоятельно записывались в войсковые подразделения [8, с. 156–157] (см. также: [20, S. 146]). Однако такая информация не исключает того, что в восточноримской армии могли находиться иррегулярные отряды чанов.

Согласно сведениям Прокопия, в 549 г. 1000 чанов под началом военного магистра Армении Дагистея были отправлены осаждать удерживаемую персами Петру (совр. Цихисдзири) (Proc. VP. II. 29. 10). После подхода подкреплений к неприятелю византийс-

кая армия устремилась в бегство, и лишь чаны остались на поле боя. Они, отразив атаки персов, разграбили брошенный соратниками лагерь и только потом отступили (Proc. VP. II. 30. 13–14). В 550 г. под стенами той же Петры сражались уже 800 чанов, что может свидетельствовать о значительных потерях, понесенных ими годом ранее (Proc. VG. IV. 13. 11). Предположительно, эти формирования воинов-горцев являли собой племенные ополчения, отправлявшиеся под начало военного магистра Армении на время военных кампаний.

Регулярные подразделения уроженцев Чаники также находились в составе вооруженных сил Восточной Римской империи VI столетия. Агафий Миринейский упоминал о Феодоре, начальствовавшем над 500 чанами, своими соотечественниками. Ранневизантийский писатель к тому же сообщал, что они были тяжеловооруженными бойцами (Agath. II. 20. 7). Это вполне может свидетельствовать о том, что те чаны, которыми командовал Феодор, находились в вооруженных силах империи на постоянной основе.

Биография упомянутого Феодора заслуживает отдельного внимания. Агафий писал, что это был человек «родом из племени чанов, но воспитанный у римлян, и от варварских нравов, хотя и отеческих, отказавшийся, и к более утонченной культуре взамен обратившийся» (Agath. III. 20. 7). Как считает В.В. Серов, в 520-х гг., когда Ситта усмирил чанов, племенная знать была вынуждена отдать своих детей императору в заложники. Среди их числа был Феодор [8, с. 156–157]³. Агафий назвал его таксиархом (ταξιάρχος) (Agath. II. 20. 7; III. 26. 3; IV. 13. 2; 18. 1; V. 1. 3; 2. 1). По мнению Дж. Мартиндейла, этот представитель чанской аристократии занимал должность комита (*comes rei militaris*), то есть промежуточный ранг между военным трибуном и военным магистром [29, p. 1251–1252] (ср.: [27, p. 814–815]).

Привлекая на свою сторону племенных вождей, империи удалось посеять раздор среди чанов. Некоторые представители чанской знати хранили верность соглашению с византийским правителем. Другие же подняли восстание против власти Константинополя в 557 г., совершив набеги на Понт и Армению. Против мятежников из Лазики был отправлен сам

Феодор, хорошо знакомый с топографией Чаники и местными обычаями. Тем, кто сохранил верность императору, были выданы дары. Что касается восставших чанов, они были разбиты в боях (Agath. V. 1–2). Неизвестно, опирался ли Феодор на своих сородичей в этой кампании. Однако логично полагать, что византийские власти искусно поддерживали разногласия между отдельными племенами, чтобы избежать консолидации чанов.

Чаны назывались подданными императора и в восточноримском законодательстве, и в исторических сочинениях. Однако, если обратить внимание на сведения Агафия (οἱ Τζάνοι, καίτοι ἐκ παλαιῶ ὑπόσπονδοί τε καὶ κατήκοοι τῶν Ῥωμαίων γεγεννημένοι), можно заметить его указание на то, что между предводителями горцев и византийским правителем заключались договоры (Agath. V. 1. 2). Это дает основание утверждать, что подданство чанов было лишь номинальным и фактически ими правили племенные элиты. В источниках нет ни единого упоминания о том, что Чаника была провинцией в составе империи. Более того, руководство подавлением восстания горцев осуществлял не предполагаемого местный комит или дукс, а командир, отозванный из расположения экспедиционных сил в Лазике – Феодор.

Определенное сходство обнаруживается между византийской политикой в отношении чанов и варварских иммигрантов, получивших право на поселение в Подунавье. Схожий комплекс мер был использован восточноримскими властями при взаимодействии с герулами. Обосновались эти германцы на территории близ Сингидуна (совр. Белград), которая *de iure* принадлежала империи и являлась «буферной зоной» между восточноримскими провинциями и королевством гепидов. Взамен герулы обязывались участвовать в военных кампаниях Византии, сохранив при этом автономию в вопросах внутреннего самоуправления. Подати в византийскую казну они не платили, ограничиваясь «налогом кровью». Тем не менее, в отличие от чанов, герулы получили статус симмахов [25].

Необходимо дать объяснение, почему Юстиниан I не стремился установить структуры гражданского администрирования в Чанике. По нашему мнению, причина заключа-

лась в том, что претворение в жизнь подобных замыслов было весьма дорогостоящим и к тому же невыгодным предприятием. Почвы Чаники, по словам Прокопия, каменисты и почти непригодны для земледелия (Proc. VP. I. 15. 21; Idem. De aed. III. 6). Он упомянул, что чанское племя окенитов (Ὠκενίται) держало рогатый скот не для пахоты, но для получения молока и мяса (Proc. De aed. III. 6). Этого было недостаточно для существования, вследствие чего горцы регулярно совершали набеги на близлежащие территории⁴.

Прокопий связывал военную активность чанов исключительно с грабительскими рейдами (Proc. VP. I. 15. 21; Idem. De aed. III. 6). Не исключено к тому же, что эти племена вели борьбу с равнинными жителями за выпас скота на плодородных территориях. В позднеантичных источниках информация о таких столкновениях отсутствует, однако в памятниках более поздних периодов подобного рода конфликты упоминаются неоднократно [5, с. 118]. Кроме того, успешность набегов и богатство, выражавшееся в наличии крупного поголовья скота, были важнейшими средствами обретения и поддержания престижа в таких сообществах [19, р. 222–227]. Переход чанов на сторону Ирана мог привести к дестабилизации политической ситуации в византийском Восточном Причерноморье и поставить под угрозу сухопутные пути сообщения с войсками, располагавшимися в Лазике. Учитывая перечисленные угрозы, можно выдвинуть предположение, что Юстиниан I в первую очередь нуждался в установлении контроля над населением Чаники и его элитами.

Выводы. Агрессивные устремления сасанидского Ирана вынудили императоров коренным образом изменить подходы к планированию внешней политики на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Это касается и взаимоотношений с чанами, обитавшими в Понтийских горах. Как уже отмечалось в начале представленной статьи, в армянских провинциях, Африке, Италии Юстиниан I стремился создать структуры прямого администрирования. При этом местные военно-политические элиты были практически отстранены от участия в нем. Совершенно иной была ситуация в Чанике, где византийскими властями практиковались косвенные методы управле-

ния. Нежелание Юстиниана I устанавливать прямой контроль над упомянутым регионом можно объяснить крайне незначительным экономическим потенциалом этих земель.

Проведенное исследование позволяет прийти к заключениям, дающим возможность переосмыслить представления об отношениях между чанами и Византией в VI столетии, сформированные в предшествующей историографии. Во-первых, по всей видимости, Юстиниан I не стремился к созданию новой провинции в Чанике. Для обеспечения византийского присутствия в этом регионе было достаточно небольших гарнизонов, которые, вероятно, были подчинены военному магистру Армении. Эти отряды обеспечивали охрану дорог, пролежавших через Чанику. Источники не сообщают о наличии гражданской или военной администрации на этих землях. Проводниками интересов Константинополя являлись племенные вожди, сохранившие свои позиции. Очевидно, им были предложены новые источники дохода в виде выплат от Византии за участие в военных кампаниях на ее стороне, также они могли рассчитывать на добычу, захваченную в боях с персами.

Во-вторых, можно сделать вывод, что Юстиниан I рассматривал население Чаники как источник пополнения вооруженных сил. В VI в. чаны стали в крупных масштабах привлекаться в византийскую армию, что позволило решить несколько задач. Таким способом удалось защитить близлежащие провинции от набегов или, как минимум, снизить их масштаб и интенсивность, поскольку большинство чанов обрело возможность добиться боевой славы и богатства на войне в Лазике. К тому же для Византии было важно избежать такого развития событий, при котором чаны могли повернуть свое оружие против империи при поддержке Сасанидов. Вместе с тем империя получила в свое распоряжение воинов, привычных к боям в горных условиях. Некоторые чаны принимались в регулярные подразделения, большая же их часть состояла в отрядах племенных ополчений.

В-третьих, столь специфический процесс интеграции Чаники в состав Восточной Римской империи примечателен как пример расхождения между имперским дискурсом и имперской практикой. В официальной пропаган-

де декларировалось, что чаны являются подданными императора. Однако фактически горные племена Понта сохраняли автономию от византийской власти. По всей видимости, единственной повинностью чанов был «налог кровью», а именно участие в войнах под византийскими знаменами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русскоязычной историографии чанов именуют «цанами», «тцанами» или «тзанами». Первый из приведенных вариантов наиболее распространен, что объясняется сложившимися нормами озвучивания диграфа τζ. Однако в более поздних грузинских источниках этот народ известен как «чанеби» (ჭანებები), то есть «чань». На страницах представленной статьи предпочтение отдается именно последнему варианту как наиболее аутентичному, поскольку интересующая нас общность говорила на языке картвельской семьи. Известно, что в греческом языке буквосочетание τζ могло обозначать звук, который грузины передавали символом ჯ [2, с. 71; 3, с. 121]. Диграф τζ вообще использовался для передачи глухих аффрикат, в том числе альвеоло-палатальных, при фиксации иноязычной лексики в византийской литературе [9, с. 300–303].

² О симмахх и энспондах см. также [4, с. 27–32; 26, S. 17–19].

³ Следует отметить, что аристократические семейства Закавказья регулярно отправляли заложников ко дворам чужеземных правителей [32, р. 164–165].

⁴ Э. Инталята предположил о возможности прохождения торговых маршрутов через Чанику уже в VI веке. Однако надежные свидетельства, подтверждающие их существование, относятся к значительно более поздним эпохам [16, р. 133].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адонц, Н. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя / Н. Адонц. – 2-е изд. – Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1971. – 540 с.

2. Жордания, Э. Этнический состав населения и некоторые вопросы топонимики Понта в XIII–XV вв. Ч. II : Чаны / Э. Жордания // *Byzantinoslavica*. – 1999. – Vol. 40. – С. 71–86.

3. Жордания, Э. Г. Византийский Понт и Грузия : Вопросы исторической географии и этнотопонимики юго-восточного Причерноморья в XIII–XV веках / Э. Г. Жордания. – СПб. : Алетейя, 2019. – 274 с.

4. Иванов, С. А. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского / С. А. Иванов // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1987. – С. 27–32.

5. Карпов, С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов. – СПб. : Алетейя, 2007. – 618 с.

6. Меликишвили, Г. А. К истории древней Грузии / Г. А. Меликишвили. – Тбилиси : Изд-во АН Грузинской ССР, 1959. – 507 с.

7. Мехмадиев, Е. А. Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг. : От реформ императора Галлиена до периода Тетрархии (253–305) / Е. А. Мехмадиев. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. – 408 с.

8. Серов, В. В. Финансовая политика Юстиниана Великого / В. В. Серов. – Новосибирск : Наука, 2011. – 373 с.

9. Тохтасьев, С. Р. Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando Imperio* и его иноязычная лексика / С. Р. Тохтасьев. – СПб. : Наука, 2018. – 679 с.

10. *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* / ed. R. Keydell. – Berolini : W. de Gruyter, 1967. – 262 p.

11. *Ammianus Marcellinus. History*. In 3 vols. Vol. 2 / with an English transl. by J. C. Rolfe. – London : W. Heinemann, 1940. – 696 p.

12. *Arriani Epistola ad Traianum (Adrianum) in qua etiam Periplus Ponti Euxini* // *Geographi graeci minores*. In 2 vols. Vol. 1 / ed. K. Müller. – Paris : F. Didot, 1882. – P. 370–401.

13. *Corpus iuris civilis*. In 3 vols. Vol. 3 / rec. R. Schoell, G. Kroll. – Berolini : Weidmann, 1895. – 832 p.

14. Enloe, C. H. *Ethnic Soldiers: State Security in Divided Societies* / C. H. Enloe. – Athens : Univ. of Georgia Press, 1980. – 276 p.

15. Howard-Johnston, J. *Military Infrastructure in the Roman Provinces: North and South of the Armenian Taurus in Late Antiquity* / J. Howard-Johnston // *War and Warfare in Late Antiquity* / ed. by A. Sarantis, N. Christie. – Leiden ; Boston : Brill, 2013. – P. 853–891.

16. Intagliata, E. E. *Rome and the Tzani in Late Antiquity: A Historical and Archaeological Review* / E. E. Intagliata // *Anatolian Studies*. – 2018. – Vol. 68. – P. 131–150.

17. *Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia* / rec. S. Mariev. – Berolini ; Novi Eboraci : W. de Gruyter, 2008. – 610 p.

18. *Ioannis Malalae Chronographia* / rec. I. Thurn. – Berolini ; Novi Eboraci : W. de Gruyter, 2000. – 592 p.

19. Khazanov, A. M. *Nomads and the Outside World* / A. M. Khazanov. – Madison : Univ. of Wisconsin Press, 1994. – 442 p.

20. Koehn, C. Justinian und die Armee des frühen Byzanz / C. Koehn. – Berlin ; Boston : W. de Gruyter, 2018. – 318 S.

21. Marcellini v. c. comitis Chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a. DXXXIV cum additamento ad a. DXLVIII // Chronica minora. Saec. IV, V, VI, VII. In 3 t. T. 2 / ed. Th. Mommsen. – Berolini : Weidmann, 1894. – P. 109–161.

22. Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum / ed. O. Seeck. – Berolini : Weidmann, 1876. – 339 p.

23. Procopius. History of the Wars. In 5 vols. – London : W. Heinemann, 1914–1928. – Vol. 1. – 1914. – 600 p ; Vol. 5. – 1928. – 456 p.

24. Procopius. In 3 vols. Vol. 3 / rec. G. Dindorf. – Bonnae : Ed. Weber, 1838. – 620 p.

25. Sarantis, A. The Justinianic Herules : From Allied Barbarians to Roman Provincials / A. Sarantis // Neglected Barbarians / ed. by F. Curta. – Turnhout : Brepols Publ., 2010. – P. 361–402.

26. Scharf, R. Foederati : Von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung / R. Scharf. – Wien : A. Holzhausen, 2001. – 164 S.

27. Stein, E. Histoire du Bas-Empire. En 2 t. T. 2 / E. Stein. – Paris : Desclée de Brouwer, 1949. – 937 p.

28. The Oxford Dictionary of Late Antiquity / ed. by O. Nicholson. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. – 1744 p.

29. The Prosopography of the Later Roman Empire. In 3 vols. Vol. 3B / ed. by J. R. Martindale. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. – P. vi, 761–1575.

30. Theodoros Anagnostes Kirchengeschichte / hrsg. von G. C. Hansen. – Berlin : Akademie Verl., 1971. – 228 S.

31. Toumanoff, C. Studies in Christian Caucasian History / C. Toumanoff. – Washington : Georgetown Univ. Press, 1963. – 604 p.

32. Vacca, A. Non-Muslim Provinces under Early Islam : Islamic Rule and Iranian Legitimacy in Armenia and Caucasian Albania / A. Vacca. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2017. – 289 p.

33. Woods, D. Varus of Egypt : A Fictitious Military Martyr / D. Woods // Byzantine and Modern Greek Studies. – 1996. – Vol. 20. – P. 175–200.

REFERENCES

1. Adontz N. *Armeniya v epokhu Yustiniana. Politicheskoye sostoyaniye na osnove nakhararskogo stroya* [Armenia in the Age of Justinian]. Erevan, Izd-vo Erevan. un-ta, 1971. 540 p.

2. Jordania E. *Etnicheskiy sostav naseleniya i nekotorye voprosy toponimiki Ponta v XIII–XV vv. Ch. II : Chany* [Ethnic Composition of Population and

Some Issues on Pontus Toponymy in the 13th – 15th Centuries. Pt. 2. Tzani]. *Byzantinoslavica*, 1999, vol. 40, pp. 71–86.

3. Jordania E.G. *Vizantiyskiy Pont i Gruziiya: Voprosy istoricheskoy geografii i etnotoponimiki yugo-vostochnogo Prichernomorya v XIII–XV vekakh* [Byzantine Pontos and Georgia. The Issues of the Historical Geography and Ethnotoponymy of the South-Eastern Black Sea Region in the 13th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2019. 274 p.

4. Ivanov S.A. *Ponyatiya «soyuz» i «podchineniya» u Prokopiya Kesariyskogo* [The Concepts of “Union” and “Subordination” by Procopius of Caesarea]. Litavrin G.G., ed. *Etnosotsialnaya i politicheskaya struktura rannefeodalnykh slavyanskikh gosudarstv i narodnostey* [Ethnosocial and Political Structure of the Early Feudal Slavic States and Nationalities]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 27–32.

5. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [History of the Trapezuntine Empire]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2007. 618 p.

6. Melikishvili G.A. *K istorii drevney Gruzii* [Towards the History of Ancient Georgia]. Tbilisi, Izd-vo AN Gruzinskoy SSR, 1959. 507 p.

7. Mekhamadiev E.A. *Voennaya organizatsiya pozdney Rimskoy imperii v 253–353 gg.: Ot reform imperatora Galliena do perioda Tetrarii (253–305)* [Military Organization of the Late Roman Empire in 253–353. From the Reforms of Emperor Gallienus to the Period of the Tetrarchy (253–305)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2019. 408 p.

8. Serov V.V. *Finansovaya politika Yustiniana Velikogo* [Financial Policy of Justinian the Great]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011. 373 p.

9. Tokhtasev S.R. *Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando Imperio i ego inoyazychnaya leksika* [Language of the Treatise of De administrando Imperio by Constantine Porphyrogenitus and its Foreign Vocabulary]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2018. 679 p.

10. Keydell R., ed. *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque*. Berolini, W. de Gruyter, 1967. 262 p.

11. Rolfe J.C., ed. *Ammianus Marcellinus. History. In 3 vols. Vol. 2*. London, W. Heinemann, 1940. 696 p.

12. Müller K., ed. *Arriani Epistola ad Traianum (Adrianum) in qua etiam Periplus Ponti Euxini. Geographi graeci minores. In 2 vols. Vol. 1*. Paris, F. Didot, 1882, pp. 370–401.

13. Schoell R., Kroll G., eds. *Corpus iuris civilis. In 3 vols. Vol. 3*. Berolini, Weidmann, 1895. 832 p.

14. Enloe C.H. *Ethnic Soldiers: State Security in Divided Societies*. Athens, Univ. of Georgia Press, 1980. 276 p.

15. Howard-Johnston J. Military Infrastructure in the Roman Provinces: North and South of the Armenian Taurus in Late Antiquity. Sarantis A., Christie N., eds. *War and Warfare in Late Antiquity*. Leiden; Boston, Brill, 2013, pp. 853-891.
16. Intagliata E.E. Rome and the Tzani in Late Antiquity: A Historical and Archaeological Review. *Anatolian Studies*, 2018, vol. 68, pp. 131-150.
17. Mariev S., ed. *Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia*. Berolini; Novi Eboraci, W. de Gruyter, 2008. 610 p.
18. Thurn I., ed. *Ioannis Malalae Chronographia*. Berolini; Novi Eboraci, W. de Gruyter, 2000. 592 p.
19. Khazanov A.M. *Nomads and the Outside World*. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 1994. 442 p.
20. Koehn C. *Justinian und die Armee des frühen Byzanz*. Berlin; Boston, W. de Gruyter, 2018. 318 S.
21. Mommsen Th., ed. Marcellini v. c. comitis Chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a. DXXXIV cum additamento ad a. DXLVIII. Mommsen Th., ed. *Chronica minora. Saec. IV, V, VI, VII. In 3 t. T. 2*. Berolini, Weidmann, 1894, pp. 109-161.
22. Seeck O., ed. *Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum*. Berolini, Weidmann, 1876. 339 p.
23. *Procopius. History of the Wars. In 5 Vols*. London, W. Heinemann, 1914–1328, Vol. 1., 1914. 600 p.; Vol. 5., 1928. 456 p.
24. Dindorf G., ed. *Procopius. In 3 vols. Vol. 3*. Bonnae, Ed. Weber, 1838. 620 p.
25. Sarantis A. The Justinianic Herules. From Allied Barbarians to Roman Provincials. Curta F., ed. *Neglected Barbarians*. Turnhout, Brepols Publ., 2010, pp. 361-402.
26. Scharf R. *Foederati. Von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung*. Wien, A. Holzhausen, 2001. 164 S.
27. Stein E. *Histoire du Bas-Empire. En 2 t. T. 2*. Paris, Desclée de Brouwer, 1949. 937 p.
28. Nicholson O., ed. *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2018. 1744 p.
29. Martindale J.R., ed. *The Prosopography of the Later Roman Empire. In 3 vols. Vol. 3B*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1992, pp. vi, 761-1575.
30. Hansen G.C., ed. *Theodoros Anagnostes Kirchengeschichte*. Berlin, Akademie Verl., 1971. 228 S.
31. Toumanoff C. *Studies in Christian Caucasian History*. Washington, Georgetown Univ. Press, 1963. 604 p.
32. Vacca A. *Non-Muslim Provinces under Early Islam. Islamic Rule and Iranian Legitimacy in Armenia and Caucasian Albania*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2017. 289 p.
33. Woods D. Varus of Egypt. A Fictitious Military Martyr. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1996, vol. 20, pp. 175-200.

Information About the Author

Andrey D. Nazarov, Engineer Researcher, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620000 Yekaterinburg, Russian Federation, andrey.nazarov451@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8519-9191>

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Назаров, инженер-исследователь, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Российская Федерация, andrey.nazarov451@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8519-9191>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.22>

UDC 94“1341/1357”:271.2-726.1
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2022
Accepted: 28.11.2022

**THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE AND THE CIVIL WARS
IN BYZANTIUM IN THE MIDDLE OF THE 14th CENTURY
(STATING THE PROBLEM)¹**

Anastasiya V. Zykova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. This work aims to highlight features of the relationship between Church and State in Byzantium in the period from 1341 to 1357, i.e. during the civil wars, through the systematization and typology of source material. Various types of sources are involved in the study. Its relevance is determined by the insufficient coverage of this aspect in domestic and foreign historiography. *Methods and materials.* The work uses a systematic approach, as well as a deep analysis of written sources. *Analysis.* Based on the analysis of written sources, we find out the degree of involvement of the patriarchs of Constantinople in the civil wars in the middle of the 14th century, which is defined as 1) the direct participation of the patriarchs in the civil wars; 2) the use of patriarchs for their own purposes by participants of these conflicts; and 3) the covert participation of patriarchs in the conflicts. *Results.* It turns out that the role that the church played in the political events of this period was quite high.

Key words: John XIV Kalekas, Isidore Bucharas, Kallistos I, Philotheos Kokkinos, John V Palaiologos, John VI Kantakouzenos.

Citation. Zykova A. V. The Patriarchate of Constantinople and the Civil Wars in Byzantium in the Middle of the 14th Century (Stating the Problem). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 348-356. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.22>

УДК 94“1341/1357”:271.2-726.1
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

**КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ
В ВИЗАНТИИ В СЕРЕДИНЕ XIV в.
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)¹**

Анастасия Валерьевна Зыкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа имеет своей целью выделить особенности отношений церкви и государства в Византии в период с 1341 по 1357 г., то есть во время гражданских войн, посредством систематизации и типологизации источникового материала. К исследованию привлекаются различные виды источников. Его актуальность определяется недостаточной освещенностью этого аспекта в отечественной и зарубежной историографии. На основе анализа письменных источников показана степень вовлеченности константинопольских патриархов в гражданские войны в середине XIV в., определяющаяся как 1) непосредственное участие патриархов в гражданских войнах; 2) использование патриархов в своих целях участниками внутренних конфликтов; 3) скрытое участие патриархов в междоусобицах. Выясняется, что роль церкви в политических событиях этого периода была достаточно высокой.

Ключевые слова: Иоанн XIV Калека, Исидор I Вухир, Каллист I, Филофей Коккин, Иоанн V Палеолог, Иоанн VI Кантакузин.

Цитирование. Зыкова А. В. Константинопольский патриархат и гражданские войны в Византии в середине XIV в. (к постановке проблемы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 348–356. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.22>

Введение. В середине XIV в. политическая ситуация в Византии была нестабильной в связи с перманентными внутренними конфликтами, кульминацией которых стали две гражданские войны – 1341–1347 гг. и 1352–1357 гг. В эти конфликты были вовлечены практически все слои общества. Противоборствующие стороны стремились заручиться поддержкой сильных союзников, в том числе и константинопольских патриархов, поддержка которых могла упрочить положение тех, кто находился у власти или же стремился ее получить. Впрочем, в рамках данной работы мы не претендуем на решение проблемы, связанной с определением специфики отношений церкви и государства в период гражданских войн и межвоенный период (1341–1357). Мы лишь попробуем обозначить особенности этих взаимоотношений посредством их систематизации и типологизации. Отметим также, что наша работа будет сосредоточена в основном на исследовании деятельности нескольких патриархов, которая укладывается в обозначенные выше хронологические рамки, поскольку она наиболее полно отражена в доступном источниковом материале. В качестве предположения можно ожидать, что позиция высших византийских иерархов в изучаемый период была миротворческой, направленной на предотвращение или прекращение внутренних конфликтов и тем более войн. Вопрос в том, насколько это подтверждается данными источников.

Характеристика источников. Основными источниками для настоящего исследования являются нарративные сочинения историков гражданских войн (Никифора Григоры [23; 24] (русский перевод: [7; 8]) и Иоанна Кантакузина [16; 17] (немецкий перевод: [19]), политико-религиозные сочинения (текст содержится в [13]), агиографические источники (в основном представлены сочинениями патриарха Филофея Коккина [30; 31]), риторические источники [18; 27], актывый материал [20].

Характеристика историографии. Внутриполитическим событиям византийской истории середины XIV в. посвящено достаточно большое количество как общих, так и специальных работ (отметим некоторых исследователей: [1; 4; 9; 10; 11; 12; 21; 22; 25; 26; 29] и ряд других). Однако проблеме вовлеченности высших церковных иерархов во внутренние конфликты в Византии в середине XIV в. уделялось не столь значительное внимание. Специальных работ по данной проблеме практически нет. В историографии на данный момент существуют лишь отдельные небольшие исследования, посвященные деятельности того или иного патриарха в рассматриваемый нами период (к примеру, [13; 14; 15; 28]). Комплексное исследование по-прежнему отсутствует. Стоит отметить, что в начале XX в. была издана работа русского исследователя А.П. Лебедева [3], в которой предпринята попытка охарактеризовать специфику отношений между государством и церковью в период гражданских войн; впрочем, она значительно устарела. К тому же явным недостатком указанного труда является, на наш взгляд, отсутствие критической оценки, работа носит скорее описательный характер. Существующий на данный момент массив научной литературы не позволяет в полной мере говорить о высокой степени разработанности данной проблемы.

Анализ. В результате анализа письменных источников можно определить степень вовлеченности константинопольских патриархов в гражданские войны в середине XIV в., представив ее в виде следующей типологии.

1) Непосредственное участие патриархов в гражданских войнах. К данной категории можно отнести только одного патриарха – *Иоанна XIV Калеку (1333–1347)*, который в годы гражданской войны 1341–1347 гг. входил в состав константинопольского триумвирата. Несмотря на то что своим восхождением на патриаршую кафедру Калека был обязан непосредственно Иоанну Кантакузину [3,

с. 267], после скоропостижной смерти Андроника III Палеолога он способствовал отстранению своего покровителя от государственных дел. Патриарх, не лишенный политических амбиций, вступив в союз с Анной Савойской, в значительной степени повлиял на ее решение разорвать отношения с Кантакузином. Заметим, что василисса и сама не питала теплых чувств к великому доместику в период правления ее мужа-императора [1, с. 287], однако, вероятно, союз с Калекой (а также с Алексеем Апокавком) подтолкнул ее к более решительным действиям против Кантакузина. Отметим, что одного факта вовлеченности патриарха в политические интриги уже достаточно для того, чтобы отнести его к участникам внутренней междоусобицы.

Основой притязаний Калеки на законное регентство являлся некий документ, который он получил из рук Андроника III, вероятно, в 1334 г., когда тот готовился к походу [19, S. 414–415, Anm. 13], и в котором содержалось распоряжение по поводу регентства при его малолетнем сыне и наследнике престола в случае преждевременной смерти императора [23, p. 579; 16, p. 17–18]. Сведения об этом мы находим в нарративных сочинениях: Григора отмечает, что это был реально существовавший документ (βιβλίον [23, σ. 579⁴; 9, с. 243], в то время как Кантакузин облакает его в форму устного повеления, впрочем, пытаясь скрыть его истинное содержание [16, p. 17–19; 19, S. 414–415, Anm. 13]². Тем не менее, посредством этого упоминания, зафиксированного в источниках, Калека пытался легитимизировать свои претензии на регентство³ и «взять в свои руки государственные дела и помочь сохранить царство для молодого императора» (ἀνθάπτεσθαι τῶν πραγμάτων καὶ τὴν βασιλείαν συνδιασώζειν τῷ νέῳ βασιλεῖ [16, p. 18²¹⁻²³]). Однако только коронация Иоанна V Палеолога 19 ноября 1341 г.⁴ сделала положение патриарха более определенным, после чего он мог официально воздействовать на императора и императрицу.

В коронационной речи Иоанна Калеки, составленной им по случаю венчания на царство малолетнего Иоанна, патриарх попытался аргументировать свою пропалеологовскую позицию, назвав Палеологов, по сути, законной династией [18], тем самым умело скрыв свои политические амбиции за ширмой риторики.

Являясь непосредственным участником триумvirата, патриарх последовательно проводил политику борьбы с Кантакузином и его сторонниками. Он отлучил Кантакузина от церкви после того, как тот объявил себя императором в Дидимотихоне, а также пригрозил отлучением тем, кто поддержит последнего и выступит на его стороне (дословно: Ὑλὴν τοῖνυν εὐρόντες, ἣν πάλαι ποθοῦντες ἐτύγγανον, φακέλλους γραμμάτων διέπεμπον οἱ Βυζάντιοι πρόεδροι κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν καὶ πόλιν, ἀνάθεμα καὶ ἀφορισμοὺς περιέχοντα πάντων, ὅσοι φίλοι θέλουσιν εἶναι τοῦ Καντακουζηνοῦ [23, p. 614¹⁻⁵]). Вмешательство Калеки в государственные дела выражалось также и в том, что он активно вторгался в сферы деятельности, выходящие за рамки его полномочий. К.-П. Мачке, к примеру, определяет его не только как главу православной церкви, но и как руководителя государства [22, S. 162]. Так, например, патриарх «рассылал запечатанные царской печатью письма, лишаящие Кантакузина управления делами империи и повеливающие... оставшемуся при нем войску – срочно возвратиться в Византию» (дословно: καὶ βασιλικῶς ἐνσεσημασμένας ἐπιστολάς διέπεμπε, τὸν μὲν Καντακουζηνὸν τῆς ἐπιτροπῆς τῶν βασιλικῶν καθαιρούσας πραγμάτων... τὸν δ' αὐτῷ προσανέχοντα στρατὸν τὴν ταχίστην ἐπανακάψαι πρὸς τὸ Βυζάντιον [23, p. 607²¹⁻²³–608¹⁻²]). К тому же он назначил себя «вместо императора автократом» (καὶ πρῶτα μὲν ἑαυτὸν ἀντὶ βασιλέως κεχαϊροτόνηκεν αὐτοκράτορα [23, p. 605²¹⁻²²]), не имея при этом никаких оснований именовать себя таким образом. Впрочем, все эти действия относятся к первому этапу гражданской войны, и в дальнейшем фигура Калеки практически пропадает из поля зрения источников, в связи с чем ряд исследователей приходит к выводам, что патриарх не играл одну из ключевых ролей в начале конфликта [9, с. 242–243; 29, S. 108; 10, с. 121, 125]. Впрочем, отметим, что роль Калеки в политических интригах, вынудивших Кантакузина к открытым действиям и развязыванию гражданской войны, весьма значительна.

Незадолго до захвата Константинополя Кантакузином Калека попытался урегулировать конфликт между противоборствующими сторонами мирным способом, предложив им-

ператрице Анне вступить с ним в переговоры [23, р. 767–768], поскольку предчувствовал скорое поражение в войне и пытался по возможности сохранить за собой патриаршество. Однако его попытки не увенчались успехом. Василисса, не желая идти на компромисс со своим главным противником, решила после этого отстранить Калеку сначала от регентства, а затем и снять его с патриаршей кафедры [23, р. 166]⁵, что было в итоге реализовано 2 февраля 1347 г. Таким образом, низложение Калеки было вызвано исключительно политическими мотивами.

2) Использование⁶ патриархов в своих целях участниками конфликта. К этой категории следует отнести только двух патриархов – Исидора I Вухира (1347–1349) и Филофея Коккина (1353–1354, первое патриаршество), которые были избраны на экуменический трон исключительно с целью обеспечить поддержку императору Иоанну VI Кантакузину в планомерном захвате власти и учреждении новой императорской династии.

Избрание Исидора на патриарший престол⁷ происходило при весьма тяжелых обстоятельствах (он был осужден и низложен патриархом Калекой и синодом в ноябре 1344 г. [20, р. 195, № 2250; 28, р. 31–39]), однако его кандидатура в итоге устроила большинство членов синода («συμφωνήσαντες δὲ οἱ πλείους» [17, р. 26¹]) и, в частности, императора Иоанна Кантакузина⁸. Для последнего было важно, чтобы во главе церкви стоял тот, кто был бы лоялен к его политике и способствовал ее идеологическому обоснованию. Таким, по всей видимости, и стал Исидор, который 21 мая 1347 г. повторно короновал Иоанна Кантакузина императором, закрепив, таким образом, за ним его преимущественное положение на престоле (Григора напрямую указывает, что Кантакузин использовал Исидора для вторичного венчания на царство (дословно: τὰ δὲ ἐστὶν, ὅπως τε ἑκάτερος ἑκατέρῳ χορηγῶ καὶ ταμίᾳ τοῦ ἀξιωματοῦ ἐχρήσατο... Καντακουζηνὸς δ' Ἰσιδώρῳ τῆς βασιλείας τὸ δεῦτερον [23, р. 787^{11–13}]). Косвенным указанием на то, что кандидатура Исидора была удобна Кантакузину, являются обвинения со стороны некоторых епископов в незаконном (с помощью светской власти) возведении этого патриарха на экуменический трон [20, р. 227–228, № 2281; 28, S. 74, 85; 14, с. 54–55].

Филофей Коккин был избран патриархом в 1353 г. при схожих обстоятельствах. Его восшествие на патриарший престол состоялось также под влиянием императора Иоанна VI Кантакузина [13].

В 1352 г. в империи началась очередная гражданская война, выраженная в борьбе за византийский престол между Палеологом и Кантакузинами. Последние уже открыто выступили против легитимной власти, которую олицетворяла правящая династия. Намереваясь окончательно отстранить молодого Иоанна V от престола, Кантакузин решил провести церемонию коронации своего старшего сына Матфея. Именно для реализации этого плана на патриаршую кафедру был поставлен Филофей Коккин, основная задача которого как главы церкви, по нашему мнению, заключалась в венчании сына Кантакузина Матфея на царство, что, таким образом, обеспечило переход императорской власти в руки Кантакузинов [24, р. 204; 3, с. 277].

Как Исидор, так и Филофей Коккин были полностью обязаны своим возвышением Кантакузину. Не последнюю роль в избрании этих патриархов сыграла их приверженность учению Григория Паламы, которое поддерживал⁹ Кантакузин [6]. Очевидно, что лояльность этих патриархов к политике последнего¹⁰ и его стремлению к узурпации власти была связана с возвышением исихазма в период его правления. При помощи патриархов-исихастов Кантакузин стремился идеологически обосновать свое положение на престоле, взамен помогая им утвердить свое учение как ортодоксальное и распространить его на всю византийскую церковь¹¹. Таким образом, константинопольский патриархат в лице Исидора и Коккина являлся инструментом для презентации власти Кантакузина.

3) Скрытое участие патриархов в гражданских войнах. Сюда следует отнести патриархов¹², которых выдвигавшие их императоры планировали изначально использовать исключительно в своих интересах, однако те, исходя, вероятно, из своих личных симпатий, убеждений или руководствуясь целью извлечения собственной выгоды, принимали сторону их противников, становясь, таким образом, участниками конфликта. В рассматриваемый нами период к данной категории можно отнести только одного патриарха,

являвшегося также сторонником учения Григория Паламы, Каллиста I (1350–1353, 1355–1363), который до 1353 г. не представлял собой сколько-нибудь заметную фигуру на политической арене¹³. Он был возведен на патриаршую кафедру при содействии императора Кантакузина (дословно: εἰς πατριάρχην προβάλλεται [23, р. 873¹⁵]; τὸν Κάλλιστον ὁ βασιλεὺς τοῖς πατριαρχικοῖς θρόνοις ἐφίστη [17, р. 106²⁻³]; а также [20, р. 254, № 2311]), однако впоследствии разошелся с ним в политических вопросах. Началом конфронтации между патриархом и императором послужило требование последнего сначала исключить имя Иоанна V из литургических поминовений, а затем короновать его сына Матфея [24, р. 187–188]. Каллист, посчитав эти действия неправомерными, выступил против Кантакузина, в результате чего был подвергнут опале и смещен [24, р. 201; 17, р. 269–275]. Несмотря на то, что «Апология», составленная после возвращения Иоанна Палеолога в Константинополь в 1354 г., направлена на обоснование причин низложения Каллиста исключительно с догматических позиций, тем не менее за богословской риторикой скрываются политические мотивы свержения последнего с патриаршей кафедры (об этом подробнее: [13]).

С точки зрения Каллиста, легитимная власть в империи принадлежала Палеологам, и, выступив против своего покровителя, он, таким образом, обвинил Кантакузина в узурпации. Ко всему прочему, Григора отмечает, что патриарх, удалившись в монастырь, выступил с критикой политики императора: он обвинил его в измене, в пренебрежении интересами империи в пользу своих собственных, в разграблении имущества и сотрудничестве с турками [24, р. 196–198]. К тому же, придерживаясь концепции «симфонии властей», он обвинил Кантакузина в ее несоблюдении, что, по его мнению, и привело к бедственному положению ромеев [24, р. 198–199].

Поддержав в 1353 г. Иоанна V Палеолога в его праве занять константинопольский престол, а затем, бежав к нему на о. Тенедос и выступив с критикой правления Кантакузина, Каллист стал непосредственным участником гражданской войны 1352–1357 гг. В действительности же Каллист, на наш взгляд, являлся единственным патриархом, поддержавшим

императора, исходя из своих личных симпатий и убеждений, а не руководствуясь извлечением как политических, так и церковных выгод¹⁴.

Результат. Обозначив особенности взаимоотношений между церковью и государством, отметим, что патриархи являлись важными фигурами в политическом противостоянии в Византии в середине XIV века. Они рассматривались лидерами противоборствующих сторон как необходимый союзник, способный обеспечить лояльность населения, а также поддержку и продвижение той или иной политической идеологии. Патриархи, в свою очередь, также стремились, особенно в период политической напряженности, извлечь собственные выгоды из своего положения, в связи с чем становится очевидна взаимозависимость государственных и церковных интересов. Впрочем, среди мотивов, которые побуждали владык принять ту или иную сторону, могло иметь место их личное отношение к политическим лидерам, что особенно характерно для гражданской войны 50-х гг. XIV века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая статья была представлена в виде доклада на XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов «Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus...» (24–30 октября 2022 г., г. Судак) [2].

² Существование данного документа ставится под сомнение, однако, включая его в свое повествование, Никифор Григора хотел показать, что к обнародованию этого письма патриарха подталкивал Алексей Апокавк, который посредством сотрудничества с Калеккой также хотел, вероятно, узаконить свое положение в триумвирате.

³ Отметим лишь то, что Кантакузин, исходя из сообщений источников, был вынужден уступить воле покойного императора, договорившись поначалу на совместное регентство с патриархом [23, р. 590–595].

⁴ Источники сообщают, что день коронации был выбран неудачно. Такая спешка в действиях константинопольского триумвирата и, прежде всего, патриарха Калеки вызвана, на наш взгляд, желанием скорее закрепить свое положение при императоре.

⁵ Василисса, надеясь укрепить свое положение, попыталась в последний момент привлечь на свою сторону исихастов [23, р. 767–768].

⁶ В данном случае было употреблено именно это слово для характеристики второй категории, поскольку Никифор Григора в описании избрания пат-

риарха Исидора I на патриаршую кафедру употребил глагол «использовать» (ἐχρησάτο) [23, р. 787¹²] для представления всей деятельности Исидора в целом. В историографии патриархи, которые относятся нами к этой категории, также преимущественно представлены «как орудия в руках императора» [3, с. 272; 28, S. 93–94].

⁷ Кандидатуры Исидора не было в числе первых: изначально Иоанн VI Кантакузин обращался с просьбой занять патриаршую кафедру к Григорию Паламе [30, с. 391], а затем к монаху Савве Ватопедскому [31]. Однако оба они отказались.

⁸ Исидор был возведен в патриарший сан 17 мая 1347 г. [20, р. 221, № 2273; 30, с. 392¹⁵⁻²¹].

⁹ В этом можно увидеть продолжение политики Андроника III Палеолога, поскольку первый раз учение Григория Паламы было признано православным незадолго до смерти василевса.

¹⁰ В своих сочинениях и Исидор, и Филофей Коккин представляют Кантакузина, к примеру, как «гуманного и мудрого василевса» (τοῦ φιλανθρωποῦ καὶ σοφοῦ βασιλέως) [30, с. 390], «сильнейшего и святейшего» (τῷ δὲ κρατίστῳ καὶ ἁγίῳ μου αὐτοκράτορα τῷ Καντακουζηνῷ) [27, р. 291³³⁻³⁴], того, кто «украшает царство ромеев» (ὁ νυνὶ τὴν βασιλείαν Ῥωμαίων κοσμῶν) [27, р. 290¹⁶⁻¹⁷] и кого «Бог сделал... императором христиан» (καὶ βασιλέα χριστιανῶν ἀναδείκνυσι παραδόξως) [27, р. 292⁶⁻⁷]. Они обосновывают нахождение Кантакузина на престоле, представляя его как защитника истинного православия.

¹¹ Отметим лишь то, что союз Кантакузина и исихастов был выгоден и тем, и другим. Кантакузин использовал их для реализации своих политических амбиций, исихасты же – для утверждения своего учения как православного посредством назначения своих сторонников на патриаршую кафедру. Однако говорить о том, что эти отношения были равноправными, не представляется возможным, поскольку Кантакузин, как более влиятельная и сильная фигура в империи в тот период времени, воспользовался смутой внутри церкви для своей собственной выгоды. И Исидор, и Филофей Коккин, наоборот, являлись достаточно слабыми церковными деятелями [15, S. 73–76].

¹² Отметим, что к этой форме также следует отнести и двух патриархов, находившихся на патриаршем престоле в период гражданской войны 1321–1328 гг., – Герасима и Исая [5].

¹³ Как церковный деятель он сделал многое для утверждения и укрепления исихазма [6, с. 130–142; 20, р. 264–268, № 2324].

¹⁴ Другой точки зрения придерживался французский исследователь А. Файе, который считал, что Каллист последовал за Иоанном V в надежде в последующем извлечь из своей верности определенные выгоды [13, р. 105]. Возразим, что, опираясь на источники, мы не можем понять истинных намерений Каллиста.

Тем не менее тот факт, что после того как он, вернувшись на патриаршую кафедру после вхождения Палеолога в Константинополь, перестал каким-либо образом пытаться влиять на государственную политику, в какой-то мере может свидетельствовать в пользу его искренней поддержки, которую он в годы войны оказывал, по его мнению, легитимному императору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диль, Ш. Византийские портреты / Ш. Диль ; пер. М. Безобразовой под ред. и с предисл. П. Безобразова. – М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1914. – 397 с.

2. Зыкова, А. В. На чьей стороне? Константинопольский патриархат и гражданские войны в Византии в первой половине XIV в. / А. В. Зыкова // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus : тез. докл. XXIII Всерос. науч. сессии византинистов РФ / отв. ред. С. П. Карпов. – Симферополь : Типография «Ариал», 2022. – С. 62–64.

3. Лебедев, А. П. Исторические очерки состояния Византийско-Восточной церкви от конца XI до половины XV веков : (От начала крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г.) / А. П. Лебедев. – М. : Печатня А.И. Снегиревой, 1902. – 489 с.

4. Литаврин, Г. Г. Византия в период гражданской войны и движения зилотов (1341–1355) / Г. Г. Литаврин // История Византии. Т. 3 / отв. ред. С. Д. Сказкин. – М. : Наука, 1967. – С. 135–160.

5. Лысиков, П. И. Государство и церковь в Византии в период гражданской войны 1321–1328 гг.: император Андроник II Палеолог и патриархи Герасим I и Исая / П. И. Лысиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 137–148. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.13>

6. Мейендорф И., протопр. Жизнь и труды свт. Григория Паламы : Введение в изучение / пер. Г. Н. Начинкина. – СПб. : Византинороссика, 1997. – 479 с.

7. Никифор Григора. История ромеев. Т. II / пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб. : Свое издательство, 2014. – 493 с.

8. Никифор Григора. История ромеев. Т. III / пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб. : Свое издательство, 2016. – 486 с.

9. Павловић, Б. Савладарство Јована V Палеолога / Б. Павловић // Сборник радова Византолошког института. – 2018. – Т. LV. – С. 233–247.

10. Радић, Р. Црно столеће: време Јована V Палеолога (1332–1391) / Р. Радић. – Београд : Завод за уџбенике, 2013. – xxix, 559 с.

11. Ферјанчић, Б. Савладарство у доба Палеолога / Б. Ферјанчић // Сборник радова Византолошког института. – 1986. – Т. XXIV–XXV. – С. 307–384.
12. Флоринский, Т. Д. Андроник Младший и Кантакузин / Т. Д. Флоринский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1879. – Ч. ССIV. – С. 87–143, 219–251.
13. Failler, A. La déposition du patriarche Calliste Ier (1353) / A. Failler // Revue des études byzantines. – 1973. – Vol. 31. – P. 5–163.
14. Guiland, R. Moines de l’Athos, patriarches de Constantinople (Nicolas II, Isaïe, Isidore) / R. Guiland // Ἐπετηρίς ἐταιρείας βυζαντινῶν σπουδῶν. – 1963. – Т. 32. – Σ. 40–59.
15. Helfer, W. Das Testament des Patriarchen Isidoros (1347–1349/1350) / W. Helfer // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. – 1968. – Vol. XVII. – S. 73–84.
16. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. II / Ioannes Cantacuzenus ; ed. L. Schopen. – Bonna : Impensis Ed. Weberi, 1831. – 615 p.
17. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. III / Ioannes Cantacuzenus ; ed. L. Schopen. – Bonna : Impensis Ed. Weberi, 1832. – 616 p.
18. Joannou, P. Joannes XIV. Kalekas, Patriarch von Konstantinopel, unedierte Rede zur Krönung Joannes V / P. Joannou // Orientalia Christiana Periodica. – 1961. – Vol. XXVII. – P. 38–45.
19. Johannes Kantakuzenos. Geschichte. T. III. (B. III) / übers. und erl. von G. Fatouros und T. Krischer. – Stuttgart : Anton Hiersemann, 2011. – vii, 485 S.
20. Les registres des actes du patriarchat de Constantinople. Vol. 1, Fasc. V / par J. Darrouzès. – Paris : Institut Français d’Études Byzantines, 1977. – 601 p.
21. Macrides, R. Emperor and church in the last centuries of Byzantium / R. Macrides // Studies in Church History. – 2018. – Т. 54. – P. 123–143.
22. Matschke, K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz in 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354 / K.-P. Matschke. – Berlin : Akademie-Verlag, 1971. – 264 S. – (Berliner Byzantinische Arbeiten; Bd. 42).
23. Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. II / Nicephorus Gregoras ; ed. L. Schopen. – Bonna : Weber, 1830. – P. 569–1385.
24. Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. III / Nicephorus Gregoras ; ed. L. Schopen. – Bonna : Weber, 1855. – viii, 587 p.
25. Nicol, D. The reluctant Emperor : John Cantacuzene, Emperor and monk, c. 1295–1383 / D. Nicol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – xiv, 204 p.
26. Parisot, V. Cantacuzène, homme d’état et historien / V. Parisot. – Paris : Joubert, Libraire, 1845. – 336 p.
27. Patriarchae Isidori testamentum // Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Vol. 1 / ed. F. Miklosich, I. Müller. – Vindobona : Carolus Gerold, 1860. – P. 287–294.
28. Rigo, A. 1347. Isidoro patriarca di Costantinopoli e il breve sogno dell’inizio di una nuova epoca / A. Rigo. – Wien : VÖAW, 2020. – 212 S.
29. Weiss, G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert / G. Weiss. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1969. – xii, 174 S.
30. Βίος ἁγίου Ἰσιδώρου, πατριάρχου Κ/Π // Φιλοθέου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Κοκκίνου ἀγιολογικὰ ἔργα. Α΄. Θεσσαλονικεῖς ἅγιοι / ἐκδ. Δ. Γ. Τσάμη. – Θεσσαλονίκη : Κέντρον Βυζαντινῶν ἐρευνῶν, 1985. – Σ. 327–423.
31. Βίος ἁγίου Σάβα τοῦ νέου // Φιλοθέου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Κοκκίνου ἀγιολογικὰ ἔργα. Α΄. Θεσσαλονικεῖς ἅγιοι / ἐκδ. Δ. Γ. Τσάμη. – Θεσσαλονίκη : Κέντρον βυζαντινῶν ἐρευνῶν, 1985. – Σ. 159–325.

REFERENCES

1. Diehl Ch. *Vizantijskie portrety* [Byzantine Portraits]. Moscow, Izdanie M. and S. Sabashnikovykh, 1914. 397 p.
2. Zykova A.V. Na chey storone? Konstantinopolskiy patriarkhat i grazhdanskie voyny v Vizantii v pervoy polovine XIV v. [On Which Side? Patriarchate of Constantinople and the Civil Wars in Byzantium in the First Half of the 14th Century]. Karpov S.P., ed. *Vizantiyskiy «krug zemel». Orbis terrarum Byzantinus: tez. dokl. XXIII Vseros. nauch. sessii vizantinistov RF* [Byzantine “Circle of Lands”. Orbis terrarum Byzantinus. Abstracts of the 23rd All-Russian Scientific Session of the Byzantine Studies of the Russian Federation]. Simferopol, Tipografiya «Arial», 2022, pp. 62–64.
3. Lebedev A.P. *Istoricheskie ocherki sostoyaniya Vizantiysko-Vostochnoy tserkvi ot kontsa XI do poloviny XV vekov: (Ot nachala krestovych pochodov do padeniya Konstantinopolya v 1453 g.)* [Historical Sketches of the State of the Byzantine-Eastern Church from the End of the 11th to the Half of the 15th Centuries. From the Beginning of the Crusades to the Fall of Constantinople in 1453]. Moscow, Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1902. 489 p.
4. Litavrin G.G. *Vizantiya v period grazhdanskoj voyny i dvizhenie zilotov (1341–1355)* [Byzantium During the Civil War and the Zealot Movement (1341–1355)]. Skazkin S.D., ed. *Istoriya Vizantii. T. 3* [History of Byzantium. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 135–160.

5. Lysikov P. I. Gosudarstvo i tserkov v Vizantii v period grazhdanskoj vojny 1321–1328 gg.: imperator Andronik II Paleolog i patriarchi Gerasim I i Isayya [State and Church in Byzantium During the Civil War of 1321–1328: The Emperor Andronikos II Palaiologos and the Patriarchs Gerasimos I and Esaias]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 5, pp. 137–148. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.13>
6. Meyendorf I. *Zhizn i trudy svt. Grigoriya Palamy: Vvedenie v izuchenie* [The Life and Works of St. Gregory Palamas. Introduction to the Study]. Saint Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1997. 479 p.
7. Yashunskiy R.V., ed. *Nikifor Grigora. Istoriya romeev. T. II* [Nicephorus Gregoras. The History of the Romaioi. Vol. II]. Saint Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2013. 493 p.
8. Yashunskiy R.V., ed. *Nikifor Grigora. Istoriya romeev. T. III*. [Nicephorus Gregoras. The History of the Romaioi. Vol. III]. Saint Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2016. 486 p.
9. Pavlović B. Savladarstvo Jovana V Paleologa [The Co-Rulership of John V Palaiologos]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Collection of Works of the Byzantological Institute], 2018, vol. 55, pp. 233–247.
10. Radić R. *Crno stoleće: Vreme Jovana V Paleologa (1332–1391)* [The Black Century. The Time of John V Palaiologos (1332–1391)]. Beograd, Zavod za udžbenike Publ., 2013. xxix, 559 p.
11. Ferjanèiæ B. Savladarstvo u doba Paleologa [The Co-Rulership at the Age of the Palaiologoi]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Collection of Works of the Byzantological Institute], 1986, vol. 24–25, pp. 307–384.
12. Florinskiy T.D. Andronik Mladshiy i Kantakuzin [Andronicus the Younger and Kantakuzenos]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1879, pt. 204, pp. 87–143, 219–251.
13. Failler A. La déposition du patriarche Calliste Ier (1353). *Revue des études byzantines*, 1973, vol. 31, pp. 5–163.
14. Guiland R. Moines de l’Athos, patriarches de Constantinople (Nicolas II, Isaïe, Isidore). *Epetēris etaireias byzantinōn spoudōn* [Annual of the Society of Byzantine Studies], 1963, vol. 32, pp. 40–59.
15. Helfer W. Das Testament des Patriarchen Isidoros (1347–1349/1350). *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft*, 1968, vol. XVII, S. 73–84.
16. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. II*. Bonna, Impensis Ed. Weberi, 1831. 615 p.
17. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. III*. Bonna, Impensis Ed. Weberi, 1832. 616 p.
18. Joannou P. Joannes XIV. Kalekas, Patriarch von Konstantinopel, unedierte Rede zur Krönung Joannes V. *Orientalia Christiana Periodica*, 1961, vol. XXVII, pp. 38–45.
19. Fatouros G., Krischer T., eds. *Johannes Kantakuzenos. Geschichte. T. III. (B. III)*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 2011. vii, 485 S.
20. Darrouzès J., ed. *Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1, Fasc. V*. Paris, Institut Français d’Études Byzantines, 1977. 601 p.
21. Macrides R. Emperor and Church in the Last Centuries of Byzantium. *Studies in Church History*, 2018, vol. 54, pp. 123–143.
22. Matschke K.-P. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz in 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354*. Berlin, Akademie-Verlag, 1971. 264 p. (Berliner Byzantinische Arbeiten; Bd. 42).
23. Schopen L., ed. *Nicephori Gregoræ Byzantina Historia. Vol. II*. Bonna, Weber, 1830. pp. 569–1385.
24. Schopen L., ed. *Nicephori Gregoræ Byzantina Historia. Vol. III*. Bonna, Weber, 1855. viii, 587 p.
25. Nicol, D. *The Reluctant Emperor. John Cantacuzene, Emperor and Monk, c. 1295–1383*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. xiv, 204 p.
26. Parisot V. *Cantacuzène, homme d’état et historien*. Paris, Joubert, Libraire, 1845. 336 p.
27. Patriarchae Isidori testamentum. Miklosich F., Müller I., eds. *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Vol. 1*. Vindobona, Carolus Gerold, 1860. pp. 287–294.
28. Rigo A. *1347. Isidoro patriarca di Costantinopoli e il breve sogno dell’inizio di una nuova epoca*. Wien, VÖAW, 2020. 212 S.
29. Weiss G. *Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1969. xii, 174 S.
30. Tsamis D.G., ed. Bios agiou Isidōrou, patriarchou K/P [The Life of Isidoros, Patriarch of Constantinople]. *Philotheou Kōnstantinoupoleōs tou Kokkinou agiologika erga* [The Hagiographical Studies of Philotheos Kokkinos]. Vol. 1. Thessalonikeis agioi [The Saints of Thessaloniki]. Thessaloniki, Kentron byzantinōn ereunōn Publ., 1985, pp. 327–423.
31. Bios agiou Sabas tou neou [The Life of Sabas the Younger] *Philotheou Kōnstantinoupoleōs tou Kokkinou agiologika erga* [The Hagiographical Studies of Philotheos Kokkinos]. Vol. 1. Thessalonikeis agioi [The Saints of Thessaloniki]. Thessaloniki, Kentron byzantinōn ereunōn Publ., 1985, pp. 159–325.

Information About the Author

Anastasiya V. Zyкова, Postgraduate Student, Assistant, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, av_zykova@volsu.ru, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

Информация об авторе

Анастасия Валерьевна Зыкова, аспирант, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, av_zykova@volsu.ru, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.23>

UDC 94(495)+94(560)“13”+82-94
LBC T3(0)4-93

Submitted: 03.06.2022
Accepted: 06.10.2022

“ACCORDING TO CUSTOM OF THE GREEK LAND”: DIPLOMATIC RECEPTION IN BYZANTIUM AS DESCRIBED BY GHILLEBERT DE LANNOY

Tatiana V. Kushch

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article studies the features of the late Byzantine diplomatic receptions. The author analyses the account of the Burgundian traveller and diplomat Ghillebert de Lannoy, who described diplomatic receptions at various European courts in details. *Method.* This study applies the methods of imagology and historical anthropology, allowing to identify the foreigner’s stable and emotionally-coloured perceptions of another culture. A comparative approach is used to compare the late Byzantine receiving ceremony with receptions by other Christian rulers and the earlier Byzantine diplomatic tradition. *Analysis.* Ghillebert de Lannoy, as a representative of King Henry V of England, King Charles VI of France, and Duke Philip the Good of Burgundy, visited several Eastern European countries. In Constantinople, the embassy met with Emperor Manuel II Palaiologos and his son and co-ruler John VIII and received a hearty welcome. The analysis has uncovered that, in the Palaiologan Age, the imperial reception became less magnificent and more intimate, but still followed the established Byzantine tradition and differed from receptions at other courts due to its more pronounced ritual nature. The program of the embassy also included purely “Byzantine” entertainments for foreigners: a tour through Constantinople and demonstration of Christian relics. Additionally, imperial gifts excelled among the gifts from other rulers. The Burgundian ambassador was impressed by the official audience following a strict ritual, acquaintance with the city’s sights and Christian relics, and gifts he received from the emperor, which possessed high material and spiritual value. *Results.* The Byzantine diplomatic reception was supposed to convince foreign ambassadors in the political and cultural superiority of the Greeks, to plant in their minds the idea that the Empire, despite its difficult situation, kept a prominent civilizational position in the Christian world. In the case of Ghillebert de Lannoy, these aims were achieved.

Key words: Late Middle Ages, Ghillebert de Lannoy, Late Byzantium, travelogue, diplomatic reception, diplomatic gifts.

Citation. Kushch T.V. “According to Custom of the Greek Land”: Diplomatic Reception in Byzantium as Described by Ghillebert De Lannoy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 357-367. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.23>

**«ПО ОБЫЧАЮ ГРЕЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ»:
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ВИЗАНТИИ
В ОПИСАНИИ ЖИЛЬБЕРА ДЕ ЛАННУА**

Татьяна Викторовна Куш

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению особенностей дипломатических приемов в поздней Византии. Автор статьи анализирует сообщение бургундского путешественника и дипломата Жильбера де Ланнуа, который подробно описал дипломатические приемы при различных европейских дворах. *Метод.* В работе использованы методы имагологии и исторической антропологии, которые позволяют выявить устойчивые и эмоционально-окрашенные представления иностранца о чужой культуре. С помощью компаративного подхода проведено сравнение поздневизантийской церемонии приема послов с приемами у других христианских правителей и более ранней византийской дипломатической традицией. *Анализ.* Де Ланнуа как представитель английского короля Генриха V, французского короля Карла VI и герцога Бургундского Филиппа Доброго посетил ряд восточно-европейских стран. В Константинополе посольство встретилось с императором Мануилом II и его сыном-соправителем Иоанном VIII, и ему был оказан добрый прием. Анализ показывает, что во времена Палеологов сам императорский прием, ставший менее пышным и более камерным, следовал сложившейся византийской традиции и отличался от приемов при других дворах более выраженным ритуальным характером. В программу пребывания посольства входили и сугубо «византийские» развлечения для иностранцев – экскурсия по Константинополю и показ христианских святынь. Кроме того, императорские дары заметно выделялись среди подарков других правителей. Официальная аудиенция, подчиненная строгому ритуалу, знакомство с городскими достопримечательностями и христианскими реликвиями, полученные от императора дары, обладавшие высокой материальной и духовной ценностью, произвели впечатление на бургундского посла. *Результаты.* Византийский дипломатический прием должен был убедить иностранных послов в политическом и культурном превосходстве греков, внушить им мысль о том, что империя, несмотря на трудное положение, сохраняет особое цивилизационное положение в христианском мире. В случае с де Ланнуа этого удалось достичь.

Ключевые слова: Позднее Средневековье, Жильбер де Ланнуа, Поздняя Византия, травелог, дипломатические приемы, дипломатические дары.

Цитирование. Куш Т. В. «По обычаю греческой земли»: дипломатический прием в Византии в описании Жильбера де Ланнуа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 357–367. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.23>

Введение. Бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (Ланноа) (1386–1462), представитель знатного фламандского рода, один из первых кавалеров Ордена Золотого руна, в 1413–1414 гг. и 1421–1422 гг. совершил несколько поездок по Восточной Европе, побывал в Татарии, Византии, Египте, Сирии и Палестине [30, р. 6–26; 21]. Рассказы об этих поездках вошли в его мемуары «*Voyages et ambassades*» («Путешествия и посольства»), которые он на основе своих путевых записей составил на склоне лет. Его сообщения содержат много ценных сведений о землях, которые он посетил. В частности, де Ланнуа

одним из первых европейцев описал русские земли и использовал обозначение «великая Русь» (применительно к новгородским владениям) [5, с. 77; 7], что определяет закономерный интерес историков-русистов к его запискам. Впрочем, сообщение де Ланнуа о Татарии и Каффе также не обойдено вниманием исследователей [10, с. 164–165], как и его характеристика Византии, данная незадолго до ее гибели [13, р. 221–222]. В своей же статье я обращусь сюжету, которому, судя по объему информации в тексте, сам автор придавал особое значение, но который еще не стал в историографии предметом отдель-

ного исследования. Речь идет о приемах бургундского посла у разных правителей во время его второго путешествия, и прежде всего о приеме, устроенном ему при дворе византийского императора.

Методы. Сочинение Жильбера де Ланнуа является типичным травелогом, повествующим о пути, проделанном путешественником, событиях, свидетелем которых он стал, пережитом личном опыте странствования и впечатлении от того, что довелось увидеть в далеких странах. В мемуарах де Ланнуа «чужой мир» предстает в отрефлексированном виде: автор фиксировал то, что вызвало его неподдельный интерес, удивило, оставило след в его памяти. Анализ подобных текстов предполагает использование различных методов исследования – как исторических, так и литературоведческих. В настоящей работе использованы прежде всего методы имагологии и исторической антропологии, поскольку именно они позволяют выявить «устойчивое, эмоционально-окрашенное, обобщено-образное представление о “чужом”» [8, с. 31], сформировавшееся в сознании конкретного человека, носителя определенных «национальных» стереотипов, пережившего непосредственный опыт межкультурного общения. Оценить же практику встречи иностранных посольств в Византии, переживавшей период своего упадка, и выделить ее специфику можно, лишь сравнив ее с приемами других правителей, описанными де Ланнуа, а также соотнеся ее с византийской дипломатической традицией, хорошо известной по более ранним источникам¹.

Анализ. Будучи официальным представителем английского короля Генриха V (1413–1422), французского короля Карла (1380–1422) и в первую очередь герцога Бургундского Филиппа Доброго (1419–1467), Жильбер де Ланнуа в 1421 г. отправился вместе со свитой в свое второе путешествие на Восток, чтобы информировать христианских правителей о заключении мира между его доверителями, подписанного в Труа (1420), и уведомить их о подготовке нового крестового похода против турок. Де Ланнуа в своем сочинении называл эту миссию «посольством мира от двух королей (*ambassade de la paix des deux roys*)» [29, p. 53]² и отмечал, что оно касалось «упо-

мянутого мира и их совместного желания в продвижении унии между римской и греческой церквями» [29, p. 65]. Его путешествие, впрочем, имело и другую цель – Жильбер де Ланнуа хотел, выполнив дипломатические обязательства, отправиться в Святую землю, чтобы совершить паломничество к христианским святыням. Путь миссии на Восток лежал через северогерманские области, Пруссию, Польшу, Великое княжество Литовское, молдавские земли, владения генуэзцев. Посольство везде встречало теплый прием: местные правители оказывали дипломату почести, устраивали обеды, одаривали предметами роскоши, снабжали деньгами, подорожными письмами, сопровождением и транспортом.

Проделав длинный путь, полный испытаний и невзгод, делегация наконец достигла Константинополя. Де Ланнуа не сообщает о времени своего прибытия, но упоминание о военном противостоянии претендентов на османский престол Мустафы и Мурада [22, S. 379], в разгар которого посол оказался в византийской столице, расчет хронологии его маршрута и указание на то, что он отбыл из Каффы на венецианских галерах, возвращавшихся из Таны, позволяет говорить, что это произошло не ранее начала октября 1421 года³. Прибыв в византийскую столицу, де Ланнуа первым делом исполнил свой долг, явившись в императорский дворец, где его принял Мануил II Палеолог (1391–1425) со своим сыном Иоанном VIII (1425–1498), недавно провозглашенным соправителем⁴. Сообщая об этой встрече, дипломат замечает: «И названные императоры оказали мне честь и добрый прием согласно обычаю греческой земли» (*Et me firent lesdis empereurs honneur et bonne chière, selon la coustume du païs des Grégeois*) [29, p. 65]⁵. Какими же «греческими обычаями» удивила византийская столица многоопытного дипломата? Отличался ли прием иностранцев, устраиваемый императором, от тех, которые посольства получили в других государствах? Что хотели продемонстрировать византийцы иностранцам, оказавшимся в самом сердце дряхлеющей империи?

Как уже сказано, де Ланнуа уделил особое внимание тому, как принимали гостей правители тех земель, через которые следовало

его посольство. До появления в Константинополе он встречался в Пруссии с великим магистром Тевтонского ордена Михаэлем Кюхмайстером (1414–1422), в Польше – с королем Ягайло (1386–1434), в Великом княжестве Литовском – с Витовтом (1392–1430), в Молдавском княжестве – с господарем Александром I (1400–1432); в Крыму его принимали генуэзские правители Каффы. Де Ланнуа описывает эти встречи почти шаблонной, дипломатически нейтральной фразой: каждый правитель «оказал ему большую честь и добрый прием». Он также сообщает некоторые подробности этих «добрых приемов». При первой официальной встрече посол сообщал местному правителю о цели своего визита и передавал подарки и письма от королей, чьи интересы представлял [29, р. 52]. Часто вслед за этим местный правитель приглашал посланника разделить с ним трапезу. Так, в Пруссии де Ланнуа присутствовал на нескольких обедах, устроенных в его честь, в Польше – на двух, в литовских владениях – на трех. На одном («особенном», как замечает де Ланнуа) обеде, на котором было подано «шестьдесят пар блюд», Ягайло даже пригласил дипломата за свой стол [29, р. 53]. Так же поступил и великий князь Литовский – де Ланнуа обедал с Витовтом за одним столом [29, р. 55]. Правители, устраивая обеды в честь послов и приглашая их за свой стол, таким образом оказывали им высшие почести и демонстрировали свое расположение и дружеское отношение. На протяжении всего времени пребывания миссию не оставляли без внимания и заботы. Посланникам на дом присылали яства. Так, генуэзцы Каффы отправили в гостиницу, где остановился де Ланнуа и его свита, 24 коробки конфитюра (*coffins de confiture*), бочонок мальвазии и хлеб [29, р. 64]. Забота о послах, в том числе об их повседневных нуждах, являлась частью «доброего приема».

Жильбер де Ланнуа каждый раз педантично перечисляет все те подарки, которые преподнесли ему и членам его посольства христианские правители и представители местной знати. Предметы, выступавшие в качестве дипломатических даров, служили своеобразным культурным маркером тех территорий, через которые следовало посольство,

и символическим выражением межгосударственных отношений. Так, в польских землях от короля Ягайло он получил «двух коней, двух иноходцев, две шелковые ткани, сто шкурок соболя, перчатки из Руси, три кубка из золоченого серебра с крышками, сто венгерских флоринов и сто флоринов в богемских грошах», а некоторые представители королевской свиты преподнесли ему «ястребов, перчатки, борзых, кинжалы и русские постели» [29, р. 54]. Литовский же князь Витовт вручил бургундскому посланнику в качестве дипломатических подношений четыре отреза шелковых тканей, три вышитые покрывала, две подбитые соболями шелковые шубы, четыре островерхие шапки и десять расшитых головных уборов, четыре «русские сумки», лук, татарские стрелы и колчаны, четыре коня, двадцать пять серебряных слитков и сто золотых дукатов [29, р. 56–57]. От денег де Ланнуа, кстати сказать, отказался, сославшись на то, что князь поддерживал в то время «врагов веры» – гуситов. Щедрые подарки получили и люди из его свиты.

При дворе Витовта де Ланнуа стал свидетелем приема посольств из Великого Новгорода и Пскова и описал «многие удивительные подарки», которые те преподнесли великому князю литовскому: «шкурки куниц, шелковые одежды, шубы, меховые шапки, шерстяные ткани, зубы кураней»⁶ [29, р. 56]. Всего он насчитал 60 видов подношений [29, р. 56]. Разнообразие даров и экзотичность некоторых из них впечатлили де Ланнуа – неслучайно он так подробно их перечислил. Дипломатические дары, которые видел и которые получил де Ланнуа в Восточной Европе, наглядно показывают региональные особенности материальной жизни и местные представления о роскоши и богатстве. Их же количество и ценность служили доказательством дружеского отношения к правителям тех государств, интересы которых представляла делегация, и символическим выражением статуса участников межгосударственных сношений.

Упоминает де Ланнуа и о развлечениях, которые для него организовывались. В Лимбурге местная армянская община устроила прием с танцами, на котором присутствовали дамы. Сообщает он и о своем участии в охоте – столь популярной среди знати форме вре-

мяпрепровождения. Так, польский король брал его с собой поохотиться на медведей [29, р. 53]. В дорогу дипломат получал коней, письма, проводников и переводчиков. Собственно, набор «почестей», оказанных иноземному посланнику местными правителями, представляется вполне стереотипным: официальный прием, трапезы, охота, обмен дарами, снаряжение для дальнейшего пути. Разница состояла только в деталях: в количестве обедов, формах развлечений, величине и ценности подарков. Чем же отличался прием посольства при византийском дворе от вышеописанных?

В Константинополе прибывшее посольство встретилось с императором и его сыном-соправителем. Стоит заметить, что Мануил II Палеолог был лично знаком с французским королем Карлом VI со времен своей знаменитой поездки по Западной Европе в 1399–1402 гг. [2, с. 65–78; 18, р. 399], а потому вряд ли воспринимал прием его эмиссаров как рядовой. Де Ланнуа не сообщает подробностей о том, как и где происходила церемония. Однако мы можем восстановить ее сценарий, опираясь на заметки других европейцев, побывавших в Византии в первой половине XV в. В частности, испанский путешественник Руи Гонсалес де Клавихо, посетивший византийскую столицу в конце октября 1403 г. по дороге ко двору Тимура, уделил этому вопросу большое внимание. По прибытии Клавихо вместе с сопровождавшими его лицами разместился, как и де Ланнуа, в Пере, откуда известил императора о своем приезде. Получив официальное приглашение прибыть ко двору, в назначенный день делегация переправилась через Золотой Рог, где ее ожидал эскорт из числа императорских сановников и подготовленные лошади, на которых кавалькада направилась во Влахернский дворец [4, с. 32] — именно там тогда находилась императорская резиденция [9, с. 50–54]. После обедни, на которой присутствовало множество людей, император в особом помещении принял иностранных послов. Испанский путешественник описал тронное возвышение, на котором восседал Мануил II Палеолог: оно было устлано коврами, «на один из них была брошена шкура леопарда, а на спинке лежала ковровая подушка золотого шитья» [4, с. 33]. Некоторые подробности императорского приема упоминает и

Перо Тафур, побывавший в Константинополе в 1438 году. Он также разместился со своей свитой в Пере, откуда затем и «отправился выразить почтение императору Константинополя» [11, с. 139]. Кастильскому идалго пришлось час провести в ожидании высочайшей аудиенции, поскольку явился он во дворец без предварительной договоренности. Описание Тафуром помещения, где проходил императорский прием («я прошел по его дворцу до одной залы, где я увидел его сидящим на возвышении, а под ногами у него была расстелена львиная шкура» [11, с. 140]), перекликается с сообщением Клавихо (тронное возвышение, шкуры у ног василевса). Обращает на себя внимание тот факт, что трон времен Палеологов выглядел довольно скромно в сравнении с убранством и техническим оснащением тронного зала времен Македонской династии, столь впечатлившие некогда Лиутпранда Кремонского [25, р. 147, VI, 5]. После того как Тафур рассказал о цели своего визита, император расспросил «о новостях в латинских землях, и правителях их, в особенности о короле Испании, моем господине, и о здоровье его, и о войне с маврами, и обо всем отвечал я ему, что знал, и с тем и ушел от него, и отправился домой» [11, с. 140]. Вероятно, подобным образом, с соблюдением всех формальностей (извещение двора о прибытии миссии, встреча послов императорскими сановниками, участие в церковной службе, официальная встреча и беседа с василевсом) было принято посольство де Ланнуа. Во время аудиенции бургундский посол вручил императорам привезенные подарки (какие, он не указал), а также письма, в которых сообщалось о заключенном между Карлом VI и Генрихом V мирном договоре и поднимался вопрос об унии церковей. В то же самое время при византийском дворе находилась делегация папского престола, поэтому в течение следующих нескольких дней де Ланнуа, как он вскользь отмечает, участвовал в обсуждении при дворе унитарского вопроса: «на протяжении нескольких дней при названных императорах я занимался этим (обсуждением унии. — Т. К.) с послами папы, которые были тогда там по этому поводу» [29, р. 65].

Если сравнить «классический» прием иностранных миссий, подробно изложенный в

«Трактате о церемониях» Константина VII Багрянородного [16, р. 570.11–582.14], с описаниями, приведенными Клавихо и фрагментарно представленными де Ланнуа и Тафуром, то следует отметить, что во времена Палеологов он претерпел, при сохранении общей сценарной канвы, определенные изменения, выразившиеся в меньшей помпезности встречи посольства, в отсутствии декоративного убранства по пути следования делегации и демонстративной роскоши, в более камерном характере аудиенции. Обедневшая империя не могла позволить себе устраивать пышные приемы только ради того, чтобы «пустить пыль в глаза» иностранцам. Однако все этапы (от встречи прибывших послов специальным эскортом до официального приема в тронном зале) были строго регламентированы и соответствовали выработанным столетиями правилам византийского дипломатического этикета. Хотя де Ланнуа и не говорит об этом прямо, вряд ли от его взора ускользнула подчеркнутая церемониальность императорской аудиенции, отличавшая эту встречу от официальных приемов при дворах других христианских правителей.

За официальными встречами следовали вполне традиционные развлечения: вместе с молодым императором де Ланнуа несколько раз выезжал на охоту в предместье Константинополя; там же «в полях» был устроен и обед. В этом смысле неформальный прием иностранцев в Византии не отличался от того, что получил де Ланнуа в других землях.

Но в программу пребывания посольства входило и чисто «византийское» развлечение для иноземцев – экскурсия по Константинополю. Де Ланнуа упоминает, что ему показали «чудеса и древности города и церквей» [29, р. 65]. Хотя он и не сообщает о местах, где побывал, но, вероятно, главные достопримечательности столицы он видел. Судя по сообщениям путешественников XIV–XV вв., иностранцам обычно показывали как минимум храм Св. Софии, площадь Августейон, Ипподром, церковь Богородицы Влахернской, монастырь Пантократора – именно они являлись зримым воплощением «культурного и сакрального величия Византии» [15, S. 147]. Увиденные воочию «чудеса и древности» Константинополя лучше слов убеждали гостей в ци-

визационном превосходстве греков, а осмотр города в сопровождении гидов обеспечивал своеобразный контроль над восприятием иностранцами имперской столицы.

Сильное впечатление на посла произвели реликвии, которые ему лично показал император Мануил II. Для европейцев Константинополь времени Палеологов все также оставался важным религиозным центром, обладавшим большим количеством христианских святынь. В сопровождении императора бургундский рыцарь побывал в неназванном месте, где хранились бесценные реликвии. Де Ланнуа упомянул лишь копьё Лонгина («железо святого копья») [29, р. 65], но, вероятно, видел он и другие святыни. Названное в травелоге «железо святого копья» позволяет предположить, что путешественник посетил монастырь св. Иоанна Продрома в Петре, в котором тогда находились реликвии Страстей Господних [26, р. 393]. Так, городские достопримечательности и уникальные реликвии, которые византийцы целенаправленно показывали послам, формировали у иностранцев образ великой империи, занимающей особое место в христианском мире.

Тому служили и дары императора⁷. Накануне отъезда посла Мануил II Палеолог вручил ему 32 локтя белого бархата и золотой реликварий. Эти подношения в количественном отношении выглядят, на первый взгляд, гораздо скромнее тех, которые де Ланнуа получил при других дворах. Скромными они кажутся и в сравнении с теми, которыми одаривали византийские императоры столетиями ранее [14, S. 17–18]. Так, в качестве императорского дара Оттон Великий (962–973) получил золотые, серебряные и медные вазы, стеклянные сосуды, изделия из слоновой кости, ковры, бальзамы, специи, экзотических животных [33, S. 129]. В палеологовское время, когда империя находилась в плачевном финансовом положении, ее правитель уже не мог позволить себе проявлять прежнюю щедрость и быть расточительным. Однако, несмотря на ограниченное количество полученных де Ланнуа от императора подарков, их ценность (и материальная, и символическая) все же была высока.

Текстиль всегда входил в традиционный набор императорских даров – он подчеркивал

лидерство империи в производстве изысканных тканей [15, S. 138–139; 28]. И хотя в XIV–XV вв. эта отрасль византийской экономики пришла в упадок, Константинополь продолжал оставаться крупным центром торговли дорогими тканями иностранного производства. Потому большой отрез дорогого бархата считался ценным подношением. Однако самым уникальным подарком, затмившим все другие, ранее полученные де Ланнуа, стал золотой реликварий. Он был выполнен в виде креста и украшен большой жемчужиной. В нем находились фрагменты святых, помещенные туда по личному распоряжению императора: «от одежды нашего Господа (de la robe Nostre Seigneur Igrisorgia), от плащаницы нашего Господа, от рубахи Богоматери, от мощей святого Стефана и святого Феодора, на каждой части по-гречески написано название каждой реликвии» [29, p. 65–66]. Таким образом, в реликварии хранились особо почитаемые в христианском мире святые, связанные с культом Христа и Богоматери. Подобные дары, недвусмысленно указывавшие на сакральность империи и императорской власти [14, S. 21], прежде вручались императором лишь в исключительных случаях как знак особого отличия [23, p. 287, 301]. Но в поздневизантийские времена ситуация изменилась. Мануил II Палеолог, будучи ограничен в материальных средствах, превратил реликвии – последнюю ценность, которой еще обладала империя – в инструмент дипломатии [27, p. 268; 32, p. 63]. Он стал широко использовать святые в качестве дипломатических даров, как плату за союзничество или залог за финансовую и военную помощь [6, с. 165]. Так, преподнесенный де Ланнуа реликварий служит подтверждением произошедших изменений в византийской дипломатической практике.

Именно этот императорский подарок Жильбер де Ланнуа посчитал самым ценным из всех полученных за время поездки. Ее ценность для посла имела не столько материальное, сколько духовное выражение – как благочестивый христианин, он понимал, обладателем какого сокровища стал. Вернувшись на родину, он поместил реликварий «в серебряного ангела и передал в нашу капеллу Св. Петра в Лилле» [29, p. 66]. Наградой за столь щед-

рый дар церкви стало отпущение ему грехов на семь лет.

Результаты. В целом общая канва приема иностранца при византийском дворе Палеологов выглядит вполне стандартной – подобные почести оказывались на всем пути следования посольства. Однако византийская дипломатическая практика, формировавшаяся на протяжении многих столетий и сохранявшая свою актуальность даже в период угасания империи, имела ряд отличительных особенностей, не ускользнувших от взора посла и заставивших его говорить об «обычае греческой земли» как отличном от других. Оказавшись в столице империи, Жильбер де Ланнуа столкнулся с иной традицией, явленной в отдельных моментах приема иностранной делегации. Официальная аудиенция, подчиненная строго выверенному церемониальному ритуалу, экскурсия по городским достопримечательностям под бдительным присмотром гидов, уникальные реликвии, доверительно показанные самим императором, дары, символическая ценность которых не шла в сравнение с другими подарками, – все это не могло не произвести впечатления на бургундца. Византийский дипломатический прием был призван убедить иностранных послов в сакральном и культурном превосходстве греков, внушить им мысль о том, что империя, несмотря на трудные времена, сохраняет особое цивилизационное положение в христианском мире. Кажется, в случае с де Ланнуа, эта цель была достигнута. Византия, несмотря на то, что за церемониальным фасадом скрывалось ее бедственное положение, продолжала создавать у иностранцев представление о своем культурном и политическом величии, культивируя в европейском сознании «золотой миф» о себе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее полное представление о сложившейся в империи церемонии приема иностранных миссий дают источники времени правления Македонской династии, когда империя переживала период расцвета. Этот вопрос хорошо освещен в научной литературе, см.: [19; 20; 24; 34, S. 197–201].

² Сочинение Жильбера де Ланнуа цитируется по изданию, выполненному Ш. Потвеном [29].

Я также обращалась к русскому переводу Д.Н. Черкасова [12], но вносила в него коррективы.

³ См. также расчеты А.Л. Пономарева, подтверждающие это предположение: [10, с. 164].

⁴ Бургундский рыцарь называет Иоанна VIII «молодым императором».

⁵ Ф.К. Брун переводит несколько иначе: «казанные императоры оказали мне почести и угощали, по обычаю Греческой страны» [1, с. 444].

⁶ Вероятно, де Ланнуа так назвал бивни моржей, см.: [12, с. 230, сн. 265].

⁷ О роли даров в византийской дипломатической практике см.: [3; 14; 17; 31; 33].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брун, Ф. К. Путешествия и посольства господина Гилльбера де Ланнуа, кавалера Золотого Руна, владельца Санга, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени; в 1399–1550 годах / Ф. К. Брун // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1853. – Т. 3. – С. 433–465.
2. Васильев, А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе / А. А. Васильев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – Ч. XXXIX, май. – С. 41–78.
3. Виноградов, А. Ю. Византийские подарки кавказским правителям: дань и подданство / А. Ю. Виноградов // На языке даров: Правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 / отв. ред. Г. Альтхоф, М. А. Бойцов. – М.: Полит. энцикл., 2016. – С. 40–54.
4. Клавихо, Р. Г. де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Р. Г. де Клавихо; пер. со староисп., предисл. и коммент. И. М. Мироковой. – М.: Наука, 1990. – 211 с.
5. Кудрявцев, О. Ф. Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси / О. Ф. Кудрявцев // Родина. – 2003. – № 12. – С. 76–79.
6. Куш, Т. В. Туника Христа и драгоценности короны: реликвии в византийской дипломатии XIV века / Т. В. Куш // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 161–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.14>
7. Мунд, С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et Ambassades рыцаря Гильбера де Ланнуа / С. Мунд // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 1 (7). – С. 47–50.
8. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.
9. Поляковская, М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / М. А. Поляковская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 334 с.
10. Пономарев, А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы / А. Л. Пономарев // Золотоордынское обозрение. – 2013. – Т. 2. – С. 158–190.
11. Тафур, П. Странствия и путешествия / П. Тафур; пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. – М.: Индрик, 2006. – 296 с.
12. Черкасов, Д. Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Д. Н. Черкасов // Studia Historica Europae Orientalis. – 2015. – № 8. – С. 195–241.
13. Angold, M. The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of Western Travellers / M. Angold // Travel in the Byzantine World: Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000 / ed. R. Macrides. – Ashgate: Variorum, 2002. – P. 213–233.
14. Bauer, F. A. Byzantinische Geschenkdiplomatie / F. A. Bauer // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. T. 3: Peripherie und Nachbarschaft. – Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2010. – S. 1–55.
15. Bauer, F. A. Potentieller Besitz. Geschenke im Rahmen des byzantinischen Kaiserzeremoniells / F. A. Bauer // Visualisierungen von Herrschaft / hrsg. von F. A. Bauer. – Istanbul: Ege Yayınları, 2006. – S. 135–169. – (Byzas; Vol. 5).
16. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae. T. 1 / ed. J. J. Reiske. – Bonn: Imp. E. Weber, 1829. – 807 p.
17. Culter, A. Gifts and Gifts Exchange as Aspects of the Byzantine, Arab, and Related Economies / A. Culter // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2001. – Vol. 55. – P. 247–278.
18. Dendrinis, Ch. Manuel II Palaeologus in Paris (1400–1402): Theology, Diplomacy and Politics / Ch. Dendrinis // *Greeks, Latins, and Intellectual History, 1204–1500* / ed. M. Hinterberger, Ch. Schabel. – Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2011. – P. 397–422.
19. Drocourt, N. Ambassadeurs étrangers à Constantinople: moyens de contacts, d'échanges et de connaissances partielles du monde byzantin (VIIIe–XIIe siècles) / N. Drocourt // *Espaces d'échanges en Méditerranée. Antiquité et Moyen Âge* / sous la dir. de F. Clément. J. V. Tolan, J. Wilgaux. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2006. – P. 107–134.
20. Featherstone, J. M. Δι' Ἐνδειξίῃν: Display in Court Ceremonial (De Cerimoniis II, 15) / J. M. Featherstone // *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser* / ed. A. Cutler, A. Papaconstantinou. – Leiden: Brill, 2008. – P. 75–112.

21. Halecki, O. Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe / O. Halecki // *Bulletin of the Polish Institute of Arts & Sciences in America*. – 1944. – Vol. 2, № 2. – P. 314–331.

22. Jorga, N. *Geschichte des Osmanischen Reiches*. Bd. 1: Bis 1451 / N. Jorga. – Gotha, F.A. Perthes, 1908. – 486 S.

23. Klein, H. A. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West / H. A. Klein // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2004. – Vol. 58. – P. 283–314.

24. Kresten, O. “Staatsempfänge” im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jahrhunderts : Beobachtungen zu Kapitel II 15 des sogenannten “Zeremonienbuchs” / O. Kresten. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2000. – 61 S.

25. *Liudprandi Cremonensis opera omnia* / éd. P. Chiesa. – Turnhout : Brepols, 1998. – 234 p.

26. Majeska, G. Russian Pilgrims and the Relics of Constantinople / G. Majeska // *Восточнохристианские реликвии* / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – P. 387–397.

27. Mergiali-Sahas, S. An Ultimate Wealth for Inauspicious Times: Holy Relics in Rescue of Manuel II Palaeologus' Reign / S. Mergiali-Sahas // *Byzantium*. – 2006. – Vol. 86. – P. 264–275.

28. Muthesius, A. Essential Processes, Looms, and Technical Aspects of Production of Silk Textiles / A. Muthesius // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* / ed. A. Laiou. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. – P. 147–168.

29. *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste* / rec. et publ. par Ch. Potvin. – Louvain : Impr. de P. et J. Lefever, 1878. – 551 p.

30. Quarré-Reybourbon, L. La vie, les voyages et aventures de Gilbert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle / L. Quarré-Reybourbon. – Lille : Quarré, libraire-éditeur, 1890. – 34 p.

31. Schreiner, P. Diplomatische Geschenke zwischen Byzanz und dem Westen, ca. 800–1200: Eine Analyse der Texte mit Quellenanhang / P. Schreiner // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2004. – Vol. 58. – S. 251–281.

32. Shepard, J. Imperial Constantinople : Relics, Palaiologan Emperors, and the Resilience of the Exemplary Centre / J. Shepard // *Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean World after 1150* / ed. J. Harris, C. Holmes, E. Russell. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 61–92.

33. Tinnfeld, F. Mira varietas. Exquisite Geschenke byzantinischer Gesandtschaften in ihrem politischen Kontext / F. Tinnfeld // *Mitteilungen zur Spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte*. – 2005. – T. 4. – S. 121–137.

34. Treitinger, O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell / O. Treitinger. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. – 246 S.

REFERENCES

1. Brun F.K. Puteshestviya i posolstva gospodina Gillbera de Lannua, kavlera Zolotogo Runa, vladeltsa Santa, Villervalya, Tronsh³ena, Bomona, Vageni; v 1399–1550 godakh [Travels and Embassies of Monsieur Gilbert de Lannoy, Knight of the Golden Fleece, Owner of Santa, Villerval, Tronchien, Beaumont, Wagueny; in 1399–1550]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities], 1853, vol. 3, pp. 433–465.

2. Vasilyev A.A. Puteshestvie vizantiyskogo imperatora Manuila II Paleologa po Zapadnoy Evrope [Journey of the Byzantine Emperor Manuel II Palaiologos in Western Europe]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [People's Education Ministry Journal], 1912, pt. 39, May, pp. 41–78.

3. Vinogradov A.Yu. Vizantiyskie podarki kavkazskim pravatelyam: dan i poddanstvo [Byzantine Gifts to the Caucasian Rulers: Tribute and Citizenship]. Altkhof G, Boytsov M.A., eds. *Nazyazyke darov: Pravila simvolicheskoy kommunikatsii v Evrope. 1000–1700* [In the Language of Gifts: Rules of Symbolic Communication in Europe. 1000–1700]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2016, pp. 40–54.

4. Klavikho R.G. de. *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406)* [Diary of a Journey to Samarkand to the Court of Timur (1403–1406)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 211 p.

5. Kudryavtsev O.F. Velikaya Rus rytsarya de Lannoa. Pervoe Zapadnoe opisanie Rusi [Great Russia of the Knight de Lannoa. The First Western Description of Russia]. *Rodina* [Motherland], 2003, no. 12, pp. 76–79.

6. Kushch T.V. Tunika Khrista i dragotsennosti korony: Relikvii v vizantiyskoy diplomatii XIV veka [The Tunic of Christ and the Crown Jewels: Relics in the Byzantine Diplomacy of the Fourteenth Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 161–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.14>

7. Mund S. Opisanie Novgoroda i Pskova v memuarakh Voyages et Ambassades rytsarya Gilbera de Lannua [Description of Novgorod and Pskov in the Voyages et Ambassades Memoirs of Knight Gilbert de Lannoy]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*

[Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2002, no. 1 (7), pp. 47-50.

8. Papilova E.V. Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a Humanitarian Discipline]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State University for the Humanities after M.A. Sholokhov. Philological Sciences], 2011, no. 4, pp. 31-40.

9. Polyakovskaya M.A. *Vizantiyskiy dvortovyy tseremonial XIV v.: «teatr vlasti»* [Byzantine Palace Ceremonial of the Fourteenth Century: "The Theater of Power"]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2011. 334 p.

10. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheystva Kaffy [First Khans of Crimea: Chronology of the Troubles of the 1420s in the Accounts of the Genoese Treasury of Kaffa]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2013, vol. 2, pp. 158-190.

11. Tafur P. *Stranstviya i puteshestviya* [Wanderings and Journeys]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 296 p.

12. Cherkasov D.N. Zhilber de Lannua i ego «Voyages et ambassades» [Gilbert de Lannoy and His "Voyages et ambassades"]. *Studia Historica Europae Orientalis*, 2015, no. 8, pp. 195-241.

13. Angold M. The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of Western Travellers. Macrides R., ed. *Travel in the Byzantine World: Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000*. Ashgate, Variorum, 2002, pp. 213-233.

14. Bauer F.A. Byzantinische Geschenkdiplo-matie. *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. T. 3. Peripherie und Nachbarschaft*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentrallmuseums, 2010, S. 1-55.

15. Bauer F.A. Potentieller Besitz. Geschenke im Rahmen des byzantinischen Kaiserzeremoniells. Bauer F.A., ed. *Visualisierungen von Herrschaft*. Istanbul, Ege Yayınları, 2006, S. 135-169. (Byzas; vol. 5).

16. Reiske J.J., ed. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae. Vol. 1*. Bonn, Imp. E. Weber, 1829. 807 p.

17. Culter A. Gifts and Gifts Exchange as Aspects of the Byzantine, Arab, and Related Economies. *Dumbarton Oaks Papers*, 2001, vol. 55, pp. 247-278.

18. Dendrinou Ch. Manuel II Palaeologus in Paris (1400–1402): Theology, Diplomacy and Politics. Hinterberger M., Schabel Ch., eds. *Greeks, Latins, and Intellectual History, 1204–1500*. Leuven; Paris; Walpole, Peeters, 2011, pp. 397-422.

19. Drocourt N. Ambassadeurs étrangers à Constantinople: moyens de contacts, d'échanges et

de connaissances partielles du monde byzantin (VIIIe–XIIe siècles). Clément F., Tolan J.V., Wilgaux J., eds. *Espaces d'échanges en Méditerranée. Antiquité et Moyen Âge*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2006, pp. 107-134.

20. Featherstone J.M. Di' endeixin: Display in Court Ceremonial (De Cerimoniis II,15). Cutler A., Papaconstantinou A., eds. *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser*. Leiden, Brill, 2008, pp. 75-112.

21. Halecki O. Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe. *Bulletin of the Polish Institute of Arts & Sciences in America*, 1944, vol. 2, no. 2, pp. 314-331.

22. Jorga N. *Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 1: Bis 1451*. Gotha, F.A. Perthes, 1908. 486 S.

23. Klein H.A. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries Between Byzantium and the West. *Dumbarton Oaks Papers*, 2004, vol. 58, pp. 283-314.

24. Kresten O. "Staatsempfänge" im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jahrhunderts. *Beobachtungen zu Kapitel II 15 des sogenannten "Zeremonienbuchs"*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2000. 61 S.

25. Chiesa P., ed. *Liudprandi Cremonensis opera omnia*. Turnhout, Brepols, 1998. 234 p.

26. Majeska G. Russian Pilgrims and the Relics of Constantinople. Lidov A.M., ed. *Vostochnokhristianskie relikvii* [Eastern Christian Relics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003, pp. 387-397.

27. Mergiali-Sahas S. An Ultimate Wealth for Inauspicious Times: Holy Relics in Rescue of Manuel II Palaeologus' Reign. *Byzantion*, 2006, vol. 86, pp. 264-275.

28. Muthesius A. Essential Processes, Looms, and Technical Aspects of Production of Silk Textiles. Laiou A. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 147-168.

29. Potvin Ch., ed. *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste*. Louvain, Impr. de P. et J. Lefever, 1878. 551 p.

30. Quarré-Reybourbon L. *La vie, les voyages et aventures de Gilbert de Lannoy, chevalier lillois, au XIVe siècle*. Lille, Quarré, libraire-éditeur, 1890. 34 p.

31. Schreiner P. Diplomatische Geschenke zwischen Byzanz und dem Westen, ca. 800–1200: Eine Analyse der Texte mit Quellenanhang. *Dumbarton Oaks Papers*, 2004, vol. 58, S. 251-281.

32. Shepard J. Imperial Constantinople. Relics, Palaiologan Emperors, and the Resilience of the Exemplary Centre. Harris J., Holmes C., Russell E.,

eds. *Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean World after 1150*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 61-92.

33. Tinnefeld F. *Mira varietas. Exquisite Geschenke byzantinischer Gesandtschaften in ihrem politischen Kontext. Mitteilungen zur Mitteilungen*

zur Spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte, 2005, vol. 4, S. 121-137.

34. Treitinger O. *Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. 246 p.

Information About the Author

Tatiana V. Kushch, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Кушч, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.24>UDC 94“1464/1502”(37)
LBC 63.3(0)4-91Submitted: 13.07.2021
Accepted: 08.11.2022

A WORTHLESS PRINCE? ANDREAS PALAIOLOGOS IN ROME 1464–1502: THE RENEWED VERSION¹

Jonathan Harris

Royal Holloway, University of London, United Kingdom

Abstract. Andreas Palaiologos (1453–1502), the nephew of Emperor Constantine XI and claimant to the Byzantine imperial title from exile in Rome, has been dismissed by historians as an insignificant person who spent most of his life in poverty thanks to his own improvidence. This article exploits documentation from the Archivio Segreto Vaticano, the Archivio di Stato di Venezia and other archive collections to demonstrate that many of the charges made against him by contemporaries cannot be substantiated. There were other reasons behind his financial difficulties, such as the constant curtailment of his pension and his need to support other émigré Byzantines who formed his household. In view of that, his activities need to be reassessed. Looked at dispassionately, they can be seen as a continuation of a policy pursued by Byzantine emperors and their advisers since the second half of the fourteenth century. They had consistently sought to enrol the assistance of Russia and the Christian West against the Ottoman Turks. Three of them, John V, Manuel II and John VIII had travelled to Italy and beyond to negotiate this assistance in person and their envoys had ranged much further afield. Their appeals did give rise to two crusades against the Ottomans in 1395 and 1443 but they were unable to save Constantinople in 1453. Nevertheless, Andreas' travels to Western courts and to Russia should be seen in the light of those made by his forebears. Similarly, his attempts to organise armed incursions into Ottoman territory and his adoption of the imperial title were not the products of delusion or mere affectation but a claim to leadership among Balkan exiles in the West.

Key words: Byzantine Empire, Papacy, Greek diaspora, Ottoman Empire.

Citation. Harris J. A Worthless Prince? Andreas Palaiologos in Rome 1464–1502: The Renewed Version. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 368–383. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.24>

УДК 94“1464/1502”(37)
ББК 63.3(0)4-91Дата поступления статьи: 13.07.2021
Дата принятия статьи: 08.11.2022

ЖАЛКИЙ ПРИНЦ? АНДРЕЙ ПАЛЕОЛОГ В РИМЕ (1464–1502 гг.): ОБНОВЛЕННАЯ ВЕРСИЯ¹

Джонатан Харрис

Ройял Холлоуэй, Лондонский университет, Соединенное Королевство

Аннотация. Андрей Палеолог (1453–1502 гг.), племянник императора Константина XI Палеолога, претендовавший во времена своей ссылки в Рим на византийский императорский титул, проигнорирован современными историками, будучи воспринят как незначительная историческая фигура: он провел большую часть своей жизни в крайней бедности из-за своей недалекости и расточительности. Существовали иные причины его финансовых трудностей, такие как постоянное уменьшение его пенсионации и необходимость поддерживать тех своих эмигрировавших соотечественников, кто формировал его ближайшее окружение. Ввиду этого вся деятельность Андрея Палеолога нуждается в переоценке. Рассмотренная беспристрастно общественная деятельность названного претендента на императорский престол может быть признана как продолжение политики, преследуемой византийскими императорами и их советниками со второй половины XIV столетия. Они всегда искали возможность заручиться поддержкой России и Христианского Запада в борьбе против Оттоманских турок. Трое из византийских императоров Иоанн V, Мануил II и

Иоанн VIII совершили путешествия в Италию и за ее пределы, для того чтобы получить такую поддержку или лично, или при посредстве доверенных посланцев, коих было гораздо больше. Их призывы положили начало двум крестовым походам, 1395 г. и 1443 г., против турок. Но крестоносцы оказались неспособны спасти Константинополь в 1453 году. Тем не менее поездки Андрея Палеолога к западным дворам и в Россию следовало бы рассматривать в свете тех попыток, которые совершали его предшественники. Подобно их устремлениям, старания Андрея Палеолога организовать вооруженные нападения на оттоманскую территорию и признание его императорского титула были результатом не простого заблуждения или претенциозности, а претензией на лидерство среди балканских изгнанников на Западе.

Ключевые слова: Византийская империя, папство, греческая диаспора, Оттоманская империя.

Цитирование. Харрис Дж. Жалкий принц? Андрей Палеолог в Риме (1464–1502 гг.): обновленная версия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 368–383. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.24>

Введение. Андрей Палеолог, претендент на византийский трон, умер в изгнании в Риме в 1502 г., не оставив доброй памяти у последующих поколений. В Андрее видели главным образом безнравственного и расточительного кутилу, который, проматывая щедрый папский пенсион, вел распутный образ жизни и опустился до бедности. В результате карьера Андрея Палеолога оказалась безуспешной и малозначимой. Викторианский ученый Джорж Финлей (1799–1865 гг.) заключил, что судьба Андрея Палеолога «едва ли заслужила внимания истории, если бы человечество не обладало нездоровым любопытством, касающимся фортуны наиболее ничтожных принцев» («hardly merits the attention of history, were it not that mankind has a morbid curiosity concerning the fortunes of the most worthless princes») [50, p. 267]. Вплоть до сегодняшнего дня никто не посмел поставить это суждение под сомнение [82, p. 454; 102, pp. 182–184; 110, pp. 290–297; 107, p. 462; 87, pp. 114–116; 88, pp. 400–401].

Данное исследование нацелено на то, чтобы отступить от негативного образа Андрея Палеолога двояким путем. Во-первых, на основе свидетельств, извлеченных из папских архивов. Они подкрепляют мнение о том, что существовали иные причины финансовых трудностей изгнанного принца, которые лежали в стороне от представлений о его собственной расточительности. Изображение Андрея как никчемного транжиры ни в коем случае нельзя считать совершенно справедливым. Во-вторых, с этой точки зрения, было бы неправильно пренебрегать Андреем Палеологом, словно ничего не значившим примечанием к истории. Годы его изгнания в Риме фак-

тически представляют продолжение политики, которой следовала семья Палеологов на протяжении столетия, и знаменуют собой ее окончательный провал.

«Calamita» и «miseria» Андрея Палеолога. Отталкивающую «славу» Андрея усугубляло и поведение его отца, Фомы (Томы) Палеолога (1409–1465 гг.). Он правил частью Мореи в 1428–1460 гг. в качестве деспота. Но его постоянная междоусобица с братом и соправителем Димитрием имела лишь одно следствие: она открывала территорию для турецкого вторжения. Фома вместе с семьей, вынужденный бежать на остров Корфу, находившийся под венецианским управлением ([53, pp. 152–153, 158–167]; также см.: [57, pp. 240–241]), затем отправился в путешествие в Рим (1461 г.), чтобы отдаться на милость папе Пию II. Несмотря на благожелательный прием, Фома не был способен вернуть утраченные владения и умер, находясь в изгнании, в Риме в мае 1465 г. ([53, pp. 164–169; 97, pp. 86–87]; также см.: [94, p. 403, Append. no. 43] ²).

Это все, конечно, имело мало отношения к Андрею, который во время падения Мореи был семилетним ребенком ³. В 1465 г. он был отправлен в путешествие с Корфу в Рим вместе со своими младшими братом и сестрой, Мануилом (1455–1512 гг.) и Зоей (ок. 1455–1503 гг.). Поскольку ко времени прибытия в Рим их отец уже скончался, дети были переданы под опеку кардинала Виссариона (1403–1472 гг.), который сам являлся эмигрантом из бывшей Византийской империи [53, pp. 170–171, 174–175; 92, pp. 284–291; 83, S. 531–536] ⁴. Именно Виссарион обеспечил обучение и занимался устройством брака Зои, названной в

России Софьей, с Великим князем Иваном III (1462–1505 гг.) в июне 1472 года⁵.

По-видимому, финансовые трудности, которые преследовали карьеру Андрея, начались, когда он лишился покровительства Виссариона в связи с его кончиной через несколько месяцев после брака Зои⁶. К 1475 г. Андрей предложил купить свои права на троны Трапезунда и Константинополя неапольскому королю, бургундскому герцогу⁷ и, возможно, герцогу Милана Галеаццо Мариа Сфорца, вероятно, рассчитывая найти покупателя, который предложил бы наивысшую цену⁸. Мануил, младший брат Андрея, оставшийся без титулов, которые можно было бы продать, покинул Рим в начале 1474 г., чтобы предложить свои услуги европейским правителям⁹. К ноябрю Мануил находился уже в Милане, где, предполагая, что поступит на службу миланского герцога благодаря своим воинским навыкам, вручил Галеаццо Мариа Сфорца рекомендательное письмо от папы Сикста IV (1471–1484 гг.) ([12, f. 92]; также см.: [98, p. 217; 92, pp. 308–309])¹⁰. Мануил Палеолог, кажется, не получил удовлетворительного предложения в Милане и на следующий год направился в замок Водемон Лотарингский. Здесь Мануил, в надежде поступить на службу, был представлен бургундскому герцогу Карлу Смелому (1433–1477 гг.). Он предложил Мануилу месячное содержание в сотню экю, но тот отклонил это приглашение, потому что названной денежной суммы было недостаточно для содержания собственной свиты. Вскоре после этого Мануил вернулся в Рим¹¹. Однако там он оставался недолго. Мануил был побуждаем, согласно хронисту Феодору Спандунино, «величайшим бедствием и нищетой» («grandissima calamità et miseria»), в которой жил его старший брат, и снова покинул Рим весной 1476 года. Тогда он направился на Восток ко двору султана Мехмеда II (1432–1481 гг.) в Константинополе. Тут, в противоположность приему в Милане и Бургундии, Мануил был щедро вознагражден Мехмедом. Мануил Палеолог оставался в Османской столице до конца своей жизни, до 1512 года¹².

Вопрос в том, что служило причиной для Андрея и Мануила терпеть такие финансовые трудности, что вынудило первого предложить продать унаследованные им титулы, а друго-

го скитаться по Европе в поисках службы? Существует мнение по крайней мере одного современника и писателя будущего поколения о том, что Андрея одного следовало винить в их с братом затруднительном положении. Около 1538 г. Феодор (Теодор) Спандунино, сравнивая Андрея с его братом в неблагоприятном свете, признавал, что Мануил превосходил своего брата в природных способностях, благоразумии, «всякой» добродетели и нравах («superava il fratello non solamente in ingenio et prudentia ma anchora de ogni altra virtù et costume...») [109, p. 157]. И Якопо Жерарди да Вольтерра (1434–1516 гг.) написал в 1481 г. в своем дневнике о том, что финансовые проблемы Андрея стали результатом полного истощения его папского пенсионера «из-за чрезмерных расходов на распутные любовные похождения и удовольствия» («Maior autem cum nimis meretricio amori et voluptatibus indulisset, pecuniam omnem consumpsit que singulis mensibus pontificio erario sibi numerabatur») [65, p. 81]. Критический тон и Жерарди да Вольтерра, и Феодора Спандунино нашел отзвук у современных историков и писателей, однако должно сказать, что малое из того имеет достаточное основание.

Каждый современный рассказ об Андрее ссылается на его брак с «некоей персоной низкого происхождения и легких нравов», если воспользоваться словами греческого ученого Д.А. Закитиноса как главного доказательства общего несоответствия такого мнения [110, pp. 292–293]¹³. На самом деле об этом мезальянсе не упоминает никто из современников или ближайших к тому времени писателей, даже сам Жерарди да Вольтерра. У Андрея Палеолога действительно была супруга по имени Катарина, но нам известно о ней по единственному ее упоминанию в регистрационных книгах входящей и исходящей документации «*Introitus et Exitus*» Апостольской Палаты Святого Престола. Соответствующая запись указывает только первое имя женщины и не содержит никаких подробностей о ней ([18, f. 126v (orig. 207v)]; также см.: [54, S. 292]). Наиболее ранняя аллюзия на супругу Андрея Палеолога, приписывавшая ей плохую характеристику («*Verum stirpis suae et antique nobilitatis ducta in conjugem Graeca vilique meretrice...*»), создана в XVII в.

французским византинистом Шарлем Дюканжем (1610–1688 гг.)¹⁴. Таким образом, его историю надлежит оценивать словами завещания Андрея Палеолога как «бездоказательную устную традицию» [47, S. 138–143, esp. 138].

Сомнительное доказательство морганатического альянса Андрея Палеолога подрывает выдвинутое Д.А. Закитиным и другими учеными заявление о том, что этот брак стал причиной бедности византийского наследника: якобы папа Сикст IV сократил пенсию своего протеже в раздражении на его поведение, заставив его отправиться в Россию, пока скандал не утихнет [110, p. 293; 88, p. 400]. Но записи Апостольской Палаты раскрывают совсем иную историю. Сикст IV фактически выплачивал Андрею его пенсию в течение двух лет до декабря 1479 г. и тем самым покрыл, по-видимому, период поездки в Россию [5, f. 31]¹⁵. Более того, в своем письме папа уверял Андрея Палеолога в том, что ежегодная рента ему будет выплачиваться в том же самом размере после его возвращения [24, ff. 183–183v]¹⁶. Мораль такова, что оскорбительные обвинения против публичных фигур следовало бы всегда рассматривать с осторожностью. После всего сам Сикст IV был обвинен своими современниками во многих худших преступлениях. Тем не менее в его случае инсинуации не получили столь широкого доверия ([108, p. 155]; также см.: [107, p. 380, n. 56]).

Если безнравственность и сумасбродство не было причиной трудностей Андрея Палеолога, тогда что? Тут нельзя отрицать того, что он ездил в Россию в 1480 г. просить подаяния у своей сестры Зои, или Софии, как она стала известна. Зоя позднее жаловалась на то, что у нее не осталось драгоценностей, потому что их все она отдала своему брату [49, pp. 313–314]¹⁷. Собственное мотовство заметно усиливало проблемы Андрея Палеолога, но их коренная причина восходила к его казначею, римскому папе. Он, на первый взгляд, был довольно щедр к детям Фомы Палеолога. Так, приняв их в 1465 г., папа Павел II (1464–1471 гг.) одарил отпрысков Фомы таким же пенсионом, что был установлен для их отца, а Андрея Палеолога признал в качестве полноправного деспота Мореи [53, pp. 176–177; 48, p. 59]. Преемник папы

Павла II, Сикст IV, снабдил Зою по случаю ее брака приданым в шесть тысяч дукатов, а Андрею предоставил дом на Марсовом поле («Кампо-Марцио») в Риме [23, ff. 89v–91; 25, ff. 314–314v (orig. 316–316v); 3, f. 264]; также см.: [92, p. 307; 107, p. 319]¹⁸. Панегиристы восхваляли папскую щедрость, а Сикст IV зашел столь далеко, что запечатлел свои добрые деяния на фресках римской больницы Св. Духа в Сассии (Ospedale di Santo Spirito in Sassia)¹⁹. Более поздние писатели приняли эту версию и даже преувеличили ее сведения, а один из них дошел до того, что сказал, будто бы Сикст одарил Андрея Палеолога ежегодным денежным содержанием в восемь тысяч дукатов [55, p. 847]. В действительности такая похвала не была оправдана.

Пенсион, который первоначально назначил папа Пий II (1458–1464 гг.) Фоме Палеологу в 1461 г., составлял три тысячи шестьсот дукатов в год. Он выплачивался ежемесячными взносами по три сотни дукатов, к которым кардиналы прибавляли на две сотни больше в месяц ([4, ff. 121v, 124v; 97, pp. 86–87]; также см.: [54, S. 292]). Хотя это выглядело весьма щедро, византийский придворный Георгий Сфрандзи (1401–1477/1478 гг.) все же жаловался, что указанных выплат едва хватало, не потому что Фома Палеолог был небережлив, а потому что деспоту приходилось содержать не только себя, но также свой двор [53, pp. 170–171]. Что касается Андрея и Мануила Палеологов, их доля оказалась фактически уменьшена: несмотря на то что Павел II пожаловал им тот же самый пенсион, из сохранившихся счетов ясно вытекает, что указанная сумма должна была быть поделена между братьями²⁰. И никогда более не упоминалось о какой-либо доплате со стороны кардиналов.

В сравнении с суммами выплат самому Фоме пенсион его детей не только заметно уменьшился, но далеко не всегда уплачивался полностью. Пока они были маленькими и находились под опекой Виссариона, он отвечал за передачу ежемесячных платежей из папского казначейства юным протеже кардинала. И нет никакого сомнения в том, что его влияние становилось порукой тому, чтобы платежи регулярно продолжались²¹. После кончины кардинала Виссариона в 1472 г. положе-

ние дел, однако, быстро изменилось к худшему. За январь, февраль и март 1473 г., к примеру, братья получили в целом только шестьсот девяносто дукатов вместо ожидаемых девяти сотен²². Дальше было хуже. Едва Мануил покинул Рим в начале 1474 г., Сикст IV, принимая во внимание отсутствие одного из братьев, по-видимому, распорядился сократить их пенсион вдвое, и с этого времени выплачиваемая денежная сумма составляла всего лишь сто пятьдесят дукатов в месяц²³. В июле Сикст заверил Андрея, что его пенсия теперь, когда ему исполнился двадцать один год, будет по-прежнему выплачиваться в таком же размере. Однако ж Сикст даже не упоминал о Мануиле, хотя тот вернулся в Рим в начале 1476 г. ([21, ff. 122–123]; также см.: [92, p. 310]). Нет сомнения, что это упущение объясняет последовавший вскоре его отъезд в Константинополь.

В течение 1470-х гг. ежегодная рента Андрея Палеолога урезалась все чаще. Тогда как он получил обычные сто пятьдесят дукатов за июнь 1478 г., в ноябре сумма неожиданно упала до ста четырех дукатов. Запись во введении к расходной книге «*Liber dei Mandati*», где зарегистрирован этот платеж, обуславливает причину этого сокращения военными расходами папы: «*reductionem per s. dominum nostrum Papam propter instantes guerras factam*». Это урезание, обоснованное всегда идущими войнами, продолжалось на протяжении нескольких месяцев [5, ff. 15, 18v, 19, 20, 21v, 22v, 23v, 24v, 26v, 27]. Андрей Палеолог пострадал из-за обострения конфликта в Италии, последовавшего после убийства миланского герцога Галеаццо Мариа Сфорца в декабре 1476 года. Сикст IV неблагоразумно допустил, чтобы папство оказалось вовлеченным в это столкновение, когда он молчаливо поддержал покушение членом знатного семейства Пацци на убийство Лоренцо Медичи (1449–1492 гг.) в кафедральном соборе Флоренции 26 апреля 1478 года. Когда заговор не удался, Сикст IV был втянут в дорогостоящую войну против Флоренции, Венеции и Милана [77, pp. 38–40, 83–85; 79, pp. 187–196]²⁴. Как результат, папские расходы, включая пенсии, подверглись глубокой ревизии²⁵. Сроки упомянутой войны совпали с сокращением пенсион Андрея Палеолога

и его отъездом в Россию и должно быть, по крайней мере в некоторой степени, стали причиной жалкого внешнего вида летом 1481 г., как его описал Якопо Жерарди да Вольтерра и другие²⁶.

Окончание военных действий в декабре 1480 г. не принесло никаких улучшений в положении Андрея Палеолога. Напротив, оно даже ухудшилось в последний период жизни деспота, поскольку его денежное содержание продолжало уменьшаться. Оно выплачивалось в размере одной сотни дукатов на протяжении 1488–1489 гг., и часто выплаты опускались ниже этого²⁷. С восшествием на папский престол Александра VI (1492–1503 гг.) пенсион Андрея упал до ничтожных пятидесяти дукатов в месяц [9, f. 1c.]²⁸. Не удивительно, что право на получение пенсион пришлось внести в качестве условия в текст соглашения, исходя из которого Андрей Палеолог продал свои титулы в 1494 г. французскому королю Карлу VIII (1470–1498). Последний должен был использовать все свое влияние на римского папу для того, чтобы пенсионные платежи были подняты до прежнего уровня. Э. Лорео де Фонсемань (1694–1779 гг.) описывает: «...*Serenissimus Rex operam dabit, et faciet, et curabit omnibus favoribus, et cum omni instantia qua poterit, quod proviso, alias eidem illustri Domino dispoto tempore foelicis recordationis Sixti Papae IV. mille VIIIe (sic! – Дж. Хартис) Ducatorum annuatim solvendorum de pecuniis Cruciatæ constituta, eidem in futurum integraliter persolvetur*» [51, pp. 1–73, esp. 71–72].

Существовал, кроме того, и другой фактор, который содействовал бедности Андрея Палеолога. Стоит напомнить, что он поддерживал не только себя самого, но и многих лиц, которые составляли его двор, его «приближенных» («*familiares*»). Это особо подчеркивал Георгий Сфрандзи, когда он жаловался на недостаточность папского пенсион, назначенного Фоме Палеологу. На то же самое сетовал и брат Андрея Мануил Палеолог, когда он отказался от жалованья бургундского герцога ([53, pp. 170–171]; также см.: [111, p. 72]). Некоторые из приближенных («*familiares*») Андрея Палеолога, возможно, изначально последовали в Рим за его отцом в 1461 году. Впрочем, многие из них, возможно, сопровождали Зою во время ее поездки 1472 г. в Рос-

сию²⁹. Те, кто оставался в Риме, естественно тяготел к его двору. Источники сохранили имена некоторых из них. В их ряду – Иоанн Герметианос, наставник Андрея и его отпрысков, врач Критопулос, Стаматис Вранас и Фома Раллис, которые упоминаются в папской охранной грамоте 1474 г., как и трое компаньонов, известных под именами Манкафы, Конда и Николая ([26, f. 551v]; также см.: [92, pp. 285–286; 83, S. 531–536; 61, pp. 34–35; 70, p. 21]). Имеются сведения и о других свитских лицах, кто бывал при дворе Андрея Палеолога. Среди них – писец Георгий Гермони и трое спутников, сопровождавших Андрея Палеолога в его поездке 1481 г. в Бринди-зи: Михаил Аристовул, Мануил Палеолог и Георгий Пагумен. Кроме того, следует назвать Димитрия Рауля Кавакиса, кто представлял братьев Зои на ее свадьбе в Москве. К их числу оправданно прибавить Георгия Сфрандзи, оставшегося в доме Андрея, когда он посещал Рим в 1466 г., и ученого Димитрия Халкокондила, который побывал при дворе Андрея в конце 1475 г. ([28, ff. 2*, 273 (orig. 276)]; также см.: [90, pp. 157–158; 39, p. 38; 71, pp. 363–370, esp. pp. 366–369; 70, pp. 29–30, 39; 52, p. 212, n. 4]; а также см.: [53, pp. 176–177; 78, p. 184]).

Постоянное урезывание пенсионера означало, что Андрей Палеолог все в большей мере оказывался неспособен поддерживать этих людей, так что в 1481 г. Жерарди да Вольтерра описывал двор Андрея как «жалкий» [65, p. 81]. Казалось бы, папа, как покровитель обедневшего деспота, должен был принять на себя по крайней мере одного прежнего его придворного. Таковым являлся Феодор (Теодор) Цамблакон, буквально «Semblaso», «Константинопольский». Он получал в период между 1479 г. и 1493 г. ежемесячно три дуката из Апостольской Палаты, в расходных записях которой был описан как «прежде из семейства господина деспота Мореи» («olim de famiglia domini dispoti Moree») ([5, f. 33v; 6, f. 85v; 9, f. 1]; также см.: [54, S. 292]). Его пример, вероятно, не был единичным. Катарина Цамблаконисса, буквально названная «Zamplaconissa», которой выплачивалась подобная пенсия в 1489–1504 гг., возможно, была родственницей Феодора Цамблакона и находилась в той же самой ситуации. Равным образом бывшими чле-

нами двора деспота, вероятно, были также Константин «из Мореи» («de Morea»), Феодорина (Теодорина) «из Мореи» («de Mori»), Мегалия «из Мореи» («de Morea») и Евфрасина Палеологина и ее дочь, Фомазина (Томасина) Кантакузина, обе «из Мореи» («de Moree») ([5, ff. 61v, 76, 88–89v and 6, Vorsatz; 10, f. 30v]; также см.: [54, S. 292]). Отсутствие какого-либо богатого греческого покровителя в Риме после кончины Виссариона, наверное, подталкивало других греков, таких как ученый Андроник Каллист, покинуть Рим навсегда [34, pp. 181–196, at 185; 58, pp. 139–140].

Следовательно, имеется конкретное свидетельство того, что действительной причиной бедности Андрея Палеолога стало постоянное уменьшение его денежного содержания со стороны Апостольской Палаты. Это сделало его неспособным нести тяжелое бремя и содержать свой двор. Неумеренность и безответственность Андрея Палеолога оказывались ему слабой опорой, не говоря уже об острых обвинениях Жерарди да Вольтерра. Тем не менее мы не должны слепо доверять распространенному утверждению о том, что деспот ко времени кончины в июне 1502 г. стал совершенно нищим [110, p. 295; 102, p. 184; 82, p. 455; 87, p. 116]. Обычно при этом ссылаются на папу Александра VI, передавшего вдове Андрея деньги для оплаты его похорон. Конечно, нечто такое случалось. Так, в 1487 г. папа оплатил погребение другого королевского изгнанника, Шарлотты Лузиньян (1456–1488 гг.), кипрской королевы, которую никто и никогда не называл «обедневшей» или «мотовкой» ([17, f. 150v (orig. 176v); 18, f. 126v (orig. 207v)]; также см.: [54, S. 142–143, 292; 102, p. 184; 88, p. 401])³⁰. Андрей Палеолог, несомненно, был беден, но его конец нельзя рассматривать как убожество и унижение. В конце концов, он был похоронен со всеми должными почестями рядом со своим отцом в соборе Св. Петра ([66, ff. 209v–210v]; также см.: [47]).

Продолжение политики. Поставив под сомнение принятое жизнеописание Андрея Палеолога, сейчас уместно перейти к рассмотрению второго вопроса, поднятого в начале этой статьи, который теперь оправданно сформулировать так: возможно ли в поступках Андрея разглядеть какого-либо рода отчетливую политическую программу его деятельности?

Нам предстоит утвердиться во мнении, что на самом деле он часто неотступно следовал курсу действий, которого ранее придерживались другие члены его семьи. С середины XIV в. правители Византии обращали свой взор на Запад, особенно на папство, чтобы спасти империю от турецкого завоевания. Наученные советами латинофильски настроенных интеллектуалов, подобно Димитрию Кидонису и Мануилу Хрисолору, императоры династии Палеологов пришли к убеждению, что стоило бы только им убедить папу в своей религиозной ортодоксии и тогда бы он пустил западные армии к ним на помощь. Это побудило одного из дядей Андрея Палеолога, Иоанна VIII (1425–1448 гг.), посетить Флорентийский собор в 1438–1439 гг., на котором была провозглашена уния церквей. А другой византийский император, Константин XI Палеолог (1449–1453 гг.) послал римскому папе полный отчаяния призыв о помощи в 1452 г., когда турецкие войска осадили Константинополь [107, pp. 104–107; 57, pp. 61–71].

Такая политика, конечно, не имела успеха и не спасла Константинополь от Оттоманов. Одно из наибольших заблуждений византийцев состояло в их наивной вере в авторитет и престиж римского папы, который призван объединить вооруженные силы Западного христианства [57, pp. 99–101; 86, pp. 315–339, esp. 333–337]. Даже так, за неимением чего-то лучшего, члены византийской императорской династии продолжали принятый политический курс после 1453 года. Отец Андрея, Фома Палеолог, предпринял усилия к тому, чтобы заручиться папской поддержкой, и достиг определенного успеха: Пий II послал в Морею отряд, состоявший из трехсот миланских наемников, в 1459 году. Позже, уже находясь в изгнании в Италии, Фома добивался папского снисхождения для осуществления своего плана отвоевать Морею. В начале 1462 г. Фома Палеолог получил грамоты об отпущении грехов от Пия II, направленные на то, чтобы побудить верующих помочь ему в его приготовлениях, и, кажется, в то время он путешествовал по Италии, возможно, в надежде собрать пожертвования и обещания поддержки ([20, ff. 71–75 (orig. 70–74)]; также см.: [57, p. 239; 92, p. 241, 248–250, 259–264; 110, pp. 289–290; 42, pp. 189–190; 101, pp. 313–342, esp. p. 322, 337]).

В свою очередь Андрей Палеолог продолжил проводить этот политический курс из Рима, где, подобно своему отцу, он питал надежду на западную поддержку, чтобы предпринять экспедицию и отвоевать Морею. Согласно Жерарди да Вольтерра, в конце лета 1481 г., вскоре после возвращения Андрея из России, папа Сикст IV снабдил его двумя тысячами дукатов для финансирования такого предприятия: «Tamen navigantem in greciam non sine aliqua spe dominatus paterni, aureorum duobus milibus Pontifex est muneratus, quo postmodum appulerit mihi prorsus ignotum est» [65, p. 81] ³¹. Затем Андрей двинулся в Южную Италию, естественный трамплин для атаки, и к октябрю Палеолог с несколькими спутниками прибыл в Фоджа (Апулия), где он получил дополнительные средства от Ферранте, неаполитанского короля (Фердинанд I, король Обеих Сицилий, 1423–1494 гг.) ³². Историки не расположены принимать эту экспедицию серьезно. Так, С. Рансимен зашел настолько далеко, что без какого-либо свидетельства заявил о том, что Андрей Палеолог безрассудно тратил деньги, полученные от Сикста IV «на другие цели» [102, p. 184], хотя Жерарди да Вольтерра об этом умалчивает. Конечно, Андрей Палеолог никогда не отплыл в Грецию и задержался со своими сопровождающими в Бриндизи на протяжении октября и ноября, наслаждаясь гостеприимством неаполитанского монарха ³³.

Имелись, однако, очень веские причины, почему идея западной поддержки к концу 1481 г. более не была осуществима. Ранее в тот год ситуация выглядела наиболее многообещающей для успешной войны против турок, которые потерпели тогда ряд неудач. Турецкая осада острова Родоса была снята с тяжелыми потерями. В сентябре 1481 г. войска короля Ферранте вытеснили турок, занимавших Отранто. Сверх того, за последовавшей 3 мая смертью султана Мехмеда II началась гражданская война между его сыновьями, Баязидом (1447–1512 гг.) и его младшим братом Джем-султаном (Зизимом) (1459–1495 гг.) [107, pp. 358–362, 371–373, 381–382]. Таким образом, Андрей Палеолог мог надеяться принять участие в контрнападении под руководством неаполитанского короля Ферранте. К осени стало ясно, что Оттоман-

ские владения не распадутся. Баязид II утвердился в качестве неоспоримого султана Константинополя, тогда как христианские державы были, как обычно, слишком разьединены и не использовали преимущества, достигнутые в недавних победах.

Возможно, существовала и другая причина для того, чтобы экспедиция, к которой готовился Андрей Палеолог, никогда не отплыла от берегов Италии: недостаточное финансирование. В регистрационных записях Апостольской Палаты нет и следа сумм, упомянутых Жерарди да Вольтерра, которые были бы выданы деспоту. Несмотря на мандат, предусматривавший выплату трех тысяч дукатов Андрею Палеологу, которая, согласно приказу, была произведена 4 сентября 1481 г., соответствующая запись приказной книги («*Libri dei Mandati*») не содержит никакого упоминания о каком-либо «вояже» в Грецию. Сама плата истолкована как аванс к пенсию Андрея, подобно тому, что был сделан накануне его поездки в Россию: «*In deductionem sue pensionis et subventionis familie sue*» [7, f. 96]. В отсутствие какого-нибудь признака специального платежа, предназначенного на финансирование экспедиции, кажется очень вероятным, что об этом Жерарди да Вольтерра все же слышал. В таком свете дар Сикста IV представляется гораздо менее щедрым, чем мог бы быть, тогда как папа выдал Андрею Палеологу лишь обычное обеспечение для него и его двора и ничего сверх того, чтобы покрыть расходы на военную экспедицию.

И все же, хотя обстоятельства оказались неблагоприятными, а денег – недостаточно, нет оснований полагать, что подготовка экспедиции изначально серьезно не обсуждалась. 15 сентября 1481 г. Сикст IV написал епископу Эворы (Португалия), поручив ему сделать все, что в его власти и помочь деспоту в его стремлении пересечь Ионическое море. В свою очередь, поездка Андрея Палеолога в Бриндизи ясно указывает, что он искренне желал осуществить свой план³⁴. К такому же самому заключению приводит имя «*Coyscondo Clada*» одного из сопровождавших Андрея Палеолога спутников. Им мог быть греческий солдат Крокондило Клада, который в 1480 г. возглавил мятеж против турок в Мореи, а впоследствии

поступил на службу неаполитанского короля ([13, ff. 164–169 (orig. 154–159); 43, pp. 273–281; 44, pp. 226]; также см.: [107, p. 328–329]). Несомненно, греческий воин мог бы стать идеальным проводником для реализации задуманной экспедиции. Кажется очевидным то, что Андрей совершил, по крайней мере, серьезную попытку начать военную кампанию против турок. Он составил дальнейший план возврата Мореи в 1485 г., когда был вовлечен в заговор по захвату у венецианцев Монемавасии [11, f. 190v (orig. 154v)]. Даже если эти инициативы потерпели неудачу из-за невезения и недостаточной финансовой поддержки, они по-прежнему указывают на то, что Андрей Палеолог не проводил все свое время в Риме в погоне за удовольствиями.

Описанные обстоятельства следует иметь в виду при оценке прочих сторон карьеры Андрея Палеолога. Современные ему сообщения, поставленные под сомнение комментариями Жерарди да Вольтерра, выражают тенденцию видеть в каждом действии Андрея просто дальнейшую попытку вымогать деньги, чтобы поддерживать необузданный стиль жизни. Однако поведение Андрея Палеолога может быть истолковано вполне иным образом: если пересказанные Жерарди да Вольтерра слухи отложить в сторону, тогда окажется, что Андрей просто пытался использовать ресурсы западно-христианского мира против турок.

Возьмем, к примеру, его путешествия по Европе с целью воззвать к щедрости европейских правителей. В 1490 г. он оставил Рим во второй раз и было отправился снова в Москву в сопровождении послов Великого князя Ивана III, братьев Димитрия и Мануила Раллис [90, p. 225]. Но, похоже, ему там оказались не рады, и уже вскоре он прибыл во Францию, где король Карл VIII, приняв Андрея дружески, оплатил все его издержки в обмен на подарок гостя – белого сокола ([32; 2]; также см.: [92, pp. 301–304; 68, p. 667]). Англия, которую Андрей Палеолог посетил в январе 1492 г., оказалась менее гостеприимна. Король Генрих VII (1457–1509 гг.) просто отдал распоряжение своему казначею, лорду Джону Динэму (1406–1458 гг.), заплатить посетителю столько, сколько он (лорд-казначей) сочтет нужным, и предоставил Андрею охранную

грамоту для выезда из страны [84, membrane (пергамен) 6] ³⁵.

Современные ученые предпочитают рассматривать эту европейскую поездку в компрометирующем свете и делают акцент на том, что русская экспедиция оказалась «в денежном отношении непродуктивной». В конце концов, современник и товарищ византийского изгнанника Константин Ласкарис (1434–1501 гг.) обвинил того в том, что Андрей «блуждал по земле словно попрошайка» ([38, coll. 968]; также см.: [110, p. 293, n. 3; 102, p. 184]). Однако Андрей Палеолог делал лишь то же, что и его дед, император Мануил II (1391–1425 гг.), когда он посещал дворы Европы в 1399–1402 гг., умоляя о помощи для осады Константинополя. Его дядя Иоанн VIII занимался тем же самым в 1423–1424 гг. [29, pp. 165–199; 85; 57, pp. 11–21, 110].

Даже соглашение, заключенное в Риме в сентябре 1494 г. с французским королем Карлом VIII, не было беспрецедентным. Андрей уступал Карлу все свои права на троны Константинополя, Трапезунда и Сербии. В свою очередь Карл VIII обязывался выплачивать Андрею Палеологу ежегодный пенсион в четыре тысячи четыреста дукатов и предоставить личную охрану численностью в сотню всадников ([31, ff. 165–168]; также см.: [36, no. 1266 (Gall. 650), p. 356; 37, no. 1266 (Gall. 650), p. 356; 57, pp. 60–73; 92, pp. 299–300; 73, pp. 394–395 (no. 8); 107, pp. 461–463]). Подобный договор был предложен двоюродным братом Андрея, Иоанном VII Палеологом (1370–1408 гг.), когда он намеревался продать Константинополь королю Франции взамен на ежегодную пенсию и французский замок [72]. В свою очередь соглашение 1494 г. не было безответственным отречением с целью облегчения финансового бремени. Андрей сохранял за собой Морейский деспотат и добился особого обязательства от французского короля. Оно заключалось в том, что он начнет войну с турками для того, чтобы вернуть Морею ее законному владельцу. После восстановления в своих полномочиях Андрею предстояло владеть своей землей как фьефом, переданным Карлом за номинальный ежегодный взнос, который состоял в одном оседланном белом коне: «...Serenissimus Rex operam dabit, et totis viribus conabitur cum suis gentibus, et exercitibus tam terrestis quam maritimis, recuperare

Regnum seu dispotatum Moreae...» [51, p. 71]. Ясно, что деспот надеялся использовать Карла в качестве могущественного защитника, который соберет необходимую воинскую силу, чтобы бросить вызов туркам, как он это пытался проделать с Ферранте Неаполитанским в 1481 году. Как бы то ни было, безвременная смерть Карла в 1498 г. положила конец этим надеждам.

Щепетильность Андрея Палеолога в отношении его титулатуры также сыграла с ним злую шутку. На печати Андрея был изображен внушительный двуглавый орел и легенда «Деспот Ромеев» («Despotes Romeorum») ³⁶. В 1480-х гг. Андрей Палеолог пошел дальше и стал титуловать себя «Император Константинопольский» («Imperator Constantinopolitanus») [67, p. 174, 281; 68, p. 425] ³⁷. Андрею Палеологу принадлежало почетное место в папских церемониях. В них он принимал участие до конца своей жизни и сильно негодовал, когда считал, что его императорский сан не получал достаточного признания ³⁸. Резкий контраст между огромными притязаниями и убогой реальностью привел К.М. Сеттона к выводу о том, что деспот производит впечатление «жалкой фигуры» и что он «ухитрился сделать всегда жалкое зрелище монарха в изгнании даже более несчастным» [107, p. 395, n. 44, p. 462].

В то же время Андрей обладал подлинным правом на свои титулы. Андрей Палеолог унаследовал от своего отца титул деспота, а от своего дяди, Константина XI Палеолога, последнего византийского правителя, титул императора. Наряду с тем упорная настойчивость Андрея Палеолога на титуловании свидетельствует о присущем ему стремлении сохранить свои притязания на земли, которые он надеялся однажды восстановить, как и свою руководящую роль у народов этого региона. Другой балканский изгнанник в Италии, Константин Комнин Арианит (1457–1530 гг.), как можно наблюдать, вел себя точно также [56, pp. 643–661, at 644–645].

Андрей Палеолог, следовательно, на протяжении всех лет своего пребывания в Риме преследовал конструктивную цель. И по этой причине общественная активность Андрея там заслуживает того, чтобы рассматриваться в положительном свете. Например, презрительное осмеяние различных мер, на которые пус-

кался деспот, стремясь пополнить свой скудный доход. Как указывал К.М. Сеттон, Андрей Палеолог продавал «почетные титулы и прочие привилегии тем, чье легкоеверие и социальная гордыня приводили их с деньгами в руках к его порогу («...honorific titles and other privileges to those whose gullibility and social pride brought them, money in hand, to his doorstep») [107, p. 462]. Сохранились несколько грамот, согласно которым Андрей Палеолог раздавал титулы и почетные звания разным лицам, и нет сомнения в том, что они платили за эти привилегии ([19, ff. 124–126 (orig. 125–127); 33, ff. 4–5]; также см.: [92, pp. 297–298; 100, с. 157–158; 75, pp. 177–178 (особая пагинация)]). И Андрей не был выше подобной торговли³⁹. Однако эти сделки были мотивированы не эгоистичным желанием сохранять привычный образ жизни, а скорее необходимостью поддержать свой двор и честолюбивым стремлением снова обрести свое наследство.

Выводы. Итак, жизнь Андрея Палеолога в изгнании была не столь бесцельна и не расстрачена впустую, как могло бы внушать доверчивое чтение сочинений Жерарди да Вольтерра и других его современников. Конечно, нельзя считать жизнь Андрея великим успехом. Все надежды наследника византийского престола на реставрацию обрушились. И большая часть его времени ушла на попытки собрать нужные суммы для того, чтобы поддержать свой двор. Однако приходится уповать на то, что, как было показано, всю эту ситуацию недопустимо считать следствием порочного характера Андрея. Несмотря ни на что, он продолжал заниматься восстановлением своих фамильных прав. Последняя неудача, поэтому, была не столько личной, сколько результатом политики напрасных надежд на помощь Западных держав и в особенности Рима в отношении османских турок. Эта политика отвечала положению, которое не оставляло иного выбора. Византийцы придерживались такой политики даже тогда, когда должно было быть совершенно ясно, что, несмотря на заманчивые обещания, папа и западные монархи бессильны помочь. Это была печальная действительность, с которой Андрею Палеологу приходилось сталкиваться всю свою жизнь как изгнаннику и которая в конце концов гарантировала, что он никогда не вернется на родную землю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обновленная и исправленная версия статьи, которая первоначально увидела свет на английском языке под заголовком «A worthless prince? Andreas Palaeologus in Rome, 1465–1502», в журнале *Orientalia Christiana Periodica* [59]. Автор статьи считает своим долгом выразить глубокую благодарность редактору указанного журнала проф. Филиппу Люисьеру (Philippe Luisier) за разрешение опубликовать новую версию статьи. Равным образом автор статьи искренне благодарит за предоставленную возможность издать ее новую версию проф. Николая Барабанова. Авторизированный перевод на русский язык и научное редактирование выполнил Юрий Вин при участии Веры Григорьевой (ГПИБ), внесшей весомый вклад в составление библиографии.

² К.М. Сеттон цитирует документ Государственного архива Мантуи (Mantua, Archivio di Stato, Archivio Gonzaga) [107, p. 228].

³ Андрей Палеолог родился в Морее 17 января 1453 г. [53, pp. 132–133].

⁴ Супруга Фомы, Катарина Цаккариа (Caterina Zaccaria), иначе называемая Екатерина Палеологина, скончалась на Корфу в 1462 г. [92, pp. 267–273].

⁵ Виссарион послал в Москву грека, известного под именем Георгия, для проведения переговоров ([16, f. 110v (orig. 173v); 90, p. 114; 64, pp. 143–144]; также см.: [95, pp. 108–185]). В начале планировался брак Зои с кипрским королем Яковом (Жаком) II (ок. 1438/1439 или 1440–1473 гг.). История помолвки Зои в 1466 г. с членом итальянского семейства Караччоло (Caracciolo) основана лишь на одном позднем, и потому ненадежном, свидетельстве Псевдо-Сфрандзи [99, p. 562]; также см.: [93, pp. 264–268; 96, pp. 19–23].

⁶ Виссарион скончался 18 ноября 1472 г. в Равенне по возвращении из Франции, куда он был отправлен с миссией папского легата ([14, f. 79 (orig. 46)]; также см.: [91, pp. 33–55]).

⁷ Р.Дж. Уэлш (R.J. Walsh) цитирует документы Государственных архивов Мантуи (Mantua, Archivio di Stato, Archivio Gonzaga 1625) и Милана (Milan, Archivio di Stato, Fondo Visconteo-Sforzesco, Potenze Estere 78) [111, pp. 53–86, esp. p. 73, 78].

⁸ Существует очень подобострастное письмо, написанное Мануилом Палеологом герцогу Галеаццо Мариа Сфорца, которое датируется началом 1476 г., а также ответное письмо миланского герцога, посланное в декабре того же года. Мануил ссылается на беседы, которые они вели с герцогом, хотя предмет их обсуждения не назван [78, p. 184; 92, p. 310].

⁹ Мануил «был вооружен» двумя тысячами дукатов для своей поездки в Милан («per la sua andata a Milano»), датированной 31 января 1473 г. или

1474 года. Наряду с тем Мануил получил от римского папы охранную грамоту, датируемую 23 марта 1475 года. Точнее говоря, срок выдачи документа определен четвертым годом понтификата Сикста IV [3, f. 272; 22, ff. 214–214v]. Поскольку четвертый год понтификата Сикста IV исчислялся с августа 1474 г. по август 1475 г., это означает, что выдача папской грамоты относится к началу 1475 года. Однако имеются веские причины думать, что папский делопроизводитель допустил здесь ошибку, поскольку все последующие записи этого регистра датируются третьим годом («Anno tertio») понтификата. Мандат на расходы по поездке Мануила, так же, как и рекомендательное письмо Сикста IV миланскому герцогу, о котором речь пойдет далее, датируются началом 1474 года. Из этого не обоснованно следует заключить, что и охранная грамота была выдана Мануилу 23 марта 1474 года.

¹⁰ Другое подобное письмо было предоставлено маркизом Мантуи, так что Мануил на своем пути в Милан, вероятно, посетил семейство Гонзатов [92, p. 296].

¹¹ Р.Дж. Уэлш (R.J. Walsh) цитирует документ Государственного архива Милана (Archivio di Stato, Milan, Fondo Visconteo-Sforzesco, Potenze Estere 517 [111, p. 72]). В представленном здесь отчете прослеживаются подробности поездки Мануила Палеолога в Бургундию. Сам Мануил, возможно, фигурирует как «сын императора Константинополя», который получил в это время от герцога Дижона 16 франков ([63, p. 13]. Пагинация особая. Связка 22).

¹² Отъезд Мануила можно датировать, согласно папской охранной грамоте, для него и его сопровождающих 25 апреля 1476 г. [27, ff. 182–182v; 109, p. 157; 61, pp. 34–35; 46, p. 23].

¹³ Англоязычные историки и писатели часто говорят об избраннице Андрея Палеолога как о «женщине с римских улиц» [82, p. 454; 102, p. 184; 88, p. 400; 107, p. 462].

¹⁴ Ни один из источников, который цитирует Дюканж, не упоминает о браке Андрея Палеолога [35, p. 248].

¹⁵ Андрей Палеолог прибыл в Москву весной 1480 г. [90, p. 211].

¹⁶ Содержание упомянутого письма папы Сикста IV резюмировал К.М. Сеттон [107, p. 318, n. 13].

¹⁷ Якопо Жерарди да Вольтерра в своем дневнике о поездке Андрея Палеолога в Россию и его возвращении в Италию указывает: «...cumque propterea de pontificis munificentia desperasset quod ea abuteretur, urbem et ipse dereliquit et ad sororium in Scythiam est profectus. Sed ibi brevi tempore commoratus esset, rursum ad Italiam est reversus...» [65, p. 81].

¹⁸ Этот дом на Марсовом поле, вероятно, стоял рядом с расположенной там церковью Св. Анд-

рея (La chiesa di Sant' Andrea in Campo Marzio, Roma) [76, p. 209; 62, pp. 188–189].

¹⁹ Таково изображение Сикста с коленапреклоненным у его ног благодарным Андреем. См.: [1, pp. 265–266; 92, p. 307; 81, pp. 138–139]. Также см.: «Хронику» Николая Глассбергера, брата Ордена миноритов («Chronica» Fratris Nicolai Glassberger): «Principes etiam pauperes et nobiles, patria extorres, et praesertim Palaeologorum filios ... atque alios complurimos a Turchis pulsos, pecuniis adjuvare non destitit» [89, p. 456].

²⁰ Три сотни дукатов всегда выплачивались совместно «деспотам Мореи» (буквально «I despoti della Morea») [3, ff. 223, 225, 225v et passim].

²¹ Один из документов Государственного архива Рима подтверждает, что деньги вручал «В. Tusculani», то есть Виссарион, епископ Тускулума [4, ff. 81, 82v, 83].

²² См.: «I Dispoti della Morea per la loro pensione di mesi tre, cioè gennaio, febbraio e marzo» [3, f. 268].

²³ Это была сумма, которую Андрей Палеолог получил за май 1474 г. [3, f. 272v].

²⁴ Л. Пастор в его «Истории пап» приходит к выводу, что Сикст IV защищен от обвинения в том, что он был вовлечен в тайный сговор [94, pp. 300–330].

²⁵ Не только пенсия Андрея Палеолога, был урезан. Сикст IV, как известно, пообещал в 1480 г. увеличить жалованье Леонардо Токко, титулярному правителю Арты (Эпирский деспотат), но только если Бог дарует окончание войн [65, p. 12].

²⁶ В своем «Дневнике» Жерарди да Вольтерра отмечает: «hac presenti estate Rome eum vidimus, familia sordida et pannis obsitum et qui superioribus annis purpuram et siricum induebat assidue, vili nunc veste membra vix tegit» [65, p. 81]. Когда Андрей Палеолог и его тринадцать спутников вернулись из России в Рим в июле 1481 г., они остановились в Мантуе. Как описывает А. Бертолотти, цитируя документ из фонда сеньориального рода Гонзага (Archivio Gonzaga, Soria Lettere) в Государственном архиве Мантуи, компаньоны Андрея разместились и питались за счет «маркиза» (имеется в виду Федерико I Гонзага (1441–1484 гг.)). Он также предоставил рекомендательное письмо для герцога Феррары. В этом письме было указано, что Андрей Палеолог являлся дальним родственником дома Малатеста, представители которого правили в Римини, и находился в состоянии крайней нищеты [30, p. 46 (№ 63)].

²⁷ Так, за январь 1486 г. Андрей Палеолог получил только шестьдесят шесть дукатов [8, ff. 280, 319v].

²⁸ Похоже, что впоследствии эти деньги выплачивались Андрею Палеологу с большей регулярностью [9, ff. 1–76]. По распоряжению папы 16 января 1500 г. деспоту были выплачены шестьдесят дукатов, хотя причина этого платежа остается неизвестной [15, f. 51v (orig. 49v)]. Ссылка, данная по указанному

поводу Ф. Руссо на архивный документ (Armario 29, vol. 51), не корректна [103, p. 135, no. 14231].

²⁹ Современные оценки показывают, что численность Зоиной свиты достигала размеров от 60 до 100 членов ([40, S. 330–331; 41, S. 468–469]; также см.: [80, p. 134]; равно см.: [90, p. 150]; наряду с тем см.: [106, S. 148–174; 49, pp. 122–131]).

³⁰ О Шарлотте Лузиньян см.: [60, pp. 582–612].

³¹ С. Рансиман ошибочно указывает сумму в два миллиона золотых монет [102, p. 184]

³² Приводимые сведения о поездке Андрея Палеолога сообщает Ф. Форчеллини, цитируя ныне уничтоженный документ, известный под названием «Росписи казначейства Арагона» («Cedole della tesoreria d' Aragona»), а именно регистр 99 (reg. 99, (1481–1482), f. 345v.) [52, p. 212, n. 4].

³³ Ф. Форчеллини ссылается на вышеупомянутые «Росписи казначейства Арагона» («Cedole della tesoreria d' Aragona»), точнее говоря регистр 94 (reg. 94 (1481), ff. 143, 144v., 146, 150, 153) [52, p. 213, n. 1].

³⁴ Сказанное подтверждает, ссылаясь на документ Национальной центральной библиотеки Флоренции (Biblioteca Nazionale Centrale, Florence, Bib. Magliab. ms I–III 256, f. 34), К.М. Сеттон [107, p. 373, n. 35].

³⁵ На первый взгляд, идентичность личности визитера в Англию в январе 1492 г. не совсем ясна. В изложенном предписании Генриха VII своему казначею проситель был назван просто «греком, о котором наш святой папа и разные кардиналы написали нам» («the Greke for whom our holy ffadre the Pope and diverse cardinalles have written unto us»). Согласно версии охранной грамоты, предлагаемой Т. Ример (Раймер), упомянутый «грек» описан как «Palaeologus ... Constantinopolitani imperii heredes» [104, p. 40; 105, p. 470]. Оригинал этого последнего документа в казначейских списках королевской канцелярии (the Treaty Rolls, C76), однако, содержит первое имя грека (Андрей) [84, membrane (пергамен) 6]. Так как королевское распоряжение датировано 16 января, то есть днем, предшествующим сроку выдачи охранной грамоты, кажется справедливым допускать, что безымянным греком был претендент на византийский престол.

³⁶ На печати воспроизведен рисунок, копию которого сохранила рукопись Библиотеки Готфрида Вильгельма Лейбница, Нижняя Саксония, Ганновер (Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek, Niedersächsische Landesbibliothek. Hannover ms XXVI, 1520). См.: [74, pp. 416–432, esp. p. 426].

³⁷ Вероятно, воспитанием Андрея Палеолога в Риме объясняется, почему наследнику престола не было известно того, что титула «Император Константинополя» у византийских правителей никогда не существовало. Они носили сан «императора ромеев» («Βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων») вплоть до 1453 г.

³⁸ Свидетельством настойчивости Андрея Палеолога является то, что ему было позволено нести такую же свечу, что и кардиналам, во время процессии в Сикстинской капелле в 1486 г. (см.: [67, p. 174; 68, p. 558; 69, p. 120]).

³⁹ Известны данные о трех торговых судах, принадлежавших деспоту на Майорке в 1484 г. [45, pp. 58–59, 60, 124].

REFERENCES

1. Angelis P. de. *L'architetto e gli affreschi di Santo Spirito in Saxia*. Roma, Nuova Tecnica Grafica, 1961. 301 p.
2. *Archives Nationales de France, Paris*. Monuments Historiques. Cartons des Rois, K74, liasse no. 32.
3. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I. Depositeria generale della Crociata, Registra 1234.
4. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I. Depositeria generale della Crociata, Registra 1235.
5. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I. Depositeria generale della Crociata, Registra 1236.
6. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I. Depositeria generale della Crociata, Registra 1237.
7. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I, Mandati Camerali 848.
8. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I, Mandati Camerali 851.
9. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I, Mandati Camerali 856.
10. *Archivio di Stato di Roma*. Camerale I, Mandati Camerali 857.
11. *Archivio di Stato di Venezia*. Consiglio dei Dieci, Misti, Registra 22.
12. *Archivio di Stato di Venezia*. Libri Commemorativi, Registra 16.
13. *Archivio di Stato di Venezia*. Senato, Segreta Registra 29.
14. *Archivio Segreto, Vaticano*. Armario (Armadio) 31. (Vol. 52)
15. *Archivio Segreto, Vaticano*. Camera Apostolica, Armario (Armadio) 29.
16. *Archivio Segreto, Vaticano*. Camera Apostolica, "Introitus et Exitus", Registra 472.
17. *Archivio Segreto, Vaticano*. Camera Apostolica, "Introitus et Exitus", Registra 520.
18. *Archivio Segreto, Vaticano*. Camera Apostolica, "Introitus et Exitus", Registra 532.
19. *Archivio Segreto, Vaticano*. Fondo Borghese. Vol. 1, 783.
20. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Lateranensia 518.
21. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Vaticana 563.

22. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Vaticana 564.
23. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Vaticana 583.
24. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Vaticana 594
25. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Vaticana 660.
26. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Vaticana 663.
27. *Archivio Segreto, Vaticano*. Registra Vaticana 665.
28. *Archivio Segreto, Vaticano*. Schedario Garampi. Miscellanea II. Registra 681.
29. Barker J.W. *Manuel II Palaiologos (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick NJ, Rutgers Univ. Pr., 1969. LIII, 615 p.
30. Bertolotti A. Varietà storico-gentilizie. *Giornale Araldico-Genealogico-Diplomatico*, 1888, vol. 16, num. 2 (agosto), pp. 46-49.
31. *Bibliothèque Nationale de France, Paris*. Département de manuscrits. Ms français 15526. Harlay. Cote 121 (28). 713 ff.
32. *Bibliothèque Nationale de France, Paris*. Département de manuscrits. Ms français 28669 (pièces originales, 2185), Chambre des Comptes, Cabinet des Titres. Cote 49378, no. 2-3.
33. *Bibliothèque Nationale de France, Paris*. Département de manuscrits. Ms français 30927. Cabinet des Titres. Cabinet d'Hoziere, 46. Biraque-Blanc. Dossier, cote 1137.
34. Botley P. Literature in Exile: The Books of Andronicus Callistus, 1475–1476. *Dumbarton Oaks Papers*, 2018, vol. 72, pp. 18-196.
35. Cange Ch. du Fresne du, ed. *Historia Byzantina duplici commentaria illustrata*. Lutetiae Parisorum, Ludovicum Billaine, 1680. IX, 372 p. Repr. ed.: Bruxelles, Culture et Civilisation, 1964.
36. Halm C. F. von, Laubmann G. von, eds. *Catalogus Codicum manu scriptorum Bibliothecae Regiae Monacensis. In 10 vols. Vol. 7: Codices Gallicos, Hispanicos, Italicos, Anglicos, Suecicos, Danicos, Slavicos, Esthnicos, Hungaricos complectens*. Monachii (München), Sumptibus Bibliothecae Regii; Parisiis, Apud A. France, 1858. X, 419, [1] p.
37. Halm C.F. von, Laubmann G. von, eds. *Catalogus Codicum manu scriptorum Bibliothecae Regiae Monacensis. In 10 vols. Vol. 7: Codices Gallicos, Hispanicos, Italicos, Anglicos, Suecicos, Danicos, Slavicos, Esthnicos, Hungaricos complectens*. Repr. ed. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1971. X, 419, [1] p.
38. Constantini Laskaris. Basilii Imp. Successorum Notitia. Migne J.-P., ed. *Sapientissimi Cardinalis Bessarionis opera omnia*. Parisiis, Apud J.-P. Migne editorem, Parisina, 1866, coll. 965-968. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 161).
39. Croskey R.M. Byzantine Greeks in Late Fifteenth- and Early Sixteenth-Century Russia. Clucas L., ed. *The Byzantine Legacy in Eastern Europe*. New York, Columbia Univ. Pr., 1988, pp. 33-56.
40. Hirtzel S., ed. *Die Chroniken der fränkischen Städte. Nürnberg*. Vol. 4. Leipzig, Verl. v. S. Hirtzel, 1872. VIII, 440 S. (Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert; vol. 10).
41. Hirtzel S., ed. *Die Chroniken der fränkischen Städte. Nürnberg*. Vol. 5. Leipzig, Verl. v. S. Hirtzel, 1874. X, 441–888 S. (Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert; vol. 11).
42. Müller G., ed. *Documenti sulle relazioni delle città toscane coll'Oriente Cristiano e coi Turchi fino all'anno MDXXXI*. Florence, M. Cellinie, 1879. LXIV, 532 p.
43. Sathas C.N., ed. *Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce. 1-er. sér. In 9 vols. Vol. 1*. Paris, Maisonneuve et Cie, 1880. XL, 344 p.
44. Sathas C.N., ed. *Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce. 1-er. sér. In 9 vols. Vol. 6*. Paris, Maisonneuve et Cie, 1884. IX, 333 p.
45. Torre y del Cerro A. de la, ed. *Documentos sobre relaciones internacionales de los Reyes Católicos. In 6 vols. Vol. 2: 1484–1487*. Barcelona, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Patronato Marcelino Menéndez Pelayo, 1950. 624 p.
46. Lambros S.P., ed. *Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum*. London, Methuen & Co, 1902. X, 112, [48] p.
47. Enepekides P.K. Das Wiener Testament des Andreas Palaiologos vom 7 April 1502. Dölger F., Beck H.G., eds. *Akten des XI Internationalen Byzantinisten Kongresses, München 1958*. München, C. H. Beck, 1960, S. 138-143.
48. Gaspare da Verona. De Gestis Tempore Pontificis Maximi Pauli Secundi. Zippel G., ed. *Le vite di Paolo II di Gaspare da Verona e Michele Canensi*. Città di Castello, S. Lapi, 1904 (1911), pp. 1-64. (Muratori L.A., Carducci G., Florini V., eds. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al mil-lecinquecento. Rerum Italicarum Scriptores. Nuova Serie. T. 3, Pt. 16).
49. Fennell J.L.I. *Ivan the Great of Moscow*. London, Macmillan & Co Ltd; New York, St. Martins Pr., 1961. XIV, 386 p.
50. Tozer H.F., ed. Finlay G. *History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, B. C. 146 to A. D. 1864. In 7 vols. Vol. 4: Mediaeval Greece and the Empire of Trebizond, A. D. 1204–1461*. Oxford, Clarendon Pr., 1877. XII, 439 p.
51. Foncemagne E. Lauréault de. Eclaircissements historiques sur quelques circonstances du voyage de Charles VIII en Italie et particulièrement sur la cession que lui fit André Paléologue, du droit qu'il avoit à l'Empire de Constantinople. *Mémoires de littérature tirés des registres de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres*, 1769, vol. 28, pp. 1-73.

52. Forcellini F. Strane peripezie d'un bastardo di casa di Aragona, [IV]. *Archivio storico per le province napoletane. Società napoletana di storia patria*, 1914, vol. 39, fasc. 1, pp. 172-214.
53. Maisano R., ed. *Geōrgos Sphrantzēs. Chronikon / Giorgio Sphrantze. Cronaca*. Roma, Accademia nazionale dei Lincei, 1990. XIX, 90, 276 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; vol. 29).
54. Gottlob A. *Aus der Camera Apostolica des 15. Ein Beitrag zur Geschichte des päpstlichen Finanzwesens und des endenden Mittelalters*. Innsbruck, Verl. d. Wagnerschen Universitäts-Buchhandlung, 1889. 317 S.
55. Gregorovius F. *Storia della Città di Roma nel Medio Evo*. Vol. 3. Roma, Società Editrice Nazionale, 1901. III, 895 p.
56. Harris J. Despots, Emperors and Balkan Identity in Exile. *Sixteenth Century Journal, The Journal of Early Modern Studies*, 2013, vol. 44, no. 3, pp. 643-661.
57. Harris J. *The End of Byzantium*. London, New Haven CT, Yale Univ. Pr., 2010. XXII, 298 p.
58. Harris J. *Greek Émigrés in the West, 1400–1520*. Camberley, Porphyrogenitus, 1995. XI, 272 p.
59. Harris J. A Worthless Prince? Andreas Palaeologus in Rome, 1465–1502. *Orientalia Christiana Periodica*, 1995, vol. 61, fasc. 2, pp. 537-554.
60. Hill G. Fr. *A History of Cyprus. In 4 vols. Vol. 3: The Frankish Period. 1432–1571*. Cambridge, Camb. Univ. Pr., 1948. VI, 498-1198 p.
61. Bekker I., ed. *Historia Politica et Patriarchica Constantinopoleos. Epirotica*. Bonn, Ed. Weberi, 1849. 295 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae; vol. 28).
62. Hülsen C. *Le chiese di Roma nel medio evo*. Firenze, L.S. Olschki, 1927. CXV, 640 p.
63. Inventaire-sommaire des archives communales antérieures à 1790. Série I. (Police.). Gouvenain L. de, Vallée Ph., eds. *Inventaire-sommaire des archives communales antérieures à 1790. Ville de Dijon Archives municipales*. Vol. 3. Dijon, Ville de Dijon, F. Carré, 1892, pp. 1-60.
64. Jacobo Ammanati, card. Diario Concistoriale. Muratori L.A., Carducci G., Florini V., eds. *Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinequecento. Rerum Italicarum Scriptores*. Nuova Serie. T. 23, Pt. 3. Città di Castello, S. Lapi, 1904, pp. 141-150.
65. Jacopo Gherardi da Volterra. Diario Romano. Muratori L.A., Carducci G., Florini V., eds. *Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinequecento. Rerum Italicarum Scriptores*. Nuova Serie. T. 23, Pt. 3. Città di Castello, S. Lapi, 1904, pp. 1-138.
66. Jerónimo Çurita (Geronimo Zurita). *Historia del rey Don Hernando el Catholico. De las empresas, y ligas de Italia*. Çaragoça, Colegio den San Vicente Ferrer, 1610. 8, 371 foll. (Los cinco libros postreros de la segunda parte de Anales de la Corona de Aragón; vol. 5). Reed.: Çaragoça, Herederos de Pedro Lanaja; Reyno de Aragón, Universidad, 1670. 10, 351, [31] foll.
67. Johannes Burchard. *Diarium sive Rerum urbanarum commentarii, 1483–1506. Vol. 1: 1483–1492*. Paris, Ernst Leroux, 1883. VI, 603, [1] p.
68. Johannes Burchard. *Diarium sive Rerum urbanarum commentarii, 1483–1506. Vol. 2: 1492–1499*. Paris, Ernst Leroux, 1884. I, 719, [1] p.
69. Johannes Burchard. *Diarium sive Rerum urbanarum commentarii, 1483–1506. Vol. 3: 1500–1506*. Paris, Ernst Leroux, 1885. LXVIII, 578, [1] p.
70. Kalatzi M.P. *Heronymos. A Study in Scribal, Literary and Teaching Activities in the Fifteenth and Early Sixteenth Centuries*. Athens, Cultural Foundation of the National Bank of Greece, 2009. 382 p.
71. Keller A. Two Byzantine Scholars and Their Reception in Italy. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1957, vol. 20, no 3-4, pp. 363-370.
72. Lambros S.P. Ioannou VII Palaiologou ekchōresis tōn epi tēs byzantiakēs autokratorias dikaiōmatōn eis tōn basilea tēs Gallias, Karolon ST. *Neos Ellēnomnēmōn*, 1913, vol. 10, no. 3, pp. 248-257.
73. Lambros S.P. Metanasteusis Ellēnōn eis to basileion tēs Neapoleōs. *Neos Ellēnomnēmōn*, 1911, T. 8, t. 4, pp. 377-461.
74. Lambros S.P. Sphragides tōn teleutaiōn Palaiologōn kai tōn peri autous. *Neos Ellēnomnēmōn*, 1904, T. 1, t. 4, pp. 416-432.
75. Lancellotti G. *Poesie italiane e latine di Monsignor Angelo Colocci*. Jesi, Presso Pietropaolo Bonelli, del Sant'Uffizio, 1772. X, [2], 228, 143, [1].
76. Laurent M.H., Guillou A. *Le Liber "Visitationis" d'Athanase Chalkéopoulos (1457–1458). Contribution à histoire du monachisme grec en Italie méridionale*. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1960. LI, 392 p.
77. Lee E. *Sixtus IV and Men of Letters*. Roma, Ed. di Storia e Letteratura, 1978. 288 p.
78. Legrand E. *Cent dix lettres grecques de François Filelfe*. Paris, Ernest Leroux, 1892. XI, 391 p.
79. Martines L. *April Blood: Florence and the Plot against the Medici*. Oxford, Oxford Univ. Pr., 2003. XVIII, 302 p.
80. Martynov I. *Annus Ecclesiasticus Greco-Slavicus*. Brussels, Typ. Henrici Goemaere, 1863. VII, 388 p.
81. Michael Canensi. De Vita et Pontificatu Pauli Secundi. Muratori L.A., Carducci G., Florini V., eds. *Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinequecento. Rerum Italicarum Scriptores*. Nuova Serie. T. 3, Pt. 16. Città di Castello, S. Lapi, 1904, pp. 66-176.
82. Miller W. *Latins in Levant*. London, John Murray, 1908. XX, 675 p.

83. Mohler L. *Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Vol. 3: Aus Bessarions Gelehrtenkreis*. Paderborn, F. Schöningh, 1942. XII, 649 p.
84. The Warrants for Issues of the English Treasury. Cote E404/81/1. Treaty Rolls of the Chancery, C76/175. *The National Archives, London. Foreign Affairs before 1509*.
85. Nicol D.M. A Byzantine Emperor in England: Manuel II's Visit to London in 1400–1401. *University of Birmingham Historical Journal*, 1970, vol. 12, no. 2, pp. 204-225.
86. Nicol D.M. The Byzantine View of Western Europe. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1967, vol. 8, pp. 315-339.
87. Nicol D. M. *The Immortal Emperor. The Life and Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 1992. XIII, 148 p., 17 pl.
88. Nicol D. M. *The Last Centuries of Byzantium*. The 2nd ed. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 1993. XV, 463 p.
89. *Nicolaus Glassberger. Chronica Fratris Nicolai Glassberger, Ordinis Minorum observatium*. Ad Claras Aquas, Quaracchi, Typ. Collegii S. Bonaventurae, 1887. XXXVI, 612 p. (Ser. Analecta Franciscana; vol. II).
90. Zenkovsky S.A., Zenkovsky S.A., Zenkovsky B.J., eds. *The Nikonian Chronicle. Vol. 5: From the Year 1425 to the Year 1520*. Princeton, N. J., Kingston Pr., 1989. XXXIX, 325 p.
91. Ourliac P. Louis XI et le Cardinal Bessarion. *Bulletin de la Société archéologique du Midi de la France*, 1947, vol. 5, pp. 33-55.
92. Lambros S.P., ed. *Palaiologeia kai Peloponnēsiaka*. Vol. 4. Athènes, B.N. Grégoriadēs Publ., 1972. la [31], 328 p.
93. Papadopoulos J.B. Oi arrabōntes tēs “Authentopoulas” meta tou Italou archontos Karakkiolou. *Epetēris etaireias Byzantinōn spoudōn* 1936, vol. 12, pp. 264-268.
94. Antrobus F.I. et al., eds. Pastor L. von. *History of the Popes from the Close of the Middle Ages: Drawn from the Secret Archives of the Vatican and Other Original Sources. In 40 vol. Vol. 3: 1458–1464*. The 6th ed. London, Routledge & Kegan Paul; Nedeln, Liechtenstein, Kraus Repr., 1969. VIII, 459 p.
95. Pierling P. *La Russie et le Saint Siège. Études diplomatiques*. Vol. 1. Paris, E. Plon, Nurrit et Cie, 1896. XXXI, 463 p.
96. Pignataro G. Un vescovo di Gerace alla corte di Cipro (1467–8) e un matrimonio mancato. *Historica*, 1964, vol. 17, pp. 19-23.
97. Meserve M., Simonetta M., eds. *Pius II. Commentaries. In 3 vols. Vol. 3: Books V–VII*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Pr., 2018. VII, 533 p. (The Tatti Renaissance Library; vol. 83).
98. Predelli R. *I Libri Commemorativi della Repubblica di Venezia. Regesti. In 8 vols. Vol. 5. Venezia, A spese della Società, 1901. XV, 390 p.*
99. Grecu V., ed. *Georgios Sphrantzes. Memorii 1401–1477. Pseudo-Phrantzes. Macarie Melissenos. Chronica (1258–1481)*. București, Editura Acad., 1966, pp. 149-590.
100. Regel V. Khrisovull imperatora Andreya Paleologa 13 aprelya 1483 goda [Chrysobull of the Emperor Andreas Palaiologos of 13 April 1483]. *Vizantiiskii vremennik [Byzantina chronika]*, 1894, vol. 1, pp. 151-158.
101. Ronchey S. Orthodoxy on Sale: The Last Byzantine and the Lost Crusade. Jeffreys E.M. et al., eds. *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, London 21–26 August 2006*. Aldershot, Ashgate, 2006, vol. 1, pp. 313-342.
102. Runciman S. *The Fall of Constantinople, 1453*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 1965. XIV, 256 p.
103. Russo F. *Registro Vaticano per la Calabria. In 14 vols. Vol. 3*. Roma, G. Gesualdi, 1977. 494 p.
104. Rymer T. Foedera, Conventiones, Literae et cujuscunque Generis Acta publica. Vol. 5. Pt. 4. Holmes G., ed. Rymer T. *Foedera, Conventiones, Literae et cujuscunque Generis Acta publica, inter Reges Angliae, et alios quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes, vel Communitates. In 10 vols. Vol. 5. Pts. 3–4*. 3rd ed. The Hague, Johannem Neulme, 1741, pp. 1-269.
105. Rymer T. *Foedera, Conventiones, Literae et cujuscunque Generis Acta publica, inter Reges Angliae, et alios quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes, vel Communitates. In 20 vols. Vol. 12*. 1st ed. London, A. & J. Churchill, 1711. XIV, 804 p.
106. Schuhmann G. Die “Kaiserin von Konstantinopel” in Nürnberg. *Archive und Geschichtsforschung. Studien zur Fränkischen und Bayerischen Geschichte, Fridolin Solleder zum 80. Geburtstag dargebracht*. Neustadt, Aisch, P. C. W. Schmidt, 1966, S. 148-174.
107. Setton K.M. *The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. 2: The Fifteenth Century*. Philadelphia, The American Philosophical Society, 1978. IX, 580 p.
108. Tommasini O. ed. *Stefano Infessura. Diario della città di Roma di Stefano Infessura scribasenato*. Roma, Forzani e C., Tip. del Senato, 1890. XXXI, 334 p.
109. Theodore Spandugnino. De la origine deli imperatori ottomani. Sathas C.N., ed. *Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce. 1-er. sér. In 9 vols. Vol. 9*. Paris, Maisonneuve et Cie, 1890, pp. 133–261.
110. Maltézou Chr., ed. Zakythinos D.A. *Le despotat grec de Morée. Vol. 1: Histoire politique*. The 2nd ed. London, Variorum Reprint, 1975. III, 394 p.
111. Walsh R.J. Charles the Bold and the Crusade: Politics and Propaganda. *Journal of Medieval History*, 1977, vol. 3, no 1, pp. 53-86.

Information About the Author

Jonathan Harris, PhD, Professor, Department of History, Royal Holloway, University of London, Egham, Surrey, TW20 0EX, United Kingdom, jonathan.harris@rhul.ac.uk, <https://orcid.org/0000-0002-2953-4802>

Информация об авторе

Джонатан Харрис, PhD, профессор, Исторический факультет, Ройял Холлоуэй, Лондонский университет, Эгам, Суррей, TW20 0EX, Соединенное Королевство, jonathan.harris@rhul.ac.uk, <https://orcid.org/0000-0002-2953-4802>

РЕЦЕНЗЕНТЫ ЖУРНАЛА В 2022 г.

Редакция журнала благодарит ученых, выступивших в роли анонимных рецензентов статей в 2022 году:

к.полит.н., доц. *А.В. Абрамов* (МГУ, Москва, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *П.А. Аваков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *А.И. Айбабин* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

к.полит.н., доц. *А.М. Акматалиева* (ФМО КРСУ, Бишкек, Кыргызия)

д.и.н. *А.И. Алексеев* (РНБ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., PhD, ст. науч. сотр. *Н.А. Алексеенко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

к.и.н., доц. *К.Р. Амбарцумян* (СКФУ, Ставрополь, РФ)

к.филос.н., доц. *Д.А. Аникин* (МГУ, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *И.В. Анисимова* (АГУ, Барнаул, РФ)

к.иск. *С.А. Аргасцева* (Музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Е.В. Архипова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Н.А. Арчебасова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *О.В. Ауров* (РАНХиГС, Москва, РФ)

к.э.н. *А.Ю. Баженов* (Облкультнаследие, Волгоград, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Т.А. Базарова* (СПБНИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *М.А. Балабанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Н.Д. Барабанов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., д.полит.н., проф. *А.В. Баранов* (КубГУ, Краснодар, РФ)

д.и.н., проф. *В.А. Бармин* (АГПУ, Барнаул, РФ)

к.и.н., доц., ст. науч. сотр. *Н.В. Башнин* (СПБНИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

к.соц.н., доц. *Е.О. Беликова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., д.полит.н., доц. *С.И. Белов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ)

к.б.н. *Н.Я. Березина* (НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва, РФ)

д.полит.н., проф. *С.В. Бирюков* (СИУ РАНХиГС, Новосибирск, РФ)

д.и.н., доц. *С.В. Близнюк* (МГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Н.Н. Болгов* (БелГУ НИУ, Белгород, РФ)

к.и.н., доц. *Л.А. Болокина* (ТГТУ, Тверь, РФ)

к.и.н., доц. *И.Б. Бочкарева* (АГУ, г. Барнаул, РФ)

к.и.н., доц. *Е.Д. Браун* (РАНХиГС, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.В. Броварь* (ДОННУ, Донецк, РФ)

д.и.н., проф., гл. науч. сотр. *Н.Ф. Бугай* (ИРИ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *Е.В. Булюлина* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *Н.Э. Вашкау* (ЛГПУ, Липецк, РФ)

к.и.н., доц. *В.В. Ведерников* (СПбГТИ (ТУ), Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *С.Г. Веригин* (ПетрГУ, Петрозаводск, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

к.и.н., д.филол.н., доц., ст. науч. сотр. *А.Ю. Виногооров* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)

к.филол.н., ст. науч. сотр. *Н.А. Власкина* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *В.Г. Вовина-Лебедева* (СПБНИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц., ст. науч. сотр. *А.В. Воеводский* (ВШЭ, Москва, РФ; РАНХиГС, Москва, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *А.А. Войтенко* (ЦЕИ РАН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *А.А. Волвенко* (РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)

д.полит.н., проф. *С.В. Володенков* (МГУ, Москва, РФ)
 к.филол.н., доц. *С.Ю. Воробьева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.полит.н. *Т.А. Воротникова* (ФГБУН ИЛИ РАН, Москва, РФ)
 ст. науч. сотр. *А.Э. Гаврилова* (Музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)
 к.и.н. *А.В. Гайдашев* (Музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)
Н.В. Гинькут (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 к.и.н. *В.А. Горелкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., PhD, вед. науч. сотр. *М.В. Грацианский* (МГУ, Москва, РФ)
 к.и.н. *М.И. Гуров* (РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)
 д.филос.н., доц. *Р.А. Данакари* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *А.В. Дедук* (РГАДА, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Э.Л. Дубман* (Самарский университет, Самара, РФ)
 к.филол.н., ст. науч. сотр. *А.А. Евдокимова* (ИЯ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.А. Евсеев* (ИвГУ, Иваново, РФ)
 к.иск., ст. науч. сотр. *Е.Ю. Ендольцева* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *О.В. Ерохина* (МПГУ, Москва, РФ)
 д.и.н. *И.В. Жеребцов* (Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, РФ)
 д.и.н., проф. *А.П. Житко* (БГПУ им. Максима Танка, Минск, РБ)
 д.и.н., доц. *О.В. Залесская* (БГПУ, Благовещенск, РФ)
 к.и.н. *А.И. Захаров* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Г.Е. Захаров* (ПСТГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.И. Золотов* (БГУ, Брянск, РФ)
 к.и.н., доц. *В.А. Золотовский* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *С.А. Иванов* (ВАГШ ВС РФ, Москва, РФ)
 д.э.н., проф. *Т.Б. Иванова* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *С.С. Казаров* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н. *Ю.Ю. Каргин* (ООО «Археологическая экспедиция», Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., доц. *А.В. Карташев* (СГМУ, Ставрополь, РФ)
 д.и.н., проф. *А.А. Киличенков* (ИАИ РГГУ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *О.С. Киценко* (ВолгМУ, Волгоград, РФ)

Я.А. Кияшко (ГБУ «ВОНЦП по охране памятников истории и культуры», Волгоград, РФ)
 д.и.н. *А.Л. Клейтман* (Облкультурнаследие, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *В.М. Клепиков* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *Б.Н. Ковалев* (НовГУ, Великий Новгород, РФ)
 к.геогр.н., доц. *Ю.Ю. Ковалев* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 к.полит.н., доц., ст. науч. сотр., *М.А.-М. Кодзоев* (ИЛА РАН; РУДН; РГГУ; Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *А.С. Козлов* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Н. Козляков* (РГУ им. С.А. Есенина, Рязань, РФ)
 д.полит.н., проф. *Б.Г. Койбаев* (СОГУ, Владикавказ, РФ)
 к.полит.н., доц. *Е.В. Колдунова* (МГИМО, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Комиссарова* (ВолгМУ, Волгоград, РФ)
 д.полит.н., проф. *В.Н. Коньшев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *А.Л. Корзинин* (Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *В.В. Коровин* (ЮЗГУ, Курск, РФ)
 д.э.н., к.и.н., проф. *В.Н. Косторниченко* (МГЛУ, Москва, РФ)
 д.филос.н., проф. *А.П. Кочетков* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *С.А. Кропачев* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *М.С. Круглова* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *А.И. Кубышкин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *О.В. Кузнецов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.Л. Кузьминых* (ВИПЭ ФСИН, Вологда, РФ)
 к.и.н., доц. *А.А. Курапов* (КБУК АО «Астраханский музей-заповедник», Астрахань, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *М.А. Курьшева* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Кусаинова* (МАОУ СШ № 4, Урюпинск Волгоградской обл., РФ)
 д.и.н., доц. *Т.В. Куц* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)

PhD, доц. *Н. Кънев* (Великотырновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария)

к.и.н., доц. *А.С. Лапшин* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)

д.полит.н., проф. *М.М. Лебедева* (МГИМО, Москва, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Я.А. Левин* (СГСПУ, Самара, РФ)

д.и.н., проф. *С.И. Линец* (ПГУ, Пятигорск, РФ)

к.и.н., доц. *А.В. Липатов* (ВолГАФК, Волгоград, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *Д.В. Лисейцев* (ИРИ РАН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *К.А. Лотарев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Т.В. Лохова* (КубГТУ (филиал), Новороссийск, РФ)

д.и.н., проф. *С.И. Лукьяшко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., проф. *С.И. Лунев* (МГИМО, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *А.В. Луночкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.филос.н., вед. науч. сотр. *В.М. Лурье* (ИФПР СО РАН, Новосибирск, РФ)

к.э.н., доц. *И.А. Лысенко* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)

д.и.н., доц. *Д.А. Ляпин* (ЕГУ, Елец, РФ)

д.и.н. *В.В. Майко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

д.филос.н., проф. *Д.И. Макаров* (УГК им. М.П. Мусоргского, Екатеринбург, РФ)

к.и.н., доц. *С.Н. Малахов* (АГПУ, Армавир, РФ)

к.филос.н. *Ю.Б. Мантова* (Университет Кипра, Никосия, Кипр)

к.и.н., проф. *И.И. Марченко* (КубГУ, Краснодар, РФ)

д.и.н., доц. *Г.О. Мацевский* (КубГУ, Краснодар, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *М.Б. Медникова* (ИА РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *С.А. Мезин* (СГУ, Саратов, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *Э.Т. Мехдиев* (Финуниверситет при Правительстве РФ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Н.А. Мининков* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

д.т.н., вед. науч. сотр. *Н.В. Митюков* (УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *Ю.М. Могаричев* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

д.полит.н., доц. *И.Л. Морозов* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *В.Е. Науменко* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)

к.и.н., доц. *И.Н. Наумов* (ВГТУ, Волгоград, РФ)

к.и.н. *Т.В. Нелин* (ГБУ ВОНПЦ по охране памятников, Волгоград, РФ)

д.и.н., доц. *Н.С. Ниязов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., доц., гл. науч. сотр. *У.Б. Очиров* (КалмНЦ РАН, Элиста, РФ)

д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *А.П. Павлов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.полит.н., проф. *С.А. Панкратов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *А.Ф. Парубочая* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.полит.н., доц. *К.А. Пахалюк* (РГГУ, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *Е.В. Перерва* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

д.филос.н., проф. *И.А. Петрова* (ВолгМУ, Волгоград, РФ)

к.и.н. *И.С. Петрова* (ГАВО, Волгоград, РФ)

к.и.н. *Н.В. Пискунов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н. *А.А. Плеханов* (ИЭА РАН, Москва, РФ)

к.и.н. *А.И. Побежимов* (ООО «Ионик», Петрозаводск, РФ)

д.и.н., проф. *Д.И. Поливянный* (ИвГУ, Иваново, РФ)

д.и.н., проф. *М.Ф. Полюнов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *Н.Л. Пушкарева* (ИЭА РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.С. Пученков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., доц. *О.В. Ратушняк* (КубГУ, Краснодар, РФ)

к.и.н., доц. *О.В. Рвачева* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *О.Ю. Редькина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н. *П.Г. Розозный* (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *О.В. Романько* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)

к.и.н., доц. *Н.В. Рыбалко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *М.А. Рыблова* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д; ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *А.С. Ряжев* (КНЦ РАН, Элиста, РФ)
 к.и.н. *Л.В. Седикова* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 к.и.н., доц., вед. науч. сотр. *Б.У. Серазетдинов* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *В.В. Серов* (БПДС, Барнаул, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *Р.И. Сефербеков* (ДФИЦ РАН, Махачкала, РФ)
 д.и.н., проф. *С.Г. Сидоров* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *В.С. Синика* (НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)
 к.и.н. *Н.Р. Славницкий* (Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *В.А. Смирнова* (Менеджмент Университет, Алматы, РК)
 д.и.н., проф. *А.В. Сперанский* (УрО РАН, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Стельник* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Степаненко* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., доц., ст. науч. сотр. *Д.В. Суржик* (ИВИ РАН; ГАУГН, Москва, РФ)
 к.и.н. *Е.Д. Сулова* (ПГУ, Петрзаводск, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *К.В. Таран* (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США)
 д.и.н., проф. *Е.Д. Твердюкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.полит.н. *М.А. Терских* (ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц., проф. *З.П. Тинина* (ВГИИК, Волгоград, РФ)
 к.полит.н., ст. науч. сотр. *Ф.О. Трунов* (ИНИОН РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Трут* (ДГТУ, Ростов н/Д, РФ)

д.филол.н., проф. *Н.А. Тупикова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., к.ю.н., доц. *И.В. Тушканов* (МБОУ СОШ № 2, ст-ца Медведовская Тимашевского района Краснодарского края, РФ)
 д.и.н., проф. *И.О. Тюменцев* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *Л.А. Фалалеева* (Исторический парк «Россия – Моя история», Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.Л. Федорин* (Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, ММА, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *С.Е. Федоров* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.э.н., проф. *А.В. Федорченко* (МГИМО МИД России, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.Л. Фурман* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *Э.А. Хайрединова* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *С.Х. Хотко* (АРИГИ, Майкоп, РФ)
 д.и.н., проф. *С.А. Хубулова* (СГПУ, Ставрополь, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Л. Хейфец* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *А.А. Хохлов* (СГСПУ, Самара, РФ)
 к.и.н., доц. *И.А. Цветков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.А. Цветкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Ю.Н. Цыряпкина* (АГПУ, Барнаул, РФ)
 к.и.н. *В.Н. Чхаидзе* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *К.В. Шевченко* (РГСУ, Минск, РБ)
 к.и.н. *В.В. Шевченко* (Музей-заповедник «Старая Сарепта», Волгоград, РФ)
 д.и.н. *А.И. Юдин* (АНО «НИЦ по сохранению культурного наследия», Саратов, РФ)
 д.и.н., проф. *С.В. Януш* (МИД РФ, Москва, РФ)

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 3132 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 3132.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

